20. 84. 2. 1 (10

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

Томъ X.

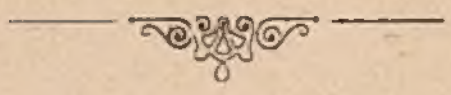
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ X.

Четвертое изданіе.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.

1897.

Собственность Глазунова.

ОТДѢЛЪ V.

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ ОДНОЙ КНИГѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕСЯТАГО ТОМА:

I.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ и ЖИТЕЙСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ:

	стр.
Вмѣсто вступленія	1
I.—Литературный вечеръ у П. А. Плетнева. . . .	5
II.—Воспоминанія о Бѣлинскомъ	18
III.—Гоголь (Жуковскій, Крыловъ, Лермонтовъ, Загоскинъ)	65
IV.—Поѣздка въ Альбано и Фраскати: воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ.	87
V.—По поводу „Отцовъ и Дѣтей“	100
VI.—Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ: изъ парижскихъ воспоминаній 1848 года.	114
VII.—Наши послали: эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 года, въ Парижѣ.	143
VIII.—Казнь Тропмана	155
IX.—О соловьяхъ.	182
X.—Пегасъ.	188
XI.—Пергамскія раскопки	197
XII.—Пожаръ на морѣ.	203
XIII.—Перепелка	213
XIV.—Собственная господская контора.	219
XV.—Обѣдъ въ обществѣ Англійскаго Литературнаго фонда	232
XVI.—Замѣтка	239

II.—КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ и РѢЧИ:

I.—*Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ *) .	244
II.—Фаустъ, трагедія Гёте, перев. М. Вронченко .	263
III.—Новоселье, часть третья, изданіе А. Смирдина.	308
IV.—Смерть Ляпунова, драма С. А. Гедеонова . . .	333
V.—Генералъ-поручикъ Паткуль, траг. Н. Кукольника	352
VI.—Повѣсти, сказки и разсказы, казака Луганскаго	364
VII.—Нѣсколько словъ о новой комедіи г. Островскаго: „Бѣдная невѣста“	389

*) Отзывъ И. С. Тургенева объ этой статьѣ см. т. X стр. 528.

стр.

VIII.—Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи, С. Аксакова 401
IX.—Племянница, романъ Евг. Туръ 417
X.—Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева 438
XI.—Предисловіе къ роману Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ“ 443
XII.—Гамлетъ и Донъ Кихотъ, Рѣчь. 450
XIII.—А. С. Пушкинъ, Рѣчь. 473
XIV.—Предисловіе къ новымъ письмамъ Пушкина къ женѣ 486
XV.—Застольное слово на обѣдѣ въ Петербургѣ . . . 488

III.—НЕКРОЛОГИ. ПИСЬМА, СТИХОТВОРЕНІЯ:

I.—Два слова о Грановскомъ 491
II.—Николай Ивановичъ Тургеневъ 495
III.—Графъ А. К. Толстой 506
IV.—С. К. Брюллова, урожд. Кавелина 509
V.—Письмо къ А. А. Краевскому и А. Д. Галахову, съ „Проектомъ программы общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“ 511
VI.—Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ, письмо къ Н. А. Основскому. 521
VII.—Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“, по поводу вопроса о первомъ печатномъ произведеніи И. С. Тургенева 528
VIII.—Отвѣтъ „Иногородному обывателю“ 529
IX.—Крокетъ въ Виндзорѣ, стихотвореніе 531

IV.—ПЕРЕВОДЫ:

I.—Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ, Густава Флобера. 533
II.—Иродіада, Густава Флобера. 567

I.—Хронологическій Указатель къ сочиненіямъ И. С. Тургенева 609
II.—Алфавитный Указатель къ десяти томамъ четвертаго изданія 614

Звѣздочкой отмѣчены статьи, вошедшія вновь въ настоящее изданіе.

I.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖИТЕЙСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Вмѣсто вступленія.

Около пасхи 1843 года, въ Петербургѣ произошло событіе, и само по себѣ крайне незначительное, и давнымъ-давно поглощенное всеобщимъ забвеніемъ. А именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л., подъ названіемъ „Параша“.—Этотъ Т. Л. былъ я; этою поэмой я вступилъ на литературное поприще. Съ тѣхъ поръ прошло почти двадцать пять лѣтъ, и вотъ, по поводу новаго изданія моихъ сочиненій, мнѣ захотѣлось побесѣдовать съ читателемъ и передать ему хотя частицу тѣхъ воспоминаній, которыя накопились у меня въ теченіе четверти вѣка.... Grande aevi spatium!—Не обѣщаю читателю ничего очень новаго, ничего, „пикантнаго“; предувѣдомляю его также, что многое должно будетъ остаться невысказаннымъ или недосказаннымъ. За причинами подобныхъ недомолвокъ ходить недалеко. Всѣ мы знаемъ, что многое измѣнилось съ 1843

года, многое исчезло совершенно.... но не всѣ еще связи порваны между нынѣшнимъ настоящимъ и тогдашнимъ прошедшимъ; много лицъ осталось въ живыхъ—и не одни лица уцѣлѣли. А правду, безпристрастную и всестороннюю правду можно высказать только о томъ, что̀ окончательно сошло со сцены. Потому я рѣшаюсь ограничиться нѣсколькими отрывками, нѣсколькими отдѣльными главами изъ моихъ воспоминаній; внутреннее единство, я надѣюсь, скажется въ нихъ; но отъ наружнаго единства, отъ послѣдовательности разсказа отказываюсь заранѣе. Считаю, однако, нужнымъ сообщить предварительно нѣсколько данныхъ, касающихся лично до меня и опредѣляющихъ исходную точку моей дѣятельности.

Окончивъ курсъ по филологическому факультету С.-Петербургскаго университета въ 1837 году, я весною 1838 года отправился доучиваться въ Берлинъ. Мнѣ было всего 19 лѣтъ; объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно. Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія находится за границей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей с.-петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ, они сами были имъ проникнуты; его придерживалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ,—посылавшее на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты. Въ Берлинѣ я пробылъ (въ два пріѣзда) около двухъ лѣтъ. Изъ числа русскихъ, слушавшихъ университетскія лекціи, назову: въ теченіе перваго года—Н. Станкевича, Грановскаго, Фролова; въ теченіе второго—столь извѣстнаго впослѣдствіи М. Бакунина. Я занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, получаемое въ то время въ

нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бёка—а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ.

Стремленіе молодыхъ людей —моихъ сверстниковъ—за границу напоминало искапіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ. Каждый изъ насъ точно также чувствовалъ, что его *земля* (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ.... но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ — полоса помѣщичья, крѣпостная,—не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія—отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести, общей колеей, по избитой дорогѣ; либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ.... Я бросился внизъ головою въ „нѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ — я все таки очутился „западникомъ“, и остался имъ навсегда.

Мнѣ и въ голову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые другимъ, менѣе отрицательнымъ путемъ достигли той свободы, того сознанія, къ

которымъ я стремился.... Я хочу только заявить, что я другого пути передъ собой не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ всё, противъ чего я рѣшился бороться до конца—съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться.... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ её себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше её исполнить. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей и нуждъ. „Записки Охотника“, эти, въ свое время новые, впослѣдствіи далеко опережденные, этюды были написаны мною за границей; нѣкоторые изъ нихъ—въ тяжелыя минуты раздумья о томъ: вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но несмотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ;—знаю только, что я, конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника“, если-бъ остался въ Россіи. Скажу также, что я никогда не признавалъ той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но мало-свѣдущіе патріоты непремѣнно хотятъ провести между Россіей и западной Европой, той Европой, съ которою порода, языкъ, вѣра такъ тѣсно ее связываютъ. Не составляетъ ли наша славянская раса—въ глазахъ филолога, этнографа—одной изъ главныхъ вѣтвей индо-германскаго племени? И если нельзя отрицать воздѣйствія Греціи на Римъ, и обоихъ

ихъ вмѣстѣ—на германо-романскій міръ, то на какомъ же основаніи не допускается воздѣйствіе этого—что̀ ни говори—родственнаго, однороднаго міра на насъ? Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю: я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой—нашей, русской сути изъ насъ не вывести. Да и что̀ бы мы были, въ противномъ случаѣ, за плохенькій народецъ! Я сужу по собственному опыту: преданность моя началамъ, выработаннымъ западною жизнію—не помѣшала мнѣ живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской рѣчи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленныя, столь разнообразныя обвиненія—помнится, ни разу не укоряла меня въ нечистотѣ и неправильности языка, въ подражательности чужому слогу.

А впрочемъ—„basta così“; довольно распространяться о собственной особѣ; буду говорить о другихъ. Это интереснѣе и для читателя, и для меня самого. Позволяю себѣ замѣтить, что отрывки изъ моихъ воспоминаній, которые я рѣшаюсь представить на судъ публики, слѣдуютъ другъ за другомъ въ хронологическомъ порядкѣ и что первый изъ нихъ относится ко времени, предшествовавшему 1843 году.

Баденъ-Баденъ.
1868 г.

I.—Литературный вечеръ у П. А. Плетнева.

Въ началѣ 1837 года, я, будучи третьекурснымъ студентомъ с.-петербургскаго университета (по филологиче-

скому факультету) получилъ отъ профессора русской словесности, Петра Александровича Плетнева, приглашеніе на литературный вечеръ. Незадолго передъ тѣмъ я представилъ на его разсмотрѣніе одинъ изъ первыхъ плодовъ моей Музы—какъ говорилось въ старину — фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ, подъ заглавіемъ „Стеніо“. Въ одну изъ слѣдующихъ лекцій, Петръ Александровичъ, не называя меня по имени, разобралъ, съ обычнымъ своимъ благодушіемъ, это совершенно нелѣпое произведеніе, въ которомъ съ дѣтской неумѣлостью выражалось рабское подражаніе Байроновскому Манфреду. Выходя изъ зданія университета и увидавъ меня на улицѣ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и отечески пожурилъ меня, причемъ, однако, замѣтилъ, что во мнѣ что-то есть! Эти два слова возбудили во мнѣ смѣлость отнести къ нему нѣсколько стихотвореній; онъ выбралъ изъ нихъ два, и годъ спустя напечаталъ ихъ въ „Современникѣ“, который унаслѣдовалъ отъ Пушкина. Заглавія второго не помню; но въ первомъ воспѣвался „Старый Дубъ“, и начиналось оно такъ:

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водъ,— и т. д.

Это первая моя вещь, явившаяся въ печати, конечно безъ подписи.

Войдя въ переднюю квартиры Петра Александровича я столкнулся съ человѣкомъ средняго роста, который, уже надѣвъ шинель и шляпу и прощаясь съ хозяиномъ, звучнымъ голосомъ воскликнулъ: „да! да! хороши наши министры! нечего сказать!“—засмѣялся и вышелъ. Я успѣлъ только разглядѣть его бѣлые зубы и живые, быстрые глаза.

Каковожебыло мое горе, когда я узналъ потомъ, что этотъ человѣкъ былъ Пушкинъ, съ которымъ мнѣ до сихъ поръ не

удавалось встрѣтиться; и какъ я досадовалъ на свою мѣшкотность! Пушкинъ былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы, дѣйствительно, поклонялись ему. Поклоненіе авторитетамъ въ послѣднее время подвергалось, какъ извѣстно, насмѣшкамъ, осужденію, чуть не проклятію. Признаться въ немъ—значитъ заклеймить себя позоромъ на вѣки. Но позволю себѣ замѣтить нашимъ строгимъ молодымъ судьямъ, что не худо бы сперва условиться въ значеніи слова „авторитетъ“. Авторитетъ авторитету—рознь. Сколько я помню, никому изъ насъ (я говорю объ университетскихъ товарищахъ) и въ голову не приходило бы преклониться передъ человѣкомъ потому только, что онъ былъ богатъ или важенъ, или очень большой чинъ имѣлъ: *это* обаяніе на насъ не дѣйствовало,—напротивъ.... Даже великій умъ насъ не подкупалъ; намъ нуженъ былъ *вождь*: и весьма свободныя, чуть не республиканскія убѣжденія отлично уживались въ насъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ передъ людьми, въ которыхъ мы видѣли своихъ наставниковъ и вождей. Скажу болѣе: мнѣ кажется, что такого рода энтузіазмъ, даже преувеличенный, свойственъ молодому сердцу; едва ли оно въ состояніи воспламениться отвлеченной идеей, какъ бы прекрасна и возвышенна она ни была, если эта самая идея не явится ему воплощенною въ живомъ лицѣ—въ наставникѣ. Вся разница между теперешними и тогдашними поколѣніями состоитъ, быть можетъ, въ томъ, что мы не стыдились нашего идола и нашего поклоненія, а напротивъ, гордились и тѣмъ, и другимъ. Независимость собственныхъ мнѣній, безспорно, дѣло почтенное и благое; не добившись ея, никто не можетъ назваться человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова; но въ томъ-то и вопросъ, что ее *добиться* надо, надо ее завоевать, какъ почти все хорошее на сей землѣ; а *начать* это завоеваніе всего удобнѣе подъ знаменемъ избраннаго вождя.

Впрочемъ, надо и то̀ принять въ соображеніе, что нынѣшніе молодые люди имѣютъ иныя понятія, иныя воззрѣнія; если-бъ, напримѣръ, въ наше время кто-нибудь изъ нашей среды вздумалъ требовать для молодого поколѣнія „уваженія“, мы бы, навѣрное, на смѣхъ его подняли—мы бы даже обидѣлись; „это хорошо для стариковъ“, подумали бы мы, „а намъ нуженъ только просторъ—да и тотъ мы себѣ завоюемъ“. Кто тутъ правъ, кто виноватъ — изъ прежнихъ или нынѣшнихъ—рѣшить не берусь; въ сущности—стремленія молодежи всегда безкорыстны и честны; и цѣли ихъ остаются тѣ же, только имена мѣняются. Быть можетъ, при большей гражданской развитости современныхъ юношей, при большей затруднительности ихъ задачъ—они, точно, нуждаются въ уваженіи.

Пушкина мнѣ удалось видѣть всего еще одинъ разъ за нѣсколько дней до его смерти. на утреннемъ концертѣ въ залѣ Энгельгардта. Онъ стоялъ у двери, опираясь на косякъ, и, скрестивъ руки на широкой груди, съ недовольнымъ видомъ посматривалъ кругомъ. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканскія губы, оскалъ бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячіе бакенбарды, тёмные, желчные глаза подъ высокимъ лбомъ почти безъ бровей—и кудрявые волосы.... Онъ и на меня бросилъ бѣглый взоръ; безцеремонное вниманіе, съ которымъ я уставился на него, произвело, должно-быть, на него впечатлѣніе непріятное: онъ словно съ досадой повелъ плечомъ—вообще, онъ казался не въ духѣ—и отошелъ въ сторону. Нѣсколько дней спустя, я видѣлъ его лежащимъ въ гробу—и невольно повторялъ про себя:

Недвижимъ онъ лежалъ.... И странень
Былъ томный миръ его чела....

Но возвращаюсь къ разсказу.

Петръ Александровичъ ввелъ меня въ гостиную и представилъ своей (первой) женѣ, уже не молодой дамѣ, болѣзненнаго облика, и очень молчаливой. Въ комнатѣ, кромѣ ея, сидѣло человѣкъ семь или восемь.... Всѣ они теперь уже покойники; изъ всего собравшагося тогда общества— въ живыхъ я одинъ. Правда, съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ слишкомъ.... Но въ числѣ гостей были люди молодые.

Вотъ кто были эти гости.

Во-первыхъ: извѣстный *Скобелевъ*, авторъ „Кремнева", впослѣдствіи комендантъ С.-Петербургской крѣпости, всѣмъ тогдашнимъ петербургскимъ жителямъ памятная фигура съ обрубленными пальцами, смышленымъ помятымъ, морщинистымъ, прямо солдатскимъ лицомъ и солдатскими, не совсѣмъ наивными ухватками — тертый калачъ, однимъ словомъ. Потомъ—авторъ „Сумасшедшаго Дома"—*Воейковъ*, хромоногое и какъ бы искалѣченное, полуразрушенное существо, съ повадкой старинаго подьячаго, желтымъ, припухлымъ лицомъ и недобрымъ взглядомъ черныхъ, крошечныхъ глазъ: потомъ—адъютантъ въ жандармскомъ мундирѣ, бѣлокурый, плотный мущина съ разноцвѣтными (такъ-называемыми арлекинскими) зрачками, съ подобострастнымъ и пронзительнымъ выраженіемъ физіономіи,—нѣкто *Владиславлевъ*, издатель извѣстнаго въ свое время альманаха: „Утренняя Заря" (ходили слухи, что подписка на этотъ альманахъ была въ нѣкоторомъ родѣ обязательная). Далѣе: высокій и худощавый господинъ въ очкахъ, съ маленькой головкой, безпокойными тѣлодвиженьями и нѣсвучнымъ носовымъ выговоромъ, съ виду смахивавшій на статскаго совѣтника нѣмецкаго происхожденія— переводчикъ и стихотворецъ *Кайдановъ*: офицеръ путей сообщенія, съ нѣсколько болѣзненнымъ, темнымъ лицомъ, крупными, насмѣшливыми губами и растрепанными бакенбардами—что̀ въ то время уже считалось какъ бы нѣко-

торымъ поползновеніемъ къ либерализму — переводчикъ Фауста, *Губеръ*; худой и нескладно сложенный человѣкъ чахоточной комплекціи, съ нерѣшительной улыбкой на губахъ и во взорѣ, съ узкимъ, но красивымъ и симпатическимъ лбомъ, *Гребенка*—врагъ Полевого—(онъ на него только-что написалъ пасквиль въ родѣ сказки; въ ней *кузнечикъ полевой* игралъ очень неблаговидную роль),—авторъ повѣстей и юмористическихъ разсказовъ съ малороссійскимъ оттѣнкомъ, въ которыхъ чуть замѣтно сочилась своеобразная, теплая струйка: наконецъ, нашъ добрѣйшій и незабвенный *князь Одоевскій*. Этого описывать нечего: всякій помнитъ его благообразныя черты, таинственный и привѣтливый взглядъ, дѣтски-милый смѣхъ и добродушную торжественность.... Въ комнатѣ находился еще одинъ человѣкъ. Одѣтый въ длинополый двухбортный сюртукъ, короткій жилетъ съ голубой бисерной часовой цѣпочкой и шейный платочекъ съ бантомъ—онъ сидѣлъ въ уголку, скромно подобравъ ноги, и изрѣдка покашливалъ торопливо поднося руку къ губамъ. Человѣкъ этотъ поглядывалъ кругомъ не безъ застѣнчивости, прислушивался внимательно; въ глазахъ его свѣтился умъ необыкновенный, но лицо у него было самое простое, русское—въ родѣ тѣхъ лицъ, которыя часто встрѣчаются у образованныхъ самоучекъ изъ дворовыхъ и мѣщанъ. Замѣчательно, что эти лица, въ противность тому, что̀, повидимому, слѣдовало бы ожидать, рѣдко отличаются энергіей; напротивъ, почти всегда носятъ отпечатокъ робкой мягкости и грустнаго раздумья.... Это былъ поэтъ *Кольцовъ*.

Съ точностью не могу теперь припомнить, о чемъ въ тотъ вечеръ шелъ разговоръ: но онъ не отличался ни особенной живостью, ни особенной глубиной и широтой поднимаемыхъ вопросовъ. Рѣчь касалась то литературы, то

свѣтскихъ и служебныхъ новостей—и только. Раза два она приняла военный и патріотическій колоритъ, вѣроятно, благодаря присутствію трехъ мундировъ. Время было тогда очень уже смирное. Правительственная сфера, особенно въ Петербургѣ, захватывала и покоряла себѣ все. А между тѣмъ, та эпоха останется памятной въ исторіи нашего духовнаго развитія.... Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ тридцать лѣтъ, но мы все еще живемъ подъ вѣяніемъ и въ тѣни того, что началось тогда; мы еще не произвели ничего равносильнаго. А именно: весною только-что протекшаго (1836 года) былъ данъ въ первый разъ „Ревизоръ“, а нѣсколько недѣль спустя, въ февралѣ или мартѣ 1837 года,—„Жизнь за Царя“ *). Пушкинъ былъ еще живъ, въ полномъ разцвѣтѣ силъ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, ему предстояло много лѣтъ дѣятельности.... Ходили темные слухи о нѣкоторыхъ превосходныхъ произведеніяхъ, которыя онъ берегъ въ своемъ портфелѣ. Эти слухи побуждали любителей словесности подписываться—въ ограниченномъ, впрочемъ, числѣ—на „Современникъ“; но, правду говоря, не на Пушкинѣ сосредоточивалось вниманіе тогдашней публики.... Марлинскій все еще слылъ любимѣйшимъ писателемъ, баронъ Брамбеусъ царствовалъ, „Большой выходъ у Сатаны“ почитался верхомъ совершенства, плодомъ чуть не Вольтеровскаго генія, и критическій отдѣлъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“—образцомъ остроумія и вкуса; на Кукольника взирали съ надеждой и почтеніемъ, хотя и находили, что „Рука Всевышняго“ не могла идти въ сравне-

*) Я находился на обоихъ представленіяхъ—и, сознаюсь откровенно, не понялъ значенія того, что совершалось передъ моими глазами. Въ „Ревизорѣ“ я, по крайней мѣрѣ, много смѣялся, какъ и вся публика. Въ „Жизни за Царя“ я просто скучалъ. Правда, голосъ Воробьевой [Петровой], которой я незадолго передъ тѣмъ восхищался въ „Семирамидѣ“, уже надломился, а г-жа Степанова (Антонина) визжала сверхъестественно. .. Но музыку Глинки я, все-таки, долженъ бы былъ понять.

ніе съ „Торквато Тассо“,—а Бенедиктова заучивали наизусть *). Между прочимъ, въ тотъ вечеръ, о которомъ я завелъ рѣчь, Гребенка прочелъ, по просьбѣ хозяина, одно изъ послѣднихъ стихотвореній Бенедиктова. Время, повторяю, было смирное по духу и трескучее по внѣшности, и разговоры подлаживались подъ господствовавшій тонъ; но таланты несомнѣнные, сильные таланты—дѣйствительно были, и оставили глубокій слѣдъ. Теперь на нашихъ глазахъ совершается фактъ противоположный: общій уровень значительно поднялся; но таланты—и рѣже, и слабѣе.

Первымъ изъ общества удалился Вонйковъ; онъ еще не перешелъ порога комнаты, какъ уже Карлгофъ принялся читать, прерывавшимся отъ волненія голосомъ, эпиграмму противъ него.... „Поэтъ-идеалистъ и мечтатель по преимуществу“, какъ величалъ себя Карлгофъ, видно, не могъ забыть посвященное ему и дѣйствительно жестокое четверостишіе въ „Сумасшедшемъ Домѣ“. Скобелевъ также скоро откланялся, истощивъ небогатый запасъ своихъ прибауточекъ. Губеръ началъ жаловаться на цензуру. Эта тэма часто вращалась въ тогдашнихъ литературныхъ бесѣдахъ.... Да и какъ могло быть иначе! Всѣмъ извѣстны анекдоты о „вольномъ духѣ“, о „лжепророкѣ“ и т. д.; но едва ли кто изъ теперешнихъ людей можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какому ежеминутному и повсемѣстному рабству подвергалась печатная мысль **). Литераторъ—кто бы онъ ни былъ—не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ

---

*) Объ этомъ настроеніи публики, вообще объ этой эпохѣ будетъ говорено подробнѣе въ послѣдующемъ этюдѣ: „В. Г. Бѣлинскій“.

**) Цензорскія помарки доходили до каприза, до игривости; у меня долго хранился корректурный листъ, на которомъ цензоръ К. вычеркнулъ слова: „эта дѣвушка была какъ цвѣтокъ“, и замѣнилъ ихъ слѣдующими (все тѣми же красными чернилами!): „эта дѣвица походила на пышную розу“.

родѣ контрабандиста.—Разговоръ перешелъ къ Гоголю, который находился за границей; но Бѣлинскій тогда едва начиналъ свою критическую карьеру—никто еще не пытался разъяснить русской публикѣ значеніе Гоголя, въ твореніяхъ котораго оракулъ „Библіотеки для чтенія“ видѣлъ одинъ грязный малороссійскій „жартъ“. Помнится, все ограничилось тѣмъ, что Владиславлевъ съ похвалой цитировалъ изъ „Ревизора“ фразу: „не по чину берешь!“ и при этомъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ-будто поймалъ муху; какъ теперь вижу взмахъ этой руки въ голубомъ обшлагѣ— и знаменательный взглядъ, которымъ всѣ обмѣнялись. Хозяинъ дома сказалъ нѣсколько словъ о Жуковскомъ, объ его переводѣ Ундины, который появился около того времени роскошнымъ изданіемъ, съ рисунками—если не ошибаюсь—графа Толстого; онъ упомянулъ также о другомъ Жуковскомъ, весьма слабомъ стихотворцѣ, недавно съ громомъ и трескомъ выступившемъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ подъ псевдонимомъ Берпета;—о графинѣ Растопчиной, о г. Тимофѣевѣ, даже о г. Кревевѣ было произнесено слова два, такъ какъ они всѣ писали стихи, а писать стихи— тогда еще считалось дѣломъ важнымъ. Плетневъ сталъ было просить Кольцова прочесть свою послѣднюю „Думу“ (чуть ли не „Божій міръ“); но тотъ чрезвычайно сконфузился и принялъ такой растерянный видъ, что Петръ Александровичъ не настаивалъ. Повторяю еще разъ: на всей нашей бесѣдѣ лежалъ оттѣнокъ скромности и смиренія; она происходила въ тѣ времена, которыя покойный Аполлонъ Григорьевъ прозвалъ допотопными. Общество еще помнило ударъ, обрушившійся на самыхъ видныхъ его представителей лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ: и изъ всего того, что̀ проснулось въ немъ впослѣдствіи, особенно послѣ 55 года—ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно — въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной

изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными, проявленіями ихъ—не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы; а была словесность—и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали.

Въ двѣнадцатомъ часу вечера, почти послѣ всѣхъ—я вышелъ въ переднюю вмѣстѣ съ Кольцовымъ, которому предложилъ довезти его до дому—у меня были сани. Онъ согласился—и всю дорогу покашливалъ и кутался въ свою худую шубенку. Я его спросилъ, зачѣмъ онъ не хотѣлъ прочесть свою „Думу“.... „Что же это я сталъ бы читать-съ“, отвѣчалъ онъ съ досадой:—„тутъ Александръ Сергѣичъ только-что вышелъ, а я бы читать сталъ! Помилуйте-съ!“—Кольцовъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ. Мнѣ самому мой вопросъ показался неумѣстнымъ; и дѣйствительно: какъ бы этотъ робкій человѣкъ, съ такой смиренною наружностью, сталъ бы изъ уголка декламировать:

Отецъ свѣта—вѣчность,
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы—есть жизнь—
Міръ жизнью кипитъ—и т. д.

На углу переулка, въ которомъ онъ жилъ—онъ вышелъ изъ саней, торопливо застегнулъ полость и, все покашливая и кутаясь въ шубу, потонулъ въ морозной мглѣ петербургской январской ночи. Я съ нимъ больше не встрѣчался.

Скажу нѣсколько словъ о самомъ Петрѣ Александровичѣ. Какъ профессоръ русской литературы, онъ не отли-

чался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ весьма легокъ; за то онъ искренно любилъ „свой предметъ“, обладалъ нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ, и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ—умѣлъ заинтересовать ихъ. Онъ не внушалъ студентамъ никакихъ преувеличенныхъ чувствъ, ничего подобнаго тому, что возбуждалъ въ нихъ, напримѣръ, Грановскій; да и повода къ тому не было—non hic erat locus.... Онъ тоже былъ очень смиренъ; но его любили. Притомъ, его—какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ, какъ друга Пушкина, Жуковскаго, Баратынскаго, Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Онѣгина, — окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи: „Не мысля гордый свѣтъ забавить“,—и т. д.

И дѣйствительно: Петръ Александровичъ подходилъ подъ портретъ, набросанный поэтомъ: это не былъ обычный комплиментъ, которымъ такъ часто украшаются посвященія. Кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ—

Души прекрасной,
Святой исполненной мечты *).
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и красоты.

Онъ также принадлежалъ къ эпохѣ, нынѣ безвозвратно прошедшей: это былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый, но по своему—мудрый. Кроткая тишина его обращенія, его рѣчей, его движеній, не мѣшала

*) Значеніе этого стиха неясно; онъ можетъ показаться болѣе или менѣе романтической вставкой,—тѣмъ, что французы называютъ une cheville; но въ самой своей неясности онъ вѣрно характеризуетъ то нѣчто, неопредѣленное, но хорошее и благородное, которое многіе лучшіе люди того времени носили въ своихъ сердцахъ.

ему быть проницательнымъ и даже тонкимъ,—но тонкость эта никогда не доходила до хитрости, до лукавства; да и обстоятельства такъ сложились, что онъ въ хитрости не нуждался: всё, что онъ желалъ—медленно, но неотразимо—какъ бы плыло ему въ руки; и онъ, покидая жизнь, могъ сказать, что наслаждался ею вполнѣ, лучше чѣмъ вполнѣ—въ мѣру. Такого рода наслажденіе надежнѣе всякаго другого; древніе греки не даромъ говорили, что послѣдній и высшій даръ боговъ человѣку—чувство мѣры. *Эта* сторона античнаго духа въ немъ отразилась—и онъ ей особенно сочувствовалъ; *другія*—ему были закрыты. Онъ не обладалъ никакимъ, такъ-называемымъ, „творческимъ“ талантомъ; и онъ самъ хорошо это зналъ: главное свойство его ума—трезвая ясность—не могла измѣнить ему, когда дѣло шло о разборѣ собственной личности. „Красокъ у меня нѣтъ“, жаловался онъ мнѣ однажды: „все выхожу сѣро, и потому я не могу даже съ точностью передать то, что̀ я видѣлъ и посреди чего жилъ“. Для критика—въ воспитательномъ, въ отрицательномъ значеніи слова — ему недоставало энергіи, огня, настойчивости; прямо говоря—мужества. Онъ не былъ рожденъ бойцомъ. Пыль и дымъ битвы — для его гадливой и чистоплотной натуры были столь же непріятны, какъ и сама опасность, которой онъ могъ подвергнуться въ рядахъ сражавшихся. Притомъ, его положеніе въ обществѣ, его связи съ Дворомъ такъ же отдаляли его отъ подобной роли — роли критика-бойца, какъ и собственная его натура. Оживленное созерцаніе, участіе искреннее, незыблемая твердость дружескихъ чувствъ и радостное поклоненіе поэтическому—вотъ весь Плетневъ. Онъ вполнѣ выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ языкомъ образцовымъ—хотя немного блѣднымъ.

Онъ былъ прекрасный семьянинъ, и во второй своей супругѣ, въ дѣтяхъ своихъ, нашелъ все нужное для истиннаго счастія. Мнѣ пришлось раза два встрѣчаться съ нимъ за границей: разстроенное здоровье заставило его покинуть Петербургъ и свою ректорскую должность; въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Парижѣ, незадолго до его кончины. Онъ совершенно безропотно и даже весело переносилъ свою весьма тягостную и несносную болѣзнь. „Я знаю, что я скоро долженъ умереть“, говорилъ онъ мнѣ:—„и кромѣ благодарности судьбѣ ничего не чувствую; пожилъ я довольно, видѣлъ и испыталъ много хорошаго, зналъ прекрасныхъ людей; чего же больше? Надо и честь знать!“—И на смерти его, какъ я потомъ слышалъ, лежалъ тотъ же отпечатокъ душевной тишины и покорности.

Я любилъ бесѣдовать съ нимъ. До самой старости онъ сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть впечатлѣній и, какъ въ молодые годы, *умилялся* передъ красотою: онъ и тогда не *восторгался* ею. Онъ не разставался съ дорогими воспоминаніями своей жизни; онъ лелѣялъ ихъ, онъ трогательно гордился ими. Разсказывать о Пушкинѣ, о Жуковскомъ—было для него праздникомъ. И любовь къ родной словесности, къ родному языку, къ самому его звуку не охладѣла въ немъ; его коренное, чисто-русское происхожденіе сказывалось и въ этомъ: онъ былъ, какъ извѣстно, изъ духовнаго званія. Этому же происхожденію приписываю я его слѣпость, а можетъ быть—и житейскую его мудрость. Онъ съ прежнимъ участіемъ слушалъ произведенія нашихъ новыхъ писателей—и произносилъ свой судъ, не всегда глубокій, но почти всегда вѣрный и, при всей мягкости формъ, неуклонно согласный съ тѣми началами, которымъ онъ никогда не измѣнялъ въ дѣлѣ поэзіи и искусства. Студенческія „исторіи“, случившіяся во время его отсутствія

за границей, глубоко его огорчили — глубже, чѣмъ я ожидалъ, зная его характеръ; онъ скорбѣлъ о своемъ „бѣдномъ“ университетѣ, и осужденіе его падало не на однихъ молодыхъ людей....

Подобныя личности теперь уже попадаются рѣдко; не потому, чтобы въ нихъ было нѣчто необыкновенное, а потому, что время измѣнилось. Полагаю, что читатель не поспеяетъ на меня за то, что я остановилъ его вниманіе на одной изъ нихъ—на почтенномъ и благодушномъ словесникѣ стараго закала.

1868 г.

II.—Воспоминанія о Бѣлинскомъ.

Личное мое знакомство съ В. Г. Бѣлинскимъ началось въ Петербургѣ, лѣтомъ 1843 года; но имя его стало мнѣ извѣстнымъ гораздо раньше. Вскорѣ послѣ появленія его первыхъ критическихъ статей въ „Молвѣ“ и „Телескопѣ“ (1836—1839), въ Петербургѣ начали ходить слухи о немъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на „все“—на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима—въ печати. Многіе, даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ смѣлъ и далеко заносится; старинный антагонизмъ Петербурга и Москвы придавалъ еще болѣе рѣзкости тому недовѣрію, съ которымъ читатели на берегахъ Невы относились къ новому московскому свѣтилу. Притомъ, его плебейское происхожденіе (отецъ его былъ лекарь, а дѣдъ—діаконъ) возмущало аристократическій духъ, установившійся въ нашей литературѣ съ Александровскихъ временъ, временъ „Арзамаса“ и т. п. Въ тогдашнее темное,

подпольное время, сплетня играла большую роль во всѣхъ сужденіяхъ—литературныхъ и иныхъ.... Извѣстно, что сплетня и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свое значеніе; исчезнетъ она только въ лучахъ полной гласности и свободы. Цѣлая легенда тотчасъ сложилась и о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ—недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета тогдашнимъ попечителемъ Голохвастовымъ за развратное поведеніе (Бѣлинскій—и развратное поведеніе!); увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ: упорно, и какъ бы въ укоризну, называли его „Бѣлынскимъ“. Слышались, правда, голоса и въ его пользу; помнится, издатель почти единственнаго тогдашняго толстаго журнала отзывался о немъ, какъ о птичкѣ съ ноготкомъ, какъ о живчикѣ, котораго не худо бы завербовать—что, какъ извѣстно, и было впослѣдствіи приведено въ исполненіе, къ великому преуспѣянію журнала и къ великой выгодѣ самого.... издателя. Что касается до меня, то знакомство мое съ Бѣлинскимъ, какъ писателемъ, произошло слѣдующимъ образомъ.

Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году, маленькой книжечкой, съ неизбѣжной виньеткой на заглавномъ листѣ—какъ теперь ее вижу—и привели въ восхищеніе все общество, всѣхъ литераторовъ, критиковъ—всю молодежь. И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ многія наизусть, восторгался „Утесомъ“, „Горами“, и даже „Матильдой“ на жеребцѣ, гордившейся „усѣтомъ красивымъ и плотнымъ“. Вотъ, въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кондитерской Беранже появился № „Телескопа“ съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ

„критикань“ осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Бераншэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски—и, разумѣется, такъ же воспылалъ негодованіемъ. Но—странное дѣло!—и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ „критиканомъ“, находило его доводы убѣдительными.... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ бо̀льшей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ.... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*.... Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же не извѣстно теперь, что мнѣнія, высказанныя тогда Бѣлинскимъ, мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизною—стали всѣми принятымъ, общимъ мѣстомъ—„a truism“. какъ выражаются англичане? Подъ *этотъ* приговоръ подписалось потомство, какъ и подъ многіе другіе, произнесенные тѣмъ же судьей. Имя Бѣлинскаго съ тѣхъ поръ уже не изгладилось изъ моей памяти, но личное наше знакомство началось позже.

Когда появилась та небольшая поэма „Параша“, о которой я говорилъ выше, я въ самый день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его, и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получилъ майскую книжку „Отечественныхъ Записокъ“, прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, ном-

нится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не „могъ повѣрить“, и когда въ Москвѣ покойный Кирѣевскій (И. В.) подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я посѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель „Наранш“—не я. Возвратившись въ Петербургъ, я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву—жениться, а возвратившись оттуда поселился на дачѣ въ Лѣсномъ. Я такъ же нанялъ дачу въ первомъ Парголовѣ и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. Я полюбилъ его искренно и глубоко; онъ благоволилъ ко мнѣ.

Опишу его наружность. Извѣстный литографическій, едва ли не единственный, портретъ его даетъ о немъ понятіе невѣрное. Срисовывая его черты, художникъ почелъ за долгъ воспарить духомъ и украсить природу, и потому придалъ всей головѣ какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что̀ вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго. Это былъ человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, съ впалой грудью и попурой головой. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки, весь такъ называемый habitus этой злой болѣзни. Притомъ же, онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе, частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій

лобъ. Я не видалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, „упорствуя, волнуясь, и спѣша.“ *) Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ торопливо и неровной походкой пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной первическимъ людямъ, озирался вокругъ—тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія, и я до нѣкоторой степени понимаю восклицаніе одного провинціала, которому его указали: „я только въ лѣсу такихъ волковъ видывалъ, и то травленыхъ!“ Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ обыкновенно носилъ сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно. Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія, живо напоминали его происхожденіе; вся его повадка была чисто русская, московская; не даромъ въ жилахъ его текла безпримѣсная кровь — принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы.

---

*) Стихъ Некрасова.

Бѣлинскій былъ, что̀ у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно. Люди, которые, судя о немъ наобумъ, приходили въ негодованіе отъ его „наглости“, возмущались его „грубостью“, писали на него доносы, распространяли про него клеветы—эти люди, вѣроятно, удивились бы, если-бъ узнали, что у этого цинника душа была цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства; что велъ онъ жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не походилъ на тогдашнихъ москвичей. Невозможно себѣ представить, до какой степени Бѣлинскій былъ правдивъ съ другими и съ самимъ собою; онъ чувствовалъ, дѣйствовалъ, существовалъ только въ силу того, что̀ онъ признавалъ за истину, въ силу своихъ принциповъ. Приведу одинъ примѣръ. Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философскіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по-французски читалъ съ великимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что̀ могло бы удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души. Такимъ именно путемъ онъ, еще въ Москвѣ, усвоилъ себѣ, между прочимъ, главные выводы и даже терминологію Гегелевской философіи, безпреко-

словно царившей тогда въ умахъ молодежи. Дѣло не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній, иногда даже комическихъ: друзья-наставники Бѣлинскаго, передававшіе ему всю суть и весь сокъ западной науки, часто сами плохо и поверхностно ее понимали *); но уже Гёте сказалъ, что—

Ein guter Mann in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst... **)

а Бѣлинскій былъ именно ein guter Mann,—былъ правдивый и честный человѣкъ. Къ тому же, его въ этихъ случаяхъ выручалъ замѣчательный инстинктъ, которымъ онъ былъ одаренъ; но объ этомъ рѣчь впереди.—Итакъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили его, линяли его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе

---

*) Много хлопотъ тогда надѣлало въ Москвѣ извѣстное изрѣченіе Гегеля: „что разумно — то дѣйствительно, что дѣйствительно — то разумно". Съ первой половиной изрѣченія всѣ соглашались, но какъ было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что тогда существовало въ Россіи, за разумное? Толковали, толковали и порѣшили: вторую половину изрѣченія *не допустить*. Если-бъ кто-нибудь шепнулъ тогда молодымъ философамъ, что Гегель *не все существующее признаетъ за дѣйствительное*—много бы умственной работы и томительныхъ пренія было сбережено: они увидали бы, что эта знаменитая формула, какъ и многія другія, есть простая тавтологія и въ сущности значитъ только то, что „opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva", т. е. опіумъ заставляетъ спать по той причинѣ, что въ немъ есть снотворная сила (Мольеръ).

**) „Добрый человѣкъ и въ неясномъ своемъ стремленіи всегда имѣетъ сознаніе прямого пути".

въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое. мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача.... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко.—„Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,—а вы хотите ѣсть!“... Сознаюсь, что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей.... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминаніи *объ этой* небоязни смѣшнаго, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ—улыбка умиленія и удивленія....

Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время результата, Бѣлинскій успокоился и, отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ. Со мной онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіе двухъ семестровъ занимался Гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на нѣмецкій манеръ.... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія.

Свѣдѣнія Бѣлинскаго были не обширны; онъ зналъ мало, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ отсутствіи трудолюбія, въ лѣни, даже враги не обвиняли его; но бѣдность, окружавшая его съизмала, плохое воспитаніе, несчастныя обстоятельства, ранніе болѣзни, а потомъ необходимость спѣшной работы изъ-за куска хлѣба, все это вмѣстѣ взятое помѣшало Бѣлинскому пріобрѣсти правильныя познанія, хотя, напримѣръ, русскую литературу, ея исторію, онъ изучилъ основательно. Но скажу болѣе: именно это недостаточное знаніе является въ томъ случаѣ характеристическимъ признакомъ, почти необходимостью. Бѣлинскій былъ тѣмъ, что я позволю себѣ назвать *центральной натурой*: онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ, и съ хорошихъ, и съ дурныхъ его сторонъ. Ученый человѣкъ, не говорю: „образованный"—это другой вопросъ, но ученый человѣкъ, именно въ силу своей учености, не могъ бы быть въ сороковыхъ годахъ такой русской центральной натурой: онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ бы той средѣ, на которую пришлось бы ему дѣйствовать; у него и у ней были бы различные интересы; гармоніи бы не было, и, вѣроятно, не было бы обоюднаго пониманія. Вожди своихъ современниковъ въ дѣлѣ критики общественной, эстетической, въ дѣлѣ критическаго самосознанія (мнѣ кажется, что мое замѣчаніе имѣетъ примѣненіе общее, но на этотъ разъ я ограничусь одной *этой* стороной) вожди современниковъ, говорю я, должны, конечно, стоять выше ихъ, обладать болѣе нормально устроенной головою, болѣе яснымъ взглядомъ, большей твердостью характера; но между этими вождями и ихъ послѣдователями не должно быть бездны. Одно слово: „послѣдователь" уже предполагаетъ возможность шествія по одному направленію, тѣсной связи. Вождь можетъ возбуждать негодованіе, досаду въ тѣхъ, которыхъ онъ тревожитъ, поднимаетъ съ мѣста, двигаетъ впередъ; проклинать

они его могутъ, но понимать они должны его всегда. Онъ долженъ стоять выше ихъ, да, но и близко къ нимъ; онъ долженъ участвовать не въ однихъ хорошихъ ихъ качествахъ и свойствахъ, но и въ недостаткахъ ихъ: онъ тѣмъ самымъ глубже и больнѣе чувствуетъ эти недостатки. Сенковскій былъ не въ примѣръ ученѣе, не говорю уже Бѣлинскаго, но и большей части своихъ русскихъ современниковъ; а какой слѣдъ оставилъ онъ? Мнѣ скажутъ, что его дѣятельность была безплодна и вредна не потому, что онъ былъ ученый, а потому, что у него не было убѣжденій, что онъ былъ намъ чужой, не понималъ насъ, не сочувствовалъ намъ; противъ этого я спорить не стану; но мнѣ кажется, что самый его скептицизмъ, его вычурность и гадливость, его презрительное глумленіе, педантство, холодъ, всѣ его особенности отчасти происходили отъ того, что у него, какъ у человѣка ученаго, спеціалиста, и цѣли, и симпатіи были другія, чѣмъ у массы общества. Сенковскій былъ не только ученъ, онъ былъ остроуменъ, игривъ, блестящъ; молодые чиновники и офицеры восхищались имъ, особенно въ провинціи; но не того было нужно массѣ читателей, а того, что было нужно: критическаго и общественнаго чутья, вкуса, пониманія насущныхъ потребностей эпохи, и главное, жара, любви къ меньшой, невѣжественной братіи—у него и слѣда не замѣчалось. Онъ забавлялъ своихъ читателей, втайнѣ презирая ихъ, какъ неучей; и они забавлялись имъ—и на грошъ ему не вѣрили. Смѣю надѣяться, что мнѣ не станутъ приписывать желанія защищать и какъ бы рекомендовать невѣжество; я указываю только на физіологическій фактъ въ развитіи нашего сознанія. Понятно, что какой-нибудь Лессингъ, для того, чтобы стать вождемъ *своего* поколѣнія, полнымъ представителемъ *своей* народности, долженъ былъ быть человѣкомъ почти всеобъемлющей учености; въ немъ отражалась, въ немъ находила свой голосъ, свою мысль—Германія, онъ былъ *германской цен-*

тралной натурой. Но Бѣлинскій, который до нѣкоторой степени заслуживаетъ названіе русскаго Лессинга, Бѣлинскій, значеніе котораго, по смыслу и вліянію своему, дѣйствительно напоминаетъ значеніе великаго германскаго критика, могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и безъ большого запаса научныхъ познаній. Онъ смѣшивалъ стараго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ, В. Питтомъ—что̀ за бѣда! „Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“.... Для того, что̀ ему предстояло исполнить, онъ зналъ довольно. Откуда онъ бы взялъ тотъ жаръ и ту страсть, съ которыми онъ постоянно и всюду ратовалъ за просвѣщеніе, если-бъ онъ на самомъ себѣ не испыталъ всю горечь невѣжества? Нѣмецъ старается исправить недостатки своего народа, убѣдившись размышленіемъ въ ихъ вредѣ; русскій еще долго будетъ самъ болѣть ими.

Бѣлинскій, безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика; и если въ дѣлѣ науки, знанія, ему приходилось заимствовать отъ товарищей, принимать ихъ слова на вѣру—въ дѣлѣ критики ему не у кого было справиваться; напротивъ, другіе слушались его; починъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутье было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой — не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ: онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и съ безтрепетной смѣлостью высказывалъ свой приговоръ—высказывалъ его вполнѣ, безъ урѣзокъ, горячо и сильно, со всей стремительной увѣренностью убѣжденія. Кто бывалъ свидѣтелемъ критическихъ ошибокъ, въ которыя впадали даже замѣчательные умы (стòитъ вспомнить хоть Пушкина, который въ „Марѳѣ Посадницѣ“ г-на Погодина видѣлъ „что-то нек-

спировское!“)—тотъ не могъ не почувствовать уваженія передъ мѣткимъ сужденіемъ, вѣрнымъ вкусомъ и *инстинктомъ* Бѣлинскаго, передъ его умѣньемъ „читать между строками“. Не говорю уже о статьяхъ, въ которыхъ онъ отводилъ подобающее имъ мѣсто прежнимъ дѣятелямъ нашей словесности; не говорю также и о тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣлялось значеніе писателей еще живыхъ, подводился итогъ ихъ дѣятельности, итогъ принятый и скрѣпленный, какъ уже сказано выше, потомствомъ*); но при появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти—никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его, не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова. Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ—не онъ ли первый указалъ на нихъ, разъяснилъ ихъ значеніе? И сколько другихъ! Безъ невольнаго удивленія передъ критической діагнозой Бѣлинскаго нельзя прочесть, между прочимъ, ту небольшую выноску, сдѣланную имъ въ одномъ изъ своихъ годичныхъ обозрѣній, въ которой онъ по одной „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“, появившейся безъ подписи въ „Литературной Газетѣ“, предрекалъ великую будущность автора. Подобныя черты встрѣчаются безпрестанно у Бѣлинскаго. Приведу одинъ примѣръ. Въ 1846 году въ „Отечественныхъ запискахъ“ появилась повѣсть г-на Григоровича подъ заглавіемъ: „Деревня“, по времени *первая* попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ „деревенскихъ исторій“—Dorfgeschichten. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ — не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта—было несомнѣнно. Покойный И. И. Панаевъ, человѣкъ добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушекъ, уцѣпился

*) См. статьи его о Марлинскомъ, Баратынскомъ, Загоскинѣ и т. д.

за нѣкоторыя смѣшныя выраженія „Деревни“, и, обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать на смѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе, каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочтя повѣсть г-на Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательной, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности? Панаеву оставалось одно: продолжать читать отрывки изъ „Деревни“, но уже восхищаясь ими—что̀ онъ и сдѣлалъ.

Не могу на этомъ мѣстѣ не упомянуть, кстати, о мистификаціи, которой въ то время неоднократно подвергался одинъ издатель толстаго журнала, столь же одаренный практическими талантами, сколь обиженный природою насчетъ эстетическихъ способностей. Ему, напримѣръ, кто-нибудь изъ кружка Бѣлинскаго приносилъ новое стихотвореніе и принимался читать, не предваривъ своей жертвы ни однимъ словомъ, въ чемъ состояла суть стихотворенія и почему оно удостоивалось прочтенія. Тонъ сперва пускался въ ходъ ироническій; издатель, заключавшій изъ этого тона, что ему хотятъ представить образчикъ безвкусія или нелѣпости, начиналъ посмѣиваться, пожимать плечами: тогда чтецъ переводилъ понемногу тонъ изъ ироническаго въ серьезный, важный, восторженный; издатель, полагая, что онъ ошибся, не такъ понялъ, начиналъ одобрительно мычать, качать головою, иногда даже произносилъ: „недурно! хорошо!“ Тогда чтецъ снова прибѣгалъ къ ироническимъ нотамъ и снова увлекалъ за собою слушателя, возвращался къ восторженному настроенію — и тотъ опять похваливалъ.... Если стихотвореніе попадалось длинное, подобныя варіаціи, напоминающіе игру въ головки изъ каучука, то-и-дѣло мѣняющія свое выраженіе

подъ давленіемъ пальцевъ, можно было совершить нѣсколько разъ. Кончалось тѣмъ, что несчастный издатель приходилъ въ совершенный тупикъ и уже не изображалъ на своемъ, впрочемъ весьма выразительномъ, лицѣ ни сочувственнаго одобренія, ни сочувственнаго порицанія. У Бѣлинскаго нервы не были довольно крѣпки, а самъ онъ не предавался подобнымъ упражненіямъ; да и правдивость его была слишкомъ велика — онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки; но смѣялся онъ до слезъ, когда ему сообщали подробности мистификаціи.

Другое замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, было его пониманіе того, что именно стоитъ на очереди, что требуетъ немедленнаго разрѣшенія, въ чемъ сказывается „злоба дня“. Не въ пору гость хуже татарина, гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ: онъ не сталъ бы, напримѣръ, съ ожесточеніемъ бранить Кавура *), Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несвоевременность (у насъ, въ Россіи, въ 1862 г.)—подобныхъ нападеній; онъ бы понялъ, какой партіи они должны были оказать услугу, кто бы порадовался имъ! Бѣлинскій очень хорошо сознавалъ, что при обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ, ему не слѣ-

---

*) Пишущій эти строки своими ушами слышалъ, какъ одинъ молодой почитатель Добролюбова, за карточнымъ столомъ, желая упрекнуть своего партнера въ сдѣланной имъ грубой ошибкѣ, воскликнулъ: „Ну, братъ, какой же ты Кавуръ!“ Признаюсь, мнѣ стало грустно: не за Кавура, разумѣется!

довало выходить изъ круга чисто-литературной критики. Во-первыхъ, при тогдашнихъ оффиціальныхъ, житейскихъ, цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно; уже и такъ онъ едва могъ устоять противъ бури угрозъ и доносовъ, которую возбудило его отрицаніе нашихъ псевдо-классическихъ авторитетовъ; а во-вторыхъ, онъ очень ясно видѣлъ и понималъ, что въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ: что не переживъ и не преодолѣвъ ее, нельзя двигаться впередъ: что критика, въ смыслѣ отрицанія фальши и лжи, должна сперва подвергнуть анализу явленія литературныя—и что именно въ этомъ и состояло его собственное призваніе. Его политическія, соціальныя убѣжденія были очень сильны и опредѣлительно рѣзки; но они оставались въ сферѣ инстинктивныхъ симпатій и антипатій. Повторяю: Бѣлинскій зналъ, что нечего было думать примѣнять ихъ, проводить ихъ въ дѣйствительность; да если-бъ оно и стало возможнымъ—въ немъ самомъ не было ни достаточной подготовки, ни даже потребнаго на то темперамента; онъ и это зналъ—и, съ свойственнымъ ему практическимъ пониманіемъ своей роли, самъ ограничилъ кругъ своей дѣятельности, сжалъ ее въ извѣстные предѣлы *). За то, какъ *литературный* критикъ, онъ былъ именно тѣмъ, что англичане называютъ— „the right man on the right place“, „настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ“, чего нельзя сказать объ его преемникахъ. Правда и то, что задача ихъ была труднѣе и сложнѣе. Незадолго до смерти, Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступило время сдѣлать новый шагъ, выдти изъ того тѣснаго круга: политико-экономическіе вопросы должны были смѣнить вопросы эстетическіе, литературные; но самъ онъ себя уже устранялъ и

*) См. въ концѣ этой статьи, примѣч. II.

указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—на В. Н. Майкова, брата поэта; къ сожалѣнію, этотъ талантливый молодой человѣкъ погибъ въ самомъ началѣ своего поприща и точно такой же смертью, какой погибъ недавно другой много обѣщавшій юноша, Д. И. Писаревъ.

Имя Писарева напоминаетъ мнѣ слѣдующее: весной 1867 года, во время моего проѣзда черезъ Петербургъ, онъ сдѣлалъ мнѣ честь—посѣтилъ меня. Я до тѣхъ поръ съ нимъ не встрѣчался, но читалъ его статьи съ интересомъ, хотя со многими положеніями въ нихъ, вообще съ ихъ направленіемъ, согласиться не могъ. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкинѣ. Въ теченіе разговора, я откровенно высказался передъ нимъ. Писаревъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе человѣка честнаго и умнаго, которому не только можно, но и должно говорить правду.—„Вы—началъ я — втоптали въ грязь, между прочимъ, одно изъ самыхъ трогательныхъ стихотвореній Пушкина (обращеніе его къ послѣднему лицейскому товарищу, долженствующему остаться въ живыхъ: „Несчастный другъ“ и т. д.). Вы увѣряете, что поэтъ совѣтуетъ пріятелю просто взять, да съ горя напиться. Эстетическое чувство въ васъ слишкомъ живо: вы не могли сказать это серьезно—вы это сказали *нарочно*, съ цѣлью. Посмотримъ, оправдываетъ ли васъ эта цѣль. Я понимаю преувеличеніе, я допускаю каррикатуру,—но преувеличеніе истины, каррикатуру въ дѣльномъ смыслѣ, въ настоящемъ направленіи. Если-бъ у насъ молодые люди теперь только и дѣлали, что стихи писали, какъ въ блаженную эпоху альманаховъ, я бы понялъ, я бы, пожалуй, даже оправдалъ вашъ злобный укоръ, вашу насмѣшку; я бы подумалъ: несправедливо, но полезно! А то, помилуйте, въ кого вы стрѣляете? ужъ, точно, по воробьямъ изъ пушки! Всего-то у насъ осталось три-четыре человѣка, старички пятидесяти лѣтъ

и свыше, которые еще упражняются въ сочиненіяхъ стиховъ;—стоитъ ли яриться противъ нихъ? Какъ-будто нѣтъ тысячи другихъ, животрепещущихъ вопросовъ, на которые вы, какъ журналистъ, *обязанный* прежде всѣхъ ощущать, чуять насущное, нужное, безотлагательное, — *должны* обратить вниманіе публики? Походъ на стихотворцевъ въ 1866 году! „Да это антикварская выходка, архаизмъ! Бѣлинскій—тотъ никогда бы не напалъ въ такой просакъ!“ Не знаю, что подумалъ Писаревъ, но онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Вѣроятно, онъ не согласился со мною.

Само собою разумѣется, что пониманіе Бѣлинскимъ своего времени, своего назначенія, не мѣшало его задушевнымъ убѣжденіямъ сквозить въ каждомъ словѣ его статей, тѣмъ болѣе, что его отрицательная дѣятельность на поприщѣ критики какъ нельзя лучше соотвѣтствовала той роли, которую онъ бы навѣрное выбралъ въ политически-развитомъ обществѣ. Что онъ чувствовалъ и что онъ думалъ, про то вѣдалъ онъ одинъ, вѣдали и нѣкоторые изъ его друзей; но что онъ дѣлалъ, что онъ печаталъ—неуклонно и строго держалось литературной почвы и двигалось исключительно на ней. Только въ извѣстномъ одномъ письмѣ эта страсть, которую онъ—

....во тьмѣ почной
Вскормилъ слезами и тоской,

прорвалась наружу—какъ тотъ огонь, о которомъ говорилъ Лермонтовъ.

Я прошу у читателя позволенія привести въ этомъ мѣстѣ отрывокъ изъ лекціи о Пушкинѣ, прочтенной мной въ 1859 году передъ немногочисленнымъ обществомъ. Стараясь изобразить характеръ эпохи 30-хъ, 40-хъ годовъ, я долженъ былъ упомянуть о гоголевской сатирѣ, о лермонтов-

скомъ протестѣ, а потомъ и о значеніи критики Бѣлинскаго. Одно упоминовеніе этого имени возбудило негодованіе большей части моихъ слушателей. Вотъ этотъ отрывокъ. (Мнѣ придется начать нѣсколько издалека; но это неизбѣжно).

„А между тѣмъ, какъ нашъ великій художникъ (Пушкинъ), отвернувшись отъ толпы и приблизившись, насколько могъ, къ народу, обдумывалъ свои завѣтныя творенія, пока по душѣ его проходили тѣ образы, изученіе которыхъ невольно зарождаетъ въ насъ мысль, что онъ одинъ могъ бы подарить насъ и народной драмой, и народной эпопеей— въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ совершались если не великія, то знаменательныя событія. Подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы (съ 1830 по 1840 годъ), у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно, справедливое, но въ эту эпоху едва ли не преждевременное: убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы—великое, вполнѣ овладѣвшее собою, незыблемо-твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы. Одновременно съ распространеніемъ этого убѣжденія и, быть можетъ, вызванная имъ, явилась цѣлая фаланга людей, безспорно даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ риторики, внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто-внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти явились и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналистикѣ, и даже на театральной сценѣ. Нужно ли называть ихъ имена? Они въ памяти у каждаго—и стоитъ только вспомнить, кому рукоплескали, кого привѣтствовали въ то время, когда вокругъ умолкнувшаго Пушкина водворилась тишина*). Это вторженіе въ общественную жизнь

*) Эти имена, которые я тогда не рѣшился назвать, вѣроятно, приходятъ

того, что̀ мы рѣшились бы назвать *ложно-величавой школой*, продолжалось недолго, хотя отраженіе ея въ сферахъ, менѣе подвергнутыхъ анализу критики, чѣмъ собственно-литературная художественная сфера, не прекратилось и до сихъ поръ. Оно продолжалось недолго—но что̀ было шума и грома! Какъ широко разлилась тогда эта школа! Нѣкоторые изъ ея дѣятелей сами добродушно признавали себя за геніевъ. Со всѣмъ тѣмъ, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея ка-жущагося торжества—и ни одного живого, самобытнаго ума она себѣ не покорила безвозвратно. Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященныя возвеличиванію Россіи—во что бы то ни стало, въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хло-потливо и небрежно воздвигнутыя патріотами, не знавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ украшеніемъ великаго государства и ве-ликаго народа,—а часъ паденія приближался. Но не по-слѣднія глубоко-художественныя произведенія Пушкина были причиною этого паденія. Если бы даже они явились при его жизни—мы сомнѣваемся, оцѣнила ли бы ихъ тогда оглушенная, сбитая съ толку публика. Они не могли слу-жить полемическимъ цѣлямъ, они могли одержать и они одержали побѣду своей собственной красотой, сопоставле-ніемъ этой красоты и силы съ безобразіемъ и слабостью того ложно-величаваго призрака; но въ первое время, имен-но для того, чтобы разоблачить этотъ призракъ во всей его пустотѣ, нужны были другія орудія, другія, болѣе прон-зительныя силы—силы байроническаго лиризма, который уже являлся у насъ однажды, но поверхностно и не серь-

---

теперь на уста каждому читателю—имена Марлинскаго, Кукольника, Заго-скина, Бенедиктова, Брюлова, Каратыгина, и др.

ѣзно, силы критики, юмора. И онѣ не замедлили явиться. Въ сферѣ художества заговорилъ Гоголь, съ нимъ Лермонтовъ; въ сферѣ критики, мысли—Бѣлинскій.

„....Въ прошлой бесѣдѣ съ вами мы говорили о томъ значеніи, которое будущій историкъ нашей литературы придастъ появленію Пушкина; но, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе нашихъ Маколеевъ (если только намъ суждено имѣть Маколеевъ) и та минута, когда передъ раздувшимся и раздутымъ, какъ бы оффиціальнымъ великаномъ предстали—съ одной стороны, гусарскій офицеръ, свѣтскій левъ, изъ устъ котораго общество услыхало впервые невѣдомый ему прежде, безпощадный укоръ*), да темный малороссійскій учитель съ своей грозной комедіей, на челѣ которой стояло эпиграфомъ: „Неча на зеркало пенять, коли рожа крива“;—а съ другой стороны, такой же темный, недоучившійся студентъ, дерзнувшій провозгласить, что у насъ еще не было литературы, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, что не только Херасковъ и Петровъ, но и Державинъ и Дмитріевъ не могутъ намъ служить образцами, что и новѣйшіе великіе люди ничего не сдѣлали. Подъ совокупными усиліями этихъ трехъ, едва ли знакомыхъ другъ другу дѣятелей, рухнула не только та литературная школа, которую мы назвали ложно-величавою, но и многое другое, устарѣлое и недостойное, обратилось въ развалины. Побѣда была рѣшена скоро. Въ то же время умалилось и поблекло вліяніе самого Пушкина, того Пушкина, имя котораго такъ было дорого самимъ нововводителямъ, которое они окружали такою полною любовью. Идеалъ, которому они служили — сознательно или безсознательно (Гоголь,

---

*) Прошу позволенія привести слова одной тогдашней великосвѣтской барыни, встрѣтившей меня слѣдующимъ восклицаніемъ: Avez-vous lu la „Donna?“ Qui pouvait s'attendre à cela de la part de Lermontoff! Lui qui venait de dire: И, Матерь Божія, *литься* съ молитвой! „C'est affreux!“.

какъ извѣстно, до конца отъ него отчурался и отвѣкивался)—идеалъ этотъ не могъ ужиться съ Пушкинскимъ идеаломъ, на зло имъ самимъ. Сила вещей сильнѣе всякой отдѣльной, личной силы—такъ же, какъ общее въ насъ сильнѣе нашихъ собственныхъ наклонностей. Время чистой поэзіи прошло такъ же, какъ и время ложно-величавой фразы; наступило время критики, полемики, сатиры. Вмѣсто слова: „наступило“—мы бы могли, вспомнивъ фонъ-Визина, Новикова, употребить слово: „возвращалось“. Подобные „возвратные“ обороты бѣгущаго впередъ историческаго колеса извѣстны всѣмъ наблюдателямъ жизни народовъ. Общество, пораженное внезапнымъ сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, предчувствуя другія, еще болѣе горькія разочарованія въ будущемъ—которыя и сбылись *)—съ жадностью обратило слухъ свой къ новымъ голосамъ и принимало только то, что̀ отвѣчало его новымъ потребностямъ. „Торквато Тассо“ Кукольника, „Рука Всевышняго“—исчезли, какъ мыльные пузыри; но и „Мѣднымъ Всадникомъ“ — нельзя было любоваться въ одно время съ „Шинелью“.

Здѣсь слѣдовала довольно подробная характеристика Гоголя и Лермонтова, оканчивающаяся слѣдующими словами:

„Сила независимой, критикующей, протестующей личности возстала противъ фальши, противъ пошлости—а на какой ступени общества тогда не царила пошлость? — противъ того ложно-общаго, неправедно-узаконеннаго, что̀ не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе себѣ личности“.... И я продолжалъ такъ:

„Мы просимъ теперь у васъ позволенія остановиться на третьей личности, имя которой, мы это знаемъ, не совсѣмъ благозвучно въ вашихъ ушахъ. Мы говоримъ о Бѣлинскомъ.

---

*) Трехъ лѣтъ еще не прошло съ Парижскаго мира 1856 года, когда я читалъ эти лекціи.

Съ этимъ именемъ сопряжено воспоминаніе о нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, но, смѣемъ думать, и о великихъ заслугахъ. Слово его живетъ до сихъ поръ, и мы не можемъ допустить, чтобы Россія, именно теперь *) съ жадностью его читающая, была совершенно неправа въ своей любви къ нему. Мы упомянули о немъ не потому, что были связаны съ нимъ личными, дружественными отношеніями; мы желаемъ обратить ваше вниманіе на самый принципъ его дѣятельности. Имя этому принципу—идеализмъ: Бѣлинскій былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ немъ жили преданія того московскаго кружка, который существовалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и слѣды котораго такъ замѣтны еще донынѣ. Этотъ кружокъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ германской философской мысли (замѣчательна постоянная связь между этой мыслью и Москвою), заслуживаетъ особаго историка. Вотъ откуда Бѣлинскій вынесъ тѣ убѣжденія, которыя не покидали его до самой смерти,—тотъ идеалъ, которому онъ служилъ. Во имя этого идеала провозглашалъ Бѣлинскій художественное значеніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ: во имя этого идеала привѣтствовалъ онъ и Лермонтовскій протестъ, и Гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, наши такъ-называемыя славы, на которыя онъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія"....

Быть можетъ, нѣкоторые читатели удивятся слову: „идеалистъ", которымъ я почелъ за нужное охарактеризировать Бѣлинскаго. На это я замѣчу, что, во-первыхъ, въ 59-мъ году не было возможности называть многія вещи настоящими ихъ именами; а во-вторыхъ, мнѣ—признаюсь въ томъ—

---

*) Тогда только-что вышли первые томы полнаго изданія его сочиненій.

доставило не малое удовольствіе объявить Бѣлинскаго „идеалистомъ“ передъ сборищемъ людей, которымъ имя его представлялось неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о циникѣ, грубомъ матеріалистѣ и т. п. Къ тому же, и самое названіе шло къ нему. Бѣлинскій былъ настолько же идеалистъ, насколько отрицатель; онъ отрицалъ во имя идеала. Этотъ идеалъ былъ свойства весьма опредѣленнаго и однороднаго, хотя именовался и именуется досель различно: наукой, прогрессомъ, гуманностью, цивилизаціей,—Западомъ, наконецъ. Люди благонамѣренные, но не доброжелательные, употребляютъ даже слово: революція. Дѣло не въ имени, а въ сущности, которая дотого ясна и несомнѣнна, что и распространяться о ней не стоитъ: недоразумѣнія тутъ немыслимы. Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этому идеалу; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю „западниковъ“, какъ ихъ прозвали ихъ противники. Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественнаго строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Западомъ—для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ, что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ идти по пути, указанному намъ Петромъ Великимъ, на котораго славянофилы бросали тогда свои отборнѣйшіе перуны *). Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, соображаясь съ особенностями природы, исторіи, климата, — впрочемъ,

---

*) Бѣлинскій часто читалъ между друзьями стихотвореніе Льва Пушкина, брата поэта: „Петръ Великій“, и съ особеннымъ чувствомъ произносилъ стихи, въ которыхъ преобразователь представленъ былъ взлачашимъ —

Рядъ изумленныхъ поколѣній
Рукой могучей за собой.

относиться и къ нимъ свободно, критически — вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію, достигнуть, наконецъ, самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Бѣлинскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ, даже патріотъ — разумѣется, не на ладъ М. П. Загоскина; благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзывы. Да. Бѣлинскій любилъ Россію; но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы — вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился. Увѣрять, что онъ изъ одного рабольпнаго и неосмысленнаго смиренія недоучки преклонялся предъ Западомъ—значило не знать его вовсе; къ тому же, не смиреніемъ грѣшатъ обыкновенно недоучки. Бѣлинскій еще потому благоговѣлъ передъ памятью Петра Великаго и, не обинуясь, признавалъ его нашимъ спасителемъ, что уже при Алексѣѣ Михайловичѣ онъ въ нашемъ старомъ общественномъ и гражданскомъ строѣ находилъ несомнѣнные признаки разложенія—и, слѣдовательно, не могъ вѣрить въ правильное и нормальное развитіе нашего организма, подобное тому, какимъ оно является на Западѣ. Дѣло Петра Великаго было, точно, насиліемъ, было тѣмъ, что въ новѣйшее время получило названіе: coup d'état; но только по милости цѣлаго ряда этихъ насильственныхъ, свыше исходящихъ мѣръ были мы втолкнуты въ семью европейскихъ народовъ. Необходимость подобныхъ реформъ еще донынѣ не прекратилась. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы привести самые недавніе примѣры. Какое мѣсто мы уже заняли въ той семьѣ—это покажетъ исторія; но несомнѣнно то, что мы шли до сихъ поръ, и *должны* были идти (съ чѣмъ господа славянофилы, конечно, не согласятся), должны были идти другими путями, чѣмъ болѣе или менѣе органически развивавшіеся западные народы.

А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая была во всемъ его существѣ,—тому доказательствомъ служитъ каждая его статья *). Да, онъ чувствовалъ русскую суть, какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классическихъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ,—онъ въ то же время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что̀ было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтическій эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражалъ его мгновенно и слушать его простое, нѣсколько однообразное, но горячее и правдивое чтеніе какого-нибудь Пушкинскаго стихотворенія или Лермонтовскаго „Мцыри“ было истиннымъ наслажденіемъ. Прозу, особенно любимаго своего Гоголя, онъ читалъ хуже; да и голосъ его скоро ослабѣвалъ.

Еще одно замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, состояло въ томъ, что онъ былъ всегда, какъ говорятъ англичане, „in earnest“; онъ не шутилъ ни съ предметомъ своихъ розысканій, ни съ читателемъ, ни съ самимъ собою, а позднѣйшее, столь распространенное глумленіе онъ бы отвергнулъ, какъ недостойное легкомысліе или трусость. Извѣстно, что глумящійся человѣкъ часто самъ хорошенько не даетъ себѣ отчета, надъ чѣмъ онъ трунитъ и иронизируетъ, во всякомъ случаѣ, онъ можетъ вос-

---

*) См. его статьи о Пушкинѣ, о Гоголѣ, о Кольцовѣ—и особенно его статьи о народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. При слабости и скудости тогдашнихъ филологическихъ и археологическихъ данныхъ, — онъ поражаетъ читателя глубокимъ и живымъ пониманіемъ народнаго духа и народнаго творчества.

пользоваться этими ширмочками, чтобы скрыть за ними шаткость и неясность собственныхъ убѣжденій. Человѣкъ свиститъ, хохочетъ.... Поди, угадывай, разумѣй его рѣчь, куда онъ ее гнетъ? Быть можетъ, онъ смѣется надъ тѣмъ, что̀ точно достойно смѣха, а быть можетъ, и надъ собственнымъ смѣхомъ, „зубы скалить“. Мнѣ скажутъ, что бываютъ времена, когда можно только намекать на истину и что смѣющимся устамъ легче высказывать ее.... Да развѣ Бѣлинскій жилъ въ такое время, когда можно было все высказывать на чистоту? И однако же не прибѣгалъ онъ къ глумленію, къ „излюбленному“ свистанію, къ зубоскальству. Сочувственный смѣхъ, возбуждаемый въ извѣстной части публики тѣмъ „свистаніемъ“,—недалеко ушелъ отъ того смѣха, которымъ встрѣчались безправственныя выходки Сенковскаго.... И здѣсь, и тамъ выпячивалась та же склонность къ грубой потѣхѣ, къ гаерству, склонность, къ сожалѣнью, свойственная русскому человѣку, и которую не слѣдовало бы поощрять. Хохотъ невѣжества почти такъ же противенъ—такъ же и вреденъ—какъ его злоба. Впрочемъ, Бѣлинскій самъ про себя говорилъ, что онъ шутить не мастеръ; иронія его была очень вѣска и неповоротлива; она тотчасъ становилась сарказмомъ, била не въ бровь, а въ глазъ. И въ разговорѣ, такъ же. какъ и съ перомъ въ рукѣ, онъ не блисталъ остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, что̀ французы называютъ ésprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики; но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ-концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, что̀ обыкновенно величаютъ элоквенціей — при явной неспособности и неохотѣ къ „успащиванію“, къ фразѣ,—Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово „краснорѣчіе“ въ смыслѣ силы убѣжденія, той силы, которую, напр., аѳиняне признавали въ Периклѣ, говоря.

что каждая рѣчь его оставляла жало въ душѣ каждаго слушателя.

Бѣлинскій, какъ извѣстно, не былъ поклонникомъ принципа: искусство для искусства;—да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на—отсутствующаго, разумѣется—Пушкина, за его два стиха въ „Поэтъ и Чернь“—

Нечной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!

— И конечно—твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ:—конечно, дороже.—Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю,—и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана—будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ—мое право, моя обязанность накормить своихъ—и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и вирпелетамъ!“—Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ—у него было слишкомъ много здраваго смысла, чтобы отрицать искусство, чтобы не понимать не только его важность и значеніе, но и самую его естественность, его физіологическую необходимость. Бѣлинскій признавалъ въ искусствѣ одно изъ коренныхъ проявленій человѣческой личности—одинъ изъ законовъ нашей природы, указанныхъ намъ ежедневнымъ опытомъ. Онъ не допускалъ искусства для одного искусства, точно такъ же, какъ бы онъ не допустилъ жизни для одной жизни; не даромъ же онъ былъ идеалистъ. Все должно было служить одному принципу, искусство—такъ же, какъ наука, по своимъ, особеннымъ, спеціальнымъ образомъ. Во-истину дѣтское и къ тому же не новое, подогрѣтое объясненіе искусства подражаніемъ природѣ, не удостоилось бы отъ него ни возраженія, ни вниманія: а

аргументъ о преимуществѣ настоящаго яблока передъ написаннымъ уже потому на него бы не подѣйствовалъ, что этотъ пресловутый аргументъ лишается всякой силы, какъ только мы возьмемъ человѣка сытаго. Искусство, повторяю, было для Бѣлинскаго такой же узаконенной сферой человѣческой дѣятельности, какъ и наука, какъ общество, какъ государство.... Но и отъ искусства, какъ и отъ всего человѣческаго, онъ требовалъ правды, живой, жизненной правды *). Самъ онъ, впрочемъ, въ области искусства чувствовалъ себя дома только въ поэзіи, въ литературѣ. Живопись онъ не понималъ и музыкѣ сочувствовалъ очень слабо. Онъ самъ очень хорошо сознавалъ свой недостатокъ, и ужъ и не совался туда, куда ему заказана была дорога. Статьи Гоголя объ Ивановѣ и Брюловѣ могутъ служить поучительнымъ примѣромъ, до какой уродливой фальши, до какого вычурнаго и лживаго пафоса можетъ завраться человѣкъ, когда заберется не въ свою сферу. Хоръ чертей въ Робертѣ-Дьяволѣ былъ единственной мелодіей, затвержденной Бѣлинскимъ: въ минуты отличнаго расположенія духа, онъ подвывалъ басомъ этотъ дьявольскій напѣвъ. Пѣніе Рубини потрясало его; но не музыкальное совершенство цѣнилъ онъ въ немъ, а патетическую, стремительную энергію, драматизмъ выраженія. Все драматическое, театральное глубоко проникало въ душу Бѣлинскаго, такъ и зажигало ее. Его статьи о Мочаловѣ, о Щепкинѣ, вообще о театрѣ, дышатъ страстью: надо было видѣть, какое впечатлѣніе производило на него одно воспоминаніе объ игрѣ Мочалова въ Гамлетѣ, о томъ, какъ онъ, въ извѣстной сценѣ представленія трагедіи передъ преступнымъ королемъ, произносилъ, задыхаясь отъ восторга и ненависти:

„Оленя ранили стрѣлой....“

---

*) См. въ концѣ статьи стр. 64, примѣч. I.

Была одна причина, которая заставляла иногда Бѣлинскаго избѣгать разговоровъ о театрѣ, о драматической литературѣ, особенно съ мало знакомыми людьми: онъ боялся, какъ бы не напомнили ему про его комедію: „Пятидесятилѣтній дядюшка“, написанную имъ нѣкогда въ Москвѣ и напечатанную въ „Наблюдателѣ“. Комедія эта точно, весьма слабое произведеніе; она принадлежитъ къ худшему изъ родовъ—къ слезливо-нравственному, сентиментально-добродѣтельному: въ ней выводится великодушный дядюшка, влюбленный въ свою племянницу и приносящій свою любовь въ жертву юному сопернику. Все это изложено пространно, натянутымъ, мертвеннымъ слогомъ.... Бѣлинскій не имѣлъ никакого „творческаго“ таланта. Эта комедія, да еще статья о Менцелѣ были Ахиллесовой пятой Бѣлинскаго, и упомянуть о нихъ при немъ, значило оскорбить, огорчить его. Особенно статью о Менцелѣ онъ себѣ простить не могъ: комедію свою онъ признавалъ эстетической, литературной ошибкой, а въ той статьѣ онъ видѣлъ ошибку—гораздо худшаго свойства. Статью о Менцелѣ онъ написалъ подъ мгновеннымъ вліяніемъ нетерпѣнія, тоскливаго желанія перейти изъ области недосягаемыхъ идеаловъ къ чему-нибудь положительному, реальному, какъ-будто то, что существовало тогда, могло имѣть реальное значеніе, могло удовлетворить добросовѣстнаго человѣка! Бѣдный Бѣлинскій, конечно, не имѣлъ понятія, что за птица былъ господинъ Менцель—и взялся за это лицо чисто съ апріорической, отвлеченной точки зрѣнія.... Въ этомъ случаѣ, недостаточное знаніе фактовъ сыграло съ нимъ злую шутку.... Существовала еще статейка о Бородинской годовщинѣ. Я было какъ-то заговорилъ съ нимъ о ней.... Онъ зажалъ себѣ уши обѣими руками, и низко наклонясь впередъ и качаясь изъ стороны въ сторону, зашагалъ по комнатѣ. Впрочемъ, онъ поболѣлъ кваснымъ патріотизмомъ недолго. Вообще, лучшія статьи Бѣлинскаго

были написаны имъ въ началѣ и передъ концомъ его карьеры; въ серединѣ проскочила полоса, продолжавшаяся года два, въ теченіе которой онъ, начинившись гегелевской философіей и не переварив ее, всюду, съ лихорадочнымъ рвеніемъ, ничкалъ ея аксіомы, ея извѣстные тезисы и термины, ея такъ называемые Schlagwörter. Въ глазахъ рябило отъ множества любимыхъ тогдашнихъ оборотовъ и выраженій*)! Надо-жъ было и Бѣлинскому заплатить дань своему времени! Но эта волна скоро сбѣжала, оставивъ за собою только хорошія сѣмена, и снова явился во всей своей мужественной и безхитростной простотѣ русскій языкъ Бѣлинскаго, славный языкъ, ясный и здравый. Бѣлинскій, можно сказать, импровизировалъ свои статьи; писалъ онъ ихъ въ послѣдніе дни мѣсяца, стоя передъ конторкой, на отдѣльныхъ полулистахъ, безъ помарокъ, крупнымъ, крупнымъ почеркомъ. Онъ не имѣлъ времени вычищать слогъ, взвѣшивать и обдумывать каждое выраженіе, и потому по неволѣ впадалъ въ нѣкоторую многоглаголивость; но до безграничной болтливости, которая, должно признаться, съ легкой руки покойнаго Писарева утвердилась у насъ въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ, онъ далеко не доходилъ;стать его, все-таки,о ставались литературнымъ произведеніемъ и не превращались въ дряблый разговоръ, въ пухлыя варіаціи на избитыя темы—варіаціи, отъ которыхъ, несмотря на весь ихъ задоръ, такъ и отдаетъ ученической тетрадью.

---

*) Совѣтую любопытному читателю, желающему наглядно убѣдиться, до чего могло дойти тогдашнее философствованіе, отыскать въ смѣси одной изъ книжекъ „Отечественныхъ записокъ", за 40 или 41-й годъ, статейку, написанную, впрочемъ, не Бѣлинскимъ, а самимъ издателемъ—въ защиту выраженія, употребленнаго Некандеромъ, будто бы „Наполеонъ въ верху ногами поставленный Карлъ Великій", выраженія, поднятаго на смѣхъ другимъ журналомъ. Комизмъ тутъ тѣмъ болѣе забавенъ, что весь проникнутъ угрюмой важностью и даже не подозрѣваетъ, до какой степени онъ прелестенъ!

Всѣмъ извѣстно, какую обузу наваливаль на Бѣлинскаго разсчетливый издатель журнала, въ которомъ онъ участвовалъ. Какія сочиненія не приходилось ему разбирать — и сонники, и поваренныя, и математическія книги, въ которыхъ онъ ровно ничего не смыслилъ! За то, когда, послѣ аккуратнаго выхода журнала въ первое число мѣсяца, наступало нѣсколько дней отдыха, какъ онъ наслаждался имъ, какъ предавался удовольствію бездѣйствія, бесѣды съ пріятелями, а иногда и карточной игры въ конѣчный преферансъ! Игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣній, съ тою же страстностью, которыя ему были присущи, что̀ бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги — а *такъ*: онъ выигрывалъ и торжествовалъ.... но вдругъ обремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову, какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія, такъ было искренне на его лицѣ, что я, наконецъ, не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что не похоже; что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты! — „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ глухо и взглянувъ на меня изъ-подлобья:—все кончено; я только до бубновой игры и жилъ!“ — И въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что̀ говорилъ.

Я часто ходилъ къ нему послѣ обѣда, отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, на Фонтанкѣ, недалеко отъ Аничкова моста—невеселыя, довольно сырыя комнаты. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена; нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудитъ:

утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, тебѣ даже пришлось съѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ *).... На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Болгарина или друга его, господина Грека; генералъ, и даже не начальникъ, а такъ, просто генералъ, оборвалъ или, что̀ еще хуже, поощрилъ тебя.... Брошнь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виснтъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шпинять и разползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни! Ну, вотъ, и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ—и легче станетъ; предметы разговоровъ были большей частью нецензурнаго (въ тогдашнемъ смыслѣ) свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: безполезность ихъ слишкомъ явно била въ глаза всякому. Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-

*) Особеннымъ юморомъ отличался при подобныхъ свиданіяхъ цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: „Помилуйте—я всѣ буквы оставлю: только духъ повыправлю".—Онъ мнѣ сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя мнѣ въ глаза:—„Вы хотите, чтобы я не вымарывалъ; но посудите сами: я не вымараю — и могу лишиться 3,000 рублей въ годъ, а вымараю — кому отъ этого какая печаль?—Были словечки, нѣтъ словечекъ- ну, а дальше?—Какъ же мнѣ не марать!? Богъ съ вами!"

литературный, критическо-эстетическій и, пожалуй, соціальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и легковѣсно. При всей серьезности и дѣйствительной возвышенности своей натуры, Бѣлинскій поступалъ иногда какъ ребенокъ: услышитъ что-нибудь, что̀ ему очень нравится, какое-нибудь мѣсто изъ Жоржъ-Занда или П. Леру—тогда онъ входилъ въ моду и о немъ таинственно (!) переписывались подъ именемъ *Петра Рыжаго*—услышитъ и тотчасъ попроситъ списать ему это мѣсто, и няньчится съ нимъ. Но все это шло къ нему; живой русскій человѣкъ сказывался и тутъ. Иногда бездѣлица его задѣвала. Однажды онъ цѣлыхъ шесть недѣль носилъ у себя въ карманѣ книжку Гётевскаго „Западно-Восточнаго Дивана“ (West-östlicher Divan), вотъ по какому поводу. Я ему какъ-то цитировалъ оттуда стихъ: „Lebt man denn, wenn andre leben?“ (Можно-ль жить, когда живутъ другіе?) Онъ повторилъ этотъ стихъ, въ укоръ эгоизму Гёте, передъ А. Н. С., нѣкогда извѣстнымъ переводчикомъ Гётевскихъ стихотвореній; тотъ усомнился въ точности цитаты и чуть ли не подтрунилъ надъ легковѣріемъ Бѣлинскаго. Вотъ, онъ и выпросилъ у меня экземпляръ „Дивана“, и постоянно имѣлъ его съ собою, чтобы при встрѣчѣ поразить С...: но встрѣчи этой, къ великой досадѣ Бѣлинскаго, не состоялось. Въ послѣдніе два года его жизни онъ, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивавшейся болѣзни, сталъ очень нервозенъ—и хандра на него находила.

Я видѣлся съ Бѣлинскимъ въ теченіе четырехъ зимъ—съ 1843-го по 1846-й годъ, и особенно часто передъ январемъ 1847-го года, когда я отправился надолго за границу и когда былъ основанъ „Современникъ“, т. е. купленъ у покойнаго П. А. Плетнева. Исторія *основанія* этого жур-

нала представлять много поучительнаго.... Но изложить ее въ точности пока еще трудно: пришлось бы поднимать старыя дрязги. Довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіе цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для большого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для „Современника“ разорвалъ связь съ „Отечественными Записками“, а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ, вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ то же мѣсто постороняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ. У меня въ рукахъ находятся любопытныя письма Бѣлинскаго, относящіяся къ этому времени: небольшіе отрывки изъ нихъ читатели найдутъ ниже. Что касается собственно до меня, то должно сказать, что онъ, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, весьма скоро—и совершенно справедливо—охладѣлъ къ ней: не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія—и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбъ П. П. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ нумерѣ „Современника“, я оставилъ ему очеркъ, озаглавленный „Хорь и Калинычъ“. (Слова: „Изъ записокъ охотника“, были придуманы и прибавлены тѣмъ же П. П. Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе: и я возвратился къ литературѣ. Но читатель увидитъ изъ тѣхъ же писемъ Бѣлинскаго, что онъ, хотя остался болѣе доволенъ моими прозаическими работами, однако особенныхъ надеждъ на меня не возлагалъ. Бѣлинскій съ добродушнымъ снисхожде-

ніемъ, съ сочувственнымъ жаромъ поощрялъ начинавшихъ писателей, въ которыхъ признавалъ талантъ, поддерживалъ ихъ первые шаги; но онъ строго относился къ ихъ дальнѣйшимъ попыткамъ, безжалостно указывалъ на ихъ недостатки, порицалъ и хвалилъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ. За то, на первыхъ порахъ, онъ иногда доходилъ до нѣжности, увлекался очень мило, почти трогательно, почти забавно. Когда попались ему въ руки „Бѣдные люди“ г-на Достоевскаго, онъ пришелъ въ совершенный восторгъ.—„Да, говорилъ онъ съ гордостью, словно самъ совершилъ величайшій подвигъ: — да, батюшка, я вамъ доложу!—Не велика птичка—и тутъ онъ указывалъ рукою, чуть не на аршинъ отъ полу:—не велика птичка—а коготокъ востеръ!“—Каково же было мое удивленіе, когда, встрѣтившись вскорѣ потомъ съ г-мъ Достоевскимъ,—я увидалъ въ немъ человѣка, роста болѣе средняго—во всякомъ случаѣ, выше самого Бѣлинскаго!—Но въ пришадкѣ отеческой нѣжности къ ново-народившемуся таланту, Бѣлинскій относился къ нему, какъ къ сыну, какъ къ своему „дитяткѣ“. Точно такъ же онъ, лѣтомъ 1843 года, когда я съ нимъ познакомился,—лелѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди Некрасова....

Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкой душою, во всѣхъ энтузіастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости. Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственныя мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными.—Но его можно было „пробить“, какъ я сказалъ ему однажды, и чему онъ много смѣялся,—истина была для него слишкомъ дорога: онъ не могъ окончательно упорствовать. Къ одной лишь московской партіи, къ славяно-

филамъ, онъ всю жизнь относился враждебно: очень они уже или въ разрѣзъ всему тому, что̀ онъ любилъ и во что̀ онъ вѣрилъ. Вообще Бѣлинскій умѣлъ ненавидѣть — he was a good hater — и всей душой презиралъ достойное презрѣнія. Лейбницъ гдѣ-то говоритъ, что онъ почти ничего не презираетъ (je ne méprise presque rien).—Это понятно и похвально—въ философѣ, постоянно живущемъ на высотахъ духовнаго созерцанія; но нашъ братъ, человѣкъ обыкновенный, но землѣ ходящій, не въ силахъ возвыситься до этого безстрастнаго холода, до этой величавой тишины; чувство презрѣнія, которое внушаютъ намъ Ѳаддеи Булгарины, подтверждаетъ и крѣпитъ наше нравственное сознаніе, нашу совѣсть.—Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безъ всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было.—„Ну, вралъ же я чушь!“ бывало, говаривалъ онъ съ улыбкой—и какая это въ немъ была хорошая черта! Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ и о своихъ способностяхъ. Скромность его была непритворна и чистосердечна; слово: „скромность“, впрочемъ, тутъ не годится: ему вовсе не было пріятно, что онъ, по его понятію, такой некрупный человѣкъ; но, вѣдь, „изъ своей кожи не выпрыгнешь!“ За то ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за которое онъ стоялъ, мысли, которую онъ защищалъ и проводилъ: тутъ онъ на стѣну готовъ былъ лѣзть—и бѣда тому, кто ему попадался подъ руку! Тутъ и смѣлость являлась въ немъ—отвага отчаянная, на зло его физикѣ и нервамъ: тутъ онъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать! При такой сильной раздражительности — такая слабая, личная обидчивость.... Нѣтъ! подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ.

Лѣтомъ 1847 года, Бѣлинскій попалъ, въ первый и послѣдній разъ, за границу. Я прожилъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Зальцбруннѣ, небольшомъ силезскомъ городкѣ, славящемся своими водами, будто бы излечивающими чахотку.... ему онѣ принесли мало пользы. Въ Зальцбруннѣ онъ, подъ вліяніемъ негодованія, возбужденнаго въ немъ извѣстной „Перепиской съ друзьями“ Гоголя, написалъ ему письмо.... Потомъ я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ. Тамъ онъ поступилъ въ лечебницу къ нѣкоему доктору, спеціалисту противъ чахотки, по имени Тирà де Мальморý. Многіе считали его за шарлатана, но онъ совсѣмъ-было поставилъ Бѣлинскаго на ноги. Кашель прекратился, съ лица сошла зелень.... Слишкомъ скорое возвращеніе въ Петербургъ все уничтожило *). Страшное дѣло! Онъ изнывалъ за границей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ, въ Россію. Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ Площадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: „Не правда ли? вѣдь это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?“—И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: „Ну, и отлично; такъ ужъ я и буду знать,—и въ сторону, и баста!“ и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а!—и вспомнилъ сцену Остановой казни въ „Тарасѣ Буль-

---

*) Вотъ еще примѣръ того, какъ Бѣлинскій юмористически относился къ самому себѣ. При отъѣздѣ изъ Парижа, ему дали провожатаго, который долженъ былъ сопутствовать ему до Берлина; но въ самую послѣднюю минуту вышло какое-то недоразумѣніе, и Бѣлинскій отправился одинъ. „Представьте мое положеніе,—писалъ онъ одному пріятелю въ Парижъ:—на бельгійской границѣ меня о чемъ-то спрашиваютъ, а я ничего не понимаю и только глазами хлопаю. Къ счастію, начальникъ таможни догадался, должно быть, что *я глупъ до святости*—и пропустилъ меня“.

бѣ". Историческія свѣдѣнія Бѣлинскаго были слишкомъ слабы: онъ не могъ особенно интересоваться мѣстами, гдѣ происходили великія событія европейской жизни; онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей; а праздное любопытство, глазѣніе, badauderie, было не въ его характерѣ. Музыка и живопись его, какъ уже сказано, трогали мало; а тѣ, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство. Да и наконецъ, ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ.... Онъ уже усталъ и охладѣлъ....

Не знаю, говорить ли объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ женщинамъ? Самъ онъ почти никогда не касался этого деликатнаго вопроса. Онъ вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ, и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его; онъ словно стыдился, словно не понималъ, что̀ за охота толковать о личныхъ дрязгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ! Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ, будучи *удаленъ* изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. асс., и какихъ онъ понадѣлалъ промаховъ! Бѣдность онъ, очевидно, испыталъ страшную, но никогда впослѣдствіи не услаждался ея расписываніемъ и размазываніемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжкую школу. Въ Бѣлинскомъ было слишкомъ много цѣломудреннаго достоинства для подобныхъ

изліяній, а можетъ быть, и слишкомъ много гордости.... Гордость и самолюбіе—двѣ вещи весьма различныя.

По понятію Бѣлинскаго, его наружность была такого рода, что никакъ не могла нравиться женщинамъ; онъ былъ въ этомъ убѣжденъ до мозгу костей, и, конечно, это убѣжденіе еще усиливало его робость и дикость въ сношеніяхъ съ ними. Я имѣю причину предполагать, что Бѣлинскій, съ своимъ горячимъ и впечатлительнымъ сердцемъ, съ своей привязчивостью и страстностью, Бѣлинскій, все-таки одинъ изъ первыхъ людей своего времени, не былъ никогда любимымъ женщиной. Бракъ свой онъ заключилъ не по страсти. Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну барышню, дочь тверского помѣщика Б—на; это было существо поэтическое, но она любила другого и притомъ она скоро умерла. Произошла также въ жизни Бѣлинскаго довольно странная и грустная исторія съ дѣвушкой изъ простого званія; помню его отрывочный, сумрачный разсказъ о ней.... онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.... но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Сердце его безмолвно и тихо истлѣло; онъ могъ воскликнуть словами поэта:

О, небо! Если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ....
И не томясь, не мучась болѣ,
Я просіялъ бы и погасъ!

Но мечты людскія несбывчивы, а сожалѣнья—безплодны. Кому не выпулся хорошій нумеръ—щеголяй съ пустымъ, да и не сказывай никому.

Не могу, однако, не упомянуть здѣсь, хотя мелькомъ, о благородныхъ, честныхъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на женщинъ вообще, и въ особенности на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія, словомъ, на то, что̀ теперь называютъ женскимъ вопросомъ. Уваженіе къ женщинамъ, признаніе ихъ свободы, ихъ не только семей-

наго, но и общественнаго значенія, сказываются у него всюду, гдѣ только онъ касается того вопроса,—правда, безъ той вызывающей, крикливой бойкости, которая теперь въ такой модѣ.

Не разъ приходится слышать слова: такой-то вò время, кстати умеръ.... Но ни къ кому они такъ несомнѣнно не примѣняются, какъ къ Бѣлинскому. „Да! онъ умеръ кстати и вò-время! Передъ смертью (Бѣлинскій скончался въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года) онъ еще успѣлъ быть свидѣтелемъ торжества своихъ любимыхъ, задушевныхъ надеждъ, и не видѣлъ ихъ окончательнаго крушенія.... А какія бѣды окидали его, если-бъ онъ остался живъ! Извѣстно, что полиція ежедневно справлялась о состояніи его здоровья, о ходѣ его агоніи.... Отъ тяжкихъ испытаній избавила его смерть. Притомъ же, и физика его уже отказывалась дѣйствовать.... Къ чему же было тянуть, медлить?

A struggle more—and I am free *)

Все такъ; по живой живое и думаетъ, и нельзя подавить въ себѣ чувства сожалѣнія о томъ изъ насъ, кого уноситъ смерть въ невѣдомый край, откуда „не возвратился еще ни одинъ путешественникъ“. Я иногда невольно задаю себѣ вопросъ, невольно представляю себѣ, что̀ бы сказалъ, что̀ бы почувствовалъ Бѣлинскій при видѣ великихъ реформъ, совершенныхъ нынѣшнимъ царствованіемъ—освобожденія крестьянъ, водворенія гласнаго суда и т. д.? Какой бы восторгъ возбудили въ немъ эти плодоносныя начинанія! Но онъ не дожилъ до нихъ.... Не дожилъ онъ также до того, что такъ же наполнило бы сладостью его сердце: не увидалъ онъ много хорошаго, что̀ совершилось послѣ него въ нашей литературѣ. Какъ бы порадовался онъ поэтиче-

---

*) Еще одно усиліе—и я свободенъ! (*Байронъ*).

скому дару Л. Н. Толстого, силѣ Островскаго, юмору Писемскаго, сатирѣ Салтыкова, трезвой правдѣ Рѣшетникова! Кому бы, какъ не ему, слѣдовало быть свидѣтелемъ всхода тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ многія были посѣяны его рукою?... Но, видно, -не слѣдовало....

Окончу мои воспоминанія о Бѣлинскомъ сообщеніемъ письма одной близкой ему дамы, которую я просилъ передать мнѣ подробности его кончины (я находился тогда за границей, въ Парижѣ), а также и нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ ко мнѣ.

Вотъ письмо дамы (отъ 23-го іюня 1848 года):

„Вы хотите знать что-нибудь о Бѣлинскомъ.... Но я не умѣю порядочно разсказывать, да и нечего почти говорить о человѣкѣ, который все послѣднее время весь былъ истощенъ физическими страданіями. Не могу выразить вамъ, какъ тяжело, какъ больно было смотрѣть на медленное разрушеніе этого бѣднаго страдальца. Воротился онъ изъ Парижа въ такомъ хорошемъ состояніи духа и здоровья, что всѣ мы, не исключая даже доктора, получили надежду на его выздоровленіе. Тутъ провелъ онъ у насъ нѣсколько утръ и вечеровъ въ непрерывномъ, живомъ, энергическомъ разговорѣ, и всѣ съ радостью узнавали въ немъ прежняго, довольно еще здороваго Бѣлинскаго; но странно, что съ самаго его возвращенія изъ чужихъ краевъ, нравъ его чрезвычайно измѣнился: онъ сталъ мягче, кротче, и въ немъ стало гораздо болѣе терпимости, нежели прежде; даже въ семейной жизни его нельзя было узнать, такъ онъ спокойно, и, повидимому, безъ борьбы, мирился со всѣмъ тѣмъ, что̀ прежде такъ сильно его волновало. Здоровое состояніе его продолжалось недолго; онъ въ Петербургѣ скоро простудился, и тутъ съ каждымъ днемъ его положеніе становилось безнадежнѣе, при каждомъ свиданіи съ нимъ

мы находили его страшно измѣнившимся, и казалось, что болѣе похудѣть ему уже нельзя; но, увидавъ его опять, находили еще страшнѣе. Въ послѣдній разъ я была у него за недѣлю до его смерти; застали мы его полулежащимъ на креслѣ; лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящіе; всякое дыханіе его было стонъ, и встрѣтилъ онъ насъ словами: „умираю, совсѣмъ умираю“: но эти слова были выговорены не съ убѣжденіемъ, не съ увѣренностью, а скорѣе съ желаніемъ, чтобы его опровергли. Нечего вамъ говорить, какіе тяжелые два часа провели мы тогда у него; говорить онъ, разумѣется, не могъ, но его даже ужъ и не занимали и не могли расшевелить разсказы о тѣхъ *предметахъ* *), которыми онъ прежде жилъ. Слегъ онъ въ постель дня за три до смерти, и кажется, надѣялся до тѣхъ поръ, пока жива была въ немъ память; наканунѣ онъ сталъ заговариваться, однако, узналъ Грановскаго, пріѣхавшаго въ тотъ же день изъ Москвы. Передъ самой смертью онъ говорилъ два часа, не переставая, какъ-будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать; потомъ онъ вдругъ замолкъ и черезъ полчаса мучительной агоніи умеръ. Бѣдная жена.... не отходила отъ него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его съ постели. Эта женщина.... право, заслуживаетъ всеобщее уваженіе; такъ усердно, съ такимъ терпѣніемъ, такъ безропотно ухаживала она за больнымъ мужемъ всю зиму“....

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Вотъ отрывки изъ писемъ Бѣлинскаго ко мнѣ:

Спб. $\frac{\text{19 февраля}}{\text{3 марта}}$ 1847.

„.... Когда вы собирались въ путь, я зналъ напередъ, чего лишаюсь въ васъ—но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что потерялъ въ васъ больше, нежели думалъ.... Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучалъ, какъ никогда въ жизни не скучалъ. Ложусь въ 11, иногда даже въ 10 часовъ, засыпаю до 12, встаю въ 7, 8, или около 9—и цѣлый день—особенно цѣлый вечеръ—(съ послѣ-обѣда)—дремлю—вотъ жизнь моя!

„....*** получилъ отъ К-ра ругательное письмо, но не показалъ ****. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ, все-таки, свое. При объясненіи со мною, онъ былъ нехорошъ: каплялъ, заикался, говорилъ, что̀ на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ,—и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ, и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки—видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что *я* не въ бѣшенствѣ и не въ *предвзятіи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно *перебольть* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ—а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости: я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню ***; и тѣмъ не менѣе, онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у кото-

раго будетъ капиталъ, который будетъ богать—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ, ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

„....Скажу, какъ новость: я, можетъ быть, буду въ Силезіи. Б. достаетъ мнѣ 2.500 руб. асс. Я-было начисто отказался—ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство—а просить, чтобъ мнѣ выдавали жалованье за время отсутствія—мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ *** я подумалъ, что церемониться глупо.... Онъ былъ очень радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я.... Я написалъ къ Б., и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло.

„Вашъ „Каратаевъ“ хорошъ, хотя и далеко ниже „Хоря и Калиныча“....

„....Мнѣ кажется, у васъ чисто творческаго таланта или нѣтъ—или очень мало—и вашъ талантъ однородень съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ, хоть бы „Ермолай и Мельничиха“—не Богъ знаетъ что̀, бездѣлка. а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслью. А въ „Бретерѣ“—я увѣренъ, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто—въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе- -наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію.... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что̀ ни то, ни се; не то, чтобъ не хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредитъ тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе — лучшаго не придумалось). А „Хорь“ обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя—въ будущемъ.

„.... Гоголь сильно покаранъ общественнымъ мнѣніемъ и разруганъ во всѣхъ журналахъ: даже друзья его, московскіе славянофилы—и тѣ отступились. если не отъ него, то отъ гнусной его книги“....

„Жена моя и всѣ мои домашніе, не исключая вашего крестника *)—кланяются вамъ“....

Спб. 1 (13) Марта 1847.

„.... Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе на счетъ источника извѣстныхъ поступковъ ***. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ—а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не дорось—а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности, и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу—изъ его примѣра— какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть полезенъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они—этотъ идеализмъ и романтизмъ, но что за дѣло человѣку, что ему помогло дурное на вкусъ лекарство. даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадко, а то. что оно помогло....

„Поѣздка моя въ Силезію рѣшена. Этимъ я обязанъ Боткину. Онъ нашелъ средство и протолкалъ меня. Нѣтъ, никогда я не хлопоталъ и никогда не буду хлопотать такъ о себѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Сколько писемъ написалъ онъ, по этому предмету, ко мнѣ, къ А—ву, къ Г—ну. къ брату своему, сколько разговоровъ, толковъ имѣлъ то съ тѣмъ, то съ другимъ! Недавно получилъ онъ отвѣтъ А—ва и прислалъ его мнѣ. А—въ дастъ мнѣ 400 франковъ. Вы знаете, что это человѣкъ порядочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ—и по себѣ знаете, что за границей во всякое время 400 фр.—по крайней мѣрѣ—не лишнія деньги. Но это еще ничего— этого я всегда ожи-

---

*) Я былъ крестнымъ отцомъ его сына.

дать отъ А—ва, а вотъ что̀ тронуло, уцинуло меня за самое сердце: *для меня* этотъ человѣкъ измѣняетъ планъ своего путешествія, не ѣдетъ въ Грецію и Константинополь—а ѣдетъ въ Силезію! Отъ этого, я вамъ скажу, можно даже сконфузиться—и если-бъ я не зналъ, не чувствовалъ глубоко, какъ сильно и много люблю я А—ва, мнѣ было бы досадно и непріятно такое происшествіе. Отправиться я думаю на первомъ пароходѣ“....

Спб. 12 (24) апрѣля 1847.

„Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, мой любезный Т. Вскорѣ по полученіи вашего второго ко мнѣ письма, въ которомъ вы изъявляете свое удовольствіе о здоровьѣ моего сына—онъ умеръ. Это меня уходило страшно. Я не живу — а умираю медленною смертью. Но къ дѣлу. Я взялъ билетъ на Штеттинскій пароходъ; онъ отходитъ 4 (16) мая“....

---

9 (21) мая я свидѣлся съ Бѣлинскимъ въ Штеттинѣ, куда я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Мнѣ писали изъ Петербурга, что смерть трехмѣсячнаго сына поразила его несказанно. Году не прошло, и онъ послѣдовалъ за нимъ въ могилу.

И вотъ, уже двадцать лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ—и я вызвалъ его дорогую тѣнь... Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи....

«Человѣкъ онъ былъ!»

1868 г.

I. — Я получилъ отъ А. Д. Галахова письмо по поводу статьи о Бѣлинскомъ, появившейся, какъ извѣстно, въ «Вѣстникѣ Европы»*). Помѣщаю здѣсь отрывокъ изъ этого письма. Въ немъ почтенный авторъ, мнѣніе котораго въ дѣлѣ исторіи литературы и критики пользуется справедливымъ уваженіемъ и вѣсомъ, до нѣкоторой степени пополняетъ мои воззрѣнія.

«...Что касается до какихъ-либо ошибокъ въ литературныхъ сужденіяхъ или въ фактахъ — то я не встрѣтилъ ни единой. Могу лишь указать на одну, по моему мнѣнію, неточность. Вы говорите, что Бѣлинскій, цѣня искусство какъ особую, совершенно естественную и законную сферу духовной дѣятельности человѣка, не былъ поклонникомъ теоріи искусства для искусства, и въ доказательство приводите его отзывъ о стихотвореніи Пушкина: «Черинъ». Мнѣ кажется, это не совсѣмъ такъ, по крайней мѣрѣ, въ хронологическомъ отношеніи. Отзывъ принадлежитъ ко времени вашего знакомства съ Бѣлинскимъ. До этого времени (до 1843-го г.) онъ уже работалъ и въ «Молвѣ» съ «Телескопомъ», и въ «Наблюдателѣ», и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Изъ нѣкоторыхъ критическихъ статей его, здѣсь помѣщенныхъ (особенно въ «Наблюдателѣ»), — видно, что онъ признавалъ справедливость знаменитой формулы: цѣль искусства — само искусство. За что же онъ и напалъ такъ сильно на Менцеля (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), какъ не за то, что Менцель, въ своей «Исторіи нѣмецкой литературы», подчинялъ эту послѣднюю цѣлямъ, лежащимъ внѣ литературной области, требовалъ отъ нея служенія политическимъ, гражданскимъ и инымъ видамъ, и съ этой точки зрѣнія преслѣдовалъ Гёте, восхваляя Шиллера? Я помню, что однажды, когда я зашелъ къ нему, онъ съ искреннимъ паѳосомъ показывалъ мнѣ портреты Гегеля и Гёте, какъ высшихъ представителей чистой мысли и чистаго искусства».

За симъ А. Д. Галаховъ, въ подкрѣпленіе словъ своихъ, приводитъ мѣсто изъ недавно вышедшаго труда А. Станкевича: «Т. Н. Грановскій» (стр. 114—116).

Очевидно, что я долженъ былъ сдѣлать оговорку. Когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, мнѣнія его были точно такія, какими я ихъ представилъ: онъ измѣнилъ ихъ незадолго передъ тѣмъ. Политическая струя въ немъ снова забила сильнѣе.

II. — А. Н. Пыпинъ, въ извѣстной своей біографіи Бѣлинскаго, оспариваетъ мое воззрѣніе на то, что я назвалъ неполитическимъ въ темпераментѣ Бѣлинскаго — и видитъ въ его «сдержанности» одну неизбѣжную уступку особымъ условіямъ того времени. — Я готовъ

*) Апрѣль, 1869, стр. 695.

согласиться съ почтеннымъ ученымъ: весьма вѣроятно, что оцѣнка г. Пыпинымъ *этой* стороны характера нашего великаго критика—вѣрнѣе моей — о чемъ долгомъ считаю объясниться передъ читателями. Тотъ «огонь», о которомъ я упомянулъ, никогда не угасалъ въ немъ, хотя не всегда могъ вырваться наружу.

Парижъ.—Сентябрь 1879.

III.—Гоголь.

(Жуковскій, Крыловъ, Лермонтовъ, Загоскинъ).

Меня свёлъ къ Гоголю покойный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Помню день нашего посѣщенія: 20-е октября 1851 года. Гоголь жилъ тогда въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Талызина, у графа Толстого. Мы пріѣхали въ часъ пополудни; онъ немедленно насъ принялъ. Комната его находилась возлѣ сѣней, направо. Мы вошли въ нее—и я увидѣлъ Гоголя, стоявшаго передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ. Онъ былъ одѣтъ въ темное пальто, зеленый бархатный жилетъ и коричневыя панталоны. За недѣлю до того дня я его видѣлъ въ театрѣ, на представленіи „Ревизора“; онъ сидѣлъ въ ложѣ бель-этажа, около самой двери—и, вытянувъ голову, съ нервическимъ безпокойствомъ поглядывалъ на сцену, черезъ плечи двухъ дюжихъ дамъ, служившихъ ему защитой отъ любопытства публики. Мнѣ указалъ на него сидѣвшій рядомъ со мною О. Я быстро обернулся, чтобы посмотрѣть на него: онъ вѣроятно замѣтилъ это движеніе и немного отодвинулся назадъ, въ уголъ. Меня поразила перемѣна, происшедшая въ немъ съ 1841 года. Я раза два встрѣтилъ его тогда у Авдотьи Петровны Е—ной. Въ то время онъ смотрѣлъ приземистымъ и плотнымъ малороссомъ; теперь онъ казался худымъ и испитымъ человѣкомъ, котораго уже успѣла на порядкахъ измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и

тревога, какое-то грустное безпокойство примѣшивались къ постоянно-проницательному выраженію его лица.

Увидѣвъ насъ со Щепкинымъ, онъ съ веселымъ видомъ пошелъ къ намъ на встрѣчу и, пожавъ мнѣ руку, промолвилъ: „Намъ давно слѣдовало быть знакомыми“. Мы сѣли. Я—рядомъ съ нимъ, на широкомъ диванѣ; Михаилъ Семеновичъ—на креслахъ, возлѣ него. Я попристальнѣе вглядѣлся въ его черты. Его бѣлокурые волосы, которые отъ висковъ падали прямо, какъ обыкновенно у казаковъ, сохранили еще цвѣтъ молодости, но уже замѣтно порѣдѣли; отъ его покатаго, гладкаго, бѣлаго лба попрежнему такъ и вѣяло умомъ. Въ небольшихъ карихъ глазахъ искрилась по временамъ веселость—именно веселость, а не насмѣшливость; но вообще, взглядъ ихъ казался усталымъ. Длинный, заостренный носъ придавалъ физіономіи Гоголя нѣчто хитрое, лисье; невыгодное впечатлѣніе производили также его одутловатыя, мягкія губы подъ остриженными усами; въ ихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ выражались —такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось—темныя стороны его характера: когда онъ говорилъ, онѣ непріятно раскрывались и выказывали рядъ нехорошихъ зубовъ; маленькій подбородокъ уходилъ въ широкій бархатный черный галстухъ. Въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ было что-то не профессорское, а учительское—что-то напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ. „Какое ты умное, и странное, и больное существо!“ невольно думалось, глядя на него. Помнится, мы съ Михаиломъ Семеновичемъ и ѣхали къ нему, какъ къ необыкновенному, геніальному человѣку, у котораго что-то тронулось въ головѣ.... вся Москва была о немъ такого мнѣнія. Михаилъ Семеновичъ предупредилъ меня, что съ нимъ не слѣдуетъ говорить о продолженіи

„Мертвыхъ Душъ“, объ этой второй части, надъ которою онъ такъ долго и такъ упорно трудился и которую онъ, какъ извѣстно, сжегъ передъ смертію, что онъ этого разговора не любитъ. О „Перепискѣ съ Друзьями“ я самъ не упомянулъ бы, такъ какъ ничего не могъ сказать о ней хорошаго. Впрочемъ, я и не готовился ни къ какой бесѣдѣ—а просто, жаждалъ видѣться съ человѣкомъ, творенія котораго я чуть не зналъ наизусть. Нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда его имя; теперь же и нѣтъ никого, на комъ могло бы сосредоточиться общее вниманіе.

Щепкинъ заранѣе объявилъ мнѣ, что Гоголь не словоохотливъ; на дѣлѣ вышло иначе. Гоголь говорилъ много, съ оживленіемъ, размѣренно отталкивая и отчеканивая каждое слово—что не только не казалось неестественнымъ, но напротивъ, придавало его рѣчи какую-то пріятную вѣскость и впечатлительность. Онъ говорилъ на *о:* другихъ, для русскаго слуха менѣе любезныхъ, особенностей малороссійскаго говора, я не замѣтилъ. Все выходило ладно, складно, вкусно и мѣтко. Впечатлѣніе усталости, болѣзненнаго, нервическаго безпокойства, которое онъ сперва произвелъ на меня—исчезло. Онъ говорилъ о значеніи литературы, о призваніи писателя, о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ собственнымъ произведеніямъ; высказалъ нѣсколько тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о самомъ процессѣ работы, самой, если можно такъ выразиться, физіологіи сочинительства; и все это—языкомъ образнымъ, оригинальнымъ—и, сколько я могъ замѣтить, нимало не подготовленнымъ заранѣе, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ у „знаменитостей“. Только когда онъ завелъ рѣчь о цензурѣ, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее, какъ средство развивать въ писателѣ сноровку, умѣніе защищать

свое дѣтище, терпѣніе и множество другихъ христіанскихъ и свѣтскихъ добродѣтелей—только тогда—мнѣ показалось, что онъ черпаетъ изъ готоваго арсенала. Притомъ, доказывать такимъ образомъ необходимость цензуры—не значило ли рекомендовать и почти похваливать хитрость и лукавство рабства? Я могу еще допустить стихъ итальянскаго поэта: „Si, servi siam; ma servi ognor frementi“ *); но самодовольное смиреніе и плутовство рабства.... нѣтъ! лучше не говорить объ этомъ. Въ подобныхъ измышленіяхъ и разсудительствахъ Гоголя слишкомъ явно выказывалось вліяніе тѣхъ особъ высшаго полета, которымъ посвящена большая часть „Переписки“: оттуда шелъ этотъ затхлый и прѣсный духъ. Вообще, я скоро почувствовалъ, что между міросозерцаніемъ Гоголя и моимъ — лежала цѣлая бездна. Не одно и то же мы ненавидѣли, не одно любили; но въ ту минуту—въ моихъ глазахъ все это не имѣло важности. Великій поэтъ, великій художникъ былъ передо мною, и я глядѣлъ на него, слушалъ его съ благоговѣніемъ, даже когда не соглашался съ нимъ.

Гоголь, вѣроятно, зналъ мои отношенія къ Бѣлинскому, къ Искандеру; о первомъ изъ нихъ, объ его письмѣ къ нему—онъ не заикнулся: это имя обожгло бы его губы. Но въ то время только-что появилась—въ одномъ заграничномъ изданіи—статья Искандера, въ которой онъ, по поводу пресловутой „Переписки“, упрекалъ Гоголя въ отступничествѣ отъ прежнихъ убѣжденій. Гоголь самъ заговорилъ объ этой статьѣ. Изъ его писемъ, напечатанныхъ послѣ его смерти (о! какую услугу оказалъ бы ему издатель, если-бъ выкинулъ изъ нихъ цѣлыя двѣ трети, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которыя писаны къ свѣтскимъ

*) Мы рабы.... да; но рабы, вѣчно негодующіе.

дамамъ.... болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона—въ литературѣ не существуетъ!)—изъ писемъ Гоголя мы знаемъ, какою неизлечимой раной залегло въ его сердцѣ полное фіаско его „Переписки“—это фіаско, въ которомъ нельзя не привѣтствовать одно изъ немногихъ утѣшительныхъ проявленій тогдашняго общественнаго мнѣнія. И мы, съ покойнымъ М. С. Щепкинымъ, были свидѣтелями—въ день нашего посѣщенія—до какой степени эта рана наболѣла. Гоголь началъ увѣрять насъ—внезапно измѣнившимся, торопливымъ голосомъ,—что не можетъ понять, почему въ прежнихъ его сочиненіяхъ нѣкоторые люди находятъ какую-то оппозицію, что-то такое, чему онъ измѣнилъ впослѣдствіи;—что онъ всегда придерживался однихъ и тѣхъ же религіозныхъ и охранительныхъ началъ—и, въ доказательство того, готовъ намъ указать на нѣкоторыя мѣста въ одной своей, уже давно напечатанной, книгѣ.... Промолвивъ эти слова, Гоголь съ почти юношеской живостью вскочилъ съ дивана и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Михаилъ Семенычъ только брови возвелъ горѣ—и указательный палецъ поднялъ.... „Никогда такимъ его не видалъ“, шепнулъ онъ мнѣ....

Гоголь вернулся съ томомъ „Арабесокъ“ въ рукахъ—и началъ читать на выдержку нѣкоторыя мѣста одной изъ тѣхъ дѣтски-напыщенныхъ и утомительно-пустыхъ статей, которыми наполненъ этотъ сборникъ. Помнится, рѣчь шла о необходимости строгаго порядка, безусловнаго повиновенія властямъ и т. п. „Вотъ, видите, твердилъ Гоголь, я и прежде всегда то же думалъ, точно такія же высказывалъ убѣжденія, какъ и теперь!... Съ какой же стати упрекать меня въ измѣнѣ, въ отступничествѣ.... Меня?“—И это говорилъ авторъ „Ревизора“, одной изъ самыхъ отрица-

тельныхъ комедій, какія когда-либо являлись на сценѣ! Мы съ Щепкинымъ молчали. Гоголь бросилъ, наконецъ, книгу на столъ и снова заговорилъ объ искусствѣ, о театрѣ; объявилъ, что остался недоволенъ игрою актеровъ въ „Ревизорѣ“, что они „тонъ потеряли“, и что онъ готовъ имъ прочесть всю піесу съ начала до конца. Щепкинъ ухватился за это слово и тутъ же уладилъ, гдѣ и когда читать. Какая-то старая барыня пріѣхала къ Гоголю; она привезла ему просфору съ вынутой частицей. Мы удалились.

Дня черезъ два происходило чтеніе „Ревизора“ въ одной изъ залъ того дома, гдѣ проживалъ Гоголь. Я выпросилъ позволеніе присутствовать на этомъ чтеніи. Покойный профессоръ Шевыревъ также былъ въ числѣ слушателей и—если не ошибаюсь—Погодинъ. Къ великому моему удивленію, далеко не всѣ актёры, участвовавшіе въ „Ревизорѣ“, явились на приглашеніе Гоголя: имъ показалось обиднымъ, что ихъ словно хотятъ учить! Ни одной актрисы также не пріѣхало. Сколько я могъ замѣтить, Гоголя огорчилъ этотъ неохотный и слабый отзывъ на его предложеніе.... Извѣстно, до какой степени онъ скупился на подобныя милости. Лицо его приняло выраженіе угрюмое и холодное; глаза подозрительно насторожились. Въ тотъ день онъ смотрѣлъ, точно, больнымъ человѣкомъ. Онъ принялся читать—и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской; глаза расширились и посвѣтлѣли. Читалъ Гоголь превосходно.... Я слушалъ его тогда въ первый—и въ послѣдній разъ. Диккенсъ, также превосходный чтецъ, можно сказать, разыгрываетъ свои романы, чтеніе его—драматическое, почти театральное: въ одномъ его лицѣ является нѣсколько первоклассныхъ актеровъ, которые заставляютъ васъ то смѣяться, то плакать; Го-

голь, напротивъ, поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и въ то же время наивной искренностью, которой словно и дѣла нѣтъ—есть ли тутъ слушатели и что̀ они думаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ, какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный—особенно въ комическихъ, юмористическихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться — хорошимъ, здоровымъ смѣхомъ; а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло—и лишь изрѣдка, на губахъ и около глазъ, чуть замѣтно трепетала лукавая усмѣшка мастера. Съ какимъ недоумѣніемъ, съ какимъ изумленіемъ Гоголь произнесъ знаменитую фразу Городничаго о двухъ крысахъ (въ самомъ началѣ піесы). „Пришли, понюхали и пошли прочь!“—Онъ даже медленно оглянулъ насъ, какъ бы спрашивая объясненія такого удивительнаго происшествія. Я только тутъ понялъ, какъ вообще невѣрно, поверхностно, съ какимъ желаніемъ только поскорѣй насмѣшить—обыкновенно разыгрывается на сценѣ „Ревизоръ“. Я сидѣлъ, погруженный въ радостное умиленіе: это былъ для меня настоящій пиръ и праздникъ. Къ сожалѣнію, онъ продолжался недолго. Гоголь еще не успѣлъ прочесть половину перваго акта, какъ вдругъ дверь шумно растворилась и, торопливо улыбаясь и кивая головою, промчался черезъ всю комнату одинъ еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литераторъ—и, не сказавъ никому ни слова, поспѣшилъ занять мѣсто въ углу. Гоголь остановился, съ размаху ударилъ рукой по звонку—и съ сердцемъ замѣтилъ вошедшему камердинеру: „Вѣдь я велѣлъ тебѣ никого не впускать?“ Молодой литераторъ слегка пошевелился на стулѣ—а впрочемъ, не смутился нисколько. Гоголь отпилъ немного воды—и спо-

ва принялся читать: но ужъ это было совѣмъ не то. Онъ сталъ спѣшить, бормотать себѣ подъ носъ, не доканчивать словъ: иногда онъ пропускалъ цѣлыя фразы—и только махалъ рукою. Неожиданное появленіе литератора его разстроило: нервы его, очевидно, не выдерживали малѣйшаго толчка. Только въ извѣстной сценѣ, гдѣ Хлестаковъ завирается, Гоголь снова ободрился и возвысилъ голосъ: ему хотѣлось показать исполнявшему роль Ивана Александровича, какъ должно передавать это дѣйствительно затруднительное мѣсто. Въ чтеніи Гоголя оно показалось мнѣ естественнымъ и правдоподобнымъ. Хлестаковъ увлеченъ и страшностью своего положенія, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; онъ и знаетъ, что вретъ,—и вѣритъ своему вранью: это нѣчто въ родѣ упоенія, нантія, сочинительскаго восторга — это не простая ложь, не простое хвастовство. Его самого „подхватило“. „Просители въ передней жужжатъ, 35 тысячъ эстафетовъ скачетъ—а дурачье, моль, слушаетъ, развѣсивъ уши, и какой я—моль бойкій, игривый, свѣтскій молодой человѣкъ!“ Вотъ какое впечатлѣніе производилъ въ устахъ Гоголя Хлестаковскій монологъ. Но, вообще говоря, чтеніе „Ревизора!“ въ тотъ день было—какъ Гоголь самъ выразился—не болѣе, какъ намекъ, эскизъ; и все по милости непрошеннаго литератора, который простеръ свою нецеремонность до того, что остался послѣ всѣхъ у побѣдившаго, усталаго Гоголя и втерся за нимъ въ его кабинетъ.

Въ сѣняхъ я разстался съ нимъ и уже никогда не увидалъ его больше; но его личности было еще суждено возымѣть значительное вліяніе на мою жизнь.

Въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца слѣдующаго 1852 года, я находился на одномъ утреннемъ засѣданіи вскорѣ потомъ погибшаго общества посѣщенія бѣдныхъ—

въ залѣ Дворянскаго Собранія,—и вдругъ замѣтилъ П. П. Панаева, который съ судорожною поспѣшностью перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, очевидно, сообщая каждому изъ нихъ неожиданное и невеселое извѣстіе, ибо у каждаго лицо тотчасъ выражало удивленіе и печаль. Панаевъ, наконецъ, подбѣжалъ и ко мнѣ—и съ легкой улыбочкой, равнодушнымъ тономъ промолвилъ: „А ты знаешь, Гоголь померъ въ Москвѣ. Какъ же, какъ же.... Всѣ бумаги сжегъ—да померъ“—помчался далѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что. какъ литераторъ, Панаевъ внутренно скорбѣлъ о подобной утратѣ—притомъ же, и сердце онъ имѣлъ доброе—но удовольствіе быть первымъ человѣкомъ, сообщающимъ другому огорашивающую новость (равнодушный тонъ употреблялся для бо́льшаго форсу) — это удовольствіе, эта радость заглушали въ немъ всякое другое чувство. Уже нѣсколько дней въ Петербургѣ ходили темные слухи о болѣзни Гоголя; но такого исхода никто не ожидалъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщеннаго мнѣ извѣстія я написалъ слѣдующую небольшую статью:

Письмо изъ Петербурга *).

Гоголь умеръ!—Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова?—Онъ умеръ. Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія,—пришла эта роковая вѣсть!—Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертію, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы; человѣкъ,

*) „Московскія Вѣдомости“, 1852 года, марта 13-го, № 32, стр. 328 и 329.

которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ!— Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ.... Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить объ его заслугахъ—это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви судомъ, которымъ подобные ему люди судятся передъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того: намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы чувствуемъ разлитою повсюду вокругъ насъ; не оцѣнять его намъ хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ.... самый любимый, самый знакомый образъ ненсенъ для глазъ, орошенныхъ слезами.... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется протянуть ей отсюда руку—соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали. Мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо; но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный привѣтъ — и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить горсть родимой земли!—Мысль, что прахъ его будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе люди не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ! Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе, самые зрѣлые плоды его генія погиб-

ли для насъ невозвратно — и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи....

Едва ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными, или даже вовсе неумѣстными.... Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія—все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилой! они не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами: миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!

Т.....въ *).

Я препроводилъ эту статью въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ; но именно въ то время цензурныя строгости стали весьма усиливаться съ нѣкоторыхъ поръ.... Подобныя „crescendo“ происходили довольно часто и—для постороняго зрителя—такъ же безпричинно, какъ, напр., увеличеніе смертности въ эпидеміяхъ. Статья моя не появилась ни въ одинъ изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ дней. Встрѣтившись на улицѣ съ издателемъ, я спросилъ его, что бы это значило?— „Видите, какая погода“, отвѣчалъ онъ мнѣ иносказательною рѣчью: „и думать нечего“.— Да вѣдь статья самая невинная, замѣтилъ я.— „Невинная

*) По поводу этой статьи (о ней тогда же кто-то весьма справедливо сказалъ, что изъ богатаго куша, о смерти котораго журнали не стозвались бы съ большимъ жаромъ)—мнѣ вспоминается слѣдующее: она очень высокопоставленная дама—въ Петербургѣ—находила, что наказаніе, которому я подвергся за эту статью, было незаслуженно—и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ строго, жестоко.... Словомъ, она горячо заступалась за меня. „Но вѣдь вы не знаете, положилъ ей кто-то—онъ въ своей статьѣ называетъ Гоголя великимъ человѣкомъ!“ — Не можетъ быть! — „Увѣряю васъ“.—А! въ такомъ случаѣ, я ничего не говорю: je regrette, mais je comprends qu' on ait dû sévir.

ли, нѣтъ ли", возразилъ издатель:—„дѣло не въ томъ; вообще, имя Гоголя не велѣно упоминать. Закревскій на похоронахъ въ андреевской лентѣ присутствовалъ: этого здѣсь переварить не могутъ". Вскорѣ потомъ я получилъ отъ одного пріятеля изъ Москвы письмо, наполненное упреками: „Какъ! восклицалъ онъ:—Гоголь умеръ, и хоть бы одинъ журналъ у васъ въ Петербургѣ отозвался! Это молчаніе постыдно!"—Въ отвѣтъ моемъ я объяснилъ—сознаюсь, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ—моему пріятелю причину этого молчанія, и въ доказательство, какъ документъ, приложилъ мою запрещенную статью. Онъ ее представилъ немедленно на разсмотрѣніе тогдашняго попечителя московскаго округа—генерала Назимова—и получилъ отъ него разрѣшеніе напечатать ее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Это происходило въ половинѣ марта, а 16 апрѣля я—за ослушаніе и нарушеніе цензурныхъ правилъ—былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части (первые двадцать-четыре часа я провелъ въ спбиркѣ и бесѣдовалъ съ изысканно-вѣжливымъ и образованнымъ полицейскимъ унтеръ-офицеромъ, который разсказывалъ мнѣ о своей прогулкѣ въ Лѣтнемъ Саду и объ „ароматѣ птицъ") —а потомъ отправленъ на жительство въ деревню. Я нисколько не намѣренъ обвинять тогдашнее правительство: попечитель с.-петербургскаго округа, теперь уже покойный Мусинъ-Пушкинъ, представилъ—изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ—все дѣло, какъ явное неповиновеніе съ моей стороны; онъ не поколебался заявить высшее начальство, что *онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе цензурнаго комитета печатать мою статью* (одно цензорское запрещеніе не могло помѣшать мнѣ—въ силу существовавшихъ постановленій—подвергнуть статью мою суду другого цензора), *а я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ.* Нельзя же было правительству подозрѣвать сановника, до-

вѣрное лицо, — въ подобномъ искаженіи истины! Но все къ лучшему; пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія.

Уже дописывая предыдущую строку, я вспомнилъ, что первое мое свиданіе съ Гоголемъ происходило гораздо раньше, чѣмъ я сказалъ въ началѣ. А именно: я былъ однимъ изъ его слушателей въ 1835 году, когда онъ преподавалъ (!) исторію въ с.-петербургскомъ университетѣ. Это преподаваніе, правду сказать, происходило оригинальнымъ образомъ. Во-первыхъ, Гоголь изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ; во-вторыхъ, даже когда онъ появлялся на каѳедрѣ—онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывалъ намъ маленькія гравюры на сталп, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ—и все время ужасно конфузился. Мы всѣ были убѣждены (и едва ли мы ошибались), что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи—и что г. *Гоголь-Яновскій*, нашъ профессоръ (онъ такъ именовался въ росписаніи лекцій), не имѣетъ ничего общаго съ писателемъ Гоголемъ, уже извѣстнымъ намъ, какъ авторъ „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканки“. На выпускномъ экзаменѣ изъ своего предмета онъ сидѣлъ, повязанный платкомъ, яко бы отъ зубной боли — съ совершенно-убитой физіономіей— и не разѣвалъ рта. Спрашивалъ студентовъ за него профессоръ П. П. Шульгинъ. Какъ теперь вижу его худую, длинноносую фигуру съ двумя высоко торчавшими—въ видѣ ушей — концами чернаго шелковаго платка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю неловкость своего положенія: онъ въ томъ же году подалъ въ отстав-

ку. Это не помѣшало ему, однако, воскликнуть: „Непризнанный, взошелъ я на каѳедру—и непризнанный схожу съ нея!“—Онъ былъ рожденъ для того, чтобъ быть наставникомъ своихъ современниковъ; но только не съ каѳедры.

Въ предыдущемъ (первомъ) отрывкѣ я упомянулъ о моей встрѣчѣ съ Пушкинымъ; скажу, кстати, нѣсколько словъ и о другихъ, теперь уже умершихъ, литературныхъ знаменитостяхъ, которыя мнѣ удалось видѣть. Начну съ Жуковскаго. Живя — вскорѣ послѣ двѣнадцатаго года — въ своей деревнѣ, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, онъ нѣсколько разъ посѣтилъ мою матушку—тогда еще дѣвицу—въ ея Мценскомъ имѣніи: сохранилось даже преданіе, что онъ въ одномъ домашнемъ спектаклѣ игралъ роль волшебника, и чуть ли не видѣлъ я самый колпакъ его съ золотыми звѣздами—въ кладовой родительскаго дома. Но съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы—и, вѣроятно, изъ памяти его изгладилось самое воспоминаніе о деревенской барышнѣ, съ которой онъ познакомился случайно и мимоходомъ. Въ годъ переселенія нашего семейства въ Петербургъ—мнѣ было тогда 16 лѣтъ — моей матушкѣ вздумалось напомнить о себѣ Василію Андреевичу. Она вышила ко дню его именинъ красивую бархатную подушку и послала меня съ нею къ нему въ Зимній дворецъ. Я долженъ былъ назвать себя, объяснить, чей я сынъ, и поднести подарокъ. Но когда я очутился въ огромномъ, до тѣхъ поръ мнѣ незнакомомъ дворцѣ, когда мнѣ пришлось пробираться по каменнымъ длиннымъ корридорамъ, подниматься на каменныя лѣстницы, то-и-дѣло натыкаясь на неподвижныхъ, словно тоже каменныхъ, часовыхъ; когда я, наконецъ, отыскалъ квартиру Жуковскаго и очутился передъ трехъ-аршиннымъ краснымъ лакеемъ съ галунами по всѣмъ швамъ и орлами

на галунахъ—мною овладѣлъ такой трепетъ, я почувствовалъ такую робость, что, представъ въ кабинетъ, куда пригласилъ меня красный лакей и гдѣ изъ-за длинной конторки глянуло на меня задумчиво-привѣтливое, но важное и нѣсколько изумленное лицо самого поэта—я, несмотря на всѣ усилія, не могъ произнести звука: языкъ, какъ говорится, прильнулъ къ гортани, и весь сгорая отъ стыда, едва ли не со слезами на глазахъ, я остановился, какъ вкопанный, на порогѣ двери, и только протягивалъ и поддерживалъ обѣими руками—какъ младенца при крещеніи—несчастную подушку, на которой, какъ теперь помню, была изображена дѣвица въ средневѣковомъ костюмѣ, съ попугаемъ на плечѣ. Смущеніе мое, вѣроятно, возбудило чувство жалости въ доброй душѣ Жуковскаго: онъ подошелъ ко мнѣ, тихонько взялъ у меня подушку, попросилъ меня сѣсть и снисходительно заговорилъ со мною. Я объяснилъ ему, наконецъ, въ чемъ было дѣло, — и, какъ только могъ, бросился бѣжать.

Уже тогда Жуковскій, какъ поэтъ, потерялъ въ глазахъ моихъ прежнее значеніе; но все-таки я радовался нашему, хотя и неудачному свиданію, и придя домой, съ особеннымъ чувствомъ припоминалъ его улыбку, ласковый звукъ его голоса, его медленныя и пріятныя движенія. Портреты Жуковскаго почти всѣ очень похожи: физіономія его не была изъ тѣхъ, которыя уловить трудно, которыя часто мѣняются. Конечно, въ 1843 году въ немъ и слѣда не оставалось того болѣзненнаго юноши, какимъ представлялся воображенію нашихъ отцовъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“: онъ сталъ осанистымъ, почти полнымъ человѣкомъ. Лицо его, слегка припухлое, молочнаго цвѣта, безъ морщинъ, дышало спокойствіемъ; онъ держалъ голову наклонно, какъ бы прислушиваясь и размышляя;

тонкіе. жидкіе волосы всходили косицами на совѣмъ почти лысый черепъ, тихая благость свѣтилась въ углубленномъ взглядѣ его темныхъ, на китайскій ладъ приподнятыхъ глазъ, а на довольно крупныхъ, но правильно очерченныхъ губахъ постоянно присутствовала чуть замѣтная, но искренняя улыбка благоволенія и привѣта. Полувосточное происхожденіе его (мать его была, какъ извѣстно, турчанка)—сказывалось во всемъ его обликѣ.

Нѣсколько недѣль спустя, меня еще разъ свелъ къ нему старинный пріятель нашего семейства, Вонифатій Ивановичъ Губаревъ, замѣчательное, типическое лицо. Небогатый помѣщикъ кромскаго уѣзда, орловской губерніи, онъ во время ранней молодости находился въ самой тѣсной связи съ Жуковскимъ, Блудовымъ, Уваровымъ: онъ въ ихъ кружкѣ былъ представителемъ французской философіи, скептическаго, энциклопедическаго элемента, раціонализма, словомъ — XVIII вѣка. Губаревъ превосходно говорилъ по-французски, Вольтера зналъ наизусть и ставилъ выше всего на свѣтѣ; другихъ сочинителей онъ едва ли читалъ; складъ его ума былъ чисто французскій, до-революціонный, смѣю прибавить. Я до сихъ поръ помню его почти постоянный, громкій и холодный смѣхъ, его развязныя, слегка цинническія сужденія и выходки. Уже одна его наружность осуждала его на одинокую — и независимую жизнь: это былъ человѣкъ весьма собою некрасивый, толстый, съ огромной головой и рябинами по всему лицу. Долгое пребываніе въ провинціи наложило на него, наконецъ, свою печать; но онъ остался „типомъ“ до конца, и до конца, подъ бѣднымъ казакиномъ мелкаго дворянчика, носящаго дома смазные сапоги, сохранилъ свободу и даже изящество манеръ. Я не знаю причины, почему онъ не пошелъ въ гору, не составилъ себѣ карьеры, какъ его това-

рицы. Вѣроятно, въ немъ не было надлежащей настойчивости, не было честолюбія: оно плохо уживается съ тѣмъ полу-равнодушнымъ, полу-насмѣшливымъ эпикуреизмомъ, который онъ заимствовалъ отъ своего образца—Вольтера; а таланта литературнаго онъ въ себѣ не признавалъ; фортуна ему не улыбнулась—онъ такъ и стушевался, заглохъ, сталъ бобылемъ. Но любопытно было бы прослѣдить, какъ этотъ закоренѣлый вольтеріанецъ въ молодости обходился съ своимъ пріятелемъ, будущимъ „балладникомъ“ и переводчикомъ Шиллера! Бо́льшаго противорѣчія и придумать нельзя; но сама жизнь есть не что иное, какъ постоянно побѣждаемое противорѣчіе.

Жуковскій—въ Петербургѣ—вспомнилъ стараго пріятеля и не забылъ, чѣмъ можно было его порадовать: подарилъ ему новое, прекрасно переплетенное собраніе полныхъ сочиненій Вольтера. Говорятъ, незадолго до смерти—а Губаревъ жилъ долго—сосѣди видѣли его въ его полуразрушенной хижинкѣ, сидѣвшаго за убогимъ столомъ, на которомъ лежалъ подарокъ его знаменитаго друга. Онъ бережно переворачивалъ золотообрѣзные листы любимой книги—и въ глуши степного захолустья, искренно, какъ и въ дни молодости, тѣшился остротами, которыми забавлялись нѣкогда Фридрихъ Великій въ Санъ-Суси и Екатерина Вторая въ Царскомъ Селѣ. Другого ума, другой поэзіи, другой философіи для него не существовало. Это, разумѣется, не мѣшало ему носить на шеѣ цѣлую кучу образовъ и ладонокъ—и состоять подъ командой безграмотной ключницы.... Логика противорѣчій!

Съ Жуковскимъ я больше не встрѣчался.

Крылова я видѣлъ всего одинъ разъ—на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ часа три слишкомъ, неподвижно, между двумя

окнами—и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный попошенный фракъ, бѣлый шейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни—и даже не поворачивалъ своей колосальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что онъ, слушаетъ ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто *такъ* сидитъ и „существуетъ?“ Ни сонливости, ни вниманія на этомъ обширномъ, прямо русскомъ лицѣ—а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ—или не хочетъ—пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ.... Хозяинъ, наконецъ, попросилъ его пожаловать къ ужину. „Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Иванъ Андреичъ“, замѣтилъ онъ хлопотливо и какъ бы исполняя неизбѣжный долгъ. Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо.... „Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?“—казалось, внутренно промолвилъ онъ—грузно всталъ и грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто за столомъ.

Лермонтова я тоже видѣлъ всего два раза: въ домѣ одной знатной петербургской дамы, Княгини III....ой, и нѣсколько дней спустя, на маскарадѣ въ Благородномъ Собраніи, подъ новый 1840 годъ. У Княгини III....ой, я, весьма рѣдкій, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ въ славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ—бѣлокурая графиня М. П.—рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе. На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни

сабли, ни перчатокъ — и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу III....у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно несогласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Печоринѣ. Слова: „Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся“ *) и т. д. — дѣйствительно, примѣнялись къ нему. Помнится, графъ III. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки казалось, что и графа III....а онъ любилъ, какъ товарища—и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода Байроновскій жанръ, съ примѣсью другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ!—Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба.—На балѣ Дворянскаго Собранія ему не давали покоя, безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки; одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ писк, поочередно

*) „Герой нашего времени“, стр. 280. Сочиненія Лермонтова изд. 1870 г.

обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества. Быть можетъ, ему приходили въ голову тѣ стихи:

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки.... и т. д.

Скажу, кстати, два слова еще объ одномъ умершемъ литераторѣ, хотя онъ и принадлежитъ къ „diis minorum gentium“, и уже никакъ не можетъ стать наряду съ поименованными выше—а именно, о М. Н. Загоскинѣ. Онъ былъ короткимъ пріятелемъ моего отца и въ тридцатыхъ годахъ, во время нашего пребыванія въ Москвѣ, почти ежедневно посѣщалъ нашъ домъ. Его „Юрій Милославскій“ былъ первымъ сильнымъ литературнымъ впечатлѣніемъ моей жизни. Я находился въ пансіонѣ нѣкоего г. Вейденгаммера, когда появился знаменитый романъ; учитель русскаго языка—онъ же и классный надзиратель—разсказалъ, въ часы рекреаціи, моимъ товарищамъ и мнѣ его содержаніе. Съ какимъ пожирающимъ вниманіемъ мы слушали похожденія Кирши, слуги Милославскаго, Алексѣя, разбойника Омляша!—Но—странное дѣло! „Юрій Милославскій“ казался мнѣ чудомъ совершенства, а на автора его, на М. Н. Загоскина, я взиралъ довольно равнодушно. За объясненіемъ этого факта ходить недалеко: впечатлѣніе, производимое Михаиломъ Николаевичемъ, не только не могло усилить тѣ чувства поклоненія и восторга, которыя возбуждалъ его романъ, но напротивъ—оно должно было ослабить ихъ. Въ Загоскинѣ не проявлялось ничего величественнаго, ничего фатальнаго, ничего такого, что̀ дѣйствуетъ на юное воображеніе; говоря правду, онъ былъ даже довольно комиченъ, а рѣдкое его

добродушіе не могло быть надлежащимъ образомъ оцѣнено мною: *это* качество не имѣетъ значенія въ глазахъ легкомысленной молодежи. Самая фигура Загоскина, его странная, словно сплюснутая голова, четырехъ-угольное лицо, выпученные глаза подъ вѣчными очками, близорукій и тупой взглядъ, необычныя движенія бровей, губъ, носа, когда онъ удивлялся или даже просто говорилъ, внезапныя восклицанія, взмахи рукъ, глубокая впадина, раздѣлявшая надвое его короткій подбородокъ — все въ немъ мнѣ казалось чудаковатымъ, неуклюжимъ, забавнымъ. Къ тому же, за нимъ водились три, тоже довольно комическія, слабости: онъ воображалъ себя необыкновеннымъ силачомъ *); онъ былъ увѣренъ, что никакая женщина не въ состояніи устоять передъ нимъ; и наконецъ (и это въ такомъ рьяномъ патріотѣ было особенно удивительно)—онъ питалъ несчастную слабость къ французскому языку, который коверкалъ безъ милости, безпрестанно смѣшивая числа и роды, такъ что даже получилъ въ нашемъ домѣ прозвище: „Monsieur l'article“. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя было не любить Михаила Николаевича за его золотое сердце, за ту безыскусственную откровенность нрава, которая поражаетъ въ его сочиненіяхъ.

Послѣднее мое свиданіе съ нимъ было печально. Я навѣстилъ его, много лѣтъ спустя,—въ Москвѣ, незадолго передъ смертью. Онъ уже не выходилъ изъ своего каби-

*) Легенда о его силѣ проникла даже за границу. На одномъ публичномъ чтеніи въ Германіи я, къ удивленію моему, услыхалъ балладу, въ которой описывалось, какъ въ столицу Московіи прибылъ геркулесъ Раппо, и давая представленія на театрѣ, всѣхъ вызывалъ и всѣхъ побѣждалъ; какъ внезапно, среди зрителей, не вытерпѣвъ посрамленія соотечественниковъ, поднялся der russiche Dichter: stehet auf der Zagoskin! (съ удареніемъ на *кинъ*)—какъ онъ сразился съ Раппо и, побѣдивъ его, удалился скромно и съ достоинствомъ.

нета и жаловался на постоянную боль и ломоту во всѣхъ членахъ. Онъ не похудѣлъ, но мертвенная блѣдность покрывала его все еще полныя щеки, придавая имъ тѣмъ болѣе унылый видъ. Взмахи бровей и таращеніе глазъ остались тѣ же; невольный комизмъ этихъ движеній только усугублялъ чувство жалости, которую возбуждала вся фигура бѣднаго сочинителя, явно клонившаяся къ разрушенію. Я заговорилъ съ нимъ объ его литературной дѣятельности, о томъ, что въ петербургскихъ кружкахъ снова стали цѣнить его заслуги, отдавать ему справедливость; упомянулъ о значеніи „Юрія Милославскаго", какъ народной книги.... Лицо Михаила Николаевича оживилось. „Ну, спасибо, спасибо, сказалъ онъ мнѣ:—а я уже думалъ, что я забытъ, что нынѣшняя молодежь въ грязь меня втоптала и бревномъ меня накрыла". (Со мной Михаилъ Николаевичъ не говорилъ по французски — а въ русскомъ разговорѣ онъ любилъ употреблять выраженія энергическія). „Спасибо", повторилъ онъ не безъ волненія, и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, точно я былъ причиною того, что его не забыли. Помнится, довольно горькія мысли о такъ называемой литературной извѣстности пришли мнѣ въ голову тогда. Внутренно я почти упрекнулъ Загоскина въ малодушіи. Чему, думалъ я, радуется человѣкъ?—Но отчего же было ему и не радоваться?—Онъ услыхалъ отъ меня, что не совсѣмъ умеръ.... а вѣдь горше смерти для человѣка нѣтъ ничего. Иная литературная извѣстность можетъ, пожалуй, дожить до того, что и этой ничтожной радости не узнаетъ. За періодомъ легкомысленныхъ восхваленій послѣдуетъ періодъ столь же мало осмысленной брани, а тамъ — безмолвное забвеніе.... Да и кто изъ насъ имѣетъ право не быть забытымъ—право отягощать своимъ именемъ память потомковъ, у которыхъ свои нужды, свои заботы, свои стремленія?

А все-таки, я радъ, что я, совершенно случайно, доставилъ доброму Михаилу Николаевичу, передъ концомъ его жизни,—хотя мгновенное удовольствіе.

IV.—Поѣздка въ Альбано и Фраскати.

Воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ.

Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ октябрьскихъ дней 1857 года, старая наемная карета тихо катилась, дребезжа стеклами, по шоссе, ведущему отъ Рима въ Альбано.

На козлахъ возвышался веттуринъ съ угрюмымъ лицомъ и громадными бакенбардами, по всѣмъ признакамъ—отъявленный трусъ и сластолюбецъ; а въ самой каретѣ сидѣло трое русскихъ „форестіера“: покойный живописецъ Ивановъ, В. П. Боткинъ *) и я. Впрочемъ, названіе форестіера могло примѣняться только къ Боткину и ко мнѣ. Ивановъ,—или, какъ его величали отъ трактира Falcone до Cafe Greco,—il signor Alessandro—и по одеждѣ, и по привычкамъ, давно сталъ кореннымъ римляниномъ.

День стоялъ удивительный—и уже точно не доступный ни перу, ни кисти; извѣстно, что ни одинъ пейзажистъ, послѣ Клодь-Лоррена, не могъ справиться съ римской природой; писатели оказались также несостоятельными—(стоитъ лишь вспомнить „Римъ“ Гоголя и др.). А потому скажу только, что воздухъ былъ прозраченъ и мягокъ, солнце сіяло лучезарно, но не жгло, вѣтерокъ залеталъ въ раскрытыя окна кареты и ласкалъ наши, уже немолодыя, физіономіи—и мы ѣхали, окруженные какимъ-то праздничнымъ, осеннимъ блескомъ—и съ праздничнымъ, тоже, пожалуй, осеннимъ чувствомъ на душѣ.

---

*) И онъ уже теперь не существуетъ.

Мы наканунѣ, вмѣстѣ съ Ивановымъ, ходили въ Ватиканъ; онъ былъ въ ударѣ, не дичился и не ёжился, говорилъ охотно и много. Онъ говорилъ намъ о различныхъ школахъ итальянской живописи, которую изучилъ подробно и добросовѣстно; всѣ его сужденія были дѣльны и проникнуты уваженіемъ къ „старымъ мастерамъ“. Передъ Рафаэлемъ онъ благоговѣлъ. Извѣстно, что на Иванова нѣкогда имѣлъ сильное вліяніе Овербекъ; онъ уяснилъ ему Рафаэля; но когда Овербекъ пошелъ дальше, къ Перуджино и его предшественникамъ, Ивановъ остановился: русскій здравый смыслъ удержалъ его на порогѣ того искусственнаго, аскетическаго, символическаго міра, въ которомъ потонулъ германскій художникъ; за то идеалистъ Ивановъ остался навсегда въ глазахъ Овербека грубымъ реалистомъ. Ивановъ глубоко сожалѣлъ о современномъ направленіи нашихъ художниковъ — (одинъ изъ нихъ при мнѣ величалъ Рафаэля *бездарнымъ*), — и разсказывалъ намъ кое-что о Брюловѣ и о Гоголѣ, котораго называлъ постоянно Николаемъ Васильевичемъ. Изъ его почтительныхъ, но осторожныхъ отзывовъ о нашемъ великомъ писателѣ можно было заключить, что онъ особенно хорошо изучилъ его. Гоголь нисколько не понималъ Иванова, хотя превозносилъ его „Явленіе Христа“; вѣдь тотъ же Гоголь приходилъ въ восторгъ отъ „Послѣдняго дня Помпеи“; а любить эти двѣ картины, въ одно и то же время, значитъ:—не понимать живописи. Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его „Переписки“; объ этомъ, да еще о 1848 годѣ, Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ. Можетъ быть, ему въ голову приходило, что „вотъ и мою картину, пожалуй, такъ же разбранятъ“: а въ началахъ, которыя чуть-было не восторжествовали въ 1848 году, онъ, почему-то, видѣлъ конецъ и разореніе всякаго художества.

Рѣчь зашла и объ его картинѣ. Мы ее тогда не видали, и онъ собирался отпереть свою студію дня на три, что̀ онъ и исполнилъ нѣсколько недѣль спустя. Онъ утверждалъ, что она еще далеко не кончена и сообщилъ намъ любопытныя подробности о своей поѣздкѣ въ Германію, къ одному извѣстному ученому *), воззрѣніе котораго совпадало съ тѣмъ, что̀ онъ, Ивановъ, хотѣлъ выразить въ своей картинѣ. Онъ намѣревался пригласить этого ученаго въ Римъ для того, чтобъ тотъ рѣшилъ, точно ли соотвѣтствуетъ картина вышесказанному воззрѣнію.

По словамъ Иванова, Штраусъ, вѣроятно, принялъ его за сумасшедшаго, тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ со стороны Штрауса на латинскомъ, а со стороны Иванова—на итальянскомъ языкѣ, такъ какъ Ивановъ не понималъ по-нѣмецки; должно при томъ замѣтить, что Ивановъ плохо понималъ по-латыни, а Штраусъ—по-итальянски. Живо помню я наивное, почти трогательное удивленіе Иванова, когда мы съ Боткинымъ начали объяснять ему, что если бы даже Штраусъ согласился пріѣхать въ Римъ, или, точнѣе, если бы ему позволили туда пріѣхать, все-таки бы онъ не могъ рѣшить, достигъ ли Ивановъ своей цѣли и передалъ ли его образъ мыслей, потому что для этого еще нужно было особенное пониманіе живописи, которымъ Штраусъ едва ли обладалъ. Онъ могъ не узнать воплощеніе своего собственнаго воззрѣнія или, наоборотъ, увидѣть это воплощеніе тамъ, гдѣ его не было.

— Такъ-съ, такъ-съ повторялъ Ивановъ, добродушно осклабляясь, пришепетывая и мигая. — „Это очень интересно-съ (любимое его словцо). Это мнѣ въ голову не приходило-съ“.

Долгое разобщеніе съ людьми, уединенное житье съ самимъ собою, съ одной и той же, постоянной, неизмѣнной

*) Д. Штраусу, автору „Жизни Іисуса Христа“.

мыслью, наложило на Иванова особую печать; въ немъ было что-то мистическое и дѣтское, мудрое и забавное, все въ одно и то же время; что-то чистое, искреннее, и скрытное, даже хитрое. Съ перваго взгляда все существо его, казалось, проникнуто какою-то недовѣрчивостью, какою-то, то суровой, то заискивающей робостью; но когда онъ привыкалъ къ вамъ,—а это происходило довольно скоро—его мягкая душа такъ и раскрывалась. Онъ внезапно хохоталъ отъ самой обыкновенной остроты, удивлялся до онѣмѣнія самымъ общепринятымъ положеніямъ, пугался каждаго, немного рѣзкаго, слова (помнится, однажды, онъ даже подпрыгнулъ, услышавъ отъ одного изъ насъ, что такая-то извѣстная русская писательница— глупа)—и вдругъ произносилъ слова, исполненныя правды и зрѣлости, слова, свидѣтельствовавшія объ упорной работѣ ума замѣчательнаго. Къ сожалѣнію, воспитаніе получилъ онъ слишкомъ поверхностное, какъ большая часть нашихъ художниковъ.

Усидчивымъ трудомъ онъ старался восполнить этотъ недостатокъ. Древній міръ ему былъ хорошо знакомъ, онъ изучилъ ассирійскія древности—(онѣ были ему нужны для его будущихъ картинъ); библію, и въ особенности евангеліе, онъ зналъ отъ слова до слова. Онъ охотнѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ, и несмотря на все это, бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ: столько было въ немъ добросовѣстнаго и честнаго желанія истины. На наши вечеринки онъ приходилъ всегда первый и, какъ только завязывался споръ, съ напряженнымъ и терпѣливымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ мысли каждаго. Въ числѣ русскихъ, жившихъ тогда въ Римѣ, находился одинъ добрый и неглупый малый, но съ потемками въ головѣ и съ спутаннымъ языкомъ; Ивановъ позже всѣхъ насъ махнулъ на него рукой. Литература и политика его не занимали: онъ интересовался вопросами, касавшимися до искусства,

до морали, до философіи. Однажды кто-то принесъ къ нему тетрадку удачныхъ каррикатуръ; Ивановъ долго ихъ разсматривалъ—и, вдругъ поднявъ голову, промолвилъ: „Христосъ никогда не смѣялся“. Его вездѣ принимали съ радостью; одинъ видъ его лица съ широкимъ, бѣлымъ лбомъ, усталыми добрыми глазами, нѣжными, какъ у ребенка, щеками, заостреннымъ носомъ и забавно сложеннымъ, но пріятнымъ ртомъ—вызывалъ невольное сочувствіе и привѣтъ въ сердцѣ каждаго. Роста онъ былъ небольшого, приземистъ, плечистъ; вся его фигура, отъ бородки клинушкомъ до пухлыхъ, коротконалыхъ ручекъ и проворныхъ ножекъ съ толстыми икрами—дышала Русью, и ходилъ онъ русской походкой. Онъ не былъ самолюбивъ, но о своемъ трудѣ имѣлъ высокое понятіе: не даромъ же онъ положилъ въ него всѣ свои силы и надежды.

Веттуринъ нашъ остановился у плохой остеріи, чтобъ дать лошадямъ отдохнуть и самому выпить „фіолетту“. Мы тоже вышли и спросили себѣ сыру съ хлѣбомъ. Сыръ оказался скверный, хлѣбъ недопеченый и кислый, но мы ѣли нашъ скудный завтракъ съ тѣмъ веселымъ и свѣтлымъ ощущеніемъ постоянно-присущей красоты, которое кажется разлитымъ въ римскомъ воздухѣ во всякое время, особенно въ золотые осенніе дни. Черноглазая и смуглая дѣвочка, въ пестромъ рубищѣ и босая, дочь хозяина, спокойно и даже гордо поглядывала на насъ съ каменнаго порога *своего* дома, а отецъ ея, видный мужчина лѣтъ сорока, въ потертой бархатной куткѣ, накинутой на одно плечо, величественно посмѣивался и сверкалъ бѣлками огромныхъ черныхъ глазъ, сидя въ полусумракѣ остеріи за дрянным столомъ и снисходительно выслушивая жалобы нашего возницы на плохія времена, недостатокъ форестіеровъ и т. д. Впрочемъ, Ивановъ, которымъ внезапно овладѣло тревожное нетерпѣніе, не далъ ему слишкомъ распространяться. Мы отправились дальше.

Разговоръ снова коснулся Ватикана.

Надо будетъ завтра опять туда пойти, замѣтилъ Боткинъ; а оттуда вы, по-вчерашнему, приходите къ намъ обѣдать. (Мы съ Боткинымъ каждый день обѣдали въ Hotel d'Angleterre, за общимъ столомъ).

— Обѣдать? воскликнулъ Ивановъ, и вдругъ поблѣднѣлъ. Обѣдать! повторилъ онъ. Нѣтъ-съ покорно благодарю; я и вчера едва живъ остался.

Мы подумали, что онъ, шутки ради, намекаетъ на сдѣланное имъ наканунѣ излишество—(онъ вообще былъ чрезвычайно много и жадно)—и начали уговаривать его.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, твердилъ онъ, все болѣе блѣднѣя и теряясь.—Я не пойду; тамъ меня отравятъ.

— Какъ отравятъ?

— Да-съ, отравятъ, яду дадутъ.—Лицо Иванова приняло странное выраженіе, глаза его блуждали....

Мы съ Боткинымъ переглянулись; ощущеніе невольнаго ужаса шевельнулось въ насъ обоихъ.

— Что вы это, любезный Александръ Андреевичъ, какъ это вамъ яду дадутъ за общимъ столомъ? Вѣдь надо цѣлое блюдо отравить. Да и кому нужно васъ губить?

— Видно, есть такіе люди-съ, которымъ моя жизнь нужна-съ. А что на счетъ цѣлаго блюда.... да онъ мнѣ на тарелку подброситъ.

— Кто—онъ?

— Да гарсонъ-съ, камеріере.

— Гарсонъ?

— Да-съ, подкупленный. Вы итальянцевъ еще не знаете, это ужасный народъ-съ, и на это преловкіе-съ. Возьмётъ да изъ-за бортища фрака—вотъ этакимъ манеромъ, щепотку броситъ.... и никто не замѣтитъ! Да меня вездѣ отравливали, куда я ни ѣздилъ. Здѣсь только одинъ честный гарсонъ-съ и есть — въ Falcone, въ нижней комнатѣ.... на того еще можно пока положиться.

Я хотѣлъ-было возражать, но Боткинъ изподтишка толкнулъ меня колѣномъ.

— Ну, вотъ, что я вамъ предлагаю, Александръ Андреевичъ, началъ онъ,—вы приходите завтра къ намъ обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало, а мы всякій разъ, какъ наложимъ тарелки, поменяемся съ вами....

На это Ивановъ согласился и блѣдность съ лица его сошла, и губы перестали дрожать и взоръ успокоился. Мы потомъ узнали, что онъ послѣ каждаго слишкомъ сытнаго обѣда бѣжалъ къ себѣ домой, принималъ рвотное, пилъ молоко....

Бѣдный отшельникъ! Двадцатилѣтнее одиночество не обошлось ему даромъ.

Полчаса спустя, мы были уже въ Альбано. Ивановъ вдругъ оживился и бросился нанимать лошадей для поѣздки въ Фраскати. Изъ разныхъ закоулковъ привели намъ трехъ, дурно осѣдланныхъ и разбитыхъ, клячъ. Послѣ долгаго словопренія съ ихъ хозяевами, въ теченіе котораго я имѣлъ случай подивиться желѣзной настойчивости Иванова, мы, наконецъ, согласились въ цѣнѣ, взобрались на своихъ россинантовъ и двинулись въ направленіи къ Фраскати. Дорога шла въ гору, по такъ-называемой „галереѣ“, вдоль цѣлаго ряда великолѣпныхъ, вѣчно зеленыхъ дубовъ. Каждому изъ этихъ дубовъ минуло нѣсколько столѣтій, и уже Клодъ-Лоррень и Пуссѣнъ могли любоваться ихъ классическими очертаніями, въ которыхъ мощь и красота сливаются такъ, какъ ни въ одномъ другомъ мнѣ извѣстномъ деревѣ. Эти дубы, да зонтчатыя пиніи, кипарисы и оливы удивительно идутъ другъ къ другу; они составляютъ часть того особенно созвучнаго аккорда, который преобладаетъ въ природѣ римскихъ окрестностей. Внизу синѣло и едва дымилось круглое Альбанское озеро, а вокругъ, по скатамъ горъ и по долинамъ, и вблизи, и вдали, разстилались волшебно-прозрачной пеленой божественныя кра-

ски.... Но я обѣщался не вдаваться въ описанія. Поднимаясь все выше и выше, проѣзжая черезъ привѣтные, свѣтлые, именно свѣтлые лѣса, по изумрудной, словно лѣтней, травѣ—мы добрались, наконецъ, до маленькаго городка, называемаго Rocca di Papa, прилѣпленнаго, какъ птичье гнѣздо, къ вершинѣ скалы.

Мы слѣзли съ лошадей на небольшой площадкѣ, противъ церкви, построенной въ ломбардскомъ вкусѣ, съ завитушками на фасадѣ, и присѣли на минутку у колодца съ серебристой водой, съ папскимъ гербомъ и латинской надписью на полуразбитой колоннѣ. Отъ площадки во всѣ стороны расходились тѣсныя улицы, извилистыя и крутыя, какъ лѣстницы. Оборванные мальчишки тотчасъ собѣжались посмотрѣть на насъ и получить обычную дань, нѣсколько „паоловъ“; кой-гдѣ выглянули женскія, большей частью старушечьи, головы, раздались звуки ясно-гортанныхъ голосовъ: вдали, какъ видѣніе, показалась, посреди узкаго прохода, стройная красавица въ альбанскомъ костюмѣ и, картинно постоявъ въ почти черной тѣни, падавшей отъ каменныхъ стѣнъ, тихо повернулась и исчезла. Нагруженный оселъ прошелъ мимо, скрипя своими корзинами, осторожно выступая и шлёпая подковами по крупнымъ камнямъ мостовой; слѣдомъ за нимъ важно шагалъ, словно консулъ какой-нибудь, суровый мужчина въ синемъ, запачканномъ плащѣ, закрывавшемъ нижнюю часть его лица, и въ дырявой высокой шляпѣ, которую онъ, вѣроятно, ни передъ кѣмъ не ломалъ. Ивановъ досталъ изъ кармана корку хлѣба, прикорнулъ на край колодца и началъ ѣсть, держа поводья лошади въ одной рукѣ и изрѣдка помакивая хлѣбъ въ холодную воду. Всякій слѣдъ тревоги исчезъ съ его лица; оно сіяло удовольствіемъ мирныхъ художническихъ ощущеній; въ эту минуту онъ не нуждался ни въ чемъ на свѣтѣ, и самъ онъ мнѣ показался достойнымъ предметомъ для худож-

ника, на этой площадкѣ любимаго живописцами городка, передъ этой темной церковью, изъ-за которой сѣро-лиловыя горы легко и высоко возносились въ лучезарную воздушную бездну.—Бѣдный Ивановъ! Жить бы ему тамъ годы да годы.... А смерть уже караулила его.

Мы взобрались опять на лошадей и пустились дальше уже все подъ гору. Ивановъ разговорился; онъ разсказывалъ намъ разные забавные римскіе анекдоты и самъ смѣялся дѣтскимъ смѣхомъ. На встрѣчу намъ попался красивый малый лѣтъ 22-хъ, съ связанными назадъ руками, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ верхомъ.

— Что такое онъ сдѣлалъ? спросилъ одного изъ нихъ Ивановъ.

— Нырнулъ ножомъ—„ha dato una coltellata“, равнодушно отвѣчалъ жандармъ.

Я взглянулъ на молодого малаго: онъ улыбнулся, — причемъ обнажились его крупные, бѣлые зубы—и дружелюбно кивнулъ мнѣ головой.—Крестьянка, тутъ же стоявшая за низкой оградой, на которую взобралась ея коза, тоже улыбнулась, показала такіе же сверкающіе зубы, посмотрѣла сперва на него, потомъ на насъ, и опять улыбнулась.

— Счастливый народецъ! замѣтилъ Ивановъ.

Мы довольно поздно прибыли въ Фраскати. Послѣдній поѣздъ желѣзной дороги отходилъ черезъ три четверти часа; мы только успѣли сбѣгать въ сосѣднюю виллу съ прекраснымъ садомъ: я забылъ ея названіе. Нѣсколько дней передъ поѣздкой въ Альбано, мы съ Ивановымъ въ Тиволи ходили по Willa d'Este, и не могли довольно налюбоваться этой, едва ли не самой замѣчательной изъ монументальныхъ, громадныхъ, великолѣпныхъ виллъ, не изъ тѣхъ, которыя внушали Тютчеву его прелестное стихотвореніе*),

*) „И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь“—и т. д.

а изъ тѣхъ, при видѣ которыхъ являются вашему воображенію и кардиналы, и принцы временъ Медичисовъ и Фарнезе, возникаютъ поэмы Аріоста и Декамеронъ, и картины Павла Веронеза съ ихъ бархатомъ, шелкомъ и блескомъ, съ жемчужными ожерельями на шеяхъ бѣлокурыхъ красавицъ, разсѣянно внимающихъ звукамъ теорбовъ и флейтъ, съ павлинами и карликами, съ мраморными статуями, олимпійскими богами и богинями на раззолоченныхъ потолкахъ, съ гротами, козлоногими сатирами и фонтанами. Въ Фраскати мы торопливо обѣжали всю виллу, взглянули на нее снизу, спустились по каскаду террасъ ея искусственнаго сада. Помнится, насъ тамъ особенно сильно поразило зрѣлище вечерней зари. Нестерпимо пышнымъ заревомъ, пылающимъ потокомъ кроваваго золота, вливалась она въ огромный четырехъ-угольникъ мраморнаго окна на концѣ высокаго сквознаго коридора съ легкими, словно кверху летѣвшими, колоннами.

Нѣсколько времени потомъ мнѣ все казалось, какъ-будто на самомъ лицѣ моемъ и на лицахъ моихъ товарищей сохранился горячій отблескъ этого пожара.

Въ вагонѣ желѣзной дороги съ нами помѣстилась молодая новобрачная чета, и опять мелькнули передъ нами эти смоляные, тяжелые волосы, эти блестящіе глаза и зубы — всѣ эти черты, немного крупныя вблизи, но съ неподражаемымъ отпечаткомъ величія, простоты и какой-то дикой граціи....

— Надо будетъ показать вамъ Маріанницу—(извѣстную натурщицу), замѣтилъ вдругъ виолголоса Ивановъ.... Онъ намъ потомъ показалъ ее.

Вѣчный городъ скоро принялъ насъ въ свои нѣдра. Мы пошли пѣшкомъ по его уже потемнѣвшимъ улицамъ. Ивановъ проводилъ насъ до Piazza di Spagne — и мы разошлись, унося въ душѣ впечатлѣніе свѣтло проведеннаго дня.

Мѣсяцевъ восемь спустя, не то въ знойный, не то въ холодный, кислый іюльскій день встрѣтилъ я Иванова на площади Зимняго Дворца, въ Петербургѣ, среди безпрестанно набѣгавшихъ столбовъ той линкой, сорной пыли, которая составляетъ одну изъ принадлежностей нашей сѣверной столицы. Онъ съ озабоченнымъ видомъ отвѣчалъ на мое привѣтствіе; онъ только-что вышелъ изъ Эрмитажа; морской вѣтеръ крутилъ фалды его мундирнаго фрака; онъ щурился и придерживалъ двумя пальцами свою шляпу. Картина его уже была въ Петербургѣ и начинала возбуждать невыгодные толки. Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ въ деревню, а недѣли черезъ двѣ дошла до меня вѣсть объ его кончинѣ.... Вспомнился мнѣ тотъ почти суевѣрный ужасъ, съ которымъ онъ всегда отзывался о Петербургѣ и о предстоящей поѣздкѣ туда....

Я не намѣренъ входить теперь въ подробный разборъ достоинствъ и недостатковъ извѣстной картины Иванова; другіе это сдѣлали и, вѣроятно, еще сдѣлаютъ гораздо лучше меня. Мнѣ хочется сказать только нѣсколько словъ о томъ, какимъ мнѣ представляется талантъ Иванова, и какъ я понимаю его значеніе. Покойный А. С. Хомяковъ помѣстилъ въ „Русской Бесѣдѣ“ статью, написанную, какъ и все, что выходило изъ-подъ его пера,—увлекательно, но съ которой я не могъ согласиться. По его понятію, Ивановъ былъ чистый и сильный художникъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ, прямо вышедшій изъ нѣдръ русской жизни. Появившись въ эпоху безвѣрія и всеобщаго упадка искусства, онъ изъ глубины своего смиреннаго и вѣрующаго сердца извлекъ новое воплощеніе христіанскаго догмата, и тѣмъ положилъ основаніе и собственно русской живописи, и возрожденію живописи вообще. Такое воззрѣніе кажется и утѣшительнымъ, и логически правильнымъ; но, къ сожалѣнію, оно мало согласно съ истиной. Что Ивановъ во всѣхъ стремленіяхъ своихъ остал-

ся русскимъ человѣкомъ—это неоспоримо; но онъ былъ русскимъ человѣкомъ своего, т. е. нашего, переходнаго времени. Онъ, такъ же какъ и всѣ мы, не вступилъ еще въ обѣтованную землю; онъ предвидѣлъ ее издали, онъ ее предчувствовалъ, но онъ умеръ, не достигнувъ ея рубежа. Онъ не принадлежалъ къ числу гармоническихъ и самобытныхъ творцовъ-художниковъ (ихъ еще нѣтъ у насъ на Руси); самый талантъ его, собственно-живописный талантъ, былъ въ немъ слабъ и шатокъ, въ чемъ убѣдится каждый, кто только захочетъ внимательно и безпристрастно взглянуть на его произведеніе, въ которомъ все есть: и трудолюбіе изумительное, и честное стремленіе къ идеалу, и обдуманность—словомъ, все, кромѣ того, что только одно и нужно, а именно: творческой мощи, свободнаго вдохновенія. И надъ Ивановымъ возымѣлъ свою силу роковой законъ разрозненности отдѣльныхъ частей, составляющихъ полное дарованіе, тотъ законъ, который до сихъ поръ еще тяготѣетъ надъ всѣмъ русскимъ искусствомъ. Имѣй онъ талантъ Брюллова, или имѣй Брюлловъ душу и сердце Иванова, какихъ чудесъ мы были бы свидѣтелями! Но вышло такъ, что одинъ изъ нихъ могъ выразить все, что хотѣлъ, да сказать ему было нечего, а другой могъ бы сказать многое—да языкъ его коснѣлъ. Одинъ писалъ трескучія картины съ эффектами, но безъ поэзіи и безъ содержанія; другой силился изобразить глубоко-захваченную, новую, живую мысль, а исполненіе выходило неровное, приблизительное, не живое. Одинъ, если можно такъ выразиться. — правдиво представлялъ намъ ложь; другой—ложно, т. е. слабо и невѣрно, представлялъ намъ правду. Говорятъ, Ивановъ тридцать разъ слишкомъ списалъ голову Аполлона Бельведерскаго и открытую имъ въ Палермо голову византійскаго Христа, и, постепенно ихъ сближая, добился, наконецъ, своего Іоанна Крестителя.... Не такъ творятъ истинные художники! А между

тѣмъ, если уже выбирать изъ двухъ направленій,—лучше, въ тысячу разъ лучше пойти за Ивановымъ пока еще не явился настоящій вождь! Мысль одарена особенной силой; она сквозитъ и свѣтится даже при недостаточномъ исполненіи, особенно когда человѣкъ безкорыстно, до самопожертвованія служитъ ей, какъ Ивановъ. Не было еще на свѣтѣ жертвы, принесенной совершенно даромъ. Иные могутъ возразить, что Ивановъ напрасно хватался за то, что было свыше силъ его; могутъ указать на первые эскизы его картины, въ которыхъ содержаніе не такъ глубоко, за то исполненіе естественнѣе и живѣе. Въ возможности этого стремленія къ недосягаемому есть, конечно, что-то ненормальное, что-то даже трагическое; но если это стремленіе происходитъ изъ источника чистаго, оно, все-таки, и не удавшись вполнѣ, не достигнувъ цѣли, можетъ принести пользу великую. Молодой человѣкъ, подавшій подъ вліяніе Брюллова, уже тѣмъ самымъ, по всей вѣроятности, погибъ какъ художникъ (сколько мы видѣли тому примѣровъ!); напротивъ—молодой человѣкъ, понявшій и полюбившій внутренній свѣтъ, сквозящій въ твореніяхъ Иванова, можетъ развиться и пойти далеко, если только природа не отказала ему въ дарованіи. Ивановъ, этотъ труженикъ и мученикъ, упалъ на полдорогѣ, обезсиленный, не оцѣненный; но онъ шелъ къ истинѣ, и будущій его наслѣдникъ, тотъ „еще невѣдомый избранникъ“, пойдетъ по его дорогѣ, по дорогѣ, впервые проложенной имъ.

Предвижу еще возраженіе. Могутъ сказать: да зачѣмъ же изучать Иванова, неполнаго, неяснаго мастера, когда есть великіе, несомнѣнные, побѣдоносные образцы? Зачѣмъ намекъ, когда есть громкое слово? Но, во-первыхъ, Ивановъ, какъ самобытная русская натура, ближе и сильнѣе говоритъ молодымъ русскимъ сердцамъ: онъ имъ и понятнѣе, и дороже; а во-вторыхъ, въ томъ-то и состоитъ его великая заслуга, заслуга идеалиста, мыслителя, что

онъ указываетъ на образцы, приводитъ къ нимъ, будитъ, шевелитъ; самъ не удовлетворяетъ и не допускаетъ въ другихъ дешеваго удовлетворенія; что онъ заставляетъ своихъ учениковъ задавать себѣ высокія, трудныя задачи, и не довольствоваться мастерскимъ исполненіемъ какихъ-нибудь ракурсовъ и прочихъ техническихъ фокусовъ, которыми такъ гордятся послѣдователи Брюллова. Съ этой точки зрѣнія самые недостатки Иванова полезнѣе многихъ дюжинныхъ красотъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсматриваніе того, въ чемъ собственно состояла мысль Иванова; но я не могу окончить мою статейку, не изъявивъ желанія, чтобы оставленный имъ альбомъ рисунковъ изъ жизни Христа явился въ свѣтъ. Альбомъ этотъ находится теперь въ рукахъ брата. Въ этихъ замѣчательныхъ рисункахъ яснѣе выступаетъ основная мысль, руководившая Иванова: въ нихъ его не стѣсняла мисть, которой онъ не вполнѣ владѣлъ, особенно подъ конецъ жизни, когда самые глаза, изнуренные напряженнымъ и непрестаннымъ трудомъ, начинали измѣнять ему. И въ картинѣ его, фигура Христа, какъ извѣстно, удалась ему больше всѣхъ другихъ; особенно значительна она на эскизѣ, принадлежащемъ В. П. Боткину.... Фотографическіе снимки съ этого эскиза были бы истиннымъ подаркомъ для всѣхъ почитателей честнаго, добраго, несчастнаго русскаго художника, Александра Иванова.

1861 г.

V.—По поводу „Отцовъ и Дѣтей“.

Я бралъ морскія ванны въ Вентнорѣ, маленькомъ городкѣ на островѣ Уайтѣ,—дѣло было въ августѣ мѣсяцѣ

1860-го года,—когда мнѣ пришла въ голову первая мысль „Отцовъ и ,Дѣтей“, этой повѣсти, по милости которой прекратилось—и кажется, навсегда—благосклонное расположеніе ко мнѣ русскаго молодого поколѣнія. Не однажды слышалъ я и читалъ въ критическихъ статьяхъ, что я въ моихъ произведеніяхъ „отправляюсь отъ идеи“, или „провожу идею“; иные меня за это хвалили, другіе, напротивъ, порицали; съ своей стороны, я долженъ сознаться, что никогда не покушался „создавать образъ“, если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большою долею свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой я бы могъ твердо ступать ногами. Точно то же произошло и съ „Отцами и ,Дѣтьми“: въ основаніе главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача. (Онъ умеръ незадолго до 1860-го года). Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось—на мои глаза—то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и въ то же время не совсѣмъ ясно; я, на первыхъ порахъ, самъ не могъ хорошенько отдать себѣ въ немъ отчета—и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, какъ бы желая повѣрить правдивость собственныхъ ощущеній. Меня смущалъ слѣдующій фактъ: ни въ одномъ произведеніи нашей литературы я даже намека не встрѣчалъ на то, что мнѣ чудилось повсюду; по невольѣ возникало сомнѣніе: ужъ не за призракомъ ли я гонюсь?—Помнится, вмѣстѣ со мною на островѣ Уайтѣ жилъ одинъ русскій человѣкъ, одаренный весьма тонкимъ вкусомъ и замѣчательной чуткостью на то, что покойный Аполлонъ Григорьевъ называлъ „вѣяньями“ эпохи. Я сообщилъ ему занимавшія меня мысли

—и съ нѣмымъ изумленіемъ услышалъ слѣдующее замѣчаніе: „Да вѣдь ты, кажется, уже представилъ подобный типъ.... въ Рудинѣ?“ Я промолчалъ: что̀ было сказать? Рудинъ и Базаровъ—одинъ и тотъ же типъ?

Эти слова такъ на меня подѣйствовали, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я избѣгалъ всякихъ размышленій о затѣянной мною работѣ; однако, вернувшись въ Парижъ, я снова принялся за нее—*фабула* понемногу сложилась въ моей головѣ: въ теченіе зимы я написалъ первыя главы, но окончилъ повѣсть уже въ Россіи, въ деревнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Осенью я прочелъ ее нѣкоторымъ пріятелямъ, кое-что исправилъ, дополнилъ, и въ мартѣ 1862-го года „Отцы и Дѣти“ явились въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Не стану распространяться о впечатлѣніи, произведеномъ этой повѣстью; скажу только, что когда я вернулся въ Петербургъ, въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора.—слово: „нигилистъ“ уже было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго мною на Невскомъ, было: „Посмотрите, что̀ *ваши* нигилисты дѣлаютъ! жгутъ Петербургъ!“ Я испыталъ тогда впечатлѣнія, хотя разнородныя, но одинаково тягостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатическихъ людяхъ; я получилъ поздравленія, чуть не лобзанія, отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. Меня это конфузило.... огорчало: но совѣсть не упрекала меня: я хорошо зналъ, что я честно, и не только безъ предубѣжденья, но даже съ сочувствіемъ отнесся къ выведенному мною типу *): я слишкомъ уважалъ

*) Позволю себѣ привести слѣдующую выписку изъ моего дневника: „30-го Іюля, воскресенье. Часа полтора тому назадъ я кончилъ, наконецъ свой романъ.... Не знаю, каковъ будетъ успѣхъ „Современника“, вѣроятно,

призваніе художника, литератора, чтобы покривить душою въ такомъ дѣлѣ. Слово: „уважать“ даже тутъ не совсѣмъ у мѣста; я просто иначе не могъ и не умѣлъ работать; да и наконецъ, повода къ тому не предстояло. Мои критики называли мою повѣсть „памфлетомъ“, упоминали о „раздраженномъ“, „уязвленномъ“ самолюбіи; но съ какой стати сталъ бы я писать памфлетъ—на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ какъ человѣка и какъ талантливаго писателя? Какого бы я ни былъ скромнаго мнѣнія о своемъ дарованіи—я, все-таки, считалъ и считаю сочиненіе памфлета, „пасквиля“, ниже его, недостойнымъ его. Что же касается до „уязвленнаго“ самолюбія—то замѣчу только, что статья Добролюбова о *послѣднемъ моемъ произведеніи передъ „Отцами и Дѣтьми“*—о „*Наканунѣ*“ (а онъ по праву считался выразителемъ общественнаго мнѣнія)—что эта статья, явившаяся въ 1861-мъ году, исполнена самыхъ горячихъ—говоря по совѣсти—самыхъ незаслуженныхъ похвалъ. Но господамъ критикамъ нужно было представить меня оскорбленнымъ памфлетистомъ: „leur siège était fait“—и еще въ нынѣшнемъ году я могъ прочесть въ Приложеніи № 1-й къ „Космосу“ (стр. 96) слѣдующія строки: „Наконецъ, *всѣмъ извѣстно*, что нѣдесталъ, на которомъ стоялъ г. Тургеневъ, былъ разрушенъ главнымъ образомъ „Добролюбовымъ“.... а далѣе (на стр. 98) говорится о моемъ „ожесточеніи“ которое г-нъ критикъ, впрочемъ, понимаетъ— и „пожалуй, даже извиняетъ“.

Господа критики, вообще, не совсѣмъ вѣрно представляютъ себѣ то, что происходитъ въ душѣ автора, то, въ чемъ

обольетъ меня презрѣніемъ за Базарова и ** не повѣритъ, что во все время писанія я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе“....

именно состоять его радости и горести, его стремленія, удачи и неудачи. Они, напримѣръ, и не подозрѣваютъ того наслажденія, о которомъ упоминаетъ Гоголь и которое состоитъ въ казненіи самого себя, своихъ недостатковъ, въ изображаемыхъ вымышленныхъ лицахъ; они вполнѣ убѣждены, что авторъ непремѣнно только и дѣлаетъ, что „проводитъ свои идеи"; не хотятъ вѣрить, что точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни—есть высочайшее счастіе для литератора, даже если эта истина не совпадаетъ съ его собственными симпатіями. Позволю себѣ привести небольшой примѣръ. Я—коренной, неисправимый западникъ, и нисколько этого не скрывалъ и не скрываю; однако я, несмотря на это, съ особеннымъ удовольствіемъ вывелъ въ лицѣ Паншина (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ)—всѣ комическія и пошлыя стороны западничества; я заставилъ славянофила Лаврецкаго „разбить его на всѣхъ пунктахъ". Почему я это сдѣлалъ—я, считающій славянофильское ученіе ложнымъ и безплоднымъ? Потому, что въ *данномъ случаѣ—такимъ именно образомъ, по моимъ понятіямъ*, сложилась жизнь, а я прежде всего хотѣлъ быть искреннимъ и правдивымъ. Рисуя фигуру Базарова, я исключилъ изъ круга его симпатій все художественное, я придалъ ему рѣзкость и безцеремонность тона—не изъ нелѣпаго желанія оскорбить молодое поколѣніе (!!!) *), а просто вслѣдствіе наблюденій надъ моимъ знакомцемъ, докторомъ „Д. и подобными ему лицами. „Эта жизнь *такъ* складывалась", онять говорилъ мнѣ опять—„можетъ быть,

---

*) Въ числѣ множества доказательствъ моей „злобы противъ юношества" — одинъ критикъ привелъ и тотъ фактъ, что я заставилъ Базарова проиграть въ карти отцу Алексѣю. „Не знаетъ, моль, чѣмъ бы только уязвить и унизить его! И въ карты, моль, не умѣетъ играть!" Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы я заставилъ Базарова выиграть—тотъ же критикъ съ торжествомъ бы воскликнулъ: „Не явное ли дѣло?—Авторъ хочетъ **дать понять, что Базаровъ шулеръ!"**.

ошибочный, но, повторяю, добросовѣстный; мнѣ нечего было мудрить—и я долженъ былъ именно *такъ* нарисовать его фигуру. Личныя мои наклонности тутъ ничего не значатъ; но, вѣроятно, многіе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что, за исключеніемъ воззрѣній на художества,—я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія. А меня увѣряютъ, что я на сторонѣ „Отцовъ“.... я, который въ фигурѣ Павла Кирсанова даже погрѣшилъ противъ художественной правды и пересолилъ, довелъ до карикатуры его недостатки, сдѣлалъ его смѣшнымъ! *)

---

*) Иностранцы никакъ не могутъ понять безпощадныхъ обвиненій, возводимыхъ на меня за Базарова. „Отцы и дѣти“ были переведены нѣсколько разъ на нѣмецкій языкъ; вотъ что пишетъ одинъ критикъ, разбирая послѣдній переводъ, появившійся въ Ригѣ (Vossische Zeitung, Donnerstag. d. 10 Juni, zweite Beilage, Seite 3): „Es bleibt für den unbefangenen.... Leser schlechthin unbegreiflich. wie sich gerade die radicale Jugend Russlands über diesen geistigen Vertreter ihrer Richtung (Bazaroff), ihrer Ueberzeugungen und Bestrebungen, wie ihn T. zeichnete, in eine Wuth hinein erhitzen konnte, die sie den Dichter gleichsam in die Acht erklären und mit jeder Schmähung überhäufen liess. Man sollte denken, jeder moderne Radicale konne nur mit froher Genugthuung in einer so stolzen Gestalt, von solcher Wucht des Charakters, solcher gründlichen Freiheit von allem Kleinlichen, Trivialen, Faulen, Schlaffen und Lügenhaften, sein und seiner Parteigenossen typisches Portrait dargestellt sehn“.—

То-есть:

„Для непредубѣжденнаго.... читателя остается совершенно непонятнымъ, какъ могла радикальная русская молодежь, по поводу подобнаго представителя ея убѣжденій и стремленій, какимъ нарисовалъ Базарова Тургеневъ,—войти въ такую ярость, что подвергла сочинителя формальной опалѣ и осыпала его всякой бранью? Можно было скорѣе предположить, что всякій новѣйшій радикалъ съ чувствомъ радостнаго удовлетворенія признаетъ свой собственный портретъ, своихъ единомышленниковъ въ такомъ гордомъ образѣ, одаренномъ такою силою характера, такой полной независимостью отъ всего мелкаго, пошлаго и ложнаго“.

Вся причина недоразумѣній, вся, какъ говорится, „бѣда“, состояла въ томъ, что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти чрезъ постепенные фазисы, черезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось—какъ на долю Онѣгина или Печорина — эпохи идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія *новаго* человѣка—Базарова—авторъ отнесся къ нему критически.... объективно. Это многихъ сбило съ толку—и кто знаетъ! въ этомъ была—быть можетъ—если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы. Я сейчасъ сказалъ, что отношенія автора къ выведенному лицу сбили читателя съ толку: читателю всегда неловко, имъ легко овладѣваетъ недоумѣніе, даже досада, если авторъ обращается съ изображаемымъ характеромъ, какъ съ живымъ существомъ, то-есть, видитъ и выставляетъ его худыя и хорошія стороны, а главное, если онъ не показываетъ явной симпатіи или антипатіи къ собственному дѣтищу. Читатель готовъ разсердиться: ему приходится не слѣдить по начертанному уже пути, а самому протàривать дорожку. „Очень нужно трудиться!“ невольно рождается въ немъ мысль:—„книги существуютъ для развлеченія, не для ломанья головы; да и что стòило автору сказать, какъ мнѣ думать о такомъ-то лицѣ—какъ онъ самъ о немъ думаетъ!“—А если отношенія автора къ этому лицу свойства еще болѣе неопредѣленнаго, если авторъ самъ не знаетъ, любитъ ли онъ или нѣтъ выставленный характеръ (какъ это случилось со мною въ отношеніи къ Базарову, ибо то „невольное влеченіе“, о которомъ я упоминаю въ моемъ дневникѣ— не любовь)—тогда уже совсѣмъ плохо! Читатель готовъ навязать автору небывалыя симпатіи или небывалыя антипатіи, чтобы только выйти изъ непріятной „неопредѣленности“.

„Ни отцы, ни дѣти“—сказала мнѣ одна остроумная дама, по прочтеніи моей книги:—вотъ настоящее заглавіе вашей повѣсти—и вы сами нигилистъ“. Подобное мнѣніе высказалось еще съ бо̀льшей силой по появленіи „Дыма“. Не берусь возражать; быть можетъ, эта дама и правду сказала. Въ дѣлѣ сочинительства всякій (сужу по себѣ) дѣлаетъ не то, что̀ хочетъ, а то что̀ можетъ—и на сколько удастся. Полагаю, что произведенія беллетристики должно судить en gros—и, строго требуя добросовѣстности отъ автора, на остальныя стороны его дѣятельности смотрѣть—не скажу—равнодушно, но спокойно. А въ отсутствіи добросовѣстности, при всемъ желаніи угодить моимъ критикамъ,—я признать себя виноватымъ не могу.

У меня, по поводу „Отцовъ и Дѣтей“, составилась довольно любопытная коллекція писемъ и прочихъ документовъ. Сопоставленіе ихъ не лишено нѣкотораго интереса. Въ то время, какъ одни обвиняютъ меня въ оскорбленіи молодого поколѣнія въ отсталости, въ мракобѣсіи, извѣщаютъ меня, что съ „хохотомъ презрѣнія сжигаютъ мои фотографическія карточки“,—другіе, напротивъ, съ негодованіемъ упрекаютъ меня въ низкопоклонствѣ предъ самымъ этимъ молодымъ поколѣніемъ. „Вы ползаете у ногъ Базарова!“ восклицаетъ одинъ корреспондентъ:—„вы только притворяетесь, что осуждаете его: въ сущности, вы заискиваете передъ нимъ и ждете, какъ милости, одной его небрежной улыбки!“—Помнится, одинъ критикъ, въ сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, прямо ко мнѣ обращенныхъ, представилъ меня вмѣстѣ съ г-мъ Катковымъ въ видѣ двухъ заговорщиковъ, въ тишинѣ уединеннаго кабинета замышляющихъ свой гнусный ковъ, свою клевету на молодыя русскія силы. Картина вышла эффектная! На дѣлѣ вотъ какъ происходилъ этотъ „заговоръ“. Когда г. Кат-

ковъ получилъ отъ меня рукопись „Отцовъ и Дѣтей“, о содержаніи которой онъ не имѣлъ даже приблизительнаго понятія — онъ почувствовалъ недоумѣніе *). Типъ Базарова показался ему „чуть не апоѳеозой „Современника“, и я бы не удивился, если-бъ онъ отказался отъ помѣщенія моей повѣсти въ своемъ журналѣ. „Et voilà comme on écrit l'histoire!“ можно бы тутъ воскликнуть.... но позволительно ли величать такимъ громкимъ именемъ такія маленькія вещи?

Съ другой стороны, я понимаю причины гнѣва, возбужденнаго моей книгой въ извѣстной партіи. Онѣ не лишены основанія, и я принимаю—безъ ложнаго смиренія—часть падающихъ на меня упрековъ. Вынужденнымъ мною словомъ: „нигилистъ“ воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ. Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлью оскорбленія было употреблено мною это слово, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося—историческаго — факта; оно было превращено въ

---

*) Надѣюсь, что г-нъ Катковъ не посѣтуетъ на меня за приведеніе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ написаннаго ко мнѣ въ то время письма его:—„Если и не въ апоѳеозу возведенъ г-нъ Базаровъ“, писалъ онъ, „то нельзя не сознаться, что онъ какъ-то случайно попалъ на очень высокій пьедесталъ. Онъ дѣйствительно подавляетъ все окружающее. Все передъ нимъ или вѣтошь, или слабо и зелено. Такого ли впечатлѣнія нужно было желать? Въ повѣсти чувствуется, что авторъ хотѣлъ характеризировать начало мало ему сочувственное, но какъ будто колебался въ выборѣ тона и безсознательно покорился ему. Чувствуется что-то несвободное въ отношеніяхъ автора къ герою повѣсти, какая-то неловкость и принужденность. Авторъ передъ нимъ какъ будто теряется, и не любитъ, а еще пуще боится его!“ Далѣе, г-нъ Катковъ сожалѣетъ о томъ, что я не заставилъ Одинцову обращаться иронически съ Базаровымъ, и т. д.—все въ томъ же тонѣ! Явно, что одинъ изъ „заговорщиковъ“ не вполнѣ былъ доволенъ работою другого.

орудіе доноса, безповоротнаго осужденія,—почти въ клеймо позора. Нѣсколько печальныхъ событій, совершившихся въ ту эпоху, дали еще болѣе пищи нарождавшимся подозрѣніямъ—и, какъ бы подтверждая распространенныя опасенія, оправдали старанія и хлопоты нашихъ „спасителей отечества“.... ибо и у насъ на Руси проявились тогда „спасители отечества“. Общественное мнѣніе, столь неопредѣленное еще у насъ, хлынуло обратной волной.... Но на мое имя легла тѣнь. Я себя не обманываю; я знаю, эта тѣнь съ моего имени не сойдетъ. Но могли же другіе люди—люди, передъ которыми я слишкомъ глубоко чувствую свою незначительность, могли же они промолвить великія слова: „Périssent nos noms; pourvu que la chose publique soit sauvée!“ *) Въ подражаніе имъ, и я могу себя утѣшить мыслью о принесенной пользѣ. Эта мысль перевѣшиваетъ непріятность незаслуженныхъ нареканій. Да и въ самомъ дѣлѣ—что за важность? Кто черезъ двадцать, тридцать лѣтъ будетъ помнить обо всѣхъ этихъ буряхъ въ стаканѣ воды—и о моемъ имени—съ тѣнью или безъ тѣни?

Но довольно говорить обо мнѣ—и пора прекратить эти отрывочныя воспоминанія, которыя, боюсь, мало удовлетворятъ читателей. Мнѣ хочется только, передъ прощаніемъ, сказать нѣсколько словъ моимъ молодымъ современникамъ—моимъ собратьямъ, вступающимъ на скользкое поприще литературы. Я уже объявилъ однажды, и готовъ повторить, что не ослѣпляюсь на счетъ моего положенія. Мое двадцатипятилѣтнее „служеніе музамъ“ окончилось среди постепеннаго охлажденія публики—и я не предвижу причины, почему бы она снова согрѣлась. Наступи-

*) Т. е. — пускай гибнутъ наши имена, лишь бы общее тѣло было спасено!

ли новыя времена, нужны новые люди; литературныя ветераны подобны воинымъ — почти всегда инвалиды—и благо тѣмъ, которые во-время умѣютъ сами подать въ отставку! Не наставническимъ тономъ, на который я, впрочемъ, не имѣю никакого права—намѣренъ я произнести мои прощальныя слова, а тономъ стараго друга, котораго выслушиваютъ съ полу-снисходительнымъ, полу-нетерпѣливымъ вниманіемъ, если только онъ не вдается въ излишнее разглагольствованіе. Я постараюсь его избѣгнуть.

Итакъ, мои молодые собратья, къ вамъ идетъ рѣчь моя.

Greift nur hinein in's volle Menschenleben!

сказалъ бы я вамъ со словъ нашего общаго учителя, Гёте—

Ein jeder lebt's—nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt—da ist's interessant! *)

Силу этого „схватыванія“, этого „уловленія“ жизни даетъ только талантъ, а талантъ дать себѣ нельзя:—но и одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общеніе съ средою, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій—и, наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе!—„А! понимаемъ! видимъ, куда вы гнете!“ воскликнутъ здѣсь, пожалуй, многіе:—„Потугинскія идеи—ци-ви-ли-заціи, prenez mon ours!“—Подобныя восклицанія не удивятъ меня; но и не заставятъ отступиться ни отъ одной іоты. Ученіе—не только свѣтъ, по народной пословицѣ,—оно также и свобода. Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе,—и нигдѣ такъ свобода не

*) Т. е.: „Запускайте руку (лучше я не умѣю перевести) внутрь въ глубину человѣческой жизни! Всякій живетъ ею, не многимъ она знакома, и тамъ, гдѣ вы ее схватите, тамъ будетъ интересно!“

нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи: не даромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными“, свободными. Можетъ ли человѣкъ, „схватывать“, „уловлять“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя? Пушкинъ это глубоко чувствовалъ; не даромъ въ своемъ безсмертномъ сонетѣ, въ этомъ сонетѣ, который каждый начинающій писатель долженъ вытвердить наизусть и помнить, какъ заповѣдь,—онъ сказалъ:

.... дорогою *свободной*
Иди куда влечетъ тебя *свободный* умъ....

Отсутствіемъ подобной свободы объясняется, между прочимъ, и то, почему ни одинъ изъ славянофиловъ, не смотря на ихъ несомнѣнныя дарованья *), не создалъ никогда ничего живого; ни одинъ изъ нихъ не съумѣлъ снять съ себя—хоть на мгновенье—своихъ окрашенныхъ очковъ. Но самый печальный примѣръ отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе графа Л. Н. Толстого („Война и Миръ“), которое, въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что явилось въ нашей литературѣ съ 1840 года. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—не мыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя.

---

*) Славянофиловъ, конечно, нельзя упрекнуть въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ образованности; но для произведенія художественнаго результата нужно—говоря новѣйшимъ языкомъ—совокупное дѣйствіе многихъ *факторовъ*. Факторъ, недостающій славянофиламъ, — свобода; другіе нуждаются въ образованности, третьи—въ талантѣ, и т. д.

Что же касается до окончательнаго результата, до окончательной оцѣнки такъ-называемой литературной карьеры,—то и тутъ приходится вспомнить слова Гёте:

Sind's Rosen—nun, sie werden blüh'n *).

Не признанныхъ геніевъ нѣтъ—такъ же, какъ нѣтъ заслугъ, переживающихъ свою урочную чреду. „Всякій рано или поздно попадаетъ на свою полочку“, говаривалъ покойный Бѣлинскій. Уже и на томъ спасибо, коли въ свое время и въ свой часъ ты принесъ посильную ленту. Лишь одни избранники въ состояніи передать потомству не только содержаніе, но и *форму* своихъ мыслей и воззрѣній, свою личность, до которой массѣ, вообще говоря, нѣтъ никакого дѣла. Обыкновенные индивидуумы осуждены на исчезновеніе въ цѣломъ, на поглощеніе его потокомъ; но они увеличили его силу, расширили и углубили его круговоротъ—чего же больше?

Кладу перо.... Еще одинъ послѣдній совѣтъ молодымъ литераторамъ и одна послѣдняя просьба. „Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни взводили на васъ клевету; не старайтесь разъяснить недоразумѣнія, не желайте—ни сами сказать, ни услышать „послѣднее слово“. —„Дѣлайте свое дѣло—а то все перемелется. Во всякомъ случаѣ, пропустите сперва порядочный срокъ времени—и взгляните тогда на всѣ прошедшія дрязги съ исторической точки зрѣнія, какъ я попытался это сдѣлать теперь. Пусть слѣдующій примѣръ послужитъ вамъ въ назиданіе:—въ теченіе моей литературной карьеры я только однажды попробовалъ „возстановить факты“. А именно: когда редакція „Современника“ стала въ объявленіяхъ своихъ увѣ-

*) Коли это розы—цвѣсти онѣ будутъ.

рять подписчиковъ, что она отказала мнѣ по негодности моихъ убѣжденій (между тѣмъ какъ отказалъ ей *я*—не смотря на ея просьбы—на что̀ у меня существуютъ письменныя доказательства), я не выдержалъ характера, я заявилъ публично, въ чемъ было дѣло—и, конечно, потерпѣлъ полное фіаско. Молодежь еще болѣе вознегодовала на меня.... „Какъ смѣлъ я поднимать руку на ея идола! что̀ за нужда, что я былъ правъ! Я долженъ былъ молчать!“—Этотъ урокъ пошелъ мнѣ въ прокъ; желаю, чтобъ и вы воспользовались имъ.

А просьба моя состоитъ въ слѣдующемъ: берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, преданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ опять-таки Пушкинъ!—Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса!—Даже тѣмъ, которымъ не по вкусу „философскія отвлеченности“ и „поэтическія нѣжности“, людямъ практическимъ, въ глазахъ которыхъ языкъ не что иное, какъ средство къ выраженію мысли, какъ простой рычагъ,—даже имъ скажу я: уважайте, по крайней мѣрѣ, законы механики, извлекайте изъ каждой вещи всю возможную пользу!—А то, право, пробѣгая иныя вялыя, смутныя, безсильно-пространныя разглагольствованія въ журналахъ, читатель невольно долженъ думать, что именно *рычаг*-то вы замѣняете первобытными подпорками,—что вы возвращаетесь къ младенчеству самой механики....

Но довольно, а то я самъ впаду въ многорѣчивость.

1868—1869.
Баденъ-Баденъ.

VI. — Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ.

Изъ парижскихъ воспоминаній 1848-го года.

Всю зиму съ 1847 на 1848 годъ я прожилъ въ Парижѣ.—Квартира моя находилась недалеко отъ Пале-Рояля, и я почти каждый день ходилъ туда пить кофе и читать газеты.—Тогда еще Пале-Рояль не былъ такимъ, почти заброшеннымъ мѣстомъ, какимъ онъ сталъ теперь,—хотя дни его славы уже давно миновали, той громкой и особенной славы, которая, бывало, влагала въ уста нашимъ ветеранамъ 1814 и 1815 годовъ, при первомъ свиданіи съ человѣкомъ, возвратившимся изъ Парижа, неизмѣнный вопросъ: „а что подѣлываетъ батюшка Палэ-Рояль?“ — Однажды—дѣло было въ первыхъ числахъ февраля 1848 года—я сидѣлъ за однимъ изъ столиковъ, расположенныхъ вокругъ кофейной Ротонды (de la Rotonde), подъ навѣсомъ.—Человѣкъ высокаго роста, черноволосый съ просѣдью, жилистый и сухощавый, въ заржавленныхъ желѣзныхъ очкахъ со стеклышками сѣро-дымчатаго цвѣта на орлиномъ носу — вышелъ изъ кофейной, оглянулся — и, вѣроятно, убѣдившись, что всѣ мѣста подъ навѣсомъ были заняты, подошелъ ко мнѣ и попросилъ позволенія подсѣсть къ моему столику.—Я, разумѣется, согласился.—Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ не сѣлъ, а обрушился на стулъ, сдвинулъ на затылокъ свой ветхій цилиндръ и, опершись костлявыми руками на суковатую палку, потребовалъ чашку кофе, а отъ поданной ему газеты отказался съ пренебрежительнымъ пожатіемъ плеча. Мы обмѣнялись немногими незначительными словами; — помнится, онъ раза два воскликнулъ про себя: какое проклятое.... проклятое время! — торопливо выпилъ чашку и вскорѣ ушелъ: по впечатлѣніе, оставленное имъ, не тотчасъ во мнѣ изгладилось. — То былъ несомнѣнно французъ, изъ

южной Франціи—провансалецъ или гасконецъ; его загорѣлое, морщинистое лицо, ввалившіяся щеки, беззубый ротъ, глухой и какъ бы каркающій голосъ,—самая одежда, истасканная, запачканная, словно не на него сшитая, всё говорило о безпокойной, страннической жизни. „Бывалый, ломаный, битый человѣкъ“, думалось мнѣ: „онъ не только теперь въ „подмазкѣ“; — онъ, вѣроятно, всю жизнь провёлъ въ тѣснотѣ да въ подчиненіи; откуда-жъ это — не то невольное, не то сознательное чувство превосходства въ выраженіи лица, въ каждомъ движеніи, въ самой походкѣ, шмыгающей, небрежной? — Бѣдняки — смиренные—такъ не ходятъ“.—Особенно поразили меня его глаза, темнокаріе, съ желтоватыми бѣлками; онъ ихъ то раскрывалъ во всю ширину и устремлялъ прямо передъ собою неподвижный и тупой взоръ, то странно ёжилъ ихъ, приподнимая взъерошенныя брови и взглядывая бокомъ черезъ края очковъ.... злая насмѣшливость загоралась тогда въ каждой его чертѣ. Впрочемъ, я недолго размышлялъ о нёмъ въ тотъ день: ожиданіе предстоявшихъ банкетовъ въ пользу реформы волновало весь Парижъ—и я принялся читать газеты.

На слѣдующій день я опять отправился пить кофе въ Пале-Рояль и опять встрѣтился со вчерашнимъ господиномъ. Онъ первый поклонился мнѣ, какъ знакомому. Слегка усмѣхнувшись, и уже не испросивъ позволенія—точно онъ зналъ, что свиданіе съ нимъ должно мнѣ быть пріятнымъ—онъ помѣстился за моимъ столикомъ, хотя ни одинъ изъ другихъ столиковъ занятъ не былъ,—и немедленно вступилъ въ разговоръ, нисколько не чинясь и не стѣсняясь.

Прошло нѣсколько мгновеній....

— Вѣдь вы иностранецъ? Русскій? внезапно спросилъ онъ, медленно помешивая ложкой въ чашкѣ кофе.

— Что я иностранецъ—вы могли догадаться по моему выговору; но почему вы признали меня за русскаго?

— Почему? Вы сейчасъ сказали: „pardon“—вотъ этакъ, съ растяжкой: „pa-ardon“. Одни русскіе такъ растягиваютъ слова. Впрочемъ, я безъ того зналъ, что вы русскій.

Я хотѣлъ-было попросить объясненія.... Но онъ заговорилъ опять.

— Вы очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали сюда именно теперь. Время любопытное для туриста. Вы увидите.... большія дѣла („de grandes choses“).

— Что я увижу?

— А вотъ что. Теперь начало февраля.... Мѣсяца не пройдетъ—и Франція будетъ республикой.

— Республикой?

— Да. Но погодите радоваться.... если только это васъ радуетъ. Къ концу года Бонапарты будутъ обладать (онъ употребилъ гораздо болѣе сильное выраженіе) той же самой Франціей.

Когда онъ упомянулъ о близости республики, я, конечно, ему ни на волосъ не повѣрилъ и только подумалъ: „вотъ, человѣкъ удивить меня хочетъ: благо я, въ его глазахъ, неопытный скиѳъ“.... Но Бонапарты! съ какой стати Бонапарты?! Въ тогданнюю пору, при Людовикѣ-Филиппѣ, никто не думалъ о Бонапартахъ; во всякомъ случаѣ, никто не говорилъ о нихъ. Ужъ не наткнулся ли я на мистификатора? Или на одного изъ тѣхъ проходимцевъ, которые шатаются по кофейнымъ и гостинницамъ, вынохивая иностранцевъ, и кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что деньги взаймы просятъ? Однако, нѣтъ: не такая у него повадка.... Притомъ, эта безцеремонная развязность обращенія, этотъ равнодушный тонъ, съ которымъ онъ произнёсъ свои парадоксы....

— Вы, стало-быть, полагаете, что король не согласится

ни на какую реформу? спросилъ я, послѣ небольшого молчанія. Требованія оппозиціи, кажется, не велики....

— Да, да, да! (Comm, comm....) небрежно промолвилъ онъ. Расширеніе выборнаго права, допущеніе талантовъ и т. д., и т. д. Слова, слова, слова. Ни банкетовъ не будетъ, ни король не уступитъ, ни Гизо не захочетъ. А впрочемъ, прибавилъ онъ, вѣроятно замѣтивъ то не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе, которое онъ произвёлъ на меня:—къ чорту политику! Дѣлать её—весело; смотрѣть, какъ другіе её дѣлаютъ,—глупо. Маленькія собачки такъ поступаютъ, когда большія.... наслаждаются жизнью. Маленькимъ остается одно: лаять или визжать. — Будемте говорить о другомъ.

Не помню, о чемъ зашла наша бесѣда....

— Вы, конечно, бываете въ театрахъ? спросилъ онъ меня опять съ тою же внезапностью, которую я уже въ немъ замѣтилъ, и которая заставляла предполагать, что онъ нисколько не слушаетъ то, что ему говорятъ. Вѣдь вы всѣ, г-да русскіе до этого большіе охотники.

— Бываю.

— И, вѣроятно, восхищаетесь нашими актерами?

— Да, нѣкими.... Особенно въ Théâtre Français....

— Всѣхъ нашихъ актеровъ, перебилъ онъ меня, губитъ хорошій вкусъ. Эти традиціи тамъ, консерваторіи—бѣда! Всѣ они какіе-то вынотрошенные да замороженные. У васъ, въ Россіи, такія рыбы бываютъ на рынкахъ, зимой. Ни одинъ изъ нашихъ актеровъ не скажетъ на сценѣ: „я люблю васъ“, не разставивъ ноги въ видѣ циркуля и не закативъ томно глаза. И все ради хорошаго вкуса! Настоящихъ актеровъ можно найти только въ Италіи. Когда я жилъ въ Италіи.... Кстати, что вы скажете о той конституціи, которую король Бомба пожаловалъ своимъ вѣрноподданнымъ? Не скоро онъ имъ проститъ эту милость.... не скоро! Ну.... вотъ, когда я жилъ въ Неаполѣ,—на та-

мошнемъ народномъ театрѣ такіе водились молодцы.... прелесть! Да всякій италіянецъ—актеръ. У нихъ это въ натурѣ.... а мы только толкуемъ о натуральности. У насъ даже въ Палэ-Роялькомъ театрѣ никто не можетъ потягаться съ любымъ уличнымъ проповѣдникомъ.... „Per le santissime anime del Purgatorio!“ воскликнулъ онъ вдругъ нѣвучнымъ носовымъ голосомъ и, сколько я могъ судить, очень похоже, съ чистымъ италіянскимъ акцентомъ.

Я засмѣялся—и онъ засмѣялся беззвучно, широко раскрывая ротъ и косясь черезъ края очковъ.

— Однако.... Рашель, началъ-было я....

— Рашель, повторилъ онъ. — Да; это сила. Сила и цвѣтъ того жидовства, которое теперь завладѣло всѣми карманами цѣлаго міра и скоро завладѣетъ всѣмъ остальнымъ. У кого карманъ въ рукахъ, у того и женщина; а у кого женщина, у того и мущина.—(Qui a la poche, a la femme; et qui a la femme, a l'homme). Да.... Рашель!—То же вотъ, что Мейербееръ, который все грозитъ да дразнитъ насъ своимъ „Пророкомъ“. Дамъ... Нѣтъ, не дамъ... Ловкій человѣкъ; еврей — однимъ словомъ.... маэстро, только не въ музыкальномъ смыслѣ. Впрочемъ, и Рашель въ послѣднее время попортилась.... а все вы, г-да иностранцы, виноваты. Въ Италіи есть одна актриса.... ее зовутъ Ристори. Она, говорятъ, за какого-то маркиза вышла и сцену покинула.—Хороша; только кривляется маленько.

— Вы долго жили въ Италіи? спросилъ я.

— Да, пожилъ.—Да гдѣ я не жилъ!

— Вы, кажется, и въ Россіи были?

— А музыку вы тоже любите? промолвилъ онъ, не отвѣчая на мой вопросъ. Въ оперу ходите?

— Я музыку люблю.

— Любите? Гмъ! любите? Понятное дѣло: вы—славянинъ—а всѣ славяне—меломаны. Самое это послѣднее

искусство.—Когда оно не дѣйствуетъ на человѣка—скучно; когда дѣйствуетъ—вредно.

— Вредно? почему же вредно?

— Оно вредно—какъ слишкомъ теплыя ванны. Спросите докторовъ.

— Вотъ какъ!—Ну—а о другихъ искусствахъ вы какого мнѣнія?

— Искусство только одно и есть: ваяніе.—Вотъ это холодно, безстрастно, величаво—и зарождаетъ въ человѣкѣ мысль—или иллюзію, какъ угодно—о безсмертіи и вѣчности.

— А живопись?

— Живопись?—Крови много, тѣла, красокъ.... много грѣха.—Голыхъ женщинъ пишутъ!—Статуя никогда гола не бываетъ.—И къ чему разжигать человѣка? Люди и такъ всѣ грѣшны, преступны; всѣ насквозь проникнуты грѣхомъ....

— Всѣ, безъ исключенія? и всѣ насквозь?

— Всѣ!—Вы, я, даже вотъ этотъ толстый холостякъ съ добродушнымъ лицомъ, который покупаетъ куклу въ подарокъ чужому ребенку—а можетъ быть, и своему—всѣ преступны. У каждаго въ жизни есть уголовщина—и никто не имѣетъ права сказать, что ему нѣтъ мѣста на той накостной скамейкѣ, на которую сажаютъ обвиняемыхъ.

— Вамъ это лучше знать, вырвалось у меня невольно.

— Именно такъ: мнѣ это лучше знать. „Experto credi“ (вмѣсто: crede)—„Roberto“.

— Ну—а литература? Какое ваше мнѣніе о литературѣ? продолжалъ я свой экзаменъ. „Коли ты меня мистифицируешь, подумалъ я, почему-жъ и мнѣ не потрунить надъ тобою? Ты же дѣлаешь ошибку въ латинской цитатѣ, которой никто отъ тебя не требовалъ“.

Незнакомецъ равнодушно усмѣхнулся—словно понялъ мою мысль.

— Литература не искусство, промолвилъ онъ небрежнымъ голосомъ.—Литература должна прежде всего—забавлять. А забавляетъ только литература біографическая.

— Вы такой охотникъ до біографій?

— Вы меня не такъ поняли.—Я разумѣю тѣ произведенія, въ которыхъ авторы разсказываютъ читателямъ о самихъ себѣ—на показъ себя выставляютъ—т. е. на смѣхъ.—Ничего иного люди настоящимъ образомъ знать не могутъ.... да и то!—Вотъ почему самый великій писатель—Монтень. Такого нѣтъ другого.

— Онъ слыветъ за великаго эгоиста, замѣтилъ я.

— Да; и въ этомъ его сила. У него у одного достало смѣлости—быть эгоистомъ—и посмѣшищемъ — до конца.—Оттого онъ меня и забавляетъ.—Прочту страницу, другую.... посмѣюсь надъ нимъ, надъ самимъ собою.... и баста!

— Ну—а поэты?

— Поэты занимаются музыкою словъ, словесной музыкой.—А вы знаете мое мнѣніе о музыкѣ.

— Что же должно читать?—И что долженъ, напримѣръ, читать народъ?—Или вы полагаете, что народу читать не слѣдуетъ?

(Я замѣтилъ на одномъ изъ пальцевъ незнакомца кольцо съ гербомъ;—не смотря на его мизерный и обтерханный видъ, мнѣ сдавалось, что онъ долженъ придерживаться аристократическихъ мнѣній;—а быть можетъ, и самъ онъ, по происхожденію, принадлежалъ аристократіи).

— Напротивъ, отвѣчалъ онъ. — Народъ долженъ читать; но что онъ читаетъ—это совершенно безразлично. Говорятъ, ваши мужики все одну и ту же книжку читаютъ.—(„Францыль Венеціанецъ“—мелькнуло у меня въ головѣ).—„Дочитаютъ одинъ экземпляръ—другой такой же купятъ.—И прекрасно дѣлаютъ. Это придаетъ имъ важности въ собственныхъ глазахъ—и мѣшаетъ имъ размыш-

лять.—А кто въ церковь ходить—тому и вовсе читать не нужно.

— Вы придаете такое значеніе религіи?

Незнакомецъ покосился на меня черезъ края очковъ.

— Я въ Бога плохо вѣрю, милостивый государь; но религія — дѣло важное. — Служить ей.... быть можетъ, едва ли не лучшее званіе. Попы молодцы; они одни постигли сущность власти: повелѣвать со смиреніемъ — и повиноваться съ гордостью: вотъ и весь секретъ. — Власть.... власть.... обладать властью—другого счастья на землѣ нѣтъ!

Я уже началъ привыкать къ неожиданнымъ скачкàмъ нашего разговора—и только старался не отставать отъ моего страннаго собесѣдника. А онъ, напротивъ, говорилъ съ такимъ видомъ, какъ будто всѣ эти аксіомы, которыя онъ столь увѣренно высказывалъ, вытекали одна изъ другой послѣдовательно и логично, хотя вы въ то же время чувствовали, что ему совершенно все равно, соглашаетесь ли вы съ нимъ или нѣтъ.

— Если вы такъ властолюбивы, началъ я—и такого высокаго мнѣнія о духовенствѣ,—отчего же вы сами не пошли по этой дорогѣ, не сдѣлались священникомъ?

— Ваше замѣчаніе справедливо, милостивый государь;—но я мѣтилъ выше.—Я самъ хотѣлъ основать религію. И я попытался.... во время моего пребыванія въ Америкѣ. Впрочемъ, не я одинъ имѣлъ это намѣреніе. Тамъ этимъ вообще занимаются.

— Вы тоже были въ Америкѣ?

— Я тамъ два года прожилъ.—Вы, можетъ-быть, замѣтили.—я вынесъ оттуда скверную привычку жевать табакъ.—Не курю и не нюхаю.... а жую. Извините! (Онъ сплюнулъ въ сторону).—Такъ вотъ, въ чемъ дѣло: я хотѣлъ основать религію—и уже придумалъ-было очень недурную легенду. Только для того, чтобы она принялась,

надо быть мученикомъ, кровь свою пролить.... Безъ этого цемента фундамента не выведешь.—Не то, что на войнѣ: тамъ гораздо полезнѣе чужую кровь проливать. — А свою.... нѣтъ! я этого не хотѣлъ.—Слуга покорный!

Онъ промолчалъ съ минуту.

— Вы меня сейчасъ назвали властолюбивымъ, заговорилъ онъ снова.—Это вы правду сказали.—Я, напримѣръ, увѣренъ, что я еще буду королемъ.

— Королемъ?

— Да, королемъ.... На какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ.

— Королемъ.... безъ подданныхъ?

— Подданные всегда найдутся.—У васъ, въ Россіи, есть поговорка: „Было бы корыто“, и т. д. Людямъ это свойственно—подчиняться.—Нарочно на мой островъ черезъ море переплывутъ, чтобы только подчиниться властителю. Это вѣрно.

„Да ты сумасшедшій!“ подумалъ я про себя.

— Не отъ того ли вы полагаете, промолвилъ я громко, что французы подчинятся Бонапартамъ?

— По этой именно причинѣ, милостивый государь.

— Позвольте, позвольте, воскликнулъ я: вѣдь у французовъ и теперь есть король, властитель.—Стало-быть, та людская потребность, о которой вы говорите, потребность подчиняться—удовлетворена.

Мой собесѣдникъ покачалъ головою.

— Въ томъ-то и штука, что нынѣшній нашъ король, Людовикъ-Филиппъ, вовсе не чувствуетъ себя королемъ, властителемъ. Впрочемъ, мы не хотѣли говорить о политикѣ.

— Вы предпочитаете философію? замѣтилъ я.

Онъ сплюнулъ свой жёванный табакъ далеко въ сторону, по-американски. — Ага! Вамъ угодно пронизировать? — Что-жъ?—Я и отъ философіи не прочь; тѣмъ болѣе, что

она у меня очень проста и вовсе не похожа, напримѣръ, на нѣмецкую философію, которую я, впрочемъ, совсѣмъ не знаю—но ненавижу, какъ и всѣхъ нѣмцевъ.—Глаза незнакомца внезапно разгорѣлись.—Я ненавижу ихъ — ибо я патріотъ. Вѣдь и вы тоже, какъ русскій, должны ихъ ненавидѣть?

— Позвольте.... я....

— А коли нѣтъ—тѣмъ хуже для васъ.—Вотъ, погодите—они еще дадутъ вамъ себя знать.—Я ихъ ненавижу, я ихъ боюсь, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—и одно изъ моихъ лучшихъ воспоминаній состоитъ въ томъ, что и мнѣ удалось стрѣлять по нимъ, по этимъ нѣмцамъ!

— Вы стрѣляли? гдѣ же это?

— А опять-таки въ Италіи.—Я участвовалъ.... Впрочемъ, постойте.—Мы, кажется, бесѣдовали о философіи. Честь имѣю доложить вамъ, что вся моя философія заключается въ слѣдующемъ: въ человѣческой жизни есть два несчастія: рожденіе и смерть.—Второе несчастіе менѣе велико.... оно можетъ быть добровольнымъ.

— А сама жизнь?

— Гмъ! гмъ!—Этого разомъ не опредѣлишь. Но замѣтьте, что и въ жизни есть только двѣ хорошія вещи; а именно—когда человѣкъ способствуетъ рожденію.... или смерти—т. е. одному изъ тѣхъ двухъ несчастій, о которыхъ была рѣчь. — „Guerra, caza y amores“, говорятъ испанцы.

Я случайно зналъ эту поговорку.—Вы забываете второй стихъ, замѣтилъ я.—„Por un placer mil dolores“.

— Прекрасно! Вотъ вамъ и доказательство вѣрности моей философіи. — А впрочемъ, прибавилъ онъ, быстро вставая со стула,—мы достаточно поболтали. До свиданія!

— Погодите.... постойте! воскликнулъ я. Мы съ вами разговаривали около часа—а я еще не знаю, съ кѣмъ я имѣлъ честь....

— Вы хотите знать мое имя? Къ чему вамъ оно? Вѣдь я не спрашивалъ васъ о вашемъ. Я не спрашивалъ васъ также о томъ, гдѣ вы живете,—и не считаю нужнымъ сказать вамъ, гдѣ я живу, въ какой пребываю трущобѣ. Мы сходимся здѣсь—ну, и прекрасно. Вѣдь моя бесѣда вамъ нравится?—Онъ насмѣшливо прищурилъ глаза.—Я вамъ нравлюсь?

Меня немножко покоробило.—Очень уже безцеремоненъ былъ этотъ господинъ.—Я вами интересуюсь, милостивый государь, отвѣчалъ я съ преднамѣренной разстановкой—но вы мнѣ не нравитесь.

— А я вами не интересуюсь—но вы мнѣ нравитесь. Кажется, этого довольно для такихъ отношеній, каковы наши.—Если угодно, зовите меня.... ну, хоть monsieur François. А васъ, если позволите, я буду звать monsieur Ivan.... Вѣдь почти всѣ русскіе Иваны: я въ этомъ удостовѣрился въ то время, когда имѣлъ неудовольствіе состоять гувернёромъ у одного вашего генерала. въ одной вашей губерніи.—И глупъ же былъ этотъ генералъ—и бѣдна жъ была эта губернія!—За симъ, прощайте, monsieur Ivan!

Онъ повернулся—и пошелъ.

— Прощайте, monsieur François, крикнулъ я ему въ слѣдъ.

„Что за человѣкъ?“ спрашивалъ я самого себя, возвращаясь домой.—„Что за странное существо! Дразнитъ ли онъ меня, выдумываетъ разныя небылицы—или дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что̀ говоритъ? Что̀ онъ дѣлаетъ? Чѣмъ занятъ? Какое его прошедшее? Кто онъ? Неудавшійся литераторъ, публицистъ, школьный учитель, разоренный промышленникъ, обѣдиѣвшій дворянинъ, ак-

терь въ отставкѣ? и чего онъ добивается теперь? и почему онъ выбралъ именно меня въ свои повѣренные?“

Всѣ эти вопросы я себѣ ставилъ.... и разрѣшить ихъ, конечно, не могъ.—Но мое любопытство было затронуто—и я не безъ нѣкотораго волненія отправился на другой день, въ Палэ-Рояль.—На этотъ разъ я, однако, напрасно прождалъ моего чудака; за то на слѣдующій день онъ опять появился подъ навѣсомъ кофейной.

— А! monsieur Ivan! воскликнулъ онъ, какъ только меня завидѣлъ.—Здравствуйте.—Вотъ, насъ опять свела судьба.—Какъ вы поживаете?

— Помаленьку, благодарствуйте.—А вы какъ, monsieur François?

— И я тоже помаленьку. Ça boulotte.—Вчера, однако, чуть не издохъ.... Судороги въ сердцѣ.... Смертью запахло.... скверный запахъ! Но это не важно. Только знаете что: пойдемте, сядемте въ садъ; а то, здѣсь народу много набралось. Терпѣть не могу—когда на меня смотрятъ со стороны или кто сзади сидитъ, за спиной. Да и погода чудесная.

Мы отправились въ садъ—сѣли. Помнится, когда ему пришлось платить два су за свой стулъ, онъ досталъ изъ кармана крошечный, ветхій, плоскій портмоне — долго рылся въ немъ—да и денегъ въ портмоне едва ли было много больше, чѣмъ тѣ два су.—Я ждалъ, что онъ возобновитъ свои парадоксы.... но вышло иначе.—Онъ принялся меня разспрашивать о разныхъ значительныхъ русскихъ лицахъ. Я отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ; но ему все хотѣлось больше подробностей, больше біографическихъ чертъ.—Оказалось, что ему много было извѣстно такого, чего я не подозрѣвалъ.—Большой запасъ свѣдѣній былъ у этого человѣка.

Понемногу разговоръ перешелъ на политику. Да и трудно было ея избѣгнуть, при тогдашнемъ возбужденномъ

состояніи умовъ.—Мосьё Франсуа упомянулъ, вскользь и словно нехотя,—о Гизо, о Тьерѣ; по поводу перваго замѣтилъ, что вотъ, какъ Франція несчастна: одинъ только у ней и выискался человѣкъ съ твердой волей—и то не кстати;—а о второмъ пожалѣлъ, сказавъ, что роль его теперь надолго кончена.

— Помилуйте, она только начинается! воскликнулъ я:—какія рѣчи онъ держитъ въ палатѣ депутатовъ!

— Теперь пойдутъ другіе люди, пробормоталъ онъ.... а всѣ эти рѣчи—одинъ только шумъ—и больше ничего. Плыветъ человѣкъ въ лодкѣ—и говоритъ водопаду.... а тотъ его сейчасъ перекувырнетъ вмѣстѣ съ его лодкой. Да впрочемъ—вы мнѣ не вѣрите.

— Что-жъ, продолжалъ я: вы развѣ полагаете, что Одилонъ Барро.... Тутъ мосьё Франсуа уставился на меня—и расхохотался, закинувъ назадъ голову.

— Бумъ, бумъ, бумъ, произнесъ онъ, передразнивая гарсона, разносившаго кофе въ ротондѣ.... вотъ вамъ весь Одилонъ Барро.... Бумъ, бумъ!

— Да! промолвилъ я не безъ досады.—Вѣдь, по вашему, мы наканунѣ республики. — Соціалисты, что̀ ли, будутъ эти новые люди?

Мосьё Франсуа принялъ нѣсколько торжественную позу.

— Соціализмъ родился у насъ во Франціи, милостивый государь — да и во Франціи же умретъ, если уже не умеръ.—Или его убьютъ.—Убьютъ его двояко: или насмѣшкой—не можетъ же г-нъ Консидеранъ безнаказанно увѣрять, что у людей вырастетъ хвостъ съ глазомъ на концѣ....—или вотъ какъ:—онъ поставилъ обѣ руки, какъ бы прицѣливаясь изъ ружья. — Вольтеръ говаривалъ, что у французовъ не эпическія головы; а я осмѣливаюсь утверждать, что у насъ не соціалистическія головы.

За границей о васъ не такого мнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, вы всѣ, господа, за границей въ сотый разъ доказываете, что не понимаете насъ. Въ настоящее время соціализмъ требуетъ творческой силы.—Онъ пойдетъ за ней къ италіянцамъ, къ нѣмцамъ.... къ вамъ, пожалуй.—А французъ—изобрѣтатель.... (онъ почти все изобрѣлъ).... но не творецъ. Французъ остеръ и узокъ, какъ шпага—вотъ, онъ и проникаетъ въ суть вещей, изобрѣтаетъ, находитъ.... А чтобы творить—надо быть широкимъ, круглымъ.

— Какъ англичане или ваши любимые нѣмцы, ввернулъ я не безъ насмѣшки.

Но мосьё Франсуа не обратилъ вниманія на мою шпильку.

— Соціализмъ! Соціализмъ! продолжалъ онъ.—Это не французскій принципъ. — У насъ совсѣмъ другіе принципы.—У насъ ихъ—два: два краеугольные камня: революція и рутина. Робеспьеръ и мосьё Прюдомъ — вотъ наши національные герои.

— Въ самомъ дѣлѣ? А военный элементъ—куда вы его дѣваете?

— Да мы вовсе не военный народъ. Васъ это удивляетъ?—Мы храбрый, очень храбрый народъ; воинственный, но не военный.... Слава Богу, мы больше этого стоимъ.

Онъ пожевалъ губами.

— Да; это такъ. И со всѣмъ тѣмъ.—не было бы насъ, французовъ—не было бы и Европы.

— Но была бы Америка.

— Нѣтъ. Ибо Америка—та же Европа—только на изпанку. У американцевъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется зданіе европейскаго государства.... а между тѣмъ—выходитъ одно и то же. Все людское—одно и то же. Вы помните наставленіе унтеръ-офицера рекрутамъ: „направо кругомъ—совершенно то же самое, что налѣво кругомъ; только оно совершенно противопо-

ложно". Ну, вотъ, и Америка: та же Европа—только налѣво кругомъ.

— Если бы Франція была Римомъ, проговорилъ мосьё Франсуа послѣ недолгаго молчанія—вотъ, когда бы кстати явиться Катилинѣ!—Теперь, когда скоро, очень скоро—вы это увидите, милостивый государь!—камни—(онъ возвысилъ голосъ)—камни на нашихъ мостовыхъ—вотъ тутъ, близко, гдѣ-нибудь рядомъ съ нами, — опять отвѣдаютъ крови!—Но у насъ Катилины не будетъ—и Цезаря не будетъ,—а будетъ все тотъ же Прюдомъ съ Робеспьеромъ. Кстати, не согласитесь ли вы со мною: какъ жалко, что Шекспиръ не написалъ Катилины!

— А вы высокаго мнѣнія о Шекспирѣ, не смотря на то, что онъ поэтъ?

— Да. Онъ былъ человѣкъ счастливо рожденный—и съ дарованіемъ. Онъ умѣлъ видѣть, въ одно и то же время, и бѣлое, и черное, что̀ очень рѣдко;—и ни за бѣлое не стоялъ, ни за черное—что̀ еще рѣже.—Вотъ, еще хорошую вещь онъ написалъ—Коріолана! Лучшая его піеса!

Мнѣ тотчасъ же припомнились мои догадки на счетъ аристократизма мосьё Франсуа.

— Вамъ Коріоланъ, можетъ быть, оттого такъ нравится, что въ этой трагедіи Шекспиръ очень непочтительно, почти презрительно отзывается о народѣ, о черни?

— Нѣтъ, возразилъ мосьё Франсуа.—Я чернь не презираю; я вообще народъ не презираю. — Прежде, чѣмъ презирать другихъ, надо бы начать съ самого себя.... что̀ со мной случается лишь урывками.... когда мнѣ ѣсть нечего, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и сумрачно насупивъ брови.—Презирать народъ?! Съ какой стати? Народъ—то же, что земля.—Хочу, пашу ее.... и она меня кормитъ; хочу,—оставляю ее подъ паромъ. Она меня носитъ—а я ее попираю.—Правда, иногда она вдругъ возьметъ да встряхнется, какъ мокрый пудель, и повалитъ все,

что мы на ней настроили—всѣ наши карточные домики.—Да вѣдь это, въ сущности, рѣдко случается—эти землетрясенія-то.—Съ другой стороны, я очень хорошо знаю, что, въ концѣ-концовъ, она меня поглотитъ... И народъ меня поглотитъ тоже. Этому помочь нельзя.—А презирать народъ?—Презирать можно только то, что̀, при другихъ условіяхъ, слѣдуетъ уважать.—А тутъ ни тому, ни другому чувству мѣста нѣтъ. Тутъ надо пользоваться, умѣючи. Всѣмъ умѣть пользоваться—вотъ что надо.

— А позвольте спросить—вы умѣли пользоваться?

Моćьё Франсуа вздохнулъ.

— Нѣтъ; не умѣлъ.

— Неужели?

— Не умѣлъ, говорятъ вамъ.—Вы, вотъ, смо̀трите на меня и, пожалуй, думаете: „ты, моль, пророчишь, что скоро во Франціи настанутъ перевороты.... вотъ, тутъ тебѣ и ловить рыбу—въ мутной-то водѣ“.—Но щука не въ мутной водѣ ловитъ рыбу.—А я даже не щука!

Онъ круто повернулся на стулѣ и ударилъ кулакомъ по его спинкѣ.—Нѣтъ! ничѣмъ я не умѣлъ пользоваться, а то бы я не въ такомъ видѣ предсталъ передъ вами!—Онъ указалъ на всего себя бѣглымъ движеніемъ руки.—Я бы тогда, можетъ быть, совсѣмъ не познакомился съ вами... О чемъ я бы очень сожалѣлъ, прибавилъ онъ съ натянутой улыбкой.—И я бы не жилъ тамъ, на томъ чердакѣ, гдѣ я живу,—не имѣлъ бы возможности, вставая поутру и бросая взглядъ на море крышъ и трубъ Парижа, повторять восклицаніе Югурты: „Urbs venalis!“ Гмъ! Да;—а былъ бы я самъ, какъ этотъ городъ, не былъ бы я въ теперешнемъ положеніи; не было бы этой нужды, да бѣдности....

„Вотъ когда онъ у меня денегъ попроситъ“,—подумалось мнѣ.—Но онъ умолкъ, уронилъ голову на грудь и началъ чертить по песку концомъ палки. Потомъ онъ опять глубоко-глубоко вздохнулъ, снялъ очки, досталъ

старый клѣтчатый платокъ изъ задняго кармана, свернулъ его въ клубочекъ—и провелъ имъ раза два по лбу, высоко поднимая локоть.—„Да, промолвилъ онъ наконецъ, чуть слышно: жизнь — печальная штука; печальная штука жизнь, милостивый государь мой. Одно утѣшаетъ меня:—а именно то̀, что я умру скоро—и непремѣнно насильственной смертью.—(„И не будешь королемъ?“ чуть не сорвалось у меня съ языка; но я удержался).—„Да, насильственной смертью. — Вы посмотрите на это:—(онъ поднесъ ко мнѣ лѣвую руку, въ которой держалъ очки, ладонью кверху—и, не выпуская платка, положилъ на нее указательный палецъ правой... неопрятныя были объ). Вы видите эту черту, пересѣкающую жизненную линію?

— Вы хиромантикъ? спросилъ я.

— Вы видите эту черту? настойчиво повторилъ онъ.—Стало-быть, я правъ.—А вы напередъ знайте, милостивый государь, если, находясь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вамъ меньше всего бы слѣдовало вспоминать обо мнѣ—вы все-таки обо мнѣ вспомните—знайте: меня не стало.

Онъ опять понурился, и руку съ платкомъ уронилъ на колѣно; другая, съ очками, повисла какъ плетка.—Я воспользовался тѣмъ, что глаза мосьё Франсуа были опущены—не смущали меня—и внимательнѣе прежняго посмотрѣлъ на него. Онъ мнѣ вдругъ показался такимъ старикомъ; такая усталость сказывалась въ наклонѣ его спины и плечей, въ самой постановкѣ его большихъ, плоскихъ ногъ, обутыхъ въ заплатанные сапоги; такъ горько стиснулись губы, такъ глубоко ввалились небритыя щеки, такъ хило поникла тощая шея, такъ уныло повисъ клокъ посѣдѣлыхъ волосъ на изрытый морщинами лобъ... „Несчастный, жалкій ты человѣкъ“, рѣшилъ я тутъ же про себя: „несчастный во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ и предпріятіяхъ, въ семейныхъ и всяческихъ дѣлахъ.—Если ты былъ

жениться—жена тебя обманула и бросила; а если у тебя есть дѣти—ты ихъ не видишь и не знаешь“....

Громкое восклицаніе на русскомъ языкѣ прервало мои размышленія: кто-то звалъ меня.—Я обернулся и въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ всѣмъ извѣстнаго А. И. Герцена, проживавшаго тогда въ Парижѣ. Я всталъ и подошелъ къ нему.

— Съ кѣмъ ты это сидишь? началъ онъ, нисколько не умѣряя своего звонкаго голоса.—Что за фигура?

— А что?

— Да, помилуй, это шпіонъ. Непремѣнно шпіонъ.

— Ты развѣ его знаешь?

— Вовсе не знаю; да стоитъ только взглянуть на него. Вся ихняя манера. — Охота тебѣ съ нимъ якшаться. Смотри, берегись!

Я ничего не отвѣтилъ А. И. Герцену.—Но такъ какъ я зналъ, что при всемъ его блестящемъ и проницательномъ умѣ, пониманіе людей, особенно на первыхъ порахъ, у него было слабое,—такъ какъ я хорошо помнилъ, что за его гостепріимнымъ и радушнымъ столомъ попадались иногда самыя неблаговидныя личности, личности, которыя возбуждали его довѣрчивую симпатію двумя-тремя сочувственными словами, и которыя впослѣдствіи оказались дѣйствительными.... агентами, какъ онъ это самъ потомъ разсказалъ въ своихъ запискахъ,—то я и не придалъ особенной важности его предостереженью и, поблагодаривъ его за дружескую заботливость, вернулся къ своему мосьё Франсуа. Тотъ сидѣлъ по прежнему, неподвижный и понурый.

— Что я хотѣлъ сказать вамъ, заговорилъ онъ, какъ только я усѣлся возлѣ него. За вами, господа русскіе, водится дурная привычка.—Вы на улицѣ, передъ чужими, передъ французами, говорите громко между собою по-русски—словно вы увѣрены, что никто васъ не поймётъ.—

А это неосторожно. Вотъ я, напримѣръ, все понялъ, что сказалъ вашъ пріятель.

Я невольно покраснѣлъ.—Пожалуйста, не думайте.... началъ я. Конечно.... мой пріятель....

— Я его знаю. перебилъ меня мосьё Франсуа:—онъ человѣкъ весьма остроумный.... Но „errare humanum est“—(мосьё Франсуа, очевидно, любилъ щегольнуть латынью). Судя по моей наружности, можно предполагать обо мнѣ.... все, что угодно.—Но только позвольте спросить васъ: если даже я былъ бы тѣмъ, чѣмъ меня назвалъ вашъ пріятель—какая была бы мнѣ польза выслѣживать *васъ?*

— Конечно.... конечно.... вы правы.—Мосьё Франсуа уныло посматривалъ на меня.—Вы выучились русскому языку, когда были гувернёромъ у генерала? спросилъ я довольно не кстати: по мнѣ хотѣлось поскорѣе загладить непріятное впечатлѣніе, котораго не могло не произвести нѣсколько опрометчивое сужденіе А. И. Герцена.

Лицо мосьё Франсуа оживилось; онъ даже осклабился, похлопалъ меня по колѣну, какъ бы желая дать мнѣ почувствовать, что понимаетъ и цѣнитъ мое намѣреніе, надѣлъ очки, поднялъ уроненную имъ палку.—Нѣтъ. промолвилъ онъ: я выучился раньше.—Я тогда выучился вашему языку, когда попалъ изъ Америки въ Сибирь, изъ Тэхаса, чрезъ Калифорнію.... Я и тамъ былъ—въ вашей Сибири! И какія со мной чудеса совершались!

— Напримѣръ?

— Я о Сибири говорить не стану.... по многимъ причинамъ. Боюсь огорчить васъ или оскорбить. — Намальпимъ лутши!—прибавилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ. — Хе, хе. Но вотъ, послушайте, что со мной однажды случилось въ Тэхасѣ.

И мосьё Франсуа принялся, съ несвойственной ему до тѣхъ поръ обстоятельностію, разсказывать, какъ онъ, странствуя по Тэхасу зимой, забрелъ разъ, поздно вечеромъ, въ

блокгаузъ къ одному поселенцу изъ мексиканцевъ;—какъ, проснувшись ночью, онъ увидалъ своего хозяина сидящимъ на его постели съ обнаженнымъ ножемъ въ рукѣ—„con una navaja“; какъ этотъ человѣкъ огромнаго роста, бычачьей силы и пьяный, объявилъ ему, что намѣренъ его зарѣзать, по той причинѣ, что онъ, Франсуа, лицомъ напоминаетъ ему одного изъ злѣйшихъ его враговъ.—„Докажи мнѣ“, говорилъ мексиканецъ,—„что мнѣ не слѣдуетъ потѣшить себя и не выпустить изъ тебя всю кровь, какъ изъ борова,—такъ какъ я могу совершить все это вполнѣ безнаказанно, и никто на свѣтѣ не узнаетъ, что съ тобою сталось; да если кто бы и узналъ, все-таки, къ отвѣту меня не потянутъ, ибо никому на свѣтѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла. Ну, доказывай!... времени у насъ, слава Богу, довольно“.—И я, продолжалъ мосьё Франсуа, всю ночь до утра, лежа подъ его ножомъ, принужденъ былъ доказывать этому пьяному звѣрю—то приводя тексты изъ священнаго писанія — (на него, какъ на католика, это могло дѣйствовать),—то придерживаясь общихъ разсужденій, — что удовольствіе, которое доставитъ ему моя смерть, не на столько будетъ велико, чтобы стоило изъ-за него марать руки.... „Надо будетъ мой трупъ зарыть, хоть ради опрятности, все это хлопоты“.... Я принужденъ былъ даже сказки сказывать, даже пѣсни пѣть.... „Ной со мною!“ рычалъ онъ. „La muchacha-a-a!...“ И я ему подтягивалъ.... а лезвіе ножа, de cette diablesse de navaja—висѣло на вершокъ отъ моего горла.—Кончилось тѣмъ, что мексиканецъ заснулъ рядомъ со мною, положивъ свою косматую, гадкую голову ко мнѣ на грудь.

Всю эту исторію мосьё Франсуа разсказалъ мнѣ тихимъ голосомъ, не спѣша, какъ бы засыпая,—и вдругъ вытаращилъ глаза и умолкъ.

— Ну, и что же вы съ нимъ сдѣлали? спросилъ я.—съ мексиканцемъ-то?

— Да я.... лишилъ его возможности впередъ такъ глупо шутить.

— То-есть, это какъ же?

— Взялъ у него изъ рукъ ножъ.... да, покончивши съ этимъ дѣломъ, отправился далѣе.—Случались со мною и другія приключенія.... А все больше отъ нихъ, отъ проклятыхъ, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на проходившую женщину, скромно одѣтую, среднихъ лѣтъ.

— Отъ кого?

— Отъ этихъ.... юбокъ, пояснилъ онъ свою мысль.—О, эти женщины! женщины!—Онѣ-то вамъ ломаютъ ваши крылья, онѣ отравляютъ лучшую вашу кровь.—А впрочемъ, прощайте.—Я, вѣроятно, уже надоѣлъ вамъ—а я никому надоѣдать не намѣренъ. Особенно тому, въ комъ я нуждаюсь.

Онъ гордо выпрямилъ свой станъ, всталъ—и удалился, едва кивнувъ мнѣ головою и развязно помахивая палкой.

Я, признаться, всей этой мексиканской исторіи не повѣрилъ; она даже повредила мосьё Франсуа въ моихъ глазахъ.—И опять мнѣ пришло на мысль, что онъ меня дурачитъ.—Но съ какой цѣлью?—Чудакъ! чудакъ! повторялъ я.—За шпіона, я его, однако, признать все-таки не могъ, не смотря на увѣреніе А. И. Герцена.—Меня удивляло то, что какимъ это образомъ ни одинъ изъ многочисленныхъ прохожихъ въ Палэ-Роялѣ не заговаривалъ съ нимъ, не узнавалъ его? Правда, онъ нѣкоторымъ изъ нихъ подмигивалъ глазомъ.... Или это мнѣ тоже такъ показалось?

Я забылъ сказать, что отъ мосьё Франсуа никогда не пахло виномъ. Впрочемъ, ему, можетъ быть, не на что было и купить вина. Но нѣтъ: онъ вообще производилъ впечатлѣніе трезваго человѣка.

Ни на другой день, ни въ слѣдующіе дни онъ не явился на свиданіе—и понемногу я забылъ о мосьё Франсуа.

Незадолго до 24-го февраля, я уѣхалъ въ Бельгію—и вѣсть о государственномъ переворотѣ во Франціи дошла до меня въ Брюсселѣ. Помнится, въ теченіе цѣлаго дня никто не получалъ ни писемъ, ни журналовъ изъ Парижа; жители толпились на улицахъ и на площадяхъ; все замирало въ тревожномъ ожиданіи. 26-го февраля, въ шесть часовъ утра, я еще лежалъ—хотя и не спалъ—въ постели, въ нумерѣ гостиницы,—какъ вдругъ наружная дверь растворилась настежь—и кто-то зычно прокричалъ: Франція стала республикой!—Не вѣря ушамъ своимъ, я вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ изъ комнаты. По коридору мчался одинъ изъ гарсоновъ гостиницы,—и, поочередно раскрывая двери направо и на лѣво, бросалъ въ каждый нумеръ свое поразительное восклицаніе. Полчаса спустя. я уже былъ одѣтъ, уложилъ свои вещи—и въ тотъ же день несся по желѣзной дорогѣ въ Парижъ.—На границѣ сняты были рельсы; спутники мои и я—мы съ трудомъ, въ наемныхъ повозкахъ, добрались до Дуэ—и къ вечеру прибыли въ Понтуазъ... Рельсы около Парижа были также сняты.—Здѣсь не мѣсто передавать все то, что я испыталъ, видѣлъ и слышалъ во время этого путешествія. Помню, что на одной станціи мимо насъ съ шумомъ и трескомъ процессія локомотивъ съ однимъ вагономъ перваго класса: въ этомъ экстренномъ поѣздѣ мчался „экстренный коммиссаръ“ республики, Антоній Туро; ѣхавшіе съ нимъ люди махали трехцвѣтными флагами, кричали; служащіе на станціи съ нѣмымъ изумленіемъ провожали глазами громадную фигуру комиссара, до половины высунутую изъ окна, съ высоко приподнятою рукою.... 1793, 1794 годы невольно воскресали въ памяти.—Помню, что не доѣзжая Понтуаза, произошло столкновеніе нашего поѣзда съ другимъ, встрѣчнымъ... Были раненые—но никто не обратилъ даже вниманія на этотъ случай: у каждаго тотчасъ явилась одна и та же мысль: можно ли будетъ дальше ѣхать? И какъ

только нашъ поѣздъ снова тронулся, всѣ тотчасъ заговорили съ прежнимъ одушевленіемъ, всѣ, исключая одного сѣдого старичка, который съ самаго Дуэ забился въ уголъ вагона и безпрестанно повторялъ шопотомъ: всё пропало! всё пропало! Помню также, что въ одномъ вагонѣ со мною находилась извѣстная г-жа Гордонъ *); она вдругъ начала проповѣдывать о необходимости прибѣгнуть къ „принцу“, о томъ, что „принцъ“ одинъ можетъ все спасти.... Сначала никто ее не понялъ; когда же она произнесла имя Луи-Наполеона—всѣ отвернулись отъ нея, какъ отъ безумной.—Однако, слово сказанное мосьё Франсуа на счетъ Бонапартовъ, на мгновенье мелькнуло у меня въ головѣ... первое пророчество его сбылось же.

Не стану также распространяться о пережитыхъ мною впечатлѣніяхъ при въѣздѣ въ Парижъ, при видѣ всюду пестрѣвшихъ трехцвѣтныхъ кокардъ, вооруженныхъ блузниковъ, разобравшихъ камни баррикадъ и т. п. Весь первый день моего пребыванія въ Парижѣ прошелъ въ какомъ-то чаду.—На слѣдующій день я, по обыкновенію, отправился въ Палэ-Рояль, спросилъ у „гражданина“-гарсона чашку кофе—и хотя не встрѣтилъ тамъ мосьё Франсуа—однако могъ убѣдиться, что его предчувствіе на счетъ крови, долженствовавшей обагрить камни на улицахъ, окружающихъ Палэ-Рояль, оправдалось: извѣстно, что почти единственная битва, ознаменовавшая февральскіе дни, произошла на площади, отдѣляющей это зданіе отъ Лувра. И въ послѣдующіе дни я не наткнулся на мосьё Франсуа.—Въ первый разъ увидѣлъ я его 17-го марта,—въ самый тотъ день, когда громадная толпа работниковъ ходила къ ратушѣ протестовать передъ временнымъ правительствомъ противъ извѣстной манифестаціи такъ-называемыхъ „мед-

*) Пріятельница и эмиссарка Луи-Наполеона.

вѣжьихъ шапокъ“ (раскасированныхъ грепадеровъ и вольтижеровъ національной гвардіи). Размахивая руками и широко шагая, шелъ онъ посреди толпы—и не то пѣлъ, не то кричалъ; онъ подпоясался краснымъ шарфомъ и прикололъ красную кокарду къ шляпѣ.—Глаза наши встрѣтились; но онъ не подалъ вида, что узнаётъ меня, хотя нарочно обратился ко мнѣ всѣмъ лицомъ: смотри, молъ; да; это я!—и закричалъ пуще прежняго, преувеличенно раскрывая темный ротъ.—Въ другой разъ увидѣлъ я его въ театрѣ.—Рашель пѣла своимъ гробовымъ голосомъ марсельезу; онъ сидѣлъ въ партерѣ, тамъ, гдѣ въ обыкновенное время помѣщаются клакёры. Въ театрѣ онъ не кричалъ и не хлопалъ; но, скрестивъ руки на груди, съ сумрачнымъ вниманіемъ глядѣлъ на пѣвицу, когда она, кутаясь въ складкахъ схваченнаго ею знамени, призывала гражданъ—„къ оружію“, „къ пролитію нечистой крови!“ Не могу навѣрное сказать, видѣлъ ли я его 15-го мая въ массѣ народа, шедшаго мимо церкви Маделены на штурмъ палаты депутатовъ; но нѣчто похожее на его фигуру мелькнуло въ переднихъ рядахъ—и едва ли не его голосъ—его особенный, глухой и гулкій голосъ—послышался мнѣ среди криковъ: да здравствуетъ Польша!

За то, въ началѣ іюня, а именно 4-го числа, мосьё Франсуа внезапно предсталъ предо мною въ той же кофейной Пале-Рояль.—Онъ поклонился мнѣ, даже руку мнѣ подалъ—(чего прежде не дѣлалъ)—но не подсѣлъ къ моему столику, какъ бы стыдясь своей окончательно-истасканной одежды, своей надломанной шляпы; да и кромѣ того, его пожирало.—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось—безпокойное, нервическое нетерпѣнье. Лицо его осунулось, губы и щеки подергивало то вверхъ, то внизъ; воспаленные глаза едва видѣлись подъ очками, которыя онъ безпрестанно поправлялъ и надвигалъ на носъ всей пятерней.—Я въ этотъ разъ могъ убѣдиться въ томъ, что уже

подозрѣвалъ прежде: стекла въ его очкахъ были простыя стекла; и онъ, собственно, вовсе не нуждался въ нихъ: оттого-то онъ такъ часто взглядывалъ черезъ ихъ края.—Очки для него были въ родѣ маски.—Тревога, та особенная тревога безпріютнаго и голодающаго бродяги, сказывалась во всемъ его существѣ.—Почти нищенская наружность этого загадочнаго человѣка возбуждала мое недоумѣнье.—Если онъ точно—агентъ, то отчего же онъ такъ бѣденъ? Если же онъ не агентъ—то что же онъ такое?—Какъ понять его поведеніе?

Я заговорилъ-было съ нимъ о его предсказаніяхъ....

— Да.... да.... пробормоталъ онъ съ лихорадочной торопливостью.... Это все дѣло прошлое—de l'histoire ancienne. Но вы развѣ не собираетесь въ вашу Россію?—Вы еще останетесь здѣсь?

— А почему же мнѣ не остаться?

— Гмъ.—Это ваша забота. Но вѣдь мы скоро воевать съ вами будемъ.

— Съ нами?

— Да, съ вами, съ русскими.—Намъ скоро славы будетъ нужно, славы! Война съ Россіей неизбѣжна!

— Съ Россіей? А почему же не съ Германіей?

— Прежде съ Россіей.—Впрочемъ, это все впереди.—Вы молоды.... доживете.—А республика.... (онъ махнулъ рукою). Кончено! C'est fichu!

— Національныя мастерскія! Національныя мастерскія! воскликнулъ онъ съ внезапнымъ одушевленіемъ.—Были вы тамъ? видѣли ихъ? Видѣли, какъ они въ тачкахъ землю съ одного мѣста на другое перевозятъ! Вотъ откуда все пойдетъ.—Что будетъ крови! крови!—Цѣлое море крови!—Какое положеніе! Все предвидѣть—и ничего не мочь сдѣлать!!—Быть ничѣмъ! ничѣмъ!—Все обнимать.... (онъ широко разставилъ руки съ болтавшимися, изорванными рукавами... кольцо на указательномъ пальцѣ, однако, уцѣ-

лѣло....)—и ничего не схватывать!—(онъ стиснулъ кулаки)—ни даже куска хлѣба! Завтрашніе выборы тоже довольно важны, поспѣшно подхватилъ онъ, какъ бы не давая самому себѣ останавливаться на высказанномъ чувствѣ.—Мосьё Франсуа назвалъ мнѣ поименно депутатовъ, которыхъ, по его словамъ, непремѣнно выберутъ парижане; сказалъ мнѣ число голосовъ,—круглыми цифрами—которые каждый изъ нихъ получитъ. Между именами, названными мосьё Франсуа, находилось имя Коссидіера, которому онъ назначалъ первое мѣсто.—Не смотря на 15-е мая? спросилъ я.—Вы, можетъ быть, полагаете, что я это говорю потому, что онъ былъ префектомъ полиціи? возразилъ мосьё Франсуа съ горькой усмѣшкой—но тотчасъ же встряхнулся и опять заговорилъ о выборахъ.—Луи Наполеонъ тоже попалъ въ списокъ.—Онъ будетъ изъ послѣднихъ, въ хвостѣ (à la queue)—замѣтилъ мосьё Франсуа;—но и этого довольно. Взбираясь по лѣстницѣ, надо сперва перешагнуть послѣднія ступеньки, чтобы попасть на первую.—Я въ тотъ же вечеръ передалъ всѣ эти имена и цифры въ домѣ А. И. Г.; и очень хорошо помню его изумленіе, когда на другой день всѣ предсказанія мосьё Франсуа опять сбылись, отъ слова до слова. — Откуда ты все это знаешь? спросилъ меня не разъ А. И. Герценъ.—Я назвалъ источникъ, откуда я почерпалъ свои свѣдѣнія.—А! Гибридъ этотъ! воскликнулъ Герценъ.

Но возвращаюсь къ нашей бесѣдѣ въ кофейной. Около того времени въ числѣ именъ, вращавшихся въ устахъ молвы, часто стало повторяться имя Прудона. Я назвалъ его.—Онъ, по мнѣнію мосьё Франсуа, тоже стоялъ въ спискѣ избранныхъ, правда, послѣднимъ, что, впрочемъ, тоже оправдалось. Но оказалось, что мосьё Франсуа не придавалъ ему большого значенія такъ же, какъ и Ламартину и Ледрю-Роллену. Обо всѣхъ этихъ лицахъ онъ отзывался съ пренебреженіемъ, съ оттѣнкомъ сожалѣнія о

Ламартинѣ, съ оттѣнкомъ злобы о Прудонѣ, этомъ „софистѣ въ деревянныхъ башмакахъ“ (ce sophiste en sabots). А Ледрю-Роллена онъ прямо назвалъ: „Ce gros bêta de Ledru“, и все возвращался къ національнымъ мастерскимъ. Вся наша бесѣда продолжалась, впрочемъ, не долго, не болѣе четверти часа. Мосьё Франсуа такъ и не присѣлъ, и все оглядывался, словно поджидая кого-то. Я, между прочимъ, вспомнивъ его красную кокарду, сказалъ: такъ какъ вы, все-таки, мнѣ кажетесь республиканцемъ....

— Какой я республиканецъ! перебилъ онъ меня: съ чего вы это взяли? Это хорошо для овощныхъ торговцевъ (pour les épiciers). Они еще вѣрятъ въ принципы 89 года, всеобщее братство, прогрессъ—а я....

Но тутъ мосьё Франсуа внезапно затихъ и глянулъ въ сторону. Я оглянулся тоже. Какой-то старикъ, въ блузѣ, съ длинной бѣлой бородой, дѣлалъ ему знаки рукою. Онъ отвѣтилъ ему тѣмъ же и, не прибавивъ слова, подбѣжалъ къ нему и оба исчезли.

Послѣ встрѣчи въ кофейной я видѣлъ мосьё Франсуа всего три раза. Разъ—издали, въ Люксембургскомъ саду. Онъ стоялъ рядомъ съ бѣдно-одѣтой молодой дѣвушкой; она о чемъ-то слезно умоляла его, стискивала руки и подносила ихъ къ губамъ.... А онъ угрюмо отвѣкивался, нетерпѣливо топалъ ногой и, внезапно оттолкнувъ ее локтемъ, надвинулъ шляпу на лобъ и пошелъ прочь. Она побѣжала въ другую сторону, какъ потерянная. Вторая наша встрѣча была болѣе знаменательна; она произошла 13 іюня, въ самый тотъ день, когда на Площади Согласія въ первый разъ появилось скопище бонапартистовъ, на которое Ламартинъ указалъ съ трибуны палаты, и которое вскорѣ разогнали линейныя войска. Въ одномъ изъ угловъ, образуемыхъ стѣной Тюльерійскаго сада, я увидалъ человѣка въ пестромъ костюмѣ шарлатана, стоявшаго на ручной, двухколесной телѣжкѣ, и раздававшаго

брошюры. Я взялъ одну изъ нихъ; въ ней заключалась біографія, крайне хвалебная, Луи Наполеона. Этого человѣка, бретонца, съ громадиѣйшей шапкой длинныхъ и взбитыхъ кверху волосъ, я видывалъ и прежде на загородныхъ бульварахъ и площадяхъ: онъ продавалъ зубной элексиръ, мазь противъ ревматизма—разныя всесцѣляющія средства и т. п. Пока я перелистывалъ взятую мною брошюру, кто-то слегка тронулъ меня за плечо. Мосьё Франсуа!—Онъ улыбался во весь свой беззубый ротъ и иронически посматривалъ на меня черезъ края очковъ.

— Начинается! Вотъ когда оно начинается! проговорилъ онъ, странно переминаясь на мѣстѣ и потирая руки. Вотъ когда! Вотъ онъ—апостолъ, провозвѣстникъ! Нравится онъ вамъ?

— Этотъ волосатый шарлатанъ? воскликнулъ я. Этотъ шутъ?—Да вы смѣетесь надо мною!

— Да, да, шарлатанъ! возразилъ мосьё Франсуа. Такъ оно и слѣдуетъ. Необычайные волосы, запястія на рукахъ, трико съ золотыми блестками.... Это-то и нужно! Надо поражать воображеніе! Легенда, милостивый государь, легенда нужна! Чудодѣйство нужно! Реклама! Сценическая постановка! Сперва человѣкъ удивится.... а потомъ уважаетъ! Что я говорю: уважаетъ! Вѣрить.... вѣрить! А вы извольте помнить: настоящее дѣло теперь только начинается.... И когда будетъ пройдено Чермное (красное) море (la mer rouge)....

Но тутъ съ площади Согласія нахлынула толпа, безпорядочно бѣжавшая отъ солдатскихъ штыковъ, и разрознила насъ.

Въ послѣдній разъ я увидалъ — тоже издали — мосьё Франсуа во время страшныхъ іюньскихъ дней. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ національнаго гвардейца изъ провинціи—держалъ ружье на перевѣсъ—и я не берусь пере-

дать словами, какую холодную жестокость выражало его лицо.

Съ тѣхъ поръ я уже никогда не встрѣчался съ мосьё Франсуа.—Въ началѣ 1850 года мнѣ пришлось побывать въ русской церкви, на свадьбѣ одного знакомаго — и вдругъ, Богъ вѣдаетъ почему,—словно что меня толкнуло—я сталъ думать о мосьё Франсуа. — Мнѣ тутъ же пришло въ голову, что, такъ какъ другія его предсказанія сбылись,—то, пожалуй, и на этотъ разъ онъ могъ оказаться пророкомъ—и его, точно, нѣтъ уже въ живыхъ.—Впрочемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ довелось съ достовѣрностью убѣдиться въ его смерти.—А именно: въ одномъ магазинѣ, за прилавкомъ, я замѣтилъ женщину, въ которой я, послѣ недолгаго колебанія, узналъ дѣвушку, такъ горько плакавшую въ Люксембургскомъ саду передъ мосьё Франсуа.—Я рѣшился напомнить ей объ этой сценѣ.—Сперва она выказала недоумѣніе—но какъ только поняла, въ чемъ дѣло—тотчасъ пришла въ страшное волненіе, побѣднѣла, покраснѣла и попросила меня не вдаваться въ дальнѣйшіе разспросы.

— По крайней мѣрѣ, скажите мнѣ, умеръ ли этотъ господинъ или нѣтъ?

Женщина пристально посмотрѣла на меня.

— Онъ умеръ смертью, которой заслуживалъ.... Онъ злой былъ человѣкъ. — Впрочемъ, прибавила она—онъ былъ тоже очень.... очень несчастливъ.—Больше я ничего добиться отъ нея не могъ—и кто собственно былъ мосьё Франсуа—осталось для меня загадкой.

Есть такія морскія птицы, которыя появляются только во время бури.—Англичане называютъ ихъ stormy petrel.—Онѣ носятся низко въ тусклому воздухѣ, надъ самыми гребнями разъяренныхъ волнъ — исчезаютъ, какъ только настанетъ ясная погода.

VII.—Наши послали!

Эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 г., въ Парижѣ.

.... Наступилъ *четвертый* изъ извѣстныхъ іюньскихъ дней 1848 года, тѣхъ дней, которые такими кровавыми чертами вписаны на скрижаляхъ французской исторіи....

Я жилъ тогда въ несуществующемъ нынѣ домѣ на углу улицы Мира и Итальянскаго бульвара. Съ самаго начала іюня въ воздухѣ пахло порохомъ, каждый чувствовалъ, что рѣшительное столкновеніе неизбѣжно; а послѣ свиданія делегатовъ отъ только-что распущенныхъ національныхъ мастерскихъ съ членомъ временнаго правительства Мари, который въ обращенной къ нимъ рѣчи необдуманно произнесъ слово: „рабы“ (esclaves), принятое ими за упрекъ и обиду, послѣ этого свиданія уже весь вопросъ состоялъ въ томъ, не сколько дней, а сколько часовъ оставалось до того неизбѣжнаго, неотвратимаго столкновенія? „Est-ce pour aujourd'hui?“ (Сегодня, что-ли?)—вотъ какими словами привѣтствовали знакомые другъ друга каждое утро....

„Ça a commencé!“ (началось!) сказала мнѣ въ пятницу утромъ, 23 іюня, прачка, принесшая бѣлье. По ея словамъ, большая баррикада была воздвигнута поперекъ бульвара, недалеко отъ воротъ Сенъ-Дени. Я немедленно отправился туда.

Сначала ничего особеннаго не было замѣтно. Тѣ же толпы народа передъ открытыми кофейными и магазинами, то же движеніе каретъ и омнибусовъ; лица казались нѣсколько оживленнѣе, разговоры громче и—странное дѣло!—веселѣе.... вотъ и все. Но чѣмъ дальше я подвигался, тѣмъ болѣе измѣнялась физіономія бульвара. Кареты попадались все рѣже, омнибусы совсѣмъ исчезли;

магазины и даже кофейни запирались поспѣшно — или уже были заперты: народу на улицѣ стало гораздо меньше. Зато во всѣхъ домахъ окна были раскрыты сверху до низу; въ этихъ окнахъ, а также на порогахъ дверей, тѣснилось множество лицъ, преимущественно женщинъ, дѣтей, служанокъ, нянекъ,—и все это множество болтало, смѣялось, не кричало, а перекликивалось, оглядывалось, махало руками—точно готовилось къ зрѣлищу; беззаботное, праздничное любопытство, казалось, охватило всю эту толпу. Разноцвѣтныя лепты, косынки, чепчики, бѣлыя, розовыя, голубыя платья путались и пестрѣли на яркомъ лѣтнемъ солнцѣ, вздымались и шуршали на легкомъ лѣтнемъ вѣтеркѣ—такъ же, какъ и листья на всюду посаженныхъ тополяхъ — „деревьяхъ свободы“. „Неужели же тутъ, сейчасъ, черезъ пять, черезъ десять минутъ будутъ драться, проливать кровь?“ думалось мнѣ. „Невозможно! Это разыгрывается комедія.... О трагедіи нечего думать.... пока“.

Но вотъ, впереди, криво пересѣкая бульваръ во всю его ширину, вырѣзалась неровная линія баррикады—вышиною аршина въ четыре. По самой ея серединѣ, окруженное другими, трехцвѣтными, расшитыми золотомъ знаменами, небольшое красное знамя шевелило — направо, налѣво—свой острый, зловѣщій язычекъ. Нѣсколько блузниковъ видиѣлось изъ-за гребня наваленныхъ сѣрыхъ камней. Я пододвинулся поближе. Передъ самой баррикадой было довольно пусто, человѣкъ пятьдесятъ—не болѣе—бродило взадъ и впередъ по мостовой. (Тогда еще не было макадама на бульварахъ). Блузники пересмѣивались съ подходившими зрителями; одинъ, подпоясанный бѣлой солдатской портупеей, протягивалъ имъ раскупоренную бутылку и до половины налитый стаканъ, какъ бы приглашая ихъ подойти и выпить; другой, рядомъ съ нимъ, съ двухстволынымъ ружьемъ за плечами, протяжно кри-

чаль: „Да здравствуютъ національныя мастерскія! Да здравствуетъ республика, демократическая и соціальная!“ Подлѣ него стояла высокая, черноволосая женщина въ полосатомъ платьѣ, тоже подпоясанная портупеей съ заткнутымъ пистолетомъ; она одна не смѣялась и, какъ бы въ раздумьи, устремила прямо передъ собою свои большіе, темные глаза. Я перебрался черезъ улицу налѣво—и вмѣстѣ съ пятью, шестью такими же фланерами, какъ я, пріютился къ самой стѣнкѣ дома, съ котораго начинала ломаться прямая линія бульвара и въ которомъ помѣщалась — да и теперь помѣщается — фабрика Жувéнскихъ перчатокъ. Жалузи оконъ въ этомъ домѣ были закрыты. Мнѣ все еще не вѣрилось, не смотря на ожиданія и предчувствія минувшихъ дней, что дѣло приметъ оборотъ серьезный.

Между тѣмъ, все громче и ближе слышались барабаны. Ужъ съ утра, по всѣмъ улицамъ раздавался тотъ особенный троекратный бой—le rappel — тотъ бой, которымъ созывалась національная гвардія. И вотъ, медленно волнуясь и вытягиваясь, какъ длинный, черный червякъ, показалась, съ лѣвой же стороны бульвара, шагахъ въ двухстахъ отъ баррикады, колонна гражданскаго войска; тонкими, лучистыми иглами сверкали надъ нею штыки; нѣсколько офицеровъ ѣхали верхомъ въ ея головѣ. Колонна достигла противоположной стороны бульвара, и, занявъ его склонъ, повернулась фронтомъ къ баррикадѣ, и остановилась, безпрестанно наростая сзади и все болѣе и болѣе густѣя. Не смотря на прибытіе такого значительнаго количества людей, кругомъ стало замѣтнымъ образомъ тише; голоса понизились, рѣже и короче раздавался смѣхъ; точно дымка легла на всѣ звуки. Между линіей національной гвардіи и баррикадой внезапно оказалось пустое пространство, по которому, слегка крутясь, скользили два, три небольшіе вихря пыли—и, озираясь по сто-

ронамъ, расхаживала на тонкихъ ножкахъ черноѣгая собаченка. Вдругъ, неизвѣстно гдѣ, спереди или сзади, сверху или снизу, рѣзко грянулъ короткій, жесткій звукъ; онъ походилъ болѣе на стукъ тяжело упавшей желѣзной полосы, чѣмъ на выстрѣлъ, и тотчасъ вслѣдъ за этимъ звукомъ наступила страшная, бездыханная тишина. Все такъ и замерло въ ожиданіи,—казалось, самый воздухъ насторожился.... и вдругъ, надъ самой моей головой, что-то нестерпимо-сильно затрещало и рявкнуло—точно мгновенно разорванный громадный холстъ.... Это инсургенты дали залпъ сквозь жалузи оконъ изъ верхняго этажа занятой ими Жувенской фабрики. Мои сосѣди фланеры и я—мы немедленно устремились вдоль домовъ бульвара (помнится, я еще успѣлъ замѣтить на пустомъ пространствѣ впереди человѣка на четверенькахъ, упавшее конь съ краснымъ помпономъ, да вертѣвшуюся въ пыли черноѣгую собаченку) и, добѣжавъ до небольшого переулка, тотчасъ повернули въ него. Къ намъ присоединилось десятка два другихъ зрителей, изъ которыхъ у одного молодого человѣка лѣтъ двадцати была прострѣлена плоеча. На бульварѣ, позади насъ, безпрерывно трещали выстрѣлы. Мы перебрались на другую улицу—если не ошибаюсь—въ Rue de l'Echiquier. На одномъ ея концѣ виднѣлась низенькая баррикада — и мальчишка лѣтъ двѣнадцати прыгалъ по ея гребню, кривляясь и махая турецкой саблей; толстый національный гвардеецъ, блѣдный какъ полотно, пробѣжалъ мимо, спотыкаясь и охая на каждомъ шагу.... изъ рукава его мундира капала на землю алая кровь.

Трагедія началась — и въ серьезности ея уже нельзя было сомнѣваться, хотя едва ли кто-нибудь даже въ ту минуту подозрѣвалъ, какихъ она достигнетъ размѣровъ.

Мнѣ не приходилось драться ни по ту, ни по сю сторону баррикадъ; я вернулся домой.

Цѣлый день прошелъ въ несказанной тревогѣ. Погода была жаркая, душная.... Я не сходилъ съ Итальянскаго бульвара, запруженнаго всякого сорта людьми.—Распространялись самые невѣроятные слухи, безпрестанно смѣняясь другими, еще болѣе фантастическими. Къ ночи одно стало несомнѣннымъ; почти цѣлая половина Парижа находилась во власти инсургентовъ. Баррикады возникали повсюду—особенно по ту сторону Сены; войска занимали стратегическіе пункты; готовился бой не на животъ, а на смерть.—На слѣдующій день, съ ранняго утра, видъ бульвара—вообще внѣшній видъ Парижа, не занятаго инсургентами,—измѣнился, какъ по манію волшебнаго жезла. Вышелъ приказъ начальника парижской арміи, Кавеньяка, запрещающій всякаго рода движеніе, циркуляцію по улицамъ.—Національные гвардейцы, парижскіе и провинціальные, выстроенные по троттуарамъ, карауливши дома, въ которыхъ квартировали; регулярныя войска, подвижная національная гвардія (garde mobile) дрались: иностранцы, женщины, дѣти, больные сидѣли по домамъ, въ которыхъ всѣ окна должны были быть раскрыты настежь, для предупрежденія засады. Улицы мгновенно вымерли. Лишь изрѣдка прокатитъ почтовый омнибусъ или карета медика, безпрестанно останавливаемая часовыми, которымъ онъ показываетъ пропускной билетъ; или съ грубымъ грохотомъ и гуломъ провдетъ баттарея, направляясь къ мѣсту битвы, пройдетъ отрядъ солдатъ, проскачетъ адъютантъ или ординарецъ. Наступило страшное, мучительное время; кто его не пережилъ, тотъ не можетъ составить себѣ о немъ точнаго понятія. — Французамъ, конечно, было жутко: они могли думать, что ихъ родина, что все общество разрушается и падаетъ въ прахъ; но тоска иностранца, осужденнаго на невольное бездѣйствіе, была если не ужаснѣе, то уже навѣрно томительнѣе ихъ негодованія, ихъ отчаянія.—Жара знойная; выдти нель-

зя; въ раскрытыя окна безпрепятственно льется жгучая струя; солнце слѣпитъ; всякое занятіе, чтеніе, писаніе не мыслимо.... Пять разъ, десять разъ въ минуту раздаются пушечные выстрѣлы; иногда доносится ружейный трескъ, смутный гамъ битвы.... По улицамъ хоть шаромъ покати: раскаленные камни мостовой желтѣютъ, раскаленный воздухъ струится подъ лучами солнца; вдоль троттуаровъ тянутся смущенныя лица, неподвижныя фигуры національныхъ гвардейцевъ — и ни одного обычнаго жизненнаго звука! Просторно вокругъ, пусто — а чувствуешь себя стѣсненнымъ, какъ въ могилѣ или въ тюрьмѣ.— Съ двѣнадцати часовъ новыя зрѣлища: появляются носилки съ ранеными, съ убитыми.... Вотъ, проносятъ человѣка съ сѣдыми волосами, съ лицомъ бѣлымъ какъ подушка, на которой оно лежитъ:—это смертельно раненый депутатъ Шарбоннель.... Головы безмолвно обнажаются передъ нимъ—но онъ не видитъ этихъ знаковъ скорбнаго уваженія: его глаза закрыты. Вотъ идетъ куча плѣнныхъ; ихъ ведутъ гардмобили, все молодые ребята, почти мальчики: на нихъ сначала плохо надѣялись, но они дрались какъ львы.... Нѣкоторые несутъ на штыкахъ окровавленныя кэпи своихъ убитыхъ товарищей—или цвѣты, брошенные имъ женщинами изъ оконъ.—„Vive la république!“ кричатъ съ обѣихъ сторонъ бульвара національные гвардейцы, какъ-то дико и уныло протягивая послѣдній слогъ:—„Vive la mobi-i-ile!“ Плѣнные идутъ, не поднимая глазъ и прижимаясь другъ къ другу, какъ овцы: нестройная толпа, мрачныя лица, многіе въ лохмотьяхъ, безъ шапокъ; у иныхъ руки связаны. А канонада не умолкаетъ. Тяжелое, однообразное буханіе такъ и стоитъ въ вышинѣ; оно повисло надъ городомъ вмѣстѣ съ чадомъ и гарью зноя.... Подъ вечеръ, изъ моей компаты, въ четвертомъ этажѣ, слышится нѣчто новое: къ этому буханію присоединяются другіе, рѣзкіе, гораздо болѣе близкіе, непродолжитель-

ные и какъ бы вѣерообразные залпы.... Это, сказываютъ, разстрѣливаютъ инсургентовъ по мэріямъ (mairies).

И такъ часы за часами, часы за часами.... Невозможно спать, даже ночью. Попытаешься выдти на бульваръ, пройти хоть до первой улицы, чтобы узнать что-нибудь, или такъ—чтобы освѣжиться немного.... Сейчасъ тебя останавливаютъ, спрашиваютъ: кто ты, откуда, гдѣ живешь, зачѣмъ не въ мундирѣ? И узнавъ, что ты иностранецъ, подозрительно тебя оглядываютъ, повелительно отсылаютъ домой. А разъ, такъ даже одинъ національный гвардеецъ изъ провинціи (они были самые рьяные)—непремѣнно хотѣлъ арестовать меня—потому что на мнѣ была утренняя куртка. „Вы ее надѣли для того, чтобы удобнѣе сойтись (pactiser) съ бунтовщиками!“ кричалъ онъ, какъ изступленный.—Кто васъ знаетъ, вы, можетъ быть, русскій агентъ—и у васъ въ карманахъ золото, предназначенное къ тому, чтобы давать пищу нашимъ междоусобицамъ (pour fomenter nos troubles)!“ Я предложилъ ему осмотрѣть мои карманы.... но это еще болѣе его разсердило. Русское золото, русскіе агенты всюду мерещились тогда, вмѣстѣ съ многими другими небывальщинами и нелѣпостями, всѣмъ этимъ возбужденнымъ, сбитымъ съ толку, потеряннымъ головамъ....

Повторяю: страшное, томительное было время!

* * *

Въ такой, можно сказать, пыткѣ прошли три дня: наступилъ четвертый (26 іюня). Новости съ мѣста сраженія доходили до насъ довольно быстро, передаваясь отъ одного лица къ другому вдоль тротуаровъ. Такъ, наприм., мы уже знали, что Пантеонъ взятъ, что весь лѣвый берегъ Сены во власти войска, что генералъ Брea разстрѣлянъ инсургентами, что Архіепископъ Аффръ на смерть раненъ, что держится еще одно предмѣстье Святого Ан-

тонія. Помнится, мы читали прокламацію Кавеньяка, взывавшаго въ послѣдній разъ къ чувству патріотизма, не исчезающему даже въ самыхъ ожесточенныхъ сердцахъ.... Ординарецъ, гусарскій офицеръ, внезапно проскакалъ вдоль бульвара и, образовавъ пальцами правой руки кружокъ величиною съ яблоко, закричалъ: „вотъ какими пулями они въ насъ стрѣляютъ!....“

Въ томъ же домѣ, гдѣ я квартировалъ, и на той же лѣстницѣ, жилъ извѣстный нѣмецкій поэтъ Гервегъ, съ которымъ я былъ знакомъ; я часто заходилъ къ нему, чтобъ хотя нѣсколько отвести душу.... уйти отъ самого себя, отъ ноющей тоски бездѣйствія и одиночества.

Вотъ, я сижу у него 26 іюня утромъ,—онъ только-что позавтракалъ.... Вдругъ входитъ гарсонъ съ перетревоженнымъ лицомъ.

— Что такое?

— Васъ, мсьё Гервегъ, какая-то блуза спрашиваетъ!

— Блуза? Какая блуза?

— Человѣкъ въ блузѣ, работникъ, старикъ, спрашиваетъ *гражданина* (le citoyen) Гервега. Прикажете его принять?

Гервегъ переглянулся со мною.—Примите, сказалъ онъ наконецъ.

Гарсонъ удалился, повторяя, какъ бы про себя „человѣкъ.... въ блузѣ!!“ Онъ ужасался; а давно-ли, вскорѣ послѣ февральскихъ дней, блуза считалась самымъ моднымъ, приличнымъ и безопаснымъ костюмомъ? Давно-ли я, на одномъ даровомъ представленіи въ Théâtre Français, предназначенномъ для народа, видѣлъ, своими глазами видѣлъ множество самыхъ изысканныхъ щеголей такъ-называемаго бомонда, облекшихся въ бѣлыя и синія блузы, изъ-подъ которыхъ странно выглядывали ихъ накрахмаленные воротнички и жабо? Но другія времена—другіе нравы; въ эпоху іюньской битвы блуза въ Парижѣ сдѣлалась зна-

комъ отвержепія, печатью Каина, вызывала чувство ужаса и злобы.

Гарсонъ возвратился—и съ нѣмотствующимъ содроганьемъ пропустилъ впередъ себя человѣка, шедшаго по его слѣдамъ, дѣйствительно одѣтаго въ блузу, истрепанную, замаранную блузу. Панталоны этого человѣка, башмаки его были тоже заначканы и въ заплатахъ, шею обвертывала красная тряпка—а голову покрывала шапка.... шапка черно-сѣдыхъ, спутанныхъ, нависшихъ на самыя брови волосъ. Изъ-подъ этой шапки выдѣлялся длинный носъ съ горбиной, выглядывали маленькіе, старчески-воспаленные и тусклые глаза. Впалыя щеки, морщины по всему лицу, глубокія какъ рубцы, широкій, скривленный ротъ, небритая борода, красныя, грязныя руки и та особая сутулина спинного хребта, въ которой сказывается гнетъ продолжительной, сверхсильной работы.... Не было сомнѣнья: передъ нами стоялъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ тружениковъ, голодныхъ и темныхъ, которыми такъ изобилуютъ низменные слои цивилизованныхъ обществъ.

— Кто здѣсь гражданинъ Гервегъ? — спросилъ онъ сильнымъ голосомъ.

— Я Гервегъ, — отвѣчалъ нѣмецкій поэтъ, не безъ нѣкотораго смущенья.

— Вы ждете вашего сына вмѣстѣ съ его бонной—изъ Берлина?

— Да, дѣйствительно... Почемъ вы знаете? Онъ долженъ былъ четвертаго дня выѣхать.... но я полагалъ....

— Вашъ мальчикъ пріѣхалъ вчера; но такъ какъ станція желѣзной дороги въ Сенъ-Дени въ рукахъ у нашихъ—(при этомъ словѣ гарсонъ чуть не подпрыгнулъ отъ испуга) и сюда его послать было невозможно, то его отвели къ одной изъ нашихъ женщинъ—вотъ, тутъ, на бумажкѣ, его адресъ написанъ—а мнѣ наши сказали, чтобъ я пришелъ къ вамъ—дабы вы не безпокоились. И

бонна его съ нимъ: помѣщеніе хорошее — кормить ихъ будутъ обоихъ. И опасности нѣтъ. Когда все покончится—вы его возьмите—вотъ, по этой бумажкѣ. Прощайте, гражданинъ.

— Старикъ пошелъ-было къ двери....

— Постойте, постойте! возопилъ Гервегъ, не уходите!

Старикъ остановился—но не повернулся къ нимъ лицомъ.

— Неужели же—продолжалъ Гервегъ—вы только для того сюда пришли, чтобы успокоить меня, незнакомаго вамъ человѣка, насчетъ моего сына?

Старикъ поднялъ свою понурую голову. — Да. Меня наши послали.

— Только для этого?

— Да.

Гервегъ всплеснулъ руками.—Но помилуйте.... я.... я, просто, не знаю, что сказать. Я удивляюсь, какимъ образомъ вы могли дойти досюда! Васъ, навѣрное, на каждомъ перекресткѣ останавливали?

— Да.

— Спрашивали, куда вы идете, зачѣмъ?

— Да. Все на руки смотрѣли, есть ли слѣды пороха. Попался одинъ офицеръ.... тотъ грозился разстрѣлять меня.

Гервегъ онѣмѣлъ отъ удивленія; гарсонъ тоже вытаращилъ глаза. „C'est trop fort!“ безсознательно шептали его поблѣднѣвшія губы.

— Прощайте, гражданинъ,—отчетливо произнесъ старикъ, какъ бы рѣшившись уйти. Гервегъ бросился и удержалъ его.

— Постойте.... подождите.... позвольте поблагодарить васъ....

Онъ началъ шарить у себя въ карманахъ.

Старикъ отклонилъ его своей широкой, не разгибав-

шейся рукой:—Не безпокойтесь, гражданинъ: денегъ я не возьму.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, позвольте предложить вамъ.... хоть завтракъ.... ну, стаканъ вина.... что-нибудь....

— Отъ этого я не откажусь, — промолвилъ старикъ послѣ небольшого молчанія.—Я, вотъ, второй день почитай-что не ѣлъ.

Гервегъ тотчасъ услалъ гарсона за завтракомъ, а пока попросилъ своего гостя присѣсть. Тотъ тяжко опустился на стулъ, положилъ обѣ ладони на колѣни и потупился....

Гервегъ принялся его разспрашивать.... но старикъ отвѣчалъ неохотно, угрюмымъ тономъ: видно было, что онъ усталъ сильно — а впрочемъ, ни волненія никакого не ощущалъ, ни страха,—и на все махнулъ рукой. Да и бесѣда съ „буржуа“ была ему не по вкусу. За завтракомъ онъ, однако, нѣсколько оживился. Сперва ѣлъ и пилъ съ жадностью, а потомъ понемногу сталъ разговаривать.

— Мы, въ февралѣ,—такъ разсуждалъ онъ:—обѣщали временному правительству, что будемъ ждать три мѣсяца; вотъ они прошли, эти мѣсяцы, а нужда все та же; еще больше. Временное правительство обмануло насъ: обѣщало много—и ничего не сдержало. Ничего не сдѣлало для работниковъ. Деньги мы всѣ свои проѣли, работы нѣтъ никакой, дѣла стали. Вотъ тебѣ и республика! Ну, мы и рѣшились, все равно пропадать!

— Но, позвольте, замѣтилъ-было Гервегъ: какую вы могли ожидать пользу отъ такого безумнаго возстанія?

— Все равно пропадать, повторилъ старикъ. — Онъ тщательно утеръ губы, сложилъ салфетку, поблагодарилъ и приподнялся.

— Вы уходите?—воскликнулъ Гервегъ.

— Да. Мнѣ надо къ нашимъ. Чего мнѣ здѣсь оставаться!

— Да вѣдь васъ на возвратномъ пути навѣрное задержать и, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ разстрѣляютъ!

— Быть можетъ. Такъ что-жъ изъ этого? Пока живъ, надо самому хлѣбъ для семьи доставать, а какъ его доставать-то?!—А коли убьютъ, сироть наши люди не оставятъ безъ призрѣнія. Прощайте, гражданинъ!

— Скажите мнѣ ваше имя, по крайней мѣрѣ! Я желаю знать, какъ зовутъ того, кто такъ много для меня сдѣлалъ!

— Мое имя вамъ совсѣмъ не нужно знать. Правду сказать, то, что я сдѣлалъ, я сдѣлалъ не для васъ, а наши приказали. Прощайте.

Такъ старикъ и ушелъ, сопровождаемый гарсономъ.

Въ тотъ же день возстаніе было окончательно подавлено. Какъ только проѣздъ сталъ свободенъ, Гервегъ по оставленному адресу отыскалъ женщину, пріютившую его сынишку. Ея мужъ и сынъ были захвачены въ плѣнъ; другой сынъ погибъ на баррикадѣ; племянника разстрѣляли. Она тоже отказалась отъ денегъ; но указавши на бѣгавшихъ по комнатѣ двухъ дѣвочекъ, дочерей ея убитаго сына, промолвила: — Если мнѣ когда-нибудь придется попросить что-нибудь для этихъ, такъ пусть мальчикъ вашъ вспомнитъ о нихъ.

Участь старика, посѣтившаго Гервега, осталась неизвѣстной. Нельзя было не подивиться его поступку, той безсознательной, почти величавой простотѣ, съ которой онъ совершилъ его. Ему, очевидно, и въ голову не приходило, что онъ сдѣлалъ нѣчто необыкновенное, собою пожертвовалъ. Но нельзя также не дивиться и тѣмъ людямъ, которые его послали, которые въ самомъ пылу и развалѣ отчаянной битвы могли вспомнить о душевной тревогѣ незнакомаго имъ „буржуа“ и позаботились о томъ, чтобы его успокоить. Подобные имъ люди, правда, двадцать два го-

да спустя, жгли Парижъ и разстрѣливали заложниковъ; но кто хоть немного знаетъ сердце человѣческое—не смутится этими противорѣчіями.

1868.

VIII.—Казнь Тропмана.

Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1870) года, я, находясь въ Парижѣ за столомъ одного хорошаго пріятеля, получилъ отъ М. Дюкана, извѣстнаго писателя и спеціалиста по части статистики Парижа,—совершенно неожиданное приглашеніе присутствовать при казни Тропмана—и не при одной его казни: мнѣ предлагали включить меня въ число немногихъ привилегированныхъ лицъ, которымъ разрѣшается доступъ въ самую тюрьму. До сихъ поръ еще не забыто ужасное преступленіе, совершенное Тропманомъ; но въ то время Парижъ на столько же—если не болѣе—занимался имъ, его предстоящею казнью—сколько недавнимъ назначеніемъ псевдо-парламентарнаго Оливье—или убійствомъ Виктора Нуара, павшаго отъ руки столь изумительно впослѣдствіи оправданнаго принца П. Бонапарта. Во всѣхъ окнахъ фотографій, бумажныхъ магазиновъ, видѣлись цѣлые ряды карточекъ, представлявшихъ молодого малаго съ большимъ лбомъ, темными глазами и одутловатыми губами — „знаменитаго“ Пантенскаго убійцы —(de *l'illustre* assassin de Pantin)—и уже нѣсколько вечеровъ сряду тысячи блузниковъ собирались въокрестностяхъ Рокетской тюрьмы, въ ожиданіи—не воздвигнется ли, наконецъ, гильотина?—и разсѣвались только за-полночь. Застигнутый въ расплохъ предложеніемъ М. Дюкана, я, не думавъ долго, согласился; а давши слово прибыть на мѣсто назначеннаго мнѣ свиданія—у статуи принца Евгенія, на бульварѣ того же имени въ 11 часовъ вечера—я уже не хотѣлъ взять это слово назадъ.

Ложный стыдъ помѣшалъ мнѣ это сдѣлать.... А ну, какъ подумаютъ, что я трушу? Въ наказаніе самому себѣ—и въ назиданіе другимъ—я намѣренъ теперь разсказать все, что я видѣлъ, намѣренъ повторить въ воспоминаніи всѣ тяжелыя впечатлѣнія той ночи. Быть можетъ—не одно любопытство читателя будетъ удовлетворено: быть можетъ, онъ извлечетъ нѣкоторую пользу изъ моего разсказа.

У статуи принца Евгенія уже ожидала насъ съ Дюкаемъ небольшая кучка людей. Въ числѣ ихъ былъ и г-нъ Клодь, извѣстный начальникъ охранной полиціи — (chef de la police de sûreté), которому Дюканъ меня представилъ. Остальные были, такъ же какъ я, привилегированные посѣтители, журналисты, хроникёры и т. п. Дюканъ предупредилъ меня, что намъ, вѣроятно, придется провести ночь безъ сна на квартирѣ коменданта, директора тюрьмы. Казнь осужденныхъ совершается зимою въ семь часовъ утра; но надо быть на мѣстѣ прежде полуночи—а то, пожалуй, и не продерешься сквозь толпу. Отъ статуи принца Евгенія до Рокетской тюрьмы не болѣе полу-версты; но я, пока, ничего не видѣлъ чрезвычайнаго. Народу на бульварѣ было немного больше обыкновеннаго. Одно развѣ можно было замѣтить: почти всѣ люди шли—а иные, особенно женщины, даже трусили—рысцой—въ одномъ и томъ же направленіи; притомъ, всѣ кофейныя и кабачки горѣли огнями, что̀ тоже рѣдко бываетъ въ отдаленныхъ кварталахъ Парижа, особенно въ такую позднюю пору. Ночь стояла не туманная, а тусклая, сырая, безъ дождя, холодная, безъ мороза—настоящая январская, французская ночь. Г-нъ Клодь объявилъ, что пора идти, и мы отправились. Онъ сохранялъ всю спокойную развязность дѣлового человѣка, въ которомъ подобныя происшествія уже не возбуждаютъ никакихъ ощущеній, кромѣ развѣ одного желанія—поскорѣе отдѣлаться отъ невеселой обязанности. Г-нъ Клодь—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго

роста, коренастый, плечистый, съ круглой, плотно остриженной головой, съ маленькими, почти миніатюрными чертами лица. Только лобъ и подбородокъ, да затылокъ у него замѣчательно широки; незыблемая энергія сказывается въ его сухомъ и ровномъ голосѣ, въ его блѣдныхъ сѣрыхъ глазкахъ, въ короткихъ, крѣпкихъ пальцахъ, въ мускулистыхъ ногахъ, во всѣхъ его неторопливыхъ, но твердыхъ движеніяхъ. Онъ, говорятъ, мастеръ своего дѣла, дока— и внушаетъ великій страхъ всѣмъ ворамъ и убійцамъ. Политическіе преступники—не по его части. Товарищъ его, г. К...., тоже весьма восхваляемый Дюканомъ, имѣетъ видъ мягкаго, почти сентиментальнаго человѣка и болѣе утонченныя манеры. За исключеніемъ этихъ двухъ господъ и, можетъ быть, самого Дюкана, всѣмъ намъ—или это мнѣ только такъ казалось—было нѣсколько неловко и какъ бы совѣстно, хотя мы бодро, словно на охоту, ступали одинъ за другимъ.

Чѣмъ мы ближе подвигались къ тюрьмѣ, тѣмъ людиѣе становилось вокругъ насъ, хотя настоящей толпы еще не было. Ни криковъ не раздавалось, ни даже слишкомъ громкихъ разговоровъ; видно было, что „представленіе“ еще не началось. Одни уличные мальчишки уже вились кругомъ; заложивъ руки въ карманы панталонъ и нахлобучивъ козырекъ фуражки на-носъ, шлялись они той особенной, развалистой и шмыгающей походкой, которую только и увидѣть можно, что въ Парижѣ, и которая въ мгновеніе ока смѣняется самой проворной бѣготней и прыжками обезьяны.

— Вотъ онъ.... вотъ онъ.... это онъ! произнесло нѣсколько голосовъ вокругъ насъ.

— Знаете что? сказалъ мнѣ вдругъ Дюкашъ: васъ принимаютъ за здѣшняго палача.

„Хорошее начало!“ подумалось мнѣ. Парижскій палачъ,

monsieur de Paris—съ которымъ я познакомился въ ту же ночь, такъ же сѣдъ и такого же роста, какъ я.

Но вотъ, показалось длинное, не слишкомъ широкое пространство, обставленное съ обѣихъ сторонъ двумя казармообразными зданіями грязнаго вида, пошлой архитектуры:—это Рокетская площадь. Налѣво тюрьма, въ которой содержатся молодые преступники (prison des jeunes détenus), направо—депо приговоренныхъ (maison de dépot pour les condamnés) или Рокетская тюрьма.

Площадь эту пересѣкали поперекъ поставленные въ четыре ряда солдаты; такіе же четыре ряда стояли дальше—шаговъ на двѣсти отъ первыхъ. Обыкновенно ихъ не бываетъ; но на этотъ разъ правительство, въ виду „репутаціи“ Тропмана и состоянія умовъ, возбужденныхъ убійствомъ Нуара, почло нужнымъ не ограничиться одной полиціей и прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ. Главныя ворота Рокетской тюрьмы приходились ровно по серединѣ пустого пространства, охваченнаго солдатами. Нѣсколько полицейскихъ сержантовъ медленно расхаживали передъ воротами; молодой, довольно толстый офицеръ въ необыкновенно богато расшитомъ кепи (какъ оказалось, начальникъ квартала, нѣчто въ родѣ частнаго пристава) налетѣлъ-было на нашу группу съ нахраномъ, мгновенно напомнившимъ мнѣ былія времена на родинѣ; но узнавъ „своихъ“, успокоился. Съ великими предосторожностями, едва отворяя двери, впустили насъ въ небольшую гауптвахту возлѣ воротъ—и, по предварительномъ осмотрѣ и опросѣ, препроводили насъ черезъ два внутреннихъ двора, одинъ большой, другой маленькій, въ квартиру коменданта. Комендантъ этотъ, человѣкъ дюжій, высокій, съ сѣдыми усами и эспаньолкой, съ типическимъ лицомъ французскаго пѣхотнаго офицера, орлинымъ носомъ, неподвижными, хищными глазами и крохотнымъ черепомъ—принялъ насъ любезно и добродушно; но даже помимо

его воли, по каждой его ухваткѣ, по каждому его слову, нельзя было не замѣтить тотчасъ, что это „малый солидный“ (un gaillard solide), слѣпо преданный слуга, который не поколеблется исполнить какое бы то ни было приказаніе своего господина. Впрочемъ, онъ уже доказалъ на дѣлѣ свое усердіе: въ ночь переворота 2-го декабря, онъ со своимъ баталіономъ занялъ типографію Монитёра. Какъ истый джентльменъ, онъ предоставилъ намъ всю свою квартиру. Она помѣщалась во второмъ этажѣ главнаго корпуса и состояла изъ четырехъ, порядочно меблированныхъ комнатъ; въ двухъ изъ нихъ горѣло по камину. Небольшая левретка съ вывихнутой лапкой и грустнымъ выраженіемъ глазъ, словно и она чувствовала себя плѣнницей, ковыляла, повиливая хвостикомъ, съ одного коврика на другой. Насъ, я разумѣю посѣтителей, было человѣкъ восемь; лица нѣкоторыхъ были мнѣ знакомы по фотографіямъ—(Сарду, Альбертъ Вольфъ); но я не желалъ заговорить ни съ кѣмъ. Мы всѣ усѣлись въ залѣ, на стульяхъ (Дюканъ умелъ съ г. Клодомъ). Само собою разумѣется, что Тромпанъ сталъ предметомъ бесѣды и какъ бы единымъ центромъ всѣхъ помысловъ. Комендантъ сообщилъ намъ, что онъ съ девяти часовъ вечера заснулъ и спитъ крѣпкимъ сномъ; что онъ, кажется, догадывается объ участи его просьбы о помилованіи; что онъ умолялъ его, коменданта, сказать ему правду: что онъ все такъ же упорно настаиваетъ на томъ, что у него были сообщники, которыхъ не желаетъ назвать; что онъ, вѣроятно, оробѣетъ въ рѣшительную минуту, но что онъ, впрочемъ, ѣстъ съ аппетитомъ, а книгъ не читаетъ, и т. д. и т. д. Съ своей стороны, нѣкоторые изъ насъ разсуждали о томъ, должно ли давать вѣру словамъ преступника, оказавшагося такимъ закоренѣлымъ лгуномъ, повторяли подробности убійства, спрашивали себя, какого мнѣнія будутъ френологи о черепѣ Тромпана, поднимали вопросъ о смертной казни.... но все это такъ вяло, такъ тупо, такими общими

фразами, что самимъ говорившимъ становилось не въ охоту продолжать. О чемъ-нибудь другомъ бесѣдовать было неловко.... невозможно; невозможно—изъ одного уваженія къ смерти, — къ человѣку, который былъ ей обреченъ. Всѣми нами овладѣло томительное и медленное безпокойство: скучать—никто не скучалъ, но это тоскливое ощущеніе было во сто разъ хуже скуки! Казалось напередъ, что этой почи конца не будетъ! Что касается до меня, то я чувствовалъ одно: а именно то, что я не былъ въ правѣ находиться тамъ, гдѣ я находился, что никакія психологическія и философскія соображенія меня не извиняли. Г-нъ Клодь вернулся и разсказалъ намъ, какъ извѣстный Жюдъ ускользнулъ у него изъ рукъ, и какъ онъ не теряетъ надежды поймать его, если онъ еще живъ. Но вдругъ раздался тяжелый стукъ колесъ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ пришли сказать, что гильотина пріѣхала. Мы всѣ бросились вонъ, на улицу—точно обрадовались!

Передъ самыми воротами стояла массивная закрытая фура, запряженная въ три лошади цугомъ; другая двухколесная фура, небольшая и низкая, имѣвшая видъ продолговатаго ящика, запряженная въ одну лошадь, отъѣхала немного въ сторону. (Эта фура назначалась, какъ мы узнали впослѣдствіи, для принятія тѣла немедленно послѣ казни и препровожденія его на кладбище). Нѣсколько работниковъ въ коротких блузахъ видѣлось около фуръ, и высокій человѣкъ въ круглой шляпѣ, обѣломъ галстухѣ, въ легкомъ пальто, накинутомъ на плечи, отдавалъ вполголоса приказанія.... То былъ палачъ. Всѣ власти—комендантъ, г. Клодь, начальникъ квартала и т. д. уже окружали и привѣтствовали его. „Ah! monsieur Indric! bon soir, monsieur Indric!“ слышались восклицанія. (Настоящее его имя Гейденрейхъ—Heidenreich; онъ эльзасецъ). И наша группа подошла къ нему: *онъ* сталъ на мигъ нашимъ центромъ. Въ обращеніи съ нимъ выказывалась нѣ-

сколько напряженная, но почтительная фамиліярность: „Мы, дескать, вами не брезгаемъ, и вы, все-таки, особа важная".—Иные изъ насъ, вѣроятно для шику, даже руку ему пожимали.—(Руки у него красивыя, замѣчательной бѣлизны). Вспомнился мнѣ стихъ Пушкинской Полтавы:

Палачъ....
Руками бѣлыми играя....

Самъ monsieur Indric держался очень просто, мягко и учтиво, не безъ патріархальной важности. Казалось, онъ чувствовалъ, что въ эту ночь онъ въ нашихъ глазахъ второе лицо послѣ Тропмана и какъ бы первый его министръ.—Работники раскрыли фуру и принялись вынимать изъ нея всѣ составныя части гильотины, которую должны были воздвигнуть тутъ же, въ пятнадцати шагахъ отъ воротъ *). Два фонаря заходили взадъ и впередъ низко надъ землею, освѣщая яркими, небольшими кругами граненые камни мостовой.—Я посмотрѣлъ на часы.... всего половина перваго! Воздухъ еще больше потускнѣлъ и похолодѣлъ. Народу уже набралось довольно—и за рядами солдатъ, окаймлявшихъ пустое пространство передъ тюрьмою, начиналъ подниматься долгій и смутный людской гамъ. Я подошелъ къ солдатамъ: они стояли неподвижно, нѣсколько сдвинувшись и нарушивъ первоначальную правильность рядовъ. Лица ихъ не выражали ничего, кромѣ скуки, скуки холодной и терпѣливо-покорной; да и тѣ лица, которыя мнѣ видѣлись за киверами и мундирами солдатъ, за трехъ-уголками и сюртуками полицейскихъ сержантовъ,—лица блузниковъ, работниковъ, выражали почти то же—только съ примѣсью какой-то неопредѣлен-

*) Отсылаю читателей, желающихъ познакомиться не только со всѣми подробностями „экзекуціи", но и со всѣмъ, что предшествуетъ ей и слѣдуетъ за нею, къ превосходной статьѣ M. Дюкана: La prison de la Roquette—въ Revue des deux mondes, № 1, 1870.

ной усмѣшки. Впереди, изъ-за грузно-шевелившейся и напиравшей толпы вырывались восклицанья въ родѣ: Ohé Tropmann! ohé Lambert! Fallait pas qu'y aille! крики, звонкія свистанія; явственно слышался бранчивый споръ изъ-за мѣста, змѣйкой проползалъ обрывокъ цинической пѣсенки — внезапно поднимался рѣзкій смѣхъ, который тотчасъ подхватывался другими и замиралъ широкимъ готованьемъ. „Настоящее дѣло“ еще не началось; не было слышно ни всѣми ожиданныхъ антидинастическихъ кликовъ, ни столь извѣстныхъ, грозныхъ перекатовъ Марсельезы.—Я вернулся въ сосѣдство медленно выроставшей гильотины. Какой-то господинъ, курчавый и смуглолицый, въ мягкой сѣрой шляпѣ, вѣроятно адвокатъ, стоялъ возлѣ и ораторствовалъ, сильно и однообразно тыкая правой рукою съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ сверху внизъ и сгибая даже колѣни отъ напряженія. Онъ взялся доказать двумъ-тремъ рядомъ съ нимъ стоявшимъ господамъ въ застегнутыхъ на глухо пальто, что Тропманъ не былъ убійцей — а маніакомъ. Un maniaque je vais vous le prouver! suivez mon raisonnement!“ твердилъ онъ. „Son mobile n'était pas l'assassinat, mais un orgueil que je nommerais volontiers démesuré! Suivez mon raisonnement!“ Господа въ пальто „слѣдили за его разсужденіемъ“, но, судя по ихъ физіономіямъ, навряд ли онъ убѣждалъ ихъ; а сидѣвшій на площадкѣ гильотины работникъ даже съ явнымъ презрѣніемъ на него посматривалъ. Я вернулся на квартиру коменданта.

Нѣсколько нашихъ „товарищей“ уже собралось тамъ опять. Любезный комендантъ подчивалъ ихъ глинтвейномъ. Начались опять толки о томъ, продолжаетъ ли спать Тропманъ, и что̀ онъ долженъ чувствовать, и достигаетъ ли до него шумъ толпы, не смотря на отдаленіе его каморки отъ улицы и т. д. Комендантъ показалъ намъ цѣлую груду писемъ, адресованныхъ на его, Тропманово,

имя;—онъ, по увѣренію коменданта, не желалъ читать ихъ. Бо̀льшая часть изъ нихъ оказывалась плоскими шутками, мистификаціей; но были также и серьезныя, въ которыхъ его заклинали покаяться и во всемъ сознаться; одинъ методистскій пасторъ прислалъ цѣлое богословское разсужденіе на двадцати страницахъ;—были и дамскія записочки: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находились даже цвѣты — маргаритки, иммортели. Комендантъ сказалъ намъ, что Тромэнъ попытался-было испросить у тюремнаго антекаря яду и написалъ ему объ этомъ письмо, которое тотъ, разумѣется, тотчасъ представилъ по принадлежности. Мнѣ сдавалось, что нашъ почтенный хозяинъ не могъ себѣ хорошенько растолковать, съ какой стати мы принимали участіе въ такомъ—по его понятію—зломъ и гадкомъ животномъ, каковъ былъ Тромэнъ,—и чуть ли не приписывалъ наше любопытство праздности свѣтскихъ, статскихъ людей, „рябчиковъ“. Побесѣдовавши немного, мы начали расползаться—кто куда. Въ теченіе всей этой ночи, мы скитались, по французскому выраженію, какъ преступныя души, „comme des âmes en peine“; входили въ комнаты, садились рядышкомъ на стульяхъ залы, освѣдомлялись о Тромэнѣ, взглядывали на часы, зѣвали, опять спускались по лѣстницѣ на дворъ, на улицу, возвращались, садились опять.... Иные разсказывали тогда анекдоты никантнаго свойства, перекидывались мелкими личными извѣстіями, слегка разсуждали о политикѣ, о театрѣ, объ убійствѣ Нуара; иные пытались шутить, острить; но ужъ очень плохо это у нихъ выходило—и вызывало какой-то непріятный, тотчасъ обрывавшійся смѣхъ, какое-то фальшивое одобреніе. Я отыскалъ крошечный диванчикъ въ первой комнатѣ, и кое-какъ улегшись на немъ, старался уснуть и, разумѣется, не уснулъ, даже не задремалъ на одно мгновенье.—Гулъ толпы становился все сильнѣе, все гуще и непрерывнѣй. Къ тремъ часамъ

утра, по словамъ г. Клода, который входилъ, садился на стулъ, засыпалъ тотчасъ и опять исчезалъ, вызванный кѣмъ-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ,—уже набралось болѣе двадцати-пяти тысячъ людей. Гулъ этотъ поражалъ меня сходствомъ съ отдаленнымъ ревомъ морского прибоя: такое же нескончаемое Вагнеровское crescendo, не возвышающееся постоянно, а съ огромными разливами и колыханьями; острыя ноты женскихъ и дѣтскихъ голосовъ взвивались какъ тонкія брызги надъ этимъ громаднымъ гудѣньемъ; грубая мощь стихійной силы сказывалась въ немъ. Притихнетъ на мгновенье, словно само въ себя уйдетъ и уляжется, и вотъ, опять загомонило, и ростетъ, вздувается, и вотъ-вотъ ударитъ, какъ бы все сорвать хочетъ — и опять назадъ, и утихаетъ, и опять ростетъ—и нѣтъ ему конца.... И что̀ такое выражаетъ этотъ шумъ? думалось мнѣ.... Нетерпѣніе, радость, злобу?... Нѣтъ! никакому отдѣльному, никакому человѣческому чувству не служитъ онъ отголоскомъ.... Это, просто, шумъ и гамъ стихіи.

Къ тремъ часамъ утра я, быть можетъ, въ десятый разъ вышелъ на улицу. Гильотина была готова. Смутно и болѣе странно, нежели страшно, рисовались на темномъ небѣ ея два, на $^{3}/_{14}$ аршина другъ отъ друга отстоявшіе столба, съ косой линіей соединявшаго ихъ лезвія. Я почему-то воображалъ, что эти столбы должны отстоять гораздо дальше другъ отъ дружки; эта ихъ близость придавала всей машинѣ какую-то зловѣщую стройность — стройность длинной, внимательно вытянутой, какъ у лебедя, шеи. Чувство отвращенія возбуждалъ большой плетеный кузовъ, въ родѣ чемодана, темно-краснаго цвѣта. Я зналъ, что палачи въ этотъ кузовъ бросятъ теплый, еще содрогающійся трупъ и отрубленную голову.... Незадолго передъ тѣмъ прибывшіе конные муниципалы (garde municipale) расположились широкимъ полукругомъ передъ фасадомъ

тюрьмы; лошади изрѣдка фыркали, грызли мундштуки и мотали головами; у каждой между передними ногами бѣлѣли на мостовой крупныя капли пѣны. Всадники сумрачно дремали подъ своими медвѣжьими шапками, надвинутыми на самые глаза. Линіи солдатъ, пересѣкавшихъ площадь и удерживавшихъ толпу, отступили еще дальше: пустого пространства передъ тюрьмою было уже не двѣсти, а цѣлыхъ триста шаговъ. Я подошелъ къ одной изъ этихъ линій и долго смотрѣлъ на тѣснившійся за нею народъ: онъ кричалъ именно стихійно, т.-е. безсмысленно. Намятна мнѣ фигура одного блузника, малаго лѣтъ двадцати: онъ стоялъ потупившись и ухмыляясь словно размышлялъ о чемъ-то забавномъ, и вдругъ вскидывалъ голову, разѣвалъ ротъ и кричалъ, кричалъ протяжно, безъ словъ, а тамъ опять лицо его склонялось, и онъ опять ухмылялся. Что происходило въ этомъ человѣкѣ? Зачѣмъ онъ обрекалъ себя на мучительно-безсонную ночь, на почти восьми-часовую неподвижность? Слухъ мой не улавлялъ отдѣльныхъ рѣчей; лишь изрѣдка пробивался сквозь непрестанный гамъ пронзительный возгласъ спекулянта-разносчика, продававшаго брошюру о Трошманѣ. объ его жизни, его казни и даже „о послѣднихъ его словахъ“.... или опять гдѣ-то далеко заспорятъ, загогочутъ безобразно женщины завизжатъ.... Марсельезу въ этотъ разъ я услышалъ—но ее пѣли всего пять, шесть человѣкъ, и то съ перерывами. Марсельеза получаетъ свое значеніе, когда ее поютъ тысячи. A bas Pierre Bonaparte! гаркнулъ крѣпкій голосъ.... У.... у.... а.... а.... забушевало вокругъ него. Крики въ одномъ мѣстѣ внезапно приняли мѣрный ритмъ польки: разъ-разъ-разъ! разъ-разъ-разъ! на извѣстный мотивъ: des lampions!—Тяжкимъ духомъ, кислымъ паромъ несло отъ толпы: много вина было выпито всѣми этими тѣлами; много было тутъ пьяныхъ. Недаромъ кабачки рдѣли красными точками на общемъ фонѣ кар-

тины. Ночь изъ тусклой стала темною; небо совсѣмъ нахмурилось и почернѣло. На рѣдкихъ, неясными призраками подымавшихся деревьяхъ видѣлись небольшія массы: это уличные мальчишки взобрались туда, и свистали и верещали какъ птицы, сидя промежъ сучьевъ. Одинъ изъ нихъ свалился и, говорятъ, даже на смерть убился, переломивъ себѣ спину, но возбудилъ лишь хохотъ, и то ненадолго.

Возвращаясь на свою квартиру и проходя мимо гильотины, я увидѣлъ на ея площадкѣ палача, окруженнаго кучкой любопытныхъ; онъ для нихъ дѣлалъ „примѣръ“ или репетицію: валилъ стоячую на шалнерѣ доску, къ которой пристегивается преступникъ, и которая, падая, приходится концомъ своимъ прямо въ полукруглое отверстіе между столбами; спускалъ топоръ, который тяжко и гладко стремился внизъ, съ глухимъ и торопливымъ рокотаніемъ и т. п. Я не сталъ смотрѣть на эту репетицію, т.-е. не взобрался на гильотину: чувство какого-то моего, мнѣ неизвѣстнаго, прегрѣшенія, тайнаго стыда, во мнѣ постоянно усиливалось.... Быть можетъ, этому чувству долженъ я приписать то, что лошади, запряженныя въ фуры и спокойно жевавшія въ торбахъ овесъ передъ воротами тюрьмы, показались мнѣ единственно невинными существами среди всѣхъ насъ.

Опять я забился на свой диванчикъ, и опять сталъ прислушиваться къ шуму морского прилива....

Въ противность тому, что обыкновенно утверждаютъ,—*послѣдній* часъ ожиданія скорѣй проскакиваетъ, чѣмъ первый, особенно чѣмъ второй или третій.... Такъ случилось и въ этотъ разъ. Мы всѣ были удивлены извѣстіемъ, что уже пробило шесть часовъ, и что до мгновенія казни остался всего одинъ часъ. Въ каморку Тропмана мы должны были войти ровно черезъ полчаса: въ половинѣ седьмого. Дремота мгновенно исчезла со всѣхъ лицъ. Не знаю, что̀

почувствовали другіе, но у меня сильно защемило на сердцѣ. Появились новыя фигуры; священникъ, маленькій, сѣдой человѣчекъ съ худощавымъ личикомъ, промелькнулъ въ своемъ длинномъ черномъ аббатскомъ казакинѣ съ ленточкою Почетнаго Легіона и въ низкой шляпѣ съ широкими полями. Комендантъ устроилъ намъ нѣчто въ родѣ завтрака, une collation; въ гостиной, на кругломъ столѣ, появился огромныя чашки шоколата.... Я даже близко не подошелъ, хотя радушный хозяинъ совѣтывалъ мнѣ подкрѣпить себя, „ибо утренній воздухъ можетъ быть вреденъ“. Принимать пищу въ эту минуту мнѣ казалось.... отвратительнымъ. Что за пиръ, помилуйте! „Права не имѣю!“ твердилъ я самому себѣ въ сотый разъ съ начала этой ночи.—А *онъ* все спитъ? спросилъ одинъ изъ насъ, глотая шоколатъ. (Всѣ говорили о Тропманѣ, не называя его по имени: другого *его* не могло быть).—Спитъ, отвѣчалъ комендантъ.—Не смотря на этотъ страшный шумъ? (Шумъ, дѣйствительно, усилился необычайно и получилъ какую-то силую ревучесть; грозный хоръ уже не шелъ crescendo—а гудѣлъ побѣдоносно, весело).—Каморка его за тремя стѣнами, отвѣчалъ комендантъ. Г-нъ Клодъ, которому комендантъ, очевидно, предоставлялъ главную роль, посмотрѣлъ на часы и сказалъ: двадцать минутъ седьмого: пора! Мы, навѣрное, всѣ внутренно дрогнули—однако, какъ ни въ чемъ не бывало, надѣли шляпы—и шумно двинулись вслѣдъ за нашимъ вожатымъ. „Гдѣ вы сегодня обѣдаете?“ громко спросилъ одинъ хроникеръ;—но это показалось ужъ очень неестественнымъ.

Мы вышли на большой тюремный дворъ;—и тутъ, въ углу, налѣво, передъ полузакрытою дверью, произошло нѣчто въ родѣ переклички; потомъ ввели насъ въ узкую, высокую и совершенно пустую комнату съ однимъ кожанымъ табуретомъ по серединѣ.—Здѣсь происходитъ „туалетъ приговореннаго“—la toilette du condamné—шепнулъ

мнѣ Дюканъ. Мы не всѣ туда попали: съ комендантомъ, священникомъ, г-мъ Клодомъ и его помощникомъ—насъ было человѣкъ десять. Въ теченіе двухъ или трехъ минутъ, которыя мы провели въ этой комнатѣ—(какая-то письменная формальность совершилась въ это время)—мысль, что мы никакого права не имѣемъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ, что, присутствуя съ притворной важностью при убіеніи намъ подобнаго существа, мы ломаемъ какую-то беззаконно-гнусную комедію, — эта мысль въ послѣдній разъ мелькнула у меня въ головѣ;—какъ только мы двинулись, опять-таки вслѣдъ за г-мъ Клодомъ, по широкому, каменному, двумя ночниками слабо освѣщенному корридору—я уже ничего не ощущалъ, кромѣ того, что вотъ, сейчасъ.... сейчасъ.... сію минуту.... сію секунду.... Мы поспѣшно взобрались по двумъ лѣстницамъ въ другой корридоръ, прошли и тотъ, спустились по узкой, винтообразной лѣстницѣ — и очутились передъ желѣзною дверью.... *Здѣсь!*

Сторожъ осторожно отперъ замокъ. Дверь тихо отворилась—и мы всѣ тихо и молча вошли въ довольно просторную комнату съ желтыми стѣнами, высокимъ рѣшетчатымъ окномъ и измятой кроватью, на которой никто не лежалъ.... Ровный свѣтъ большого ночника довольно ясно освѣщалъ всѣ предметы.

Я стоялъ немного позади другихъ и, помнится, невольно щурился; однако, тотчасъ же увидалъ, нѣсколько наискосъ противъ меня, молодое, черноволосое, черноглазое лицо, которое, медленно двигаясь слѣва направо, окидывало всѣхъ насъ какимъ-то огромнымъ, круглымъ взоромъ. То былъ Тропманъ. Онъ проснулся до нашего прихода. Онъ стоялъ передъ столомъ, на которомъ только-что написалъ прощальное (весьма, впрочемъ, незначительное) письмо къ своей матери. Г-нъ Клодъ снялъ шляпу и подошелъ къ нему.

— Тропманъ: произнесъ онъ своимъ сухимъ, негромкимъ, но безапелляціоннымъ голосомъ.—Мы пришли извѣстить васъ, что ваша просьба о помилованіи не принята, и что часъ искупленія насталъ для васъ.

Тропманъ обратилъ на него свои глаза, но тотъ „огромный“ взоръ уже исчезъ въ нихъ; онъ глядѣлъ спокойно, почти сонливо, и не промолвилъ ни слова.

— Дитя мое! глухо воскликнулъ священникъ и подошелъ къ нему съ другой стороны:—Du courage!

Тропманъ посмотрѣлъ на него точно такъ же, какъ на г. Клода.

— Я зналъ, что онъ не будетъ трусить! промолвилъ увѣреннымъ тономъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, г. Клодъ: —теперь, когда онъ выдержалъ первый натискъ (le premier choc)—я за него отвѣчаю. (Такъ наставникъ, желая задобрить ученика, заранѣе величаетъ его „молодцомъ“).

— О, я не боюсь! (Oh! je n'ai pas peur!) проговорилъ Тропманъ, снова обращаясь къ г. Клоду:—Я не боюсь!

Голосъ его—пріятный, юношескій баритонъ—былъ совершенно ровенъ. Священникъ досталъ изъ кармана небольшую фляжку.

— Не хотите ли вы выпить немного вина, дитя мое?

— Благодарствуйте.... не нужно, съ вѣжливымъ полупоклономъ отвѣчалъ Тропманъ.

Г-нъ Клодъ опять обратился къ нему.

— Вы продолжаете утверждать, что вы не виноваты въ томъ преступленіи, за которое васъ осудили?

— Я не нанесъ удара! (je n'ai pas frappé!)

— Однако.... вмѣшался-было комендантъ.

— Я не нанесъ удара!

(Въ послѣднее время Тропманъ, какъ извѣстно, въ противность своимъ прежнимъ показаніямъ, утверждалъ, что онъ дѣйствительно привелъ семейство Кинковъ на мѣсто бойни, но что убивали ихъ его сообщники, и что даже ра-

на на его рукѣ произошла оттого, что онъ вздумалъ-было защитить одну изъ малютокъ. Впрочемъ, онъ въ теченіе процесса изолгался такъ, какъ немногіе преступники до него).

— И вы продолжаете утверждать, что у васъ были сообщники?

— Были.

— Вы не можете ихъ назвать?

— Не могу.... и не хочу. Не хочу. Голосъ Тропмана возвысился, и лицо его бѣгло вспыхнуло. Казалось, онъ готовъ былъ разсердиться....

— Ну, хорошо, хорошо.... поспѣшно проговорилъ г. Клодь, какъ бы давая тѣмъ знать, что онъ и спрашивалъ его только для того, чтобы исполнить неизбѣжную формальность, и что теперь предстояло другое....

Предстояло Тропману раздѣться.

Два сторожа подошли къ нему и принялись снимать съ него тюремный его камзолъ (camisole de force), родъ блузы изъ толстой синеватой холстины, съ ремнями и пряжками назади, съ длинными глухими рукавами, отъ конца которыхъ идутъ крѣпкія бичевки около ляжекъ къ поясу. Тропманъ стоялъ бокомъ, въ двухъ шагахъ отъ меня. Ничто не мѣшало мнѣ хорошенько разглядѣть его лицо. Оно могло бы быть названо красивымъ, если-бъ не выдававшійся впередъ и кверху, воронкой, на звѣриный ладъ, непріятно-припухлый ротъ, изъ-за котораго видѣлись разставленные вѣеромъ, нехорошіе, рѣдкіе зубы. Густые, темные, слегка волнистые волосы, длинныя брови, выразительные на выкатѣ глаза, открытый, чистый лобъ, правильный носъ съ небольшой горбинкой, легкіе завитки чернаго пуха на подбородкѣ.... Встрѣтьтесь вы съ такой фигурой не въ тюрьмѣ, не при этой обстановкѣ—впечатлѣніе на васъ она, навѣрное, произвела бы выгодное. Сотнями попадаются подобныя лица между молодыми фабрич-

ными, воспитанниками общественныхъ заведеній и т. п. Роста Трошинъ былъ средняго, отрочески-худощаваго и стройнаго сложенія. Онъ казался мнѣ взрослымъ мальчикомъ,—впрочемъ, ему и не было двадцати лѣтъ. Цвѣтъ лица его былъ совершенно естественный, здоровый, нѣсколько розовый; онъ и при нашемъ входѣ не поблѣднѣлъ... Не было сомнѣнія, что онъ, точно, спалъ всю ночь. Онъ не поднималъ глазъ и дышалъ мѣрно и глубоко, какъ человѣкъ, осторожно входящій на длинную гору. Раза два онъ встряхнулъ волосами, какъ бы желая отмахнуться отъ назойливой мысли, закинулъ голову, быстро глянулъ вверхъ и испустилъ чуть замѣтный вздохъ. За исключеніемъ этихъ, почти мгновенныхъ движеній, ничего не изобличало въ немъ, не скажу страха, но даже волненія или тревоги. Мы всѣ были, безъ сомнѣнія, и блѣднѣй и встревоженнѣй его. Когда выпростали его руки изъ глухихъ рукавовъ камзола, онъ съ улыбкой удовольствія поддерживалъ спереди, на груди, этотъ самый камзолъ, пока его разстегивали сзади; маленькія дѣти такъ дѣлаютъ, когда ихъ раздѣваютъ. Потомъ онъ самъ снялъ съ себя рубашку, надѣлъ другую, чистую, тщательно застегнулъ воротъ.... Странно было видѣть размашистыя, свободныя движенія этого голаго тѣла, этихъ обнаженныхъ членовъ на желтоватомъ фонѣ тюремной стѣны....

Потомъ онъ нагнулся и надѣлъ ботинки, сильно стуча каблуками и подошвами о полъ и о стѣну, чтобы ноги лучше и плотнѣе вошли. Все это онъ дѣлалъ развязно, бойко —почти весело—точно его пришли звать на прогулку. Онъ молчалъ—и мы молчали, и только переглядывались, отъ изумленія невольно пожимая плечами. Всѣхъ насъ поражала простота его движеній, простота, доходившая—какъ всякое вполнѣ спокойное и естественное проявленіе жизни—до изящества. Одинъ изъ нашихъ товарищей, случайно встрѣтившись со мною потомъ въ теченіе дня, ска-

залъ мнѣ, что ему, во время нашего пребыванія въ каморкѣ Тромана, постоянно сдавалось: мы не въ 1870 году—а въ 1794; мы не простые граждане—а якобинцы—и ведемъ на казнь не вульгарнаго убійцу—а маркиза-легитимиста,—un ci-devant, un talon rouge, monsieur!—Замѣчено, что осужденные на казнь, по объявленіи имъ приговора, либо впадаютъ въ совершенную безчувственность и какъ бы заранѣе умираютъ и разлагаются, либо рисуются и бравируютъ; либо, наконецъ, предаются отчаянію, плачутъ, дрожатъ, умоляютъ о пощадѣ.... Тромань не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ трехъ разрядовъ—и потому озадачилъ даже самого г. Клода. Скажу, кстати, что если бы Тромань сталъ выть и плакать, нервы мои навѣрное бы не выдержали, и я убѣжалъ бы. Но при видѣ *этого* спокойствія, этой простоты и какъ бы скромности—всѣ чувства во мнѣ—чувство отвращенія къ безжалостному убійцѣ, къ извергу, перерывавшему горла дѣтей въ то время, когда они кричали: maman! maman!—чувство жалости, наконецъ, къ человѣку, котораго смерть уже готовилась поглотить—исчезли и потонули въ одномъ: въ чувствѣ изумленія. Что̀ поддерживало Тромана?—То ли, что онъ хотя не рисовался—однако, все же „фигурировалъ“ передъ *зрителями*, давалъ намъ свое послѣднее представленіе; врожденное ли безстрашіе, самолюбіе-ли, возбужденное словами г. Клода, гордость борьбы, которую надо было выдержать до конца,—или другое, еще неразгаданное чувство?... Это тайна, которую онъ унесъ съ собой въ могилу. Иные люди до сихъ поръ убѣждены, что Тромань не вполнѣ владѣлъ своимъ разсудкомъ. (Я упомянулъ выше объ адвокатѣ въ бѣлой иляпѣ, котораго я, впрочемъ, больше уже не видалъ). Безцѣльность, можно почти сказать, нелѣпость истребленія цѣлаго семейства Кинковъ—до нѣкоторой степени служитъ подтвержденіемъ этому убѣжденію.

Но вотъ, онъ покончилъ со своими ботинками—и выпрямился, встряхнулся:—готовъ-молъ! На него *снова* надѣли тюремный камзолъ. Г-нъ Клодъ попросилъ насъ всѣхъ выдти—и оставить Тропмана наединѣ со священникомъ. Мы и двухъ минутъ не ждали въ корридорѣ, какъ уже его небольшая фигурка съ прямо и смѣло поднятой головою опять появилась между нами. Религіозное чувство было въ немъ слабо, и онъ, вѣроятно, исполнилъ послѣдній обрядъ покаянія передъ священникомъ, отпускавшимъ ему грѣхи,—именно какъ обрядъ. Вся наша группа, съ Тропманомъ по серединѣ, немедленно взошла на узкую, винтообразную лѣстницу, по которой мы четверть часа тому назадъ спускались—и потонула въ непроницаемомъ мракѣ.... ночникъ погасъ на лѣстницѣ. Это была минута ужасная. Мы всѣ стремились вверхъ, слышался торопливый и грубый стукъ нашихъ ногъ по плитамъ ступенекъ, мы тѣснились, толкались плечами, съ одного изъ насъ свалилась шляпа, кто-то сзади злобно кричалъ:—Mais sacredieu! Зажгите свѣчку! Посвѣтите!—а тутъ же, между нами, вмѣстѣ съ нами, въ глухой темнотѣ,—наша жертва, наша добыча.... этотъ несчастный.... и кто изъ насъ, толкавшихся, тѣснившихся — онъ? Не вздумаетъ ли онъ воспользоваться темнотою—и со всѣмъ проворствомъ и рѣшимостью отчаянія — броситься.... куда? Куда-нибудь, въ отдаленный уголъ тюрьмы—и тамъ хотя лбомъ о стѣну! По крайней мѣрѣ, самъ себя порѣшилъ....

Не знаю, приходили ли другимъ въ голову эти „опасенія“.... Но онѣ оказались напрасными. Вся наша группа съ небольшой фигуркой по серединѣ вынырнула изъ углубленія лѣстницы на корридоръ. Тропманъ, очевидно, принадлежалъ гильотинѣ—и началось шествіе къ ней.

Это шествіе можно было бы назвать бѣгствомъ. Тропманъ шелъ впереди насъ проворными, упругими, почти под-

скакивавшими шагами; онъ явно спѣшилъ — и мы всѣ спѣшили за нимъ. Иные даже забѣгали справа и слѣва, чтобъ еще разъ заглянуть ему въ лицо. Такъ промчались мы по корридору, сбѣжали внизъ по другой лѣстницѣ — Тромманъ прыгалъ черезъ двѣ ступеньки на третью—пронеслись по другому корридору, перескочили нѣсколько ступенекъ и, наконецъ, очутились въ высокой комнатѣ съ единственнымъ табуретомъ, о которой я уже говорилъ и въ которой совершается „туалетъ осужденнаго“. Мы вошли черезъ одну дверь—а изъ противоположной намъ двери появился, важно выступая, въ бѣломъ галстукѣ, въ черной „парѣ“, ни дать ни взять—дипломатъ или протестантскій пасторъ—палачъ; вслѣдъ за нимъ вошелъ низенькій, толстенькій старичекъ въ черномъ сюртукѣ, его первый помощникъ, палачъ города Бовэ. Старичекъ держалъ въ рукѣ небольшую кожаную суму. Тромманъ остановился у табурета; всѣ расположились вокругъ него. Палачъ и старичекъ-помощникъ стали отъ него направо; священникъ тоже направо, нѣсколько впереди; комендантъ и г-нъ Клодъ налѣво. Старичекъ открылъ ключемъ замокъ сумы, досталъ нѣсколько сыромятныхъ бѣлыхъ ремней съ пряжками, длинныхъ и короткихъ, и съ трудомъ ставъ на колѣни сзади Тромана, принялся путать его ноги. Тромманъ нечаянно наступилъ на конецъ одного изъ этихъ ремней—старичекъ попытался его выдернуть, два раза пробормоталъ: „pardon, monsieur!“ и тронулъ, наконецъ, Тромана за икру. Тотъ тотчасъ обернулся и съ обычнымъ своимъ вѣжливымъ полу-поклономъ приподнялъ ногу и освободилъ ремень. Священникъ, между тѣмъ, вполголоса читалъ молитвы на французскомъ языкѣ изъ небольшой книжки. Подошли два другіе помощника—проворно сняли съ Тромана камзолъ, завели ему руки назадъ, связали ихъ крестъ-на-крестъ и опутали все тѣло ремнями. Главный палачъ распорядился, поводя

то туда, то сюда пальцемъ. Оказалось, что на ремняхъ не было сдѣлано достаточнаго числа дыръ для шпиньковъ пряжекъ: тотъ, кто провертывалъ дыры, разсчитывалъ, вѣроятно, на плотнаго человѣка. Старичекъ сперва пошкалъ въ сумѣ, потомъ пошарилъ у себя поочередно во всѣхъ карманахъ—и, хорошенько ощупавшись, вытащилъ, наконецъ, изъ одного изъ нихъ небольшое кривое шило, которымъ онъ принялся съ усиліемъ буравить ремни: его неумѣлые, отъ подагры распухшіе пальцы плохо ему повиновались—да и кожа была толстая, новая. Онъ продѣлаетъ дыру, попробуетъ.... шпинекъ не лѣзетъ: надо опять вертѣть. Священникъ, вѣроятно, догадался, что дѣло неладно, замедляется, и раза два глянувъ украдкой черезъ плечо, началъ растягивать слова молитвъ, чтобы дать старичку время справиться. Наконецъ, операція, въ теченіе которой, признаюсь откровенно, холодный потъ меня прошибъ,—кончилась—всѣ шпиньки вошли, куда слѣдовало.... началась другая. Попросили Тропмана сѣсть на табуретъ, передъ которымъ онъ сталъ—и тотъ же старичекъ-подагрикъ приступилъ къ стрижкѣ его волосъ. Онъ досталъ небольшія ножницы—и, кривя губы, старательно обрѣзалъ сперва воротъ Тропмановой рубахи, той самой рубахи, которую онъ только-что надѣлъ и съ которой такъ было бы легко спороть воротникъ заранѣе. Но холстина была грубая, вся въ складкахъ и не поддавалась едва ли острымъ лезвеямъ. Главный палачъ посмотрѣлъ и остался недоволенъ: выемка была недостаточно велика. Онъ указалъ рукою: старичекъ-подагрикъ опять принялся за работу—и выкроилъ еще порядочный кусокъ холста. Верхъ спины обнажился—показались лопатки. Тропманъ слегка повелъ ими: въ комнатѣ было холодно. Тогда старичекъ принялся за волосы. Положивъ свою пухлую лѣвую руку на голову Тропмана, который тотчасъ покорно пригнулъ ее—онъ началъ стричь его правой. Косы темно-

русыхъ, жесткихъ волосъ скользили по плечамъ, валились на полъ; одна изъ нихъ докатилась до моего сапога. Тропманъ все такъ же покорно наклонялъ голову: священникъ еще болѣе растягивалъ слова молитвъ. Я не могъ отвести взора отъ этихъ, нѣкогда обагренныхъ невинной кровью, теперь безпомощно другъ на дружкѣ лежавшихъ рукъ— и особенно отъ этой тонкой, юношеской шеи.... Воображеніе невольно проводило по ней поперечную черту.... Вотъ тутъ, думалось мнѣ, черезъ нѣсколько мгновеній, раздробляя позвонки, разсѣкая мускулы и жилы, пройдетъ десятипудовый топоръ.... а тѣло, казалось, ничего подобнаго не ожидало.... такъ оно было гладко, бѣло, здорово....

Невольно ставилъ я себѣ вопросъ: о чемъ думаетъ въ эту минуту эта столь покорно наклоненная голова? Держится ли она упорно и, какъ говорится, стиснувъ зубы, за одну и ту же мысль: „не поддамся-молъ я“; проходятъ ли вихремъ по ней разнообразнѣйшія—и, вѣроятно, все незначительныя воспоминанія прошлаго, представляется ли ей съ какой-нибудь особенной предсмертной гримасой одинъ изъ членовъ семейства Кинковъ;—или она, просто, старается ни о чемъ не думать, эта голова—и только твердитъ самой себѣ: „это ничего, это такъ, вотъ, мы посмотримъ“.... и будетъ она такъ твердить до тѣхъ поръ, пока смерть не обрушится на нее — и отпрянуть будетъ некуда....

А старичекъ все стригъ да стригъ.... Волосы скрипѣли, захваченные ножницами.... наконецъ, и эта операція кончилась. Тропманъ быстро всталъ, встряхнулъ головою.... Обыкновенно, въ эту минуту тѣ осужденные, которые еще могутъ говорить, обращаются съ послѣдней просьбой къ директору тюрьмы, напоминаютъ объ оставшихся долгахъ или деньгахъ, благодарятъ сторожей, просятъ доставить роднымъ послѣднюю записку или клокъ волосъ,

передать послѣдній поклонъ.... но Тропманъ, очевидно, не былъ обыкновеннымъ осужденнымъ: онъ пренебрегалъ подобными „пѣжпостями“—и не произнесъ ни единаго слова; онъ молчалъ, ждалъ. Ему на плечи накинули короткую куртку—палачъ взялъ его подъ локоть....

— Послушайте, Тропманъ—(Voyons, Tropmann!) раздался, среди гробовой тишины, голосъ г-на Клода:—Теперь, черезъ минуту, всё будетъ кончено.—Вы продолжаете настаивать (vous persistez) на томъ, что у васъ были сообщники?

— Да, сударь, продолжаю—(Oui, monsieur, je persiste), отвѣчалъ Тропманъ тѣмъ же пріятнымъ, твердымъ баритономъ—и слегка нагнулся впередъ, какъ бы учтиво извиняясь и даже сожалѣя, что не можетъ отвѣчать иначе.

— Eh bien! allons! промолвилъ г. Клодъ, и мы всѣ тронулись; мы вышли на тюремный большой дворъ.

Было безъ минуты семь часовъ—но небо едва посвѣтлѣло, и тотъ же тусклый паръ заливалъ весь воздухъ и скрадывалъ очертанія предметовъ.—Ревъ толпы охватилъ насъ непрерывной, нестерпимо-зычной волной, какъ только мы переступили порогъ. По каменной мостовой двора быстро двигалась—прямо къ воротамъ—наша порѣдѣвшая кучка: нѣкоторые изъ насъ отстали—да и я, хотя и шелъ вмѣстѣ съ другими, однако держался немного въ сторонѣ. Тропманъ проворно сѣменилъ ногами — путы мѣшали ему—и какимъ онъ мнѣ тутъ показался маленькимъ, почти ребёнкомъ!—Вдругъ передъ нами медленно, словно пасть, раскрылись обѣ половины воротъ—и разомъ, какъ бы сопровождаемое громаднымъ визгомъ обрадованной, дождавшейся толпы, глянуло на насъ чудовище гильотины съ своими двумя узкими черными столбами и вздернутымъ топоромъ.—Мнѣ вдругъ стало холодно, холодно до тошноты; мнѣ казалось, что и холодъ этотъ вторгся къ намъ на дворъ черезъ тѣ ворота;—ноги у меня подкосились.—

Однако, я еще разъ взглянулъ на Тромана.—Онъ внезапно отклонился назадъ, и голову завалилъ, и согнулъ колѣна, словно кто толкнулъ его въ грудь — „онъ въ обморокъ упадетъ!“ шепнулъ чей-то голосъ возлѣ меня.... Но онъ тотчасъ же оправился—и твердой поступью пошелъ впередъ. Мимо его побѣжали на улицу тѣ изъ насъ, которые хотѣли видѣть, какъ голова его скатится.... У меня на это не хватило духа; съ замиравшимъ сердцемъ остановился я у воротъ....

Я видѣлъ, какъ палачъ вдругъ черной башней выросъ на лѣвой сторонѣ гильотинной площадки; я видѣлъ, какъ Тромапъ отдѣлился отъ кучки людей, оставшихся внизу, и взбирался по ступенямъ (ихъ было десять.... цѣлыхъ десять ступеней!); я видѣлъ, какъ онъ остановился и обернулся назадъ; я слышалъ, какъ онъ промолвилъ: „Dites à monsieur Claude“....*) Я видѣлъ, какъ онъ появился наверху, какъ справа и слѣва два человѣка бросились на него, точно науки на муху, какъ онъ вдругъ повалился головой впередъ и какъ подошвы его брыкнули....

Но тутъ я отвернулся—и началъ ждать—а земля тихо поплыла подъ ногами.... И показалось мнѣ, что я ждалъ страшно долго **). Я успѣлъ замѣтить, что при появленіи Тромана людской гамъ внезапно какъ бы свернулся клубомъ—и наступила бездыханная тишина.... Передо мной стоялъ часовой, молодой, краснощекій малый.... Я успѣлъ

Я не разслыхалъ конца фразы. Его слова были: Dites à m-r Claude, que je persiste, т.-е.: скажите, что я продолжаю настаивать на томъ, что у меня были сообщники. Тромапъ не хотѣлъ лишить себя этой послѣдней радости, послѣдняго удовлетворенія: оставить жало сомнѣнія и упрека въ умахъ своихъ судей и публики.

**) Въ сущности—отъ того мгновенія, когда Тромапъ сталъ ногою на первую ступень гильотины — до того мгновенія, когда его трупъ швырнули въ приготовленный коробъ—прошло *двадцать* секундъ.

замѣтить, что онъ съ тупымъ недоумѣніемъ и ужасомъ пристально смотрѣлъ на меня.... Я успѣлъ даже подумать, что вотъ, этотъ солдатъ, быть можетъ, родомъ изъ какой-нибудь глухой деревеньки, изъ смирной и доброй семьи—и теперь—что̀ ему приходится видѣть! Наконецъ, послышался легкій стукъ какъ-бы дерева о дерево—это упалъ верхній полукругъ ошейника съ продольнымъ разрѣзомъ для прохода лезвія, который охватываетъ шею преступника и держитъ его голову неподвижной.... Потомъ что-то вдругъ глухо зарычало и покатилось — и ухнуло.... Точно огромное животное отхаркнулось.... Я другого, болѣе вѣрнаго сравненія пріискать не умѣю. Все помутилось....

Кто-то схватилъ меня подъ руку.... Я взглянулъ: это былъ помощникъ г-на Клода, г-нъ К.... которому, какъ я узналъ впослѣдствіи, мой пріятель М. Дюканъ поручилъ наблюдать за мною.

— Вы очень блѣдны.... Не хотите ли воды? промолвилъ онъ, улыбаясь. Но я благодарилъ—и пошелъ обратно на тюремный дворъ, который мнѣ являлся чѣмъ-то въ родѣ убѣжища отъ того ужаса за воротами.

Наше общество собралось на гауптвахту возлѣ воротъ, чтобы проститься съ комендантомъ и дать нѣсколько разойтись толпѣ. Туда принесли и я—и узналъ, что лежа уже на доскѣ, Тропманъ вдругъ судорожно откинулъ голову въ сторону—такъ что она не попала въ полукруглое отверстіе—и палачи принуждены были втащить ее туда за волосы, причемъ онъ укусилъ одного изъ нихъ, самаго главнаго, за палецъ; что тотчасъ послѣ казни, въ то время, какъ тѣло, брошенное въ фургонъ, удалялось маршъ-маршемъ—два человѣка, пользуясь первыми мгновеніями неизбѣжнаго смущенія, прорвались сквозь цѣпь солдатъ—и подлѣзши подъ гильотину, стали мочить свои платки въ кровь, проливпуюся сквозь щели досокъ....

*

Но я слушалъ всѣ эти разговоры, какъ сквозь сонъ: я чувствовалъ себя очень усталымъ—да и не я одинъ. Всѣ казались усталыми—хотя всѣмъ видимо полегчило, словно обуза свалилась съ плечъ. Но никто изъ насъ, *рѣшительно никто не смотрѣлъ человѣкомъ, который сознаетъ, что присутствовалъ при совершеніи акта общественнаго правосудія:* всякій старался мысленно отвернуться и какъ бы сбросить съ себя отвѣтственность въ этомъ убійствѣ.

Мы съ Дюканомъ отклапялись коменданту и отправились домой. Цѣлая рѣка человѣческихъ существъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стремила мимо насъ свои некрасивыя и неопрятныя волны. Почти всѣ молчали; одни лишь блузники-работники изрѣдка перекликались: „куда, моль, ты?“—„а ты куда?“ да уличные мальчишки привѣтствовали свистомъ проѣзжавшихъ „кокотокъ“. И что за испитыя, угрюмыя, сонныя лица! Что за выраженіе скуки, утомленія, неудовлетворенія, досады, вялой, безпредметной досады! Пьяныхъ я, впрочемъ, видѣлъ немного: либо ихъ уже успѣли прибрать, либо они сами угомонились. Будничная жизнь принимала опять всѣхъ этихъ людей въ свои нѣдра — и для чего, для какихъ ощущеній они на нѣсколько часовъ выходили изъ ея колеи? Страшно подумать о томъ, что тутъ гнѣздится.

Отойдя шаговъ двѣсти отъ тюрьмы, мы наняли пустой фіакръ, сѣли въ него и поѣхали.

Во время дороги, мы разсуждали съ Дюканомъ о томъ, что мы видѣли и о чемъ онъ незадолго передъ тѣмъ (въ январской, мною уже цитированной, книжкѣ Revue des deux Mondes) сказалъ такія вѣскія, такія дѣльныя слова. Мы разсуждали о ненужномъ, о безсмысленномъ варварствѣ всей этой средневѣковой процедуры, по милости которой агонія преступника продолжается полчаса (отъ 28 минутъ седьмого до 7 часовъ), о безобразіи всѣхъ этихъ

раздѣваній, одѣваній, этой стрижки, этихъ путешествій, по лѣстницамъ и корридорамъ.... По какому праву все это дѣлается? Какъ допустить такую возмутительную рутину? И сама смертная казнь — можетъ ли она быть оправдана? Мы видѣли, какое впечатлѣніе производитъ подобное зрѣлище на народъ. Да и самаго этого, яко бы поучительнаго, зрѣлища нѣтъ вовсе: едва ли тысячная часть пришедшей толпы, не болѣе пятидесяти или шестидесяти человѣкъ, могла, въ полумракѣ ранняго утра, изъ-за полутораста-шаговаго разстоянія, сквозь ряды войскъ и крупы лошадей, хоть что-нибудь увидѣть. А остальные? Какую, хотя бы малѣйшую пользу могли они извлечь изъ этой пьяной, безсонной, бездѣльной, развратной ночи? Я вспомнилъ о молодомъ, безсмысленно кричавшемъ блузникѣ, лицо котораго я наблюдалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Неужели онъ приметъ сегодня за работу человѣкомъ, больше прежняго ненавидящимъ порокъ и праздность? И я, наконецъ, что̀ *я* вынесъ? Чувство невольнаго изумленія передъ убійцей, нравственнымъ уродомъ, умѣвшимъ показать свое презрѣніе смерти. Неужели подобныя впечатлѣнія можетъ желать законодатель? О какой „моральной цѣли“ можно еще толковать, послѣ стольких, опытомъ подкрѣпленныхъ опроверженій?

Но не стану вдаваться въ разсужденія: онѣ завели бы меня слишкомъ далеко. Да и кòму же неизвѣстно, что вопросъ о смертной казни есть одинъ изъ очередныхъ, неотлагаемыхъ вопросовъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится современное человѣчество? Я буду доволенъ и извиню самому себѣ свое неумѣстное любопытство, если разсказъ мой доставитъ хотя нѣсколько аргументовъ защитникамъ отмѣны смертной казни, или, по крайней мѣрѣ,—отмѣны ея публичности.

Веймаръ, 1870 г.

IX.—О соловьяхъ.

Посылаю вамъ, любезный и почтеннѣйшій С. Т., какъ любителю и знатоку всякаго рода охоть, слѣдующій разсказъ о соловьяхъ, объ ихъ пѣньи, содержаньи, способѣ ловить ихъ и пр., списанный мною со словъ стараго и опытнаго охотника изъ дворовыхъ людей. Я постарался сохранить всѣ его выраженія и самый складъ рѣчи.

Лучшими соловьями всегда считались курскіе; но въ послѣднее время они похужѣли; и теперь лучшими считаются соловьи, которые ловятся около Бердичева, на границѣ; тамъ, въ пятнадцати верстахъ за Бердичевымъ, есть лѣсъ, прозываемый Треяцкимъ; отличные тамъ водятся соловьи. Время ихъ ловить—въ началѣ мая. Держатся они больше въ черемушникѣ и мелкомъ лѣсѣ, и въ болотахъ, гдѣ лѣсъ ростетъ; болотные соловьи—самые дорогіе. Прилетаютъ они дня за три до Егорьева дня; но сначала поютъ тихо, а къ маю въ силу войдутъ, распоются. Выслушивать ихъ надо по зарямъ и ночью, но лучше по зарямъ: иногда приходится всю ночь въ болотѣ просидѣть. Я съ товарищемъ разъ чуть не замерзъ въ болотѣ: ночью сдѣлался морозъ, и къ утру въ блинъ льду на водѣ намерзло; а на мнѣ былъ кафтанишка лѣтній, плохенькій; только тѣмъ и спасся, что между двухъ кочекъ свернулся, кафтанъ снялъ, голову закуталъ и дыхалъ себѣ на пузо подъ кафтаномъ; цѣлый день потомъ зубами стучалъ. Ловить соловья дѣло не мудреное: нужно сперва хорошенько выслушать, гдѣ онъ держится, а тамъ точёкъ на землѣ расчистить поладнѣе возлѣ куста, разставить тайникъ и самку приппорить, за обѣ ножки привязать, а самому спрятаться да присвистывать дудочкой: такая дудочка дѣлается, въ родѣ пищика. А тайничекъ небольшой изъ сѣтки дѣлается—съ двумя дужками; одну дужку крѣпко къ землѣ при-

способить надо, а другую только приткнуть—и бичевку къ ней привязать; соловей сверху какъ слетитъ къ самкѣ—тутъ и дернуть за бичевку, тайничекъ и закинется. Иной соловей очень жаденъ, такъ сейчасъ сверху пулей и бросится, какъ только завидитъ самку; а другой осторожень: сперва пониже спустится, да разглядывать—его ли самка. Осторожныхъ лучше сѣтью ловить. Сѣть плетется сажень въ пять; осыпешь ею кусть или сухой дромъ, а осыпать надо слабо; какъ только спустится соловей—встанешь и погонишь его въ сѣть; онъ все низомъ летитъ, ну, и повиснетъ въ шелькахъ. Сѣтью ловить можно и безъ самки, одной дудочкой. Какъ поймаешь соловья, тотчасъ свяжи ему кончики крылышекъ, чтобы не бился, и сажай его скорѣе въ куролеску—такой ящикъ дѣлается низенькій, сверху и снизу холстомъ обтянутъ. Кормить пойманныхъ соловьевъ надо муравьиными яйцами—понемножку и почаще; они скоро привыкаютъ и пришимаются клевать. Не мѣшаетъ живыхъ муравьевъ въ куролеску напустить: иной болотный соловей не знаетъ муравьиныхъ яицъ—не видалъ никогда—ну, а какъ муравьи станутъ таскать яйца—въ задоръ войдетъ—станетъ ихъ хватать.

Соловьи у насъ здѣсь *) дрянные: поютъ дурно, понять ничего нельзя, всѣ колѣна мѣшаютъ, трещатъ, свѣшатъ; а то, вотъ еще у нихъ самая гадкая есть штука: сдѣлаетъ этакъ: тру и вдругъ: ви!—этакъ визгнетъ, словно въ воду окунется. Это самая гадкая штука. Плюешь и пойдешь. Даже досадно станетъ. Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не мѣшать колѣна,—а колѣна вотъ какія бываютъ:

Первое: *Пулканіе*—этакъ: пуль, пуль, пуль, пуль....

Второе: *Клыканіе*—клы, клы, клы, какъ желна.

Третье: *Дробь*—выходитъ, примѣрно, какъ по землѣ разомъ дробь просыпать.

*) Въ мценскомъ, чернскомъ и бѣлевскомъ уѣздахъ.

Четвертое: *Раскатъ*—трррррррр....

Пятое: *Пленканіе*—почти понять можно: плень, плень, плень.

Шестое: *Львиева дудка*—этакъ протяжно: го-го-го-го-го, а тамъ коротко: *ту!*

Седьмое: *Кукушкинъ перелетъ*. Самое рѣдкое колѣно; я только два раза въ жизни его слыхивалъ—и оба раза въ тимскомъ уѣздѣ. Кукушка, когда полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: *Гусачекъ*. Га-га-га-га.... У малоархангельскихъ соловьевъ хорошо это колѣно выходитъ.

Девятое: *Юлиная стукотня*. Какъ юла—есть птица, на жаворонка похожая,—или какъ вотъ органчики бываютъ,—этакой круглый свистъ: фюіюіюіюію....

Десятое: *Починъ*—этакъ: тин-вить, нѣжно, малиновкой. Это, по-настоящему, не колѣно, а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго нотнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ: начнетъ—тин-вить—а тамъ: тукъ!—Это оттолчкой называется. Потомъ опять—тин-вить.... тукъ! тукъ! Два раза оттòлчка—и въ ноль-удара, этакъ лучше; въ третій разъ: тин-вить—да какъ разсыплетъ вдругъ, с..... с..., дробью или раскатомъ—едва на ногахъ устоишь—обожжетъ! Этакой соловей называется съ ударомъ или оттолчкой. У хорошаго соловья каждое колѣно длинно выходитъ, отчетливо, сильно; чѣмъ отчетливѣй, тѣмъ длиннѣй. Дурной сѣшитъ: сдѣлалъ колѣно, отрубилъ, скорѣе другое—и смѣшался. Дуракъ дуракомъ и остался. А хорошій—нѣтъ! Разсудительно поётъ, правильно. Примется какое-нибудь колѣно чесать—не сойдетъ съ него до истòмы, проберетъ хоть кого. Иной даже съ оборотомъ — такъ длинень; пуститъ, напримѣръ, колѣно. дробь, что ли—снерва будто книзу, а потомъ опять въ гору, словно кругомъ себя окружитъ, какъ каретное колесо перекатитъ—

надо такъ сказать. Одного я такого слыхалъ у мценскаго купца Ш....ва — вотъ былъ соловей! Въ Петербургѣ за 1.200 рублей ассигнаціей проданъ.

По охотницкимъ замѣчаньямъ, хорошаго соловья отъ дурного съ виду отличить трудно. Многіе даже самку отъ самца не узнаютъ. Иная самка еще казистѣе самца. Молодого отъ стараго отличить можно. У молодого, когда разтопырить ему крылья, есть на перышкахъ пятнышки, и весь онъ темнѣй; а старый—сѣрѣе. Выбирать надо соловья, у котораго глаза большіе, носъ толстый, и чтобы былъ плечистъ и высокъ на ногахъ. Тотъ-то соловей, что за 1.200 рублей пошелъ, былъ росту средняго. Его Ш....въ подъ Курскомъ у мальчика купилъ за двугривенный.

Соловей, коли въ бережѣ, до пяти зимъ перезимовать можетъ. Кормить его надо зимою прусаками или сушеными муравьиными яйцами; только яйца надо брать не изъ краснаго лѣса, а изъ чернолѣсья, а то отъ смолы запоръ сдѣлается. Вѣшать надо соловья не надъ окнами, а въ серединѣ комнаты, подъ потолкомъ, и въ клѣткѣ чтобъ было нѣбко мягкое, суконное или полотняное.

Болѣзнь на нихъ бываетъ: вдругъ примутся чихать. Скверная эта болѣзнь. Какой и переживетъ—на другую зиму навѣрное околѣетъ. Пробовалъ я табакомъ нюхательнымъ по корму посыпать—хорошо выходило.

Пѣть начинаютъ они съ Рождества—и ближе, сперва потихоньку; съ великаго поста, съ марта мѣсяца, настоящимъ голосомъ, а къ Петрову дню перестаютъ. Начинаютъ они обыкновенно съ плепканія.... такъ жалобно. нѣжно: плень.... плень.... не громко — а по всей комнатѣ слышно. Такъ звенитъ пріятно, какъ стеклышки, душу всю поворачиваетъ. Какъ долго не слышу—всякій разъ тронетъ, по животику такъ и пробѣжитъ, волосики на головѣ трогаются. Сейчасъ слезы—и вотъ онѣ. Выдешь, поплачешь, постоишь.

Молодыхъ соловьевъ хорошо доставать въ Петровки. Надо подмѣтить, куда старые кормъ носятъ. Иной разъ три, четыре часа, поль-дня просижу, а ужъ замѣчу мѣсто. Гнѣздо они вьютъ на землѣ—изъ сухой травы и листочковъ. Штукъ пять въ гнѣздѣ бываетъ, а иногда и меньше. Молодыхъ возьмешь да посадишь въ западню—сейчасъ и старые попадутся. Старыхъ надо поймать, чтобы молодыхъ кормили. Посадишь всю семейку въ куролеску, да муравьиныхъ яицъ насыплешь и животныхъ муравьевъ напустишь. Старые сейчасъ примутся молодыхъ кормить. Клѣтку потомъ завѣсить надо, а какъ молодые станутъ клевать сами, старыхъ принять. Молодые, которыхъ въ Петровки изъ гнѣзда вынешь, живучѣе, и пѣть скорѣе принимаются. Брать надо молодыхъ отъ длиннаго, голосистаго соловья. Въ клѣткѣ они не выводятся. На волѣ соловей перестаетъ пѣть, какъ только дѣтей вывель, а о Петровки онъ линяетъ. Сдѣлаетъ на лету колѣнцо—и кончено. Все только свиститъ. А поетъ онъ всегда сидя; на лету, когда за самкой ныряетъ, курлычетъ.

Молодыхъ соловьевъ хорошо къ старымъ подвѣшивать, чтобы учились. Повѣсить ихъ надо рядомъ. И тутъ надо примѣчать: если молодой, пока старый поетъ, молчитъ и сидитъ, не шелохнется, слушаетъ — изъ того выйдетъ прокъ—въ двѣ недѣли, пожалуй, готовъ будетъ; а какой не молчитъ, самъ туда же велѣдь за старикомъ бурлитъ—тотъ развѣ на будущій годъ запоетъ, какъ быть слѣдуетъ, да и то сомнительно. Иные охотники секретно, въ шляпахъ, приносятъ молодыхъ соловьевъ въ трактиръ, гдѣ есть хорошій соловей; сами пьютъ чай или пиво, а молодые тѣмъ временемъ учатся. Оттого лучше завѣшивать молодыхъ, когда ихъ къ старому приносятъ.

Первые охотники до соловьевъ—купцы: тысячи рублей не жалѣютъ. Мнѣ бѣлевскіе купцы давали двѣсти рублей и товарища—и лошадь была ихняя. Посылали меня къ

Бердичеву. Я долженъ былъ двѣ пары представить отличныхъ соловьевъ, а остальные, хоть пятьдесятъ паръ, въ мою пользу.

Былъ у меня товарищъ, охотникъ смертный до соловьевъ; часто мы съ нимъ ѣздили. Подслѣповатъ онъ былъ—много это ему мѣшало. Разъ подъ Лебедянью, выслушалъ онъ удивительнаго соловья. Приходитъ ко мнѣ, разсказываетъ—такъ отъ жадности весь трясется. Сталъ его ловить—а сидѣлъ онъ на высокой осинкѣ. Вотъ, однако, спустился, погналъ его товарищъ въ сѣть; ткнулся соловей въ сѣть—и повисъ. Сталъ его товарищъ брать—знать, руки у него дрожали—соловей вдругъ какъ шмыгнетъ у него между ногъ—свиспулъ, занѣлъ и улетѣлъ. Товарищъ такъ и завопилъ. Онъ потомъ божился, увѣрялъ меня, что онъ явственно чувствовалъ, какъ кто-то соловья у него изъ рукъ силой выдернулъ. Что-жъ! Всяко бываетъ. Принялся онъ опять манить его—нѣтъ! не тутъ-то было: оробѣлъ, знать, смолкъ. Цѣлыхъ десять дней товарищъ потомъ за нимъ все ходилъ. Что же вы думаете? Соловей хоть бы чукнулъ—такъ и пропалъ. А товарищъ чуть не рехнулся; насилу его домой притащилъ. Возьметъ, шапку о-земь грянетъ, да какъ начнетъ себя кулакомъ по лбу бить.... А то вдругъ остановится и закричитъ: „раскапывайте землю—въ землю уйти хочу, туда мнѣ дорога, слѣпому, неумѣлому, безрукому“... Вотъ, какъ оно бываетъ чувствительно!

Случается, что другъ у друга норовятъ хорошихъ соловьевъ отбить, пораньше зайти на мѣсто. На всё нужно умѣнье; да и безъ счастья тоже нельзя. Случается также, что отводятъ, колдовствомъ то-есть; а противъ этого—молитва. Разъ я-таки страху набрался. Сижу я ночью подъ лѣсомъ, выслушиваю соловьевъ, а ночь такая темная-претемная.... И вдругъ мнѣ показалось, что будто ужъ это не по соловьиному что-то гремитъ, словно прямо на меня идетъ.... Жутко мнѣ стало, такъ что и сказать нельзя....

вскочилъ, да и давай Богъ ноги. Мужики — тѣ не мѣшаютъ: тѣмъ все равно; еще смѣются, пожалуй. Мужикъ грубъ: ему что̀ соловей, что̀ зябликъ—все едино. Не ихъ разума дѣло. Ихъ дѣло — пахать, да на печи лежать съ бабой. А я вамъ теперь все разсказалъ.

X.—Пегасъ.

Охотники часто любятъ хвастать своими собаками и превозносить ихъ качества: это тоже родъ косвеннаго самовосхваленія. Но несомнѣнно то, что между собаками, какъ между людьми, попадаются умницы и глупыши, даровитости и бездарности, и попадаются даже геніи, даже оригиналы*); а разнообразіе ихъ способностей „физическихъ и умственныхъ“, нрава, темперамента—не уступитъ разнообразію, замѣчаемому въ людской породѣ.—Можно сказать—и безъ особенной натяжки — что отъ долгаго, за историческія времена восходящаго сожительства собаки съ человѣкомъ, она заразилась имъ—въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ слова: ея собственный нормальный строй несомнѣнно нарушенъ и измѣненъ,—какъ нарушена и измѣнена самая ея внѣшность. Собака стала болѣзненнѣе, нервознѣе, ея годы сократились; но она стала интеллигентнѣе, впечатлительнѣе и сообразительнѣе; ея кругозоръ расширился. Зависть, ревность—и способность къ дружбѣ; отчаянная храбрость, преданность до самоотверженія — и позорная трусость и измѣнчивость; подозрительность, злопамятность—и добродушіе; лукавство и прямота—всѣ эти качества проявляются—иногда съ поразительной силой—

---

*) Весной 1871-го года я видѣлъ въ Лондонѣ, въ одномъ циркѣ—собаку, которая исполняла роль „клоуна“, паяца; она обладала несомнѣннымъ комическимъ юморомъ.

въ перевоспитанной человѣкомъ собакѣ, которая гораздо больше чѣмъ лошадь заслуживаетъ названіе „самаго благороднаго его завоеванія“ — по извѣстному выраженію Бюффона.

Но довольно философствовать: обращаюсь къ фактамъ.

У меня, какъ у всякаго „завзятаго“ охотника, перебывало много собакъ, дурныхъ, хорошихъ и отличныхъ—попалась даже одна, положительно съумасшедшая, которая и кончила жизнь свою, выпрыгнувъ въ слуховое окно сушильни, съ четвертаго этажа бумажной фабрики; — но лучшій, безъ всякаго сомнѣнія, пёсъ, которымъ я когда-либо обладалъ—былъ длинношерстый, черный съ желтыми подпалинами кобель, по кличкѣ „Пегасъ“, купленный мной въ окрестностяхъ Карлсруэ у охотника-сторожа (Jagdhüter)—за сто двадцать гульденовъ—около восьмидесяти рублей серебромъ. Мнѣ нѣсколько разъ—въ послѣдствіи времени—предлагали за него тысячу франковъ. Пегасъ—(онъ живъ еще до сихъ поръ, хотя въ началѣ нынѣшняго года почти внезапно потерялъ чутье, оглохъ, окривѣлъ и совершенно опустился)—Пегасъ — крупный песъ съ волнистой шерстью, съ удивительно-красивой, громадной головой, большими карими глазами и необычайно-умной и гордой физіономіей. Породы онъ не совсѣмъ чистой: онъ являетъ смѣсь англійскаго сеттера и овчарной нѣмецкой собаки: хвостъ у него толстъ, переднія лапы слишкомъ мясисты, заднія нѣсколько жидки.—Силой онъ обладалъ замѣчательной и былъ драчунъ величайшій: на его совѣсти, навѣрное, лежитъ нѣсколько собачьихъ душъ. О кошкахъ я уже не упоминаю.—Начну съ его недостатковъ на охотѣ: ихъ немного и перечесть ихъ недолго. Онъ боялся жары—и когда не было близко воды, подвергался тому состоянію, когда говорятъ о собакѣ, что она „*запья-ла*“; онъ былъ также нѣсколько тяжелъ и медителенъ въ поискѣ; но такъ какъ чутье у него было баснословное—я

ничего подобнаго никогда не встрѣчалъ и не видывалъ—то онъ, все-таки, находилъ дичь скорѣе и чаще, чѣмъ всякая другая собака. Стойка его приводила въ изумленіе—и никогда—никогда! онъ *не вралъ*.—„*Коли Пегасъ стоитъ—значитъ, есть дичь*“—было общепринятой аксіомой между всѣми нашими товарищами по охотѣ. Ни за зайцами, ни за какой другой дичью онъ не гонялъ ни шагу; но, не получивъ правильнаго, строгаго, англійскаго воспитанья, онъ, вслѣдъ за выстрѣломъ, не выжидая приказанія, бросался поднимать убитую дичь—недостатокъ важный! Онъ по полету птицы тотчасъ узналъ, что она подранена;—и если, посмотрѣвъ ей вслѣдъ, отправлялся за нею, поднявъ особеннымъ манеромъ голову,—то это служило вѣрнымъ знакомъ, что онъ ее сыщетъ и принесетъ. Въ полномъ развитіи его силъ и способностей—ни одна подстрѣленная дичь отъ него не уходила: онъ былъ удивительнѣйшій „ретрйверъ“ (retriever — сыщикъ), какого только можно себѣ представить. Трудно перечесть, сколько онъ отыскалъ фазановъ, забившихся въ густой терновникъ, которымъ наполнены почти всѣ германскіе лѣса,—куропатокъ, отбѣжавшихъ чуть не на поль-версты отъ мѣста, гдѣ онѣ упали,—зайцевъ, дикихъ козъ, лисицъ. Случалось, что его приводили на слѣдъ—два, три, четыре часа послѣ нанесенія раны: стоило сказать ему: не возвышая голоса: „such, verloren! (ищи, потерялъ!) —и онъ немедленно отправлялся курцъ-галопомъ сперва въ одну сторону, потомъ въ другую—наткнувшись на слѣдъ, стремительно, во всѣ лопатки пускался по немъ.... Минута пройдетъ, другая.... и уже заяцъ или дикая коза кричитъ подъ его зубами—или, вотъ, уже онъ мчится назадъ съ добычей во рту. Однажды, на заячьей облавѣ, Пегасъ выкинулъ такую удивительную штуку, что я бы едва ли рѣшился разсказать ее, если-бъ не могъ сослаться на цѣлый десятокъ свидѣтелей.—Лѣсной загонъ кончился; всѣ

охотники сошлись на полянѣ, близъ опушки.—„Я именно здѣсь ранилъ зайца“—сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей—и обратился ко мнѣ съ обычной просьбой: направить на слѣдъ Пегаса.—Должно замѣтить, что на эти облавы, кромѣ моего пса, прозваннаго: „l'illustre Pégase“—ни одинъ не допускался. Собаки въ этихъ случаяхъ только мѣшаютъ: сами безпокоятся и безпокоятъ своихъ владѣтелей—да своими движеньями предостерегаютъ и отгоняютъ дичь.—Егери-загонщики *своихъ* собакъ держатъ на сворахъ.—Мой Пегасъ, какъ только начиналась облава и раздавались крики—превращался въ истукана, смотрѣлъ внимательно въ чащу лѣса, чуть замѣтно поднимая и опуская уши—и даже дышать переставалъ; дичина могла проскочить подъ самымъ его носомъ—онъ едва дрогнетъ боками или облизнется—и только. Однажды заяцъ пробѣжалъ буквально по его лапамъ.... Пегасъ удовольствовался тѣмъ, что показалъ примѣръ, будто укусить его хочетъ. Возвращаюсь къ разсказу.—Я скомандовалъ ему: Such, verloren! онъ отправился—и черезъ нѣсколько мгновеній мы услыхали крикъ пойманнаго зайца—и вотъ, уже мелькаетъ по лѣсу красивая фигура моего пса—скачетъ онъ прямо ко мнѣ.—(Онъ никому другому не отдавалъ своей добычи).—Внезапно, въ двадцати шагахъ отъ меня,—онъ останавливается, кладетъ зайца на землю—и маршъ-маршъ назадъ! Мы всѣ переглянулись съ изумленьемъ.... „Что это значитъ?“ спрашиваютъ у меня:—„зачѣмъ Пегасъ не донесъ до васъ зайца? Онъ этого никогда не дѣлалъ?“—Я не зналъ, что сказать, ибо самъ ничего не понималъ—какъ вдругъ опять въ лѣсу раздается заячій крикъ—и Пегасъ опять мелькаетъ по чащѣ съ *другимъ* зайцемъ во рту!—Дружныя, громкія рукоплесканія его привѣтствовали.—Одни охотники могутъ оцѣнить, какое тонкое чутьё, какой умъ и какой разсчетъ должны быть у собаки. которая, съ только-что убитымъ, теплымъ зайцемъ во рту—въ состоя-

ній, на всемъ скаку, въ виду хозяина, учуять другого раненаго зайца—и понять, что это издаетъ запахъ именно *другой*—а не тотъ заяцъ, котораго онъ держитъ между зубами!

Въ другой разъ его навели на слѣдъ раненой дикой козы. Охота происходила на берегу Рейна.—Онъ добѣжалъ до берега, бросился направо, потомъ налѣво—и, вѣроятно разсудивъ, что дикая коза, хоть и не дала больше слѣда, пропасть однако не могла—бухнулся въ воду, переплылъ рукавъ Рейна — (Рейнъ, какъ извѣстно, противъ великаго герцогства баденскаго дѣлится на множество рукавовъ) — и выбравшись на противолежащій, заросшій лозниками, островокъ, схватилъ на немъ козу.

Еще вспоминаю я зимнюю охоту въ самыхъ вершинахъ Шварцвальда. — Вездѣ лежалъ глубокій снѣгъ, деревья обросли громаднымъ инеемъ, густой туманъ наполнялъ воздухъ и скрадывалъ очертанья предметовъ. Сосѣдъ мой выстрѣлилъ—и когда я, по окончаніи облавы, подошелъ къ нему—сказалъ мнѣ, что онъ стрѣлялъ по лисицѣ—и вѣроятно ее ранилъ, потому что она взмахнула хвостомъ. Мы пустили по слѣду Пегаса—и онъ тотчасъ же исчезъ въ бѣлой мглѣ, окружавшей насъ. Прошло пять минутъ, десять, четверть часа.... Пегасъ не возвращался.—Очевидно, что мой сосѣдъ попалъ въ лисицу: если дичь не была ранена, и Пегаса посылали попустому, онъ возвращался тотчасъ.—Наконецъ, въ отдаленіи раздался глухой лай: онъ примчался къ намъ точно съ другого свѣта. Мы немедленно двинулись по направленію этого лая: мы знали, что когда Пегасъ не въ состояніи былъ принести добычу—онъ лаялъ надъ нею. Руководимые изрѣдка раздававшимися, отрывочными возгласами его баса, мы шли;—и шли мы точно какъ во снѣ—не видя почти, куда ставимъ ноги. Мы поднимались въ гору, спускались въ лощины, въ снѣгу по колѣни, въ сыромъ и холодномъ туманѣ; стекля-

ныя иглы сыпались на насъ съ потрясенныхъ нами вѣтвей.... Это было какое-то сказочное путешествіе.—Каждый изъ насъ казался другому призракомъ—и все кругомъ имѣло призрачный видъ. Наконецъ что-то зачернѣло впереди, на днѣ узкой ложбины: то былъ Пегасъ. Сидя на корточкахъ, онъ свѣсилъ морду—и, какъ говорится, „насуровился“;—а предъ самымъ его носомъ, въ тѣсной ямѣ между двумя плитами гранита, лежала мертвая лисица. Она заползла туда прежде чѣмъ околѣла—и Пегасъ не въ состояніи былъ достать ее. Оттого онъ и оповѣстилъ насъ лаемъ.

У него надъ правымъ глазомъ былъ незаросшій шрамъ глубокой раны: эту рану нанесла ему лисица, которую онъ нашелъ еще живою, шесть часовъ послѣ того, какъ по ней выстрѣлили—и съ которой онъ вступилъ въ смертный бой.

Вспоминаю я еще слѣдующій случай.—Я былъ приглашенъ на охоту въ Оффенбургъ, городъ, лежащій недалеко отъ Бадена.—Эту охоту содержало цѣлое общество спортсменовъ изъ Парижа: дичи въ ней, особенно фазановъ, было множество.—Я, разумѣется, взялъ съ собой Пегаса. Насъ всѣхъ было человѣкъ пятнадцать. У многихъ были отличныя, большею частью англійскія, чистокровныя собаки. Переходя съ одной облавы на другую, мы вытянулись въ линію по дорогѣ вдоль лѣса, налѣво отъ насъ начиналось огромное, пустое поле: посрединѣ этого поля—шагахъ отъ насъ въ пятистахъ—возвышалась небольшая кучка земляныхъ грушъ—(topinambour). Вдругъ мой Пегасъ поднялъ голову, повелъ носомъ по вѣтру и пошелъ размѣреннымъ шагомъ прямо на ту отдаленную кучку засохшихъ и вытянутыхъ, сплошныхъ стеблей. Я остановился и пригласилъ г-дъ охотниковъ идти за моей собакой—ибо „тутъ навѣрное что-нибудь есть“. Между тѣмъ, другія собаки подскочили, стали вертѣться и сновать около

Негаса, нюхать землю, оглядываться—но ничего не зачуяли; а онъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ идти, какъ по струнѣ.—„Заяцъ, должно быть, гдѣ-нибудь въ полѣ залегъ“, замѣтилъ мнѣ одинъ парижанинъ. Но я по фигурѣ, по всей повадкѣ Негаса, видѣлъ, что это не заяцъ, и вторично пригласилъ г-дъ охотниковъ идти за нимъ.—„Наши собаки ничего не чуютъ“, отвѣчали они мнѣ въ одинъ голосъ:—„вѣроятно, ваша ошибается“.—(Въ Оффенбургѣ тогда еще не знали Негаса). Я промолчалъ, взвелъ курки, пошелъ за Негасомъ, который лишь изрѣдка оглядывался на меня черезъ плечо—и добрался, наконецъ, до кучки земляныхъ грушъ. Охотники—хотя и не послѣдовали за мною, однако всѣ остановились и издали смотрѣли на меня.—„Ну, если ничего не будетъ?“ подумалъ я—„осрамимся мы, Негасъ, съ тобою“.... Но въ это самое мгновенье цѣлая дюжина самцовъ-фазановъ съ оглушительнымъ трескомъ взвилась на воздухъ—и я, къ великой моей радости, сшибъ пару, что не всегда со мной случалось,—ибо я стрѣляю посредственно.—„Вотъ-молъ вамъ, г-да парижане,—и вашимъ чистокровнымъ собакамъ!“—Съ убитыми фазанами въ рукахъ возвратился я къ товарищамъ.... Комплименты посыпались на Негаса и на меня. Я, вѣроятно, выказалъ удовольствіе на лицѣ; а онъ—какъ ни въ чемъ не бывало! даже не скромничалъ.

Безъ преувеличенія могу сказать, что Негасъ сплошь да рядомъ зачуевалъ куропатокъ за сто, за двѣсти шаговъ. И несмотря на свой нѣсколько лѣнивый поискъ, какъ обдуманно онъ распоряжался: ни дать, ни взять, опытный стратегикъ! Никогда не опускалъ головы, не вынюхивался въ слѣдъ, позорно фыркая и тыкая носомъ; онъ дѣйствовалъ постоянно верхнимъ чутьемъ, dans le grand style, la grande manière, какъ выражаются французы.—Мнѣ, бывало, почти съ мѣста сходить не приходилось: только посматриваю за нимъ. Очень забавляло меня охотиться съ кѣмъ-

нибудь, кто еще не зналъ Негаса; получаса не проходило, какъ уже слышались восклицанья: „вотъ такъ собака! Да это—профессоръ!“

Понималъ онъ меня съ полуслова; взгляда было для него достаточно. Ума палата была у этой собаки. Въ томъ, что онъ однажды, отставъ отъ меня, ушелъ изъ Карлсруэ, гдѣ я проводилъ зиму—и четыре часа спустя очутился въ Баденъ-Баденѣ, на старой квартирѣ,—еще нѣтъ ничего необыкновеннаго; но слѣдующій случай показываетъ, какая у него была голова. Въ окрестностяхъ Баденъ-Бадена какъ-то появилась бѣшеная собака и кого-то укусила; тотчасъ вышелъ отъ полиціи приказъ: всѣмъ собакамъ безъ исключенія надѣть намордники.—Въ Германіи подобные приказы исполняются пунктуально, и Негасъ очутился въ намордникѣ. Это было ему непріятно до крайности; онъ безпрестанно жаловался—т. е. садился напротивъ меня—и то лаялъ, то подавалъ мнѣ лапу.... но дѣлать было нечего, надлежало покориться.—Вотъ, однажды моя хозяйка приходитъ ко мнѣ въ комнату и разсказываетъ, что какъ-нибудь Негасъ, воспользовавшись минутой свободы, зарылъ свой намордникъ!—Я не хотѣлъ дать этому вѣры; но нѣсколько мгновеній спустя, хозяйка моя снова вбѣгаетъ ко мнѣ и шопотомъ зоветъ меня поскорѣе за собою. Я выхожу на крыльцо—и что же я вижу? Негасъ съ намордникомъ во рту пробирается по двору украдкой, словно на цыпочкахъ—и, забравшись въ сарай, принимается рыть въ углу лапами землю—и бережно закапываетъ въ нее свой намордникъ! Не было сомнѣнія въ томъ, что онъ вообразилъ такимъ образомъ навсегда отдѣлаться отъ ненавистнаго ему стѣсненія.

Какъ почти всѣ собаки, онъ терпѣть не могъ нищихъ и дурно одѣтыхъ людей—(дѣтей и женщинъ онъ никогда не трогалъ)—а главное: онъ никому не позволялъ ничего уносить; одинъ видъ ноши за плечами или въ рукѣ возбуждалъ

его подозрѣнія—и тогда горе панталонамъ заподозрѣннаго человѣка—и, въ концѣ-концовъ,—горе моему кошельку!—Много пришлось мнѣ за него переплатить денегъ! Однажды слышу я ужасный гвалтъ въ моемъ палисадникѣ. Выхожу—и вижу—за калиткой—человѣка дурно одѣтаго—съ разодранными „невыразимыми“ — а передъ калиткой Пегасъ въ позѣ побѣдителя. Человѣкъ горько жаловался на Пегаса и кричалъ.... но каменьщики, работавшіе на противоположной сторонѣ улицы, съ громкимъ смѣхомъ сообщили мнѣ, что этотъ самый человѣкъ сорвалъ въ палисадникѣ яблоко съ дерева—и только тогда подвергся нападенію Пегаса.

Нрава онъ былъ—нечего грѣха таить—суроваго и крутого; но ко мнѣ привязался чрезвычайно, до нѣжности.

Мать Пегаса была въ свое время знаменитость—и тоже пресуровая правомъ; даже къ хозяину она не ласкалась.—Братья и сестры его также отличались своими талантами; но изъ многочисленнаго его потомства ни одинъ даже отдаленно не могъ сравниться съ нимъ.

Въ прошломъ (1870) году онъ былъ еще превосходенъ—хотя начиналъ скоро уставать; но въ нынѣшнемъ ему вдругъ все измѣнило.—Я подозрѣваю, что съ нимъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ размягченія мозга. Даже умъ покинулъ его—а нельзя сказать, чтобъ онъ слишкомъ былъ старъ.—Ему всего девять лѣтъ.—Жалко было видѣть эту поистинѣ великую собаку, превратившуюся въ идіота; на охотѣ онъ то принимался безсмысленно искать—т. е. бѣгалъ впередъ по прямой линіи, повѣсивъ хвостъ и понуривъ голову—то вдругъ останавливался и глядѣлъ на меня напряженно и тупо—какъ бы спрашивая меня, что же надо дѣлать—и что съ нимъ такое приключилось!—Sic transit gloria mundi! Онъ еще живетъ у меня на пенсіонѣ—но ужъ это не прежній Пегасъ—это жалкая развалина!—Я простился съ нимъ не безъ грусти.—„Прощай!“

думалось мнѣ—„мой несравненный песъ! Не забуду я тебя ввѣкъ, и уже не нажить мнѣ такого друга!“

Да едва ли я теперь буду охотиться больше.

Парижъ.
Декабрь, 1871.

XI.—Пергамскія раскопки.

Письмо въ редакцію «Вѣстника Европы».

....Отведите мнѣ двѣ-три странички вашего журнала для того, чтобъ я могъ подѣлиться съ его читателями тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое произвели на меня, во время моего недавняго проѣзда черезъ Берлинъ, пріобрѣтенные прусскимъ правительствомъ мраморные го-рельефы лучшей эпохи аттическаго ваянія (III-го столѣтія до Р. Х.) —открытые въ Пергамѣ (не въ древней Троѣ)—въ столицѣ небольшого мало-азійскаго царства, сперва покореннаго, какъ и весь греческій міръ, Римомъ—а потомъ разоренпаго напльвомъ варваровъ. Существованіе этихъ горельефовъ, воздвигнутыхъ кѣмъ-то изъ царствовавшей династіи Атталовъ и считавшихся у древнихъ однимъ изъ чудесъ вселенной, было, конечно, не безъизвѣстно ученымъ—германскимъ ученымъ въ особенности; о нихъ говорится въ сохранившемся сочиненіи одного, довольно, впрочемъ, темнаго писателя II-го столѣтія; - но честь открытія этихъ великолѣпныхъ останковъ принадлежитъ германскому консулу въ Смирнѣ, Гуманну,—а заслуга, скорѣе—счастіе пріобрѣтенія ихъ, выпала на долю прусскаго правительства, при энергическомъ содѣйствіи кронъ-принца. Все дѣло было ведено очень ловко и тайно: во-время были высланы инженеры и ученые профессора,—во-время куплепъ участокъ земли, близъ деревушки Бергама, подъ которой

скрывались всѣ эти сокровища; самый фирманъ султана на владѣніе открытыми мраморами, а не одними снимками съ нихъ (какъ то сдѣлало греческое правительство), былъ очень удачно и тоже вò-время полученъ, и въ концѣ-концовъ Пруссія—за какія нибудь ничтожнѣйшія 130,000 марокъ—закрѣпила за собою такое завоеваніе, которое, конечно, принесетъ ей больше славы, чѣмъ завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи и, пожалуй, окажется прочнѣе.

Эти го-рельефы составляли собственно фронтонъ или фризъ громаднаго алтаря, посвященнаго Зевесу и Палладѣ (фигуры въ полтора раза превосходятъ человѣческій ростъ), —стоявшаго передъ дворцомъ или храмомъ Аталла. Они найдены на довольно незначительной глубинѣ—и хотя разбиты на части (всѣхъ отдѣльныхъ кусковъ собрано болѣе 9.000—правда, иные куски аршина полтора въ квадратѣ и болѣе),—но главныя фигуры и даже группы сохранены, и мраморъ не подвергся тѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ открытаго воздуха и прочимъ насиліямъ, отъ котораго такъ пострадали останки Парѳенона. Всѣ эти обломки были тщательно перенумерованы, уложены на двухъ кораблях—и привезены изъ Малой Азіи въ Тріестъ (два другихъ корабля еще въ дорогѣ съ остатками четырехъ колоссальныхъ статуй и архитектурныхъ частей)—потомъ отправлены по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Теперь они занимаютъ нѣсколько залъ въ Музеумѣ, на полу которыхъ они разложены—и понемногу складываются въ прежнемъ своемъ порядкѣ, подъ наблюденіемъ коммиссіи профессоровъ и съ помощью цѣлой артели искусныхъ итальянскихъ формовщиковъ. Къ счастью, главныя группы сравнительно меньше пострадали—и публика, которой позволяется разъ въ недѣлю осматривать ихъ съ высоты небольшихъ подмостковъ, окружающихъ лежащіе мраморы, можетъ уже теперь составить себѣ понятіе о томъ, какое поразительное зрѣлище представятъ эти го-рельефы, когда сло-

ченные и воздвигнутые вертикально, въ особенно для нихъ устроенномъ зданіи, они предстанутъ передъ удивленными взорами нынѣшнихъ поколѣній во всей своей двухтысячелѣтней, скажемъ болѣе—въ своей безсмертной красотѣ.

Эти го-рельефы (многія изъ тѣлъ такъ выпуклы, что совсѣмъ выдѣляются изъ задней стѣны, которая едва съ одной стороны прикасается ихъ членовъ),—эти го-рельефы изображаютъ битву боговъ съ титанами или гигантами—сыновьями Гэи (Земли). Не можемъ здѣсь же, кстати, не замѣтить, что какое счастье для народа обладать такими поэтическими, исполненными глубокаго смысла, религіозными легендами, какими обладали греки, эти аристократы человѣческой породы. Побѣда несомнѣнная, окончательная—на сторонѣ боговъ, на сторонѣ свѣта, красоты и разума; но темныя, дикія земныя силы еще сопротивляются— и бой не конченъ. По середины всего фронтона Зевсъ (Юпитеръ) поражаетъ громоноснымъ оружіемъ, въ видѣ опрокинутаго скипетра, гиганта, который падаетъ стремглавъ, спиною къ зрителю, въ бездну; съ другой стороны—вздымается еще гигантъ, съ яростью на лицѣ—очевидно, главный борецъ,—и, напрягая свои послѣднія силы, являетъ такіе контуры мускуловъ и торса, отъ которыхъ Микель Анджело пришелъ бы въ восторгъ. Надъ Зевсомъ богиня Побѣды парить, расширяя свои орлиныя крылья, и высоко вздымаетъ пальму тріумфа; богъ солнца, Аполлонъ, въ длинномъ, легкомъ хитонѣ, сквозь который ясно выступаютъ его божественные, юношескіе члены, мчится на своей колесницѣ, везомый двумя конями, такими же безсмертными, какъ онъ самъ; Эосъ (Аврора) предшествуетъ ему, сидя бокомъ на другомъ конѣ, въ перехваченной на груди струистой одеждѣ, и, обернувшись къ своему богу, зоветъ его впередъ взмахомъ обнаженной руки; конь подъ ней такъ же—и какъ-бы сознательно—оборачиваетъ назадъ голову: подъ колёсами Аполлона умираетъ раздав-

ленный гигантъ,—и словами нельзя передать того трогательнаго и умиленнаго выраженія, которымъ набѣгающая смерть просвѣтляетъ его тяжелыя черты; уже одна его свѣшенная, ослабѣвшая, тоже умирающая рука—есть чудо искусства, любоваться которымъ стòило бы того, чтобы нарочно съѣздить въ Берлинъ. Далѣе, Паллада (Минерва), одной рукой схвативъ крылатаго гиганта за волосы и волоча его по землѣ, бросаетъ длинное копье другою, круто поднятой и закинутой назадъ рукою, между тѣмъ какъ ея змѣя, змѣя Паллады, обвившись вокругъ побѣжденнаго гиганта, впивается въ него зубами. Кстати замѣтить, что почти у всѣхъ гигантовъ ноги заканчиваются змѣиными тѣлами,—не хвостами, а тѣлами, головы которыхъ также принимаютъ участіе въ битвѣ; Зевсовы орлы ихъ терзаютъ,—уцѣлѣла одна змѣиная широкая, раскрытая пасть, захваченная орлиной лапой. Тамъ, Цибелла (Деметеръ), мать боговъ, мчится на львѣ, переднія части котораго, къ сожалѣнію, пропала (много обломковъ мрамора было сожжено варварами на известь); человѣческая нога судорожно упирается въ брюхо льву—и своей поразительной реальной правдой служитъ противоположностью другой, идеально-прекрасной ногѣ, несомнѣнно принадлежавшей богу, побѣдоносно наступившему на мертваго гиганта. Вакхъ-Діонизосъ, Діана-Артемида, Гефестъ-Вулканъ—также въ числѣ бойцовъ-побѣдителей; есть другіе еще, пока безъимянные боги, нимфы, сатиры,—всѣхъ фигуръ около сорока и всѣ свыше человѣческаго роста! Поразительная фигура Гэи (Земли), матери гигантовъ; вызванная гибелью своихъ сыновъ, она до половины корпуса, до пояса, поднимается изъ почвы.... Нижняя часть ея лица отбита (головы Зевса и Паллады—увы!—также исчезли), но какой величавой и безконечной скорбью вѣетъ отъ ея чела, глазъ, бровей, отъ всей ея колоссальной головы—это надо видѣть.... на это даже намекнуть нельзя. Всѣ эти—то луче-

зарныя, то грозныя, живыя, мертвыя, торжествующія. гибнущія фигуры, эти извивы чешуйчатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти орлы, эти кони, оружія, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы и эти тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до невѣроятности, стройныхъ до музыки,—всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззавѣтныя движенія членовъ, это торжество злобы, и отчаяніе, и веселость божественная и божественная жестокость—все это небо и вся эта земля—да это міръ, цѣлый міръ, передъ откровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и страстнаго благоговѣнія пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ. И вотъ еще что: при видѣ всѣхъ этихъ неудержимо свободныхъ чудесъ, куда дѣваются всѣ принятыя нами понятія о греческой скульптурѣ, объ ея строгости, невозмутимости, объ ея сдержанности въ границахъ своего спеціальнаго искусства, словомъ, объ ея классицизмѣ,—всѣ эти понятія, которыя какъ несомнѣнная истина, были передаваемы намъ нашими наставниками, теоретиками, эстетиками, всей нашей школой и наукой?—Правда, намъ по поводу, напримѣръ, Лаокоона, или Умирающаго Гладіатора, наконецъ, Фарнезскаго Быка, говорили о томъ, что и въ древнемъ искусствѣ проявлялось нѣчто напоминающее то, что гораздо позже называлось романтизмомъ и реализмомъ; упоминали о родосской школѣ ваянія, даже о пергамской школѣ; но тутъ же замѣчали, что всѣ эти произведенія уже носятъ нѣкоторый оттѣнокъ упадка, доходящаго, напримѣръ, въ Фарнезскомъ Быкѣ до рококо; толковали о границахъ живописи и ваянія и о нарушеніи этихъ границъ; но какая же можетъ быть рѣчь объ упадкѣ передъ лицомъ этой „Битвы боговъ съ гигантами“, которая и по времени своего происхожденія относится къ лучшей эпохѣ греческой скульптуры—къ первому столѣтію послѣ Фидіаса? Да и какъ подвести эту „Битву“ подъ какую-либо рубрику? Конечно, „ре-

лизмъ“,—ужъ если взять это слово—реализмъ нѣкоторыхъ подробностей изумителенъ; тамъ попадаются обуви, складки тканей, переливы кудрей, даже вихры шерсти надъ копытами коней, оттѣнка которыхъ не перещеголяютъ самые новѣйшіе итальянскіе скульпторы, а ужъ на что они теперь въ этихъ дѣлахъ мастера! Конечно, „романтизмъ“, въ смыслѣ свободы—тѣлодвиженія, позъ, самаго сюжета, въ устахъ иного французскаго педанта получилъ бы названіе всклокоченнаго—„échevelé“; но всѣ эти реальныя детали дотого исчезаютъ въ общемъ цѣлостномъ впечатлѣніи,—вся эта бурная свобода романтизма до того проникнута высшимъ порядкомъ и яснымъ строемъ высоко-художественной, идеальной мысли, что нашему брату-эпигону только остается преклонить голову и учиться,—учиться снова, перестроивъ все, что онъ до сихъ поръ считалъ основной истиной своихъ соображеній и выводовъ. Повторяю,—эта „Битва боговъ“, дѣйствительно, откровеніе, и когда—не раньше, однако, года или двухъ—воздвигнется, наконецъ, передъ нами этотъ „алтарь“, всѣ художники, всѣ истинные любители красоты должны будутъ ходить къ нему на поклоненіе.

Я только вскользь упомянулъ о тѣхъ тысячахъ небольшихъ обломковъ, которые тутъ же лежали на полу зала, и которые постепенно поступаютъ, по мѣрѣ возможности, на свои мѣста. Ходя вокругъ нихъ, безпрестанно поражаешься—то какимъ-нибудь прелестнымъ плечомъ, то частью руки или ноги, то клочкомъ волнистой туники, то просто архитектурнымъ украшеніемъ.... Между прочимъ, тамъ есть небольшая, вполнѣ сохранившаяся женская голова изъ желтоватаго мрамора, которая и по размѣрамъ не подходитъ ни къ одной богинѣ... Я забылъ сказать, что по бокамъ этого огромнаго алтаря существовали барельефы, меньшей величины и болѣе плоскіе.... Эта прелестная голова дотого кажется, по выраженію, намъ современною,

что, право, невольно думаешь, что она и Гейне читала, и знаетъ Шумана....

Однако, довольно. Позволю себѣ прибавить одно слово: выходя изъ Музеума, я подумалъ: „Какъ я счастливъ, что я не умеръ, не доживъ до послѣднихъ впечатлѣній, что я видѣлъ все это!“ — Смѣю полагать, что и другіе подумаютъ то же самое, проведя часъ-другой въ созерцаніи пергамскихъ мраморовъ „Битвы боговъ съ гигантами“.

С.-Петербургъ.—18-го Марта 1880 г.

XII.—Пожаръ на морѣ.

Это было въ маѣ 1838 года.

Я находился вмѣстѣ съ множествомъ другихъ пассажировъ на пароходѣ „Николай I,“ дѣлавшемъ рейсы между Петербургомъ и Любекомъ. Такъ какъ въ то время желѣзныя дороги еще мало процвѣтали, то всѣ путешественники избирали морской путь. По этой же причинѣ многіе изъ нихъ брали съ собою собственные экипажи, чтобы продолжать свое путешествіе по Германіи, Франціи и т. д.

У насъ на кораблѣ, помнится мнѣ, было двадцать-восемь господскихъ экипажей. Насъ, пассажировъ, было около двухъ-сотъ восьмидесяти, считая въ этомъ числѣ человѣкъ двадцать дѣтей.

Я былъ тогда очень молодъ и, не страдая морскою болѣзнью, очень былъ занятъ всѣми этими новыми впечатлѣніями. На кораблѣ было нѣсколько дамъ, замѣчательно красивыхъ или хорошенькихъ—большая часть изъ нихъ умерла, увы!

Матушка въ первый разъ отпустила меня ѣхать одного, и я долженъ былъ обѣщать ей вести себя благоразумно, и

главное, не дотрогиваться до картъ.... И вотъ, именно это-то послѣднее обѣщаніе и было нарушено первымъ.

Въ этотъ самый вечеръ было большое собраніе въ общей каютѣ. — между прочимъ, тутъ находилось нѣсколько игроковъ, хорошо извѣстныхъ въ Петербургѣ. Они каждый вечеръ играли въ банкъ, и золото, которое въ то время можно было видѣть чаще, нежели теперь, оглушительно звенѣло.

Одинъ изъ этихъ господъ, видя, что я держусь въ сторонѣ, и не зная причины этого, неожиданно предложилъ мнѣ принять участіе въ его игрѣ; когда я, съ наивностью своихъ девятнадцати лѣтъ, объяснилъ ему причину своего воздержанія,—онъ расхохотался и, обращаясь къ своимъ товарищамъ, воскликнулъ, что нашелъ сокровище: молодого человѣка, никогда не дотрогивавшагося до картъ и вслѣдствіе этого самаго предназначеннаго имѣть огромное неслыханное счастье, настоящее счастье простаковъ!...

Не знаю, какъ это случилось, но черезъ десять минутъ я уже сидѣлъ за игорнымъ столомъ, съ руками полными картъ, имѣя обезпеченную долю въ игрѣ—и игралъ, игралъ отчаянно.

И нужно сознаться, что старая пословица не соврала. Деньги текли ко мнѣ ручьями; двѣ кучки золота возвышались на столѣ по обѣимъ сторонамъ моихъ дрожащихъ и покрытыхъ каплями пота рукъ. Игрокъ, который завлекъ меня, не переставалъ меня подбивать и поощрять.... Сказать по правдѣ, я ужъ думалъ, что сразу разбогатѣю!...

Вдругъ дверь каюты распахивается во всю ширину, въ нее врывается дама внѣ себя, замирающимъ голосомъ восклицаетъ: „пожаръ!“ и падаетъ въ обморокъ на диванъ. Это произвело сильнѣйшее волненіе; никто не остался на мѣстѣ, золото, серебро, банковые билеты покатились и разсыпались во всѣ стороны, и мы всѣ бросились вонъ. Какъ мы раньше не замѣтили дыма, который набирался уже и въ ка-

ноту? я этого совершенно не понимаю! лѣстница была полна имъ. Темнокрасное зарево, какъ отъ горящаго каменнаго угля, вспыхивало тамъ и сямъ. Во мгновеніе ока всѣ были на палубѣ. Два широкихъ столба дыма пополамъ съ огнемъ поднимались по обѣимъ сторонамъ трубы и вдоль мачтъ; началась ужаснѣйшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Безпорядокъ былъ невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самохраненія охватило всѣ эти человѣческія существа, и въ томъ числѣ меня нераго. Я помню, что схватилъ за руку матроса и обѣщалъ ему десять тысячъ рублей отъ имени матушки, если ему удастся спасти меня. Матросъ, который, естественно, не могъ принять моихъ словъ за серьезное, высвободился отъ меня; да я и самъ не настаивалъ, понимая, что въ томъ, что я говорю, нѣтъ здраваго смысла. Впрочемъ, въ томъ, что я видѣлъ вокругъ себя, его было не болѣе. Совершенно справедливо, что ничто не равняется трагизму кораблекрушенія или пожара въ морѣ, кромѣ ихъ комизма. Напримѣръ: богатый помѣщикъ, охваченный ужасомъ, ползалъ по полу, неистово кладя земные поклоны; когда же вода, которую изобильно лили въ отверстія угольныхъ трюмовъ, на минуту укротила ярость пламени, онъ всталъ во весь ростъ и закричалъ громовымъ голосомъ: „Маловѣрные! неужели вы думали, что нашъ Богъ, русскій Богъ, насъ покинетъ?“ Но въ ту-же минуту пламя метнуло сильнѣе и многовѣрующій обѣдникъ опять упалъ на четвереньки и снова принялся бить земные поклоны. Какой-то генералъ съ угрюмо-растеряннымъ взоромъ не переставалъ кричать: „Нужно послать курьера къ государю! Къ нему послали курьера, когда былъ бунтъ военныхъ поселеній, гдѣ я былъ, да, лично, и это спасло хоть нѣкоторыхъ изъ насъ!“ Другой баринъ, съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ, вдругъ съ ожесточеніемъ принялся прокалывать находившійся тутъ-же, въ багажѣ, дряной портре-

тинко, писанный масляными красками и привязанный къ своему мольберту. Концомъ зонтика онъ проткнулъ пять дырокъ: на мѣстѣ глазъ, носа, рта и ушей. Разрушеніе это онъ сопровождалъ восклицаніемъ: „Къ чему все это теперь?“—И эта картина ему не принадлежала! Толстый господинъ, весь въ слезахъ, похожій на нѣмецкаго пивовара, не переставалъ вопить плаксивымъ голосомъ: „Капитанъ!—Капитанъ!....“ И когда капитанъ, выведшій изъ терпѣнья, схватилъ его за шиворотъ и крикнулъ ему: „Ну? я капитанъ, что-же вамъ нужно?“ толстякъ посмотрѣлъ на него съ убитымъ видомъ и снова принялся стонать: „Капитанъ!“

И однако, этотъ-же капитанъ всѣмъ намъ спасъ жизнь. Во-первыхъ, тѣмъ, что въ послѣднюю минуту, когда еще можно было добраться до машины, измѣнилъ направленіе нашего судна, которое, идя прямо на Любекъ, вмѣсто того, чтобы круто повернуть къ берегу, непремѣнно сгорѣло бы раньше, чѣмъ вошло въ гавань; и во-вторыхъ, тѣмъ еще, что приказалъ матросамъ обнажить кортики и безъ сожалѣнія колоть всякаго, кто попробуетъ дотронуться до одной изъ двухъ оставшихся шлюпокъ,—всѣ остальныя опрокинулись, благодаря неопытности пассажировъ, хотѣвшихъ спустить ихъ въ море.

Матросы, большею частью датчане, со своими энергическими и холодными лицами и чуть не кровавымъ отблескомъ пламени на лезвеяхъ ножей, внушали невольный страхъ. Былъ довольно сильный шквалъ; онъ еще усилился отъ пожара, который ревѣлъ въ доброй трети судна. Я должень сознаться, что бы тамъ ни подумала объ этомъ мужская половина рода человѣческаго, что женщины въ этомъ случаѣ показали больше мужества, нежели мужчины. Блѣдныхъ какъ смерть ночь застала ихъ въ постеляхъ (вмѣсто всякой одежды на нихъ были накинуты только одѣяла), и какъ ни былъ я невѣрующъ уже тогда, но онѣ по-

казались мнѣ ангелами, сошедшими съ неба, чтобы пристыдить насъ и придать намъ храбрости. Но были, однако, и мужчины, которые выказали безстрашіе. Я особенно помню одного, г. Д—ва, нашего бывшаго русскаго посланника въ Копенгагенѣ: онъ скинулъ сапоги, галстукъ и сюртукъ, который завязалъ рукавами на груди, и, сидя на толстомъ натянутомъ канатѣ, болтать ногами, спокойно куря свою сигару и оглядывая каждаго изъ насъ поочереди съ видомъ насмѣшливаго сожалѣнія. Что касается меня, то я нашелъ убѣжище на наружной лѣстницѣ, гдѣ и усѣлся на одной изъ послѣднихъ ступенекъ. Я съ оцѣпенѣніемъ смотрѣлъ на красную пѣну, которая клокотала подо мною и брызги которой долетали мнѣ въ лицо, и говорилъ себѣ: „Такъ вотъ гдѣ придется погибнуть въ девятнадцать лѣтъ!“ — потому что я твердо рѣшился лучше утонуть, чѣмъ испечься. Пламя сводомъ выгибалось надо мною, и я очень хорошо отличалъ его вой отъ рева волнъ.

Недалеко отъ меня, на той же лѣстницѣ, сидѣла маленькая старушка, должно быть, кухарка котораго нибудь изъ семействъ, ѣхавшихъ въ Европу. Спрятавъ голову въ руки, она, казалось, шептала молитвы,—вдругъ она быстро взглянула на меня и, потому-ли, что ей показалось, будто она прочла на моемъ лицѣ нагубную рѣшимость, или по какой другой причинѣ, но она схватила меня за руку и почти умоляющимъ голосомъ настоятельно сказала: „Нѣтъ, баринъ, никто въ своей жизни не воленъ,—и вы не вольны, какъ никто не воленъ. Что Богъ велитъ, то пусть и сбудется, — вѣдь это значило-бы на себя руки наложить, а за это бы васъ на томъ свѣтѣ покарали“.

У меня не было до той минуты никакой охоты къ самоубійству, но тутъ, изъ за чего-то въ родѣ хвастовства, совершенно необъяснимаго въ моемъ положеніи, я два или три раза притворился, будто хочу исполнить намѣреніе, которое она предполагаетъ во мнѣ,—и каждый разъ бѣд-

ная старуха бросалась ко мнѣ, чтобы помѣшать тому, что въ глазахъ ея было преступленіемъ. Наконецъ, мнѣ сдѣлалось стыдно, и я перестал. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ играть комедію въ присутствіи смерти, которую въ эту минуту я серіозно считалъ угрожающей и неизбѣжной? Впрочемъ, мнѣ не хватило времени ни отдать себѣ отчета въ этой странности чувствъ, ни восхититься отсутствіемъ эгоизма (что теперь назвали бы альтруизмомъ) бѣдной женщины, потому что въ эту минуту ревъ пламени надъ нашими головами удвоилъ свою ярость; но какъ разъ въ тужке минуту голосъ, звенѣвшій точно мѣдь (это былъ голосъ нашего спасителя), раздался надъ нами: „Что вы тамъ дѣлаете, несчастные? Вы погибнете, идите за мною!“ И тотчасъ, не зная, ни кто насъ зоветъ, ни куда нужно идти, и старуха, и я вскочили, будто подтолкнутые пружиной, и бросились сквозь дымъ вслѣдъ за матросомъ въ синей куртѣ, который, впереди насъ, лѣзъ вверхъ по веревочной лѣстницѣ. Не зная зачѣмъ, и я полѣзъ за нимъ по этой лѣстницѣ; я думаю, что еслибы онъ въ эту минуту бросился въ воду или сдѣлалъ бы вообще что-бы то ни было совсѣмъ необыкновенное, я слѣпо послѣдовалъ бы за нимъ.... Взобравшись на двѣ или три ступеньки, матросъ тяжело спрыгнулъ на верхъ одного изъ экипажей, низъ котораго уже загорался. Я прыгнулъ за нимъ и слѣдилъ, какъ старуха прыгнула за мною; потомъ съ этого перваго экипажа матросъ прыгнулъ на второй, потомъ на третій, я все время позади него —и мы такимъ образомъ очутились на носу парохода.

Почти всѣ пассажиры собрались здѣсь. Матросы, подъ наблюденіемъ капитана, спускали въ море одну изъ нашихъ двухъ шлюпокъ—къ счастью, самую большую. Черезъ другой бортъ корабля я увидѣлъ ярко освѣщенные пожаромъ крутые береговые утесы, которые спускаются къ Любеку. Было добрыхъ двѣ версты до этихъ утесовъ. Я не умѣлъ плавать—мѣсто, на которомъ мы стали на

мель (мы и не замѣтили, какъ это случилось), было по всей вѣроятности не глубоко, но волны были очень велики. И все таки, какъ только я увидѣлъ скалы, увѣренность, что я спасенъ, овладѣла мною—и къ изумленію окружающихъ меня лицъ, я нѣсколько разъ подпрыгнулъ и крикнулъ: „ура!“ Я не захотѣлъ подойти ближе къ тому мѣсту, гдѣ толпа тѣснилась, чтобы добраться до лѣстницы, которая вела къ большой шлюпкѣ,—тамъ было слишкомъ много женщинъ, стариковъ и дѣтей; да я съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ скалы, уже и не торопился больше: я былъ увѣренъ, что спасенъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что почти никто изъ дѣтей не выказывалъ страха, что нѣкоторые изъ нихъ даже засыпали на рукахъ у матерей. Ни одинъ ребенокъ не погибъ.

Я увидѣлъ среди группы пассажировъ высокаго генерала; съ платья его текла вода; онъ стоялъ неподвижно, опираясь на поставленную стоймя лавку, которую онъ только что оторвалъ. Мнѣ сказали, что въ первую минуту перепуга онъ грубо оттолкнулъ женщину, которая хотѣла опередить его и раньше него спрыгнуть въ одну изъ первыхъ лодокъ, опрокинувшихся потомъ по винѣ пассажировъ. Одинъ изъ служащихъ на пароходѣ схватилъ его въ охабку и съ силой отбросилъ назадъ, на судно, и старый солдатъ, устыдившись своей минутной трусости, поклялся сойти съ корабля только послѣднимъ, послѣ капитана. Онъ былъ высокаго роста, блѣденъ, съ кровавой ссадиной на лбу, и глядѣлъ вокругъ взглядомъ сокрушеннымъ и покорнымъ, точно бы просилъ прощенья.

Въ это время я приблизился къ лѣвому борту корабля и увидѣлъ нашу меньшую шлюпку, плящущую на волнахъ, какъ игрушку; два находившіеся въ ней матроса знаками приглашали пассажировъ сдѣлать рискованный прыжокъ въ нее—но это было не легко: „Николай I“ былъ линейный корабль, и нужно было упасть очень ловко, чтобы не

опрокинуть шлюпку. Наконецъ, я рѣшился: я началъ съ того, что сталъ на якорную цѣпь, которая была протянута снаружи вдоль корабля, и собирался уже сдѣлать скачокъ, когда толстая, тяжелая и мягкая масса обрушилась на меня. Женщина уцѣпилась мнѣ за шею и недвижно повисла на мнѣ. Признаюсь, первымъ моимъ побужденіемъ было насильно перебросить ея руки черезъ мою голову и такимъ образомъ отдѣлаться отъ этой массы; къ счастью, я не послѣдовалъ этому побужденію. Толчокъ чуть не сбросилъ насъ обоихъ въ море, но, къ счастью, тутъ же, передъ моимъ носомъ, болтался, вися неизвѣстно откуда, конецъ веревки, за который я уцѣпился одною рукою, съ озлобленіемъ, сажая себѣ кожу до крови.... потомъ, взглянувъ внизъ, я увидѣлъ, что я и моя ноша находимся какъ разъ надъ шлюпкою и.... тогда съ Богомъ! Я скользнулъ внизъ.... лодка затрещала во всѣхъ швахъ.... Ура! крикнули матросы. Я уложилъ свою ношу, находившуюся въ обморокѣ, на дно лодки и тотчасъ обернулся лицомъ къ кораблю, гдѣ увидѣлъ множество головъ, особенно женскихъ, лихорадочно тѣснившихся вдоль борта.

„Прыгайте!“ крикнулъ я, протягивая руки. Въ эту минуту успѣхъ моей смѣлой попытки, увѣренность, что я въ безопасности отъ огня, придавали мнѣ несказанную силу и отвагу, и я поймалъ единственныхъ трехъ женщинъ, рѣшившихся прыгнуть въ мою шлюпку, такъ же легко, какъ ловятъ яблоки во время сбора. Нужно замѣтить, что каждая изъ этихъ дамъ непремѣнно рѣзко вскрикивала въ ту минуту, когда бросалась съ корабля и, очутившись внизу, падала въ обморокъ. Одинъ господинъ, вѣроятно, одурѣвшій съ перепугу, едва не убилъ одну изъ этихъ несчастныхъ, бросивъ тяжелую шкатулку, которая разбилась, падая въ нашу лодку, и оказалась довольно дорогимъ нессесеромъ. Не спрашивая себя, имѣю ли я право распоряжаться ею, я тотчасъ подарилъ ее двумъ матросамъ, которые

точно такъ же безъ всякаго стѣсненія приняли подарокъ. Мы тотчасъ стали грести изо всѣхъ силъ къ берегу, сопровождаемые криками: „Возвращайтесь скорѣе! пришлите намъ назадъ шлюпку!“ Поэтому, когда оказалось не больше аршина глубины, пришлось вылѣзать. Мелкій, холодный дождикъ уже съ часъ какъ моросилъ, не оказывая никакого вліянія на пожаръ, но насъ онъ промочилъ окончательно, до костей.

Наконецъ, мы добрались до этого желаннаго берега, который оказался не чѣмъ инымъ, какъ обширной лужей жидкой и липкой грязи, гдѣ ноги вязли по колѣно.

Наша лодка быстро удалилась и, такъ же какъ и большая шлюпка, принялась сновать между кораблемъ и берегомъ. Пассажировъ погибло мало, всего восемь: одинъ упалъ въ угольный трюмъ; другой утонулъ, потому что захватилъ съ собою всѣ свои деньги. Этотъ послѣдній, имя котораго я едва зналъ, игралъ со мною въ шахматы въ продолженіе большой части дня и дѣлалъ это съ такимъ ожесточеніемъ, что князь W.... слѣдившій за нашею партіей, кончилъ тѣмъ, что воскликнулъ: „Можно подумать, что вы играете, будто у васъ дѣло идетъ о жизни и смерти!“

Что касается до багажа, то онъ почти весь погибъ, такъ же какъ и экипажи.

Въ числѣ дамъ, спасшихся отъ крушенія, была одна Г-жа I..., очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и ихъ нянюшками; поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая, съ едва прикрытыми плечами. Я почелъ нужнымъ разыграть любезнаго кавалера, что стоило мнѣ моего сюртука, который я до тѣхъ поръ сохранилъ, галстука и даже сапогъ; кромѣ того, крестьянинъ съ телѣжкой, запряженной парой лошадей, за которымъ я сбѣгалъ на верхъ утесовъ и котораго послалъ впередъ, не нашелъ нужнымъ дождаться меня и уѣхалъ въ Любекъ со всѣми моими спутницами, такъ что я остал-

ся одинъ, полураздѣтый, промокшій до костей, въ виду моря, гдѣ нашъ пароходъ медленно догоралъ. Я именно говорю „догоралъ“, потому что я никогда бы не повѣрилъ, что такая „машинища“ можетъ быть такъ скоро уничтожена. Это было теперь не болѣе, какъ широкое пылающее пятно, недвижимое на морѣ, изборожденное черными контурами трубъ и мачтъ и вокругъ котораго тяжелымъ и равнодушнымъ полетомъ сновали чайки — потомъ большой сноп золы, испещренный мелкими искрами и разсыпавшійся широкими кривыми линіями уже по менѣе безпокойнымъ волнамъ. И только? подумалъ я: и вся наша жизнь развѣ только щепотка золы, которая разносится по вѣтру?

Къ счастью для философа, у котораго начиналъ уже зубъ на зубъ не попадать, другой фурщикъ забралъ меня. Онъ взялъ за это два дуката, но за то укуталъ меня въ свой толстый плащъ и спѣлъ мнѣ двѣ или три мекленбургскія пѣсни, которыя мнѣ довольно понравились. Такимъ образомъ я добрался до Любека на зарѣ; тутъ я встрѣтилъ своихъ товарищей по крушенію, и мы отправились въ Гамбургъ. Тамъ мы нашли двадцать тысячъ рублей серебромъ, которые императоръ Николай, какъ разъ находившійся тогда проѣздомъ въ Берлинѣ, прислалъ намъ со своимъ адъютантомъ. Всѣ мужчины собрались и общимъ голосомъ рѣшили предложить эти деньги дамамъ. Намъ было тѣмъ легче сдѣлать это, что въ тѣ времена всякій русскій, пріѣзжавшій въ Германію, пользовался неограниченнымъ кредитомъ. Теперь уже не то.

Матросъ, которому я за свое спасеніе наобѣщалъ неномѣрную сумму отъ имени матушки, явился требовать отъ меня исполненія моего обѣщанія. Но такъ какъ я не былъ вполнѣ увѣренъ, онъ-ли это дѣйствительно, да и сверхъ того, такъ какъ онъ ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы меня

спасти, то я предложилъ ему талеръ, который онъ и принялъ съ благодарностью.

Что касается до бѣдной старушки-кухарки, которая такъ заботилась о спасеніи моей души, то я ее никогда больше не видалъ—но ужъ про нее-то навѣрно можно сказать, что сгорѣла-ли она, или утонула, а мѣсто ея уже было уготовано въ раю.

Вуживаль.—17 іюня 1883 г.

XIII.—Перепелка.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

Дѣло было лѣтомъ.—Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ, въ южной Россіи. Кругомъ хутора на нѣсколько верстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу, ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя, зеленыя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ овраговъ; кой-гдѣ, подъ самой кручью, виднѣлись роднички, съ чистой, какъ слеза, водою; къ нимъ вели протоптанныя тропинки—и возлѣ воды, на сырой грязцѣ, перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ; и какъ только не былъ занятъ по хозяйству—и погода стояла хорошая—онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Зайцами онъ пренебрегалъ, предоставляя ихъ новымъ охотникамъ, которыхъ величалъ борзятниками. Другой дичи у насъ не водилось, развѣ вотъ осенью налетали вальдшнепы. Но перепеловъ и куропатокъ было

много, особенно куропатокъ. По опушкамъ враговъ то и дѣло попадались разрытые кружки сухой пыли, мѣстечки, гдѣ онѣ купались. Старый Трезоръ тотчасъ дѣлалъ стойку, при чемъ его хвостъ дрожалъ и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо блѣднѣло—и онъ осторожно взводилъ курки. Онъ часто бралъ меня съ собою.... большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ черезъ плечо фляжку — и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ сапоги; но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ — такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора — съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ. Но отецъ объявилъ мнѣ, что раньше двадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ; и ружье онъ мнѣ дастъ одноствольное и стрѣлять позволитъ только жаворонковъ. Этихъ жаворонковъ въ нашихъ мѣстахъ водилось множество; бывало въ хорошій солнечный день, цѣлые десятки ихъ вились на ясномъ небѣ, поднимаясь все выше и выше и звеня какъ колокольчики. Я глядѣлъ на нихъ какъ на свою будущую добычу и прицѣливался въ нихъ палочкой, которую носилъ на плечѣ вмѣсто ружья. Попасть въ нихъ очень легко, когда они въ двухъ, трехъ аршинахъ отъ земли останавливаются въ воздухѣ и трепещутся, прежде чѣмъ вдругъ плюхнуть въ траву. — Иногда далеко въ полѣ, на жнивьѣ или на зеленяхъ торчали дрохвы; вотъ, думалось мнѣ, такую большую штуку убить—да послѣ этого и жить не надо! Я указывалъ на нихъ отцу; но всякій разъ говорилъ мнѣ

что драхва — птица осторожная и человѣка близко не подпускаетъ. Однако разъ онъ попытался подкрасться къ одинокой драхвѣ, полагая, что она подстрѣленная и отстала отъ своего стада. Велѣлъ Трезору идти за нимъ слѣдомъ —а мнѣ такъ и вовсе остаться на мѣстѣ; зарядилъ ружье картечью, еще разъ обернулся къ Трезору, даже пригрозился ему, шопотомъ скомандовалъ: „аррьеръ! аррьеръ!“ скорчился въ три погибели и поползъ—не прямо къ драхвѣ, а стороною. Трезоръ хоть и не скорчился, но выступалъ тоже очень удивительно: раскарякой—и хвостъ поджавъ и одну губу закусилъ.—Я не вытерпѣлъ и чуть не ползкомъ отправился за отцомъ и за Трезоромъ. Однако драхва и на триста шаговъ насъ не подпустила; сперва побѣжала, потомъ замахала крыльями и полетѣла. Отецъ выстрѣлилъ и только въ слѣдъ ей посмотрѣлъ.... Трезоръ выскочилъ впередъ и тоже посмотрѣлъ. Посмотрѣлъ и я.... и такъ мнѣ обидно стало! Что бы, кажется, ей еще немного подождать! Картечь непремѣнно бы ее достала!

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту—подъ самый Петровъ день. Въ то время молодыя куропатки еще малы бываютъ, отецъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржанаго поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно—и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. — Когда я ходилъ туда съ сестрой или съ горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ: я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: „пиль“! и изъ подъ самаго носа Трезора вскочила перепелка—и полетѣла. Только полетѣла она очень странно:

кувыркалась, вертѣлась, падала на землю — точно она была раненая или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею.... онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ, онъ боялся, что зацѣпитъ дробью собаку. — И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ — и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. — Я подскочилъ. — Что это, говорю: она раненая была? — Нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ отецъ; она не была раненая; а у ней, должно быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать. — Для чего же она это дѣлаетъ? спросилъ я. — А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. — Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла, ужъ слишкомъ притворилась — и Трезоръ ее поймалъ. —Такъ она не раненая? спросилъ я опять.—Нѣтъ.... но живой ей не быть.... Трезоръ ее, должно быть, давнулъ зубомъ. — Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку — и глядѣла на меня съ боку своимъ каримъ глазкомъ.—И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: за что я умирать должна? — За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла; маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше — и вотъ попалась! Бѣдняжка я! бѣдняжка! — Несправедливо это! Несправедливо!

Папаша! сказалъ я, да можетъ быть, она не умретъ.... и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: Нѣтъ! — Вотъ посмотри: у ней сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза.—Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза— я заплакалъ. Чему ты? спросилъ отецъ

и засмѣялся.—Жаль мнѣ ее, сказалъ я. Она долгъ свой исполняла—а ее убили! Это несправедливо! — Она схитрить хотѣла, отвѣтилъ мнѣ отецъ. Только Трезоръ ее перехитрилъ.—Злой Трезоръ! подумалъ я.... да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ не добрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ — а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать—такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ-было сунуть перепелку въ ягдташъ, но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее.... не очнется ли она? — Однако она не шевелилась. — Напрасно, братъ, сказалъ отецъ, ее не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается.—Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку — головка опять упала. Тебѣ все ее жаль? спросилъ меня отецъ. — А кто же маленькихъ кормить будетъ? спросилъ я въ свою очередь. — Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня. Не безпокойся, говоритъ, самецъ-перепелъ, отецъ ихъ, выкормитъ. Да вотъ постой, прибавилъ онъ, никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ.... ужъ это не гнѣздо-ли? Гнѣздо и есть.

И точно.... въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ лежали четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки—и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ дышатъ.... точно дрожатъ! А ужъ оперились: пуху на нихъ нѣтъ — только хвостики еще очень коротки.—Папа! папа! закричалъ я благимъ матомъ... отзови Трезора! а то онъ ихъ тоже убьетъ!

Отецъ крикнулъ на Трезора, и отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку.... „Смотрите-молъ, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!“ Птенчики по прежнему дышали скоро.

всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу.—Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку? спросилъ я его. — Изволь. Но что ты хочешь съ ней сдѣлать?—Я хочу ее похоронить! — Похоронить?!—Да; возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ; я ей могилочку вырою. — Отецъ удивился.—Чтобъ дѣтки къ ней на могилу ходили? спросилъ онъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ я; а такъ.... мнѣ хочется. —Ей будетъ тутъ хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда. —Отецъ ни слова не промолвилъ; досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку; поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку — и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ. перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. — Скоро мы съ отцомъ пошли дальше; но я все оглядывался.... Крестъ былъ бѣленькій — и далеко виднѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я на небѣ; и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ! И на головѣ у ней маленькій золотой вѣнчикъ; и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала!

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. — Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился.—Однако гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ ихъ увелъ, ихъ отецъ;—и когда, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вылетѣлъ изъ подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ.... И я подумалъ: „Нѣтъ! Пана добрый!“

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ, и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье! Однако, когда я выросъ. я тоже началъ стрѣлять; но настоящимъ охотникомъ никогда не сдѣлался. Вотъ еще, что меня отучило.

Разъ, мы вдвоемъ съ товарищемъ охотились на тетеревовъ. Нашли выводокъ. Матка вскочила, мы выстрѣлили и попали въ нее; но она не упала, а полетѣла дальше, вмѣстѣ съ молодыми тетеревятами. Я было хотѣлъ пойти за ними, но товарищъ сказалъ мнѣ: „Лучше здѣсь присѣсть и подманить ихъ... всѣ сейчасъ здѣсь будутъ“. Товарищъ отлично умѣлъ свистать, какъ свищутъ тетерева. Мы присѣли; онъ сталъ свистать. — И точно: сперва одинъ молодой откликнулся, потомъ другой и вотъ слышимъ мы: сама матка квохчетъ да нѣжно такъ и близко. Я приподнялъ голову и вижу: сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшитъ, спѣшитъ, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце! И тутъ я самому себѣ показался такимъ злодѣемъ!... Вскалъ и захлопалъ въ ладоши. Тетерка тотчасъ же улетѣла—и молодые затихли. Товарищъ разсердился, онъ за сумасшедшаго меня счелъ... „Ты, молъ, испортилъ всю охоту!“

Но мнѣ съ того дня все тяжелѣй и тяжелѣй стало убивать и проливать кровь.

XIV.—Собственная господская контора.

(Отрывокъ изъ неизданнаго романа).

.... Комната, въ которую вошла Глафира Ивановна и въ которой она ежедневно проводила часа два и болѣе, называлась „Собственной Господской Конторой“ — въ отличіе отъ „Главной Вотчинной Конторы“, помѣщавшейся въ отдѣльномъ флигелѣ, подлѣ коннаго двора. — Въ „Собственной Господской Конторѣ“ постоянно засѣдалъ секретарь барыни, Левонъ Ивановъ, или, какъ его назы-

вала Глафира Ивановна, Leon; (его въ молодости выучили французскому языку и онъ довольно свободно на немъ изъяснялся); однако Глафира Ивановна въ конторѣ съ нимъ никогда иначе не говорила, какъ по русски. Кромѣ Левона, каждое утро являлись въ „Собственную Контору"—главный прикащикъ и бурмистръ съ докладами; часто призывался туда дворецкой—изрѣдка самъ управляющій Василій Васильевичъ — и только. — Всѣ же дѣла по имѣнью, всѣ платежи, продажи и покупки — производились въ Вотчинной Конторѣ, которая оттого всегда была набита народомъ:—съ утра до вечера толклись въ ней, стояли и сидѣли разные писцы, земскіе, приходящіе и отходящіе мужики, свои и сосѣдніе, старосты, десятскіе и т. п.—Вотчинная Контора не могла похвастаться ни чистотою, ни благовоніемъ.—Случалось иногда, что свѣчи въ ней горѣли голубымъ огнемъ, какъ бы въ погребѣ или банѣ.—Собственная Контора, напротивъ, отличалась опрятностью: это была большая свѣтлая комната, съ тремя окнами; у одного изъ нихъ помѣщался секретарскій столъ, покрытый зеленымъ сукномъ.

Вдоль стѣнъ тянулись шкафы изъ яневаго дерева; по самой серединѣ, на особо устроенномъ возвышеніи стояло орѣховое бюро; за этимъ бюро, на широкомъ и мягкомъ креслѣ, садилась сама барыня; другое кресло, то же довольно покойное, стояло нѣсколько поодаль и пониже—для Василія Васильевича. Прямо противъ господскаго бюро висѣлъ на стѣнѣ портретъ напудреннаго старика въ лиловомъ французскомъ кафтанѣ съ стразовыми пуговицами, извѣстнаго въ свое время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, отъ котораго она получила свое имѣніе—и котораго она поставила себѣ въ образецъ.

Въ Собственной Конторѣ, къ приходу барыни, собралось три человѣка.—Одинъ изъ нихъ, секретарь Левонъ или Leon; молодой, бѣлокурый человѣкъ, съ томными

глазами и чахоточнымъ цвѣтомъ лица, стоялъ передъ своимъ столомъ и перелистывалъ тетрадь; другой главный приканцикъ, Кинтиліанъ, человѣкъ лѣтъ 50 слишкомъ—съ сѣдыми волосами и черными навислыми бровями, съ лицомъ угрюмымъ и хитрымъ—неподвижно глядѣлъ на полъ, скрестивъ руки на груди.—Третій наконецъ, бурмистръ Навелъ, красивый мущина, съ черной, какъ смоль, бородой, свѣжими щеками, большимъ бѣлымъ лбомъ и веселыми блестящими глазами, развязно прислонился къ двери. Хотя одежда на немъ была не то крестьянская, не то купеческая—хотя онъ носилъ бороду—онъ мужикомъ не былъ. — Глафира Ивановна произвела его въ бурмистры изъ дворовыхъ; подъ его управленіемъ состояло — пока — одно село Введенское — то самое село, въ которомъ жила барыня,—но вліяніе его росло не по-днямъ, а по-часамъ; милости сыпались на него непрестанно;—онъ быстро шелъ въ гору,—къ великой досадѣ Кинтиліана, который самъ, не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, разными происками низвергнулъ своего предшественника, Никифора—и сталъ на его мѣсто.

Три эти человѣка—до самаго появленія Глафиры Ивановны—не разговаривали другъ съ другомъ; только Навелъ спросилъ у Левона, записалъ ли онъ — садовыя работы; Левонъ кивнулъ ему головой. Когда же наконецъ барыня вошла, они всѣ трое выпрямились и низкой поклонились; Кинтиліанъ и Навелъ заложили руки за спину — Левонъ слегка оперся о столъ. — Глафира Ивановна, молча и не спѣша, взошла на возвышеніе, отодвинула слегка кресла, сѣла, оправилась, и принявъ озабоченный видъ, немного помолчала, наконецъ обратившись къ Левону, сдѣлала повелительное движеніе рукою и промолвила: „начинай!“

Левонъ взялъ тетрадь со стола, отвернулъ нѣсколько листовъ, кашлянулъ и началъ тонкимъ, немного гнусливымъ голоскомъ:

„12 Іюля 184—года.—Полевыя и прочія работы.

„Вчерашній день, Іюля 11-го, во вторникъ—день гос-„подскій. — Крестьяне села Введенскаго — всего 134 „тягла — заняты были сѣнокосомъ въ слѣдующихъ дачахъ....“

— Что ты мнѣ это читаешь? рѣзко перебила его барыня.

— Полевыя и прочія работы, какъ изволили приказывать.... Съ нихъ начинать приказано, проговорилъ Левонъ.

— Мнѣ этого не нужно сего дня.—Левонъ опустилъ тетрадь.

— Получены вчера изъ деревень донесенія?

— Получено три — изъ Лисицына, изъ Гагина, изъ Кирилова.

— Читай рапортъ изъ Лисицына.

— Прикажете рапортъ, или экстрактъ?

— Рапортъ. — И Глафира Ивановна загремѣла четками....

Непріятно подѣйствовалъ этотъ звукъ на присутствовавшихъ. — Каждый изъ нихъ зналъ, что когда барыня гремитъ четками—дѣло не ладно:—жди бури.—Лица ихъ вытянулись: даже Павелъ, который все время соколомъ глядѣлъ на свою госпожу—даже онъ попридержалъ свою улыбку.

Левонъ взялъ со стола исписанный листъ бумаги — и началъ опять тѣмъ же тонкимъ голоскомъ:

„Рапортъ Евстигнѣя Семенова, Лисицынскаго старосты.

„Пунктъ 1. Въ имѣніи Ея Высокоблагородія, Глафири „Ивановны Гагиной, Лисицынъ-Кондратовой тожъ — ми-„лостью Божіею обстоитъ все благополучно.

„Пунктъ 2-й —Вчерашняго числа....

Глафира Ивановна опять перебила чтеца. — Не читай мнѣ всего.... Посмотри только, что̀ онъ о насѣкѣ пишетъ....

Левонъ быстро пробѣжалъ глазами весь рапортъ. — Онъ о насѣкѣ не доноситъ-съ, произнесъ онъ наконецъ.

— Прекрасно! воскликнула Глафира Ивановна—и четки загремѣли пуще прежняго.—Хорошъ староста, нечего сказать! Это *ты*, должно быть, его въ старосты поставилъ, продолжала она, обратившись къ Кинтиліану. — (Лисицынскій староста былъ назначенъ еще Никифоромъ, но Кинтиліанъ почелъ за лучшее промолчать).—Сдѣлать ему строжайшій выговоръ съ особеннымъ замѣчаньемъ.

Левонъ наклонился и черкнулъ у себя въ книгѣ слова два карандашемъ.—Наступило молчаніе.

— Прикажете читать дальше? робко спросилъ Левонъ.

Барыня не отвѣчала ему и продолжала гремѣть четками.

— Левонъ поправилъ волосы на лбу и потупился. — Въ комнатѣ все какъ будто замерло.... только и стало слышно въ ней, что жалобное жужжанье залетѣвшей большой синей мухи, тщетно стучавшейся въ стекло. — Достань „Замѣтки Барыни“, промолвила наконецъ Глафира Ивановна — выходя изъ задумчивости. — Прочти мнѣ, что̀ я тебѣ вчера продиктовала.

Левонъ вынулъ изъ ящика своего стола голубую книжку съ надписью на переплетѣ: „Замѣтки Барыни“, — раскрылъ ее и принялся читать:

„Понедѣльникъ, 11-го Іюня.

„Во-первыхъ: — Дворовымъ я желаю сдѣлать другое „распоряженіе; хочу изъ дворовыхъ сдѣлать *колонистовъ*; „а колонисты мои будутъ дѣлать разныя работы, домаш„нія и прочія; построю имъ каменные флигеля; заведу „фабрики, какъ швейныя, такъ и кружевныя,—ткацкую, „бѣлильню—и доведу до того, чтобы Введенскія фабрики „были извѣстны въ Россіи: а не нужныхъ дворовыхъ про-

„дамъ, или отпущу по разнымъ мѣстамъ.—Начальникъ „моихъ колопистовъ, Куприянъ Семеновъ". — Левонъ остановился.

— Какая по этому сдѣлана отмѣтка? — спросила барыня.

„Принято къ соображенію. А на счетъ Куприяна— исполнено".

Барыня помолчала.—Далѣе.

„Во-вторыхъ:—Турка никогда и никуда не отпускать „отъ скота;—но только, чтобы онъ никогда не былъ на„чальникомъ надъ онымъ—а просто назвать его: — Ту„рокъ, и пастухъ.—Отмѣтка: исполнено.

„Въ-третьихъ:—я собрала посмотрѣть моихъ господ„скихъ коровъ.... Фи! фи! — Ну, что это за коровы? „Но почему же и мнѣ не имѣть коровъ, которыя бы да„вали удою три ведра. какъ говорилъ швейцаръ. — Je règlerai tout cela, je règlerai.—Возьму Швейцарца, Тирольца, овцевода, возьму Лифляндку, Нѣмку, Польку.— Ахъ, когда же это случится:—послѣ дождичка въ четвергъ.—Отмѣтка.... отмѣтки нѣтъ.

— Нѣтъ отмѣтки? спросила Глафира Ивановна. — А я тебѣ скажу какая должна быть отмѣтка.—Пиши: и Глафира Ивановна начала диктовать Левону: „Все это „исполнится и непремѣнно исполнится, когда у меня „будетъ настоящій управляющій—а не Василій Васильевичъ—что и говорить! Не такого, не такого мнѣ надо —и только".—Теперь далѣе.

Левонъ поставилъ послѣ „только" — большой восклицательный знакъ, и снова принялся за чтеніе.

„Въ-четвертыхъ: Спросить каждаго дворовато человѣка „слѣдующимъ образомъ: а что ты принесъ доходу въ годъ „—какая была твоя служба — и сколько было на тебя „расходу—а?—И по его отвѣту такъ и поступать, что„бы дворовый человѣкъ приносилъ или пользу или удо-

„вольствіе;—безъ того его не держать.“—Отмѣтка: от-„несено къ пункту первому.

— Какъ къ пункту первому? воскликнула барыня.

— Тамъ—также о дворовыхъ говорится — возразилъ Левонъ.

— Такъ что-жъ, что говорится!—Здѣсь сказано: спросить каждаго дворовaго — а тамъ написано про дворовыхъ вообще. — Спрашивали ли хошь одного дворового, такъ какъ я приказывала?

— Никакъ нѣтъ-съ, пробормоталъ смущенный секретарь.

— А я спрашиваю—почему не спрашивали?

Никто не отвѣчалъ.

Лицо Глафиры Ивановны омрачилось. Долго ли мнѣ мучиться съ вами?—продолжала она. — Долго ли вамъ не слушаться меня!

— Отмѣтки не я составляю-съ,—проговорилъ трепетнымъ голосомъ Левонъ — а вотъ они-съ. — Онъ указалъ на главнаго прикащика и на бурмистра.—Я только записываю.

— Я знаю, что не ты.—Къ пункту первому! Я знаю почему они поставили: къ пункту первому! Я бы тебя напримѣръ спросила, прибавила Глафира Ивановна, внезапно обратившись къ Кинтиліану — что̀ *ты* мнѣ стоишь съ своимъ семействомъ—сколько на *тебя* выходитъ всякаго добра—а какую я отъ тебя пользу вижу? Или удовольствіе? — Ужъ я не говорю о томъ, что ты себѣ тамъ въ карманъ кладешь!

Кинтиліанъ только губы стиснулъ.

— Исполнить мое приказаніе, сегодня же исполнить —и начать съ него, промолвила барыня, указывая на Кинтиліана. — Коли онъ главный прикащикъ, пускай же онъ подастъ примѣръ другимъ.... А теперь продолжай!

„Въ-пятыхъ: Я въ истерическіи пріобрѣтать.... Не за-„быть мнѣ вдѣться и переговорить съ....“ Здѣсь поставлены три крестика, прибавилъ Левонъ, понизивъ нѣсколько голосъ. — „Онъ сдается мнѣ, именно тотъ человѣкъ, котораго я искала. — Здѣсь вы изволили приказать поставить: Ноту-Бене.

— Хорошо, знаю.... продолжай.

„Въ-шестыхъ. — Сказать матерямъ отпущенныхъ по „оброку актрисъ, чтобы онѣ къ нимъ написали и совѣ-„тывали бы имъ въ скорости откупиться; а то-де васъ „вернуть и здѣсь въ работу опредѣлять.—Мы де васъ предваряемъ отъ себя“.—Отмѣтка: „актрснымъ матерямъ сообщено“.

„Въ-седьмыхъ. — Я хочу доказать Василью Василье-„вичу, что и безъ него могу, какъ будто его не было на „свѣтѣ“.—Я сама, сама, сама. — А то все будетъ по-„прежнему. Лучше мое худое пусть — чѣмъ его хорошее: Не надо“.

— Довольно! воскликнула Глафира Ивановна. — Къ чему объ этомъ только говорить—надо дѣйствовать....

И Глафира Ивановна снова погрузилась въ раздумье, изрѣдка только подергивая губами и погромыхивая четками.

— Кинтиліанъ Андреевъ! воскликнула она наконецъ.

Старикъ встрепенулся. — „Сударыня!“—Можешь ты мнѣ сказать, сколько я въ годъ плачу въ Опекунскій Совѣтъ?

— Четырнадцать тысячъ рублей серебромъ слишкомъ, отвѣтилъ, не мѣшкая, Кинтиліанъ.

— А сколько всего долгу?

— Около двухъ сотъ десяти тысячъ.

— Около! слишкомъ! — Что это у тебя за манера отвѣчать? Около! — Развѣ для того я тебя опредѣлила главнымъ прикащикомъ, чтобы ты мнѣ отвѣчалъ: около!

— Прикажете — можно сей часъ въ бумагахъ справиться и точную вѣдомость представить—возразилъ старикъ.

— Этакія важныя вещи должно знать тебѣ на память — а не справляться объ нихъ въ бумагахъ! Это все безпорядки.... Когда я безпорядки эти переведу! — А въ нынѣшнемъ году мы ничего не платили?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А за прошлый годъ все заплачено?

— Никакъ нѣтъ-съ.... За нами недоимка состоитъ.... двѣ тысячи четыреста тридцать рублей съ копѣйками— посмѣлился прибавить Кинтиліанъ.

— Стало быть, мнѣ штрафныя деньги придется платить?

— Должно предполагать-съ.

— А почему же не заплачено въ Опекунскій Совѣтъ? Развѣ денегъ не было?

— Деньги были-съ—да на другіе расходы пошли.

— А на какіе именно?

— На содержаніе господскаго дома, на покупку скота;—Василью Васильевичу извѣстно-съ; они распоряжались-съ.

Глафира Ивановна вспыхнула. — Опять Василій Васильевичъ! Какъ вы мнѣ надоѣли съ вашимъ Васильемъ Васильевичемъ!—Сколько разъ мнѣ приказывать вамъ— не упоминать при мнѣ имени Василья Васильевича! Особенно здѣсь въ собственной моей Конторѣ.—Знать его я не хочу, вашего Василья Васильевича. И Глафира Ивановна встала и нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ.

— Садись и пиши, примолвила она вдругъ, поровнявшись съ секретаремъ.—А вы слушайте.

Левонъ проворно сѣлъ за столъ, схватилъ длинное перо, обмокнулъ самый кончикъ его въ чернила, и склонилъ голову на лѣвый бокъ.

„Планъ Госпожи“.... начала Глафира Ивановна. — Левоново перо заскрипѣло по бумагѣ.—Все имѣніе раздѣлить на четыре части:

„*Первую* назвать вдовьимъ участкомъ или Опридчимъ— и опредѣлить ее на содержаніе Госпожи и дома ея.

„*Вторую* назвать — долговою частью и платить съ нея проценты по долгамъ. — Написалъ? — спросила барыня.

— По долгамъ—повторилъ секретарь.

„*Третью* часть—назвать участкомъ дѣтскимъ и опредѣлить ее на содержаніе Дмитрія Петровича.

„*Четвертую* наконецъ назвать частью агрономическою и экономическою, и доходы съ нея употреблять на разныя хозяйственныя усовершенствованія.

— Усовершенствованія, повторилъ секретарь.

Барыня обратилась къ Кинтиліану и Павлу. — Слышали вы? спросила она.

— Слышали, отвѣчали они въ одинъ голосъ. Секретарь поднялся.

— А теперь подайте бумаги, какія мнѣ подписывать нужно.

Кинтиліанъ направился-было къ окну за сафьяннымъ краснымъ портфелемъ, съ которымъ онъ принесъ изъ Вотчинной Конторы. но Глафира Ивановна остановила его восклицаніемъ: ахъ,—Меморіалъ! Я вѣдь и забыла Меморіалъ!

Кинтиліанъ вернулся на прежнее мѣсто, а барыня достала изъ кармана свою записную книжечку. Да, — кстати — начала она, еще не заглядывая въ нее — я желаю знать, кто у меня въ Бабковѣ при тамошнемъ господскомъ домѣ дворникомъ? Ужь не Никита ли Голанецъ?

— Точно такъ-съ, возразилъ Кинтиліанъ.

— Да не будетъ Никита Голанецъ дворникомъ ни при Бабковскомъ господскомъ домѣ—ни гдѣ. Онъ умеръ.

Бурмистръ, секретарь и прикащикъ — всѣ трое невольно подняли головы.

— Для меня онъ умеръ.—Я замѣтила, что въ какой деревнѣ онъ живетъ, тамъ у меня непремѣнно пожаръ случится.—При немъ въ Лисицынѣ флигель сгорѣлъ.

— Отставить его отъ должности дворника—и отослать въ какую нибудь оброчную деревню.

— Слушаю-съ—отвѣтилъ Кинтиліанъ.

— А теперь посмотримъ Меморіалъ. — Барыня раскрыла записную книжечку, и прочла громко: „Печатка“.—Да! Заказать въ Тулѣ печать съ фигурою, изображающею время и съ надписью: „оправдаетъ“—и слово чтобъ было вырѣзано ясно.—Это я тебѣ поручаю, Павелъ.

— Будетъ исполнено въ точности, весело возразилъ Павелъ.

— Я видѣла, прибавила Глафира Ивановна, привѣтливо взглянувъ на него—ты уже въ саду распорядился: дорожки подчищены—спасибо.

Павелъ низко поклонился.—Радъ стараться, сударыня-матушка—промолвилъ онъ.

— Хорошо, хорошо.

— Теперь второе:—„Овесъ и сѣно“.—Четвертаго дня былъ у меня сосѣдъ Иванъ Еремѣичъ — всего побылъ два часа—и кто его просилъ пріѣзжать?—На лошадей его вышло овса два четверика, четыре гарнца—а сѣна пудъ и двадцать фунтовъ.—Это ужасъ! Спрашиваю, кто этимъ завѣдываетъ?

— Дворецкій—промолвилъ Кинтиліанъ.

— Вотъ ты и совралъ: развѣ это дворецкаго дѣло?—Дворецкій домомъ завѣдываетъ, а не конюшней.

— Овесъ и сѣно выдаетъ начальникъ коннаго двора. поправился прикащикъ.

— Кто такой?

— Шорникъ Инать.

— Такъ ты Инату овесъ и сѣно поручаешь!... Такая важная статья у него на рукахъ! — А ты-то чего глядишь?—Положимъ, ты самъ фуражъ отвѣшивать не можешь—все же ты долженъ знать, сколько чего выходитъ.—Никифоръ бы-этого не сдѣлалъ.—Видно, мнѣ и конный дворъ придется Павлу подъ команду отдать. — Кстати, прибавила барыня, обратившись къ Павлу, въ какую деревню сослали Никифора?

— Въ Валухино.

— Въ Валухино.... Напомни мнѣ о немъ сегодня, Левонъ.

— Теперь третье: „Спросить, почему послали не Аленку, а Ѳедьку?“ — Да; желаю я знать, почему за мамзелью въ Москву послали не Алексѣя, какъ было приказано, а безмозглаго старика Ѳедора?

— Алексѣй оказался нужнымъ въ столярной.

— Когда я что приказываю—должно исполнять, а не разсуждать.—*Ты* отмѣнилъ мое приказаніе?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же?

Кинтиліанъ смутился и не отвѣчалъ.

— Спрашиваю тебя: кто?

Кинтиліанъ разинулъ было ротъ—и запнулся, но взглянулъ на барыню.... Василій Васильевичъ изволили приказать, произнесъ онъ скороговоркой.

— Опять! воскликнула Глафира Ивановна.—Опять Василій Васильевичъ! О, это слишкомъ! Вездѣ, вездѣ этотъ Василій Васильевичъ. Надо это кончить! Это невыносимо!... И Глафира Ивановна сильно позвонила въ колокольчикъ.

Вошелъ Суслikъ.

— Ступай къ Василью Васильевичу и скажи ему, чтобъ онъ сію минуту ко мнѣ пришелъ; да скажи Аграфенѣ, чтобы она мнѣ принесла стаканъ воды.

— Слушаю-съ! воскликнулъ Суслик и исчезъ.

— А вы—продолжала барыня—ступайте теперь всѣ вонъ. — Бумаги я подпишу послѣ. — И Глафира Ивановна снова принялась ходить по комнатѣ.

— И нужно вамъ было, Кинтиліанъ Андреичъ, опять про Василія Васильевича напомнить, право, замѣтилъ, выходя изъ передней, бурмистръ Павелъ прикащику.

— Э! все едино — съ досадой возразилъ старикъ и махнулъ рукой.—Вишь сегодня погодка какая....

— А конѣчки вы ловко подпустили, съ улыбкой промолвилъ бурмистръ.

— Ну, да хороши и вы.... съ вашей печаткой.... и Кинтиліанъ отправился въ Вотчинную Контору.

— А вы куда? спросилъ Павелъ Іевона.

— Я къ себѣ — сосну. Усталъ — смерть. — Павелъ остался одинъ, подумалъ, принялъ суровый, начальническій видъ, и, широко разводя сжатыми руками, пошелъ въ садъ.

Между тѣмъ Суслик прибѣжалъ въ особый флигель, занимаемый Василіемъ Васильевичемъ и, поспѣшно войдя къ нему въ кабинетъ, проговорилъ запыхавшимся голосомъ: пожалуйте къ барынѣ.

Василій Васильевичъ только-что допивалъ третью чашку чаю со сливками. — Выпустивъ струйку табачнаго дыма изо рта, подносилъ онъ налитое блюдечко къ губамъ, какъ вдругъ вошелъ мальчикъ. Онъ тотчасъ поставилъ блюдечко на столъ и, съеживъ брови, съ утомленнымъ видомъ спросилъ Суслика: барыня меня спрашиваетъ?

— Точно такъ-съ. Велѣли сказать-съ, чтобы сію минуту пожаловали.

— Гдѣ она?

— Въ Конторѣ-съ.

Василій Васильевичъ помолчалъ и вдругъ приподнялся.—

— Эй, Юшка! крикнулъ онъ, — одѣваться, сюртукъ и галстукъ! — Человѣкъ подалъ Василью Васильевичу одѣться; онъ причесался передъ зеркаломъ, застегнулъ сюртукъ сперва на правый бортъ, потомъ перестегнулъ его на лѣвый, надѣлъ картузъ и вышелъ на крыльцо.

— Что? спросилъ онъ, не оборачивая головы и вполголоса у сопровождавшаго его Суслика, развѣ тамъ.... что нибудь....

— Да-съ, кажется, значительно отвѣчалъ плутоватый мальчикъ.

— Гнѣвается? — проговорилъ, еще понизивъ голосъ, Василій Васильевичъ.

— Серчаютъ-съ, возразилъ Сусликъ.

— Господи! Господи! прошепталъ Василій Васильевичъ, пощупалъ рукой по груди, вздохнулъ раза два и направился отяжелѣвшими шагами черезъ заднее крыльцо, въ „Собственную Контору“, гдѣ, изрѣдка отпивая по глотку воды изъ стакана, принесеннаго Аграфеной, ожидала его Глафира Ивановна.

1853.

XV.—Обѣдъ въ обществѣ англійскаго литературнаго фонда.

(Письмо къ автору статьи: „О литературномъ фондѣ“. Библ. для Чтенія 1858).

Я только на дняхъ прочелъ вашу статью „О литературномъ фондѣ“, любезнѣйшій А. В. (За границей я не видалъ Библіотеки для Чтенія). Нечего говорить вамъ, съ какимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ я вашу мысль. Въ ожиданіи ея осуществленія, мнѣ приходитъ въ голову разсказать вамъ обѣдъ, данный обществомъ лондонскаго литературнаго фонда, и на которомъ я присутствовалъ въ нынѣшнемъ году.

Лондонскій литературный фондъ обязанъ своимъ существованіемъ, какъ бо́льшая часть общественныхъ учрежденій въ Англіи, — частному лицу. Въ концѣ прошлаго столѣтія, какой-то джентльменъ, имя котораго я, къ сожалѣнію, позабылъ, пожертвовалъ домъ и довольно значительную сумму денегъ на основаніе „фонда“. Англичане не только умѣютъ пускать въ ходъ дѣльныя мысли—они мастера осуществлять ихъ—а главное: они мастера поддерживать разъ начатое дѣло; они не скучливы, упрямы, одарены способностью „выдержки“ и стыдятся *махнуть рукою*, какъ мы грѣшные; фондъ пошелъ въ гору и процвѣтаетъ до нынѣ. Много онъ принесъ пользы, много облегчилъ горя. Поддерживается онъ процентами съ своего капитала и добровольными приношеніями и пожертвованіями любителей литературы, во главѣ которыхъ стоитъ королева. Многія изъ этихъ пожертвованій взносятся ежегодно, въ видѣ постоянной ренты.

Разъ въ годъ, (обыкновенно весной) „фондъ“ даетъ большой обѣдъ подъ предсѣдательствомъ какой нибудь знаменитости. Въ нынѣшнемъ году онъ состоялся подъ предсѣдательствомъ лорда Пальмерстона. Я получилъ приглашеніе на этотъ обѣдъ чрезъ посредство г-на Монктона Мильнса, члена парламента, хорошаго литератора и самаго любезнаго и обязательнаго человѣка въ мірѣ. Въ большой публичной залѣ (Martin's Hall) былъ накрытъ столъ человѣкъ на триста слишкомъ. Гости съѣхались къ 6 часамъ. Тутъ были артисты, литераторы, политическіе люди, ученые, простые джентльмены,—всѣ во фракахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ. Я нашелъ свой билетикъ на приборѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ предсѣдателя, между мѣстами г-на Рива, одного изъ главныхъ критиковъ Эдинбургскаго Обозрѣнія и Теккерея, который, однако, по нездоровью, не пріѣхалъ. Диккенса тоже не было: онъ долгое время былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ участниковъ „фонга“.

даже играль (онъ отличный комикъ) на публичныхъ театральныхъ представленіяхъ въ пользу „фонда“. Но въ прошломъ году разсорился съ комитетомъ, (члены-участники фонда избираютъ ежегодно возобновляющійся комитетъ изъ нѣсколькихъ лицъ, которымъ поручается раздача пособій и т. д.). По его понятіямъ, комитетъ слишкомъ много тратитъ денегъ на содержаніе секретаря, администрацію и т. п. Комитетъ возразилъ ему брошюрой (по англійски: памфлетомъ), въ которой онъ старался опровергнуть доводы знаменитаго романиста; экземпляры этого памфлета раздавались, по окончаніи обѣда, желающимъ; свой экземпляръ я, къ сожалѣнію, оставилъ за границей. Въ немъ, сверхъ возраженій Диккенсу, находился краткій очеркъ исторіи „фонда“ съ его основанія и отчетъ за прошлый (1857) годъ. Если не ошибаюсь, сумма розданныхъ пособій значительно превышала 1000 фунтовъ стерлинговъ.

Лордъ Пальмерстонъ не заставилъ долго ждать себя. Его встрѣтили очень радушно и почтительно. Я съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого человѣка, имя котораго стало до того извѣстнымъ въ Россіи, по милости послѣдней войны, что, помнится, однажды, въ самой глуши Полѣсья, мужикъ спросилъ меня: „Живъ ли Палмистронъ?“ Фигура у него аристократически-изящная, манеры человѣка, привыкшаго властвовать, и породистаго, — чего нѣтъ, напримѣръ, у Дизраели, который смотритъ фатомъ и артистомъ. Пальмерстонъ происходитъ, какъ извѣстно, отъ старинной фамиліи Темиловъ. Онъ держится прямо, ходитъ легко, лице имѣетъ бѣлое и не очень измятое, съ тонкими чертами,—только въ глазахъ замѣтна, при хитрости, какая-то старческая неподвижность; много равнодушной надменности и упрямства выражаютъ его сжатыя губы и опустившіяся щеки: почти голый черепъ не великъ и совершенно лишенъ органа идеальности, т. е..

говоря не френологически, лобъ очень покатъ; уши велики. Когда онъ смѣется, все лице его оживляется и принимаетъ веселое выраженіе, что рѣдко у Англичанъ; по словамъ людей, коротко его знающихъ, онъ очень любезный собесѣдникъ. Не безъ нѣкоторой торжественности опустился онъ на предсѣдательское кресло; по лѣвую его руку помѣстился г. фан-де-Вейеръ, бельгійскій посланникъ, маленькій человѣчекъ съ умными глазками и острымъ носомъ, постоянный вкладчикъ въ литературный фондъ, лице очень популярное въ литературномъ англійскомъ мірѣ; а по правую руку Пальмерстона, на самомъ, слѣдовательно, почетномъ мѣстѣ, сѣлъ какой-то маркизъ съ идіотическимъ выраженіемъ лица,—наслѣдникъ громаднаго имѣнія герцоговъ Бриджватерскихъ: другаго права на почетъ онъ не имѣлъ никакого,—но и этого права слишкомъ достаточно въ свободной, но уважающей всякую силу, а стало быть и силу денегъ—Англіи. Начался обѣдъ довольно плохой, какъ всѣ вообще публичные обѣды. Вмѣстѣ съ жаркимъ появилось шампанское, и стоявшій за кресломъ Пальмерстона „тостмастеръ“ провозгласилъ здоровье королевы. Всѣ поднялись и раздалось девять оглушительныхъ „ура“ —three times three—три раза по три. Тостмастеръ кричалъ первый и подавалъ знакъ свиткомъ, въ родѣ жезла, который держалъ въ рукѣ. Не всякій можетъ быть тостмастеромъ; для этого нужно имѣть представительную наружность и сильный голосъ. Хорошему тостмастеру платятъ довольно дорого. Здоровье королевы пили съ большимъ одушевленіемъ; она чрезвычайно любима своими подданными; да и притомъ, какъ замѣтилъ мнѣ одинъ мой англійскій пріятель, каждый Англичанинъ, который пьетъ за здоровье королевы, тѣмъ самымъ и въ то же время пьетъ за собственное здоровье,—какъ тутъ не воодушевиться? Клики, сопровождаемые стукотней ножами по столу, утихли и тотчасъ возобновились: Пальмерстонъ поднялся

и началъ свой „спичъ“. Вы знаете, что онъ, не задолго предъ тѣмъ, принужденъ былъ, за излишнюю угодливость сосѣднему правительству,—подать въ отставку; популярность его сильно пострадала, но все же не остыли „слѣды стариннаго пламени“ — veteris vestigia flammae. Рѣчь его не принадлежала къ числу блестящихъ: онъ говорилъ о значеніи литературы, сравнивалъ судьбу писателя съ судьбой художника, живописца, ваятеля; сказалъ нѣсколько словъ о расположеніи королевы Викторіи къ литературѣ—раздались одобрительныя восклицанія—„cheers“,—съ похвалами отозвался о принцѣ Альбертѣ, „съ которымъ, по его словамъ, нельзя поговорить, не обогатившись новой идеей“;—всѣ промолчали; извѣстно, что супругъ королевы не пользуется особенной любовью Англичанъ. Меня болѣе всего занимала дикція Пальмерстона. Онъ говорилъ довольно медленно, какъ будто запинаясь, искалъ словъ, въ промежуткахъ ихъ произносилъ и растягивалъ букву *a*.... *a*..., помогалъ себѣ движеніями правой руки и всегда находилъ красивое и точное окончаніе фразы. Онъ, видимо, импровизировалъ свою рѣчь. Эта неловкость, эта постоянно возвращающаяся буква: *a*, эти запинки составляютъ отличительную черту англійской рѣчи; люди подобные Пальмерстону, тысячу разъ говорившіе публично, на митингахъ, въ палатѣ, на обѣдахъ, до конца дней своихъ не освобождаются отъ нея; мнѣ сказывали Англичане, что Фоксъ, Питтъ и Шериданъ такъ говорили, даже блестящій Дизраели говоритъ такъ; и, странное дѣло! — эта черта становится понятна, почти пріятна вамъ, какъ только вы свыкнетесь съ Англичанами, съ ихъ характеромъ; она придаетъ ихъ рѣчи какую-то естественность, что-то добродушное и неподготовленное, лишаетъ ее всякаго оттѣнка фразы. Голосъ Пальмерстона немного глухъ, какъ у старика, но все еще силенъ и внятенъ. (Замѣчу кстати, что этотъ

75-ти лѣтній старикъ былъ за четверыхъ и въ нынѣшнемъ же году, верхомъ, съѣздилъ на Дербн, знаменитое мѣсто скачки, отстоящее верстъ 35 отъ Лондона). Пальмерстонъ сѣлъ на свое мѣсто посреди грома рукоплесканій. Извѣстный геологъ Мурчисонъ, высокій и плотный господинъ съ внушительной наружностью, предложилъ тостъ въ честь Пальмерстона и произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ его заслуги самыми яркими красками и кончилъ тѣмъ, что назвалъ его образцомъ истиннаго Британца. Пальмерстонъ поблагодарилъ его и замѣтилъ, что Мурчисону, какъ геологу, занимающемуся возвышеніями и упадками земной поверхности, очень легко дѣлать оцѣнку политическихъ людей, въ судьбѣ которыхъ тоже есть возвышенія и упадки.... Всѣ засмѣялись этой добродушной ироніи отставнаго министра надъ самимъ собою, и Пальмерстонъ самъ больше всѣхъ разсмѣялся. Потомъ господинъ фан-де-Вейеръ произнесъ отличнымъ англійскимъ языкомъ небольшую рѣчь и кончилъ провозглашеніемъ тоста въ честь англійской литературы—и доктора Кризи.—Кто этотъ докторъ Кризи? спросите вы. Дѣло въ томъ, что предполагалось пить за здоровье Теккерея, и Теккерей, какъ я узналъ послѣ, приготовилъ было рѣчь, которую онъ, съ свойственнымъ ему тщеславіемъ, (авторъ Ярмарки Тщеславія—увы!—самъ весь зараженъ осмѣяннымъ имъ порокомъ), называлъ превосходной, — но Теккерей заболѣлъ передъ самымъ обѣдомъ; въ попыхахъ не нашли никого другаго, какъ именно этого доктора Кризи, который только тѣмъ и прославился, что написалъ небольшую книжку о самыхъ замѣчательныхъ сраженіяхъ, начиная съ Марафона. Забавно было видѣть маленькаго фан-де-Вейера, съ помощью лориста отыскивавшаго у себя на бумажкѣ имя того ученаго мужа, котораго заслуги онъ только что расхвалилъ съ жаромъ, но имя котораго разобралъ съ трудомъ. Докторъ Кризи отбарабанилъ свой спичъ безъ за-

нники, безъ буквы: *а*, не хуже любаго Француза, напыщенно, цвѣтисто и велерѣчиво. Я долженъ признаться, что мнѣ рѣшительно не понравилась эта манера, да и прочіе слушатели остались холодны. Потомъ добрѣйшій Монктонъ Мильнесъ провозгласилъ тостъ въ честь литературы другихъ націй и г-на Мериме, извѣстнаго французскаго писателя, который тоже находился въ числѣ приглашенныхъ на обѣдъ. У Мериме чрезвычайно тонкое и умное, постоянно неизмѣнное лицо; онъ слыветъ за эпикурейца и скептика, котораго рѣшительно ничтò взволновать не можетъ, который ни во что не вѣритъ и съ вѣжливой, чуть-чуть презрительной недовѣрчивостью, взираетъ на всякое изъявленіе энтузіазма. Онъ сенаторъ и пользуется расположеніемъ Французскаго двора. Однако этотъ скептикъ побѣдѣлъ, когда пришлось ему отвѣчать небольшимъ заученымъ спичемъ на любезныя слова Мильнса, — (Мериме плохо знаетъ по англійски), и голосъ его дрожалъ и прервался раза два; видно, самолюбіе и въ немъ волноваться можетъ, и даже сенатору не хочется осрамиться передъ многочисленнымъ собраніемъ независимыхъ людей. Потомъ секретарь „Фонда“ прочелъ отчетъ дѣйствій комитета за прошлый годъ, и провозгласилъ поступившія пожертвованія; списокъ ихъ былъ очень длиненъ; имена нѣкоторыхъ жертвователей по значительности вкладовъ, или потому, что принадлежали популярнымъ лицамъ, встрѣчались громкими рукоплесканіями. Я замѣтилъ, что идіотическій маркизъ, потомокъ герцоговъ Бриджватерскихъ, пожертвовалъ всего 5 фунтовъ стерл., стало быть, и тутъ онъ оказался плохъ: даже щедростью не походилъ онъ на Мецената,—а сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, подлѣ Пальмерстона! Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что англійскіе меценаты не таковы: у насъ на Руси скорѣе можно найти личности, представляющія забавное, неправ-

донодобное и тѣмъ не менѣе дѣйствительно существующее сліяніе Мецената, Чичикова и Гарпагона.

Такъ кончился этотъ обѣдъ; и я ушелъ оттуда съ тѣмъ чувствомъ, которое не покидало меня въ Англіи, всякій разъ, какъ мнѣ случалось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ какимъ нибудь выраженіемъ ея общественной жизни. Да, говорилъ я самому себѣ,—и тутъ, какъ и вездѣ, гдѣ проложилъ этотъ, исполненный недостатковъ, но великій народъ, слѣдъ своего львинаго когтя — и тутъ сила, прочность, дѣльность! Чувство, что хорошее, полезное дѣло, совершающееся передъ нашими глазами въ то же время обезпечено, что ему не позволятъ разрушиться, изсякнуть, что его поддержатъ, что ему дадутъ разрости и принести всѣ свои плоды — отрадное чувство. Дай Богъ, чтобы и у насъ затѣянное вами предпріятіе также принялось, также преуспѣвало, какъ Лондонскій литературный фондъ! Пусть литераторы, журналисты, всѣ люди, которымъ дорога русская словесность, русская образованность, которые чувствуютъ ея пользу и важность—соединятся для добраго дѣла, и оно пойдетъ на ладъ—съ Меценатами и безъ Меценатовъ!

С. Спасское.
30 Октября 1858.

XVI.—Замѣтка.

Не могу не подѣлиться съ читателями „Спб. Вѣдомостей“ тѣмъ отраднымъ впечатлѣніемъ, которое произвело на меня новое проявленіе русскаго искусства. Я говорю о статуѣ г. Антокольскаго, представляющей Ивана Грознаго. Мнѣ довелось увидѣть ее почти въ самый день моего возвращенія въ Россію. Слухи о ней начали ходить

въ публикѣ съ конца прошлаго года, но только весьма недавно небольшая мастерская молодаго ваятеля въ Академіи Художествъ стала наполняться посѣтителями, желающими полюбоваться „новинкой“. И стòитъ ею любоваться, стòитъ радоваться ей. По силѣ замысла, по мастерству и красотѣ исполненія, по глубокому проникновенію въ историческое значеніе и самую душу лица, избраннаго художникомъ,—статуя эта рѣшительно превосходитъ все, что̀ являлось у насъ до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Царь Иванъ представленъ сидящимъ на богатомъ старинномъ креслѣ; на головѣ его скуфья; разстегнутый у ворота халатъ, въ видѣ подрясника, охваченъ простымъ поясомъ; тяжелая шуба въ широкихъ складкахъ падаетъ кругомъ; на колѣняхъ у него лежитъ, какъ-бы скользя съ нихъ, раскрытое Евангеліе; извѣстный, остроконечный посохъ воткнутъ въ землю подлѣ него. Тяжкое раздумье овладѣло имъ: онъ видимо — одинъ, положимъ, гдѣ-нибудь въ отдаленномъ покоѣ дворца въ Александровской слободѣ. Онъ понурилъ голову, сдвинулъ брови, сжалъ губы—внизъ и въ бокъ устремилъ глаза. Одной рукой онъ опершя о ручку кресла, какъ-бы собираясь встать, другая лежитъ безсильно, обвитая четками, съ подвернутыми пальцами. Въ наклоненномъ положеніи стана, въ неровномъ рисункѣ плечей, въ каждой чертѣ типически-вѣрнаго, изможденнаго и все-таки величаваго лица, въ каждой подробности всей фигуры — такъ, кажется, и читаешь всѣ ощущенія, всѣ чувства, мысли, которые смутно, и сильно, и горестно задвигались въ этой усталой душѣ. Тутъ и страхъ смерти, и раздраженіе больнаго человѣка, избалованнаго беззавѣтной властью, и раскаяніе, и сознаніе грѣха, и застарѣлая злоба, и желчь, и подозрительность, и жестокость, и вѣчное исканіе измѣны.... Онъ собирается встать, этотъ старый, злой, больной человѣкъ, который въ одно и то же время и русскій—и царь; царь

съ ногъ до головы—не хуже царя Лира. И что онъ станетъ дѣлать, какъ встанетъ? Пытать? Молиться? или пытать и молиться? Не нужно быть особенно чуткимъ человѣкомъ, чтобъ понять, что хотѣлъ сказать художникъ. То, что онъ задумалъ изобразить—дѣло сложное, какъ вообще все человѣчески-живое; но выполнилъ онъ свою задачу съ такою очевидной ясностью, съ такою увѣренностью мастера, что не вызываетъ въ зрителѣ ни малѣйшаго колебанія: а впечатлѣніе такъ глубоко, что отдѣлаться отъ него невозможно; невозможно представить себѣ Грознаго иначе, чѣмъ какимъ его подстерегла творческая фантазія г. Антокольскаго. По искренней правдѣ, гармоніи и несомнѣнности впечатлѣнія, его произведеніе напоминаетъ древнихъ, хотя съ другой стороны, оно всей сущностью своей принадлежитъ къ новѣйшей, характерно-психологической, живописно-исторической школѣ ваянія. Особенно поразительно въ этой статуѣ счастливое сочетаніе домашняго, вседневнаго и трагическаго, значительнаго....И съ какимъ вѣрнымъ тактомъ все это проведено! Укажу хоть на скуфью, которую, говорятъ, многіе критики изъ традиціонныхъ классиковъ желали-бы видѣть устраненной, и которую неподдающееся чутье художника, къ счастью, удержало. Какимъ образомъ возвысился онъ до такого яснаго пониманія своей задачи—я, судя по прошедшему, не могу дать себѣ хорошенько отчета; но фактъ—передъ глазами, и по неволѣ приходится воскликнуть: „Spiritus fiat ubi vult.“

Я въ состояніи сообщить нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній о художникѣ, такъ блистательно начавшемъ свою карьеру. Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій родился въ 1842 году въ городѣ Вильно. Родители его содержали трактиръ, и до 13-лѣтняго возраста маленькій Маркъ имъ помогалъ по хозяйству. Но страсть къ рисованію въ немъ уже тогда развилась до того, что посѣтители трактира

начали обращать вниманіе родителей на ихъ сына. Они отдали мальчика въ ученіе къ позументщику; Марку это занятіе не пришлось по вкусу—и родители рѣшились сдѣлать его рѣзщикомъ. У новаго хозяина Маркъ, заваленный дневной работой, по ночамъ долженъ былъ прятаться на чердакѣ, чтобъ предаваться тамъ на свободѣ своему любимому занятію—рисованію. Натерпѣвшись горя до 17-ти лѣтъ, онъ не выдержалъ болѣе этой жизни—и убѣжалъ отъ хозяина. Рѣзщицкой работой онъ добывалъ себѣ средства къ пропитанію. На 22-мъ году отъ роду онъ сдѣлалъ „Головы Христа и Божьей Матери“ изъ дерева; профессоръ Пименовъ замѣтилъ это произведеніе и Антокольскій рѣшился поступить въ Академію вольнослушающимъ. Въ 1864 году онъ сдѣлалъ „Еврея-портнаго“ изъ дерева, за что̀ получилъ серебряную медаль. Въ 1865 году сдѣлалъ „Скупаго“ изъ кости, за что снова получилъ медаль и стипендію отъ Государя Императора. Газеты начали хорошо отзываться о немъ. Первымъ, вполнѣ серьезнымъ произведеніемъ г. Антокольскаго была группа: „Христосъ и Іуда“; потомъ, въ 1868 году—онъ изобразилъ „Нападеніе инквизиторовъ на евреевъ“. Это произведеніе, въ которомъ г. Антокольскій попытался представить не одинъ фигуры, но и обстановку ихъ—возбудило протестъ со стороны художниковъ и любителей, которые находили, что въ немъ онъ переступилъ границы ваянія. Продолжать работать послѣ 1868 года въ Академіи стало ему невозможнымъ, такъ какъ классныя занятія онъ кончилъ, а конкуррировать вольнослушающимъ не дозволяется. Г. Антокольскій поѣхалъ въ Берлинъ, но скоро оттуда возвратился, и въ 1870 году принялся за „Ивана Грознаго.“

Нѣсколько дней тому назадъ совѣтъ Академіи произвелъ его въ академики—и, какъ слышно, онъ получилъ заказъ на исполненіе своей статуи изъ бронзы. Смѣю

думать, что было-бы желательно видѣть ее исполненною изъ мрамора, такъ какъ мраморъ гораздо способнѣе передать всю тонкость психологическихъ чертъ и деталей, которыми изобилуетъ произведеніе г. Антокольскаго. Замѣчу кстати, что подходящая къ тому же роду скульптуры извѣстная, тоже сидящая, фигура Вольтера въ Парижѣ, работы знаменитаго Гудона (Houdon)—тоже изъ мрамора.

Къ сожалѣнію, здоровье г. Антокольскаго далеко не удовлетворительно; врачи посылаютъ его въ Италію, и должно желать, чтобъ какъ можно скорѣе попали ему въ руки тѣ средства, которыхъ у него нѣтъ, и безъ которыхъ поѣздка въ чужіе края немыслима. Было-бы грустно думать, что скорое осуществленіе подобнаго желанія можетъ встрѣтить какія-либо препятствія.

С.-Петербургъ, 18-го февраля 1871.

(*„С.-Петербургскія Вѣдомости“, 19 февраля 1871 года, № 50*).

II.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ и РѢЧИ.

I.—Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ. С.-Петербургъ, въ тип. III Отдѣл. Собствен. Е. И. В. Канцеляріи, 1836 года *).

Какое неизъяснимо-величественное явленіе представляетъ намъ Исторія **) Христіанства! „Двѣнадцать бѣдныхъ рыбаковъ, не ученыхъ, но сильныхъ вѣрою въ Спасителя, проповѣдываютъ Слово Божіе—и царства, народы покоряются всемогущему призванію, съ радостью принимаютъ Святое Евангеліе, и черезъ три столѣтія послѣ того мгновенія, когда совершилось великое дѣло Искупленія, уже по лицу почти всей тогда извѣстной земли воздвигаютъ-

---

*) Это *первое* печатное произведеніе И. С. Тургенева, написанное имъ на 18-мъ году его жизни, еще на студенческой скамьѣ, напечатано было въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1836-й годъ, ч. одиннадцатая,—но до сихъ поръ не входившее въ собраніе сочиненій знаменитаго писателя. — „Путешествіе по святымъ мѣстамъ“, о которомъ онъ пишетъ въ своемъ критическомъ отзывѣ, принадлежитъ Андрею Николаевичу Муравьеву (1807—1874 г.) извѣстному нашему благочестивому путешественнику и духовному писателю. *Издат.*

**) При перепечаткѣ этой статьи соблюдаемъ правописаніе подлинника. *Издат.*

ся алтари истинному Богу, падаютъ алтари ложныхъ боговъ... Не то ли же самое явленіе представляется намъ въ Исторіи Руси въ концѣ X вѣка? Цѣлый народъ, слѣдуя примѣру своего Князя, толпами стремится принять Святое Крещеніе, покидаетъ своихъ идоловъ, преданія своихъ отцевъ и съ готовностью принимаетъ новую, дотолѣ ему неизвѣстную Религію. И этому причиною было могущество Истины, непреодолимая сила Вѣры на простыя, неиспорченныя души... „Будьте какъ дѣти“ — сказалъ Спаситель,—и какъ дѣти, послушныя зову отца, народъ Русскій послѣдовалъ Князю своему на берега Днѣпра, гдѣ Святая Вѣра приняла ихъ въ свои объятія. И съ тѣхъ поръ укоренилось благочестіе въ Русскомъ народѣ, и вмѣстѣ съ нимъ—та преданность и вѣрность своему Государю, то непоколебимое мужество противъ враговъ православной Отчизны, которыя возвели Россію на столь высокую степень могущества и славы.

Религія, въ теченіе XI вѣка, соединила узами Вѣры разноплеменные народы одного Славянскаго корня. Но духъ феодализма, духъ дѣленія земель, господствовавшій тогда по всей Европѣ и принесенный Нордманнами въ Россію, не далъ великому Русскому народу соединиться въ одно могущественное Государство; судьбы Божіи совершились: Россія подпала игу народа чуждаго. Наступило время испытанія, ниспосланнаго на нее Богомъ—время владычества Монголовъ. Тогда наше Духовенство одно поддерживало самобытность Россіи; оно одно не преклоняло главы предъ чужеземнымъ игомъ; имъ одушевленные, умирали Князья, гибнулъ народъ за Православную Вѣру, за свободу Отчизны—и наконецъ, послѣ долгаго и упорнаго боренія, сокрушилъ свои узы. Но и въ послѣдствіи Духовенство принесло Россіи великія услуги: въ смутное время Самозванцевъ вторично спасли наше Отечество мужи, подобные Гермогену, Діонисію, Авраамію Палицыну.

Словомъ, наше Духовенство будетъ всегда имѣть неоспоримое, священное право на признательность и уваженіе потомковъ.

Между тѣмъ не забудемъ и того, что едва Русь получила отъ Грековъ священный даръ—Вѣру Христову, какъ уже въ нѣдрахъ ея явились люди, исполненные любовію къ Богу и ревностью къ Церкви, которые сами стремились передать ее другимъ народамъ, еще объятымъ мракомъ язычества. Жертвуя своею жизнью для распространенія ученія Христова, преодолѣвая тысячу опасностей, неустрашимые отшельники удалялись на берега Ледовитаго Моря, въ болота Финскія, въ степи Приволжскія; основывали пустыни на островахъ необитаемыхъ, среди лѣсовъ непроходимыхъ, гдѣ жили трудами рукъ своихъ. Они не ограничивались святой, уединенной жизнью; сильные своей вѣрой, они разрушали капища, истребляли идолы, и простымъ, диким жителямъ тѣхъ странъ отдаленныхъ проповѣдывали на ихъ языкѣ Евангеліе, и примѣръ этихъ новыхъ Апостоловъ, ихъ слова—увлекали многихъ... То же явленіе внутри Россіи, около Кіева, Новагорода, Владиміра, Москвы. Спасаясь отъ ужасовъ междоусобій, отъ ига Монголовъ, люди, проникнутые живой любовью къ Богу, оставляли все житейское и удалялись въ лѣса, въ пещеры; не смотря на ихъ старанье, они не могли укрыть святой жизни отъ любопытства, благочестія другихъ. Къ нимъ начинали стекаться ученики, готовые во всемъ слѣдовать примѣру наставника, и монастыри стали возникать по всей Россіи. Какъ должны быть для насъ любопытны эти обители, единственные памятники, оставшіеся намъ отъ временъ давно минувшихъ, свидѣтели столькихъ войнъ, столькихъ кровавыхъ междоусобій, съ ихъ старинным зодчествомъ и живописью, съ преданіями объ ихъ святыхъ основателяхъ! Все это, и уединенная жизнь Монаховъ, и эта непоколебимость среди бурь и волненія, какъ будто

самое время охраняло эти святыни—все это должно наполнить душу Русскаго умиленіемъ. Не забудемъ и того, что въ монастыряхъ мы нашли *Лѣтописи*, сокровища нашей Исторіи; что единственно симъ мирнымъ отшельникамъ мы обязаны тѣмъ, что Древняя Русь, съ славою ея Князей, ея битвъ, ея народовъ, не погибла для насъ. Такимъ образомъ мы должны сознаться, что монастыри должны быть предметомъ всего нашего уваженія и вниманія.

Между тѣмъ доселѣ многіе монастыри остаются въ забвеніи; извѣстные жителямъ одной части Россіи вовсе неизвѣстны жителямъ другой; иные, посѣщаемые только усердными богомольцами, ускользаютъ отъ вниманія не только свѣтскихъ людей, но даже и Ученыхъ. Такое равнодушіе къ симъ святымъ мѣстами равно противно и духу Вѣры, и патріотизму, и самой пользѣ Науки. Съ какимъ же удовольствіемъ видимъ теперь Писателя, одареннаго истиннымъ талантомъ и согрѣтаго любовію къ святынѣ Вѣры и къ Отечеству, который посвящаетъ свое перо описанію предметовъ столь драгоцѣнныхъ сердцу Христіанина и Русскаго. Еще прежде (въ 1830 году) посѣтилъ онъ древній Іерусалимъ, и въ изящномъ разсказѣ передалъ намъ впечатлѣнія, которыя почувствовалъ при видѣ сей земли, гдѣ долгое время жилъ народъ избранный, гдѣ благоволилъ явиться Богъ во плоти человѣка, гдѣ Онъ страдалъ за насъ! Тамъ всякій шагъ ознаменованъ великими воспоминаніями. Іерусалимъ, Гробъ Спасителя, былъ также предметомъ великой, 300-лѣтней борьбы Европы съ Азіею. Для насъ, какъ Христіанъ, важны такія воспоминанія; но какъ Русскіе, мы съ невольнымъ умиленіемъ внимаемъ разсказамъ о святой жизни нашихъ отшельниковъ и описанію нашихъ Обителей, ознаменованныхъ подвигами доблестей духовныхъ и гражданскихъ предъ лицемъ Бога и Отечества.

Изъ многочисленныхъ монастырей нашихъ, Троицкая Сергіева Лавра болѣе всѣхъ заслуживаетъ быть предметомъ вниманія Русскаго. Если она по древности далеко уступаетъ Кіево-Печерской Лаврѣ, соборамъ Кіевософійскому, Новогородскому, Ростовскому, даже нѣкоторымъ церквамъ Московскимъ, за то богата историческими воспоминаніями. Видъ ея старыхъ стѣнъ переноситъ насъ въ то бѣдственное время, когда необузданныя полчища враговъ, возбужденныхъ жаждой добычи, болѣе года осаждали Троицу, и, послѣ многократныхъ приступовъ, со стыдомъ, съ тяжкой потерей отступили отъ стѣнъ ея! Эта обитель была первою цѣлію путешествія Автора въ прошломъ 1835 году.

„Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ раздѣляется на четыре отдѣленія: *Троицкая Лавра*, *Ростовъ*, *Новый Іерусалимъ* и *Валаамъ*, мѣста, въ разное время посѣщенныя Авторомъ. Онъ говоритъ намъ о наружности храмовъ, объ ихъ Исторіи, древностяхъ, и мы считаемъ пріятнѣйшею обязанностію предъ нашими Читателями сколько можно ближе ознакомить ихъ съ содержаніемъ сего описанія. Начнемъ съ Троицкой Лавры:

Изложеніемъ своихъ чувствованій, при видѣ этой древней обители, въ тихую лѣтнюю ночь, при свѣтѣ луны, озарявшей златые куполы церквей, начинаетъ Авторъ свой разсказъ. Онъ переходитъ потомъ къ описанію Успенскаго собора; останавливается передъ гробами трехъ славныхъ мужей: Іосафа Скрынницына, Св. Сераѳіона, Архимандрита Діонисія. Великіе подвиги, святая жизнь Сергія заставляютъ благоговѣть каждаго передъ той ракой, гдѣ почиваютъ нетлѣнныя мощи его, куда притекаютъ: „поклонники отъ всѣхъ концевъ Россіи; одни богатые благами земли; другіе только своею вѣрою и странническимъ посохомъ“. Небольшой сей соборъ весь украшенъ благочестіемъ Царей, и признательностію людей, исцѣленныхъ

предстательствомъ Чудотворца. Ѳеодоръ Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный, Борисъ Годуновъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Императрица Анна, —всѣ ревностно старались украшать храмъ, содержащій въ себѣ эту святыню. Но выше всѣхъ драгоцѣнностей двѣ древнія гробовыя доски съ двумя на нихъ образами Преподобнаго, изъ коихъ одинъ написанъ Царемъ Ѳеодоромъ; другой, который поменьше, сопутствовалъ во всѣхъ походахъ Государямъ Алексію Михаиловичу и Петру Великому и носился передъ рядами Русскихъ ополченій въ 1812 году, въ знаменіе предстательства Святаго Угодника за православное его Отечество.

Отъ описанія собора Авторъ переходитъ къ Исторіи Лавры. Съ умиленіемъ читаешь страницы, гдѣ онъ описываетъ отшельническую жизнь Сергія. Вотъ онъ благословляетъ Димитрія на великое дѣло избавленія отчизны; вотъ къ нему собираются ученики, которые въ послѣдствіи, по велѣнію Сергія, становятся основателями обителей; монастыри: *Андроньевскій, Голутвинскій, Высоцкій* получаютъ отъ него своихъ первыхъ Игуменовъ. *Пафнутій* Боровскій, Св. *Іосифъ* Волоколамскій, „сія духовная отрасль“—говоря словами Автора—„постепенно происходитъ отъ Св. Сергія, каждому поколѣнію даруя великаго мужа. Но всѣхъ роскошнѣе пустила вѣтви Симонова Обитель, основанная *Ѳеодоромъ*, племянникомъ Сергія“. Изъ нея вышелъ Св. *Кириллъ* Бѣлозерскій, Апостолъ Сѣвернаго Края, учитель *Саватія*, основателя Соловецкой Обители. Такъ распространялось благочестіе, умножались монастыри, и центромъ этого круга была Святая Лавра.

И вотъ Лавра уже становится поприщемъ событій историческихъ. Въ соборѣ ея, Великій Князь Василій Темный, въ 1446 году сдѣлался жертвой измѣны, схваченъ Княземъ Іоанномъ Можайскимъ, сообщникомъ враговъ его, *Ше-*

мяки и *Косаго*. Супруга Іоанна III, бездѣтная Царица Софія, теплыми молитвами къ Угоднику получаетъ сына, крещеннаго надъ его ракой—Василія. Въ свою очередь Василій, часто прибѣгая къ Угоднику, передъ смертію обрадованъ рожденіемъ Іоанна, который, будучи съ колыбели посвященъ ему, предъ своимъ походомъ въ Казань прибѣгаетъ къ его предстательству; въ Казани и въ Свіяжскѣ, гдѣ плѣнные Черемисы видѣли самаго святаго старца, сооружаетъ въ его имя монастыри, и по возвращеніи закладываетъ въ Троицкой Лаврѣ церковь Сошествія Святаго Духа. Вспомнимъ и то, что и во время гоненій и опалъ, грозный Іоаннъ всегда сохранялъ уваженіе къ сей обители и ставилъ ее въ примѣръ прочимъ монастырямъ (см. Письмо Іоанна къ Игумену Кирилловской Обители, стр. 19 *). Въ стѣнахъ же Троицкой Лавры въ мирѣ и тишинѣ проводилъ послѣдніе годы своей страдальческой жизни знаменитый *Максимъ Грекъ*, посвятившій жизнь свою для пользы Церкви и просвѣщенія.

Троицкую Сергіеву Лавру посѣщали два Патріарха: *Іеремія*, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, и *Ѳеофанъ*, спустя 30 лѣтъ, въ царствованіе Алексія Михайловича. Но между сими двумя посѣщеніями Лавра претерпѣла достопамятную осаду (она продолжалась 16 мѣсяцевъ). Всякій Русскій знаетъ подробности этой славной для насъ осады; по сей причинѣ авторъ только упоминаетъ о ней; но за то онъ приводитъ грамоту Воеводъ и Архимандрита въ отвѣтъ на предложенія Лисовскаго и Сапѣги и отрывокъ изъ житія Архимандрита Діонисія, гдѣ описаны невѣроятныя жестокости Поляковъ противъ жителей столицы, число умиравшихъ отъ ранъ, приносимыхъ въ Лавру, и помощь, которую Иноки подавали симъ несча-

---

*) Здѣсь Тургеневъ разумѣетъ посланіе Царя Іоанна Васильевича игумену Кириллобѣлозерскаго монастыря Козмѣ около 1578 года. Напечат. въ Историч. Актахъ Археограф. Коммис. т. 1.—Примѣч. *изд.*

стнымъ страдальцамъ. Отвѣтная грамота разительна своей силой; она преисполнена вѣрности къ Царю, несчастному Василію Шуйскому *).

Подивиться такимъ подвигамъ благочестія и мужества пришелъ изъ Іерусалима Святитель Ѳеофанъ. Авторъ выписалъ разсказъ о посѣщеніи Ѳеофана изъ того же житія Діонисія. Невольно умиляешься при чтеніи этихъ страницъ, какъ плакалъ и молился престарѣлый Ѳеофанъ передъ ракой Св. Сергія; какъ разспрашивалъ у Иноковъ подробности долгой осады; какъ возложилъ свой клобукъ на главу Діонисія, еще живнаго въ то время. Ѳеофанъ засталъ еще въ живыхъ и двадцать старцевъ, которые въ грозное время осады не слагали съ себя оружія, пока Сапѣга не отступилъ отъ Лавры; всѣхъ ихъ славнѣе былъ Аѳанасій Отверинъ, уже пожелтѣвшій въ сѣдинахъ. Какъ трогателенъ разговоръ его съ Патріархомъ! Ѳеофанъ его спрашиваетъ: „О старче старый! на войну ли ты сей исходилъ и начальствовалъ предъ вои мученическими?“ Отверинъ отвѣтствуетъ: „Ей, владыко святый, понужденъ бых слезами кровными!“ И на вторичный вопросъ его: „кое ти свойственнѣе: иночество ли въ молитвахъ особь, или подвигъ предъ всѣми людьми?“ смиренно разсказываетъ ему, что потерпѣлъ и что еще терпитъ: „Всякая вещь и дѣло, владыко святый, въ свое время познаваетсѧ: у васъ Святыхъ Отецъ отъ Господа Бога власть въ руку прощати и вязати, а не у всѣхъ; что творю и сотворихъ въ повелѣніи послушанія“—и обнаживъ главу свою поклонился ему, и рече: „извѣстно ти буди, владыко мой! се поднесь латынянъ на главѣ моей отъ оружія, еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтается; а въ келліи сѣдя въ молитвахъ какъ можно найти было изъ воли такихъ будильниковъ къ воздыханію и стенанію?

*) См. описаніе этой осады въ „Исторіи Госуд. Россійскаго Н. М. Карамзина. Т. XII, гл. II.—Примѣч. *изд.*

А все се быстъ не нашимъ изволеніемъ, но пославшимъ насъ на службу Божію". Дивишься ли послѣ сего, что Лавра не сдалась врагамъ, имѣя въ стѣнахъ своихъ такихъ доблестныхъ воиновъ Царя Небеснаго и Царя земнаго?

Діонисію и Аврамію Палицыну принадлежитъ вѣчная слава освобожденія Москвы. Они посылали своихъ ратныхъ людей на помощь защитникамъ столицы, дѣйствовали увѣщаніями, деньгами; ихъ грамоты, гонцы разсылались въ Калугу, въ Коломну, въ Тулу, во Владиміръ, въ Нижній; вездѣ возбуждали они любовь къ родинѣ, ненависть къ врагамъ; они убѣдили Пожарскаго принять начальство надъ войскомъ; отдавали ризы, стихари за неимѣніемъ денегъ; они спасли Москву, спасли Россію. Наконецъ они убѣдили юнаго Михаила Осодоровича принять Царство и, давъ Россіи благословенный Домъ Романовыхъ, тѣмъ упрочили навѣки ея благополучіе и могущество.

Война кончилась. Поляки, въ послѣдній разъ покусившись, подъ предводительствомъ Владислава, возобновить угасшій споръ, были отражены тѣмъ же Авраамiемъ. „Торжество мира" — говоритъ Авторъ — „было торже„ствомъ Лавры; она одна устояла въ пятнадцатилѣтнюю „бурю; ея каждая развалина казалась раною цѣлаго Оте„чества; ея каждый Инокъ былъ витязь; въ ней одной „стеклись всѣ главнѣйшія воспоминанія долгой войны, и „ни единой измѣной не запятналась ея слава".

Но еще много великихъ заслугъ Россіи оказала сія святая Обитель и въ послѣдствіи времени: два раза укрыла она юнаго Петра, и ея стѣны, остановившія Поляковъ, остановили Стрѣльцевъ мятежныхъ. Не коснулись сей святыни и Французы въ 1812 году; они вѣдали ея богатства, великолѣпіе окладовъ Св. Иконъ, устремились къ ней съ жаждою добычи, и съ половины дороги вороти-

лись. А между тѣмъ защитники ея были одни Иноки, или лучше сказать, ея защитникомъ былъ Св. Сергій, который еще дважды охранилъ свою Обитель: въ 1770 году отъ язвы, въ 1831 отъ холеры. Ни одного человѣка не погибло отъ заразы въ оградѣ Лавры, а многіе больные, притекавшіе къ ракѣ Преподобнаго, нашли тамъ исцѣленіе.

Авторъ переходитъ къ описанію окрестностей Лавры и мѣстъ, прославленныхъ либо счастливыми вылазками, либо упорнымъ боемъ. Это описаніе чрезвычайно занимательно; но слѣдовать за нимъ довольно трудно, по причинѣ множества любопытныхъ фактовъ, представляющихся на каждомъ шагу. Замѣтимъ только то, что пивной дворъ, находящійся внѣ ограды Лавры и почти окруженный станомъ враговъ, во все продолженіе осады не былъ взятъ: что главные приступы Поляковъ были со стороны западной ограды.... Съ высокихъ башенъ Троицы видна и церковь села Деулина, извѣстнаго заключеніемъ мира между Россіею и Польшею, и дорога къ Хатькову Монастырю, куда бѣжали Сапѣга и Лисовскій, испуганные приближеніемъ Скопина Шуйскаго, и гора Волкуша, гдѣ Діонисій благословлялъ войско Пожарскаго на смертный бой съ Поляками, на освобожденіе Москвы!

Изъ церквей Троицы Успенскій соборъ начатъ Іоанномъ, оконченъ Ѳеодоромъ, церковь Сошествія Святаго Духа воздвигнута Іоанномъ, церковь Рождества Императрицею Елисаветою; церковь Явленія Божіей Матери Императрицею Анною Іоанновною; храмъ Одигитрій Смоленской Графомъ Разумовскимъ. Богатства, заключающіяся въ ризницѣ монастыря, неоцѣнены: но всѣхъ ихъ превышаетъ первое сокровище Троицкой Лавры: простая крашенинная риза, посохъ, деревянные сосуды—они принадлежали Святому Угоднику.

Подъ сводами церквей, на кладбищѣ монастырскомъ, много покоится славныхъ мужей, отдыхающихъ здѣсь отъ

житейскаго волненія: Шенинъ, Трубецкой, Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ, и другіе.

Авторъ посѣтилъ также *Виоанію*, пріютъ великаго Платона *), въ недальнемъ разстояніи отъ Лавры. Здѣсь все носитъ на себѣ отпечатокъ души и оригинальнаго ума сего знаменитаго Архипастыря: и иконостасъ, устроенный на подобіе горы Ѳавора съ олтаремъ Преображенія на горѣ и съ олтаремъ Виоаніи внизу подъ горою, какъ бы въ Лазаревой пещерѣ, и гробъ самого Митрополита у пещеры, подлѣ дубовой раки Св. Сергія, въ которой почивалъ Угодникъ 30 лѣтъ до открытія его нетлѣнныхъ мощей, и самое названіе *Виоанія*, напоминающее Новый Іерусалимъ Никона, съ которымъ такъ душевно схожъ былъ Платонъ. Замѣчательна Икона, стоящая на престолѣ, принадлежавшая Людовику XVI и во время Революціи привезенная въ Россію.

Авторъ изъ Троицкой Лавры направилъ путь свой въ древній Ростовъ. Коротко, но занимательно его описаніе Переславля Залѣсскаго, на пути къ Ростову.

„Съ поклонной горы, гдѣ поставленъ усердіемъ пред-
„ковъ каменный крестъ, открылся Переславль-Залѣсскій
„во всей древней благочестивой красѣ своей, на берегу
„тихаго длиннаго озера, горящій въ небѣ золотомъ кре-
„стовъ многихъ Обителей и церквей. Неожиданно и вмѣ-
„стѣ очаровательно было зрѣлище сего города: такъ пріютно прислонился онъ къ мирнымъ водамъ, издали сово-
„купляясь всѣми своими храмами въ одинъ Божій домъ:
„такъ безпечно летѣли къ нему бѣлые паруса рыбарей
„по сіящей пучинѣ, какъ бы въ безбурный притонъ,
„созданный только для упокоенія ихъ смиренныхъ лодокъ
„и безстрастныхъ душъ. Такъ мнѣ показалось издали съ
„горы, у подножія поклоннаго креста, и такъ могутъ

*) Платонъ, митрополитъ Московскій (1737—1812 г.)—Примѣч. *изд.*

„всегда представляться предметы, если смотрѣть на нихъ „съ подобной же точки.

Посѣтивъ въ Переславлѣ два монастыря: женскій Ѳеодоровскій и мужескій Никитскій, гдѣ покоятся мощи Св. Никиты Столпника XII вѣка, Авторъ переходитъ къ описанію древняго Ростовскаго собора. Начало его относится еще ко времени Св. Князя Ростовскаго Константина Всеволодовича; но уже и во времена Владиміра воздвигнута была на этомъ мѣстѣ деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери. Постепенно украшенный Епископомъ Игнатіемъ въ XIII вѣкѣ и Митрополитомъ Іоною, древній сей храмъ еще доселѣ поражаетъ насъ своимъ величіемъ; но огромная стѣна, его окружающая, четыре церкви внутри этой ограды, палаты Архіерейскія, трапеза, гдѣ пировалъ Петръ Великій—все въ опустѣніи съ тѣхъ поръ, какъ каѳедра Архіерейская перенесена въ Ярославль. Подъ сводами древняго собора покоятся четыре великіе Святителя: Св. Леонтій, уничтожившій язычество въ Ростовѣ, Св. Исаія, преемникъ его, Св. Игнатій, котораго нетлѣніе просіяло прежде преданія тѣла землѣ, и Св. Ѳеодоръ, племянникъ Сергія.

Въ Ростовѣ же былъ нѣсколько времени Митрополитомъ знаменитый Филаретъ Никитичъ Романовъ. Заточенный Годуновымъ, возведенный Лжедимитріемъ на степень Митрополита, потомъ томившійся въ темницѣ въ Варшавѣ, освобожденный оттуда сыномъ своимъ, уже державнымъ, совѣтникъ его во все остальное время своей жизни—онъ въ счастіи и въ несчастіи былъ одинаково твердъ и непоколебимъ. Авторъ приводитъ мѣсто изъ Соборной Лѣтописи Ростова объ извѣстномъ его подвигѣ: Санѣга съ своей Польской вольницей и жители Переславля, измѣнившіе Василію Шуйскому, ворвались въ Ростовъ и окружили соборъ, гдѣ были собраны почти всѣ граждане съ своимъ пастыремъ, Митрополитомъ Фи-

ларетомъ, удержавшимъ ихъ отъ бѣгства въ Ярославль. Тутъ онъ намѣревался съ ними умереть; но Переславцы съ Литовцами выломили дверь, ворвались въ Божій храмъ, избили много народу и самого Филарета Никитича отослали въ Тушино: онъ былъ освобожденъ на дорогѣ войсками Князя Михаила Шуйскаго.

Изъ числа священныхъ достопамятностей Ростова замѣтимъ жезлъ, хранящійся въ Богоявленскомъ Монастырѣ и принадлежавшій Архимандриту Авраамію, современнику Владиміра, тотъ жезлъ, которымъ онъ сокрушилъ идола жителей Ростова; мощи Св. Петра, Ордынскаго Царевича, изцѣленнаго Св. Кирилломъ и принявшимъ Св. Крещеніе: онѣ покоятся въ обители Петра и Павла. Мы не говоримъ о мощахъ Святителя Димитрія въ Яковлевскомъ Монастырѣ. Кому въ Россіи неизвѣстны его великія заслуги Церкви, прославленныя и по смерти даромъ чудотворенія? Кто изъ насъ не читалъ его твореній *) и не умилялся теплымъ чувствомъ, съ которымъ они написаны? въ Яковлевскомъ Монастырѣ Авторъ нашъ имѣлъ занимательныя бесѣды съ нынѣшнимъ Архимандритомъ П...., которыя являютъ въ семъ почтенномъ старцѣ глубокое смиренномудренное познаніе жизни.

Въ четырехъ верстахъ отъ Ростова находится малая Обитель Св. Троицы; здѣсь родился и былъ воспитанъ Св. Сергій. Авторъ посѣтилъ на обратномъ пути въ Переславлъ еще два монастыря: *Горійскій*, древній и уже ветхій, и *Св. Троицы*, гдѣ покоится Св. *Даніилъ*, крестившій Грознаго надъ ракой Св. *Сергія*. Какое сближеніе великихъ именъ! Авторъ, возвращаясь въ Москву, еще разъ посѣтилъ Троицкую Лавру.

Приступая къ содержанію третьей Главы „Новый Іерусалимъ“, не излишнимъ полагаемъ въ нѣсколькихъ сло-

*) Тургеневъ говоритъ о Св. Димитріи Ростовскомъ († 1709 г.), сочинителѣ „Четіи-Миней“, въ 12-ти книгахъ.— Примѣч. *изд.*

вахъ представить характеръ его основателя. Патріархъ Никонъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей Исторіи въ XVII столѣтіи. Одаренный волею твердою, умомъ тонкимъ, честолюбіемъ неограниченнымъ, онъ былъ вмѣстѣ съ симъ своенравенъ, гордъ, высокомѣренъ; но вспомнимъ, что онъ оказалъ Россіи великія заслуги, усмирилъ бунтъ въ Новгородѣ; его умъ часто руководилъ Царя въ дѣлахъ государственныхъ; онъ исправилъ невѣрный, во многихъ мѣстахъ даже искаженный переводъ Священнаго Писанія и церковныхъ книгъ; онъ ввелъ Богослуженіе болѣе приличное своему высокому назначенію. Его жизнь — разительный примѣръ непостоянства счастія. Сперва мирный отшельникъ въ Соловецкомъ Монастырѣ, постепенно возвышаясь, сдѣлался онъ наконецъ другомъ Царя, его совѣтникомъ; безъ его благословенія не начиналось никакое важное дѣло; онъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ Государя—и что же? Низведенный, или лучше сказать, по гордости нисшедшій самъ съ Патріаршаго престола, онъ удалился на берега Нетры, провелъ тамъ 10 лѣтъ въ молитвѣ и началъ исполнять свое намѣреніе: возсоздать Іерусалимъ въ Россіи. Вызванный въ Москву, осужденный Духовенствомъ, 15 лѣтъ заточенный на Бѣломъ Озерѣ, куда его отправили во время жестокихъ морозовъ, такъ что Іосифъ, Архимандритъ Троицкой Лавры, изъ состраданія далъ ему свою шубу, наконецъ помилованный Царемъ Ѳеодоромъ, онъ умеръ на возвратномъ пути и погребенъ въ своей Обители, въ воздвигнутомъ имъ Новомъ Іерусалимѣ. Трогательно изобразилъ Авторъ кончину великаго мужа. „Ударили въ „колоколъ къ вечернѣ“ — говоритъ онъ—„Никонъ сталъ „кончаться. Озираясь, какъ будто кто пришелъ къ нему, „самъ онъ оправилъ себѣ волосы, и браду, и одежды, „какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ „братіею прочиталъ отходныя молитвы, Патріархъ же,

„распростершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, „вздохнувъ—отошелъ съ миромъ“. Мысль—представить въ Россіи Іерусалимъ, сію священную цѣль столькихъ войнъ, столькихъ благочестивыхъ странствованій — достойна Никона и Царя Алексія; они оба участвовали въ планѣ сего великаго предпріятія, что свидѣтельствуетъ надпись на крестѣ у Елеонской часовни, находящейся въ недальнемъ разстояніи отъ Новаго Іерусалима. Но исполнялъ этотъ планъ одинъ Никонъ во время своего произвольнаго 10-лѣтняго заключенія на берегу Истры. Авторъ, который за пять лѣтъ передъ симъ посѣтилъ древній Іерусалимъ, былъ болѣе всякаго другаго въ состояніи судить о сходствѣ и несходствахъ Новаго Іерусалима съ его подлинникомъ. Главный видъ отличенъ, и едва ли могъ быть схожимъ. Вотъ слова Автора: „Изъ подъ высокой арки Святыхъ Воротъ открывается самый великолѣпный видъ на зданія собора съ восточной ихъ стороны:— это чудная гора малыхъ куполовъ и главъ, своеправными уступами восходящая до двухъ главныхъ куполовъ храма и вся сія гора на разныхъ высотахъ усѣяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхожденіе наше. Но хотя зрѣлище сіе великолѣпно и вполнѣ достойно громкаго названія Новаго Іерусалима, оно совершенно отлично отъ образца своего. Правда, и тамъ есть два купола надъ соборомъ и полукуполъ надъ алтаремъ, и глава, выходящая изъ земли надъ церковью Обрѣтенія, но всѣ безъ крестовъ, и все кругомъ застроено террасами и плоскими крышами сосѣднихъ монастырей Авраама и Абиссинцевъ, такъ что примѣтны только два купола надъ соборомъ; все же зданіе является въ видѣ огромной, полуразрушенной твердыни!...“ Величественный храмъ Новаго Іерусалима былъ начатъ Никономъ, но полученіи изъ Палестины модели отъ старца Арсенія Суханова, и въ теченіе 10 лѣтъ онъ, удалившись отъ

свѣта и сложивъ бремя правленія, успѣлъ воздвигнуть его по самые своды. Ѳеодоръ Алексіевичъ велѣлъ продолжать строеніе, оставшееся въ томъ же видѣ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ — во все время заточенія Никона, и только въ 1685 году храмъ былъ освященъ. Хотя отдѣленіе Виолеемъ вовсе не сходно съ Виолеемомъ Палестинскимъ, церковь Рождества гораздо менѣе и не столь богата украшеніями, мрачныхъ подземелій храма Іерусалимскаго здѣсь вовсе нѣтъ, но храмъ Воскресенія невольно поражаетъ душу величественнымъ сходствомъ своимъ съ священнымъ подлинникомъ. При томъ же и самый храмъ Палестинскій раздѣленъ стѣнами на многія отдѣленія для каждаго Вѣроисповѣданія, и тѣмъ нарушено его простое величіе; но размѣры собора, мѣсто Голгоы—все одинаково. И здѣсь и тамъ ротунда надъ гробомъ Спасителя возвышается свободно и легко, и оканчивается высокимъ раззолоченнымъ куполомъ съ 75 окнами; и здѣсь камень, отваленный Ангеломъ, и плита, на которой лежало Божественное тѣло, все было такъ поразительно своимъ сходствомъ, что Авторъ на мгновеніе думалъ, что онъ снова въ Палестинѣ, снова подъ тѣмъ священнымъ сводомъ, который освѣщаетъ Божественные слѣды страданія и смерти Христа. То же самое чувство ощущалъ Архіепископъ Горы Ѳаворы Іероосей, нынѣ *) находящійся въ Россіи за милостынею. Однако и въ самой часовнѣ есть несходство; здѣсь она украшена простымъ стѣннымъ письмомъ, а тамъ мраморомъ; вмѣсто безчисленныхъ лампадъ Іерусалимскихъ свѣтитъ одна лампада.... Самый соборъ, по мнѣнію Автора, короче, Царская Арка ужe, иконостасъ устроенъ иначе; но видъ всего собора съ хоровъ, эти „далекіе хоры и извилистыя галлереи“, какъ говоритъ Авторъ, эта огромность, эти

*) Нынѣ, т. е. въ 1836 году.—*Изд.*

возвышенные куполы, золотая ротунда надъ Священнымъ Гробомъ и наконецъ самый Священный Гробъ, который Авторъ уподобляетъ малому острову среди пучины или свѣтлому облаку въ зорѣ—все это поражаетъ душу своимъ величіемъ и заставляетъ благоговѣть передъ памятью того, кто возымѣлъ эту высокую мысль и привелъ ее въ исполненіе.

Тутъ же, на хорахъ находится портретъ Никона во весь ростъ. Онъ изображенъ вмѣстѣ съ учениками его—Архимандритомъ Германомъ и другими. Его высокій ростъ, черные и густые волосы, проницающіе душу глаза, все живо представляетъ зрителю сего великаго мужа, одного изъ свѣтилъ нашей Церкви.

Авторъ описываетъ намъ подробно придѣлы Іосифа и Никодима, Раздѣленія Ризъ, Терноваго вѣнца, церковь Гесиманіи; онъ полагаетъ, что строители сего храма не столько думали о сходствѣ съ святымъ храмомъ Палестинскимъ, сколько о томъ, чтобы въ одномъ храмѣ совокупить всѣ мѣста, освященныя какимъ нибудь высокимъ воспоминаніемъ и разсѣянныя по всей Іудеѣ. Замѣтимъ также, что Новый Іерусалимъ, при одинаковой широтѣ, длиннѣе четырьмя саженями.

Отъ обозрѣнія этого прекраснаго храма, коего планъ находится при концѣ книги, Авторъ переходитъ къ описанію обрядовъ, совершающихся въ немъ въ подражаніе древнему. Мѣсто намъ не позволяетъ слѣдить разсказъ, но мы упомянемъ только самые трогательные и любопытные обряды. Замѣтимъ, что Патріаршіе пѣвчіе во время Литургіи подымались съ хоровъ на хоры все выше и выше, такъ что наконецъ, во время совершенія Таинства, они были какъ бы Ангелы на небесахъ; что Плащаницу съ Голгоы всегда спускаетъ самъ Архимандритъ на холстахъ, какъ Іосифъ и Никодимъ нѣкогда спускали съ Креста тѣло Спасителя; что въ Страстную Пятницу двѣнадцать Еван-

гелій о страстяхъ Господнихъ читаются на самой Голгоѳѣ, передъ крестомъ, на мѣстѣ и въ виду оружія страданія Богочеловѣка. Голгоѳа въ Новомъ Іерусалимѣ сдѣлана по образцу Голгоѳы въ древнемъ ея видѣ: ибо въ послѣдствіи святотатственная рука отсѣкла уголь отъ древней скалы Палестинской Голгоѳы и воздвигла на немъ иконостасъ. Подъ Голгоѳой, въ церкви Предтечи покоится вѣчнымъ сномъ основатель храма, Патріархъ Никонъ.

Цѣлію послѣдняго путешествія Сочинителя была Обитель, достойная своею древностію обратить на себя вниманіе людей ученыхъ и путешественниковъ, и доселѣ остающаяся въ забвеніи, Обитель Валаамская, на дикомъ, лѣсистомъ островѣ Ладожскаго Озера. Здѣсь, посреди лѣсовъ, на небольшой скалѣ, обуреваемой волнами огромнаго озера, Божественная Вѣра, въ лицѣ смиренныхъ отшельниковъ, нашла себѣ уже съ раннихъ временъ пріютъ отъ житейскихъ бурь. Древность этой Обители не подлежитъ сомнѣнію; если мы и не согласимся съ преданіемъ, полагающимъ основателемъ ея самого Св. Апостола Андрея Первозваннаго, доходившаго до пустыннаго острова въ сопровожденіи людей Новогородскихъ, то все же имѣетъ другіе памятники о древности Валаама—рукописное житіе Авраамія Ростовскаго, ученика Сеоктиста, бывшаго уже Игуменомъ Валаама въ 960 году, того Авраамія, который исполненный вѣрой, жезломъ разрушилъ каменные идолы въ Ростовѣ. Сверхъ того Софійскій Лѣтописецъ нѣсколько разъ упоминаетъ о Валаамѣ. Авторъ полагаетъ, что житіе основателей его, Преподобныхъ Сергія и Германа, должно отнести ко временамъ Княгини Ольги. Если это правда, то Валаамъ есть древнѣйшая извѣстная намъ пустыня въ цѣлой Россіи. Не далеко отъ Валаама находится и Коневъ Островъ, гдѣ спасался Св. Арсеній въ XIV столѣтіи, пришедшій сюда съ горы Аѳонской, и другой островъ, гдѣ основалъ пу-

стыню Св. Александръ, удалившійся въ послѣдствіи на берега Свири; въ Валаамѣ подвизался также нѣсколько времени Савватій, удалившійся потомъ на Острова Соловецкіе; словомъ, сей малый островъ, говоря словами Автора, былъ тѣмъ мѣстомъ, откуда искра Христіанства блеснула языческому Сѣверу.

Но часто мирная тишина Обители была нарушаема набѣгами Шведовъ. Два раза переплыли Ладожское Озеро мощи Св. Сергія и Германа, и ихъ принималъ сперва Новгородъ, потомъ Никольскій Монастырь Старой Ладоги. Наконецъ, спустя сто лѣтъ послѣ вторичнаго переселенія, снова вернулись они на свой островъ. Долгое время, до 1785 года, стояла тутъ одна деревянная церковь надъ мощами Угодниковъ; Монаховъ не было при обители; одинъ Игуменъ съ двумя Священниками удовлетворялъ усердію поклонниковъ. Наконецъ Митрополитъ Гавріилъ *), тронутый запустѣніемъ древней Обители, повелѣлъ соорудить ее снова. Зданіе не велико и не отличается богатствомъ; соборъ во имя Спаса Преображенія окруженъ двумя рядами келій. Въ обновленной Обители былъ поставленъ Игуменомъ Назарій, тридцать лѣтъ проведшій въ уединеніи. Слѣдуя его примѣру, ученики его основали 14 пустыней кругомъ монастыря, изъ коихъ только четыре обитаемы; въ одной изъ нихъ установлено неумолкаемое чтеніе Псалмовъ, для чего восемь отшельниковъ смѣняются каждые два часа.

На этомъ дикомъ, уединенномъ островѣ находится, вѣроятно, мнимый гробъ Шведскаго Короля Магнуса, будто бы занесеннаго сюда бурею послѣ битвы и принявшаго здѣсь Святое Крещеніе. Надпись, находящаяся на деревянной доскѣ его гроба, въ совершенно новомъ

*) Гавріилъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій (1730—1801 г.), членъ Академіи Наукъ.—*Изд.*

слогѣ, такъ что нельзя отнести ее далѣе половины прошедшаго столѣтія.

Островъ Валаамъ былъ въ Августѣ 1818 года посѣщаемъ Императоромъ Александромъ. Побѣдитель Наполеона, Герой даровавшій миръ и свободу всей Европѣ, пріѣхалъ въ Валаамъ одинъ; молился, бесѣдовалъ съ пустынниками, и уѣхалъ, осыпавъ монастырь своими милостями. Игумень Іонаѳанъ въ послѣдствіи имѣлъ всегда свободный входъ въ Государевы покои.

Эта Глава, кромѣ описанія Обители, замѣчательна еще какимъ-то особеннымъ поэтическимъ чувствомъ. Пустыня, уединеніе, гдѣ, казалось бы, должно увянуть воображеніе, возбуждаютъ его въ высокой степени, и мы съ живымъ удовольствіемъ внимаемъ Автору, когда онъ плыветъ черезъ Ладожское Озеро, ночью, при духовномъ пѣніи кормчаго—Іисуса, или когда слушаетъ трогательный разсказъ Игумена о Св. Царевичѣ Іоасафѣ, оставившемъ Царство земное для небеснаго, и умиляясь мысленнымъ зрѣлищемъ смиреннаго пріюта отшельниковъ, невольно повторяемъ съ Авторомъ стихи, которые желаетъ онъ вложить въ ихъ уста:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли.
Здѣсь невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны!

II.—„Фаустъ. Трагедія. Соч. Гёте. Переводъ первой и изложеніе второй части. М. Вронченко. Спб. 1844 г.“

Появленіе новаго перевода „Фауста“ возбудило въ насъ разнообразныя размышленія на счетъ насъ самихъ и на-

шей литературы. Не смотря на почти совершенное отсутствіе дѣйствительныхъ дарованій, на множество слабыхъ и пустыхъ произведеній, которыми наводнены наши книжныя лавки, — общественное сознаніе, чувство истины и красоты растетъ и развивается быстро. Мы не намѣрены— теперь именно—входить въ изслѣдованіе причинъ подобнаго явленія... вообще русскій человѣкъ развивается такъ особенно, что въ немногихъ словахъ невозможно представить читателю смыслъ и законы его внутренняго преобразованія; но, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ назадъ, при появленіи перевода „Фауста“ г-на Вронченко, мы готовы были бы отдѣлаться похвалами, назвать трудъ переводчика „событіемъ“ и т. д.; одно имя „Фауста“ производило въ насъ впечатлѣніе довольно смутное и странное; мы чувствовали, что въ этомъ произведеніи отразилась цѣлая жизнь мыслящаго, уже не юнаго, нѣсколько чуждаго намъ народа, и—либо съ простодушнымъ благоговѣніемъ склонялись предъ созданіемъ Гёте, въ которомъ видѣли альфу и омегу всей человѣческой мудрости, либо съ торопливой посѣщностью проходили мимо, отдѣлываясь словами: „туманное произведеніе“!... Впрочемъ, у насъ даже до нынѣшняго дня слово „туманное“ почитается естественнымъ эпитетомъ всего нѣмецкаго. Теперь же.... Мы не намѣрены расточать преувеличенныя похвалы нашей публикѣ, тѣмъ болѣе, что она въ нихъ вовсе не нуждается; мы не скажемъ ей, что въ послѣднее время она окончательно поняла и изучила Гёте и дошла, напримѣръ, до яснаго сознанія того, что̀ такое „Фаустъ“, какъ произведеніе нѣмецкое, и въ какой степени это произведеніе должно занимать насъ—русскихъ.... нѣтъ, мы этого не скажемъ; но сознаніе нашей публики въ послѣдніе годы возмужало и окрѣпло; время безотчетныхъ порывовъ и восторговъ прошло для нея безвозвратно; она стала вообще холоднѣе и равнодушнѣе, какъ человѣкъ, которому надоѣло шутить и

которому нравится одно дѣльное. Ее теперь едва ли ослѣпишь блескомъ великаго имени; ея здравый смыслъ требуетъ положительныхъ доказательствъ—не въ томъ, что Гёте великій поэтъ (она знаетъ это лучше насъ), но въ томъ, дѣйствительно ли „Фаустъ“ такое громадное созданіе?—Приступая къ разбору этой великой трагедіи, мы чувствуемъ нѣкоторую невольную робость.... мы знаемъ сами, какой великій трудъ мы взяли на себя.

Разборъ вѣковыхъ твореній, подобныхъ „Фаусту“, или весьма легокъ, или весьма труденъ.—Въ первомъ случаѣ, стоитъ только „воскурить ониміамъ“, употребить восторженныя восклицанія и т. д.: благо, произведеніе великое, такъ ужъ и нечего толковать о немъ! Большею частью такъ и поступаютъ наши господа-критики. Но эти господа забываютъ, что ни одно великое твореніе не упало на землю, какъ камень съ неба; что каждое изъ нихъ вышло изъ глубины поэтической личности, которая только потому и удостоилась такого счастія, что весь смыслъ современной жизни отразился въ ней не одними преходящими отголосками, но цѣлымъ, иногда довольно мучительнымъ, развитіемъ характера и таланта; что чѣмъ выше, проще и нераздѣльнѣе произведеніе, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе условія и процессъ его *возникнія*.... Съ другой стороны, вовсе не нужно дойти до сознанія этого процесса, чтобъ вполнѣ наслаждаться великимъ произведеніемъ, точно такъ же, какъ не нужно знать химическій составъ какого-нибудь прекраснаго цвѣтка, чтобъ быть въ состояніи любоваться имъ; непосредственная, несомнѣнная, общепонятная красота необходимая принадлежность всякаго художественнаго созданія. Но если ужъ человѣческій духъ рѣшится понять и оцѣнить то, чѣмъ онъ плѣняется невольно, дознаться причинъ собственнаго наслажденія, то непростительно ему остановиться на полдорогѣ: безстрашная добросовѣстность и отчетливость до конца— вотъ главныя достоинства кри-

тики въ обширномъ смыслѣ, которая, не смотря на воли ея противниковъ, никому еще не сдѣлала зла.—Мы не говоримъ о самолюбивой, робкой или ограниченной критикѣ людей, которымъ не хочется быть просто непосредственными натурами, и, между тѣмъ, страшно или тяжело дойти до результатовъ собственныхъ размышленій,—людей, которые цѣлый вѣкъ твердятъ дважды-два, и никогда не скажутъ: четыре, или скажутъ, наконецъ,—пять, и будутъ хитро и многословно доказывать, что оно иначе и быть не могло.... Мы говоримъ о дѣльной критикѣ. Вслѣдствіе всего сказаннаго о духѣ нашей публики, мы надѣемся удовлетворить ея потребностямъ, представивъ ей сначала въ коротких словахъ родъ историческаго изысканія о томъ, когда, какъ и почему возникла и созрѣла мысль о „Фаустѣ“ въ душѣ поэта, а потомъ и собственное наше воззрѣніе на „Фауста“. Историческое изысканіе можетъ иногда съ успѣхомъ замѣнить чисто логическія разсужденія, потому что ничего не можетъ быть логичнѣе историческаго развитія, ясно и добросовѣстно представленнаго. Мы, безспорно, можемъ ошибиться въ нашихъ выводахъ; но уже Лафонтенъ сказалъ:

J'aurais du moins d'honneur de l'avoir entrepris.

Гёте, въ запискахъ своихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно имъ начатыхъ, оставилъ намъ довольно вѣрную и подробную картину состоянія германской литературы до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (онъ самъ родился въ 1749 году). Великими людьми этой эпохи были Клопштокъ, Виландъ и Лессингъ, въ особенности Клопштокъ. Французская классическая школа (Готшедъ), швейцарская школа (Бодмеръ и др.) — объ прошли быстро и безвозвратно. Клопштокъ первый заговорилъ о народности въ литературѣ, о бардахъ, объ Арминіи, о сѣверной миѳологіи, отбросилъ риѳму. Виландъ, этотъ разнообразный, на-

смѣлливый и граціозный талантъ, своими многочисленными произведеніями, переводами съ греческаго, англійскаго, итальянскаго и французскаго, возбуждалъ и увлекалъ своихъ соотечественниковъ; Лессингъ, по преимуществу нѣмецкій, здравый и острый умъ, основывалъ критику и драму—и, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ Клопштокъ, имѣетъ право называться творцомъ нѣмецкой словесности; онъ былъ одаренъ чрезвычайно замѣчательнымъ полемическимъ талантомъ и здравымъ смысломъ (впрочемъ, эти два качества почти неразлучны), и побѣды, одержанныя имъ надъ людьми, подобными Клотцу и другимъ, спасли возникавшую германскую литературу отъ гибели ложныхъ направленій. Заслуги этихъ трехъ писателей чрезвычайно велики; но ни одному изъ нихъ не было суждено положительно выразить сущность своего народа и времени. У каждаго народа есть своя чисто-литературная эпоха, которая мало-по-малу приуготовляетъ другія, болѣе обширныя развитія человѣческаго духа; такая эпоха настала для Германіи около семидесятыхъ годовъ. Между тѣмъ какъ во Франціи общество уже устарѣлое, испытанное внѣшними и внутренними борьбами, не оставлявшее ни одного вопроса безъ разрѣшенія и неудовлетворенное ни однимъ изъ этихъ разрѣшеній,—между тѣмъ какъ это общество стремительно спѣшило къ собственному разрушенію, или, говоря правильнѣе, къ собственному возрожденію, — Германія только-что приходила къ сознанію собственной народности, къ сознанію самой себя— не какъ общества, но какъ народа, говорящаго однимъ языкомъ и не имѣющаго на этомъ языкѣ ни одного литературнаго памятника. До XVII столѣтія всѣ нѣмецкіе ученые писали по-латыни и по-французски, какъ Лейбницъ; поэты держались при дворѣ въ качествѣ шутовъ и писали оды на разные торжественные случаи; немногія исключенія, какъ-то: юмористы школы Ганса Сакса—Фишартъ, Грифіусъ, свидѣтельствуя о до-

бродушно-сатирическомъ направленіи нѣмецкаго ума, не имѣли, впрочемъ, особеннаго значенія; монархи германскіе, даже лучшіе изъ нихъ (вспомните Фридриха II) пренебрегали роднымъ языкомъ; одни лишь богословы со времени Лютера говорили и писали по-нѣмецки. Но вотъ, настала первая половина прошлаго столѣтія: философъ Вольфъ отказался отъ латинскаго языка. Нѣмецкая литература, еще юная и не самобытная, устремилась по слѣдамъ французской. Быстро одинъ за другимъ начали возникать писатели, которыхъ уже нельзя было, какъ Готшеда, причислить къ сонму бездарныхъ подражателей; Рамлеръ и Глеймъ явились въ Берлинѣ: начались критическія изслѣдованія о самомъ языкѣ, правда, довольно поверхностныя, но для того времени чрезвычайно важныя. Наконецъ, явились тѣ замѣчательные люди, о которыхъ мы говорили выше. Но настоящій переворотъ—то, что Гёте назвалъ революціей германской литературы (ч. 26, стр. 68, изд. 1829), совершился между семидесятыми и восьмидесятыми годами прошлаго вѣка, въ эпоху, которую нѣмецкіе критики (правильнѣе Litterarhistoriker) называютъ „періодомъ бури и стремленія“ (Sturm-und Drang-Periode).

Жизнь каждаго народа можно сравнить съ жизнью отдѣльнаго человѣка, съ той только разницей, что народъ, какъ природа, способенъ вѣчно возрождаться. Каждый человѣкъ, въ молодости своей, пережилъ эпоху „геніальности“, восторженной самонадѣянности, дружескихъ сходокъ и кружковъ. Сбросивъ иго преданій, схоластики и вообще всякаго авторитета, всего что̀ приходитъ къ нему извнѣ, онъ ждетъ спасенія отъ самого себя, онъ вѣритъ въ непосредственную силу своей натуры и преклоняется предъ природой, какъ передъ идеаломъ непосредственной красоты. Онъ становится центромъ окружающаго міра, онъ (самъ не сознавая своего добродушнаго эгоизма) не

предается ничему: онъ все заставляетъ себѣ предаваться; онъ живетъ сердцемъ, но однимъ, своимъ, не чужимъ сердцемъ, даже въ любви, о которой онъ такъ много мечтаетъ; онъ романтикъ,—романтизмъ есть не что иное, какъ апоѳеоза личности. Онъ готовъ толковать объ обществѣ, объ общественныхъ вопросахъ, о наукѣ; но общество, такъ же какъ и наука, существуетъ для него—не онъ для нихъ. Такая эпоха теорій, не условленныхъ дѣйствительностью, а потому и не желающихъ примѣненія, мечтательныхъ и неопредѣленныхъ порывовъ, избытка силъ, которыя собираются низвергнуть горы, а пока не хотятъ или не могутъ пошевельнуть соломенку — такая эпоха необходимо повторяется въ развитіи каждаго; но только тотъ изъ насъ дѣйствительно заслуживаетъ названіе человѣка, кто сумѣетъ выйти изъ этого волшебнаго круга и пойдти далѣе, впередъ, къ своей цѣли. Подобная романтическая эпоха настала для Германіи во время юности Гёте. Появилось множество такъ-называемыхъ геніальныхъ молодыхъ людей; молодость, непосредственность, природа, самобытность,—эти слова звучали въ устахъ у каждаго; никому бы въ голову не пришло тогда написать „Разбойниковъ“ — потому что всякаго занимали только собственныя радости и страданія — но многіе надѣялись попасть прямо въ Шекспиры: въ то время Виландъ и Эшенбургъ познакомили съ нимъ Германію, и ихъ переводы жадно поглощались читателями. Любовь къ Шекспиру пробудила любовь къ среднимъ вѣкамъ, къ которымъ можно чувствовать влеченіе только тогда, когда въ дѣйствительности народъ вполнѣ отъ нихъ отторгнулся, а это отторженіе совершилось въ Германіи довольно поздно. Движеніе умовъ въ Франціи,—Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты—все, что такъ глубоко, такъ сильно потрясло потомъ весь міръ, въ то время находило весьма мало сочувствія въ Германіи, и ландграфы преспокойно про-

должали продавать своихъ подданныхъ англичанамъ, воевавшимъ съ непокорными американцами. Вотъ что говоритъ самъ Гёте въ третьей части своей автобіографіи: „Когда намъ случалось раскрыть одну изъ частей энциклопедическаго словаря (извѣстное изданіе Дидро и Даламбера), намъ казалось, что мы зашли въ огромную фабрику, гдѣ со всѣхъ сторонъ скрипятъ и вертятся колеса, непостижимымъ образомъ двигаются машины, и мы, не понимая цѣли всѣхъ этихъ движеній, приходили въ полное отчаяніе.... Жаркій споръ французскихъ философовъ съ духовенствомъ не возбуждалъ нашего вниманія. Запрещенныя, къ огню присужденныя книги, которыя тогда дѣлали много шума, не имѣли на насъ никакого вліянія.... Природа была нашимъ божествомъ".

Эти слова Гёте относятся, правда, къ кружку страсбургскихъ его пріятелей; но онъ былъ тогда самымъ полнымъ представителемъ молодого поколѣнія; тѣ изъ его современниковъ, которые шли по другой дорогѣ, не оставили слѣда своего существованія, т. е. заблуждались; притомъ же, первыя произведенія Гёте тотчасъ поразили и увлекли толпу читателей.

Вся Германія занялась преимущественно, если не исключительно, одними литературными вопросами. Юстусъ Мозеръ, замѣчательный для своего времени публицистъ, является намъ однимъ исключеніемъ. Еще земля не начинала дрожать подъ ногами людей; еще вся Европа двигалась по прежнимъ направленіямъ, жила прежними убѣжденіями и вѣрованіями; сверхъ того, философскій переворотъ долженъ былъ, по духу нѣмецкаго народа, предшествовать всякому дальнѣйшему развитію общественной жизни въ Германіи—въ самую эту эпоху „бури и стремленія", въ отдаленномъ городѣ, на сѣверѣ, профессоръ Кантъ тихо и неутомимо создавалъ критическую философію, ту самую философію, которая мало-по-малу

проникла всю нашу дѣйствительность, и которая скажетъ свое послѣднее слово даже не нашему поколѣнію.

Въ то самое время, около семидесятыхъ годовъ, жилъ на берегахъ Рейна, то въ Страсбургѣ, то во Франкфуртѣ, молодой человѣкъ, которому суждено было выразить собой всю сущность своего народа и своего времени,—Вольфгангъ Гёте. Біографія его дотого извѣстна всему читающему міру, что мы считаемъ себя въ правѣ вовсе умолчать о ней, тѣмъ болѣе, что она была уже предметомъ довольно обширной статьи въ нашемъ журналѣ. Но постараемся въ немногихъ чертахъ изобразить его личность. Онъ былъ—поэтъ по преимуществу, поэтъ, и больше ничего. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, состоитъ все его величіе и вся его слабость. Онъ былъ одаренъ всеобъемлющимъ созерцаніемъ; все земное просто, легко и вѣрно отражалось въ душѣ его. Съ способностью увлекаться страстно, безумно, онъ соединялъ въ себѣ даръ постояннаго наблюденія, самонесознаннаго поэтическаго созерцанія своей собственной страсти; съ безконечно-разнообразной и воспріимчивой фантазіей—здравый смыслъ, вѣрный художническій тактъ и стремленіе къ единству. Онъ самъ былъ весь цѣлый, весь—какъ говорится—изъ одного куска; жизнь и поэзія не распадались у него на два отдѣльные міра: его жизнь была его поэзіей, его поэзія была его жизнію.... „Я“, писалъ онъ къ графинѣ Штольбергъ: „даю своимъ ощущеніямъ превращаться въ способности, способностямъ дорастать до таланта“. Съ такой непосредственной, естественной необходимостью развивалась его жизнь; онъ почти съ дѣтства сознавалъ самъ эту внутреннюю гармонію и могущественную полноту своей натуры, и преспокойно позволялъ обожать себя. Стоитъ прочесть въ „Физіономикѣ“ Лафатера восторженныя строки, подписанныя подъ его портретомъ.... Первымъ и послѣднимъ словомъ, альфой и омегой всей его жизни было, какъ у

всѣхъ поэтовъ, — его собственное *я*: но въ этомъ *я* вы находите цѣлый міръ—и сознаніе громадности этой личности долгого сильно дѣйствуетъ на васъ, что какая-нибудь небольшая пѣсенка Клерхенъ, въ которой говорится только то, что безъ любви нѣтъ счастія на землѣ (мысль извольте видѣть, весьма не новая), поражаетъ васъ такъ, какъ-будто, ни вамъ самимъ, ни другому ничего подобнаго въ голову не приходило. Понятно, почему Гёте, подъ старость, могъ не шутя почитать себя Юпитеромъ Олимпійскимъ: онъ зналъ, что онъ владѣлъ природой и человѣкомъ: онъ владѣлъ искусствомъ, какъ не владѣлъ никто до него; а людямъ только того и нужно: воспѣтыя радости, воспѣтыя слезы трогаютъ ихъ болѣе, чѣмъ дѣйствительныя радости и слезы.

Но Гёте былъ нѣмецъ—нѣмецъ восемнадцатаго столѣтія, сынъ реформаціи; его величіе состояло именно въ томъ, что всѣ стремленія, всѣ желанія его народа небезплодно отражались въ немъ. Какъ великій нѣмецкій поэтъ, онъ создалъ „Фауста“. Мысль воспользоваться этимъ типомъ не ему первому пришла въ голову: уже одинъ изъ предшественниковъ Шекспира, Марло (Marlowe), написалъ „Фауста“ — чрезвычайно замѣчательное произведеніе, о которомъ мы когда-нибудь поговоримъ съ нашими читателями; кромѣ Гёте, Клингеръ и Ленцъ, его современники и друзья (если только у Гёте могли быть друзья), сочинили каждый „Фауста“. Они оба принадлежали къ тому кружку замѣчательныхъ личностей, которыя въ то время группировались около Гёте, и которыхъ онъ такъ мастерски описалъ въ своихъ „Запискахъ“.... И странно: оба они умерли въ Россіи—Клингеръ въ Петербургѣ, генераломъ, Ленцъ въ Москвѣ, у какого-то сапожника, въ бѣдности и сумасшествіи. Но то, о чемъ такъ пламенно и такъ напрасно мечталъ оригинальный, фантастическій и насмѣшливый Ленцъ; то, что было недоступно

здоровой и сильной, но не поэтической натурѣ Клингера,—далось одному Гёте. Вникнувъ въ содержаніе „Фауста“, мы убѣдимся, что иначе и быть не могло, точно такъ же, какъ не Гошу и не Марсо, а одному Наполеону было предоставлено право называться говоря его собственными словами, „l'homme du destin“.

Не считаемъ нужнымъ излагать здѣсь содержаніе „Фауста“: вѣроятно, оно извѣстно каждому изъ читателей. Приступаемъ прямо къ оцѣнкѣ трагедіи Гёте.

„Фаустъ“ есть чисто-человѣческое, правильнѣе— чисто-эгоистическое произведеніе. Германія въ то время вся распадалась на атомы; каждый хлопоталъ о человѣкѣ вообще, т.-е., въ сущности, о своей собственной личности. Фаустъ, съ начала до конца трагедіи, заботился объ одномъ себѣ. Послѣднимъ словомъ всего земного для Гёте (такъ же, какъ и для Канта и Фихте) было человѣческое *я*.... И вотъ, это *я*, это начало, этотъ краеугольный камень всего существующаго, не находитъ въ себѣ успокоенія, не достигаетъ ни знанія, ни убѣжденія, ни даже счастія, простого, обыкновеннаго счастія („И не умѣетъ жить, какъ я живу“, говоритъ Фаустъ). Куда, къ чему ему обратиться? Для Фауста не существуетъ общество, не существуетъ человѣческій родъ: онъ весь погружается въ себя; онъ отъ одного себя ждетъ спасенія. Съ этой точки зрѣнія, трагедія Гёте является намъ самымъ рѣзкимъ, самымъ рѣзкимъ выраженіемъ романтизма, хотя это имя вошло въ моду гораздо позже. Примиренія, дѣйствительнаго примиренія, того окончательнаго аккорда, въ которомъ разрѣшались бы всѣ предшествовавшіе диссонансы, мы не находимъ въ Фаустѣ, такъ же, какъ, напримѣръ, въ Байронѣ; придуманное старцемъ Гёте аллегорическое, холодное, натянутое разрѣшеніе трагедіи не удовлетворяло и не удовлетворитъ, вѣроятно, ни одного живого человѣка: а, между тѣмъ, оканчивая „Фауста“, мы не ощущаемъ того горь-

каго и смутнаго безпокойства, которое возбуждаетъ въ насъ каждое твореніе лорда Байрона, этой надменной, глубоко симпатичной, ограниченной и геніальной натуры, потому что всѣ противорѣчія à priori примирены въ класически-спокойной душѣ Гёте, которая могла, не разрушаясь, даже не страдая, вынести въ себѣ Мефистофеля. Да, Гёте не дошелъ до положительнаго, высказаннаго примиренія; но ему оно и не нужно: сознаніе собственной силы удовлетворяетъ его.... Величавое равнодушіе Фауста во второй части—вотъ настоящее, окончательное примиреніе всѣхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ и сомнѣній. Человѣку, которому природа отказала въ возможности такого апріорическаго успокоенія, Гёте не даетъ никакого отвѣта. Гёте не признавалъ ничего внѣ сферы чисто-человѣческой; а между тѣмъ, Фауста волнуютъ вопросы, которые проистекаютъ не изъ этой сферы, и для которыхъ Гёте не могъ найти удовлетворительнаго разрѣшенія. Эти, говоря языкомъ Канта, трансцендентные вопросы переданы были ему цѣлымъ предшествовавшимъ развитіемъ не одного германскаго народа, но всей Европы; стремленіе всего человѣчества къ тому, что находится внѣ собственной, земной жизни, это стремленіе, это коренное начало среднихъ вѣковъ, которое выразилось во всемъ: и въ самомъ составѣ общества, и въ исторіи, и въ поэзіи, и въ искусствѣ (вспомнимъ готическія церкви), отозвалось могущественно и неотразимо въ душѣ Фауста. Фаустъ—сынъ своего прошедшаго. Но не менѣе сильно выразилось въ немъ начало противоположное, начало новѣйшаго времени, автономіи человѣческаго разума и критики. Въ исторіи развитія человѣческаго сознанія, „Фауста“ можно почитать самымъ полнымъ (литературнымъ) выраженіемъ эпохи, раздѣляющей средніе вѣка отъ новаго времени. И такъ какъ всякое, даже положительное начало должно, при первомъ появленіи своемъ, носить характеръ отрица-

тельный (иначе оно себѣ никогда не завоюетъ мѣста), то и весьма понятно, почему оно, это начало, у Гёте, современника Вольтера, приняло образъ Мефистофеля. Мефистофель—это новое время; это тотъ XVIII вѣкъ, на который съ такимъ добродушнымъ ожесточеніемъ ослѣпленные или ограниченные люди сыплютъ разнообразныя проклятія.... Подъ какимъ бы именемъ ни скрывался этотъ духъ отрицанія и критики, всюду за нимъ гоняются толпы своекорыстныхъ или ограниченныхъ людей, даже и тогда, когда это отрицательное начало, получивъ, наконецъ, право гражданственности, постепенно теряетъ свою чисторазрушающую, ироническую силу, наполняется самосознательнымъ, положительнымъ содержаніемъ и превращается въ разумный и органическій прогрессъ. Но мы готовы согласиться съ врагами критическаго начала: дѣйствительно, при вступленіи своемъ—не въ кругъ человѣческой дѣятельности, потому что оно никогда не переставало составлять одинъ изъ элементовъ этой дѣятельности,—но на поприще общественнаго развитія въ Европѣ—дѣйствительно, оно было односторонне, безжалостно и разрушительно; дѣйствительно, Мефистофель не представляетъ ничего отраднаго.... но самъ Фаустъ, это больное дитя не слишкомъ здоровыхъ среднихъ вѣковъ,—развѣ онъ въ силахъ стоять на собственныхъ ногахъ, развѣ въ немъ мы не находимъ всѣхъ признаковъ разрушенія? Не стремился ли онъ самъ изъ своей душной кельи, къ которой пригвоздила его безплодная, самолюбивая страсть къ недосягаемымъ отвлеченностямъ, на волю, въ дѣйствительный, здравый міръ, куда онъ оттого попасть не умѣетъ, что онъ, какъ фантазёръ, только фантазируетъ о немъ и ждетъ себѣ здоровья—не отъ сообщества съ живыми людьми, а отъ.... лучей луны.

O möcht' Ich....

. . . . . .

Von allem Wissensqualm entladen,
In deinem Thau gesund mich baden!

въ переводѣ (не совсѣмъ удачномъ) г. Вронченко:

Когда-жъ я возмогу....
. . . . . .
Тамъ пить твой свѣтъ, твоей росой,
Отъ чаду знаній исцѣлиться!

Не является ли намъ Фаустъ скептикомъ съ самыхъ первыхъ словъ своихъ? И самая его попытка: „отважно обратить свой тылъ къ прекрасному земному солнцу“ не есть ли послѣдній, отчаянный и ложный порывъ къ свободѣ и гармоніи? Самъ Фаустъ—не тотъ же ли Мефистофель въ своемъ разговорѣ съ Вагнеромъ, этимъ нѣмцемъ par excellence, этимъ типомъ „филистера?“ Наконецъ, онъ—Мефистофель, не есть ли онъ необходимое, естественное, неизбѣжное дополненіе Фауста?... И не выговариваются ли въ его рѣчахъ задушевныя наклонности и убѣжденія самого Гёте? Да и самъ Мефистофель часто—не есть ли смѣло-выговоренный Фаустъ?

Гёте началъ писать свою трагедію весьма рано, прежде „Гёца фонъ-Берлихингена“ и „Вертера“. Онъ началъ его, какъ онъ самъ сознался, безъ всякаго опредѣленнаго плана; да и въ теперешнемъ видѣ „Фаустъ“, какъ трагедія, не можетъ имѣть притязанія на округленность, на внѣшнее единство. Гёте съ раннихъ лѣтъ отличался необыкновенной наклонностью къ размышленію и систематизированію, наклонностью, почти всегда несовмѣстной съ живымъ даромъ поэтическаго воспроизведенія, которымъ такъ щедро былъ онъ надѣленъ.... Впрочемъ, надобно прибавить и то, что Гёте, какъ поэтъ, вовсе не дорожилъ своими воззрѣніями и системами; онъ легко и свободно покидалъ ихъ.... его, въ сущности, занимало одно: жизнь, возведенная въ идеалъ поэзіи („die Wirklichkeit zum schönen Schein erhoben“, какъ говорилъ онъ), жизнь

во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ добросовѣстно, съ любовью изучалъ ее.... но, повторяемъ, не жизнь, какъ жизнь—занимала и увлекала его душу, но жизнь, какъ предметъ поэзіи. Гёте наконецъ дошелъ до того, что онъ не пугался страданій, даже не избѣгалъ ихъ: они внушали его лирѣ такіе новые, такіе прекрасные звуки.... Да впрочемъ, какой же поэтъ когда-нибудь страдалъ, страдалъ дѣйствительно, безсловесно, глухо? Всѣ они готовы повторять съ Тассо:

Und mir noch über alles—
Sie (die Natur) liess im Schmerz mir Melodie und Rede
Die tiefste Fülle meiner Noth zu klagen:
Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt,
Gab mir ein Gott zu sagen, wie ich leide....

И пользуясь этимъ, у плохихъ стихотворцевъ воображаемымъ, у хорошихъ — дѣйствительнымъ преимуществомъ, авторы дотого надоѣли намъ воспѣваніемъ своихъ страданій, что поневолѣ захочется сказать даже лучшему изъ нихъ:

„Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ!“

Но отъ поэзіи уйти невозможно; слова, сказанныя нами, тоже стихъ, тоже произнесены поэтомъ....

Итакъ, Гёте писалъ своего „Фауста“ безъ всякаго плана. Онъ бросалъ стихи на бумагу, какъ невольныя признанія мыслящаго и страстнаго поэта-эгоиста. Въ его время, въ то переходное, неопредѣленное время, позволительно было поэту быть только человѣкомъ; старое общество еще не разрушилось тогда въ Германіи; но въ немъ было уже душно и тѣсно; новое только что начиналось; но въ немъ не было еще довольно твердой почвы для человѣка, не любящаго жить одними мечтаніями; каждый нѣмецъ шелъ себѣ своимъ путемъ и, либо своекорыстно, либо безсмысленно, покорялся существующему порядку вещей. Посмотрите, какую жалкую роль играетъ на-

родъ въ „Фаустѣ!“ Это—народъ (вспомните сцену, когда Фаустъ гуляетъ съ Вагнеромъ, и сцену въ погребѣ Ауэрбаха), въ родѣ народа на картинахъ Теньера и Остада; Мефистофель хочетъ дать Фаусту понятіе о веселомъ житьѣ-бытьѣ толпы и показываетъ ему полдюжину довольно глупыхъ студентовъ, надъ которыми они вдвоемъ потѣшаются „en grands seigneurs“; народъ, въ произведеніи Гёте, проходитъ передъ нашими взорами не какъ древній хоръ въ классической трагедіи, а какъ хористы въ новѣйшей операѣ. Толпа представлена, какъ водится, объективно, даже символически (въ сценѣ, о которой мы уже говорили, когда Фаустъ гуляетъ съ Вагнеромъ, всѣ сословія—одно за другимъ парадируютъ передъ читателемъ); она понята; ей отдано то, что ей слѣдуетъ, „man lässt sie gelten“,—чего-жъ ей болѣе? Какое право имѣетъ она—эта глупая толпа—возмущать величественный покой, или одинокія радости, или, наконецъ, одинокія страданія какой-нибудь геніальной личности? А этотъ бѣдный молодой мальчикъ, этотъ ученикъ, который смиренно приходитъ попросить совѣтовъ у Фауста,—съ какой аристократической, небрежной ироніей потѣшается Гёте надъ нимъ, и вообще надъ молодымъ поколѣніемъ, которое не можетъ возвыситься до геніальности—надъ ограниченной толпой! Всѣ насмѣшки, всѣ сарказмы Мефистофеля падаютъ на Фауста, какъ на отдѣльное лицо; онъ знаетъ его слабую сторону.—Фаустъ, мы уже говорили это не разъ,—эгоистъ, и заботится объ одной своей особѣ. Да, наконецъ, Мефистофель далеко не „самъ великій сатана“; онъ скорѣе „мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ“. Мефистофель—бѣсъ каждаго человѣка, въ которомъ родилась рефлекція; онъ—воплощеніе того отрицанія, которое появляется въ душѣ, исключительно занятой своими собственными сомнѣніями и недоумѣніями; онъ — бѣсъ людей одинокихъ и отвлеченныхъ, людей, которыхъ глу-

боко смущаетъ какое-нибудь маленькое противорѣчіе въ ихъ собственной жизни и которые съ философическимъ равнодушіемъ пройдутъ мимо цѣлаго семейства ремесленниковъ, умирающихъ съ голода. Онъ страшенъ не самъ по себѣ: онъ страшенъ своей ежедневностью, своимъ вліяніемъ на множество юношей, которые, по его милости, или, говоря безъ аллегоріи, по милости собственной робкой и эгоистической рефлексіи, не выходятъ изъ тѣснаго кружка своего милаго *я*. Онъ ѣдокъ, золъ и насмѣшливъ; люди, которые, по словамъ Пушкина, встрѣчаются съ этимъ демономъ, страдаютъ; но ихъ болѣзненныя страданія не возбуждаютъ нашего глубокаго участія; притомъ, сколько такихъ страдальцевъ, поносивнись съ своимъ горемъ, какъ „съ писаной торбой", внезапно превращаются въ добрыхъ и здоровыхъ пошлецовъ!... Да и тѣ изъ нихъ, которые до конца дней своихъ вянутъ и сохнутъ, какъ надломанная вѣтка,—признаемся откровенно,—и тѣ возбуждаютъ въ насъ одно лишь преходящее сожалѣніе.... Повторяемъ, Мефистофель страшенъ только потому, что до сихъ поръ его почитаютъ страшнымъ.... Ужасенъ онъ для людей, которымъ собственное счастье дороже всего на свѣтѣ и которые хотятъ въ то же время понять, почему именно они счастливы.... а этихъ людей всегда будетъ много, дотого много, что мы, вспомнивъ о ихъ количествѣ, готовы снова признать величіе Гётевскаго чорта, съ которымъ мы обошлись-было довольно безцеремонно. Но все-же мы должны сознаться, что мы не разъ возмущали „другой могучій образъ", передъ которымъ блѣднѣлъ и исчезалъ Мефистофель, это воплощенное проявленіе критическаго начала въ ограниченной сферѣ отдѣльной личности.

Итакъ, мы сказали, Фаустъ —эгоистъ, эгоистъ теоретическій, самолюбивый, ученый, мечтательный эгоистъ. Не науку хотѣлъ онъ завоевать—онъ хотѣлъ черезъ науку

завоевать самого себя, свой покой, свое счастіе. Упорной односторонностью его отвлеченной натуры проникнута вся трагедія, исключая величаваго появленія духа Земли въ началѣ первой сцены. Въ громовыхъ его словахъ слышится намъ голосъ Гёте-пантеиста, того Гёте, который видѣлъ страстнаго разнообразія человѣческаго міра — признавалъ одну безразличную, спокойную „субстанцію“ Спиноэы и уходилъ въ нее какъ въ свое „убѣжище“ (in sein Asyl), когда собственная личность начинала ему надоѣдать. Эгоизмъ Фауста особенно проявляется въ отношеніяхъ его къ Гретхенъ. Наскучивъ безплодностью и безотрадностію уединенной жизни, Фаустъ хочетъ (въ переводѣ г. Вронченко):

„Кипучія желанія
Въ утѣхахъ чувственныхъ глушить....“

Онъ жаждетъ:

„Бурь, тревогъ, горчайшихъ изъ отрадъ
Любви враждебной, сладостныхъ досадъ.
. . . . . .
Все испытать попеременно,
Что человѣчеству присуждено всему....“

И вотъ, обновивъ, при помощи вѣдьмы, свое подержанное тѣло, Фаустъ встрѣчается съ Гретхенъ. О самой Гретхенъ мы не будемъ много распространяться: она мила, какъ цвѣтокъ, прозрачна, какъ стаканъ воды, понятна, какъ дважды-два—четыре; она—безстрастная, добрая нѣмецкая дѣвушка; она дышетъ стыдливой прелестью невинности и молодости; она, впрочемъ, нѣсколько — глупа. Но Фаустъ и не требуетъ особенныхъ умственныхъ способностей отъ своей возлюбленной (и потому мы теперь же не можемъ не замѣтить г-ну переводчику, что онъ, при первой встрѣчѣ Фауста съ Гретхенъ, напрасно заставляетъ его говорить про нее:

„Какъ недоступна и скромна,
И, кажется, притомъ умна“.

Въ подлинникѣ сказано: „Und etwas schnippisch doch zugleich....“ Schnippisch—непереводимое слово: оно скорѣе значитъ—жеманна, въ хорошемъ смыслѣ.... но ни въ какомъ случаѣ—не умна).

Фаустъ знакомится съ ней рѣшительно и смѣло, какъ всѣ геніальные люди; Гретхенъ въ него влюбляется тотчасъ. Фаустъ является въ ея комнату, восторженно, страстно мечтаетъ о ней—и уходитъ, глубоко тронутый, не позабывъ, однако-жъ, оставить ей подарокъ; потомъ сходится съ ней у Марты; но уже самъ передъ этимъ свиданьемъ задалъ себѣ вопросъ:

Когда въ минуту ощущенья,
Для новыхъ чувствъ я, и для ихъ волненья,
Ищу именъ, и не могу найти;
Когда потомъ все въ мірѣ пробѣгаю,
Сильнѣйшія изъ сильныхъ словъ хватаю,
И огнь, которымъ такъ горю,
Зову безмѣрнымъ, безконечнымъ,
Неутѣшимымъ, вѣчнымъ—
Ужели ложь я говорю?...

У Марты, Гретхенъ сознается ему въ любви (намъ нечего говорить, что всѣ эти сцены—верхъ совершенства).... и Фаустъ—счастливецъ Фаустъ,—спѣшитъ, вы думаете, къ наслажденію? Нѣтъ, онъ спѣшитъ въ лѣса, предаваться новымъ мечтаніямъ и благодарить Могучаго Духа за то, что онъ далъ ему способность проникать въ грудь природы—какъ въ сердце друга... Кстати, мы должны обратить вниманіе читателя на одну весьма важную ошибку г-на переводчика. Въ своемъ „Обзорѣ обѣихъ частей Фауста“, онъ говоритъ слѣдующее:

„Маргарита падаетъ.... Вслѣдъ за тѣмъ, опомнившійся Фаустъ покидаетъ свою жертву, удаляется въ пустыню, предается тамъ созерцанію природы и души своей“. Это предположеніе г. Вронченко о времени паденія Маргариты невѣрно, во-первыхъ, психологически, во-вторыхъ, фак-

тически: у Гёте ясно сказано, что паденіе Маргариты совершается послѣ возвращенія Фауста; вотъ его собственныя слова въ собственномъ переводѣ г. Вронченко:

Фаустъ.

Уже-ль мнѣ никогда съ тобою
Минутки быть нельзя спокойно одному—
Грудь съ грудью и душа съ душою?

Маргарита.

Ахъ! если-бъ я одна спала!
. . . . . .

и далѣе:

Едва тебя завижу—вдругъ
Я становлюсь твоей покорна волѣ;
Я столько для тебя ужъ сдѣлала, мой другъ,
Что нечего почти мнѣ болѣ....

Эти слова, неизъяснимо-трогательныя въ устахъ дѣвушки, которая дѣйствительно, по словамъ г. Вронченко, „едва ли понимаетъ, что̀ значитъ „паденіе женщины“,—находятся въ сценѣ, *которая слѣдуетъ за сценой* Фауста въ лѣсу. За этой сценой находится пѣсенка Гретхенъ, это дивное изліяніе страстной и стыдливой тоски, которая, не смотря почти на дѣтскую простоту содержанія, вѣроятно никѣмъ и никогда не будетъ даже удовлетворительно передана.... За разговоромъ Фауста съ Гретхенъ о религіи слѣдуетъ ея паденіе.... и вотъ—все кончено.... Гретхенъ сокрушается подъ бременемъ своего горя, а Фаустъ отправляется на Брокенъ, гдѣ съ нимъ разговариваютъ разныя аллегорическія лица. Проклятія его, когда онъ узнаётъ отъ Мефистофеля, что Гретхенъ находится на краю гибели,—просто отвратительны: онъ обвиняетъ другихъ, когда онъ самъ первый виноватъ, или, пожалуй, не виноватъ; но тогда ему не изъ чего и горячиться. А послѣдняя сцена въ тюрьмѣ.... кто ее не читалъ, кто ее не знаетъ?... И

скажите, читатель, Гретхенъ, этотъ бѣдный, глупый, обманутый ребенокъ, въ этой сценѣ не въ тысячу ли разъ выше умнаго Фауста, который съ торопливымъ смущеніемъ умоляетъ ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ, хотя онъ очень хорошо знаетъ, что комедія съ Гретхенъ разыграна, и что вся эта любовь, говоря Гётевскимъ слогомъ, относится къ его прошедшему? Да, „онъ совершилъ то, что ему слѣдовало совершить“ (was er gesollt, hat er vollendet); но онъ не ожидалъ кровавой развязки; онъ испуганъ, онъ желаетъ спасти ее, хотя горе ей, если онъ дѣйствительно спасетъ ее отъ смерти!... Но пошлость не восторжествуетъ на этотъ разъ: Гретхенъ удостоивается трагической кончины, и ея послѣднимъ, страшнымъ крикомъ заключается вся трагедія.

Многіе толковали и толкуютъ до сихъ поръ, что Гёте не безъ глубоко-обдуманнаго намѣренія—именно *такъ* кончилъ своего „Фауста“, но намъ кажется, что вся первая часть „Фауста“ прямо вылилась изъ души Гёте, и что онъ началъ „обдумывать“, „округлять“ и художнически „оканчивать“ свое твореніе, когда принялся писать вторую часть. Вся первая часть „Фауста“, какъ произведеніе въ высшей степени геніальное, проникнута безсознательной истиной, непосредственнымъ единствомъ. Дѣйствительно, размышляя о „Фаустѣ“, вы чувствуете, что въ немъ все необходимо, нѣтъ ничего лишняго; но ясно ли сознавалъ самъ Гёте гармонію своего произведенія? —предоставимъ другимъ разбирать психологически этотъ вопросъ.

„Фаустъ“ (мы говоримъ о первой части) раздѣляется въ нашихъ глазахъ на двѣ половины: первая представляетъ зрѣлище вѣчной, внутренней борьбы личнаго духа; въ другой разыгрывается передъ нами трагикомедія любви. Въ обѣихъ видимъ человѣка, который безъ вѣры въ счастіе стремится къ нему. И что-жъ? Ни собственныя убѣжденія, ни близость другого существа, ни знаніе, ни любовь, ни-

что не можетъ заставить его сказать мгновенію: „не улетай! ты такъ прекрасно“.... Увы! люди гораздо ниже Фауста не разъ воображали найти, наконецъ, блаженство въ любви женщины гораздо выше Маргариты,—и вы сами знаете, читатель, какимъ аккордомъ разрѣшались всѣ эти варіаціи.... Гретхенъ можно сравнить съ Офеліей; но Гамлетъ, разрушивъ ее, разрушается самъ, между тѣмъ какъ въ началѣ второй части трагедіи Гёте, мы видимъ Фауста, спокойно отдыхающаго весной на травѣ, подъ нѣніе сильфовъ, и вполнѣ позабывшаго все свое прошедшее. Ему теперь не до бѣдной и простой дѣвушки, въ родѣ Гретхенъ.... онъ мечтаетъ о Еленѣ....

„Фаустъ“—великое произведеніе. Оно является намъ самымъ полнымъ выраженіемъ эпохи, которая въ Европѣ не повторится,—той эпохи, когда общество дошло до отрицанія самого себя, когда всякій гражданинъ превратился въ человѣка, когда началась, наконецъ, борьба между старымъ и новымъ временемъ, и люди, кромѣ человѣческаго разума и природы, не признавали ничего непоколебимаго. Французы на дѣлѣ осуществили эту автопомологію человѣческаго разума; нѣмцы—въ теоріи, въ философіи и поэзіи. Нѣмецъ, вообще, не столько гражданинъ, сколько человѣкъ; у него чисто-человѣческіе вопросы предшествуютъ вопросамъ общественнымъ; эпоха, о которой мы говорили выше, вполнѣ соотвѣтствовала коренному направленію германскаго народа, и вотъ, явился поэтъ, котораго не даромъ упрекали въ совершенномъ отсутствіи всякихъ гражданскихъ убѣжденій и называли язычникомъ,—поэтъ, который только потому былъ нѣмецъ, что одному нѣмцу дано быть просто человѣкомъ, и который изъ глубины своей всеобъемлющей, но глубоко-эгоистической натуры, извлекъ „Фауста“. Большая часть „Фауста“ была имъ написана до 1776 года, то-есть до переселенія въ Веймаръ, гдѣ онъ въ теченіе восьми лѣтъ предавался буйной и раз-

гульной жизни, потѣшался надъ всѣмъ и надъ всѣми (что не помѣшало ему, однако-жъ сдѣлаться Geheimrath'омъ), и вообще жилъ, какъ говорится, геніально. Бёттхеръ и другіе оставили намъ нѣсколько описаній тогдашняго его житья-бытья, и мы, признаемся откровенно, понимаемъ вполнѣ педантическое негодованіе тогдашнихъ веймарскихъ гражданъ противъ такъ-называемыхъ „сильныхъ геніевъ“ (Kraftgenies), т. е. противъ Гёте и его сподвижниковъ. Извѣстно, чѣмъ все это кончилось—„Итальянскимъ Путешествіемъ“, „классическимъ успокоеніемъ“ и появленіемъ множества замѣчательныхъ, глубоко обдуманныхъ и округленныхъ твореній, которымъ мы все-таки предпочитаемъ добродушно-страстныя и безпорядочныя вдохновенія его молодости.

Мы назвали „Фауста“ эгоистическимъ произведеніемъ.... но могло ли быть оно иначе? Гёте, этотъ защитникъ всего человѣческаго, земного, этотъ врагъ всего ложно-идеальнаго и сверхъестественнаго, первый заступился за права—не человѣка вообще, нѣтъ—за права отдѣльнаго, страстнаго, ограниченнаго человѣка; онъ показалъ, что въ немъ таится несокрушимая сила, что онъ можетъ жить безъ всякой внѣшней опоры, и что при всей неразрѣшимости собственныхъ сомнѣній, при всей бѣдности вѣрованій и убѣжденій, человѣкъ имѣетъ право и возможность быть счастливымъ и не стыдиться своего счастія. Фаустъ не погибъ же. Мы знаемъ, что человѣческое развитіе не можетъ остановиться на подобномъ результатѣ; мы знаемъ, что краеугольный камень человѣка не есть онъ самъ, какъ недѣлимая единица, но человѣчество, общество, имѣющее свои вѣчные, незыблемые законы. Первая протестація человѣка противъ сверхъестественности въ художествѣ должна была носить рѣзкій отпечатокъ исключительности и эгоизма односторонняго. „Мы не имѣли“, говоритъ Гёте въ своихъ запискахъ, „ни желанія, ни стремленія заниматься предметами богословія или философіи“....

Но люди требуютъ высказаннаго примиренія; первая часть „Фауста“ не представляла намъ ничего подобнаго. Да и какимъ образомъ можетъ человѣкъ, не выходя изъ сферы лично-человѣческаго, дойти до полнаго округленія своего существованія? Этотъ вопросъ мы и теперь разрѣшить не въ силахъ: что же тогда? Но Гёте жилъ, и жилъ долго; послѣ первыхъ восьми лѣтъ бурной веймарской жизни наступила для него эпоха „успокоенія“ и „пластичности“.... „Фаустъ“—это страстное, неокругленное произведеніе его первой молодости—не давало ему покоя; онъ принялся оканчивать свою трагедію, онъ задумалъ вторую часть. Поэтическая способность воспріимчивости и воззданія, которая всегда была такъ сильно развита въ душѣ Гёте, наконецъ стала ему дороже самаго содержанія, самой жизни; онъ вообразилъ себѣ, что стоитъ на высотѣ созерцанія, между тѣмъ какъ смотрѣлъ на все земное съ высоты своего холоднаго, устарѣлаго эгоизма. Онъ гордился тѣмъ, что всѣ великіе общественные перевороты, которые совершались вокругъ него, не возмутили ни на мгновеніе его душевной тишины; онъ, какъ утесъ, не давалъ уносить себя волнамъ—и остался назади своего вѣка, хотя его наблюдательный умъ старался оцѣнить и понять всѣ замѣчательныя современныя явленія; — но вѣдь однимъ умомъ не поймешь ничего живого. Онъ былъ правъ передъ самимъ собою, онъ не измѣнилъ себѣ, и сограждане его, нѣмцы—даже молодые, любовались имъ и толпились вокругъ него, подобострастно повторяя его вычурно-старческія изрѣченія. Вся жизнь человѣческая являлась ему аллегоріей, и вотъ, онъ написалъ свою великую (правильнѣе—длинную) аллегорію: вторую часть „Фауста“. Судъ надъ этой второй частью теперь произнесенъ окончательно; всѣ эти символы, эти тіни, эти обдуманныя группировки, эти загадочныя рѣчи, путешествіе „Фауста“ въ древній міръ, хитро-сплетенная связь всѣхъ этихъ аллегориче-

скихъ лицъ и происшествій, жалкое и бѣдное разрѣшеніе трагедіи, о которомъ такъ много хлопотали,—вся эта вторая часть возбуждаетъ участіе въ однихъ старцахъ (молодыхъ или старыхъ годами) нынѣшняго поколѣнія; и право, г. Вронченко могъ бы избавить себя отъ неблагодарнаго, хотя и полезнаго труда, представить намъ эту вторую часть даже въ извлеченіи. Но люди, повидимому, не могутъ жить безъ „примиренія жизненныхъ противорѣчій“, и ихъ требованія дѣйствительно были бы достойны уваженія, если-бъ они не „примирились“ пока.... на пустякахъ. Въ этой способности удовлетворяться неудовлетворительнымъ—скрывается тайна успѣха (хотя переходящаго) второй части „Фауста“. Какой добросовѣстный читатель повѣритъ, что Фаустъ, оттого, что его утилитарныя затѣи удаются, дѣйствительно наслаждается „мгновеніемъ высшаго блаженства“ и, въ силу условія, заключеннаго съ чортомъ, принужденъ разстаться съ жизнью? Гёте въ одномъ только отношеніи остался вѣренъ своей натурѣ: онъ не заставилъ Фауста искать блаженства внѣ человѣческой сферы.... но какъ бѣдно и пошло придуманное имъ „примиреніе!“ И г. Вронченко обвиняетъ Гёте за его конецъ второй части; но съ его упреками мы согласиться не можемъ. Онъ говоритъ (на стр. 403): „при концѣ жизни Фаустъ чувствуетъ, что связавшись съ волшебствомъ (?!!) онъ проклялъ тѣмъ себя самого и все его окружающее: онъ всего страшится и въ то же время полагаетъ, что далѣе здѣшняго міра простирать взоръ не долженъ; онъ желаетъ выбиться на волю посредствомъ утилитарности и умираетъ, мечтая о достиженіи своей утилитарной цѣли. По смерти Фаустъ прощенъ: когда-жъ онъ перестаетъ мудрствовать? (просимъ читателей обратить вниманіе на это слово: мы о немъ поговоримъ впослѣдствіи)—когда находитъ путь истинный? Разглагольствовать тутъ нечего. пьеса ясно и явственно пришла не къ тому концу, къ которому придти

долженствовала (т. е. Фаустъ не раскался въ томъ, что связался съ волшебствомъ). Авторъ это видѣлъ и для исправленія дѣла сказалъ въ послѣдней сценѣ, что прощеніе заслуживается „безпрерывностью исканія“.... съ чѣмъ г. Вронченко не можетъ согласиться. Мы, съ своей стороны, такъ же недовольны „разрѣшеніемъ трагедіи“, но не потому, что именно это разрѣшеніе ложно, а потому, что всякое разрѣшеніе Фауста ложно; потому, что не романтизму, только-что вышедшему изъ нѣдръ стараго общества, дано знать то, чего еще мы сами не знаемъ; потому, что всякое „примиреніе“ Фауста внѣ сферы человѣческой дѣятельности—несестественно, а о другомъ примиреніи мы пока можемъ только мечтать.... Намъ скажутъ: такое заключеніе безотрадно; но, во-первыхъ, мы хлопочемъ не о пріятности, а объ истинѣ нашихъ воззрѣній; во-вторыхъ, тѣ, которые толкуютъ о томъ, что неразрѣшенныя сомнѣнія оставляютъ за собою страшную пустоту въ человѣческой душѣ, никогда искренно и страстно не предавались тайной борьбѣ съ самими собою; они бы знали, что на развалинахъ системъ и теорій остается одно неразрушимое, неистребимое—наше человѣческое *я*, которое уже потому безсмертно что даже оно само не можетъ истребить себя.... Такъ пусть же „Фаустъ“ остается недоконченнымъ, фрагментарнымъ, какъ и то время, которому онъ служилъ выраженіемъ,—время, для котораго страданія и радости Фауста были высшими страданіями и радостями, а иронія Мефистофеля—самой безжалостной ироніей! Въ недоконченности этой трагедіи заключается ея величіе. Въ жизни каждаго изъ насъ есть эпоха, когда „Фаустъ“ намъ является самымъ замѣчательнымъ созданіемъ человѣческаго ума, когда онъ вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ требованіямъ; но приходитъ другая пора, когда, не переставая признавать „Фауста“ величавымъ и прекраснымъ произведеніемъ, мы идемъ впередъ, за другими, можетъ

быть меньшими талантами, но сильнѣйшими характерами, къ другой цѣли.... Повторяемъ, какъ поэтъ, Гёте не имѣетъ себѣ равнаго; но намъ теперь нужны не одни поэты.... мы (и то, къ сожалѣнію, еще не совсѣмъ) стали похожи на людей, которые, при видѣ прекрасной картины, изображающей нищаго, не могутъ любоваться „художественностью воспроизведенія“, но печально тревожаться мыслью о возможности нищихъ въ наше время.

Мы въ началѣ статьи напомнили читателямъ Лермонтовскій стихъ: „Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ“.... Но теперь, переходя собственно къ разбору перевода г. Вронченко, не можемъ не сознаться, что всякій истинно-великій поэтъ имѣетъ право сказать намъ, профанамъ: „Какое дѣло мнѣ—нравлюсь ли я вамъ или нѣтъ?“ Мы укоряемъ его въ односторонности, въ томъ, что онъ не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ; но таланть—не космополитъ: онъ принадлежитъ своему народу и своему времени. Онъ имѣетъ право существовать, не дожидаясь сужденія другихъ. Счастливъ тотъ, кто можетъ свое случайное созданіе (всякое созданіе отдѣльной личности случайно) возвести до исторической необходимости, означить имъ одну изъ эпохъ общественнаго развитія; но великъ тотъ, кто, подобно Гёте, выразилъ собою всю современную жизнь—и въ созданіяхъ, въ образахъ проводитъ передъ глазами своего народа то, что̀ жило въ груди каждаго, но часто не могло высказаться даже словомъ.... Одно лишь настоящее, могущественно выраженное характерами или талантами, становится неумирающимъ прошедшимъ....

Въ старинныхъ учебникахъ находится всегда параграфъ о пользѣ той науки, о которой идетъ рѣчь. Вѣроятно, читатели избавятъ насъ отъ обязанности доказывать пользу перевода „Фауста“ на русскій языкъ. Трудъ г. Вронченко достоинъ уваженія и благодарности, хотя мы уже теперь

принуждены сознаться, что его никакъ нельзя считать окончательнымъ. Но только со времени появленія этого перевода наша публика познакомится съ „Фаустомъ“ Гёте. Мы боимся одного.... мы боимся такъ-называемаго succès destime, потому что трудъ г. Вронченко лишенъ именно того, что̀ по справедливости нравится читателямъ,—лишенъ всякаго поэтическаго колорита. А намъ бы весьма хотѣлось, чтобъ русская публика прочла—и прочла со вниманіемъ—„Фауста!“ Не смотря на свою германскую наружность, онъ, можетъ быть, понятнѣй намъ, чѣмъ всякому другому народу. Правда, мы, русскіе, не черезъ знаніе стараемся достигнуть жизни; всѣ наши сомнѣнія, наши убѣжденія возникаютъ и проходятъ иначе, чѣмъ у нѣмцевъ; наши женщины не походятъ на Гретхенъ, нашъ бѣсъ—не Мефистофель.... Нашему здравому смыслу многое въ „Фаустѣ“ покажется страннымъ и вычурнымъ (напр., золотая свадьба Оберона и Титаніи, это интермеццо, въ которомъ уже начинаетъ проявляться страсть Гёте къ аллегоріямъ); но вообще весь „Фаустъ“ долженъ спасительно на насъ подѣйствовать; онъ въ насъ пробудитъ много размышленій.... И, можетъ быть, мы, читая „Фауста“, поймемъ наконецъ, что разложеніе элементовъ, составляющихъ общество—не всегда признакъ смерти.... Мы не будемъ безсмысленно преклоняться предъ „Фаустомъ“, потому что мы русскіе; но поймемъ и оцѣнимъ великое твореніе Гёте, потому что мы европейцы.... Насъ не испугаетъ отсутствіе „примиренія“, о которомъ мы говорили выше; мы—какъ народъ юный и сильный, который вѣритъ и имѣетъ право вѣрить въ свое будущее, — не очень-то хлопочемъ объ округленіи и завершеніи нашей жизни и нашего искусства....

Г-нъ Вронченко, кромѣ перевода первой части „Фауста“ и изложенія второй, помѣстилъ въ своей книгѣ довольно длинную статью, подъ заглавіемъ: „Обзоръ обѣихъ частей Фауста“.

Не можемъ не пожалѣть, что почтенный переводчикъ почелъ за нужное напечатать эту статью. Въ этомъ „Обзорѣ“ непріятно поражаетъ читателя какое-то странное озлобленіе противъ философіи и разума вообще, и противъ нѣмецкихъ ученыхъ въ особенности. Г-нъ Вронченко называетъ ихъ „толковниками“ и увѣряетъ: „что, нѣтъ сомнѣнія, и изъ Бовы-Королевича выйдетъ подтвержденіе какой угодно философической системы“. Мы очень хорошо знаемъ, что у каждаго народа есть свои слабости; знаемъ что, напр., вторая часть „Фауста“ подала поводъ нѣкоторымъ ограниченнымъ головамъ написать длинныя и хитросплетенныя книги, и что эти книги читались, потому что добросовѣстные нѣмцы все читаютъ; мы даже готовы сознаться, что творенія гг. Рётчера, Гёшеля и др., пользовались нѣкоторой славой въ свое время; но, вѣроятно, г. Вронченко не думаетъ, что онъ первый открылъ недостатки второй части „Фауста“ и ограниченность гг, комментаторовъ; все это уже de l'histoire ancienne въ Германіи; стоитъ только указать на рядъ статей автора книги „О Возвышенномъ и Комическомъ“ — Фишера, въ „Hallische Jahrbücher“ 1839 года, подъ названіемъ: „Die Litteratur über Göthe's Faust“. Вообще, новѣйшее, современное движеніе умовъ въ Германіи, какъ намъ кажется, не вполнѣ знакомо г. переводчику: онъ бы не сталъ нападать такъ пространно и съ такимъ жаромъ (см. стр. 373, 4, 5 и 6) на толкованья“, „толкователей“, ихъ „противорѣчія“ и т. д., если-бъ зналъ, что воюетъ съ мертвыми: статьи того же Фишера, исполненныя такой злой и неумолимой ироніи, вѣроятно, отпяли бы у него охоту въ свою очередь потѣшаться надъ „дряхлѣющимъ умомъ, который, какъ одѣтинѣвшій старикъ, забавляется калейдоскопомъ мудрствованія“. И между тѣмъ, г. Вронченко, не смотря на свою нелюбовь къ „подразумѣнію“, „толкованію“ и „систематизированію“, первый впадаетъ въ ту же самую по-

грѣшность. Рѣшившись руководствоваться „единственно здравымъ разсудкомъ“, г. Вронченко приступаетъ къ разбору характера „Фауста“, къ оцѣнкѣ мотивовъ трагедіи. И что̀ же, г. переводчикъ самъ строитъ всѣ свои выводы даже не на гипотезѣ, а на ложномъ переводѣ одного слова: „streben“, не смотря на то, что самъ сознается въ неточности своего перевода. Слово: „мудрствовать“, взятое отдѣльно, не можетъ служить переводомъ нѣмецкаго „streben“, говоритъ онъ въ примѣч. къ стр. 380. Разумѣется, не можетъ, потому что „streben“ по-русски значитъ „стремиться“, не болѣе и не менѣе; не можетъ, но должно.... должно повиноваться здравому разсудку. Дѣло вотъ въ чемъ: во второмъ прологѣ, Духъ говоритъ Мефистофелю:

„Es irrt der Mensch, so lang er strebt“.
(Т.-е., человѣкъ заблуждается, пока только стремится).

Г-нъ Вронченко перевелъ этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ:

„Человѣкъ
„Радъ мудрствовать во весь свой вѣкъ;
„А мудрствуя нельзя не заблуждаться“. (Стр. 18).

И на этомъ, явно-неточномъ, переводѣ онъ основываетъ всѣ дальнѣйшіе свои выводы! Вотъ собственныя слова г. переводчика: „Что̀ авторъ себѣ предположилъ касательно хода и окончанія пьесы? На это находимъ въ прологѣ отвѣтъ самый положительный. Мефистофель будетъ вести Фауста своимъ путемъ, но до цѣли не достигнетъ: Фаустъ найдетъ себѣ путь истинный, найдетъ именно тогда, когда перестанетъ мудрствовать. Замѣтимъ это послѣднее положеніе. Оно неизбѣжно истекаетъ изъ того, что „мудрствуя нельзя не заблуждаться“. Т.-е., г. Вронченко привязывается къ одному словечку.... не точно ли такъ же поступаютъ тѣ комментаторы, на которыхъ г. переводчикъ такъ побѣдоносно нападаетъ? Г-нъ Вронченко дотого

увлекся своею системою воззрѣнія на „Фауста“, что даже въ двухъ или трехъ мѣстахъ своего перевода съ намѣреніемъ искажаетъ смыслъ подлинника, напримѣръ:

У Гёте (въ сценѣ ученика съ Мефистофелемъ), ученикъ говоритъ:

„Möchte gern was rechts hier auslernen“.
(Т.-е., я бы желалъ здѣсь чему-нибудь дѣльному научиться);

г. Вронченко переводитъ:

„Хочу чѣмъ дѣльнымъ голову набить“. (стр. 84).—

между тѣмъ, какъ слова „голову набить“ явно противорѣчатъ робкому, неопытному и смиренному характеру ученика. Далѣе, на стр. 88, онъ заставляетъ того же ученика спросить у чорта:

„Не въ философію-ль залѣзть мнѣ, наконецъ?“

а у Гёте сказано:

„Я почти готовъ запяться философіей“—

и т. д. Ненависть къ „мудрствованію“ побѣждаетъ въ почтенномъ переводчикѣ собственную его добросовѣстность, не подлежащую никакому сомнѣнію: онъ переводитъ невѣрно.... не переставая руководиться здравымъ разсудкомъ. Читатель легко пойметъ изъ всего, нами сказаннаго выше, что мы совершенно несогласны съ г. Вронченко на счетъ его воззрѣнія на Фауста, Мефистофеля и т. д.—не потому, что слишкомъ просто, а потому, что оно слишкомъ сложно и хитро. Мы, подобно г. переводчику, не любимъ ни толкованій, ни аллегорій, ни комментаріевъ: насъ занимаетъ одно чисто-человѣческое, одно простоистинное; г. переводчикъ говоритъ, что Мефистофель есть „олицетвореніе отрицанія“, и мы вполнѣ согласились бы съ нимъ, если-бъ онъ удовлетворялся своимъ опредѣленіемъ и постарался вникнуть поглубже въ собственныя слова; но вдругъ то же самое „олицетвореніе отрицанія“

является у г. переводчика какимъ то личнымъ, капризнымъ духомъ, чѣмъ-то въ родѣ Бертрама въ „Робертѣ Дьяволѣ“, мелодраматическимъ чортомъ, который въ одно прекрасное утро говоритъ самому себѣ: „Дай-ка, погублю я этого добродѣтельнаго человѣка, Фауста!“. И вотъ, по словамъ г. Вронченко (на стр. 388), „со времени знакомства съ Мефистофелемъ въ Фаустѣ исчезаютъ всѣ утѣшительныя мысли...“ Но какъ же это? вѣдь Фаустъ хотѣлъ отравиться до знакомства съ чортомъ? Куда же на это время дѣвались эти утѣшительныя мысли?... Далѣе (на стр. 389) г. переводчикъ утверждаетъ, что „сущное дѣло“ для Мефистофеля „завлечь желаемую свою жертву въ губящія душу преступленья“. Бертрамъ, совершенный Бертрамъ!... Мы позволяемъ себѣ замѣтить г. переводчику, что борьба демона съ человѣкомъ годится только въ оперы г. Скриба и комп.; что, допустивъ подобное толкованіе трагедіи Гёте, мы никогда не поймемъ, почему слова Мефистофеля возбуждаютъ такое глубокое сочувствіе въ душѣ Фауста; изъяснитъ же это сочувствіе однимъ магическимъ вліяніемъ бѣса на человѣка, значитъ превращать великую трагедію въ довольно пошлую мелодраму. Да! (и пусть г. переводчикъ насъ упрекаетъ въ страсти къ толкованіямъ) Фаустъ есть тотъ же Мефистофель, или, говоря точнѣе, Мефистофель есть отвлеченный, олицетворенный элементъ цѣлаго человѣка Фауста, „олицетворенное отрицаніе“, говоря собственными словами г. Вронченко. Всякій не „мудрствующій“ не можетъ не чувствовать внутренней, неразрывной связи, соединяющей Фауста съ Мефистофелемъ; онъ не можетъ не признать въ этихъ двухъ фигурахъ проявленія одной и той же личности—личности творца ихъ. Мы не думаемъ вдаваться въ „толкованія“; напротивъ, для тѣхъ читателей, которые, можетъ быть, нашли наши разсужденія о Фаустѣ слишкомъ „хитросплетенными“, мы готовы самымъ простымъ, самымъ наи-

нымъ образомъ изложить свое мнѣніе о трагедіи Гёте: и Фаустъ, и Мефистофель — тотъ же Гёте: восторженные порывы, страстная тоска фантазирующаго ученаго такъ же непосредственно вытекли изъ сердца поэта, такъ же дороги и близки ему, какъ и безжалостная насмѣшка, холодная иронія Мефистофеля.... Позвольте разсказать анекдотъ, который лучше всякихъ доводовъ подтвердитъ истину нашихъ словъ. Во время перваго путешествія Гёте съ братьями Штольбергами въ Швейцаріи, одинъ изъ нихъ былъ страстно влюбленъ въ дѣвушку, на которой не могъ жениться; самъ Гёте находился подъ вліяніемъ своей Лили. Гдѣ-то, за обѣдомъ, молодые люди разговорились о своихъ „любезныхъ“, стали пить за ихъ здоровье, пришли въ восторгъ, и Штольбергъ предложилъ выбросить всѣ стаканы за окошко, для того, чтобъ никто другой не могъ потомъ осквернить своими прозаическими губами тѣ стаканы, изъ которыхъ они пили за здоровье „возлюбленныхъ“. Стаканы полетѣли за окно, и Гёте бросилъ свой.... „но въ это время“, говоритъ онъ потомъ: „мнѣ показалось, что Меркъ стоитъ за мною и смотритъ на меня....“ Вѣроятно, нашимъ читателямъ извѣстно имя этого человѣка, который послужилъ Гёте типомъ Мефистофеля и застрѣлился на 52 году своей жизни. Присутствіе элемента отрицанія, „рефлексіи“, въ каждомъ живомъ человѣкѣ составляетъ отличительную черту нашей современности; рефлексія— наша сила и наша слабость, наша гибель и наше спасенье.... Рефлектировать значитъ по-русски: „размышлять о собственныхъ чувствахъ“. Но, скажутъ намъ: Мефистофель и Фаустъ въ трагедіи Гёте являются двумя отдѣльными лицами, которыя дѣйствуютъ другъ на друга: но кто же намъ дастъ право смотрѣть на нихъ, какъ на одно нераздѣльное цѣлое, какъ на проявленіе одного, полнаго человѣка? На этотъ вопросъ мы сперва отвѣтимъ собственными словами г. переводчика (на стр. 378): „Мы по-

стоянно должны заботиться еще объ одномъ, не смѣшивать сущности предмета съ его поэтической обстановкой", и прибавимъ отъ себя, что слова: „поэтическая обстановка" далеко не выражаютъ всей нашей мысли. Гёте, этотъ по преимуществу творческій геній, не могъ не создавать опредѣленныхъ, дѣйствительныхъ образовъ, а потому Мефистофель является у него—въ первой части—не блѣдной аллегоріей, но существомъ живымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ, такимъ же какъ и Фаустъ. Но развѣ мы въ жизни не стараемся „понять" людей? Почему-жъ намъ отказываться отъ права понимать художественныя созданія, какъ бы они ни были живы и дѣйствительны? Притомъ, истина нашего воззрѣнія (а мы повторяемъ только то, что давно сказано нѣмцами, которыхъ мы не позволяемъ себѣ не уважать) такъ и бросается въ глаза даже поверхностному наблюдателю. Напримѣръ, не самъ ли Фаустъ говоритъ Мефистофелю (въ переводѣ г. Вронченко):

„Настанетъ день.... его я съ трепетомъ встрѣчаю;
Я слезы лить готовъ.... я знаю,
Что онъ пройдетъ, пройдетъ, ни одного
Не совершивъ желанья моего!
Что всѣ надежды наслажденій
Онъ дерзкою насмѣшкой истребитъ
И повседневности уродствомъ исказитъ
Изящный міръ моихъ видѣній!"

Послѣдніе четыре стиха неудовлетворительно переведены; у Гёте сказано:

Der selbst die Ahnung jeder Lust
Mit eigensinn'gem Krittel mindert,
Die Schöpfung meiner regen Brust
Mit tausend Lebensfratzen hindert;

а это по русски значитъ:

(День).... который даже предчувствіе наслажденья
Ослабляетъ своей упрямой критикой
И тысячью жизненныхъ причудъ (причудъ, развлеченій)
Не даетъ развиться созданію моей живой груди.

А проклятіе Фауста? а слова его:

„Когда мгновенью я скажу:
Не улетай! ты такъ прекрасно!
Я самъ тогда погибнуть буду радъ....

А слова Мефистофеля (неудовлетворительно переведенныя г. Вронченко):

Und hätt' er sich dem Teufel nicht ergeben,
Er müsste doch zu Grunde geh'n!

Т. е.: „И если-бъ онъ даже чорту не отдался—онъ бы все-таки погибъ“—
не изобличаютъ ли всѣ эти, почти на-удачу выбранныя нами, мѣста присутствіе въ Фаустѣ того самаго отрицательнаго элемента, который олицетворился въ Мефистофелѣ? Впрочемъ, читателямъ, раздѣляющимъ наше мнѣніе, мы болѣе не станемъ доказывать то, что въ нашихъ глазахъ ясно само собою; а чтобъ читателямъ, не согласнымъ съ нами, дать понять о томъ, какъ развиваетъ г. переводчикъ свое собственное воззрѣніе на Фауста, считаемъ долгомъ привести нѣсколько мѣстъ изъ его обзора:

На стр. 387: „Бертрамъ.... виноватъ,—Мефистофель не могъ имѣть охоты подпасть подъ власть Фауста умышленно, а Фаустъ не только не желалъ завладѣть Мефистофелемъ, но и не думалъ о немъ вовсе“....

На стр. 391: „Мефистофель (познакомивъ Фауста съ Гретхенъ) могъ бы похвалиться, что сдѣлалъ значительный шагъ къ достиженію своей цѣли; однако-жъ онъ тѣмъ не хвалится, онъ видитъ, что вмѣстѣ съ гибельною для Маргариты страстью, въ сердцѣ Фауста пробудились и другія чувствованія, вовсе для чорта нежелательныя: страхъ, жалость и раскаяніе“....

Не можемъ не замѣтить почтенному переводчику, что онъ самъ опять немного „мудрствуетъ“ на счетъ любви Фауста съ Гретхенъ....

На стр. 393: „Фаустъ покидаетъ Маргариту — покидаетъ потому, что съ любовью сталъ знать и жалость, видѣть преступность своего поведенія и т. д.

А вотъ оцѣнка поэтическаго таланта Гёте (на стр. 418): „Онъ во всякомъ сочиненіи за важное и главное почиталъ сущность, существо, смыслъ, направленіе.... все же остальное, отдѣлку и языкъ, называлъ одеждою, которая можетъ быть сдѣлана такъ или иначе, лучше или хуже, безъ значительнаго вліянія на достоинства цѣлаго".

Неужели это похоже на Гёте, на пластическаго, пантеистическаго Гёте, который не допускалъ разъединенія идеи и формы, на того Гёте, который сказалъ:

Nichts ist innen! Nichts ist aussen!
Denn was innen ist—ist draussen!

и въ глазахъ котораго форма, эта внѣшняя одежда, по словамъ г. Вронченко, относилась къ идеѣ, какъ тѣло къ душѣ! Сверхъ того, на стр. 375, сказано: „если слушать мистиковъ, то Фаустъ ясно и несомнѣнно написанъ въ духѣ мистицизма"; мы покорнѣйше попросили бы г. переводчика назвать намъ этихъ мистиковъ по именамъ.... На стр. 427, г. переводчикъ, говоря объ открытіяхъ Гёте, увѣряетъ, что ни одно изъ мнимыхъ его открытій не признано за дѣльное, и что „всѣ они въ ученомъ мірѣ уже забыты—разумѣется само собою". Г-нъ Вронченко позволитъ намъ замѣтить ему, что Гётева теорія о цвѣтахъ принята почти всѣми учеными....

Обратимся, наконецъ, къ самому переводу. Какого бы мнѣнія ни былъ переводчикъ объ авторѣ, имъ переводимомъ, если онъ хорошо исполнилъ свое дѣло, онъ правъ передъ собой и передъ читателями. Посмотримъ, до какой степени удался г-ну Вронченко его, повторяемъ, добросовѣстный и благонамѣренный трудъ. Всякій переводъ назначенъ преимущественно для незнающихъ подлинника. Переводчикъ не долженъ трудиться для того, чтобъ доста-

вить знающимъ подлинникъ случай оцѣнить, вѣрно или невѣрно передалъ онъ такой-то стихъ, такой-то оборотъ; онъ трудится для массы". Какъ бы ни была предубѣждена масса читателей въ пользу переводимаго творенія, но и ее точно такъ же должно завоевать оно, какъ завоевало нѣкогда свой собственный народъ. Но на массу читателей дѣйствуетъ одно несомнѣнно-прекрасное, дѣйствуетъ одинъ талантъ; талантъ, творческій даръ, необходимъ переводчику; самая взыскательная добросовѣстность тутъ недостаточна. Что̀ можетъ быть рабски-добросовѣстнѣе дагерротипа? А между тѣмъ, хорошій портретъ не въ тысячу ли разъ прекраснѣе и вѣрнѣе всякаго дагерротипа? Заслуга переводчика чрезвычайно велика, но только тогда, когда ее дѣйствительно нельзя не признать заслугой. Многіе, не совсѣмъ бездарные, но и не даровитые люди охотно принимаются за переводы; переводя, они избавляются отъ необходимости прибѣгнуть къ собственной изобрѣтательности (которая, можетъ быть, уже не разъ измѣнила имъ); они имѣютъ передъ собой готовый матеріалъ, и между тѣмъ, все же, они какъ-будто создаютъ, какъ-будто сочиняютъ. Но не такими воображаемъ мы себѣ истинно-хорошихъ переводчиковъ. Такія натуры попадаются довольно рѣдко. Ихъ нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубокимъ и вѣрнымъ пониманіемъ красоты, уже выраженной другимъ, способностью поэтически воспроизводить впечатлѣнія, производимыя на нихъ любимымъ ихъ поэтомъ; элементъ воспріимчивости преобладаетъ въ нихъ, и собственный ихъ творческій даръ отзывается страдательностью, необходимостью опоры. Они по большей части бываютъ люди съ тонкимъ вкусомъ, съ развитой рефлексіей. Таковъ былъ Шлегель, таковъ былъ и Фоссъ. Невольная симпатія привлекаетъ ихъ къ тому поэту, котораго они стараются передать (вспомнимъ о Жуковскомъ и Шиллерѣ); всякій хорошій переводъ проникнутъ любовью пере-

водчика къ своему образцу, понятной, разумной любовью, т. е. читатель чувствуетъ, что между этими двумя натурами существуетъ дѣйствительная, непосредственная связь....

Г-нъ Вронченко только отчасти удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Мы съ удовольствіемъ отдаемъ полную справедливость его добросовѣстной отчетливости, его терпѣливому трудолюбію; онъ переводилъ „Фауста“, какъ говорится, con amore—и многое, въ особенности роль Мефистофеля,—дѣйствительно ему удалось; но онъ не поэтъ, онъ даже не стихотворецъ; ему недоступно то, что̀ составляетъ тайную гармонію стиха. Онъ въ предисловіи говоритъ, что „забота о гладкости стиховъ была дѣломъ не главнымъ, а послѣднимъ“.... И мы не хлопочемъ о гладкости стиховъ, но о стихѣ вообще, котораго мы—признаемся откровенно—не находимъ у г. Вронченко. Ѣдкія, прозаичныя, отрывистыя рѣчи Мефистофеля переданы г. переводчикомъ, какъ мы уже сказали выше, часто весьма удачно, хоть иногда промелькиваетъ въ нихъ какое-то непріятное жартованье, которое совершенно чуждо нѣмецкому Мефистофелю: Мефистофель не юмористъ.... Сцена у вѣдьмы, сцена въ „Домѣ сосѣдки“ (стр. 134), даже очень хорошо переведены, хоть и здѣсь намъ не совсѣмъ нравятся слова: „милый простачина“ (стр. 141), вложенныя въ уста Марты. Но, не говоря уже о лирическихъ мѣстахъ, которыми особенно изобилуетъ начало трагедіи, вся роль самого Фауста переведена вообще довольно неудачно, хотя вѣрно. Эта вѣрность не совсѣмъ насъ радуетъ—мы сейчасъ объяснимъ, почему. Чѣмъ болѣе переводъ намъ кажется не переводомъ, а непосредственнымъ, самобытнымъ произведеніемъ, тѣмъ онъ превосходнѣе; читатель не долженъ чувствовать ни малѣйшаго слѣда той ассимиляціи, того процесса, которому подвергается подлинникъ въ душѣ переводчика; хорошій переводъ есть полное превращеніе. метаморфоза. Такой переводъ не можетъ быть относитель-

по шире или длиннѣе или уже оригинала; плохіе же переводчики напоминаютъ собою дѣтей, которыя безпрестанно посредствомъ циркуля сравниваютъ разстоянія отъ глазъ до губъ и т. д. въ своемъ рисункѣ и въ оригиналѣ, и сами удивляются, что у нихъ выходитъ не то. Наше сравненіе, конечно, не примѣняется вполнѣ къ труду г. Вронченко... Но его трудъ—дѣйствительно трудъ.... Это не источникъ, который свободно и легко бьетъ изъ нѣдръ земли: это колодезь, изъ котораго со скрипомъ и визгомъ насосъ выкачиваетъ воду. Вамъ безпрестанно хочется воскликнуть: браво! еще одна трудность преодолѣна! между тѣмъ, какъ намъ бы не слѣдовало и думать о трудностяхъ. Люди, не знающіе вовсе подлинника, но одаренные умомъ и вкусомъ, лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ; заставьте ихъ прочесть, вотъ, хоть бы эти стихи:

„Подобенъ не богамъ; да, *ясенъ жребій мой*,
Подобенъ червю я, *что въ прахъ обитаетъ*
И кормится, и тамъ, подъ *путника стопой*
Смерть и могилу *обрѣтаетъ* (стр. 35),—

ихъ, навѣрное, поразятъ слова, напечатанныя косыми буквами.... И дѣйствительно, именно эти слова невѣрно передаютъ подлинникъ.....

У Гёте сказано:

„Den Göttern gleich' ich nicht! Zu tief ist es gefühlt....
„Dem Wurme gleich' ich, der den Staub durchwühlt,
„Den, wie er sich im Staube nährend lebt,
„Des Wandrers Tritt vernichtet und begräbt“;

то есть:

„Я не подобенъ богамъ! *Слишкомъ глубоко я это чувствую...*
Я подобенъ червяку, который *роется въ пыли*,
И котораго, *какъ онъ тамъ въ пыли кормясь живетъ*,
Нога *прохожаго уничтожаетъ и погребаетъ*.

Какъ горько повтореніе этого слова „пыль!“ какъ грустно звучитъ послѣднее слово „begräbt!“—Намъ ска-

жуть: перевесть „Фауста“ чрезвычайно трудно.... Согласны; но посредственность непріятна вездѣ, даже и въ переводахъ.

Повторяемъ: переводъ г. Вронченко вѣренъ, но мы уже сказали—какою вѣрностью. Мы не чувствуемъ единой, глубокой, общей связи между авторомъ и переводчикомъ, но находимъ много связокъ, какъ бы нитокъ, которыми каждое слово русскаго „Фауста“ пришито къ соотвѣтствующему нѣмецкому слову. Въ иномъ случаѣ, даже самая рабская вѣрность—невѣрна. Напримѣръ, Маргарита говоритъ у г. Вронченко о Мефистофелѣ: „онъ мнѣ противенъ въ сердца глубинѣ“.... Это переведено слово-въ-слово, и между тѣмъ какой неловкій и тяжелый оборотъ! Г-нъ Вронченко большей частью переводилъ слова.... одни слова—и поневолѣ скажешь:

„Все есть.... одной бездѣлки нѣтъ:
Духовная ихъ связь ужъ улетѣла“ (стр. 89).

Впрочемъ, и у г. Вронченко, кромѣ рѣчей Мефистофеля, большею частію удавшихся, находятся мѣста, переданныя художнически. Мы увѣрены, что всѣ читатели „Фауста“ отрадно отдохнутъ на слѣдующихъ стихахъ (стр. 46):

„Взгляни на городъ: разостланъ въ долинѣ,
Отсюда онъ видится, какъ на картинѣ:
Быстро изъ узкихъ, старинныхъ воротъ
Сыплется плотной гурьбою народъ;
Всякій на солнце выходитъ сегодня
Праздновать день воскресенья Господня.
Сами, воскреснувъ душой отъ трудовъ,
Забывши о нуждахъ вседневныхъ заботу,
Всѣ изъ-подъ кровель тяжелаго гнету,
Изъ душныхъ рабочихъ, изъ тѣсныхъ домовъ,
Изъ храмовъ торжественно-сумрачной сѣни,
Изъ улицъ, сжатыхъ рядами строеній,
Бѣгутъ, чтобъ на волѣ въ усталую грудь
Вешній, цѣлебный воздухъ вдохнуть.
Посмотри, полюбуйся! повсюду, какъ волны,
Толпа дробится вблизи, вдалекѣ;

А тамъ, колыхаясь по свѣтлой рѣкѣ,
Несутся врозь веселые челны;
Вотъ, въ пристани, весь до полна нагруженъ,
Оставался одинъ—и тотъ отплываетъ,
Куда ни взгляни—со всѣхъ сторонъ,
Даже съ горъ—цвѣтная одежда мелькаетъ"....

Прекрасно.... O, si sic omnia!—Мы сказали выше, что, по нашему понятію, напрасно г. переводчикъ заставилъ Мефистофеля *глумиться:* но уже возможность придать какой-нибудь колоритъ своему переводу показываетъ нѣкоторую самостоятельность въ переводчикѣ; между тѣмъ какъ все остальное передано довольно безцвѣтно. Сверхъ того, мы замѣтили, что во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ г. переводчикъ прибѣгаетъ къ славянскимъ словамъ, къ риторической напыщенности, вездѣ неумѣстной и охлаждающей читателя—но въ особенности въ „Фаустѣ". Одно изъ главныхъ достоинствъ Гёте, даже въ сравненіи съ Шиллеромъ, состоитъ въ энергически-страстной простотѣ его слога; въ самомъ „Тассѣ", въ „Ифигеніи", не смотря на художническую, иногда изысканную отдѣлку стиха, находится гораздо менѣе архаизмовъ, чѣмъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Шиллера, потому что у Гёте талантъ непосредственно выросъ изъ собственной, ежедневной его жизни, и весь былъ проникнутъ чувствомъ дѣйствительности. Ссылаемся на сказанное уже нами о совмѣстимости страстныхъ порывовъ въ душѣ Гёте съ чрезвычайно-тонкой и развитой способностью самообладанія. Но, напримѣръ, въ первой сценѣ „Фауста" узнаетъ ли кто патетическіе, стремительные стихи Гёте въ слѣдующихъ неповоротливыхъ стихахъ:

Почто вы, звуки, мощны и отрадны,
Меня здѣсь въ прахѣ ищете? къ чему?
Гремите тамъ, гдѣ къ вамъ сердца не хладны,
Я слышу благовѣстъ, но вѣры не *иму*....
А чудеса *суть чада* вѣры!
. . . . . .

Звучали *вьще* въ тьмѣ колокола,
. . . . . .
Въ поля, лѣса я убѣгалъ,
Точилъ ручьями слезы умиленья....
. . . . . .
Воспоминаній дѣтскихъ сила
Претитъ мнѣ предпринять послѣдній, грозный шагъ.
(стр. 39—40).

Вообще г. переводчикъ употребляетъ множество словъ либо устарѣлыхъ, либо даже нерусскихъ. Слова: „возмогу“, „почту“, „днесь“, „перси“, „парящать“, „зане“, „нѣкій“, „млада“, и т. п. попадаются часто.... Фаустъ говоритъ (стр. 28) Духу:

Спести твой зракъ я не имѣю силъ....

Сверхъ того, встрѣчаются слова и обороты въ родѣ слѣдующихъ: „однакъ“, „враздробь“, никто не вѣсть“, „а что *творила*“, „ухновеніе“, „ялиться“, и т. д., и т. д.; существительное въ родительномъ падежѣ безпрестанно стоитъ передъ тѣмъ словомъ, отъ котораго оно зависитъ; наприм.:

„Мечтавшій
„Быть *къ вьчной истины зерцалу близкимъ*“.

Притомъ, мы принуждены повторить, что у г. переводчика нѣтъ *стиха*. Напримѣръ, возьмите извѣстное Посвященіе „Фауста“. Оно написано у Гёте пяти-ямбнымъ стихомъ съ цезурой, исключая трехъ стиховъ:

„Und manche lieben Schatten steigen auf....
Die Seelen, denen ich die ersten sang—
Nach jenem stillen ernsten Geisterreich“,

и вы чувствуете, что отсутствіе цезуры какъ бы условлено самымъ содержаніемъ этихъ трехъ стиховъ. У г. Вронченко всѣ стихи Посвященія безъ цезуры и довольно тяжелы.... Многимъ, можетъ быть, наши замѣчанія покажутся мелкими придирками; но мы хотимъ доказать

людямъ, одареннымъ музыкальнымъ ухомъ, что почтенный переводчикъ едва ли обладаетъ тѣмъ чувствомъ гармоніи, которое дается каждому поэту.—Смыслъ подлинника переданъ почти вездѣ вѣрно, исключая нѣкоторыхъ добровольныхъ отступленій и нѣсколькихъ недобровольныхъ ошибокъ. Въ числѣ первыхъ находятся такія, за которыя мы не почитаемъ себя въ правѣ порицать г. Вронченко, хотя намъ кажется, что лучше было бы вовсе пропустить иныя мѣста (какъ, напримѣръ, рѣчь Мефистофеля во второмъ прологѣ и т. д.); но попадаются и такія, въ которыхъ явно высказывается либо *презрѣніе къ мудрствованію*, либо неумѣстное желаніе усилить краски. Напримѣръ, Фаустъ у Гёте говоритъ: „напрасно станетъ *сухое размышленіе* (trocknes Sinnen) разгадывать эти священные знаки“; у г. Вронченко:

Но въ книгѣ знаковъ смыслъ толкуя,
Не властенъ *умъ* ихъ разгадать.

Фаустъ у г. Вронченко называетъ Вагнера „осломъ“ „глупцомъ“; Мефистофель толкуетъ о „покойчикѣ“ Маргариты, о своей собственной „рожицѣ“, о томъ, что Фаустъ „*дуритъ умомъ*“; одинъ горожанинъ употребляетъ слова: „дуютъ въ рыло“ и т. д. Иные стихи совершенно невѣрно переданы; напримѣръ, что такое (стр. 1): „чѣмъ бытіе земное *изукрашало* прежде *свой полетъ*?“ На стр. 15:

Моря колеблются; на *брегъ*
Недвижны горы и поля....

у Гёте сказано: „Вскипаетъ море широкими струями у подножья скалъ“; на стр. 67: „Тамъ славословіе (?) съ чистой любовью“.... и т. д., и т. д. Встрѣчаются даже ошибки, показывающія незнаніе языка—не книжнаго, а разговорнаго. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. На стр. 66: „gute Mähr sagen“ совсѣмъ не значитъ: „разсказать сказочку“, а просто „поболтать“; на стр. 96, г. Вронченко

почелъ одно весьма обыкновенное выраженіе: „aus dem letzten Loch pfeifen“ („быть при послѣднемъ издыханіи“ слово-въ-слово: „свистать изъ послѣдней дырочки“)—за непристойность и, съ важностью добросовѣстнаго переводчика, перевелъ это выраженіе.... какъ? — извольте справиться сами, почтенный читатель.... На стр. 102: „Sie sind vom Rhein“, значитъ: „они родомъ съ Рейна“, а не „для нихъ — Рейнъ былъ по пути“. На стр. 60, слова Мефистофеля къ Фаусту: „ну, иногда я позволю тебѣ самого себя обманывать“, переведены:

Я все *прочу* (?)
Авось тебя кой-чѣмъ пріятно поморочу“....

На стр. 168:

„Вся сила въ ощущеньѣ....
Природа-жъ звукъ и дымъ....

у Гёте сказано: „слово, названье“ (Name). *Природа* здѣсь не имѣетъ смысла. На стр. 187, слова: aus dem vergriffenen Büchelchen“, переведены: „по книжкѣ *на обумъ*“; вмѣсто: „по захватанной (отъ употребленія запачканной, старой) книжкѣ“. Г-нъ переводчикъ смѣшалъ слова: „ergreifen“ и „vergreifen!“ На стр. 221, почему слова Мефистофеля: Vorbei, vorbei! (мимо, мимо!), переведены: „пускай ихъ! ѣдемъ!“ и т. д. По крайней мѣрѣ, рима этого не требовала.

Неточныхъ выраженій также попадается чрезвычайно много. Кстати: напрасно г. Вронченко говоритъ въ предисловіи: „въ примѣчаніяхъ означены отступленія“.... не всѣ отступленія означены въ примѣчаніяхъ! Сверхъ того, мы твердо убѣждены, что ни одинъ читатель не запомнитъ четырехъ стиховъ сряду изъ перевода г. Вронченко. Можетъ ли, напримѣръ, слѣдующее четверостишіе лечь кому-нибудь на память (мы уже не говоримъ о тѣхъ, которые знаютъ подлинникъ):

Фаустъ.

Да, мертвые глаза.... видно, что съ участьемъ
Никто ихъ *въждей* не закрылъ....
Вотъ грудь, *на коей я восторги пилъ*,
Вотъ Гретхенъ, *бывшая мнѣ радостью и счастьемъ!*

Изъ всего сказаннаго мы выводимъ слѣдующее заключеніе: все, что могъ только сдѣлать добросовѣстный и трудолюбивый переводчикъ, не поэтъ, исполнено г. Вронченко.... но это *все* не удовлетворяетъ читателя. Замѣчательно, что ни одинъ переводъ г. Вронченко (его „Макбетъ“, „Гамлетъ“) не считался окончательнымъ; другіе, и не безуспѣшно, принимались именно за тѣ же трагедіи. Какъ работа пріуготовительная, его переводы всегда приносили большую пользу: они знакомили публику съ произведеніями замѣчательными, возбуждали и поощряли другихъ; его „Макбетъ“, его „Гамлетъ“ отличаются довольно опредѣленнымъ колоритомъ; мы не можемъ забыть, что любовь къ Шекспиру собственно *имъ* возбуждена въ кругу нашихъ читателей. Но „Фаустъ“ Гете, сознаемся откровенно, превзошелъ его силы; такая опредѣленная, страстная, глубоко-поэтическая личность могла быть передана только другимъ поэтомъ.... Безспорно, переводъ г. Вронченко несравненно выше какого-нибудь вялаго подражанія „Фаусту“, написаннаго пустозвонными ямбами: читатели съ удовольствіемъ и пользою прочтутъ этотъ новый переводъ; но считать трудъ г. Вронченко окончательнымъ мы не можемъ, хотя и будемъ удовлетворяться имъ до тѣхъ поръ, пока не явится der rechte Mann, какъ говорятъ нѣмцы.

Мнѣніе наше о самомъ „Фаустѣ“ извѣстно читателямъ; нѣмцамъ пора бы оторваться отъ слишкомъ исключительнаго поклоненія „Фаусту“ (мы еще недавно читали стихотвореніе г. Карріера, въ которомъ онъ называетъ „Фауста“ das Buch des Lebens), потому что своимъ прошедшимъ.

какъ бы оно прекрасно ни было, слишкомъ долго любоваться не слѣдуетъ; пора, давно пора нѣмцу-Фаусту выйдти изъ своей кельи, въ которой онъ все еще сидитъ о-бокъ съ Вагнеромъ, такъ же какъ и императоръ Фридрихъ, въ народныхъ сказаніяхъ, сидитъ и дремлетъ подъ землей *); пора ему перестать заниматься трансцендентальными вопросами.... но на насъ, русскихъ, „Фаустъ“ не можетъ имѣть подобное вліяніе: мы вообще не отличаемся опредѣленностью и неподвижностью убѣжденій; напротивъ, скорѣе слѣдуетъ бояться, что „Фаустъ“ пройдетъ у насъ довольно незамѣтно, не возбудивъ въ насъ особеннаго размышленія, тѣмъ болѣе, что трудъ г. Вронченко—трудъ огромный и добросовѣстный, кромѣ холодной благодарности, ни отъ кого не получитъ другой дани. Какъ быть! Это пока общая у насъ участь всѣхъ подобныхъ трудовъ.

„Отечеств. Зап.“, 1845 г., № 1.

III.—„Новоселье“. Часть третья. Санктпетербургъ. 1846. Изданіе Александра Смирдина. Въ 8-ю д. л. 506 стр.

У меня есть пріятель, котораго я уважаю отъ души. Не заботясь о томъ, что̀ волнуетъ людей, онъ только думаетъ объ обѣдѣ. Обѣдъ у него всегда удивительный: обѣдаютъ обыкновенно девять человѣкъ; десятымъ бы онъ роднаго отца не пустилъ. Какъ-то на дняхъ я у него обѣдалъ. Тутъ былъ и англоманъ Ч., и ученый С., и вѣчновеселый Б., и алхимикъ О., и художникъ Г., и литераторъ С., и ветеранъ петербургскихъ гастрономовъ, мудрецъ по учености, художникъ по влеченію, тотъ, чья

*) Съ тѣхъ поръ онъ вышелъ.... даже слишкомъ вышелъ, по мнѣнію многихъ. 1879.

душа забыла состариться съ годами. Объ обѣдѣ и говорить нечего — хозяинъ былъ доволенъ. Послѣ обѣда развалились по разнымъ кушеткамъ и кресламъ, и закурили; но скоро собесѣдники мои разошлись; кого увлекъ преферансъ, кого бильярдъ. Я остался одинъ. Оставшись одинъ, самъ не знаю отчего, вспомнилъ я объ милой княжнѣ и началъ объ ней думать. Я не влюбленъ въ нее; она княжна древняго рода, мать ея штатсъ-дама.... вся петербургская знать ей сродни; у ней такъ много брильянтовъ, она такъ недоступно-величава, такъ холодна и такъ богата. Я не влюбленъ въ нее.... я боюсь ее.... мы съ ней большіе пріятели, говоримъ, по обыкновенію, о пустякахъ. До сихъ поръ я до нея самой не добрался. Жизнь ея, мысли, чувства, душа—все это загадка.... Мнѣ иногда кажется, что въ этой женщинѣ должны быть два существа: одно ангелъ, другое кукла. Куклой она, можетъ статься, старается быть. Но кто знаетъ, найдется, можетъ-быть, человѣкъ, для котораго она захочетъ быть ангеломъ.... Богъ-знаетъ, куда бы унесли меня мои мечтанія, еслибъ не пришелъ хозяинъ и не сталъ звать меня на балъ: „Можетъ-быть, вы и увидите тамъ кого-нибудь.... понимаете?...“ прибавилъ онъ, щуря лѣвый глазъ. Я повиновался, и черезъ нѣсколько времени мы уже подъѣзжали къ иллюминованному подъѣзду великолѣпнаго дома. Балъ, какъ балъ. Кареты, кучера, цвѣты, ливреи, ковры, обнаженныя плечи, люстры, мундиры и фраки. Душно, жарко. Я сталъ въ уголку танцовальной залы, гдѣ танцы обращались въ давку; недалеко отъ меня стояла княжна, блѣдная, съ развитыми локонами. Она посмотрѣла на меня такъ, какъ никогда не смотрѣла. Я бросился къ ней. Она танцовала съ адъютантомъ, котораго свѣтская молва давно уже провозгласила ея женихомъ. Я зналъ его за эгоиста съ пріятной наружностью и вялой душой: я боялся его для княжны. Я притаился за ними и началъ прислушиваться.

Они говорили о любви, о супружествѣ. Онъ говорилъ, что женщина должна быть во всемъ свободна: что одно влеченіе сердца можетъ быть ей закономъ; что мужъ не долженъ быть взыскателенъ, если только приличіе соблюдено и свѣтъ не возстаетъ и не злословитъ. Княжна отвѣчала съ какой-то грустной покорностью. Мнѣ стало холодно, я хотѣлъ бѣжать. Но кадриль кончилась; я взглянулъ на красавицу, и мнѣ показалось, что она зоветъ меня, манитъ къ себѣ ласковымъ, обворожительнымъ взоромъ. Я подошелъ и низко поклонился.

— Я, кажется, сказала она, едва внятно,—танцую съ вами слѣдующую.

— Если вы не забыли вашего обѣщанія, отвѣчалъ я, хотя и не думалъ ее ангажировать.—Потомъ я сталъ бродить по гостинымъ. Куда я ни подходилъ, вездѣ слышалъ разговоръ о свадьбѣ княжны съ адъютантомъ. Не зная, что дѣлать, я подошелъ къ большой картинѣ, висѣвшей на стѣнѣ. Картина изображала орлеанскую дѣву, въ полномъ вооруженіи, передъ образомъ; свѣча, стоявшая на столѣ, освѣщало ея лицо; темныя кудри вились по плечамъ.... она молилась. Желая узнать имя живописца, я нагнулся ближе къ рамкѣ, уперся рукою въ стѣну. Вдругъ обои раздвинулись, и я увидѣлъ небольшую потаенную дверь. Какъ не замѣтилъ я ея! Куда ведетъ этотъ выходъ? Сердце мое стукнуло отъ предчувствія. Дверь тихо отворилась. Я вошелъ въ маленькую комнату, обитую голубымъ штофомъ и слабо освѣщенную дрожащимъ сіяніемъ алебастровой лампады. Въ углубленіи рисовалась знакомая мнѣ тѣнь и слышались рыданія. „Что съ вами?“ закричалъ я, и бросился впередъ.—Вы меня презираете? сказала она.

— Не правда, воскликнулъ я.

— Не извиняйтесь. Зачѣмъ? Иначе и быть не могло. Вы видѣли существо холодное, бездушное; вы приняли меня за то, чѣмъ я *должна* быть. Вы не виноваты. Однако

мнѣ жаль оставить васъ въ заблужденіи. Выслушайте меня. Поймите меня, простите меня. Я никогда не была ребенкомъ; я родилась въ гостиной. Когда я еще была маленькая, меня ужъ наряжали и водили послѣ обѣда показывать гостямъ. Потомъ выучили меня танцовать и возили на дѣтскіе балы, гдѣ я уже знакомилась съ большимъ свѣтомъ въ маленькихъ размѣрахъ. Я плакала, когда другія дѣти были лучше моего одѣты, когда я не танцовала съ сыновьями важныхъ и богатыхъ отцовъ, я охорашивалась, вертѣла плечиками; я хотѣла уже нравиться; я смѣялась надъ дурными экипажами, надъ старомодными платьями, надъ безобразіемъ, надъ бѣдностью; я гнушалась всего, что не льстило моему самолюбію; я не умѣла еще любить, а ужъ умѣла презирать. За мной слѣдила, какъ тѣнь, французская гувернантка, которая заставляла меня держаться прямо, не говорить громко, не выражать моихъ мыслей и чувствъ, и Богъ знаетъ чему учила меня, потому-что сама ровно, кажется, ничего не знала. Поймите, что я вамъ говорю.... Я никогда не была ребенкомъ. Я не знала ни первыхъ ласокъ, ни дѣтской свободы, ни душевнаго простора при созерцаніи природы. Въ городѣ, на дачѣ, я вездѣ привыкла къ шуму, къ свѣтскимъ толкамъ, которые я сперва и не понимала, но въ этихъ толкахъ было что-то завлекательное, ядовитое, такъ-что другихъ я ужъ и слушать не хотѣла. Мнѣ развратили воображеніе, моимъ чувствамъ не дали хода, мнѣ испортили разсудокъ. И, повѣрите ли, во мнѣ, право, было много *хорошаго*.... я, кажется, могла бы сдѣлаться *хорошей* женщиной. Зачѣмъ родилась я наслѣдницей богатаго имѣнія? Когда я стала замѣтно подрастать, меня вдругъ заперли на нѣсколько лѣтъ и стали выдерживать для вступленія въ свѣтъ. Меня отъ всѣхъ прятали, не позволяли никакихъ удовольствій, ни любимыхъ моихъ баловъ, ни театра, ни даже гуляній по Невскому Проспекту.

Мнѣ вдругъ отказали во всемъ, къ чему я привыкла. Вступленіе въ свѣтъ сдѣлалось для меня минутой освобожденія отъ несноснаго затворничества. Я думаю, узникъ въ темницѣ не ожидаетъ такъ своего помилованія, какъ я ожидала моего перваго выѣзда. Наконецъ, пришла пора. Меня нарядили въ бѣлое платье, сказали, что говорить, и что слушать, кому приѣдать и кому не кланяться, словомъ, я готовилась къ жизни, какъ актриса готовится къ какой-нибудь роли. И пріемы, и слова, все было заготовлено, все было опредѣлено заранѣе.

Я узналъ, что и она меня любитъ, но „намъ должно разстаться“, сказала она:—„меня выдаютъ за человѣка, котораго я ненавижу.... Матушка, родные, свѣтъ,—всѣ, всѣ противъ насъ!“

— „Все возможно!“ воскликнулъ я пламенно.

„Нѣтъ“, говорила она, задыхаясь и какъ бы изнемогая отъ внутренней борьбы.... „Нѣтъ.... одинъ противъ ихъ всѣхъ!... ты не можешь одолѣть, ты погибнешь. Я не отдамъ тебя имъ.... Нѣтъ.... знаешь.... лучше ужъ убѣжимъ.... Убѣжимъ со мной на край свѣта.... подальше, подальше, чтобъ они не могли бѣжать намъ въ погоню.... чтобъ и слѣда они не могли найти, а то, я знаю, они насъ воротятъ и тогда они разорвутъ насъ на части. Пойдемъ скорѣй.... Умремъ, если надо.... Но умремъ вмѣстѣ. У этой комнаты есть тайный выходъ.... Мы еще успѣемъ спастись. Скорѣй, скорѣе! Только.... Слышишь ли.... шаги.... Они идутъ.... идутъ.... идутъ!...“ И, обезумѣвъ отъ страстнаго волненія, судорожно обвила она руки свои около моей шеи, и повлекла меня за собой къ потаенной двери. Вдругъ дверь съ трескомъ растворилась, и у входа показалась маленькая старушка, княгиня, въ токѣ, съ перьями до потолка; за ней шелъ адъютантъ на цыпочкахъ, и толпились всѣ родные княжны, всѣ бальные гости....

Княжна упала въ обморокъ. Я остолбенѣлъ отъ ужаса; волосы мои стали дыбомъ. Княгиня схватилась за ноги и начала смѣяться; за ней послѣдовалъ адъютантъ и всѣ, всѣ прочіе.... Смѣхъ ихъ, наконецъ, сдѣлался такъ рѣзокъ, такъ громокъ, что я не вытерпѣлъ—и *проснулся*. Кругомъ меня хохотали собесѣдники нашего холостого обѣда.

— „Ну, братъ.... порядочно ты выспался! весело сказалъ мнѣ проигравшійся хозяинъ.... Скоро одиннадцать часовъ. Мы всѣ собираемся на балъ.... Не хочешь ли и ты съ нами?—

— На какой балъ?—закричалъ я такъ дико, что мои пріятели снова разсмѣялись.

— Да проснись же, братецъ, отвѣчалъ хозяинъ.... Нынче балъ у старушки княгини Р.... по случаю помолвки княжны съ извѣстнымъ всему міру адъютантомъ.

— Говорятъ, подхватилъ кто-то изъ гостей, оба такъ счастливы, что глядѣть на нихъ весело. И вообразите, какой странный случай: никто не зналъ, что они нѣсколько лѣтъ влюблены другъ въ друга“.

Таково содержаніе новой повѣсти графа Соллогуба „Балъ“ *(изъ записокъ Леонина)*, которою открывается „Новоселье“. За нею слѣдуетъ повѣсть г. Кукольника.... „Старый хламъ“. Необходимо, хотя и выйдетъ плохой каламбуръ, сказать, что повѣсть вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію.... Бывало, повѣсти г. Кукольника изъ временъ Петра Великаго читались жадно, потому-что отличались дѣйствительно многими достоинствами; мы первые съ любопытствомъ слѣдили за ними и отдавали имъ полную справедливость въ нашемъ журналѣ. Но или матеріалъ истощился (что̀, впрочемъ, едва ли основательно), или г. Кукольникъ разучился писать интересныя повѣсти, или ужъ, какъ говоритъ г. Голядкинъ-Старшій, просто случай вышелъ такой,—послѣднія повѣсти г. Кукольника изъ временъ Петра Великаго совсѣмъ не то, что̀ первыя;

нѣкоторыя даже такъ безцвѣтны и скучны, что, читая ихъ, безпрестанно думаешь, не раскрыль ли ошибкой какую-нибудь повѣсть г. Кукольника изъ жизни итальянскихъ художниковъ,—а извѣстно, что̀ такое повѣсти г. Кукольника изъ жизни итальянскихъ художниковъ и въ какихъ случаяхъ могутъ быть онѣ прописываемы врачами, какъ надежное медицинское средство.... Одинъ почтенный отецъ семейства на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему сыну быть благонамѣреннымъ и не читать повѣстей изъ жизни итальянскихъ художниковъ, и на послѣднемъ настаивалъ даже гораздо сильнѣй, чѣмъ на первомъ. Именно къ такому разряду относится новая повѣсть „Старый Хламъ“. Хоть имена въ ней всѣ русскія, и дѣйствующія лица говорятъ о Петрѣ и событіе отзывается истиннымъ событіемъ временъ Петра Великаго, но читатель читаетъ и дочитываетъ (если только дочитываетъ) повѣсть въ полномъ убѣжденіи, что прочелъ повѣсть изъ жизни итальянскихъ художниковъ. Авторъ какъ-будто самъ предвидѣлъ такое плачевное обстоятельство, и, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь рѣзко оттѣнить свои лица, навелъ на нихъ какой-то особенный, семинарскій колоритъ.... Мы назвали колоритъ новой повѣсти семинарскимъ и сейчасъ покажемъ, почему такъ назвали. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ Мак-Стефенсъ (нужно замѣтить, что усиліе г. Кукольника придать своимъ лицамъ оригинальность, дошло здѣсь до того, что онъ даже Мак-Стефенсу, живущему въ Лондонѣ, и, сколько намъ извѣстно, никогда не бывшему въ бурсѣ, придалъ тотъ же часто упоминаемый колоритъ),—вотъ, какъ онъ говоритъ: „Умереть съ голоду!... За то, что „*въ тайникахъ природы* я открылъ ея новую силу.... За „то, что *попечительная натура* моими устами этой же „столицѣ, цѣлому міру—*изволитъ повѣдать* одну изъ бла„годѣтельныхъ тайнъ своихъ....“ Лилла, дочь Мак-Стефенса, *кутно* съ матерью своею Бетси, носитъ на себѣ

тотъ же колоритъ; даже на всемъ содержаніи повѣсти лежитъ тотъ же колоритъ, и только „Иллюстрація“ и въ ней въ особенности „*Переписка*“, могутъ дать болѣе-ясное понятіе о той новой, оригинальной манерѣ писать, какую обнаруживаетъ г. Кукольникъ съ нѣкотораго времени. Манера прекрасная, съ которой нельзя не поздравить г. Кукольника: онъ въ ней неподражаемъ!... Но скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи „Стараго Хлама“. Петръ Великій, въ бытность свою въ Лондонѣ, заказалъ Мак-Стефенсу паровую машину, оставивъ у него въ науку двухъ русскихъ молодыхъ людей. Много времени прошло, пока машину успѣли привесть къ концу; дочь Мак-Стефенса успѣла вырости и расцвѣсть, а одинъ изъ учениковъ, Иванъ Семенычъ, успѣлъ въ нее смертельно влюбиться. Но вотъ, машина готова, уложена въ ящики; Лилла, не любившая, впрочемъ, Ивана Семеныча, по приказанію отца вышла за него замужъ, и вотъ уже счастливый Иванъ Семенычъ, съ машиной, съ молодой женой и старымъ дядькой Онисимомъ, плыветъ въ Россію; но бу́ря разбила судно о скалы Швеціи. Узнавъ, что онъ русскій, его задерживаютъ въ одной крѣпости. Коменданту понравилась Лилла, и Иванъ Семенычъ очутился въ тюрьмѣ, а Лилла сдѣлалась комендантшею. Объ Онисимѣ забыли. Долго шли переговоры о мирѣ. Наконецъ, трактатъ состоялся; надо было освободить плѣнныхъ; всѣ русскіе обрадовались и поспѣшили въ отечество; одинъ Онисимъ печаленъ, —баринъ его умеръ, изведенъ злыми людьми: но пусть онъ не печалится—г. Кукольникъ справедливъ, и хоть не вполнѣ восторжествуетъ у него добродѣтель, но порокъ будетъ, непремѣнно будетъ наказанъ. Вотъ, Онисимъ рѣшился отправиться въ отечество и идетъ въ послѣдній разъ поклониться могилѣ барина:

„Издалече увидѣлъ онъ странное зрѣлище. На темени его (?) скалы шла веселая пирушка: офицеры угощали ко-

мендантшу, которая съ матерью и дѣтьми пріѣхала съ этой отвѣсной скалы поглядѣться въ бездну, полюбоваться видомъ красивой шкуны.... Старикъ ожилъ, завидѣвъ чужихъ на дорогой скалѣ; быстро взошелъ по ступенямъ собственной работы и какъ привидѣніе остановился посреди пирующихъ.... Всѣ смутились; Лила отскочила на самый край скалы....

— И послѣ смерти не даетъ покоя! сказалъ старикъ страшнымъ голосомъ: Марко Степанычъ! (такъ переводилъ Онисимъ: „Макъ-Стефенсъ) Марко Степанычъ! Гдѣ же твое проклятіе....

— Проклятіе.... успѣла вскрикнуть Лилла и остановилась. Бетси замѣтила опасность, бросилась къ Лиллѣ, схватила ее за платье и преступная дочь увлекла преступную мать въ бездну морскую.... Офицеры бросились внизъ; со шкуны отправили матросовъ, но море не отдало своихъ жертвъ. Во время общей суматохи, одинъ только Онисимъ стоялъ покойно на скалѣ; попутный вѣтеръ заигралъ его длинными, желтыми волосами; со шкуны въ рупоръ позвали Онисима; онъ упалъ на могилу, поцѣловалъ и перекрестилъ землю, и веселый, какъ-будто въ жизни съ нимъ никогда ничего грустнаго не случилось, сѣлъ въ родную лодку. Шкуна раскинула крылья и ушла, когда весь городъ съ комендантомъ своимъ ожидали, не отдастъ ли море Лиллы и Бетси.“

Ни тѣни мелодрамы! Естественно, оригинально, поразительно-ново!.. И послѣ того, есть люди, которые осмѣливаются тоже писать романы, и даже нисколько не стараются въ нихъ подражать г. Кукольнику, а идутъ своей дорогой, понимая по своему естественность, оригинальность, художественность.... Чудаки! Не даромъ „Иллюстрація“ удивляется ихъ дерзости.... Еще бы не удивляться!... Бѣдные, они потчуютъ публику все однимъ супомъ,— въ началѣ сунь, въ серединѣ сунь, подъ конецъ сунь....

у нихъ нѣтъ и настолько смысла, чтобъ понять, что одно кушанье пріѣстся;—только г. Кукольникъ понялъ тайну романа и очень хорошо знаетъ, что если сначала хорошо сунъ, такъ за нимъ всего лучше соусъ, а тамъ жаркое, и такъ далѣе—и что въ промежуткахъ не худо чего-нибудь шипучаго, трескучаго, — вотъ, тогда и выйдетъ романъ хоть куда.... Но, впрочемъ, тѣхъ, кто хочетъ знать подробный рецептъ хорошаго, истинно-художественнаго, непогрѣшительнаго романа, отсылаемъ къ „Иллюстраціи“.

Доскажемъ содержаніе повѣсти. Ящики съ машиной прибыли въ Россію, когда уже великаго ея Преобразователя не было на свѣтѣ. Ихъ свалили въ сарай, наложили на дверь печать, приставили часового, и ящики простояли такъ до царствованія императора Александра. Когда отперли сарай, нашли сгнившіе куски дерева, перержавѣвшія желѣзныя колеса, поршни и шестерни. Уцѣлѣлъ только кусокъ пергамина, на которомъ не безъ труда разобрали, что „Старый Хламъ“ есть паровая машина, сдѣланная въ Англіи по заказу Петра, Царя Московскаго, въ 171.... послѣдняго числа нельзя было разобрать....

„Мой Мячикъ“—статья г. Хмельницкаго, изъ водевильныхъ каламбуровъ составлена съ примѣсью добродушнаго философствованія на манеръ извѣстнаго русскаго философа г. Галича,—словомъ, статья едва-ли стоившая чести и одинъ разъ быть напечатанною,—появляется въ печати въ нынѣшнемъ году уже *во второй разъ*.... Въ первый разъ часть ея была напечатана въ „Невскомъ Альманахѣ“ на 1846 годъ.... Для чего дѣлаются такія вещи? Показалась ли издателю статья столько занимательною, что ее не худо и повторить?... Но и въ такомъ случаѣ нѣтъ обычая печатать напечатанное, и притомъ въ однородномъ изданіи, и въ томъ же году. Перепечатка въ одномъ только случаѣ имѣетъ смыслъ, когда статья первоначально явилась въ журналѣ, у котораго нѣтъ читателей, да и то надо, что-

бы она носила въ себѣ полное оправданіе своего вторичнаго появленія. Или, какъ говорится на издательскомъ-книгопродавческомъ нарѣчіи, „не хватило матеріальцу“, при сильномъ желаніи сдѣлать книгу потолще? Но нужно было подумать, что вѣдь если публика и не замѣтитъ, въ чемъ дѣло, то ей укажутъ, и тогда толстота, изъ которой вы такъ хлопотали,—качество дѣйствительно почтенное, если произошло естественнымъ образомъ, безъ насильственныхъ мѣръ,—вмѣсто пользы, обратится во вредъ книгѣ.... Другая статья того же автора „Римскій Карнавалъ 1844“ не представляетъ ровно ничего новаго, какъ большая часть дорожниковъ и всякихъ путевыхъ записокъ, издаваемыхъ русскими путешественниками, большими охотниками доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что они тоже путешествовали....

Статья В. Луганскаго (Даля) „Русскій Мужикъ“ — единственная статья въ цѣлой книгѣ, которую можно прочесть не только одинъ, но нѣсколько разъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Мы приведемъ нѣсколько отрывковъ:

„У помѣщика было заведено, что кромѣ сухой и квашеной зелени и кореньевъ, всѣ обрѣзки и оборки овощей солились, и солонь эта шла, для приправы, въ людскія щи; это приваръ хорошій?

Староста почесалъ голову, оглянулся на другихъ ребятъ и сказалъ: да на что ихъ мыть....

— Какъ на что? развѣ ты такъ, съ пескомъ, и будешь ѣсть, какъ свинья?

— Никакъ нѣтъ; оно бы, конечно, можно, власть ваша, батюшка;—а не то, какъ ребята говорятъ, хоть бы ее и вовсе пожалуй, не солить.... вѣдь квашенина есть....

— Какъ такъ? кто жъ это говоритъ?

— Да и всѣ то же говорятъ, да оно, власть ваша, сударь,—я такъ только-что сказалъ милости вашей. — Примолвка эта показывала, что смѣтливый староста самъ началъ догадываться, что онъ крѣпко заврался.

— Это что ты, Феклистовъ, соврать, развѣ у насъ вперые такъ было заведено? а какія щи, скажи мнѣ, лучше: на одной квашенинѣ, или съ прибавкой солени?

— Да оно извѣстно, конечно, съ соленью щи какъ-будто послаще будутъ, повкуснѣе.

— Такъ что же, стало-быть, вамъ лѣнь собрать обрѣзки въ одно мѣсто, свалить ихъ въ чанъ, да посолить? ихъ лучше, небось, затоптать подъ ноги? а?

Помѣщикъ береть старосту Феклистова за чубъ; староста, высокій, здоровый и догадливый мужикъ, становится на колѣни, чтобы барину сподручнѣе было управляться; затѣмъ баринъ раскачиваетъ голову Феклистова во всѣ стороны слегка, безъ сердцовъ, спокойно, и читаетъ ему длинное наставленіе, какая польза вообще отъ овощей, какъ они поддерживаютъ здоровье крестьянъ, которые безъ нихъ иногда сидятъ на одномъ хлѣбѣ; напоминаетъ ему, какъ мужики сначала ни за что не хотѣли разводить картофеля, называя его чортовымъ ябокомъ, какъ дворня въ застольной кидала его подъ столъ и тѣшилась тѣмъ, что его собака не ѣсть,—а какъ потомъ, черезъ годъ, нельзя было уберечь грядъ, таскали картофель сырой, не спѣлый, изрывали по ночамъ гряды, какъ свиньи, выкопавъ на гривну, а изгадивъ на рубль; припоминаетъ ему, какъ въ сосѣдней деревнѣ, и въ другой, и въ третьей, была та же возня, и какъ и теперь тамъ крестьяне всю зиму ѣдятъ въ похлебкѣ картофель; указалъ на разницу ницы между порядочными, хозяйственными крестьянами, у которыхъ водится всякая всячина—и упрямыми и дураками, которые, подъ предлогомъ недосуга, не хотятъ разводить огородовъ, потому что у отцовъ и дѣдовъ ихъ огородовъ не было, и лучше согласны сидѣть на мякинѣ, чѣмъ приняться за разводку овощей.—Во все это время помѣщикъ поматывалъ головой старосты кругомъ, противъ солнца, и хозяинъ головы этой, понявъ разъ въ ладъ

и мѣру такого однообразнаго движенья, предупреждалъ его безъ труда, забѣгалъ головою впередъ, такъ-что рука помѣщика почти слѣдовала за головою старосты, а не водила ее. Девять человѣкъ зрителей стояли спокойно и слушали, улыбаясь, довольно пристально, что говорилъ помѣщикъ.

— Ну, понялъ ли ты все, что я тебѣ говорилъ, Феклистовъ?

— Понялъ, батюшка; какъ же не понять?

— Разскажи же ты мнѣ теперь все это.

Феклистовъ началъ разсказывать по-своему, все еще стоя на колѣняхъ; говорилъ съ убѣжденьемъ и съ увѣренностію—иногда только немного сбивался, и помѣщикъ, подравъ его, какъ бы шутя, за чубъ, поправлялъ и заставлялъ переговаривать снова.

— Хорошо. Скажи жъ мнѣ: въ первый разъ ты все это отъ меня слышишь?

— Нѣтъ, батюшка Степанъ Денисычъ, не въ первый, много слышали мы добра отъ вашей милости.

— Разсуди жъ ты теперь самъ меня съ собою, кто правъ, кто виноватъ?

— Я, батюшка,. виноватъ, извѣстное дѣло.

— А за что же я, дуракъ, объ тебя руку въ плечѣ вымололъ?

— Виноватъ, батюшка Степанъ Денисьевичъ, глупость наша все это дѣлаетъ—и поклонъ въ ноги.

— А еще ты сказалъ мнѣ, что всѣ такъ думаютъ, какъ ты; правда ли это, ребята?

— Нѣтъ, батюшка, никакъ нѣтъ, нѣтъ—отвѣчали въ голосъ всѣ зрители.

— За что же ты—а еще староста!—оговорилъ понапрасну другихъ? а? Вотъ, такъ вы всегда дѣлаете: одинъ выйдетъ изъ кучи, кричитъ за всѣхъ, увѣряетъ, что всѣ за одно, всѣ-де такъ говорятъ, всѣ такіе жъ дурни, какъ

и онъ, а тѣ стоятъ, развѣсивъ уши, разинувъ рты, да слушаютъ; поддайся я на пустословіе твое, такъ бы и точно, можетъ быть, всѣ за тобой; подери я тебя за чубъ, да припомни тебѣ, что и какъ было говорено и сдѣлано прежде, —всѣ отъ тебя прочь, а ты остался въ дуракахъ одинъ.

— Такъ, батюшка, Степанъ Денисычъ, истинно справедливо!

Мужики разошлись по другимъ работамъ, и весь день только и было толку о томъ, какъ баринъ въ подвалѣ мололь старостой песокъ, и говорилъ объ овощахъ, о солеяи; всѣ обвиняли старосту и согласились, что баринъ правъ.

Что же вы думаете, многіе послѣдовали въ домашнемъ хозяйствѣ этому примѣру, убѣдившись въ справедливости совѣтовъ помѣщика и въ пользѣ разводки овощей? Ни одинъ; толковали только о томъ, кабы Господь уродилъ побольше хлѣба; а что будутъ ѣсть они, коли хлѣбецъ не уродится—объ этомъ рѣчи не было.

Вотъ другая сцена:

„Сидятъ, во вторникъ на Святой недѣлѣ, крестьяне, съ бабами, дѣвками. ребятами, на завалинкахъ; Святая была ранняя, только-что земля отошла; день тепленькій; всѣ въ нарядной одеждѣ, а праздновали Святую плохо, потому что едва дотянули животы до весны: урожай былъ больно скуденъ; полдеревни ѣли барскій хлѣбъ, да барскій картофель.

— Эхъ-ма! братцы, сказалъ одинъ, подергивая плечами, на которыя накинулъ сверху синій кафтанъ свой— эхъ-ма! вотъ, когда-бъ сѣять—такъ сѣять!

— Да, самая бы пора, подхватилъ другой: сочная земля стала, отошла вся!

— Что жъ дѣлать станешь—власть Господня!

— Такъ вотъ сердце радуется, какъ выйдешь за околицу: два дождичка послалъ Господь—сверху пришекло

землицу—рыхлая, мягкая—мокрота вся вилась, внизъ ушла — такъ бы, вотъ, кажись, самъ легъ да глыбой укрылся, выросъ бы, ей-Богу выросъ!

— Какъ-быть, стало, такъ Богу угодно. Дастъ хлѣба, такъ дастъ, хоть и на той недѣлѣ посѣемъ; а не дастъ, такъ не дастъ. Все во власти Господней.

— Опо, вѣстимо, такъ; да вотъ, какъ не дастъ Богъ дождя-то, опять не станетъ хлѣба, коли милости Господней не будетъ, да солнышко пойдетъ тебѣ приискать пашню, да сушить во всю недѣлю, да и на той недѣлѣ то же—такъ вотъ, братъ, тогда хлѣбъ, у кого есть, хоть не носи въ овинъ сушить, а въ землю, пожалуй, кинь—все одно, высохнетъ, и ростка не дастъ тебѣ ни одного.

— Эка дура выросла на селѣ—право, дура! а еще мужикъ называется! вотъ, тебѣ бы для праздника всѣмъ міромъ намять затылокъ, какъ слѣдуетъ, такъ не сталъ бы впередъ молоть, что на языкъ ни попало! Ну, что толковать пустяки, горло драть, равно на облавѣ? Что жъ ты теперь что-ли пахать да сѣять пойдешь, на Святой недѣлѣ?

— Пахать.... кто говоритъ, пахать теперь.... про это нечего говорить, что пахать.... я говорю, что вотъ, хоть на людей сошлюсь, объ этаку пору самая бы благодать, что земля, вишь, сырая, а не то, чтобъ теперь пахать да сѣять; кто тебя зоветъ? Господь съ тобой, я тебя не звалъ пахать; извѣстное дѣло, кто жъ пойдетъ о такую пору—чай, не на то далъ Господь Святую недѣлю. Вотъ, что Богъ дастъ, развѣ на Оминой.

Такимъ образомъ крестьяне наши просидѣли на завалинкахъ всю недѣлю, опоздали посѣвомъ, вспоминали круглый годъ, какая-де на Святой пора была для посѣва! эхъ, какая земля рыхлая, да сочная была! тужили, что Господь Богъ опять не далъ урожая, почесали головы, похлопали руками о бока— и полѣзли къ зимѣ на печь, да на полати.“

Приводимъ еще слѣдующую сцену:

„Народъ, вообще, въ деревнѣ этой былъ порой не одинаковъ; какъ нанесетъ повѣтріемъ: то смиренъ, то съ норовомъ. Напримѣръ: баринъ приказалъ старостѣ, чтобъ ни одинъ мужикъ и ни одна баба не смѣли держать свиней, овецъ и телятъ въ жилой избѣ, а чтобъ къ зимѣ у всѣхъ были теплыя закуты, на что и отпустить имъ лѣсу. Староста три недѣли кричалъ съ мужиками, а потомъ пришелъ доложить барину, что мужики *не согласны* на это. Баринъ спросилъ старосту: въ своемъ ли онъ умѣ? Этотъ вопросъ озадачилъ Феклистова и онъ взялся сперва за голову, сперва правой рукой, а тамъ лѣвой, и старался разрѣшить вопросъ этотъ, зарывая пальцы какъ можно глубже въ космы. Развѣ я спрашивалъ у нихъ согласія? Отвѣчай, Феклистовъ, и не гляди на меня столбякомъ—посылалъ, что ли, я тебя собирать согласія?

— Нѣтъ, сударь, про это нечего и говорить; за этимъ дѣломъ не посылали.

— А коли не посылалъ, такъ на что же ты принесъ мнѣ того, чего мнѣ не нужно?

— Эка, подумаешь, какая притча сталась—проговорилъ Феклистовъ про себя, потупивъ глаза въ землю: онъ и самъ не понималъ теперь, какъ же-де это сталось, что пришелъ онъ и сталъ говорить путно, а какъ только сказалъ, выпустивъ слово — выходитъ безтолково: посылали меня за однимъ, подумалъ онъ, а я принесъ другое, а казалось все одно....

— Такъ поди же, другъ ты мой любезный, и не дѣлай впередъ дѣла по-своему, а по-моему; согласія я не спрашивалъ, и его мнѣ не нужно, а чтобъ закуты были.

Міръ разсудилъ, что баринъ правъ, и потому, хотя и нехотя, и безъ согласія, да сталъ однако жъ понемногу выводить скотъ изъ жилыхъ избъ.

Но не всегда и не все обходилось такъ мирно, бывали и другіе примѣры. Настала весна, послѣ зимы, о которой мы говорили, и мужики, протолковавъ цѣлую зиму между собой о томъ, что вотъ-де, Крещатовскимъ легче, они всѣ на оброкѣ, у нихъ нѣтъ барщины, вздумали также идти на оброкъ. Всѣ толки шли объ этомъ на такомъ основаніи, будто дѣло это вполнѣ отъ нихъ зависитъ, а не отъ барина. На третій день Святой приходятъ гурьбой на барскій дворъ, смирно, тихо, не пьяные, потому что въ деревнѣ кабака не было—и засылаютъ стариковъ вызвать барина. Баринъ выходитъ, думаетъ услышать что-нибудь путное, и слышитъ, ни съ того, ни съ сего: отпустите насъ на оброкъ. Доказавъ имъ безтолковость этой просьбы въ короткихъ словахъ, онъ хотѣлъ было узнать, откуда эта выдумка взялась,—но вмѣсто того слышитъ только одно и то же настойчивое и безотчетное требованіе; никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ; крестьяне объявляютъ, наконецъ, положительно, что они, такъ же точно, какъ и Крещатовскіе, хотятъ платить по 30 руб. съ тягла а на барщину не хотятъ. Воля ваша, мы передъ вашей милостью согрубить не смѣемъ, да только ужъ вы насъ отпустите: мы противъ вашей милости, батюшка Степанъ Денисычъ, идти не можемъ, а ужъ только вы насъ на оброкъ отпустите; мы не желаемъ на барщину ходить, а на оброкъ согласны.—Съ ума, что ли, вы сошли? кто же будетъ тутъ землю пахать, кто хозяйничать? Ужъ про то не знаемъ; кто останется, поработаетъ, на это воля ваша; а насъ, батюшка, отпустите. Убѣдить ихъ нельзя было ни чѣмъ; потолковавъ еще долго, помѣщикъ сказалъ имъ положительно, что не отпуститъ, и ушелъ.

Всѣ крестьяне собрались идти въ городъ, къ исправнику.

Ступайте жъ, коли такъ, сказалъ спокойно Степанъ Денисычъ, разсудивъ, что надо иногда русскому чело-

вѣку помирволить и этимъ его проучить; ступайте къ исправнику, а я васъ провожу. Гурьбой крестьяне отправились въ городъ, вся деревня просится у исправника на оброкъ; а баринъ велѣлъ заложить свою бричку и обогналъ ихъ уже на пути. Онъ отыскалъ исправника, предупредилъ его во всемъ, и самъ ожидалъ свою ватагу. Дорогой крестьяне ноободрились; имъ казалось, что они правы кругомъ и чуть не святы; они сговорились не поддаваться, не уступать, требовать оброку.

Исправникъ собралъ ихъ передъ дворомъ своимъ, выслушалъ и сталъ толковать имъ, что они видно-де рехнулись; что оброкъ или барщина зависитъ отъ помѣщика, а не отъ нихъ, и что имъ требовать ни того, ни другого нельзя. Слушаемъ, батюшка, былъ отвѣтъ—да, воля ваша, ужъ мы на барщину не пойдемъ.—А коли такъ, сказалъ исправникъ, такъ я васъ выведу на барщину. Ты, говорунъ, поди-ка сюда первый—а затѣмъ и другой, и третій, и такимъ образомъ человѣкъ десятокъ на выборъ, тутъ же, на мѣстѣ, были наказаны.—Ну, еще, что ли, есть охотники, спросилъ исправникъ, такъ выходите сюда, скорѣй, мнѣ некогда! Мужички мои всѣ гурьбой повинились, согласились безпрекословно, что они затѣяли вздоръ, увѣряли, что это и въ первый, и въ послѣдній, и другу и недругу закажутъ, что домой пришедши даже ребятъ всѣхъ пересѣкутъ, пусть-де помнятъ отцовскую вину и глупость и сами на нее глядя казнятся, обѣщали идти безпрекословно на барщину, и сдержали слово; поблагодаривъ за науку, отправились они чинно домой, вышли наутро въ поле и жили впередъ со Степаномъ Денисычемъ въ ладахъ и дружбѣ".

Статья „Два отрывка изъ записокъ о Римѣ" принадлежитъ къ тому же роду статей, какъ и „Римскій Карнавалъ въ 1844 году", и къ ней можно приложить то же, что̀ сказали мы объ отрывкѣ г. Хмѣльницкаго....

Статья г. Булгарина „Поѣздка въ Грузию въ 1824 году“, замѣчательна, между прочимъ, какъ новое доказательство, что никто иламенѣе г. Булгарина не любитъ правды и не обладаетъ такою всегдашнею готовностію умереть за правду. Не вѣрите—прочтите новую статью. Сверхъ того, она доказываетъ, какъ много замѣчательныхъ въ какомъ бы то ни было отношеніи людей, которые были друзьями г. Булгарина,—что̀, впрочемъ, по скромности, составляющей, какъ извѣстно, одну изъ важнѣйшихъ человѣческихъ добродѣтелей, сочинитель доводитъ до свѣдѣнія публики не ранѣе, какъ тогда, когда знаменитый другъ уже тлѣетъ въ могилѣ, безгласенъ и безотвѣтенъ.... Умеръ Пушкинъ, писавшій, между прочимъ, въ одно время полемическія статьи подъ псевдонимомъ Ософилакта Косичкина,—и публика тотчасъ узнала изъ „Сѣверной Пчелы“, что не было у него человѣка столь близкаго и сердцу его столь любезнаго, какъ г. Булгаринъ. Умеръ Грибоѣдовъ—то же. Вотъ, еще и не давно повторилась та же исторія съ Полевымъ. Но обратимся къ настоящей статьѣ. Вообще, вся она есть новое доказательство добродѣтелей сочинителя; добродѣтели его здѣсь выказываются рѣзче и опредѣленнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Оно и понятно: чѣмъ болѣе о чемъ нибудь толкуешь, тѣмъ болѣе пріобрѣтаешь навыку и искусства, и почтенный мистеръ Пекснифъ, въ романѣ Диккенса „Мартинъ-Чодльзвитъ“, подъ конецъ поетъ еще влажнѣе и слаще, чѣмъ въ началѣ. Когда приходится говорить о г. Булгаринѣ, намъ также не о чемъ болѣе говорить, какъ о достоинствахъ его; итакъ, будемъ говорить о достоинствахъ г. Булгарина; но, чтобъ не пропалъ букетъ, постараемся говорить, по возможности, его собственными словами. „Фамиліярности я не люблю съ старшими и „гнушаюсь фанфаронствомъ, которое не чтитъ ни лѣтъ, „ни заслугъ, ни званія, но не умѣю также играть

„ни роли лакея, ни серальскаго нѣмого, ни бездушнаго „льстеца. Въ жизни моей я имѣлъ случай быть *въ близ-*„*кихъ сношеніяхъ* съ нѣсколькими не только *сильными* „*людьми*, но истинно *великими мужами*“ (стр. 203). Когда г. Булгаринъ прибылъ въ Грузино, графъ Аракчеевъ, изволите видѣть, не обратилъ вовсе вниманія на прочихъ своихъ гостей, а подошелъ прямо къ г. Булгарину и сказавъ: „А! очень радъ любезному гостю!„ взялъ его подъ руку и повелъ въ комнаты. „Можно предста-„вить себѣ, въ какомъ я былъ положеніи! Я въ первой „парѣ передъ всѣми, иду съ нимъ рука объ руку, какъ-„будто старый пріятель и „товарищъ!“ (стр. 205). Но г. Булгаринъ, однакожъ, нисколько не возгордился, и приписалъ, по свойственной ему скромности, ласку графа намѣренію его дать урокъ прочимъ гостямъ: „*Не въ темя я бить!*“ заключаетъ онъ, отдавая справедливость своей догадливости. Мы почитаемъ послѣднее замѣчаніе излишнимъ.... Впрочемъ, что̀ останавливаться на мелочахъ! Пропустимъ даже всѣ лестные комплименты, которые говорилъ г. Булгарину графъ Аракчеевъ, сравнившій его, между прочимъ, даже съ Цицерономъ (такъ разсказываетъ г. Булгаринъ).... и переходимъ къ слѣдующему факту. Графъ предложилъ выпить за здоровье г. Булгарина, и затѣмъ, „посыпались снова шутки, между кото-„рыми я (г. Булгаринъ) открылъ весьма важное для меня „обстоятельство, что *я оклеветанъ былъ передъ графомъ*, „и притомъ самымъ гнуснымъ образомъ, на счетъ моего „образа мыслей.“ Сѣвина оправдаться, г. Булгаринъ воскликнулъ: „Съ моимъ образомъ мыслей я никогда не „скрываюсь, не скрывался, и до гробовой доски не стану „скрываться, не по извинеству благоразумія, а по харак-„теру. *Еслибъ мнѣ нравился образъ правленія Сѣверо-*„*Американскихъ Штатовъ, то, не обинуясь, я поѣхалъ* „*бы въ Америку и поселился бы въ ней....*“ (стр. 209).

Здѣсь можно бы многое сказать, но мы только напомнимъ читателямъ, что г. Булгаринъ написалъ о любви къ отечеству цѣлые томы.... Затѣмъ г. Булгаринъ началъ разсказывать о своихъ военныхъ похожденіяхъ, „отъ Лапландіи до скалъ Гибралтара“, и не удивительно, что всѣхъ заинтересовалъ, — потому-что, какъ сказалъ покойный Полевой въ „Литературной Газетѣ“ (№ 1): „чьего любопытства не возбудитъ жизнь человѣка (г. Бул- „гарина), который родился полякомъ, воспитанъ въ рус- „скомъ кадетскомъ корпусѣ, послѣ покоренія Польши „былъ въ русской службѣ, сражался въ русскихъ рядахъ, „увлеченъ потомъ судьбою подъ знамена Наполеона, „бился подъ орлами его въ Испаніи, и когда смолкли „битвы, промѣнялъ саблю на перо, сдѣлался сперва „польскимъ, а потомъ русскимъ литераторомъ!“ и проч.

Но довольно. Всѣмъ извѣстно, что г. Булгаринъ сталъ на стражѣ русскаго языка, котораго чистота для него всего дороже. Это видно и изъ настоящей статьи, гдѣ, между прочимъ, на стр. 211, найдете такую фразу: „Въ одномъ концѣ залы, по правую сторону, *выходя* „*изъ столовой*, *стоялъ столъ*“ и проч. Многимъ могло бъ показаться страннымъ, какимъ образомъ столъ *выходилъ* изъ столовой, да еще въ то же время и *стоялъ*, еслибъ изъ „Парижскихъ Писемъ“, печатающихся въ „Сѣверной Пчелѣ“ не было видно, что г. Булгаринъ находится теперь въ Парижѣ. Итакъ, ничего не остается болѣе, какъ поблагодарить г. Булгарина за посильное усердіе.... Русскіе литераторы на-перерывъ искажаютъ русскій языкъ, и не будь г. Булгарина, чистота русскаго языка погибла бы невозвратно! А еще находятся люди, которые осмѣливаются отрицать заслуги г. Булгарина!...

Двѣ повѣсти г. Гребенки: „Черты изъ Частной Жизни Боченочка“ и „Пінта“ показались намъ слабѣе преж-

ихъ повѣстей того же автора, обладающаго несомнѣннымъ дарованіемъ.

Статья Полевого „Записки Книгопродавца“—крошечный отрывокъ, не представляющій ничего особенно замѣчательнаго. Въ „Новосельѣ“ есть еще другая статья Полевого, подъ названіемъ „Тимонъ Аѳинянинъ“, *вольные очерки изъ драматической повѣсти Шекспира*, въ стихахъ....

Стихи! Кстати о стихахъ. Въ „Новосельѣ“ также есть и стихи. Поэты-вкладчики слѣдующіе: гг. Бенедиктовъ, Губертъ, Дуровъ, Слѣпушкинъ, Струговщиковъ, и нѣкто, скрывшійся подъ тремя звѣздочками и напечатавшій въ „Новосельѣ“ отрывокъ изъ XXXIII пѣсни Дантова Ада. Стихъ перевода до того дубоватъ, что какъ говорятъ актёры, когда имъ приходится произносить дурные стихи, „языкъ ломается“. Мы думаемъ, что лучше не переводить Данта, чѣмъ переводить его такими стишницами. Кромѣ нѣсколькихъ подражаній Данту Пушкина, мы не знаемъ на русскомъ языкѣ ничего, что̀ бы давало хоть малѣйшее понятіе о Дантовой поэзіи.... Стихи г. Губера были бы превосходными стихами, еслибъ не страдали недостаткомъ дѣльнаго и оригинальнаго содержанія, а форма—удивительная. Въ одномъ изъ нихъ („На чужой могилѣ“) авторъ не шутя сѣтуетъ на людей, что они скоро забываютъ умершихъ и не любятъ посѣщать ихъ могилъ, заставляя бѣдныхъ мертвецовъ лежать и тлѣть въ одиночествѣ.... Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, великое преступленіе!...

Спящій во гробѣ, мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущій!..

Одно стихотвореніе г. Дурова („Когда трагическій актёръ“) было бы недурно, еслибъ его не портилъ послѣдній куплетъ, совершенно лишній, да еще и плохой.

Впрочемъ, оно уже было напечатано въ „Невскомъ Альманахѣ“ и здѣсь, Богъ-знаетъ, зачѣмъ, является во второй разъ. Стихи Слѣпушкина забавны. Но то, на чемъ преимущественно остановится вниманіе читателя, которому попадется въ руки „Новоселье“, чѣмъ онъ будетъ пораженъ, разбитъ на голову, опрокинутъ, подавленъ,—безспорно, стихотвореніе г. Бенедиктова „Три Искушенія“, которое потому здѣсь выписывается съ строжайшею точностію.

Въ дни пылкой юности, въ разгулѣ бытія,
Я зналъ три гибели,—зналъ три предмета я
Всесокрушительныхъ: то очи огневыя,
Да кудри темныя, да перси наливныя.

Тѣ очи.... небо въ нихъ являлось; но оно
Въ двѣ черныхъ радуги бровей облечено;
Сокрывъ свою лазурь и яркій блескъ денницы
За облаками вѣждъ, за иглами рѣсницы,
Подъ сводомъ гордаго, лилейнаго чела—
Мрачилось, гнѣвное; таинственная мгла,
По прихоти, его мгновенно покрывала,
Струила дождь и градъ, и молніи метала.

Тѣ кудри черныя.... ихъ страшно вспомянуть!
Тѣ кудри.... цѣлый міръ въ нихъ могъ бы утонуть.
Когда бъ онѣ съ главы упали вдругъ разлиты
И бурей взвѣяны;—извиты, перевиты,
Какъ змѣи лютыя, онѣ вились, черны,
Какъ ковы зависти, какъ думы сатаны.

Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны, пряди ихъ и кольца смоляныя,
Когда бъ раскинуть ихъ, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шаръ земли,
И цѣлая земля явилась бы черницей,
Въ глубокомъ траурѣ, покрыта власяницей.

Тѣ перси юныя.... о! то былъ дивный край,
Гдѣ жили свѣтъ и мракъ, смыкались адъ и рай;
То былъ мятежный край смутъ, прихотей, коварства;

То было бурное, взволнованное царство,
Гдѣ не могли сдержать ни сила, ни закопъ
Сомнительный вѣнецъ и зыблющійся тронъ;—
То былъ подмытый брегъ надъ хлябью океана,
Опасно движимый дыханіемъ вулкана:
Но жаръ тропическій, но климатъ золотой,
Но свѣтлые холмы страны заповѣдной,
Любви неопытной суля восторгъ и нѣгу,
Манили юношу къ таинственному брегу.

Вотъ такъ стихи! Вотъ такъ поэзія!... Очи—*небо*, брови—*радуги*, вѣжды—*облака*, рѣсницы—*иглы*, все чело—*свода неба*, повитый мглой, изъ которой струится *дождь* и *градъ* и блещутъ *молніи*.... А въ кудряхъ *цѣлый міръ* могъ бы утонуть, — шутка сказать, цѣлый міръ!... Извиты, перевиты, *какъ змѣи лютыя*, черны, какъ *ковы зависти*, какъ *думы сатаны*. Да то ли еще.... тѣ кудри.... Но лучше повторимъ: не грѣхъ и повторить!

Та черная коса, тѣ локоны густые,
Ихъ волны, пряди ихъ и кольца смоляныя,
Когда бъ раскинуть ихъ, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шаръ земли,
И цѣлая земля явилась бы черницей
Въ глубокомъ трауръ, покрыта власяницей....

Каково? Что̀ можетъ быть сильнѣй, о̀бразнѣй, грандіознѣй?... Но позвольте!... я что-то странное чувствую! Чувствую я въ себѣ страстное желаніе, можетъ быть, даже призваніе воспѣть.... что бы вы думали!.... кудри! кудри, воспѣтыя г. Бенедиктовымъ.... Конечно, дерзость неслыханная, но уже раздумывать поздно—я ничего не слышу, ничего не вижу.... я пою....

Тѣ кудри черныя.... когда бъ отрѣзать ихъ,
Преступно посягнувъ на ихъ несокрушимость....
Соткать на нихъ чехолъ изъ нитей дорогихъ—
Въ немъ бѣшеныхъ кудрей сковать необозримость,
И взбивъ перину ту, въ длину и ширину,

Чрезъ степи жаркія, чрезъ влажную волну,
Чрезъ горы и лѣса, послать ее по міру,—
Все человѣчество могло бъ на нихъ заснуть,
Въ душистомъ ихъ пуху блаженно утонуть,
И—гордо близостью къ надзвѣздному эфиру,—
Увидѣть райскіе, плѣнительные сны
Про кудри, черныя, какъ думы Сатаны,
Какъ ковы зависти, про очи огневыя,
Про радугу бровей и перси наливныя....

Нѣтъ! не то, далеко не то!... Воображеніе отказывается выдумать что-нибудь грандіознѣе картины цѣлаго міра, опутаннаго одною женской косой, и оттого превратившагося въ черницу въ глубокомъ трауръ.... Куда *новой, натуральной* школѣ!... далеко ей до такихъ картинъ!... Она умѣетъ только списывать дѣйствительность, даже не принимая на себя труда сколько-нибудь украшать ее.... Вотъ, то ли дѣло *старая, реторическая* школа!... Вообще, стоитъ прочесть III-й томъ „Новоселья“, чтобъ убѣдиться въ превосходствѣ *старой, реторической* школы предъ новой, натуральной!...

Сверхъ этихъ статей, въ „Новосельѣ“, напечатана драма С. А. Гедеонова „Смерть Лянунова“ и фламандская быль покойнаго П. А. Корсакова „Да здравствуетъ покойникъ!“ Драма вышла и отдѣльною книжкою: поэтому и мы поговоримъ о ней отдѣльно, а о статьѣ „Да здравствуетъ покойникъ!“ ничего не скажемъ, по извѣстному присловью о покойникахъ: de mortuis aut bene, aut nihil....

„Отеч. Зап.“, 1846 г., т. XLVI, Отд. VI.

IV.—„Смерть Лянунова. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Соч. С. А. Гедеонова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 115 стр".

Въ нынѣшнемъ году, на Большомъ театрѣ, давали оперу г-на Николаи „il Templario", которая довольно понравилась публикѣ, не смотря на совершенное отсутствіе творческаго дара, самобытности, не смотря на безчисленныя подражанія.—Въ авторѣ замѣтна была ловкость, образованность, музыкальная начитанность, если можно такъ выразиться; онъ не внялъ ни въ одну грубую ошибку.... Точно такими же достоинствами отличается драма г-на Гедеонова, о которой мы обѣщали поговорить на досугѣ, разбирая третій томъ „Новоселья", гдѣ она напечатана. Исполняемъ теперь это обѣщаніе тѣмъ охотнѣе, что въ прошломъ мѣсяцѣ появилось мало бѣллетрическихъ произведеній, на которыя стоило бы обратить особенное вниманіе.

Драматическое искусство, какъ и вообще всѣ искусства и художества, занесено было въ Россію извнѣ, но, благодаря нашей благодатной почвѣ, принялось и пустило корни. Театръ у насъ уже упрочилъ за собой сочувствіе и любовь народную; потребность созерцанія собственной жизни возбуждена въ русскихъ—отъ высшихъ до низшихъ слоевъ общества; но до сихъ поръ не явилось таланта, который бы съумѣлъ дать нашей сценѣ необходимую ширину и полноту. Мы не станемъ повторять уже не разъ высказанныя на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" мнѣнія о фонВизинѣ, Грибоѣдовѣ и Гоголѣ: читатели знаютъ, почему первые два не могли создать у насъ театра; что же касается до Гоголя, то онъ сдѣлалъ все, что возможно сдѣлать первому начинателю, одинокому геніальному дарованію: онъ проложилъ, онъ указалъ дорогу, по которой современемъ пойдетъ наша драматическая литература; но

театръ есть самое непосредственное произведеніе цѣлаго общества, цѣлаго быта, а геніальный человѣкъ, все-таки, одинъ. Сѣмена, посѣянныя Гоголемъ,—мы въ этомъ увѣрены — безмолвно зрѣютъ теперь во многихъ умахъ, во многихъ дарованіяхъ; придетъ время—и молодой лѣсокъ вырастетъ около одинокаго дуба.... Десять лѣтъ прошло со времени появленія „Ревизора“; правда, въ теченіе этого времени мы на русской сценѣ не видѣли ни одного произведенія, которое можно было бы причислить къ гоголевской школѣ (хотя вліяніе Гоголя уже замѣтно во многихъ), но изумительная перемѣна совершилась съ тѣхъ поръ въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ потребностяхъ.

Исторія искусства и литературы у насъ на Руси замѣчательна своимъ особеннымъ, двойственнымъ развитіемъ. Мы начинаемъ съ подражанія чужеземнымъ образцамъ; люди съ талантомъ чисто-внѣшнимъ, говорливые и дѣятельные, представляютъ въ своихъ произведеніяхъ, лишенныхъ всякой живой связи съ народомъ, одни лишь отраженія чужого таланта, чужой мысли—что имъ не мѣшаетъ самодовольно толковать объ оригинальности, о народности; ихъ современники, увлеченные весьма простительнымъ тщеславіемъ, называютъ ихъ великими писателями, великими художниками, ставятъ наравнѣ съ извѣстными именами.... Такъ, Сумарокова величали русскимъ Вольтѣромъ!! Между тѣмъ, неслышно и тихо совершается переворотъ въ обществѣ; иноземныя начала перерабатываются, превращаются въ кровь и сокъ; воспріимчивая русская природа, какъ бы ожидавшая этого вліянія, развивается, растетъ не по днямъ, а по часамъ, идетъ своей дорогой,—и со всей трогательной простотой и могучей необходимостью истины возникаетъ вдругъ, посреди безполезной дѣятельности подражанія, дарованіе свѣжее, народное, чисто-русское, — какъ возникнетъ современемъ русскій, разумный и прекрасный бытъ, и оправдаетъ, на-

конецъ, довѣріе нашего Великаго Петра къ неистощимой жизненности Россіи.

Но если въ иныхъ отраслях искусства и совершился такой благодѣтельный переломъ, за то въ другихъ мы должны еще пока питаться надеждами и безпрестанно встрѣчаться съ произведеніями, изъ которыхъ лучшія тѣмъ только и хороши, что они не худы,—и бороться съ крикливыми мнѣніями людей, которыхъ скорѣе и основательнѣе всякой критики убѣдило бы появленіе истиннаго таланта.... Лучшая рецензія на романы г-на Булгарина—„Мертвыя души“; всякая рецензія еще напоминаетъ разбираемое сочиненіе, признаетъ, по крайней мѣрѣ, его существованіе, а „Мертвыя души“ заставили преспокойно забыть г-дъ Выжигиныхъ и Коми.—Нравственно-сатирическіе и историческіе романы стараго покроя убиты; но историческія драмы существуютъ.... И потому-то мы должны заняться „Смертью Ляпунова“ г-на Гедеонова.

Историческій романъ, историческая драма.... Если каждаго изъ насъ такъ сильно занимаетъ вѣрное изображеніе развитія самаго обыкновеннаго человѣка*) то какое впечатлѣніе должно производить на насъ воспроизведеніе развитія нашего роднаго народа, его физіономіи, его сердечнаго, его духовнаго быта, его судебъ, его великихъ дѣлъ?—Вспомните драматизированныя хроники Шекспира, „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“, романы Вальтера Скотта, наконецъ, даже Витѐ и Меримѐ. Кто рѣшается—не смиренно и терпѣливо пересказать судьбы своего народа, слѣдя современнымъ бытописаніямъ, но въ живыхъ образахъ и лицахъ возсоздать своихъ предковъ, избѣгнуть холода аллегоріи и не впасть въ сухой реализмъ хроники, дѣй-

*) Покойный Полевой говоритъ въ своихъ „Замѣткахъ Русскаго Книгопродавца“, что „на русскомъ языкѣ записокъ появлялось мало“, но какія появлялись, всѣ почти „раскупались хорошо и принадлежали къ самымъ ходкимъ книгамъ“.

ствительно представить нѣкогда-дѣйствительную жизнь,—тому мало даже большого таланта; если въ сердцѣ его не кипитъ русская кровь, если народъ ему не близокъ и не понятенъ прямо, непосредственно, безъ всякихъ разсужденій, пусть онъ лучше не касается святыни старины.... Но великія дѣла тѣмъ и отличаются отъ малыхъ, что они кажутся легкими для всѣхъ, хотя дѣйствительно легки для весьма немногихъ; оттого-то такое множество людей у насъ и берется за историческія драмы.

Оно понятно и съ другой стороны. Кому не дорогъ успѣхъ, кому не хочется рукоплесканій? Въ сердцѣ русскаго живетъ такая горячая любовь къ родинѣ, что одно ея священное имя, произнесенное передъ публикой, вызываетъ клики одобренія и участія. Но, кажется, пора бы замѣнить патріотическіе возгласы дѣйствительнымъ драматическимъ интересомъ и не присвоивать своему таланту выраженія чувствъ, не имъ возбужденныхъ.

Лянуновъ уже не разъ удостоился двусмысленной чести быть героемъ русской исторической драмы. Въ изображеніи его характера до сихъ поръ слѣдовали Карамзину. Со всѣмъ уваженіемъ къ знаменитому исторіографу мы осмѣливаемся думать, что онъ,—такъ же, какъ изъ лица Грознаго,—сдѣлалъ изъ Лянунова лицо фантастическое. Лянуновъ былъ человѣкъ замѣчательный, честолюбивый и страстный, буйный и непокорный; злые и добрые порывы съ одинаковой силой потрясали его душу; онъ зналъ съ разбойниками, убивалъ и грабилъ—и шелъ на спасеніе Москвы, самъ погибъ за нее.... Такіе люди появляются въ смутныя, тяжелыя времена народныхъ бѣдствій какъ бы на вторыхъ планахъ картины; какъ люди второстепенные, они исчезаютъ передъ честной доблестью, яснымъ и свѣтлымъ разумомъ истинныхъ вождей; но ихъ двойственная, страстная природа привлекаетъ драматическихъ писателей.... Шекспиръ любилъ изображать такія лица. Оттого

выборъ Лянунова, какъ главнаго дѣйствующаго лица драмы, намъ всегда казался удачнымъ; мы не разъ мечтали о той яркой, подвижной картинѣ, которую писатель съ дарованьемъ съумѣлъ бы провести передъ нашими глазами.... Вмѣсто мучительной однообразности, или натянутой, еще болѣе мучительной пестроты условныхъ фразъ, условныхъ возгласовъ, условныхъ эффектовъ, онъ бы далъ намъ, наконецъ, услышать голосъ истины, еще болѣе трогательной и потрясающей въ прошедшемъ, чѣмъ въ настоящемъ....

Обратимся же къ драмѣ г. Гедеонова. Г-нъ С. А. Гедеоновъ — человѣкъ образованный и начитанный, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; начитанность его высказывается во множествѣ заимствованій, которыми онъ обогатилъ свое произведеніе. Слогъ его гладкій и чистый—слогъ образованнаго русскаго человѣка. Какъ человѣкъ образованный и со вкусомъ, онъ не впалъ ни въ одну грубую и явную ошибку; планъ „Смерти Лянунова“ именно такой, какого и ожидать слѣдовало; словомъ, какъ произведеніе эклектическое, драма г. Гедеонова показываетъ, до какой степени, при образованности и начитанности, можно обходиться безъ таланта.

Истинный талантъ создаетъ школу; но до появленія этого таланта обыкновенно въ отрасли словесности, ожидающей подобнаго возобновленія, образуется цѣлый ложный родъ, который въ ней существуетъ, не смотря на свою внутреннюю лживость. Въ нашей литературѣ упрочилась именно такого рода драма, благодаря стараніямъ покойнаго Полевого, гг. Кукольника и Ободовскаго. Г-нъ Гедеоновъ не вышелъ изъ колеи, проложенной его предшественниками; но онъ отличается отъ нихъ совершеннымъ отсутствіемъ самобытности. Въ „Смерти Лянунова“ легко отыскать и указать слѣды вліянія Шекспира, Загоскина, Шиллера, новѣйшихъ французскихъ мелодрамъ Гёте, Гоголя, Кукольника и т. д. Эта мозаичность составляетъ

въ одно и тоже время и недостатокъ, и достоинство драмы г. Гедеонова: недостатокъ—потому что только живое насъ занимаетъ, а все механически-составленное—мертво; достоинство — потому что безцвѣтное подражаніе все же лучше плохой самостоятельности, уже потому лучше, что не можетъ получить никакого вліянія.

Приступимъ къ изложенію содержанія „Смерти Лянупова“.

Первое дѣйствіе начинается въ избѣ Заруцкаго. Казаки пьютъ.

„Какъ! говоритъ первый атаманъ:—„чтобъ честные казаки поддались московскому мужичью? да не будь я Остапъ Кукубенко....

Заварзинъ.

„Ну, ну, успокойся, чортовъ сынъ! Да мнѣ-то оттого не легче! погибъ кривой Наливайко!

1-ый атаманъ.

„Кривой Наливайко былъ хорошій казакъ!

Заварзинъ.

„А какъ же! ходилъ со мною въ Туречину, побывалъ и въ Наполіи, съѣстъ поляка, закуситъ татариномъ; подъ Дубномъ ему стрѣлою глазъ выкололо; былъ славный казакъ.

Заварзинъ (*поетъ*).

„Погибли еще Тарасенко да Вертихвистъ“....

Тарасъ Бульба замѣчательное произведеніе, не правда ли, читатель?.... Казаки, разъяренные самоуправствомъ Лянупова, клянутся погубить его.... Заруцкій сообщаетъ свои планы своему наперснику. Является гонецъ съ извѣстіемъ о прибытіи Марины. Вся эта сцена писана слогомъ „маленько-мужицкимъ“, развалистымъ, какъ оно и прилично тогдашнимъ казакамъ; но въ слѣдующей сценѣ Марина говоритъ уже вотъ какъ: „Москва! Москва! какъ грустно и какъ весело смотрѣть на тебя!“ А спутникъ ея,

влюбленный въ нее юноша, Симеонъ Волынскій, нѣчто среднее между Максомъ изъ „Валленштейна“ и Францомъ изъ „Гёца фонъ-Берлихингенъ“, отвѣчаетъ ей: „развѣ часъ твоего свиданія съ Москвою не страшный часъ нашей вѣчной разлуки?“.... „О, кто отдастъ мнѣ Коломну, кто отдастъ мнѣ эти двѣнадцать свѣтлыхъ дней моей жизни?“ Марина требуетъ отъ него, чтобы онъ примирилъ ее съ Ляпуновымъ. Симеонъ увѣряетъ ее, что это было бы для него „не земное, а райское счастье!“ Марина называетъ его ребенкомъ, а онъ восклицаетъ: „О, зачѣмъ онъ (Ляпуновъ) тебя не видитъ, зачѣмъ онъ тебя не слышитъ, очаровательница! Какая желѣзная кора не падетъ передъ могучимъ словомъ этихъ алыхъ устъ? какой ледъ не растаетъ отъ лучезарныхъ очей твоихъ? Марина! мой разумъ нѣмѣетъ передъ твоей волею!“...

Марина.

„Симеонъ, я буду любить тебя!

Симеонъ.

„Ты! ты будешь царицею, ты забудешь меня!

Марина.

„Ребенокъ.... Иди, Симеонъ.

Симеонъ (*Уходитъ и возвращается*).

„Марина! ты не любишь Заруцкаго?

Марина.

„Я презираю его!

Симеонъ.

„О! я люблю тебя! (*Убѣгаетъ въ боковую дверь*).

Марина (*одна*).

„Тебя любить! нѣтъ, Симеонъ! Марина тебя не любитъ, и не будетъ любить! Бѣдный, жалкій человѣкъ!.... Цѣль твоей жизни, твоихъ дѣйствій—поцѣлуй женщины; правда, эта женщина—царица, а эта царица—я!“

Намъ особенно нравится то обстоятельство, что влюбленнаго юношу называютъ Симеономъ! Это славянское,

въ обыкновенной рѣчи неупотребительное, имя такъ и даетъ намъ чувствовать, что вы находитесь въ области условнаго, и что до истины тутъ дѣла нѣтъ никакого. Приходитъ Олесницкій, посолъ Гонсѣвскаго, и Заруцкій. Олесницкій говоритъ свысока, Марина тоже; но уходѣ посла, Заруцкій снимаетъ личину и „отдѣлываетъ“ Марину.

Разговоръ происходитъ между ними слѣдующій:

Марина.

„Не знаю, что̀ значитъ: избавиться? (*Отъ Лянунова*).

Заруцкій.

„Извѣстное дѣло (*дѣлаетъ знакъ убійства*). Какая ты стала непонятливая!.... Ну, а какъ Лянуновъ намъ петлю на шею надѣнетъ?

Марина (*смѣясь и схватившись обѣими руками за шею*).

„Моя шея не сдѣлана для петли палача!

Заруцкій.

„Знаемъ! она сдѣлана для жидовскихъ объятій....

Марина.

„Заруцкій!

Заруцкій (*беретъ ее за руку*).

„Ну, ну, ну, успокойся! безумная!“

Заруцкій уходитъ, Марина восклицаетъ: „О, вѣчное правосудіе! Лянуновъ падетъ отъ Заруцкаго! Лянуновъ, эта высокая, божественная сила, это соединеніе всего прекраснаго и великаго!....“ и потомъ объявляетъ, что: „Заруцкій правъ. Прочь сожалѣніе, прочь добродѣтель! Пусть дѣйствуетъ Провидѣніе: я ему не помѣха“.

Первый актъ кончается.

Эти сцены дотого напоминаютъ слогъ, манеру, всѣ замашки тѣхъ историческихъ драмъ, которыя дюжинами появляются на сценѣ PorteSt. Martin и Gaîté, что кажутся переводомъ. Королева Маргарита въ Tour de Nesle г. Гальярдѣ—родная сестра Маринѣ г. Гедеонова.

Второе дѣйствіе начинается длиннымъ разсказомъ Ржевскаго своему напереснику о томъ, какъ Лянуновъ его оскорбилъ и какъ онъ ему мстить намѣренъ. Къ удивленію зрителя, Ржевскій вдругъ потомъ является самымъ жаркимъ поклонникомъ Лянунова, и даже гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ собираются казаки и русскіе воины; является писарь Лыткинъ, „высѣченный“, говоритъ кудревато, поноситъ Лянунова; Лянуновскіе побить его хотятъ, Трубецкіе защищаютъ.... Ну, однимъ словомъ, читатели, вспомните появленіе капуцина въ „Лагерѣ Валленштейна“. Приходитъ Заруцкій, держитъ рѣчь, начинаетъ такъ: „Вотъ, въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь“ (Тарасъ-Бульба—прекрасное произведеніе....) Понемногу онъ преклоняетъ весь народъ на свою сторону. И, панове, держу эту рѣчь“, повторяетъ онъ: „не для того, чтобъ въ чемъ обидѣть Прокопія Петровича Лянунова; онъ у насъ такой воевода, какихъ не найти въ цѣломъ свѣтѣ“... And Brutus is an honourable man *). Но—les beaux esprits se rencontrent.... Толпа, подстрекаемая Заруцкимъ, бросается къ дому Лянунова. Онъ выходитъ.... все, разумѣется, умолкаетъ и трепещетъ. Лянуновъ говоритъ имъ разныя горькія истины и уходитъ. Сцена эффектная.

Второй актъ кончается.

Въ третьемъ дѣйствіи мы опять видимъ Марину, но уже не съ Симеономъ, а съ напереницей. Марина говоритъ ей: „Помнишь ли, Юзефа, Самборъ съ его зелеными, съ его темными, роскошными садами, съ его каштановыми аллеями, гдѣ раздавался такъ часто звонкій смѣхъ двухъ безпечныхъ и счастливыхъ красавицъ? Помнишь ли эти внезапные переходы отъ дѣтскаго смѣха къ непостижимой, чудной грусти, когда наша грудь волновалась отъ не-

*) И Брутъ честный человѣкъ (Изъ рѣчи Антонія, въ „Юліѣ Цезарѣ“, Шекспира).

извѣстныхъ желаній, и лицо горѣло?"—Вотъ слогъ, такъ слогъ! „А потомъ, когда вся Польша бросила свое гордое юношество къ *ногамъ* Сендомирской *жемчужины!* Все читало участь свою въ этихъ глазахъ, въ улыбкѣ этихъ пламенныхъ устъ!... И я играла любовью!" Юзефа отвѣчаетъ ей, что „въ человѣческомъ сердцѣ есть другія струны". Приходитъ слуга и доноситъ, что Лянуновъ бѣжалъ. Марина разочаровывается, но Заруцкій приходитъ, объясняетъ все дѣло къ собственному стыду и къ чести Лянунова—и Марина сперва объявляетъ Заруцкому, что онъ рабъ ея воли, на что Заруцкій отвѣчаетъ, что онъ пойдетъ домой и выпьетъ горѣлки, а самъ идетъ къ Лянунову. „Да"! говоритъ она: „бываютъ такія природы! въ нихъ все молчитъ, въ нихъ тлѣетъ сокровенное пламя — доколѣ" (о, доколѣ! какъ это „доколѣ"—хорошо!) „чужое дыханіе не оживитъ и не разбудитъ его! Марина стоитъ полтропа! Рѣшено! я иду, иду за шапкой Мономаха!"

Мы въ избѣ Лянунова. Онъ бесѣдуетъ со старцемъ Авраміемъ, обѣщаетъ ему избавить Гермогена, спасти Москву. Старецъ удивляется. „Что", говоритъ Лянуновъ:—„наша храбрость воинская въ сравненіи съ смиренною твердостью сего мужа? Мы летимъ въ сраженье на борзыхъ коняхъ, покрытые сталью.... Звуки трубъ, дымъ пороха, алая кровь.... все наполняетъ душу отвагой.... а онъ!" По поводу этой тирады мы не можемъ не замѣтить, что такъ-называемыя общія мѣста дѣлятся на избитыя и неизбитыя; неизбитыя ничѣмъ не лучше избитыхъ. Являются бояре; начинается споръ, какъ и слѣдовало ожидать; князья урижаютъ Лянунова, одинъ даже предлагаетъ ему выйдти съ нимъ на бой, по старинному русскому обычаю; однако все приходитъ въ порядокъ, и воеводы расходятся друзьями. Лянуновъ молится. Входитъ Марина. „Одинъ, и молится"! говоритъ она: „я этого не люблю". Начинает-

ся разговоръ между ними. Марина оправдываетъ свое поведеніе. Ляпуновъ ей что-то не вѣритъ, однако трогается ея судьбою. Марина старается его обольстить, сулитъ ему вѣнецъ, говоритъ ему: „оставь убійственное сомнѣнье“... „Змѣя, змѣя“, шепчетъ въ сторону Ляпуновъ: „я понимаю тебя“.... Марина продолжаетъ, съ возрастающимъ жаромъ: „Любилъ ли ты когда, Ляпуновъ? слышалъ ли когда признаніе страстной, могучей любви изъ устъ женщины — не безчувственной, раскрашенной куклы, каковы ваши русскія жены, а женщины, одаренной умомъ и душою! Что, еслибъ нашлась такая жена, и она взяла бы тебя за мощную руку, и взглянула бы въ твои свѣтлыя очи и сказала тебѣ: другъ, я люблю тебя!“ Сверхъ того, Марина предлагаетъ Ляпунову престолъ, а сына своего хочетъ удалить.... Ляпуновъ негодуетъ и осыпаетъ Марину проклятьями и укоризнами. „Если же ты пришла сюда искать себѣ мужа“, говоритъ онъ ей, вдохновясь Шекспиромъ: „есть у меня холопъ изъ татаръ: я, пожалуй, тебѣ его уступлю; быть можетъ, онъ согласится быть супругомъ твоимъ“. Марина выхватываетъ кинжалъ, кричитъ: „о, Боже“! и падаетъ на землю. Ляпуновъ сперва насмѣшливо глядитъ на нее, потомъ уходитъ.

Третій актъ кончается.

Мы въ станѣ русскихъ. Воины сидятъ въ живописномъ безпорядкѣ и готовятся къ приступу. Старый воинъ научаетъ молодого не бояться непріятеля. Но вотъ, является Симеонъ и говоритъ очень отрывисто. Союзъ его съ Ляпуновымъ разорванъ! „Да“! восклицаетъ онъ: „не будь ты мой Ляпуновъ.... я убилъ бы тебя, мой Прокопъ, и назвалъ бы Марину своею!“ Является Ляпуновъ; узнаётъ, à la Валленштейнъ, стараго солдата, остается наединѣ съ Симеономъ и окончательно превращается въ Валленштей-

на: „Ты стоишь подлѣ меня, какъ моя молодость“, говоритъ онъ Симеону; „er stand neben mir wie meine Jugend“.... говоритъ Валленштейнъ о Максѣ.... Pereant qui ante nos nostra dixerunt!—Ляпуновъ разспрашиваетъ Симеона о причинѣ его грусти, узнаетъ, что онъ любитъ чужеземку, и перестаетъ быть Валленштейномъ; говоритъ, что въ Нѣмечинѣ женщины съ обнаженной грудью предаются бѣсовскимъ увеселеньямъ и разврату заморскому; потомъ переходитъ къ Маринѣ и объявляетъ свое намѣреніе задушить ее собственными руками. Симеонъ, услышавъ такія слова, берется одной рукой за кинжалъ, другою касается груди Ляпунова: „Прокопъ Петровичъ, ты уже въ кольчугѣ?“ — Ляпуновъ уходитъ. Симеонъ спѣшитъ къ Маринѣ.

Мы приходимъ въ избу Марины.

Марина толкуетъ съ Заруцкимъ о своемъ намѣреніи послать подложное письмо отъ Ляпунова къ Гонсѣвскому, черезъ Волынскаго. Въ этомъ письмѣ Ляпуновъ измѣняетъ отечеству; Волынскій попадется въ плѣнъ; Гонсѣвскій его отпуститъ, а Волынскій съ письмомъ возвратится въ думу боярскую, обвинитъ Ляпунова,—вслѣдствіе чего Ляпуновъ неминуемо погибнетъ. Хотя читатель не понимаетъ, какимъ образомъ Волынскій можетъ вдругъ сдѣлаться такимъ отъявленнымъ негодяемъ, и почему Гонсѣвскій выдастъ Симеону письмо Ляпунова, но въ знаменитыхъ драмахъ г. Бушардй такія ли еще бываютъ несообразности! Заруцкій сомнѣвается въ возможности уговорить Волынскаго. „Онъ меня любитъ“, отвѣчаетъ Марина; Заруцкій все еще не убѣжденъ: „онъ любитъ меня“, повторяетъ Марина и подчеркиваетъ слово: меня! Заруцкій болѣе не сомнѣвается и уходитъ.... Марина остается одна.... Но всю слѣдующую сцену невозможно не выписать.

„Марина (одна, въ ней нѣтъ ничего живого *). Она говоритъ глухимъ, гробовымъ.... но твердымъ голосомъ): Ко мнѣ, ко мнѣ, змѣи адскія! Ко мнѣ, черное мщеніе!

„Совершается дѣло неслыханное! дѣло темное и кровавое, отъ котораго Божьи ангелы отвращаютъ лицо свое!

„Ты самъ виноватъ, Прокопъ Петровичъ! Я шла къ тебѣ съ любовью, съ надеждою и молитвой! Ты отвергнулъ меня: ты отнялъ руку свою отъ Марины! Ты могъ и не захотѣлъ извлечь ее изъ бездны позора и преступленія!

„Какъ онъ былъ хорошъ въ своемъ гнѣвѣ! Какъ благороденъ! Какъ я чувствовала, что могу любить! Но жалости онъ не знаетъ! Не пожалѣютъ и о немъ. Убійство и смерть торжествуютъ! все прекрасное гибнетъ. Добро есть зло, а зло есть добро!

„Я покажу тебѣ, умѣю ли мстить за обиды! Былъ у тебя другъ; ты его нѣжно любилъ; тебя другъ твой продастъ, ты падешь отъ ножа его!—Ты любишь свою Русь, безумно любишь ее! Русь назоветъ тебя измѣнникомъ, и поздніе лѣтописцы проклянутъ твое имя! Не правда ли, я умѣю мстить?

„Я слышу его! Онъ идетъ! Ко мнѣ, змѣи адскія! Ко мнѣ, черное мщеніе!

(Входитъ Симеонъ).

Симеонъ.

Марина!

Марина.

„Это ты! Спасибо тебѣ, что пришелъ! Не бойся! Я призвала тебя не за кровавою местью! Вчерашнія оскоро-

*) Это замѣчаніе автора о состояніи души Марины напоминаетъ намъ замѣчанія автора другой исторической драмы, исполненной высокихъ.... комическихъ достоинствъ. Къ сожалѣнію, мы позабыли названіе этой драмы. Герой перебрасываетъ съ руки на руку голову своего соперника—а сочинитель въ выноскѣ замѣчаетъ: „Страшно!“ Въ этой же драмѣ мѣсто дѣйствія одной сцены описано слѣдующимъ образомъ: „Направо кусты и лужайка; налѣво великій князь въ богатѣйшемъ нарядѣ.“ Но въ сочиненіи **г. Гедеонова нѣтъ ничего комическаго.**

ленія забыть! Я хотѣла увидать еще разъ, еще въ послѣдній разъ того, кто любилъ меня....

Симеонъ.

„О, Боже! Мы разстаемся?

Марина.

„Навсегда! Я ѣду въ дальній путь, Симеонъ!

Симеонъ.

„Я не хочу понимать тебя, но мнѣ страшно!

Марина.

„Могъ ли ты думать, что я соглашусь быть игрушкой Лянунова? Что отчаяніемъ и слезами я захочу увеличить его торжество? Могъ ли ты думать, что я понесу на срамную плаху преступниковъ мою вѣнчанную голову? У меня есть ядъ, Симеонъ!

Симеонъ.

„Ты не умрешь!

Марина.

„Ты любилъ меня! Исполни же послѣднюю волю мою! Когда на башняхъ кремлевскихъ раздастся побѣдное русское ура, и гордый вождь взойдетъ въ царскія палаты—меня уже не будетъ! Мой сынъ въ Коломнѣ! Спаси его, сокрой его! Не дай этому врагу упиться невинною кровію младенца!

Симеонъ.

„Ты не умрешь!

Марина.

„Ребенокъ! не ты ли спасешь меня? Повѣрь мнѣ, все кончено; я покоряюсь судьбѣ своей. Заруцкій меня оставляетъ! Онъ слишкомъ дорого продавалъ мнѣ защиту свою: онъ требовалъ этой руки! Я бросилась къ Лянунову; Лянуновъ отвергнулъ меня! ты видишь, добрый другъ, я должна умереть!

Симеонъ.

„О, Боже мой?

Марина.

„Куда бѣжать? Отъ кого ждать спасенія? Лжуновъ клялся меня погубить; а ты знаешь, умѣетъ ли онъ держать свои клятвы!

Симеонъ.

„Я убью его!

Марина.

„О, Симеонъ! онъ твой другъ....

Симеонъ.

„Я его ненавижу!

Марина.

„Онъ спаситель, надежда твоей Руси....

Симеонъ.

„Что мнѣ Русь, что мнѣ дружба, что мнѣ весь свѣтъ въ сравненіи съ твоимъ взглядомъ! Я живу тобою! дышу тобою! Пусть все гибнетъ, все рушится вокругъ меня, лишь бы ты, моя царица, улыбнулась рабу твоему! (*падаетъ на колѣни*).

Марина (*беретъ его за руку*).

„О, Боже мой! Эта жизнь такъ прекрасна! быть такъ любимой—и умереть!

Симеонъ.

„Я спасу тебя! я этимъ ножомъ вырву у него сердце изъ груди! Я спасу тебя, слышишь ли?

Марина.

„Волынскій! изъ гроба ты вызываешь меня къ жизни! Не забудь, что ты дѣлаешь! Не забудь, за что ты берешься!

Симеонъ.

„Я сдержу свое слово!

Марина.

„Еще не поздно, ты можешь вернуться! Судьба моя тяжела! Горе тому, кто захочетъ ее раздѣлить!

Симеонъ.

„Я рѣшился!

Марина.

„Вспомни, что я требую полнаго, слѣпого повиновенія! Вспомни, что кто любитъ Марину, для того нѣтъ ни друга, ни отчизны, ни вѣры! Онъ долженъ быть мой, весь мой! Онъ долженъ жить моей жизнью, мыслить моей мыслію, любить моимъ сердцемъ!

Симеонъ.

„Для тебя, я убью родного отца.

Марина.

„Хорошо же. (*Торжественно*). Отнынѣ ты мой рабъ, слѣпой исполнитель воли моей!

Симеонъ.

„Царица, повелѣвай!

Марина.

„Слушай же! Я не хочу, чтобы Москва была взята въ эту ночь!

Симеонъ.

„Я могу измѣнить!

Марина.

„Вотъ письмо: приложи къ нему печать Ляпунова. Возьми его съ собою на приступъ. Ты ведешь передовую дружину. Поляки сдѣлаютъ вылазку; отдайся въ плѣнъ тому, кто скажетъ тебѣ мое имя. Завтра ты будешь свободенъ; завтра ты отдашь это письмо боярамъ.

Симеонъ.

„Это письмо....

Марина.

„Ты видишь, оно писано Ляпуновымъ; оно объявляетъ Гонсѣвскому, что передается полякамъ: онъ забылъ только печать приложить! Ты колеблешься? Ты блѣднѣешь? Отдай мнѣ письмо! Я разорву его!

Симеонъ.

„Оставь! Ляпуновъ отжилъ свой вѣкъ.

Марина (*опираясь на плечо Симеона и почти обнимая его*).

„Я буду тебя ожидать. Приходи завтра; скажи мнѣ: ты свободна; бояться тебѣ болѣе некого.... И ты получишь достойную награду. *(Цѣлуетъ его и убѣгаетъ).*

Симеонъ.

„О, доживу ли я до утра?...“

Отъ смѣшного къ великому тоже шагъ одинъ, какъ и отъ великаго къ смѣшному. Адельгейда въ „Гёцѣ фонъ-Берлихингенъ“ говоритъ Францу при прощаніи: „und der schönste Lohn wartet dein....“; а Францъ отвѣчаетъ: „O, werd' ich bis zum Morgen leben!...“

Кто-жъ говорилъ, что Гёте не зналъ русскаго языка?...

Дѣйствіе пятое.

Ляпуновъ въ отчаяніи, приступъ не удался; Симеонъ исчезъ безъ вѣсти. Приходитъ Ржевскій и увѣдомляетъ Ляпунова объ измѣнѣ Симеона. Ляпуновъ опять въ отчаяніи. Являются бояре. Зовутъ Ляпунова на судъ. Онъ идетъ. Авторъ насъ переноситъ на площадь передъ домомъ Масальскаго. Народъ толкуетъ объ измѣнѣ Ляпунова. Замѣтимъ, кстати, что почти всѣ наши писатели старой школы, съ легкой руки г. Загоскина, заставляютъ говорить народъ русскій какимъ-то особеннымъ языкомъ съ шуточками да съ прибауточками. Русскій человѣкъ говоритъ такъ, да не всегда и не вездѣ: его обычная рѣчь замѣчательно-проста и ясна. Это намъ напоминаетъ разсказъ Пушкина о томъ, какъ онъ на Кавказѣ встрѣтилъ персидскаго посла, заговорилъ съ нимъ по-восточному, и какъ былъ пристыженъ, услышавъ его простой, вѣжливый отвѣтъ.—Итакъ, народъ толкуетъ; является юродивый,—это странное лицо, безъ котораго не обходится ни одна русская драма,—и, какъ водится, пѣсенками да нелѣпыми словами предсказываетъ да предчувствуетъ бѣду. Какъ „украшеніе, въ сочиненіи пріятное“, это лицо уже слишкомъ избито; усиліе же представлять юроднваго какимъ-то

всезнающимъ существомъ, не смотря на его безуміе, доказываетъ странную увѣренность въ превосходствѣ безсознательнаго вдохновенія надъ простымъ здравымъ разсудкомъ. Въ русскихъ сказкахъ Иванушка-дурачекъ, которому все удается, совсѣмъ не глупъ.—Приходитъ Марина, „разстроенная“, хочетъ войти въ совѣтъ, тащитъ за собой юродиваго.... выбѣгаетъ Лянуновъ, на смерть раненый. Марина кается передъ нимъ. Лянуновъ благодаритъ ее и прощаетъ. „А я проклинаю тебя!“ кричитъ юродивый и убѣгаетъ. Симеонъ „пробирается сквозь толпу“ и зоветъ Марину съ собой, проситъ Лянунова сказать ей, что онъ его сынъ, и что онъ его зарѣзалъ. Онъ съ ума сходитъ, какъ вообще въ операхъ всегда сходятъ съ ума примадонны и теноры въ затруднительныя минуты.... Это сумасшествіе очень удобно для дюжинныхъ композиторовъ. Но Моцартъ не заставляетъ донью Анну, при видѣ убитаго отца, припоминать дни дѣтства и проч., какъ это дѣлаютъ оперные сумасшедшіе.—Марина себя обвиняетъ во всеуслышаніе; народъ бросается на нее съ крикомъ.... Лянуновъ ее спасаетъ, предсказываетъ Пожарскаго и умираетъ.

Изъ подробнаго обзора драмы г. Гедеонова, читатель можетъ усмотрѣть, справедливо ли наше мнѣніе объ этомъ произведеніи. Повторяемъ: образованному человѣку написать такую драму—очень легко; но qu'est ce que cela prouve? какъ говаривалъ д'Аламберъ. Обогатила ли она нашу душу хотя однимъ живымъ и теплымъ словомъ, познакомила ли она насъ съ новымъ, небывалымъ воззрѣніемъ талантливаго человѣка на русскую жизнь, русское сердце, русскую старину? Легко представлять доблестныхъ вождей, „соединеніе всего прекраснаго и великаго“, коварныхъ и честолюбивыхъ женщинъ, призывающихъ „черныхъ змѣй“, влюбленныхъ юношей Симеоновъ и проч.; легко заставить эти бездушныя и безкровныя лица гово-

рить языкомъ новѣйшей французской мелодрамы.... ma per che? какъ спрашивалъ графъ Альмавива. Мы возставали и возстаемъ противъ злоупотребленія патріотическихъ фразъ, которыя такъ и сыплются изъ устъ героевъ нашихъ историческихъ драмъ—возставали и возстаемъ оттого, что желали бы найти въ нихъ болѣе истиннаго патріотизма, роднаго смысла, пониманія народнаго быта, сочувствія къ жизни предковъ.... пожалуй, хоть и къ народной гордынѣ.... Это всякому дано ощущать, но не всякому дано выразить. Образцами такого рода драмы могутъ служить „Генрихи“ и „Ричарды“ Шекспира. „Старая Англія“ (Old England) живетъ и дышетъ въ этихъ безсмертныхъ произведеніяхъ.... Кто намъ доставитъ наслажденіе поглядѣть на нашу древнюю Русь? Неужели не явится, наконецъ, талантъ, который возьмется хоть за этихъ двухъ рязанскихъ дворянъ, Прокопа и Захара Ляпунова, и покажетъ намъ, наконецъ, русскихъ живыхъ людей,—говорящихъ русскимъ языкомъ, а не слогомъ,—вмѣсто тѣхъ странныхъ существъ, которыя подъ именами историческими и вымышленными такъ давно и такъ безотрадно мелькаютъ передъ нашими глазами! Или, въ pendant малороссу, Тарасѣ Бульбѣ, намъ все еще должно удовлетворяться русскимъ Чичиковымъ?

Да, русская старина намъ дорога, дороже, чѣмъ думаютъ иные. Мы стараемся понять ее ясно и просто; мы не превращаемъ ее въ систему, не втягиваемъ въ полемику; мы ее любимъ не фантастически-вычурною, старческою любовью: мы изучаемъ ее въ живой связи съ дѣйствительностью, съ нашимъ настоящимъ и нашимъ будущимъ, которое совсѣмъ не такъ оторвано отъ нашего прошедшаго, какъ опять-таки думаютъ иные. Но, повторяемъ: пусть истинный талантъ,—какія бы ни были его теоретическія, историческія убѣжденія — передастъ намъ нашу старину.... за нашими рукоплесканіями дѣло не станетъ. Что

же касается до „Смерти Ляпунова“ г. Гедеонова, то вотъ наше послѣднее слово объ этой драмѣ: мы ее не даромъ сравнили въ началѣ статьи съ оперой: она—не что иное, какъ оперное либретто.

„Отеч. Зап.“ 1846 года, № 8-й.

V. — „Генералъ-Поручикъ Паткуль“. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. Сочиненіе Нестора Кукольника.

„Генералъ-Поручикъ Паткуль“ названъ авторомъ, вѣроятно, не безъ причины, трагедіей, а не исторической драмой. Слово трагедія хотя и утратило свой первобытный, древній смыслъ, все же переноситъ читателя въ ту идеальную сферу искусства, гдѣ дѣйствующія лица являются представителями великихъ вопросовъ, великихъ событій человѣчества, гдѣ совершается борьба между двумя коренными началами жизни и гдѣ, слѣдовательно, трагикъ имѣетъ право, для бо̀льшаго торжества истины, жертвовать фактами, внѣшней вѣроятностью*). Въ произведеніи г. Кукольника одно лицо—Паткуль, наполняетъ всю сцену; *пафосъ*—(мы бы весьма желали замѣнить это слово другимъ, въ угоду тѣмъ насмѣшливымъ и острымъ людямъ, которымъ оно не нравится—но не находимъ другого) его

---

*) „На сколько можетъ трагикъ отступить отъ исторической истины? „Во всемъ, что не касается до *характера* дѣйствующаго лица,—на сколько „угодно.—Но *характеры* должны быть ему священны. Малѣйшее *суще-* „*ственное* измѣненіе, всякое внутреннее противорѣчіе уничтожаетъ причину, „почему выбрано именно это историческое лицо; а намъ не можетъ нра- „виться то, чему причины мы не находимъ“.

Лессингъ, Гамб. Драм., ч. I, стр. 105.

наоосъ—величіе Петра, возникающей Руси, новаго царства, новаго народа.... Остальныя лица—Августъ, Карлъ, любовницы и министры Августа—служатъ только рамой картинѣ. Намъ кажется, что авторъ употребилъ во зло признанное за нимъ право измѣнять событія: вся его трагедія исполнена анахронизмовъ, на которые мы укажемъ ниже; во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдовало заставить Наткуля (на стр. 84) говорить о Молiерѣ, какъ о живомъ человѣкѣ тридцать-три года послѣ его смерти.— Но прежде, чѣмъ приступимъ собственно къ разбору произведенія г. Кукольника, намъ хочется поговорить о самомъ Наткулѣ, какъ объ историческомъ лицѣ.

Графиня Кёнигсмаркъ*) говоритъ у г. Кукольника, что

„Царя Петра великое лицо
„Испуганной Европѣ представляетъ
„Великій Паткуль....

и хоть тогда, за три года до полтавской битвы, Европа не могла „пугаться“ Петра—но мысль противопоставить юную Русь старой Европѣ, показать намъ представителя нашего великаго царя среди блестящаго и развратнаго двора Августа, эта мысль, дѣйствительно, могла бы служить основаніемъ замѣчательнаго художественнаго произведенія. Какъ ее выполнилъ г. Кукольникъ—увидимъ ниже, но теперь мы должны объявить, что въ нашихъ глазахъ Паткуль не заслуживаетъ чести быть *такимъ* представителемъ Петра. Рожденный съ сердцемъ горячимъ и благороднымъ, съ умомъ изворотливымъ и тонкимъ, онъ въ молодости своей смѣло возсталъ за права своей родины—и пострадалъ за свою смѣлость; осужденный на позорную казнь, если не раскаялся въ своей опрометчивости, то, по крайней мѣрѣ, всячески старался

*) У г. Кукольника графиня Кёнигсмаркъ въ 1706 году добивается аббатства Кведлинбургскаго, которое, по исторіи, она получила въ 1698 году.

загладить ея дурныя послѣдствія, просилъ, писалъ умоляющія письма; раздраженный отказомъ, напраснымъ униженіемъ, старался отмстить шведскому правительству сперва сочиненіями, потомъ дѣлами *); велъ жизнь непостоянную и безпокойную, пока Флеммингъ его не завербовалъ въ саксонскую службу; увлеченный величіемъ Петра, и быть можетъ, патріотическимъ желаніемъ упрочить судьбы своего отечества, поступилъ въ число служителей русскаго царя, не разрывая, впрочемъ, связи съ саксонскимъ дворомъ; интриговалъ, запутывалъ и распутывалъ дѣла, безпрестанно путешествовалъ, вступалъ въ сношенія съ правительствами австрійскимъ, прусскимъ, датскимъ, а при восшествіи юнаго Карла на престолъ хлопоталъ о помилованіи. Паткуль принадлежалъ къ числу тѣхъ странствующихъ второстепенныхъ дипломатовъ, космополитическихъ государственныхъ людей, которыми тогда полна была Европа. Таковъ былъ извѣстный Гёрцъ, таковъ былъ знаменитый Альберони, его современники; но Паткулю до нихъ, „какъ до звѣзды небесной“, далеко. Страшная мученическая смерть Паткуля возбудила къ нему справедливое участіе историковъ и, можетъ быть, одна вывела изъ мрака, обезсмертила его имя. Онъ преданъ былъ Петру потому, что чувствовалъ его превосходство и предугадывалъ его могущество; служилъ ему усердно, горячо, но дѣйствовалъ единственно изъ личныхъ выгодъ. Героемъ же онъ не былъ, хотя рисковалъ своей головой не разъ—c'était le mauvais coté du métier, какъ говорятъ французы **). Читатели могутъ усомниться въ

---

*) Отвѣтъ шведскаго правительства на манифестъ 1702 года былъ публично сожженъ въ Москвѣ по наущенію Паткуля.

**) Извѣстно, что и Герца казнили (гораздо съ большей несправедливостію, чѣмъ Паткуля) послѣ смерти Карла. „Mors regis, fides in regem mors mea“, сказалъ про себя Гёрцъ. Онъ умеръ съ замѣчательной твердостью—чего тоже нельзя сказать про Паткуля.

справедливости нашего мнѣнія; мы имъ представимъ доказательство неотразимое: собственныя признанья Паткуля.—Капелланъ гѣльмскаго полка, при которомъ находился плѣнный Паткуль, Лаврентій Гагенъ (Hagen), а не *Гаара*, какъ его называетъ г. Кукольникъ,—оставилъ необыкновенно трогательное, поражающее своей истиной, описаніе *послѣдняго дня* бѣднаго Паткуля, которому онъ служилъ исповѣдникомъ. Чтеніе этого документа, писаннаго на другой день казни, такъ сильно подѣйствовало на насъ, что мы рѣшаемся подѣлиться нашими впечатлѣніями съ читателемъ. Этотъ документъ чрезвычайно интересенъ и въ психологическомъ отношеніи: читая простой разсказъ почтеннаго пастора, мы какъ-будто присутствуемъ при предсмертныхъ мукахъ человѣка страстнаго, много пережившаго, не слабаго, но и не сильнаго, умнаго, но не необыкновеннаго, какимъ и былъ Паткуль.... Такіе люди ближе и понятнѣе намъ, въ нихъ больше принимаешь участія.—Вотъ этотъ разсказъ (пасторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ).

„....Полковникъ за тайну сказалъ пастору, что Паткуля казнятъ на слѣдующій день, и поручилъ ему объявить это плѣнному и приготовить несчастнаго къ христіанской кончинѣ. Согласно съ этимъ приказаніемъ, капелланъ отправился къ Паткулю въ третьемъ часу дня и нашелъ его лежащимъ на постели. Поклонившись ему, пасторъ попросилъ его не пенять на него за нежданное посѣщеніе, тѣмъ болѣе, что онъ (пасторъ) не сомнѣвается въ томъ, что въ бѣдственномъ его положеніи, ему необходимы увѣщанія и утѣшенія божественнаго слова. „Я очень радъ“, отвѣчалъ Паткуль:—„и очень вамъ благодаренъ; повѣрьте, г-нъ пасторъ, ни одно посѣщеніе не могло мнѣ быть болѣе пріятнымъ. Ну, прибавилъ онъ, что новаго?“—Капелланъ отвѣчалъ, что онъ долженъ ему нѣчто сказать наединѣ; Паткуль всталъ и обратился къ дежурному офицеру. Ка-

нелланъ тоже подошелъ къ офицеру и шопотомъ сообщилъ ему приказаніе полковника. Какъ только тотъ вышелъ, Паткуль взялъ пастора за руку.... „Ахъ, г-нъ пасторъ“, началъ онъ чрезвычайно взволнованнымъ голосомъ: „что вы такое мнѣ хотите объявить?“—Милостивый государь, возразилъ пасторъ:—я прихожу къ вамъ съ порученіемъ Іезекіи, я долженъ вамъ сказать, что̀ Исаія сказалъ этому царю (Исаіи XXXVIII, 1): „Устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты и не будеши живъ!“—Услышавъ эти слова, Паткуль снова легъ, и слезы потекли у него изъ глазъ. Пасторъ началъ его утѣшать и сказалъ ему, что такъ какъ онъ искусенъ во всѣхъ наукахъ, то, вѣроятно, хорошо знакомъ и съ главнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, съ религіей, и что поэтому не слѣдуетъ ему принимать съ такой горестью и съ такимъ волненіемъ извѣстіе, котораго онъ, притомъ, долженъ былъ ожидать. „Ахъ“, сказалъ Паткуль: „я знаю старинную обязанность людей—умереть когда-нибудь; но эта смерть будетъ мнѣ слишкомъ тяжка“. И онъ заплакалъ горько. Желая подкрѣпить его, пасторъ сказалъ ему, что еще неизвѣстно, какой родъ смерти ему назначенъ, но что она будетъ тѣмъ спасительнѣе для его души, чѣмъ страшнѣе для тѣла. Тогда Паткуль привсталъ на постели и, сложа руки, воскликнулъ: „Господи Іисусе, пошли мнѣ праведную смерть“. Потомъ, обратившись къ стѣнѣ, продолжалъ: „Ахъ! редукція *) въ Швеціи и Ливоніи была причиной всѣхъ моихъ бѣдствій“. Канелланъ попросилъ его оставить всѣ земные помыслы, которые, притомъ, не могли не быть ему непріятными, и подумать о небѣ и вѣчности. „Увы, добрый господинъ пасторъ!“ отвѣчалъ онъ:—„моя душа—старая язва, наполненная гноемъ; позвольте

*) Эта „редукція“ состояла въ конфискаціи многихъ казенныхъ имѣній, которыя дворянство себѣ присвоило или получило въ даръ, болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Огромныя земли, между прочимъ 10 графствъ и 50 баронствъ, подверглись этому конфискованію.

мнѣ сперва выкинуть вонъ все, что у меня на сердцѣ; все это должно выдти вонъ. Эта редукція, которая разорила столько людей, продолжалъ онъ,—эта редукція причина всѣхъ моихъ несчастій. Покойный король ударилъ меня по плечу и сказалъ мнѣ: Паткуль, защищайте права вашей родины, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Что же мнѣ дѣлать? Но злые люди все перетолковали въ дурную сторону. Да проститъ Господь Гастёру. Онъ много содѣйствовалъ къ моему несчастію. Сначала онъ заманилъ меня, потомъ совсѣмъ ослѣпилъ, потомъ сдѣлался моимъ врагомъ и сталъ меня преслѣдовать. Скоро я увижу тебя, вмѣстѣ съ моими другими обвинителями, передъ престоломъ Вѣчнаго Судіи. Боргеймъ тоже много мнѣ повредилъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ по приказанію. Швеція! Швеція! не со смѣхомъ и плясками покинулъ я тебя, Богъ тому свидѣтель! Но куда мнѣ было дѣться? Не могъ же я спрятаться въ могилѣ, вмѣстѣ съ мертвыми! Я не хотѣлъ пойти въ монастырь: моя религія мнѣ этого не позволяетъ: у союзныхъ державъ я не былъ въ безопасности. Мнѣ говорятъ: ты пошелъ къ нашимъ врагамъ, слѣдовательно, ты причиною этой войны. Но какой ложный выводъ? Я пришелъ къ нимъ, какъ несчастный изгнанникъ, не какъ злой совѣтникъ и бунтовщикъ. Тогда никто не полагалъ меня способнымъ къ тому дѣлу, и дѣйствительно, я къ этому не былъ способенъ. Когда я прибылъ въ Саксонію, все уже было сдѣлано, и конвенція съ Московіей была подписана, прежде нежели я что-нибудь значилъ“....

Насторъ снова посовѣтовалъ ему не вдаваться слишкомъ въ житейскія дѣла; но Паткуль взялъ его за руку и сказалъ: „Позвольте мнѣ проститься съ ними, съ тѣмъ, чтобъ ужъ никогда больше о нихъ не говорить. Какой вы націи, г-нъ насторъ?“ „Я швед, возразилъ тотъ, родомъ

изъ Штокгольма.—„Тѣмъ лучше“, отвѣчалъ Паткуль:—„я очень бы желалъ, чтобъ шведы тоже узнали истину обо мнѣ. Господинъ пасторъ, *сердце у меня всегда было шведское*, хотя ему не хотѣли вѣрить; но Богъ тому свидѣтель. Можно судить о моемъ расположеніи къ шведамъ по тому, какъ я услужилъ нѣкоторымъ, главнымъ изъ нихъ. Эти услуги такого рода, что, скажу безъ хвастовства, кромѣ меня никто бы на нихъ не рѣшился. Часто желали меня вознаградить деньгами, но я не соглашался; я просилъ хотя одного рекомендательнаго слова при шведскомъ дворѣ, съ тѣмъ, чтобы опять попасть въ милость. Но увы! врата кротости были постоянно заперты для меня, бѣдной, заблудшей овцы. Я не переставалъ, однако, употреблять всѣческія усилія; съ этой же цѣлью поѣхалъ въ Москву, когда наши посланники тамъ были. Вы вѣдь слышали объ этомъ“, прибавилъ онъ, обращаясь къ пастору. — „Да, отвѣчалъ тотъ; я даже имѣлъ тогда честь быть капелланомъ при посольствѣ; я васъ тамъ видѣлъ.—„А! вы тамъ были! То-то мнѣ и хотѣлось сперва сказать, что я васъ гдѣ-то видѣлъ. Да, г-нъ пасторъ, продолжалъ онъ, я старался попасть въ милость черезъ посредство царя. Но когда я узналъ, что посланникамъ короля было приказано сыскать меня и требовать моей выдачи, я принужденъ былъ спрятаться и жить инкогнито. Тогда распустили слухъ, что я отвратилъ царя отъ заключенія мира. Но это сдѣлалъ N.; креатура N. *)—и другіе тутъ участвовали, которыхъ я знаю. Я же, съ своей стороны, совѣтовалъ согласиться на миръ, сколько могъ, совѣтовалъ; и въ первый же годъ я довелъ дѣло до того, что король шведскій получилъ бы Курляндію, польскую Лифляндію и бо̀льшую часть Самогитіи, если бы хотѣлъ согласиться на миръ. Полагали, что царь не захочетъ подписать такія условія; но, напротивъ, когда я ему

*) Трудно догадаться, на кого мѣтилъ Паткуль. Не на Меньшикова ли?

предложилъ свой проектъ, онъ очень обрадовался, обнялъ меня и поблагодарилъ за совѣтъ. Но шведскій король несогласился. Бѣдные плѣнные шведы, которыхъ тогда было въ Москвѣ нѣсколько сотенъ, могли бы тоже свидѣтельствовать въ мою пользу. Я могу сказать, что я истратилъ болѣе ста тысячъ талеровъ, чтобы снова попасть въ милость шведскаго короля. Ахъ, если бы я такъ же старался заслужить Божіе милосердіе!"

Онъ снова заплакалъ. Пасторъ началъ опять его утѣшать, увѣряя, что еще есть время, но что не надобно медлить, что врата Божьей благости еще открыты для него.— „Въ этомъ всѣ мои надежды", отвѣчалъ онъ:—„Ты мой Богъ, Ты не человѣкъ: гнѣвъ твой не вѣченъ.... Но сердце мое разрывается при мысли, что я лучше служилъ людямъ, чѣмъ Богу".... Онъ еще прибавилъ нѣсколько словъ, и кончая, сказалъ: potentes potenter tormenta patientur (сильные будутъ наказаны сильно). „Но, г-нъ пасторъ, продолжалъ онъ:—я, можетъ быть, васъ задерживаю своими скучными рѣчами. Теперь, если вамъ нужно что-нибудь сдѣлать.... я бы желалъ остаться немного наединѣ. Попросите также, пожалуйста, г-на полковника, чтобы меня не прерывали.... я это сочту за милость". Пасторъ обѣщалъ исполнить его просьбу и удалился.

Когда онъ возвратился къ плѣнику, вечеромъ въ 7 часовъ, Наткуль сказалъ ему съ веселымъ и довольнымъ видомъ: „Милости просимъ, господинъ пасторъ; я на васъ гляжу, какъ на ангела небеснаго. Теперь, благодаря Бога, у меня тяжелый камень съ сердца свалился, я чувствую большую перемѣну въ своей совѣсти. Я радъ тому, что долженъ умереть. Лучше умереть, чѣмъ долго томиться въ тюрьмѣ! Ахъ! лишь бы эта смерть была сносна! не знаете ли вы, какъ я долженъ умереть?" Капелланъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ; но что, вѣроятно, все будетъ исполнено безъ шума, потому что до сихъ поръ въ полку никто объ этомъ

не зналъ, кромѣ полковника да его (пастора). „И это милость“, сказалъ Паткуль.—„Но развѣ вы не видѣли моей сентенціи? Неужели-жъ меня казнятъ, не выслушавши, даже не сообщивъ мнѣ приговора? Пасторъ отвѣчалъ ему, что, вѣроятно, есть сентенція, но запечатанная, которую откроютъ только на мѣстѣ.—„Можетъ быть“, сказалъ Паткуль:—„лишь бы меня не долго мучили“. Пасторъ подкрѣпилъ его, какъ только могъ,—и онъ самъ старался утѣшить себя словами священнаго писанія. Между прочимъ, онъ сказалъ по гречески стихъ изъ Дѣяній Апостольскихъ (XIV, 22): „Многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство Божіе“, и изъ Посланія къ Римлянамъ (VIII, 18): „Непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ“. Онъ спросилъ потомъ, можетъ ли онъ получить бумаги и чернилъ. Когда же пасторъ сказалъ ему, что—да, онъ попросилъ у него позволенія продиктовать ему слѣдующее:

Завѣщаніе или послѣдняя моя воля, которую я хочу, чтобы исполнили послѣ моей смерти.

Во-первыхъ, чтобы мои родственники, находящіеся въ шведскомъ войскѣ, получили должныя мнѣ суммы, въ силу существующихъ облигацій, и чтобы его величество, шведскій король, сдѣлалъ милость, помогъ имъ въ полученіи....

Продиктовавъ эти строки, онъ сказалъ пастору: „Остановимся тутъ, это мнѣ будетъ пріятнѣе, и отъ времени до времени станемъ молиться“;— что они и сдѣлали. „Теперь“, промолвилъ онъ:—„слава Богу, я чувствую себя все лучше и лучше. Ахъ! лишь бы меня не долго мучили! Какъ бы я охотно отдалъ всю кровь мою, до послѣдней капли, если-бъ я могъ выкупить ею свои грѣхи! Не правда ли, король—милосердый государь?“—„Да, отвѣчалъ ему канцлеръ, мы должны благодарить Бога за то, что онъ

намъ далъ короля милосердаго и благочестиваго.—„Это главное“, сказалъ Наткуль:—„гдѣ страхъ Божій, тамъ и другія добродѣтели.... Справедливо говоритъ Давидъ, что страхъ Божій начало премудрости. Окруженъ ли онъ честными людьми?“ продолжалъ онъ, говоря о королѣ. Канеллань отвѣчалъ утвердительно. — „А первый министръ, графъ Пиперъ—что̀, онъ вельможа, боящійся Бога?“—На это канеллань отвѣтилъ, что графъ тоже неоднократно доказалъ свою набожность. — „Слава Богу“, продолжалъ Наткуль:—„со мной, слѣдовательно, поступятъ правосудно. Счастливо то царство, гдѣ господствуютъ благочестіе и правосудіе!“ Онъ началъ разспрашивать канеллана о Швеціи, университетахъ, ученыхъ, богословскихъ сочиненіяхъ доктора Мейера. Потомъ онъ заговорилъ о Галле и въ особенности о профессорѣ Франкѣ и докторѣ Брейтгауптѣ, спрашивая мнѣніе пастора о нихъ, а также, гдѣ онъ учился. „Да“, сказалъ онъ, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ:—„да, да! есть у меня тамъ и сямъ друзья, которые пожалѣютъ обо мнѣ и заплачутъ, узнавъ о моей смерти! Что̀ скажетъ вдовствующая курфирстина и фрейлина Левольде и, въ особенности, моя бѣдная невѣста? (Наткуль былъ сосватанъ съ одной саксонской дамой, по имени Эйзидлень). О! какое горькое извѣстіе для нея! Добрый мой г-нъ пасторъ“, прибавилъ онъ, пожавъ ему руку:—„могу я васъ обезпокоить одной просьбой?“—Охотно, отвѣтилъ ему пасторъ, если я только въ состояніи вамъ чѣмъ-нибудь услужить. — „Будьте такъ добры, напишите бѣдной госпожѣ Эйзидлень, моей невѣстѣ; поклонитесь ей отъ меня въ послѣдній разъ и скажите ей, что моя смерть, какъ она ни позорна, все же счастлива и спасительна для меня. Это ее немного утѣшитъ, особенно, если она получитъ письмо отъ того, кто былъ при мнѣ въ послѣднія мгновенія моей жизни. Подумайте о моей вѣрной любви. Моя невѣста теперь

свобода и ничѣмъ не связана, а я умираю, преданный и благодарный ей“....

Пасторъ обѣщался исполнить его желаніе. Паткуль досталъ кошелекъ и раздѣлилъ свои деньги на три свитка.—„Завтра“, сказалъ онъ; „если угодно Богу, я не хочу ничѣмъ заниматься житейскимъ“. Онъ предложилъ пастору одинъ изъ этихъ свитковъ, въ которомъ было сто червонцевъ. Когда же тотъ началъ отказываться, говоря, что онъ этого не заслуживаетъ:—„Ахъ! г-нъ пасторъ“, воскликнулъ Паткуль:—„я часто давалъ по тысячѣ червонцевъ за временную услугу; вы же мнѣ теперь оказываете неоцѣненное расположеніе и пріязнь, и я бы желалъ быть въ состояніи достойнѣе возблагодарить васъ! Впрочемъ, г-нъ пасторъ, я хочу подарить вамъ самое драгоцѣнное мое сокровище—новый завѣтъ греческій, съ комментаріемъ Арія Монтана. Эта книга была неразлучна со мной во время моего изгнанія. Она находится теперь у маіора Гротгузена; вы можете послать за ней“. Пастырь поблагодарилъ его и обѣщался хранить ее всю жизнь изъ любви къ нему. Паткуль попросилъ пастора поклониться маіору отъ его имени и благодарить его за всѣ оказанныя снисхожденія Потомъ онъ взялъ другую книгу и сказалъ: „Это я написалъ самъ. Возьмите и эту книгу, г-нъ пасторъ, на память обо мнѣ. Она докажетъ вамъ мою вѣру. Я бы очень желалъ, чтобы эта книга какъ-нибудь попала на глаза королю“. Пасторъ сказалъ Паткулю, что онъ отдастъ ее полковнику, съ тѣмъ, чтобы тотъ представилъ ее королю. „Ахъ, какъ это было бы хорошо!“ воскликнулъ Паткуль. „Милая книга, желаю, чтобы ты была счастливѣе меня. Я говорю тебѣ, что̀ Овидій говорилъ своимъ „*Tristes*“, посылая ихъ къ Августу, изъ мѣста своего изгнанія: „Ступай, моя книга, и выхлопочи мнѣ то, чего я самъ не могъ выхлопотать“. Потомъ онъ попросилъ пастора прочесть ему молитвы предсмертныя, въ особенности ту, которая

начинается такъ: „Вѣчному Богу вручаю я мою душу....“ Онъ самъ повторилъ ее съ большимъ вниманіемъ, и тутъ же заговорилъ о суетѣ мірской.—„Богъ мнѣ свидѣтель“, сказалъ онъ, „что среди всѣхъ благъ земныхъ у меня сердце всегда стѣснялось, и что теперь, когда я знаю, что долженъ умереть завтра,—я спокойнѣе и веселѣе, чѣмъ, бывало, на большихъ пирахъ. Munde immunde vale, т. е. прощай, нечистый міръ! Г-нъ пасторъ, увѣряю васъ, что часто, особенно въ послѣдніе годы, я старался освободиться отъ міра, но не могъ. Я слишкомъ былъ кругомъ опутанъ. О, Іисусе! буди благословенъ навсегда. Ты, разрывающій сѣти діавола! Сѣти разорваны, моя душа свобода, это дѣло рукъ могущественнаго Карла. Благодареніе Богу!... Справедливо сказалъ святой Павелъ (къ Рим. посл. VIII, 27): „Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ въ благое“. „Господинъ пасторъ, продолжалъ онъ, я васъ задерживаю: уже становится поздно, вы устали“. Пасторъ отвѣчалъ, что нѣтъ, помолился еще съ нимъ и кончилъ вечернею молитвой.—„Посовѣтуйте мнѣ, г-нъ пасторъ“, спросилъ его Наткуль:—„долженъ ли я отдохнуть теперь немного? Я очень уже давно не спалъ.... я очень слабъ. Сегодня я не ѣлъ ничего и выпилъ только нѣсколько глотковъ воды“. Пасторъ ему присовѣтовалъ отдохнуть. „Итакъ, продолжалъ онъ, мое тѣло можетъ теперь успокоиться на время.... Завтра мнѣ нужны всѣ мои силы. Я долженъ и хочу завтра подкрѣпить свою душу святымъ причастіемъ“. Тогда онъ замѣтилъ время на своихъ часахъ, легъ на кровать, и пасторъ удалился.

На другой день, 30 числа*), около 4-хъ часовъ утра, канцелляръ опять явился къ нему. Наткуль тотчасъ услышалъ его приходъ, всталъ и поблагодарилъ Бога за хорошо проведенную ночь. „Уже давно“, сказалъ онъ, „я

*) $^{30}/_{19}$ сентября 1707 года.

такъ хорошо не спалъ". Они оба начали молиться, и авторъ этого разсказа сознается, что долженъ искренно похвалить его набожность. Около 6 часовъ Паткуль сказалъ пастору: „Во имя Іисуса, приступимъ къ священному дѣйствію, пока шумъ дневной не увеличится и не помѣшаетъ намъ". Онъ сталъ на колѣни и исповѣдался съ большимъ уничиженіемъ. Начало его исповѣди было въ особенности замѣчательно тѣмъ, что онъ привелъ стихъ изъ Быт. XLIV, 16: „Что отвѣщаемъ господину, или что возглаголемъ, или чимъ оправдимся? Богъ же обрѣте неправду рабовъ своихъ". Потомъ онъ причастился—и, причастившись, просилъ пастора читать ему благодарственныя молитвы и самъ повторялъ ихъ за нимъ. Онъ особенно одушевился при стихѣ:

„Подкрѣпи меня духомъ Твоей радости",—

который, по его словамъ, былъ всегда его любимымъ изрѣченіемъ.

Солнце начало всходить. Онъ взглянулъ въ окно и сказалъ: „Salve festa dies!" ты—день моего брака. Я надѣялся было праздновать другую свадьбу объ эту пору, но этотъ бракъ счастливѣе. Сегодня душа моя будетъ введена въ чертогъ уготованный, къ предвѣчному жениху своему, Іисусу Христу. Какъ я радъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого дня!"—Тогда онъ во второй разъ спросилъ у пастора, какою смертію ему суждено умереть. Когда же тотъ опять объявилъ ему, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ, онъ сталъ просить его не покидать его, какъ бы казнь ни была ужасна. „Кричите мнѣ святое имя Іисуса", повторилъ онъ:—„это облегчитъ мои муки". Взглянувъ въ окно, „ахъ, г-нъ насторъ", воскликнулъ онъ:—„вотъ, ужъ закладываютъ телѣгу.... Слава Богу, они торопятся: мнѣ надоѣло жить". Потомъ, взглянувъ на бумагу, гдѣ капелланъ началъ-было писать его завѣщаніе,—„это все исполнятъ", сказалъ онъ. Насторъ спросилъ его, не хочетъ ли

онъ подписаться,—„нѣтъ“, произнесъ онъ со вздохомъ:—„я не могу написать это ненавистное имя. Мои родственники и безъ того найдутъ, что̀ я имъ оставилъ. Все въ порядкѣ, г-нъ пасторъ; поклонитесь имъ, когда вы ихъ увидите“.—Онъ снова началъ молиться, пока дежурный лейтенантъ не пришелъ за нимъ. Тогда онъ сказалъ, обращаясь къ пастору: „вотъ и подтвержденіе вашего печальнаго порученія; ну, пойдемте, прибавилъ онъ: „пора“,—и надѣлъ плащъ. „Вы сядете со мной“, сказалъ онъ пастору:—„не покидайте меня“. Онъ сѣлъ въ телѣгу и заставилъ капеллана помѣститься сзади. Онъ обнималъ и цѣловалъ его, просилъ не забыть поклониться невѣстѣ, благодарилъ его....

Такимъ образомъ они прибыли на мѣсто казни, окруженное тремя стами нѣмецкихъ солдатъ. Когда Паткуль увидалъ уже готовыя колья и колеса, онъ страшно испугался, бросился на грудь капеллана и простоналъ: „ахъ, г-нъ пасторъ, молите Бога, чтобъ я не палъ въ отчаяніе“. Пасторъ его началъ утѣшать, напоминая ему распятаго Христа.... Тутъ его взяли, и пока съ него снимали цѣпи, онъ читалъ молитву:

„О, Агнецъ Божій, Ты, который, хотя невинный, былъ принесенъ въ жертву на крестѣ....“

Когда же его привели къ самому мѣсту истязанія, капитанъ гѣльмскаго полка произнесъ громкимъ голосомъ слѣдующую рѣчь: „Да будетъ вѣдомо всѣмъ и каждому, „что по нарочитому приказанію его величества, нашего „всемилосердаго государя и короля, сей человѣкъ, кото„рый измѣнилъ своему отечеству, въ возмездіе за его „преступленія и въ примѣръ другимъ, долженствуетъ быть „колесованъ и четвертованъ. Пусть же каждый боится „измѣны и вѣрно служитъ своему королю“. При словахъ: „измѣнилъ своему отечеству“, Паткуль пожалъ плечами и взглянулъ на небо. Потомъ онъ спросилъ: „гдѣ мнѣ стать?“

И когда палачъ указалъ ему мѣсто, онъ сѣлъ на землю, и пока его раздѣвали, закричалъ капеллану: „Молите Бога, чтобъ онъ подкрѣпилъ меня въ эту минуту....“ Насторъ помолился и, обратившись къ народу:—Милыя мои дѣти, сказалъ онъ имъ:—скажемте „Отче нашъ“, за этого бѣднаго человѣка.—„Да, ахъ, да“, сказалъ Наткуль:—„молитесь“.

Въ эту минуту палачъ ударилъ его въ первый разъ. Наткуль закричалъ изо всѣхъ силъ: „Сжалься надо мной, Іисусе!“ Однако же онъ получилъ отъ 14 до 15 ударовъ. Онъ имѣлъ дѣло съ палачемъ неопытнымъ, и казнь его была продолжительна и жестока. Во все время казни онъ кричалъ раздирающимъ голосомъ, безпрестанно призывая Христа Спасителя. „Ко мнѣ, ко мнѣ, Іисусе“, кричалъ онъ:—вручаю духъ мой въ руки Твои“.—Послѣ того, какъ его два раза ударили по желудку, онъ уже болѣе не кричалъ, но сказалъ прерывающимся голосомъ: „отрубите голову....“—и такъ какъ палачъ медлилъ, онъ самъ положилъ ее на плаху. Только съ четвертаго удара ему ее отрубили.... Потомъ его четвертовали и воткнули члены его въ разныхъ мѣстахъ на копья“.

Мы не прибавимъ никакихъ замѣчаній къ этому разсказу: онъ самъ говоритъ за себя. Если намъ возразятъ, что капелланъ съ намѣреньемъ неточно передалъ слова Наткуля, то мы сошлемся, во-первыхъ, на чувство каждаго читателя, а во-вторыхъ, замѣтимъ, что шведу, желавшему оправдать своего короля, слѣдовало бы вложить совсѣмъ другія рѣчи въ уста плѣнному.—Намъ возразятъ, что Наткуль говорилъ подъ вліяніемъ страха близкой казни. — Въ этомъ мы вполнѣ согласимся, да мы только и желали доказать, что Наткуль не былъ героемъ. —Что министры Августа и самъ Августъ поступили съ нимъ противозаконно, безчеловѣчно, безсовѣстно, согласно съ тѣмъ, что̀ тогда называлось тонкой политикой, дипло-

матической наукой; что Паткуль своей смѣлостью, рвеньемъ и дѣятельностью оскорбилъ и запугалъ ихъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но онъ пострадалъ не за одну свою смѣлость. — Читатели позволятъ намъ сообщить нѣсколько историческихъ подробностей, касающихся до заключенія Паткуля. Извѣстно, что будучи кассиромъ русскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, генералъ-поручикомъ русской службы и посланникомъ, Паткуль состоялъ также въ распоряженіи короля Августа, который, между прочимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1704 года (за годъ съ небольшимъ до его заключенія) послалъ его, вмѣстѣ съ генераломъ Брантомъ и двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ, взять Познань.—Осада ему не удалась: онъ отступилъ. Враги его воспользовались этой неудачей и, вѣроятно, уже тогда повредили ему въ умѣ короля. Притомъ, Августъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не вѣрилъ въ добросовѣстность и готовъ былъ подозрѣвать всѣхъ и каждаго: человѣкъ судитъ о другихъ по самомъ себѣ.—Въ декабрѣ 1705 года, Августъ имѣлъ свиданіе въ Гроднѣ съ Петромъ, и *именно изъ Гродна* онъ послалъ въ Дрезденъ приказъ посадить Паткуля въ *Зонненштейнъ* (его послѣ перевели въ Кёнигштейнъ),—въ самое то время, когда, казалось, онъ окончательно скрѣплялъ свой союзъ съ русскимъ царемъ.—Этотъ макіавелическій образъ дѣйствія былъ, впрочемъ, совершенно въ духѣ Августовой политики. Тогда же поднялись различные толки о причинахъ этого приказанія. Саксонскій дворъ обвинялъ Паткуля въ заключеніи тайнаго трактата съ императоромъ германскимъ (что̀ даже довольно вѣроятно),—въ желаніи разъединить союзниковъ (Петра и Августа), въ оскорбительныхъ отзывахъ о самомъ Августѣ. Но подъ этими явными обвиненіями таились другія, невысказанныя. — Трудно проникнуть въ эту мглу, распутать сѣти всѣхъ этихъ дипломатическихъ интригъ, личныхъ непріязней, измѣнъ и

подкуповъ, но, по всей вѣроятности, Паткуль, который видѣлъ вблизи двуличность и ненадежность Августа и хотѣлъ, можетъ быть, загладить свои прежнія вины—попытался устроить то, что десять лѣтъ спустя удалось Гёрцу, т. е. сблизить Петра съ Карломъ;—а Августъ, съ своей стороны, предчувствуя неизбѣжный конецъ войны съ шведскимъ королемъ и подстрекаемый своими наушниками, врагами Паткуля, желалъ себя обезпечить, тѣмъ болѣе, что Паткуль самъ едва ли былъ очень разборчивъ на средства. Посадивъ въ тюрьму посланника русскаго царя, онъ подвергался (и дѣйствительно подвергся) гнѣву Петра; но, вѣроятно, успѣлъ—если не очернить совершенно Паткуля въ глазахъ его монарха, то, по крайней мѣрѣ, оправдать его заключенье на время, потому что хотя сначала Меншиковъ и выступилъ изъ Польши обратно въ Россію, и самъ Петръ не хотѣлъ дать никакого отвѣта епископу куявскому, посланному къ нему отъ Августа, пока не освободятъ Паткуля; но въ сентябрѣ 1706 года (т.-е. девять мѣсяцевъ послѣ заключенія Паткуля въ тюрьму) мы снова видимъ Меншикова и Шереметева въ распоряженіи Августа передъ Калишемъ.—Петръ никакъ не могъ ожидать постыдной выдачи Паткуля Карлу; узнавъ о ней, закипѣлъ негодованіемъ, употребилъ всѣ средства къ избавленію своего посланника, хлопоталъ въ теченіе цѣлаго года (Паткуль былъ выданъ въ сентябрѣ 1706, а казненъ въ концѣ сентября 1707), но при извѣстномъ упрямствѣ и гордости Карла, никакія представленія помочь не могли.—Ничто не бросаетъ такого яркаго свѣта на характеръ Августа, какъ его поведеніе подъ Калишемъ. Вѣроломный Альтъ-Ранштадтскій трактатъ былъ уже подписанъ, а онъ—правда, нехотя—напалъ на Мардефельда (котораго г. Кукольникъ упорно называетъ Мардофельдомъ), далъ ему знать подъ рукой о грозящей ему опасности—и не посмѣлъ объявить Меншикову о заключенномъ уже мирѣ.

Августъ не былъ злымъ человѣкомъ, но совѣсть, кажется, въ немъ молчала постоянно. Двуличность его является, между прочимъ, въ приказаніи, отданномъ также *подъ рукою* — кёнигштейнскому коменданту—выпустить Паткуля; — гнѣвъ Петра страшилъ Августа.... Когда же Паткуля, по недоразумѣнію, по упрямству, или по корыстолюбію, выдали шведамъ, коменданту тайкомъ отрубили голову....

Изъ всего сказаннаго нами мы заключаемъ, что Паткуль былъ человѣкъ умный, ловкій, можетъ быть—слишкомъ ловкій, искусный дипломатъ и хорошій слуга Петра. Страшной смертью своей искупилъ онъ всѣ прежнія прегрѣшенія и справедливо заслуживаетъ наше сожалѣніе и участіе.... Паткуль не могъ не презирать Августа, его дворъ, его главныхъ служителей; онъ чувствовалъ, что Петру нельзя было положиться на такого легкомысленнаго и вѣроломнаго человѣка, и старался, на всякій случай, упрочить за собой новыхъ союзниковъ; въ надеждѣ на свою посланническую неприкосновенность, пустился въ слишкомъ смѣлыя и слишкомъ многочисленныя интриги— и самъ запутался въ своихъ сѣтяхъ.—Мы, въ приличномъ мѣстѣ, постараемся оцѣнить такъ же права Карла, судьи Паткуля, а теперь обратимся къ самому произведенію г. Кукольника.

Уже давно (и весьма благоразумно) принято за правило, что критикъ не имѣетъ права спрашивать у автора: зачѣмъ онъ выбралъ *такой* предметъ, придерживается *такого-то* мнѣнія?—но долженъ сперва самъ понять, какую себѣ авторъ поставилъ задачу, а потомъ разсмотрѣть, *какъ* онъ ее выполнилъ. Если г. Кукольнику угодно было сдѣлать изъ Паткуля вдохновеннаго пророка величія Россіи, представителя Петровской мысли и силы, мы можемъ протестовать во имя исторической истины, но мы сперва должны доказать, что съ художественной точки зрѣнія авторъ

не выполнилъ собственнаго намѣренія, чтобы имѣть право произнести приговоръ надъ его произведеніемъ. Мы приступаемъ къ подробному разбору сочиненія г. Кукольника.

Актъ первый. Дѣйствіе происходитъ около Калиша.—Входитъ графъ Шулембургъ *), саксонскій генералъ, извѣстный своимъ незаслуженнымъ пораженіемъ при Фраунштадтѣ (въ 1706 году), и знаменитой защитой Корфу противъ турокъ въ 1716 году, въ качествѣ фельдмаршала венеціянскихъ войскъ,—и Смигельскій, польскій генералъ.—Смигельскій, перехвативъ копію мирнаго трактата, посланнаго къ Августу, грозится отдать „эти бумажки“ Наткулю, (который, замѣтимъ мимоходомъ, уже около года сидитъ въ крѣпости); Шулембургъ хочетъ его арестовать, но Смигельскій уходитъ съ угрозами. Входитъ Августъ со свитой.—Король въ нетерпѣніи ждетъ трактата, безпрестанно примѣшиваетъ французскія слова **), ради „couleur locale“; великій гетманъ коронный, Синявскій, упрекаетъ его въ медлительности, съ примѣсью латинскихъ словъ. Мы находимъ, что авторъ могъ бы искуснѣе ввести польскихъ магнатовъ, окружавшихъ тогда Августа, (тѣмъ болѣе, что они уже не являются на сцену),—но дѣло не въ томъ.—Всѣ стараются уговорить Августа вступить въ битву; Августъ колеблется. Является Наткуль, убѣждаетъ короля, даетъ ему денегъ въ *билетахъ*. Надобно „размѣнять“; приходитъ жидъ Леммель; Августъ поку-

*) Напрасно Августъ у г. Кукольника называетъ Шулембурга старикомъ: Шулембургу было въ 1706 году 45 лѣтъ; онъ родился въ 1661 году.

**) Замѣтимъ, кстати, что почти всѣ наши стихотворцы, помѣщая французскія слова въ свои стихи, не считаютъ e muet за гласную. Такъ и г. Кукольникъ въ comme c'est beau! вмѣсто четырёхъ (Com-*me* c'est beau)—видитъ три слога (комъ сѐ бо)—въ bonjour. comtesse, четыре (бонъ-журъ-конъ-тессъ) вмѣсто пяти (bon-jour-com-*tes-se*). Правда, эти послѣднія слова произноситъ княгиня Тэшенъ *разпѣвно*, долго разпѣвно, что говорить *con*-tesse.

пасть у него на всѣ деньги разные подарки дамамъ. — Смигельскій приходитъ съ извѣстіемъ о пораженіи шведовъ. Августъ отправляется спасать ихъ остатки.—*Явленіе второе*. Роза, невѣста Наткулія, гуляетъ съ своей служанкой. Шведы нападаютъ на нихъ. Августъ поспѣваетъ на помощь, избавляетъ Розу, поражается ея красотой, волочится за ней и предлагаетъ ей ѣхать въ Дрезденъ. Роза узнаетъ, кто̀ онъ, „теряется“ и смотритъ уже на себя, какъ на жертву. — Августъ ей говоритъ, между прочимъ:

„Облитая вечернею зарей,
„Вы будете“....

Роза отвѣчаетъ: „я буду спать“. Они уѣзжаютъ. — Неужели, думали мы по окончаніи этой сцены, любовникъ второй руки, этотъ мѣшковатый, добрый малый—Августъ, тотъ пышный, великолѣпный, изящный Августъ, удачнѣйшій подражатель Людовика XIV-го, тотъ вѣчанный вельможа, о которомъ намъ говоритъ исторія? Неужели Августъ когда-либо произносилъ такія рѣчи:

Инкогнито спасительный покровъ,
Смотри же, Фюрстенбергъ, не выдавать!
En homme privé мы сдѣлаемъ conquête....
Съ такими grâces *ходили* ваши руки....
Au doux *plaisir de revoir*, ma Rose!

Авторъ переноситъ насъ въ калишскій замокъ и знакомитъ съ любовницами Августа: графиней Эстерлэ, княгиней Тэшенъ, графиней Кёнигсмаркъ — хотя мы, признаемся, не слишкомъ рады этому знакомству, помня стихи:

Не дай вамъ Богъ сойтись на балѣ
Съ семинаристомъ....

Графиня Эстерлэ „забавляется пока надъ полькой“ (княгиней Тэшенъ). „*Отдыхала* порядкомъ, будетъ помнить!“ —говоритъ она другой дамѣ въ присутствіи княгини; потомъ уходитъ. Княгиня Тэшенъ сообщаетъ г-жѣ Кёниге-

маркъ, что она разлюбила Августа и влюбилась въ Паткуля. Вдругъ вбѣгаетъ графиня Эстерлэ, объявляетъ, что у ней отъ сырого воздуха — *лицо и руки посинѣли* — и что пріѣхалъ Августъ. Августъ возвращается съ побѣды, раздаетъ свои подарки.—Является Паткуль—и что̀ тутъ слѣдуетъ?... что тутъ слѣдуетъ, читатели? извѣстно, что̀:—обычное распеканіе a la Ruy Blas, дешевый, но несомненный coup de théâtre, необходимое заключеніе перваго акта. Августъ, какъ опытный, со всѣми пружинами драматическихъ представленій знакомый актеръ, выслушиваетъ до конца краснорѣчіе Паткуля.—Но Паткуля удовлетворить не легко.—„Я“, говоритъ, „понимаю ваше положенье; вамъ стыдно у этихъ дамъ подарки отнимать; не безпокойтесь: я самъ“. Княгиня Тэшенъ и графиня Кёнигсмаркъ добровольно покоряются, у графини Эстерлэ, отличающейся страннымъ упорствомъ говорить безграмотно по французски, Паткуль вырываетъ футляръ съ брильянтами—и первому акту конецъ.

Второй актъ.—Мы въ кабинетѣ короля Августа. Флеммингъ проситъ графиню Кёнигсмаркъ вести интригу съ Розой Эйпзидленъ въ пользу его (Флемминга).—Графиня соглашается. — Какой искусный намекъ на придворную „галантерейность!“ Входитъ Августъ.—Флеммингъ убѣждаетъ его велѣть „скорѣе спрятать“ Паткуля и при этомъ случаѣ дважды называетъ самого себя „лисицей“. Вообще, наивность—одно изъ главныхъ качествъ трагедіи г. Кукольника. Всѣ дѣйствующія лица другъ другу тотчасъ вѣрятъ на слово, всѣ вслухъ высказываютъ свое мнѣніе. Въ силу этой наивности, графиня Кёнигсмаркъ тотчасъ выдастъ Августу тайну любви княгини Тэшенъ, и Августъ ей тотчасъ вѣритъ и ревнуетъ.

> Поплатятся и Паткуль, и княгиня (воскликнулъ Августъ)
> Сегодня же на балѣ дамъ отставку... (княгинѣ)
> А Паткуля...

Входятъ Имгофъ и Нфиигстенъ (котораго г. Кукольникъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перекрестилъ въ *Фанштейна)* и приносятъ трактатъ Альтъ-Раштадтскій. Августъ на все соглашается; но въ *сепаратномъ* пунктѣ требуютъ выдачи Паткуля.... Замѣтимъ, кстати, не въ сепаратномъ, но въ Н-мъ пунктѣ трактата; всѣхъ пунктовъ было 22 и 1 сепаратный, въ которомъ, напротивъ, сказано, что если даже всѣ ручательства со стороны короля Августа не будутъ доставлены, трактатъ все-таки остается въ полной силѣ. Августъ не соглашается — Флеммингъ прячетъ трактатъ за пазуху, боится, что „бабы“ *) разболтаютъ. Начинается балъ.—Княг. Тэшенъ *машинально* протягиваетъ руку и говоритъ: „чуть чуть церемонiяла не забыла“. Но Августъ восклицаетъ: Pardon, madame! и уходитъ съ другой дамой; княгиня Тэшенъ остается одна, говоритъ: „Отдайте мнѣ невинность! честь отдайте! стыдъ мужа!“ Является Паткуль.

Ахъ, (говоритъ она) вашу руку, благородный Паткуль!
Теперь нужна мнѣ твердая рука,
Чтобы сойти со скользкой высоты,
Куда меня насиліе *втащило*....

и т. д.—постоянно придерживаясь слога воспитанниковъ старинныхъ духовныхъ заведеній. Они оба идутъ на балъ.

Въ „большой проходной комнатѣ“ Августъ разсуждаетъ съ графиней Кёнигсмаркъ о своемъ затруднительномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, потерять все—изъ-за Паткуля—непріятно. Но вотъ, и онъ самъ является съ княгиней Тэшенъ, которая обѣщаетъ *обождать* его на террасѣ. Паткуль опять пристаетъ къ королю.... не всѣ драгоцѣнности выданы: нѣтъ головного убора, который Августъ подарилъ Розѣ.—Король негодуетъ. Но Паткуль еще не того тре-

*) Въ числѣ этихъ бабъ находится знаменитая Кёнигсмаркъ, названная Вольтеромъ самой замѣчательной женщиной двухъ столѣтій!! И это говоритъ придворный Августа!!!

бусть. Гдѣ трактать Альть-Раннтадскій?—И, не говоря худого слова, запускаетъ руку въ карманъ Флеммнига, достаетъ трактать, „и ужъ тутъ не шутка!“ садится и читаетъ. Флеммингъ „тихо“ совѣтуетъ Августу посадить Паткуля въ тюрьму. Но Паткуль вскакиваетъ „внѣ себя“. „Нѣтъ“, говоритъ—„и хочется, и колется.... Вы, государь, со мной протанцовали pas de deux“.—Но вдругъ является Роза въ головномъ уборѣ. Паткуль кричитъ: брависсимо, хлопаетъ въ ладоши и дико хохочетъ.—„Роговъ носить не буду“ (продолжаетъ онъ):

„У каждой двери будутъ два арапа,
А у постели песъ медіоланскій!
Сопъ, что мнѣ сопъ? я въ вашей спальнѣ, Роза,
Поставлю письменный мой столъ; всю ночь
Нельзя писать и нечего, такъ перья
Чинить я стану; на постели брачной
Разброшу книги, письма и ландкарты....
Вы спите, Роза, спите, почивайте!...
Форнарина Рафаэля ...
Эту грудь разбей на двое“....

Ахъ, извините, читатель: это изъ „Доминикина“.... Роза отвѣчаетъ: „Жанъ, ради Бога, Жанъ!“ Жанъ ее спрашиваетъ: „невинна ты?“—*Роза:* „Богъ защитилъ меня“. *Жанъ:* „Молчи!“ Потомъ Жанъ представляетъ ее Августу, какъ свою невѣсту, а король, исполненный ревности, отдастъ Флеммингу ключъ отъ Кёнигштейнской башни.

Актъ третій. Мы въ домѣ Паткуля — въ Дрезденѣ. Въ первой сценѣ онъ прощается съ русскимъ полковникомъ, которому сообщаетъ, между прочимъ, что у него двѣ руки и два уха. Потомъ является Роза, отецъ ея и мать (безъ рѣчей, какъ сказано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ). Отецъ второпяхъ благословляетъ дочь свою, мать безъ рѣчей тоже ее благословляетъ, и всѣ, кромѣ Паткуля, уходятъ въ церковь.—Паткуль остается одинъ....

Входятъ — Флеммингъ, Фюрстенбергъ, tutti quanti. Они пришли арестовать Паткуля.—Паткуль передастъ Флеммингу записку Карла, купленную имъ, какъ говоритъ онъ, „за незначительную сумму“. — Флеммингъ видитъ изъ записки, что и ему—Имгофъ и *Фингштейнъ* готовятъ гибель (о чемъ, разумѣется, исторія не говоритъ ни слова, напротивъ того, Флеммингъ ихъ погубилъ, воспользовавшись ими)—и, вѣрный системѣ наивности, проведенной по всей драмѣ, приходитъ въ бѣшенство и предлагаетъ Паткулю уѣхать съ ними въ *Данцигъ*.—Но Паткуль не соглашается ни на какія предложенія, зоветъ своихъ людей. Они являются изъ потаенной двери, за которой видны три трупа шпіоновъ. Видите ли—говоритъ онъ—я свободенъ!

Моя квартира съ множествомъ секретовъ....
. . . . . хочу—пойду въ темницу,
Хочу—къ Петру поѣду на почтовыхъ....
Передъ моей забрызганной каретой,
Вы факелы покорно понесете....

И, вѣроятно изъ дилеттантизма, отправляется въ тюрьму. Боже мой! опять подумали мы, окончивъ и эту сцену:—неужели-жъ этотъ маркизъ Фанфаронъ, этотъ новый капитанъ Пистоль, этотъ многошумный господинъ, который говоритъ постоянно „in King Cambyses' vein“ *) — Паткуль, даже тотъ Паткуль, какимъ его вообразилъ г. Кукольникъ?

А вотъ вамъ и замашки à la Шекспиръ:

Мы по старшинству
На Карла будемъ брызгать нашей кровью,
Міръ испытаетъ съ пятнами горячку:
Но будетъ ли кровопусканье въ пользу?—
Европа дряхлая не ослабѣетъ,

*) Король Камбизъ, одна изъ англійскихъ трагедій до Шекспира. Тамъ одинъ изъ героевъ говоритъ, между прочимъ, что: „я затоплю всѣ планеты волнами моей крови....“

Проснится, и опять на старомъ мѣстѣ,
Откроетъ старую свою цирюльню....
На мѣсто, Имгофъ! (кричитъ Паткуль)
По плутовству въ коммиссіи вы первый,
По старшинству шестой.... Сидите смирно ...
Есть у меня пилюли и для васъ!
. . . . .
Не вамъ ли, куклямъ, слабымъ и щедушнымъ
Арестовать меня....

Знай нашихъ!

Въ слѣдующей сценѣ Августъ подписываетъ трактатъ, получаетъ отъ русскаго царя курьера—и отправляетъ къ нему посла. Входитъ Роза.—Онъ проситъ о Паткулѣ—и черезъ нѣсколько мгновеній принуждена сказать: „я васъ не понимаю, государь“. Вотъ то-то же, отвѣчаетъ Августъ:

И я не понималъ,
Чего хотѣлъ Шарль отъ меня....
А какъ *пражалъ*—невольно догадался!

Роза остается залогомъ свободы Паткуля.—Подобныя сцены писались тысячу разъ и всегда одинаково.... Кажется, не для чего на нихъ останавливаться.

Мы переносимся въ темницу Паткуля. Онъ собирается писать свои записки, потомъ говоритъ о своихъ заслугахъ. — И здѣсь вычурныя или неточныя выраженія на каждомъ шагу непріятно поражаютъ читателя. Приходитъ комендантъ и предлагаетъ Паткулю купить себѣ свободу. — Паткуль отвѣчалъ ему рѣчью, испещренною словами: „крѣпко не хотѣлось выжить бабы....“ отказывается, даетъ ему деньги и остается одинъ. — Паткуль вспоминаетъ о Петрѣ, который, видно, забылъ его. Вдругъ входитъ Роза. Опять обыкновенная въ такихъ случаяхъ сцена. (См. хотя Marion de Lorme, В. Гюго).— Но Гюго не заставляетъ Дидіе схватить Маріонъ *за шею*—и *вытащить у ней изъ-за пазухи* (какъ у Флеммига)—письмо. Въ этомъ письмѣ (украденномъ Розой у Августа)—Петръ пишетъ:

„Пока свободы Паткуль не получитъ,
Петръ съ Августомъ имѣть не хочетъ дѣла....“

Паткуль кричитъ: „ура! я не забытъ!“—Это восклицаніе могло быть и вѣрнымъ, и потрясающимъ, если-бъ г. Кукольникъ тотчасъ же не заставлялъ Паткуля прибавить:

И цѣпи—мой вѣнецъ, и стыдъ—порфира,
Позоръ въ лучи величья перелился.... и т. п.

такъ что поневолѣ согласишься съ замѣчаніемъ одного остроумнаго русскаго критика, что слабая сторона русской литературы—вкусъ—и (прибавимъ мы) чувство мѣры. Пока Паткуль кричитъ и декламируетъ, входятъ шведы и берутъ его. Роза падаетъ безъ чувствъ.—Паткуль прощается съ ней; но читатель не тронутъ; вольно-жъ было Паткулю декламировать! Третій актъ кончается.

Актъ четвертый. Мы въ Альтранштадтѣ, на квартирѣ Пипера. Послы всѣхъ державъ у него въ гостяхъ.—(Замѣтимъ, между прочимъ, что герцогъ Марлборугъ былъ присланъ къ Карлу въ Августѣ мѣс. 1707 г., а не въ сент. 1706, когда былъ подписанъ трактатъ.—Но это еще небольшая историческая ошибка; у г. Кукольника Паткуль ходилъ на свободѣ въ Калишѣ въ то время, когда онъ, по исторіи ужъ съ годъ сидитъ въ Кёнигштейнѣ. Но къ чему было такое великое лицо, какъ Марлборугъ, если вся его роль ограничивается слѣдующими словами: — „Уѣхалъ!“ потомъ, черезъ нѣсколько страницъ: „Себя, несчастный Паткуль, пощадите“,—и только).—Является Карлъ и....

Мы никакъ не можемъ согласиться съ воззрѣніемъ г. Кукольника на Карла. Шведскій Александръ у него представленъ какимъ-то сумасшедшимъ и кровожаднымъ грубіяномъ, который то и-дѣло толкуетъ о колесованьѣ—всѣхъ и каждаго.... „Эхъ, Пиперъ“, начинаетъ онъ, „вѣчно гости у тебя!...“

Дурь изъ костей я выбью колесомъ....
Насмѣшливой улыбки

Я не прощаю.... этихъ генераловъ (австрійскихъ)
Прислать ко мнѣ.... А! Безанваль,
Сидишь, какъ жидъ....
У этой мерзкой дѣвки Кёнигсмаркъ?...
Вотъ я васъ, погодите!
Сначала колесую президента,
А тамъ и членовъ тайнаго союза!... (саксонскихъ).

Карла просятъ о Паткулѣ.... А онъ „кричитъ, топнувъ ногой“:

„Всѣ (между прочими и Марлборугъ) по домамъ! Не то, я вамъ квартиры другія отведу....“

Карлъ XII-й *) былъ самолюбивъ, гордъ и высокомѣренъ, но сосредоточенъ и холоденъ.—Когда онъ гнѣвался, онъ только хмурилъ брови и блѣдиѣлъ.—Впрочемъ, онъ былъ набоженъ, простъ, обходителенъ, строго соблюдалъ данное слово, любилъ правду и терпѣть не могъ лести, говорилъ мало, велъ жизнь самую воздержную или правильную, отличался безкорыстіемъ и щедростью.—Трудно рѣшить—что въ немъ болѣе поражало: храбрость или хладнокровіе.—Онъ весь и всегда былъ сжатъ и спокоенъ (хотя смѣялся часто и охотно); странное упрямство выражалось въ его молчаливой рѣшительности.—И этотъ-то человѣкъ, который въ веселый часъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „maledicamus de rege“ (давайте клеветать на короля), котораго походъ въ Россію даже не такъ безразуденъ, какъ увѣряютъ многіе со словъ Вольтера, — этотъ человѣкъ у г. Кукольника является какимъ-то полуньянымъ палачомъ, разъяреннымъ буйволомъ, сумасброднымъ мужикомъ.... Хотя бы вспомнилъ авторъ благоразумный совѣтъ Аристотеля— не выводить въ трагедіи человѣка совершенно злого или совершенно добродѣтельнаго! Отвращеніе — не трагическое впечатлѣніе. — А

*) Ссылаемся на Норберга, де-Лиміе, Адлерфельда, Вольтера — на всѣхъ историковъ.

Карлъ XII-й г. Кукольника возбуждаетъ именно это чувство.

Область сжечь (говоритъ Карлъ пріѣхавшему Августу)
Не такъ пріятно, какъ посла Петрова
Разбить въ куски, какъ стклянку, колесомъ....“

Потомъ, опять-таки ради couleur locale, заставляетъ его говорить съ Августомъ о *сапогахъ* своихъ—между тѣмъ, какъ по исторіи извѣстно, что онъ принялъ его великодѣпно и радушно и самъ съѣздилъ къ нему въ Лейпцигъ, а потомъ въ Дрезденъ. Мы также не думаемъ, чтобы умный и тонкій кн. Д. М. Голицынъ выражался такъ несносно неуклюже, какъ его заставилъ говорить г. Кукольникъ:

А ты куда, Навуходоносоръ!....
Цыплята льстятъ, а ты и пѣтушишься:
Да мы тебѣ не курицы....

Странное дѣло! Всѣ лица трагедіи г. Кукольника очень похожи другъ на друга: всѣ тяжеловаты, мѣшковаты и грубоваты. Почему г. авторъ рѣшился придать имъ всѣмъ одинаковый колоритъ, мы, можетъ быть, и могли бы растолковать, но мы лучше поговоримъ о смерти Паткуля. Вся наша душа возмущается при мысли о мученической его казни, но не одинъ Карлъ тогда колесовалъ своихъ бунтовщиковъ.—Съ точки зрѣнія *права*—Карла обвинить рѣшительно нельзя. Паткуль былъ приговоренъ къ смертной казни его отцомъ; не явился, когда изданы были авокаторіи при вступленіи новаго короля на престолъ шведскій;—будучи подданнымъ Карла, явно возсталъ противъ него, велъ съ нимъ войну.... слѣд., измѣнилъ своему государю. Съ своей стороны, Паткуль былъ правъ; онъ желалъ, какъ мы сказали выше, упрочить судьбы Лифляндіи:—но мало ли споровъ, въ которыхъ объ стороны правы? Если бы Карлъ велѣлъ тотчасъ казнить Паткуля, исторія не имѣла бы права заклеймить его незгладимымъ пятномъ. Гораздо большаго сожалѣнія, по настоящему, достоинъ лифлян-

децъ *Пайкуль*, котораго около того же времени присудили къ смертной казни. Пайкуль (генералъ короля Августа) доказалъ, что онъ уже на 15-мъ году вмѣстѣ съ родителями своими оставилъ Лифляндію, никогда не былъ на шведской службѣ, 11 лѣтъ до войны продалъ свое имѣніе въ Лифляндіи—и все-таки былъ казненъ (въ Швеціи, въ 1707 году). — Но именно это обоюдное право (Карла и Паткуля) и могло бы придать трагедіи истинное ея значеніе.

Вмѣсто того, г. Кукольникъ заключаетъ четвертый актъ слѣдующей сценой: Паткуль стоитъ среди лагеря, прикованный къ столбу. Приходитъ Карлъ и *рычится* надъ нимъ.—Паткуль проситъ Карла велѣть его казнить, но не мучить. Карлъ отвѣчаетъ: „спасибо за совѣтъ—помилованія тебѣ не будетъ“. Паткуль вдохновляется и риомованными стихами предсказываетъ ему гибель.... Карлъ сперва „съ бѣшенствомъ“ кричитъ: „довольно! завяжите роть ему!“ потомъ топаетъ ногами—воетъ „графъ, ружья зарядить! гдѣ палачи?“ — потомъ стрѣляетъ изъ пушки, бросается къ барабану, бьетъ тревогу....

Чувство тяжелое и непріятное овладѣваетъ читателемъ.... Точно цѣлый оркестръ заигралъ на разладъ.... Страшно громко и страшно фальшиво.

Въ пятомъ актѣ, сперва мы видимъ Августа съ Флеммингомъ, потомъ является весь его дворъ (между прочими и князь Голицынъ). Августъ торжественно лишаетъ своей милости Имгофа и *Фингштейна* и посылаетъ ихъ въ крѣпость.—(По исторіи, Имгофъ, болѣе виновный, заплатилъ 40,000 тал. и сидѣлъ до 1714 г., Фингстенъ— до своей смерти, до 1733 года). Но кн. Голицынъ не удовлетворенъ и требуетъ бумагъ посольскихъ.... Вдругъ является Роза. Мы выписываемъ всю слѣдующую сцену:

Роза *(протянувъ руку къ Августу).*

Пожалуйте на церковь, государь!
Тамъ цѣлый холмъ его обрызганъ кровью;

Крикъ Паткуля на площади, какъ вѣтеръ
Встаетъ и ходитъ, просится въ дома,
Дѣтей пугаетъ. Надо успокоить,
Собрать въ одно разрозненные члены,
Въ гробъ уложить, похоронить съ почетомъ
И церковь надъ могилою воздвигнуть!
Надъ гробомъ надпись: *Salve festa dies!*
Онъ этимъ словомъ встрѣтилъ солнце смерти....
Пожалуйте жъ на церковь, государь!....

Августъ *(тихо).*

Не смѣю оглянуться, подозвать
Кого нибудь....

Роза.

Столбы, колеса, плахи
Разнообразныя орудья пытки....
Я помню ихъ, я вижу ихъ, смотрите:
На площади они стоятъ, какъ звѣри,
Шипятъ, желѣзными когтьми поводятъ....
Народъ любуется—и я любуюсь....
Смѣются, я смѣюсь, и вы смѣетесь....
Не правда ли, забавно и смѣшно?....
Гдѣ Паткуль? Вотъ идетъ въ плащѣ, безъ шляпы.
Смотрите: молится, и я молюсь,
И вы молитесь! Salve festa dies!....
Бухъ! Въ грудь ударъ! И небо потемнѣло....
Зазеленѣлъ и заструился воздухъ,
Ночная птица голосомъ ужаснымъ
Святое имя Бога прокричала!
Два, три, четыре, пять, шесть, семь ударовъ!
(Плача).
Я вся избита, посмотрите, пятна
И въ головѣ и въ сердцѣ; я оглохла;
Ужасно больно! И сама не знаю,
Какъ я перенесла.... Ужасно больно! *(ровно, громко, но отрывисто).*
Пятнадцать! Вся природа задрожала,
Всѣ чувства словно дѣти разбѣжались;
Мѣшокъ съ костьми остался, и кричитъ
Вотъ этакъ, страшно: „голову отрѣжь“!

Княгиня Тешенъ.

Небесный Отче!

Голицынъ.

Господи помилуй....

Роза.

А тутъ и расходились звѣри....
Махнуло колесо, и высоко
Огромная рука затрепетала!
Смотрите.... вотъ другую оторвало....
Нога, нога.... еще нога!.... Темно! *(идетъ и чего-то ищетъ).*
Свѣти, Жеромъ, свѣти! Поправь фонарь!
Найдешь траву, обрызганную кровью,
Самъ не срывай, скажи, сорву и спрячу....
(Остановясь).
Какъ! палецъ, только палецъ? и съ кольцомъ,
Съ моимъ кольцомъ! А трупъ? Трупъ птицы разнесли!
Ищи, Жеромъ, ищи!....
Все совершилось!
(Упавъ на колѣни).
Пожалуйте на церковь, государь!

Эта сцена можетъ служить примѣромъ того, что называется ложной натуральностью, геніальничаньемъ, напряженнымъ усиліемъ самоувѣреннаго таланта, далеко, впрочемъ, не оправдывающаго подобную самоувѣренность. Является Фюрстенбергъ съ извѣстіемъ о прибытіи Петра.... Голицынъ говоритъ Августу: „къ отвѣту, государь, зовутъ къ отвѣту....“ Роза бѣжитъ къ царю на встрѣчу и падаетъ на порогѣ главныхъ дверей....

Великій (говоритъ она)
И справедливый судія, суди насъ!

Занавѣсъ падаетъ.

Мы не совсѣмъ довольны этимъ концомъ, во-первыхъ, потому, что ожиданія, имъ возбужденныя, не оправданы исторіей, а во-вторыхъ, и потому, что роль такого Deus ex machina, едва ли прилична великому преобразователю Россіи.

Но не одной развязкой грѣшитъ эта трагедія. И въ ней какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ русской сце-

ны, характеристика, умѣнье вести діалогъ, представить зрителямъ игру страстей и выгодъ—пожертвованы декламаціи, иногда довольно удачной, иногда напыщенной, всегда неестественной и однообразной.—Низаръ нѣкогда назвалъ новѣйшую французскую литературу—littérature facile; намъ тоже хочется сказать и о драматическихъ произведеніяхъ, подобныхъ „Паткулю“. — Ужели же такъ трудно, вмѣсто живыхъ людей, „ondoyants et divers“, какъ говоритъ Montaigne, безвозвратно преданныхъ одной великой цѣли, или покоренныхъ собственными страстями, но живыхъ, дѣйствующихъ, борющихся и погибающихъ,—представлять фигуры условныя, впрочемъ, приспособленныя къ извѣстнымъ театральнымъ эффектамъ, противорѣчащія самимъ себѣ, какъ неловкое исполненіе противорѣчитъ задуманному намѣренію?—Кто можетъ наслаждаться литературнымъ или художественнымъ произведеніемъ, не смотря на то, что чувство истины въ немъ оскорблено,—тотъ, разумѣется, съ нами не согласится; но мы пишемъ не для него. Тщетно станете вы искать во всѣхъ длинныхъ пяти актахъ „Паткуля“ хотя что нибудь предвидѣнное, невольно потрясающее, какой-нибудь, хотя далекій, отголосокъ тѣхъ „простыхъ и сладкихъ звуковъ“, которыми такъ богатъ Шекспиръ.... Опять Шекспиръ? спросите вы.—Да, опять Шекспиръ и всегда Шекспиръ—и не только онъ, но и Корнель и даже Расинъ и Шиллеръ.... Не умрутъ эти поэты, потому-что они самобытны, потому-что они *народны*, и понятны изъ жизни своего *народа*.... А пока у насъ не явятся такіе люди, мы не перестанемъ указывать на тѣ великія имена, *не для того, чтобы подражали имъ*, но для того, чтобы возбудить честное соревнованіе и оправдать нашу критику. Понятно, почему русскіе во время младенчества нашей словесности говорили о своихъ Молièрахъ и Вольтерахъ; по теперь мы возмужали;—и, съ гордостью глядя на свое прошедшее, съ довѣ-

ренностью на будущее, мы можемъ, въ надеждѣ на собственныя силы, сознаться, въ чемъ еще мы бѣдны.... У *насъ нѣтъ еще драматической литературы и нѣтъ еще драматическихъ писателей*.... эта жила въ почвѣ нашей народности еще не забила обильнымъ ключомъ, а неловко скрытое подражаніе въ состояніи радовать только тѣхъ, которые внутренно согласны съ г-жою Стааль, что: la littérature en Russie est l'amusement de quelques gentilshommes, — и совершенно удовлетворены такой невинной забавой.

1846 г.

VI. — „Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго. Спб. 1846. Четыре части".

Читателямъ „Отеч. Записокъ", можетъ-быть, современемъ представится подробная и по мѣрѣ возможности полная оцѣнка сочиненій В. И. Даля; теперь же мы намѣрены ограничиться общею характеристикой этого замѣчательнаго и самобытнаго дарованія. Помнится, какой-то плохой стихотворецъ воскликнулъ однажды, что еслибъ небо позволило ему избрать свой жребій, онъ пожелалъ бы сдѣлаться не дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, не милліонеромъ,—а именно народнымъ писателемъ. Небо не всегда внимаетъ моленіямъ смертныхъ; оно оставило стихотворца при его ріомахъ, а казаку Луганскому, вѣроятно, безъ всякой съ его стороны просьбы, опредѣлило быть писателемъ дѣйствительно-народнымъ. Мы болѣе всего цѣнимъ въ талантѣ единство и округленность: не тотъ мастеръ, кому многое дано, да онъ съ своимъ же добромъ сладить не можетъ, но тотъ, у кого все свое подъ рукой. А г-ну Далю и много дано, и владѣетъ онъ

своимъ талантомъ мастерски, особенно тамъ, гдѣ онъ у себя дома.

Мы назвали г. Даля народнымъ писателемъ и должны оправдать это названіе. У насъ еще господствуетъ ложное мнѣніе, что тотъ-де народный писатель, кто говоритъ народнымъ язычкомъ, поддѣлывается подъ русскія шуточки, часто изъявляетъ въ своихъ сочиненіяхъ горячую любовь къ родинѣ и глубочайшее презрѣніе къ иностранцамъ.... Но мы не такъ понимаемъ слово „народный“. Въ нашихъ глазахъ, тотъ заслуживаетъ это названіе, кто, по особому ли дару природы, вслѣдствіе ли многотревожной и разнообразной жизни, какъ-бы вторично сдѣлался русскимъ, проникнулся весь сущностью своего народа, его языкомъ, его бытомъ. Мы употребляемъ здѣсь слово „народный“ не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно можетъ быть примѣнено къ Пушкину и Гоголю, — но въ его исключительномъ, ограниченномъ значеніи. Для того, чтобъ заслужить названіе народнаго писателя въ этомъ исключительномъ значеніи нуженъ не столько личный, своеобразный талантъ, сколько сочувствіе къ народу, родственное къ нему расположеніе, нужна наивная и добродушная наблюдательность. Въ этомъ отношеніи, никто, рѣшительно никто въ русской литературѣ не можетъ сравниться съ г. Далемъ. Русскаго человѣка онъ знаетъ какъ свой карманъ, какъ свои пять пальцевъ. Когда, лѣтъ десять назадъ, появились первыя рѣсказни Казака Луганскаго—онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства непризнанныхъ народныхъ писателей. Какъ первые опыты сильнаго таланта, эти сказки замѣчательно-хороши; но такого рода

сочиненія не имѣютъ еще истинно-литературнаго значенія.... И авторъ не остановился на нихъ: Казакъ Луганскій сталъ Далемъ. Г-нъ Даль находится теперь въ самомъ расцвѣтѣ своего таланта, и лучшія его произведенія появились въ послѣднихъ годахъ.

Постараемся опредѣлить составные элементы его таланта. Г-нъ Даль очень уменъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но онъ еще болѣе смышлёнъ, смышлёнъ русской смышленостью. На своемъ вѣку онъ должно быть, видалъ и смекалъ многое. У него мало юмора, но русскаго, игриваго остроумія у него бездна. Онъ, какъ говорится, себѣ-на-умѣ, смотритъ невиннѣйшимъ человѣкомъ и добродушнѣйшимъ сочинителемъ въ мірѣ; вдругъ вы чувствуете, что васъ поймали за хохолъ, когти въ васъ запустили преострые; вы оглядываетесь,—авторъ стоитъ передъ вами, какъ ни въ чемъ не бывало.... „Я, говоритъ, тутъ сторона, а вы какъ поживаете?“ Русскому человѣку больно отъ него досталось—и русскій человѣкъ его любитъ, потому-что и Даль любитъ русскаго человѣка, любитъ дворника съ его съѣдомымъ утиральникомъ и съ грязной щеткой, на которую онъ въ раздумьи опираетъ свою бороду. Слогъ у Даля чисто русскій, немножко-мѣшковатый, немножко-небрежный (и намъ крайне нравится эта мѣшковатость и небрежность), но мѣткій, живой и ладный. Казакъ Луганскій (не даромъ казакъ!) не поднимается на ходули, не говоритъ вамъ: „Я, господа, вамъ разскажу то и то; я презлой, преумный и пренасмѣшливый человѣкъ“.... Куда! Послушать его—онъ ниже травы, тише воды. Но въ его разсказахъ то-и-дѣло попадаются вещицы, отъ которыхъ такъ и хочется подпрыгнуть, между-тѣмъ, какъ въ произведеніяхъ тѣхъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ господъ все есть, кромѣ непредвидѣннаго.... А насъ, грѣшныхъ людей, буквоѣдовъ, только непредвидѣнное и радуетъ. Даже иногда обидно становится читателю: за что жъ русскій человѣкъ отданъ

весь во владѣніе этому казаку? А дѣлать нѣчего!... Иногда, правда, казакъ балагурить немного, щеголяетъ „словечками...“ но за кѣмъ грѣха не водится! Надобно также признаться, что г. Далю не всегда удаются его большія повѣсти; связать и распутать узелъ, представить игру страстей, развить послѣдовательно цѣлый характеръ—не его дѣло; по-крайней мѣрѣ, тутъ онъ не изъ первыхъ мастеровъ; но гдѣ разсказъ не переходитъ за черту „физіологіи“, гдѣ авторъ пишетъ съ натуры, ставитъ передъ вами или брюхача-купца, или русскаго мужичка на завалинкѣ, дворника, деньщика, помѣщика-угостителя, чиновника средней-руки—вы не можете не прійдти въ умиленіе.... Произведенія г. Даля, переведенныя, едва-ли могли бы понравиться иностранцамъ: въ нихъ уже черезъ-чуръ пахнетъ русскимъ духомъ, они слишкомъ исключительно народны; но мы любуемся ими, не потому только, что вотъ моль, какъ вѣрно списано это лицо,—а потому, что русскому все русское любо, какъ бы оно ни было подъчасъ смѣшно. Мы, грѣшные люди, сознаемся, находимъ особенную прелесть въ томъ, что мужики на Святой не вспахали-таки земли, не смотря на свои разумныя рѣчи,—въ томъ, что деньщикъ дѣлитъ весь міръ на двѣ половины, на своихъ и на не-своихъ, и такъ ужъ и поступаетъ съ ними.... Въ русскомъ человѣкѣ таится и зрѣетъ зародышъ будущихъ великихъ дѣлъ, великаго народнаго развитія....

Г-нъ Даль, должно быть, провелъ нѣкоторые годы своей жизни на югѣ и на востокѣ Россіи.... да, впрочемъ, гдѣ онъ не бывалъ! Молдаване, жиды, цыгане, болгары, киргизы—это все ему знакомый народъ. Быть ихъ, обычаи, города и селенія, разнообразную природу нашей Руси рисуетъ онъ мастерски, немногими, но мѣткими чертами. У г. Даля гораздо болѣе памяти, чѣмъ воображенія; но такая вѣрная и быстрая память стоитъ любого воображенія.

Мы, пожалуй, готовы согласиться, что проживи г. Даль весь свой вѣкъ въ одномъ городѣ, талантъ его не развился бы и вполовину; но мало ли людей, которые изъѣздили все россійское государство вдоль и поперегъ, и—ничего не видали, ничего не слыхали и ничего не помнятъ, или помнятъ совершенные пустяки. Развѣ не талантъ—умѣнье однимъ взглядомъ подмѣтить характеристическія черты края, народонаселенія, уловить малѣйшія выраженія разныхъ — говоря высокимъ слогомъ — личностей, и, среди всякаго рода дрязговъ и мелкихъ хлопотъ, сохранить неизмѣнную, непринужденную веселость? Замѣчательно, что г. Даль, вѣроятно, сознавая свою собственную, рѣзко-выраженную оригинальность, не дастъ ей слишкомъ разыграться, и рѣдко впадаетъ въ манеру, не такъ, какъ, напр., г. Вельтманъ, съ которымъ у него, впрочемъ, довольно много общихъ чертъ. Одно ему не совсѣмъ далось, какъ и почти всѣмъ нашимъ писателямъ, даже Гоголю:—женщины.... Иногда мы также желали бы найдти въ г. Далѣ больше вкуса; не слѣдовало бы такому богатому автору, какъ онъ, гоняться за такими бѣдными шутками, какъ напр., слѣдующія надписи надъ главами Вакха Сидоровича Чайкина: „Отъ метлы съ фонаремъ и до самаго полковника и дальше....“ Отъ стряпчаго Непрова *вплоть* до дѣвицъ Калюхиныхъ....“

Но все же, нельзя отъ души не поздравить русской публики съ появленіемъ полныхъ сочиненій В. И. Даля. Пусть ихъ успѣхъ поощритъ его дарить насъ еще болѣе повѣстей въ родѣ „Колбасниковъ и Бородачей“, еще нѣсколько очерковъ въ родѣ „Дворника“, „Деньщика“, „Мужика“, и пусть онъ, какъ съ играми не совсѣмъ еще зрѣлой юности, разстанется съ своими сказками и притчами въ риомованной прозѣ, и въ особенности съ произведеніями въ родѣ „Ночь на Распутьи“, которая, не смотря на множество удачныхъ подробностей, не въ выгоду даровитаго автора

напоминаетъ „Сонъ въ Лѣтнюю Ночь“ Шекспира. Г-нъ Даль уже занялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей литературѣ: пусть онъ окончательно упрочитъ это мѣсто за собою.

„Отеч. Зап.“, 1846, т. I, отд. VI.

VII.—Нѣсколько словъ о новой комедіи г. Островскаго: „Бѣдная невѣста“ *).

Мы рѣдко разбираемъ въ отдѣлѣ критики сочиненія, появляющіяся въ печати не особенной книгой; но намъ, съ одной стороны, хотѣлось доказать наше вниманіе къ молодому писателю, такъ высоко поставленному сочинителями московскихъ критикъ, и дѣйствительно замѣчательному и даровитому; съ другой стороны, мы желали, по мѣрѣ возможности, загладить нашу вину передъ нимъ, —вину, замѣтимъ кстати, общую намъ со всѣми нашими журнальными собратіями и состоящую въ томъ, что о первой, извѣстной комедіи г. Островскаго не было сказано ни слова.

Мы и теперь говорить о ней не станемъ, предоставляя себѣ сдѣлать это современемъ: о ней нельзя говорить поверхностно и въ короткихъ словахъ. Мы только подѣлим-

---

*) Считаю нужнымъ предувѣдомить читателей, что, пробѣжавъ настоящую статейку о „Бѣдной невѣстѣ“, писанную чуть не тридцать лѣтъ тому назадъ, я было раздумалъ ее перепечатать — и помѣщаю ее теперь скорѣе съ цѣлью нѣкотораго самобичеванія. Нѣчего говорить, что моя оцѣнка „Бѣдной невѣсты“, одного изъ лучшихъ произведеній нашего знаменитаго драматурга, оказывается невѣрной, хотя нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія, быть можетъ, и не лишены справедливости. Какъ извѣстно, А. Н. Островскій посрамилъ мои опасенія и болѣе нежели оправдалъ мои надежды.—Парижъ. 1879.—И. Т.

ся теперь съ читателями впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ „Бѣдной невѣстой“.

Результатъ нашего чтенія былъ слѣдующій: талантъ у г. Островскаго есть, и замѣчательный,—мы даже готовы не отказываться отъ нашихъ надеждъ на будущее его значеніе, возбужденныхъ въ насъ первымъ произведеніемъ г. Островскаго; но для того, чтобы онѣ могли оправдаться, необходимо г. Островскому—и мы просимъ его видѣть въ нашихъ словахъ выраженіе самыхъ искреннихъ убѣжденій —необходимо ему отказаться отъ ложной манеры, которую онъ себѣ какъ бы придалъ и которой не было замѣтно въ „Своихъ людяхъ“....

Но прежде, чѣмъ мы объяснимъ, въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоитъ эта ложная манера, необходимо вкратцѣ разсказать самое содержаніе „Бѣдной невѣсты“.

Оно очень просто. У Анны Петровны, вдовы бѣднаго чиновника, дочь, Марья Андреевна, невѣста. Мать всячески старается ее пристроить; въ этомъ дѣлѣ помогаетъ ей старинный другъ ея мужа, нѣкто г. Добротворскій. За Марьей Андреевной ухаживаютъ молодые люди: Милашинъ и Меричъ; въ Мерича она сама влюблена; въ нее влюбленъ нѣкто Хорьковъ; мать Хорькова, тоже вдова, мѣщанка, сильно хлопочетъ о своемъ сынѣ. Между тѣмъ, г. Добротворскій рекомендуетъ г. Беневоленскаго, чиновника; чиновникъ этотъ очень можетъ помочь Аннѣ Петровнѣ въ тяжбѣ, угрожающей всему ея состоянію; онъ влюбляется въ Марью Андреевну и предлагаетъ ей свою руку. Вдова соглашается и начинаетъ вмѣстѣ съ Добротворскимъ убѣждать Марью Андреевну, которая передъ этимъ только-что имѣла первое объясненіе въ любви съ Меричемъ. Марья Андреевна проситъ трехдневной отсрочки, въ надеждѣ на своего возлюбленнаго: но возлюбленный оказывается несостоятельнымъ, боится брака, думаетъ только, какъ бы отдѣлаться благо-

получно, и Марья Андреевна рѣшается выдти за Беневоленскаго.

Мы не можемъ сказать, что сообщили читателямъ содержаніе комедіи г. Островскаго: это едва ли ея остовъ; но такъ какъ, вѣроятно, она будетъ прочтена всѣми, то намъ не для чего вдаваться въ бо̀льшія подробности. Мы желали только обозначить главныя точки на нашемъ пути.

Первое, что̀ мы должны замѣтить въ комедіи г. Островскаго, чему мы съ удовольствіемъ отдаемъ полную справедливость, это — истина всѣхъ выведенныхъ имъ лицъ,—всѣхъ, исключая главнаго лица—бѣдной невѣсты. Дѣйствительно, всѣ эти лица живы, несомнѣнно живы и истинны, хотя ни одно изъ нихъ не доведено до того торжества поэтической правды, когда образъ, взятый художникомъ изъ нѣдръ дѣйствительности, выходитъ изъ рукъ его типомъ, и самое названіе, какъ, напримѣръ, названіе Хлестакова, теряетъ свою случайность и становится нарицательнымъ именемъ. Этой судьбы не дождаться ни одному изъ лицъ г. Островскаго. А между тѣмъ, имъ затронута одна струна, которая до сихъ поръ въ области искусства издавала только слабые звуки — а именно: струна наивности, нецеремонности, какой-то дѣтской откровенности въ эгоизмѣ. Всѣ лица комедіи г. Островскаго эгоисты, наивные эгоисты, исключая бѣдной невѣсты, Хорькова (о которомъ мы поговоримъ ниже), да еще, можетъ быть, старика Добротворскаго; но особенно отлично выразился этотъ эгоизмъ въ лицахъ молодыхъ людей Милашина и Мерича, и въ лицѣ грубо-положительнаго г. Беневоленскаго. Эти три лица очень хороши, особенно Милашинъ—юнона завистливый, мелкій, скучный, неотвязный, который все поетъ, прощается, не уходитъ и преспокойно досадуетъ и удивляется, отчего не всякое чужое счастіе ему достается,—и крѣпкоголовый, дюжій, разсчетливый и дѣловой Беневоленскій. Меричъ, предметъ

любви бѣдной невѣсты, тоже хорошъ; онъ разнится тѣмъ отъ Милашина, что, будучи недуренъ собой, меньше завидуетъ и досадуетъ, а напротивъ, щеголяетъ своими побѣдами и вообще порядочный фатъ, хотя трусливъ и осторожекъ до крайности. Эгоизмъ и въ немъ рѣзко проявляется; напримѣръ, онъ входитъ къ Марьѣ Андреевнѣ. „Какъ я рада! какъ я ждала тебя, Владиміръ!“ восклицаетъ она.—„Мы одни?“ спрашиваетъ онъ.—„Одни“. И онъ медленно ее цѣлуетъ. Вообще, онъ въ присутствіи Марьи Андреевны только и думаетъ объ одномъ—какъ бы поцѣловать ее поскорѣй. Должно сознаться, что пошлость и эгоизмъ въ сопряженіи съ молодостью необыкновенно рѣзко и вѣрно схвачены г. Островскимъ. Но намъ показалось, что сцена, въ которой Меричъ объясняется въ любви къ Марьѣ Андреевнѣ, не удалась г. Островскому. Мы понимаемъ намѣреніе автора, когда онъ влагаетъ въ уста книжныя рѣчи; но эти рѣчи въ самой своей незначительности—незначительны. Видно, тайна „возводить въ перлъ созданія“ даже самую пошлость не всякому дается.... Но объ отношеніяхъ Мерича съ Марьей Андреевной мы поговоримъ впослѣдствіи, такъ же, какъ и о характерѣ самой бѣдной невѣсты. Намъ хочется теперь сказать нѣсколько словъ о ея матери—Аннѣ Петровнѣ, а также и о матери Хорькова. Въ очертаніи именно этихъ двухъ характеровъ особенно ясно выказывается та ложная манера, о которой мы говорили выше. Эта ложная манера состоитъ въ подробномъ до крайности и утомительномъ воспроизведеніи всѣхъ частностей и мелочей каждаго отдѣльнаго характера, въ какомъ-то ложно топкомъ психологическомъ анализѣ, который обыкновенно разрѣшается тѣмъ, что каждое лицо безпрерывно повторяетъ одни и тѣ же слова, въ которыхъ, по мнѣнію автора, и выражается его особенность. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы эти слова были невѣрны, но художество

не обязано только повторять жизнь, и во всѣхъ этихъ безконечно малыхъ чертахъ теряется та опредѣленность, строгость рисунка, которыхъ требуетъ внутреннее чувство читателя даже отъ самой разыгравшейся и смѣлой фантазіи. Невозможно перечесть, сколько разъ Анна Петровна говоритъ о себѣ, что она женщина слабая, *сырая*, что какъ можно безъ мужчины въ домѣ и т. д. Положимъ, что это вѣчное хныканье идетъ къ ея брюзгливой, вялой и, при всей добротѣ, глубоко эгоистической натурѣ; но надобно же знать во всемъ и мѣру. Этотъ же самый пріемъ, состоящій въ безконечномъ повтореніи удачнаго или комическаго выраженія, употребляется г. Островскимъ постоянно, съ какими бы лицами онъ ни имѣлъ дѣло. Г-жа Хорькова повторяетъ безпрерывно, что она, конечно, женщина необразованная, а сынъ ея—образованный, но все-таки уважаетъ ее. Служанка Дарья ни разу не выходитъ на сцену безъ одного и того же восклицанія; г. Добротворскій слова не скажетъ, не повторивъ, что онъ зналъ батюшку Маріи Андреевны съ дѣтства, и т. д. Къ чему, спрашивается, человѣку съ талантомъ г. Островскаго прикленвать своимъ героямъ такіе ярлыки, напоминающіе свитки со словами, выходящіе изо рта фигуръ на средневѣковыхъ картинкахъ! Самыя даже лучшія лица, какъ-то: г-да Беневоленскій и Милашинъ, не избѣгли этой участи. Не говоря уже о томъ, что изъ этого вытекаютъ длинноты утомительныя, что веселый смѣхъ, возбужденный въ читателѣ первымъ появленіемъ комической фразы, уступаетъ, наконецъ, мѣсто чувству непріятнаго раздраженія при двадцатомъ ея повтореніи, мы готовы утверждать, что такого рода мелочная разработка характера неистинна, — художественно неистинна, при всей своей внѣшней вѣроятности, и намъ кажется, что именно этотъ упрекъ болѣе всѣхъ другихъ долженъ быть чувствителенъ г. Островскому, при явномъ стремленіи

его таланта къ простотѣ и правдѣ. Что бы сказалъ г. Островскій о пейзажистѣ, который вздумалъ бы отдѣлывать малѣйшіе фибры въ листочкахъ, малѣйшія песчинки на первыхъ планахъ своихъ картинъ? Намъ, помнится, случилось встрѣтить въ Римѣ живописца, который предлагалъ своимъ посѣтителямъ микроскопъ для лучшаго разсмотрѣнія мелочной отдѣлки своихъ произведеній; но не г. Островскому завидовать хитростному и кропотливому искусству этой мозаичной работы, не автору „Своихъ людей“, этой замѣчательной драмы, замѣчательной особенно по ширинѣ и свободѣ манеры. Г-нъ Островскій лучше насъ знаетъ, что Деннеръ, извѣстный писатель старушечьихъ лицъ, допускается въ кабинетахъ любителей какъ куріозъ, и мы надѣемся, что г. Островскій домогается для себя болѣе почетнаго мѣста, на которое, впрочемъ, его талантъ даетъ ему полное право.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что не въ однихъ безпрерывныхъ повтореніяхъ упрекаемъ мы г-на Островскаго: мы упрекаемъ его въ излишнемъ раздробленіи характеровъ, — въ раздробленіи, доходящемъ до того, что каждая отдѣльная частичка исчезаетъ, наконецъ, для читателя, какъ слишкомъ мелкіе предметы исчезаютъ для зрѣнія. Г-нъ Островскій въ нашихъ глазахъ, такъ-сказать, забирается въ душу каждаго изъ лицъ, имъ созданныхъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить ему, что эта безспорно полезная операція должна быть совершена авторомъ предварительно. Лица его должны находиться уже въ полной его власти, когда онъ выводитъ ихъ передъ нами. Это — психологія, скажутъ намъ; пожалуй, но психологъ долженъ исчезнуть въ художникѣ, какъ исчезаетъ отъ глазъ скелетъ подъ живымъ и теплымъ тѣломъ, которому онъ служитъ, прочной, но невидимой опорой. Это, между прочимъ, нехудо замѣтить и нѣкоторымъ нашимъ критикамъ, которые считаютъ долгомъ начать каждую свою статью

ab ovo, какъ будто и въ критикѣ его убѣжденія, его коренныя правила не должны перейти въ плоть и кровь, и онъ всякій разъ обязанъ выставлять ихъ на показъ передъ собой и читателями, какъ какіе-нибудь верстовые столбы, чтобы не сбиться съ дороги. Притомъ, эта мелочная, копотливая манера неумѣстна особенно въ драматическомъ произведеніи, гдѣ она замедляетъ и охлаждаетъ ходъ дѣйствія, и гдѣ намъ дороже всего тѣ простыя, внезапныя движенія, въ которыхъ звучно высказывается человѣческая душа,—подобныя, напримѣръ, хоть этой чертѣ, взятой нами у самого г-на Островскаго: Марья Андреевна собирается сказать Мерчу свое горе—предложеніе ненавистнаго г-на Беневоленскаго. Мерчъ прерываетъ ее замѣчаніемъ, что у ней хорошіе глазки, что такъ и хочется поцѣловать ее. Марья Андреевна, вся судьба которой рѣшается въ это мгновеніе, восклицаетъ, наконецъ: „Да ты выслушай, ради Бога“.

Мерчъ.

„Хорошо, хорошо; слушаю.

Марья Андреевна.

„Не успѣла я еще опомниться отъ твоего поцѣлуя (*закрываетъ глаза руками: Мерчъ ее цалуетъ*), пріѣхалъ этотъ Беневоленскій; онъ грубъ, необразованъ, просто ужасъ.

Мерчъ.

„Мэри, вѣдь это скучная матерія“.

Въ этихъ немногихъ словахъ, въ невольномъ движеніи Маши, въ поступкѣ Мерча открывается намъ болѣе глубокій взглядъ въ сущность характеровъ и отношеній Маши и Мерча, чѣмъ въ самыхъ тщательно выдѣланныхъ, такъ-называемыхъ психологическихъ анализахъ.

Весь второй актъ, изъ котораго мы взяли вышеприведенныя слова, прекрасенъ съ начала до конца, исполненъ

юмора и меньше всѣхъ другихъ отзывается трудомъ, меньше другихъ пахнетъ лампой Діогена. (Третій актъ, напротивъ, весьма слабъ, и трудно читать его безъ какого-то нетерпѣнія скуки; въ немъ какъ-будто соединились всѣ недостатки г-на Островскаго). Во второмъ актѣ всѣ сцены хороши: разговоръ Марьи Андреевны съ Хорьковымъ, въ которомъ она, не подозрѣвая, что Хорьковъ въ нее влюбленъ, раздираетъ его сердце полу-признаніемъ своей любви къ Меричу; слѣдующій за тѣмъ разговоръ между Хорьковымъ и Милашинымъ, гдѣ этотъ молодой человѣкъ является въ полномъ блескѣ; наконецъ, появленіе г-на Беневоленскаго, его объясненія съ Анной Петровной, его внезапный вопросъ Марьѣ Андреевнѣ, въ которую онъ уже успѣлъ влюбиться:—какія она конфекты любитъ?—все это отлично. Но пора намъ поговорить о Марьѣ Андреевнѣ. Прежде всего мы должны сказать, что замѣчанія, сдѣланныя нами выше таланту г-на Островскаго, не относятся къ характеру Марьи Андреевны. Создавая образъ этой молодой дѣвушки, онъ менѣе предавался своей обычной наклонности къ мелочному анализу, онъ ясно искалъ бо̀льшихъ линій, простора; Марья Андреевна почти ничего не повторяетъ, и между тѣмъ, характеръ ея удался менѣе всѣхъ: видно, наши недостатки растутъ на одной почвѣ съ нашими достоинствами, и трудно вырвать одни, пощадивъ другія. Марья Андреевна—лицо рѣшительно неживое: она вся сочинена; впечатлѣніе, оставляемое ею, неясно, и, скажемъ болѣе, самъ авторъ это чувствуетъ. Доказательствомъ справедливости нашей догадки служатъ, между прочимъ, слова, вложенныя г. Островскимъ въ уста бѣдной невѣсты, съ явнымъ намѣреніемъ пояснить ими ея характеръ. Когда, напримѣръ, Марья Андреевна, въ пятомъ актѣ, уже рѣшившись выйти за Беневоленскаго, говоритъ: „страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мнѣ нуж-

на: для нея будетъ благородное употребленіе“ (она собирается исправить мужа),—мы, перемѣнивъ мѣстоименіе изъ перваго лица въ третье, очень хорошо понимаемъ, что авторъ такъ о ней думаетъ, и желаетъ, чтобы и мы были такого же мнѣнія о ней: но мы никакъ не можемъ вѣрить, что Марья Андреевна сама могла дѣйствительно произнести эти слова. Это—уловка Скриба, особенно въ его либреттахъ, заставлять людей говорить не то, что̀ имъ слѣдовало бы сказать, а то, что̀ о нихъ думаетъ въ это время зритель; и если г. Островскій, при всемъ своемъ, повторяемъ, несомнѣнномъ стремленіи къ истинѣ, рѣшился прибѣгнуть къ той же манерѣ,—значитъ, онъ чувствовалъ самъ неясность созданнаго имъ характера и необходимость комментаріевъ. Эта неясность, это колыханіе, сопровождаютъ Марью Андреевну впродолженіе всей комедіи. Необходимости, жизненной необходимости въ ея образѣ нѣтъ. Авторъ добросовѣстно и старательно гоняется за ней — за этой неуловимой чертою жизни, и не достигаетъ ея до конца. Изъ математики намъ извѣстно, что переломанная на самые мелкіе углы прямая линія можетъ только безконечно приблизиться къ линіи круга, но никогда не сольется съ ней. Точно такъ же и умъ, трудъ, наблюденіе проводятъ только, если можно такъ выразиться, прямыя линіи. Одной поэзіи дана та „волнистая линія красоты“, о которой говорилъ Гогартъ.— Особенно неудачны, между прочимъ, небольшіе тоже объяснительные монологи, которыми заключается почти каждая сцена Марьи Андреевны. Напримѣръ: послѣ перваго объясненія въ любви, въ которомъ она и Меричъ что-то немножко круто начали говорить другъ другу: *ты*, — она, оставшись одна, произноситъ слѣдующія слова: „Онъ ушелъ.... Хорошо ли я сдѣлала? Мнѣ и стыдно, и весело.... Что̀, если это только шалость съ его стороны? Боже мой, какъ мнѣ совѣстно за себя! А если онъ любитъ

въ самомъ дѣлѣ? Онъ всегда такой скучный, печальный! Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось знать, любитъ ли онъ меня!“ и т. д. Отъ этой небольшой тирады такъ и вѣетъ условной, театральной атмосферой. Насъ не удивляетъ, что Марья Андреевна влюбилась въ Мерича, этого совершенно недостойнаго ея молодого человѣка: мы знаемъ, что въ извѣстныя лѣта дѣвушки любятъ не въ силу какихъ-нибудь особенныхъ заслугъ въ избранномъ предметѣ, но просто потому, что имъ пришла пора любить; но вся любовь ея завязывается и разыгрывается какъ-то натянуто-литературно. Она любитъ потому, что автору нужно заставить ее полюбить, чтобы на чувствѣ ея къ Меричу завязать интересъ пьесы, потомъ ввести обычную борьбу, которую разрѣшаетъ, наконецъ, обычная жертва; но читателю не вѣрится ни въ эту любовь, ни въ эту борьбу,—въ самое существованіе Марьи Андреевны ему плохо вѣрится; а жертва ея не возбуждаетъ въ немъ ни сожалѣнія, ни ропота: жертва ея проходитъ неоцѣненной, едва ли замѣченной.... Окончательное же примиреніе остается совершенно непонятнымъ. Мы даже готовы согласиться, что читатель, искушенный въ дѣлѣ чтенія, читатель, прослѣдившій большое количество тѣхъ призрачныхъ женскихъ лицъ, которыми такъ богата наша словесность, ихъ такъ-называемыя страданія и радости, „прослѣдитъ“, пожалуй, и это лицо, и даже съ участіемъ; но на свѣжаго человѣка оно едва ли произведетъ глубокое впечатлѣніе, и кромѣ двухъ-трехъ горячихъ словъ, кромѣ послѣдняго прощанья Марьи Андреевны съ Меричемъ, гдѣ тотъ, отказавшись отъ ея руки и добившись отъ нея, что она его проститъ, объявляетъ, что все прекрасно,—кромѣ этой сцены, говоримъ, да еще послѣдующей, съ Миланинымъ, гдѣ Маша, съ трудомъ удерживая рыданія, играетъ съ нимъ въ дураки,—едва ли отъ чего-нибудь забьется тутъ сердце у свѣжаго человѣка. Но особенно напряженнымъ и, говоря

техническимъ слогомъ, „резонерскимъ, дѣланнымъ“, покажется ему концецъ, въ которомъ Марья Андреевна внезапно взглядываетъ на самоё себя съ утилитарной точки зрѣнія, собираясь заняться исправленіемъ г. Беневоленскаго. Словомъ, какъ барышня, фигура Марьи Андреевны совершенно исчезаетъ передъ лицомъ какой-нибудь дочери городничаго, въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“; какъ дѣвушка, она то возбуждаетъ наше сочувствіе, то отталкиваетъ насъ, какъ, напр., въ той сценѣ, гдѣ она сама требуетъ отъ Мерича, чтобы тотъ женился на ней; граціи въ ней тоже нѣтъ, и проходитъ она черезъ нашу душу, какъ гость, котораго мы не попяли,—можетъ быть, потому, что нечего было въ немъ понимать. Видно, что г. Островскій хотѣлъ создать въ Марьѣ Андреевнѣ лицо значительное.... но наше уваженіе къ его таланту заставляетъ насъ признаться, что образъ бѣдной невѣсты не удался.

Мы обѣщали сказать нѣсколько словъ о Хорьковѣ. Онъ является только въ двухъ сценахъ. Въ первой онъ сперва узнаетъ, что его не любятъ, а потомъ подучаетъ Милашина, какъ бы повредить Меричу, и даже, не смотря на благородство чувствъ своихъ, предлагаетъ Милашину перехваченныя письма счастливаго своего соперника, а во второй—приходитъ на-веселѣ, проситъ прощенія за непріятности, причиненныя Аннѣ Петровнѣ его матерью, и плачетъ надъ Машею, уже рѣшившеюся на свадьбу съ Беневоленскимъ. Это лицо удалось г. Островскому и показываетъ въ немъ замѣчательный драматическій инстинктъ; жаль, что онъ не развилъ его.

Изъ второстепенныхъ лицъ такъ же хороши двѣ свахи: одна—въ платочкѣ, другая—въ чепцѣ.... Жаль, что онѣ слишкомъ напоминаютъ лицо извѣстной свахи въ „Женитьбѣ?“

Теперь намъ остается сказать нѣсколько послѣднихъ словъ о комедіи г-на Островскаго вообще. Общій колоритъ ея вѣренъ, хотя сухъ; недостатки ея, сколько намъ кажется, происходятъ частію отъ безсилія, частію отъ ложнаго направленія, даннаго силѣ. Замѣтимъ еще, что характеры, выведенные г-мъ Островскимъ, при всей вѣрности дѣйствительности, показываются намъ ровно настолько, насколько это нужно ходу дѣйствія. У первостепенныхъ мастеровъ это иначе. Мы очень хорошо знаемъ, каковъ Хлестаковъ за сценой и во всѣхъ положеніяхъ жизни. Внутренняя, драматическая, патетическая сторона „Бѣдной невѣсты“ намъ кажется вовсе не выдержанною; пьеса дѣйствительно умно задумана, могла бы быть трогательной, возбуждать уваженіе къ таланту, къ уму автора—и только. Впрочемъ, и этого довольно. Ни одна сцена новаго произведенія г-на Островскаго не можетъ сравниться съ извѣстной окончательной сценой „Своихъ людей“. Господинъ Островскій заставилъ своей „Невѣстой“ забыть свои неудачные этюды; но онъ все еще въ долгу передъ читателемъ: онъ началъ необыкновенно—и читатель ждетъ отъ него необыкновеннаго. Со всѣмъ тѣмъ, мы отъ всей души привѣтствуемъ комедію г-на Островскаго, желаемъ ему идти далѣе, расти, крѣпнуть,—желаемъ ему, въ особенности, выпутаться изъ тѣхъ сѣтей, которыя онъ самъ наложилъ на свой талантъ.... Да осуществятся въ немъ наши надежды!

1851.

VIII.—„Записки ружейнаго охотника оренбургской губерніи. С. А—ва. Москва. 1852".

Письмо къ одному изъ издателей „Современника".

„Дѣлу время и потѣхѣ часъ".
(Изъ книги, называемой „Урядникъ", или „Новое уложеніе и устроеніе чина Сокольничія пути").

Въ теченіе нынѣшняго лѣта, вы не однажды напоминали мнѣ, любезный Николай Алексѣевичъ (Некрасовъ), обѣщаніе мое поговорить подробнѣе въ вашемъ журналѣ о прекрасной книгѣ С. Аксакова; я до нынѣшняго дня не могъ сдержать своего слова: какъ настоящій охотникъ—охотникъ душою и тѣломъ — я почти все это время не выпускалъ ружья изъ рукъ, а до пера не касался вовсе. Но теперь у насъ зима; второго октября ударилъ первый морозъ, а третьяго октября съ утра поднялась снѣговая вьюга и до сихъ поръ не прекращается; поля вдругъ побѣлѣли; долго охотиться нѣтъ возможности; на дворѣ, говоря словами русской пѣсни, кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ; недѣлю тому назадъ, я еще стрѣлялъ вальдшнеповъ десятками, а теперь съ трудомъ убьешь парочку: „толкнули" ихъ, какъ выражаются охотники, эти жестокіе ранніе холода. Всегда тяжелъ и невесель приходъ „волшебницы-зимы", но особенно печально ея появленіе, когда она нагрянетъ такъ рано, какъ въ нынѣшнемъ году. Осени не было у насъ—осень убила она—осень со всей ея тихой красотой, съ ея „нынѣшнимъ увяданьемъ".... Жутко подумать, что уже въ началѣ октября у насъ стала зима.... Рѣзко отдѣляясь на мертвой бѣлизнѣ побѣдоноснаго снѣга, свѣжая, не успѣвшая еще увянуть, зелень березъ, и въ особенности тополей, кажется какой-то ложью и насмѣшкой. Сидя въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты, вспомнилъ

я о моемъ обѣщаніи: я не могъ охотиться, но мысли мои все еще были заняты охотой; я съ жадностью взялся за перо, и вотъ, пишу для „Современника“ критику „Записокъ“ оренбургскаго ружейнаго охотника,—книги, не сходившей съ моего стола съ самаго моего пріѣзда въ деревню.

Но, говоря правду, я пишу не критику, потому что въ книгѣ г. А—ва критиковать нечего, или почти нечего. Небольшія невѣрности, недомолвки, промахи, попадающіеся въ ней, уже всѣ, или почти всѣ, перечислены и замѣчены въ 8-й книгѣ „Москвитянина“, въ весьма дѣльной статьѣ, подписанной буквами В. В. Эти же самыя буквы встрѣчаются въ томъ же журналѣ подъ рядомъ небольшихъ разсказовъ о подмосковной охотѣ,—разсказовъ, отличающихся вѣрностію тона, безыскусственностію изложенія и показывающихъ, притомъ, въ авторѣ охотника страстнаго и опытнаго. Главную ошибку (о пороховой мѣркѣ) самъ г. А—въ старался исправить особымъ объявленіемъ, напечатаннымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Мы отъ себя прибавимъ только то, что „Записки“ оренбургскаго охотника не книга въ родѣ „Chasseur au chien d'arrêt“, Эльзеара Блаза, которая почитается классическимъ сочиненіемъ для французской охоты. „Записки“ г. А—ва не охотничья книга въ строгомъ смыслѣ, онѣ не могутъ служить полнымъ руководствомъ для начинающаго охотника, хотя драгоцѣнныя замѣчанія и совѣты попадаются на каждой почти страницѣ; самъ авторъ это чувствуетъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ въ самомъ началѣ своей книги: „Я думалъ сначала говорить подробно въ моихъ запискахъ вообще о ружейной охотѣ, т.-е. не только о стрѣльбѣ, о дичи, о ея нравахъ и мѣстахъ жительства въ оренбургской губерніи, но также о лягавыхъ собакахъ, ружьяхъ, о разныхъ принадлежностяхъ охоты и вообще о всей технической ея части. Теперь, принявшись за это

дѣло, я увидѣлъ, что впродолженіе того времени, какъ я оставилъ ружье, техническая часть ружейной охоты далеко ушла впередъ, и что я не знаю ея близко и подробно въ настоящемъ, современномъ положеніи".

Дѣйствительно, въ теченіе 25 лѣтъ, которыя протекли съ тѣхъ поръ, какъ почтенный г. А—въ пересталъ охотиться, и собаки, и ружья, и ружейныя принадлежности—все измѣнилось: французскія, курляндскія собаки не пользуются прежнею извѣстностію; маркловскія собаки прогремѣли-было и пали совершенно; англійскія собаки пошли въ гору, особенно пойнтеры*) кровные и полукровные; полукровные едва ли не лучше въ нашемъ климатѣ. На счетъ сеттеровъ, которые такъ понравились-было сперва за быстрый поискъ, неутомимость и незябкость, мнѣнія начинаютъ раздѣляться. Англійскія ружья Мантона, Мортимера, Пордея замѣнили не только Моргенротовъ и Штарбусовъ, но даже Ленажей; нѣмецкія, вѣнскія и пражскія ружья совсѣмъ вышли изъ употребленія; за ними осталось только преимущество дешевизны, при довольно прочной отдѣлкѣ; но если не наши тульскія, то варшавскія, Беккера, стоятъ, конечно, выше ихъ. 25 лѣтъ

---

*) Пойнтерами (pointer отъ to point—показывать) называются англійскія собаки съ короткой шерстью; сеттерами (а не цеттерами: setter, отъ to set—ставить, сажать) называются длинношерстныя собаки. Кромѣ того, эти двѣ породы отличаются складомъ тѣла, поискомъ и въ особенности стойкой: пойнтеръ стоитъ, вытянувъ и поднявъ голову, слогно „показываетъ"; сеттеръ приседаетъ, иногда ложится. Обѣ породы ищутъ вскачь: но пойнтеръ скачетъ красивымъ галопомъ, сеттеръ—во всю прыть; у пойнтеровъ чутье гораздо тоньше и „выше"; сеттеръ бо́льшею частію останавливается вдругъ, круто; должно сознаться, что онъ нерѣдко проходитъ, или, говоря правильнѣе, пролетаетъ мимо дичи. Сеттеры вообще чрезвычайно горячи и въ лѣсу негодни вовсе, зато въ болотѣ „метутъ" на славу. Главный упрекъ, который дѣлаютъ пойнтерамъ, состоитъ въ томъ, что они зябки и, такъ же, какъ сеттеры, неохотно подаютъ дичь. Извѣстно, что у англичанъ для этого держатся особаго рода собаки: ретриверы—retrievers, т. е. отыскатели.

тому назадъ еще не возникалъ вопросъ (сознаюсь откровенно, для меня самого не вполнѣ разрѣшенный) — вопросъ о томъ, должно ли почитать изобрѣтеніе ружей, заряжающихся сзади (à la Robert, или Lefaucheux), шагомъ впередъ въ искусствѣ, или, напротивъ, пустой и безплодной попыткой? суждено ли имъ вытѣснить ружья, заряжающіяся черезъ дуло, или нѣтъ? Много выгодъ представляютъ ружья à la Robert, но и невыгодъ много; обо всемъ этомъ вы ни слова не найдете у А—ва. Э. Блазъ посвятилъ цѣлую главу этому вопросу. Онъ кончаетъ тѣмъ, что отвергаетъ ружья à la Robert; но графъ Лапжель, авторъ книги: „Hygiène des chasseurs“, стоитъ за нихъ. Далѣе: кто изъ охотниковъ станетъ употреблять теперь неуклюжіе, тяжеловѣсные патроны, вмѣсто изящныхъ и прочныхъ пороховницъ и дробовиковъ Диксона и другихъ англійскихъ мастеровъ; несносные пыжи—вмѣсто чистыхъ и щеголеватыхъ флястовъ! Что же касается до пистоновъ, то хотя авторъ и никогда не стрѣлялъ съ ними (см. З. Р. О., стр. 222—въ наше время это просто кажется невѣроятнымъ!), однако, онъ отдаетъ имъ полную справедливость (пороховницъ и дробовиковъ онъ не признаетъ удобными и придерживается старинаго патронташа); но онъ ни слова не говоритъ и не могъ сказать о новѣйшихъ усовершенствованіяхъ по этому дѣлу; не упоминаетъ объ англійскихъ темныхъ пистонахъ, о французскихъ граненыхъ, съ буквою G (Gevelot), которые, кромѣ того, что никогда не осѣкаются (англійскіе, съ двойнымъ дномъ, даже можно передъ выстрѣломъ класть въ воду), и не разлетаются, подобно австрійскимъ, съ буквами S. B., извѣстной фабрики Sellier и Bellot, или нашимъ доморощеннымъ безъименнымъ колпачкамъ, которые осѣкаются даже въ сухую погоду и своими осколками то-и-дѣло наносятъ стрѣлку раны въ руку или щеку. Кстати, насчетъ пистонницъ: я долго раздѣлялъ мнѣніе многихъ опытныхъ

охотниковъ о нихъ; дѣйствительно, всѣ придуманныя до сихъ поръ пистонницы оказывались неудовлетворительными; наконецъ, въ прошломъ году, появилась одна машинка англійскаго изобрѣтенія, совершенно достигающая своей цѣли. Машинка эта состоитъ въ маленькой замшевой круглой сумочкѣ на поясѣ, съ такой же крышей, на пружинѣ; вы отправляетесь за пистономъ — крышка уступаетъ давленію вашихъ пальцевъ и тотчасъ захлопывается сама, какъ только вы достали пистонъ. Это чрезвычайно удобно и очень просто, какъ яйцо Колумба, какъ Паскалева тачка.

Правила, предлагаемыя авторомъ для дрессированія собакъ, очень вѣрны; намъ пріятно видѣть, что даже 20 лѣтъ тому назадъ г. А—въ не одобрялъ парфорсовъ и прочихъ штукъ и фокусовъ нѣмецкой дрессировки, которая господствовала въ то время. Дѣйствительно, пріучите дома собаку къ послушанію, къ апелю, къ слову: назадъ! заставьте ее, шутя, подавать вамъ бумажку или перчатку (но никакъ не камень или даже ключъ, какъ совѣтуетъ г. А—въ)—и отправляйтесь съ нею потомъ въ поле: если въ ней есть кровь, порода*)—а это главное—ваша собака

*) Я знаю, что многіе возстаютъ противъ такого значенія: „породы“: сколько разъ мнѣ приходилось слышать разсказы о необыкновенной мужичьей собакѣ, полудворняжкѣ и т. д. Но исключеніе только подтверждаетъ правило: одна некровная собака изъ сотни можетъ удасться, зато остальныя никуда не годятся; точно такъ, какъ иное ружье, заплаченное въ Тулѣ 25 р. ас., можетъ быть удивительно, особенно пока не стерлись въ дулѣ слѣди сверла.... Но что-жъ это доказываетъ? Я на своемъ вѣку видѣлъ только одну необыкновенную по чутью собаку у мужика; съ виду она дѣйствительно походила на дворняжку. Но, при всѣхъ качествахъ, она не стояла болѣе 20 секундъ, и ея владѣлецъ долженъ былъ „ухитряться“ и поспѣвать за ней. Съ другой стороны, я готовъ сознаться, что далеко не всѣ собачьи породы, годныя для охоты съ ружьемъ, надлежащимъ образомъ изслѣдованы; я во Франціи видѣлъ жесткошерстныхъ брусбартовъ или пуделей (barbets), совершенно различнаго отъ лягавыхъ собакъ вида, которыя для болотной и рѣчной охоты мнѣ показались превосходными.

скоро пойметъ, чего вы отъ нея требуете. Въ нынѣшнемъ году я испыталъ это на дѣлѣ: я въ первый разъ взялъ на охоту молодую собаку изъ полукровныхъ англійскихъ (правда, дочь отличной матери), которую я самъ воспитывалъ дома, и, не смотря на то, что она, по робости своего нрава, цѣлыхъ шесть недѣль боялась звука выстрѣла и лишь все издали кралась за мной,—какъ только она рѣшилась, въ одинъ прекрасный день, броситься на черныша, убитаго въ десяти шагахъ отъ нея, успѣхи ея изумили меня самого; дней черезъ пятнадцать она уже работала какъ опытная собака, стояла мертво, подавала отлично,—словомъ, совершенно замѣнила мнѣ свою, къ сожалѣнію, старѣющуюся мать....

Но возвратимся къ книгѣ г. А—ва. Изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что техническая ея часть довольно слаба и неполна,—она, говоря высокопарнымъ слогомъ, отстала отъ современнаго состоянія науки; но, повторяю, самъ авторъ не отрицаетъ этого, и притомъ, техническая часть его записокъ заключается всего въ 34 страницахъ, за которыя любители охоты все-таки должны быть благодарны г. А—ву, особенно за отличные совѣты насчетъ стрѣльбы, на стр. 31, 32, 33. Его первое правило: „Никогда не думать о томъ, что дашь промахъ“, напоминаетъ мнѣ поговорку одного стараго московскаго охотника, давно уже умершаго, Л. Н. Татаринова, котораго я зналъ въ ранней молодости: „Стрѣлки—говаривалъ онъ—раздѣляются на три класса; бываютъ между ними: àхалы, пỳкалы и шлѐпалы. Ахалы только ахаютъ, когда вскакиваетъ дичь; пукалы стрѣляютъ и не попадаютъ; шлепалы стрѣляютъ и попадаютъ. Изъ пукалы можетъ еще выйти шлепаль; изъ ахалы—никогда“.

За этими 34 страницами вступленія начинается собственно книга.

И что за прелесть эта книга! сколько въ ней свѣжести, граціи, наблюдательности, пониманія и любви природы!... Но я замѣчаю, что вдаюсь въ восклицанія, а въ критикѣ это, говорятъ, не годится. Стану разсуждать обстоятельно.

Книгу г. А—ва можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія охотника и съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Начну съ первой.

Я увѣренъ, что всякій охотникъ, которому придется прочесть „записки“ г. А—ва, будетъ въ особенности привлеченъ и тронутъ искренней и горячей любовью автора къ своему дѣлу—къ благородному занятію охотой,—добросовѣстностью его страсти. Мнѣ скажутъ, что въ сущности охота—пустячки, „мгновенная“ забава, и не заслуживаетъ такихъ сильныхъ выраженій; но кромѣ того, что, по моему мнѣнію, безъ искренней преданности своему дѣлу даже пустяки никому не удаются, я бы могъ привести поразительныя доказательства тому, что охота въ человѣческой жизни, въ исторіи человѣчества занимаетъ не послѣднее мѣсто. Всѣмъ извѣстно, что̀ значило право охоты въ европейскомъ мірѣ не только въ теченіе среднихъ вѣковъ, но даже до позднѣйшихъ временъ (отмѣна законовъ, касавшихся до дичи—game laws—составляла одно изъ важнѣйшихъ преобразованій, произведенныхъ графомъ Греемъ только въ 31 году), и потому я не стану настаивать—на постановленія Генриха IV, на то, сколько замѣчательныхъ людей были страстными охотниками, и т. д.,—замѣчу только, что охоту по справедливости должно почесть однимъ изъ главнѣйшихъ занятій человѣка. Не говоря уже о библейскомъ Немвродѣ и другихъ царяхъ-охотникахъ, изображенія которыхъ сохранились на остаткахъ древнѣйшихъ дворцовъ и храмовъ, стоитъ вспомнить то мѣсто въ 11 пѣснѣ „Одиссеи“, гдѣ Улисъ, въ числѣ тѣней старинныхъ героевъ, вызванныхъ имъ, по со-

вѣту Цирцеи, изъ Аида, видитъ миѳическаго великана Оріона:

> Подлѣ него (Миноса) и Оріона чудовищнаго увидалъ я:
> Толпы дикихъ звѣрей гналъ онъ передъ собою,
> Которыхъ самъ онъ нѣкогда убилъ на пустынныхъ горныхъ вершинахъ....
> Палицу держалъ онъ въ рукахъ изъ несокрушимаго желѣза.

И русскіе люди съ незапамятныхъ временъ любили охоту. Это подтверждаютъ наши пѣсни, наши сказанія, всѣ преданія наши. Да гдѣ же и охотиться, какъ не у насъ: кажется, есть гдѣ и есть по чемъ*). Витязи временъ Владиміра стрѣляли бѣлыхъ лебедей и сѣрыхъ утокъ на заповѣдныхъ лугахъ. Мономахъ, въ завѣщаніи своемъ, оставилъ намъ описаніе своихъ битвъ съ турами и медвѣдями; достойный отецъ великаго сына, одинъ изъ мудрѣйшихъ русскихъ царей, Алексѣй Михайловичъ, страстно любилъ охоту. Всѣ слышали объ его „Урядникѣ“, или „Новомъ уложеніи и устроеніи чина Сокольничія пути**); менѣе извѣстны его письма къ одному изъ бояръ своихъ, сообщенныя Археографической коммисіей. Въ нихъ царь разсказываетъ ему свои „выѣзды“. Вообще, охота свойственна русскому человѣку: дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдетъ онъ бродить, въ одинхъ лаптишкахъ, по болотамъ да по лѣсамъ, съ утра до вечера. И не думайте, чтобы онъ стрѣлялъ изъ него одинѣхъ утокъ: съ этимъ же ружьемъ пойдетъ онъ карауллить медвѣдя на „овсахъ“, вобьетъ въ дуло не пулю, а самодѣльный, кой-какъ сколоченный жеребій—и убьетъ

---

*) Справедливость требуетъ сказать, что, къ сожалѣнію, число дичи у насъ быстро уменьшается; причины этого уменьшенія двоякія: одинъ утѣшительныя—осушка болотъ и пр., другія не столь отрадныя: истребленіе лѣсовъ и привычка нашихъ охотниковъ не жалѣть „маток“; обыкновеніе крыть куропатокъ зимой также чрезвычайно вредно.

**) См. „Древнюю Вивліоѳику“ Новикова. Изд. 2, ч. III, стр. 130.

медвѣдя; а не убьетъ, такъ дастъ медвѣдю себя поцарапать, отлежится, полуживой дотащится до дому и коли выздоровѣетъ, опять пойдетъ на того же медвѣдя съ тѣмъ же ружьемъ. Правда, случится иногда, что медвѣдь его опять поломаетъ; но вѣдь русскимъ же человѣкомъ сложена пословица, что звѣря бояться—въ лѣсъ не ходить. Этой общей, повсюду распространенной страсти русскаго,—страсти, сокровеннѣйшіе корни которой, быть можетъ, слѣдуетъ искать въ самомъ его полу-восточномъ происхожденіи и первоначальныхъ, кочующихъ привычкахъ,—какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ книга г. А—ва: она дышетъ ею, проникнута ей вся. Я самъ не бывалъ въ оренбургской губерніи, но я радъ, что г. А—въ именно тамъ охотился — въ этихъ величавыхъ, изобилующихъ дичью степяхъ, такъ прекрасно имъ описанныхъ *); онѣ-то, мнѣ кажется, и придали его страсти увлекательную искренность и силу, а кисти его—свободу и ширину.

Теперь мнѣ слѣдуетъ, по обѣщанію, сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ будутъ взирать естествоиспытатели на сочиненіе г. А—ва. Самъ я, вы знаете, не имѣю чести принадлежать къ ихъ сословію; но я страстно люблю природу, особенно въ живыхъ ея проявленіяхъ, и потому позволю сказать себѣ нѣсколько словъ о „Запискахъ ружейнаго охотника“ и съ этой точки зрѣнія. Человѣка не можетъ не занимать природа, онъ связанъ съ ней тысячью неразрывныхъ нитей: онъ сынъ ея; сочувствіе, которое возбуждаетъ въ душѣ жизнь существъ низшихъ, столь похожихъ на человѣка своимъ внѣшнимъ видомъ, внутреннимъ устройствомъ, органами чувствъ и ощущеній, нѣсколько напоминаетъ тотъ живой интересъ, который каждый изъ насъ принимаетъ въ развитіи младенца. Всѣ мы, точно, любимъ природу,—по крайней мѣрѣ, никто не можетъ

*) См. З. Р. О., стр. 231.

сказать, что онъ ее положительно не любитъ; но и въ этой любви часто бываетъ много эгоизма. А именно: мы любимъ природу въ отношеніи къ намъ; мы глядимъ на нее какъ на ньедесталъ нашъ. Оттого, между прочимъ, въ такъ называемыхъ описаніяхъ природы, то-и-дѣло либо попадаются сравненія съ человѣческими душевными движеніями („и весь невредимый, хохочетъ утесъ“ и т. п.), либо простая и ясная передача внѣшнихъ явленій замѣняется разсужденіями по ихъ поводу *).

Если только „черезъ любовь“ можно приблизиться къ природѣ, то эта любовь должна быть безкорыстна, какъ всякое истинное чувство: любите природу не въ силу того, что̀ она значитъ въ отношеніи къ вамъ, человѣку, а въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и дорога,—и вы ее поймете.

Возвращаясь къ книгѣ г. А—ва, я не могу не отдать ему должной справедливости: онъ смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную) не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ; онъ не мудритъ, не хитритъ, не подкладываетъ ей посторонннихъ намѣреній и цѣлей; онъ наблюдаетъ умно, добросовѣстно и тонко; онъ только хочетъ узнать, увидѣть. А передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему „заглянуть“ въ себя. Оттого, вы будете смѣяться, но я васъ увѣряю, что когда я прочелъ, напримѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно.... Если-бъ тетеревъ могъ разсказать о

---

*) Главнымъ образомъ поэзіи такого рода можетъ служить В. Гюго (см. его Orientales). Трудно исчислить, сколько эта ложная манера нашла себѣ подражателей и поклонниковъ, и между тѣмъ, ни одинъ его образъ не останется: всегда видишь автора вмѣсто природы; а человѣкъ только и силенъ тогда, когда онъ на нее опирается.

себѣ, опъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ г. А—въ. То же самое должно сказать о гусѣ, уткѣ, вальдшнепѣ,—словомъ, обо всѣхъ птичьихъ породахъ, съ которыми онъ насъ знакомитъ. Нѣмцы считаютъ гуся, эту обдуманную, осторожную птицу—глупымъ; русскій человѣкъ, напротивъ, замѣтилъ, что даже громъ обращаетъ на себя вниманіе гуся; дѣйствительно, при каждомъ ударѣ онъ, скрививъ голову, смотритъ въ небо. Правда, онъ отъ этого нисколько не становится умнѣе, но эту участь онъ раздѣляетъ со многими философами. Говоря безъ шутокъ, я не могу довольно налюбоваться птичьими „физіологіями“ г. А—ва. Я вовсе не намѣренъ сравнивать его съ Бюффономъ и не дерзаю отрицать великихъ заслугъ „отца естественной исторіи“; но я должепъ сознаться, что такія блестящія риторическія описанія, каково, напримѣръ, всѣмъ намъ съ дѣтства извѣстное описаніе коня: „Конь самое благородное завоеваніе человѣка“, и т. д., въ сущности очень мало знакомятъ насъ съ тѣми животными, которымъ они посвящены. Мнѣ, право, кажется, что такого рода краснорѣчивыя разрисовки представляютъ гораздо меньше затрудненій, чѣмъ настоящія, теплыя и живыя описанія; точно такъ же, какъ несравненно легче сказать горамъ, что онѣ „побѣги праха къ небесамъ“, утесу—что онъ „хохочетъ“, молніи—что она „фосфорическая змѣя“, чѣмъ поэтически ясно передать намъ величавость утеса надъ моремъ, спокойную громадность горъ или рѣзкую вспышку молніи.... И оно понятно: ничего не можетъ быть труднѣе человѣку, какъ отдѣлиться отъ самого себя и вдуматься въ явленія природы.... Гремите, не сходя съ мѣста, всѣми громами риторики: вамъ большого труда это не будетъ стоить; попробуйте понять и выразить, что происходитъ хотя бы въ птицѣ, которая смолкаетъ передъ дождемъ, и вы увидите, какъ это нелегко.

Въ силу всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ, я воображаю, что всякій естествоиспытатель съ истиннымъ наслажденіемъ перечтетъ книгу г. А—ва. Покойный Одюбонъ пришелъ бы, я думаю, отъ нея въ умиленіе. Знаете ли вы, напримѣръ, что одной изъ самыхъ великихъ трудностей въ естественной исторіи почитаются вѣрныя изображенія наружнаго вида и цвѣта птицъ? Посмотрите, какъ они всѣ удались г. А—ву. Я тѣмъ болѣе увѣренъ въ успѣхѣ „Записокъ ружейнаго охотника“ между естествоиспытателями, что наука у нихъ въ послѣднее время приняла направленіе болѣе положительное и практическое, или, говоря точнѣе, направленіе, обращенное болѣе на живое наблюденіе и изученіе природы, чѣмъ на составленіе тѣхъ иногда поэтическихъ и глубокихъ, но почти всегда темныхъ и неопредѣленныхъ гипотезъ, которыми Шеллингъ вскружилъ головы, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Скажу еще нѣсколько словъ о слогѣ „Записокъ“ г. А—ва. Слогъ его мнѣ чрезвычайно нравится. Это настоящая русская рѣчь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нѣтъ вычурнаго и ничего лишняго, ничего напряженнаго и ничего вялаго—свобода и точность выраженія одинаково замѣчательны. Эта книга написана охотно и охотно читается. Я уже неоднократно замѣчалъ, какъ мастерски умѣетъ г. А—въ описывать (нѣкоторые отрывки были помѣщены въ апрѣльской книжкѣ „Современника“). Теперь мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: бываютъ тонко-развитыя, нервическія, раздражительно-поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красоть; онѣ подмѣчаютъ многіе оттѣнки, многія часто почти неуловимыя частности, и имъ удается выразить ихъ иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины

отъ нихъ либо ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобъ схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ на счетъ общаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ личностямъ не принадлежитъ г. А—въ, и я очень этому радъ. Онъ и тутъ не хитритъ, онъ не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добираются „немногіе“; но то, что̀ онъ видитъ, видитъ онъ ясно, и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе: въ самой природѣ нѣтъ ничего ухищреннаго и мудренаго, она никогда ничѣмъ не щеголяетъ, не кокетничаетъ; въ самыхъ своихъ прихотяхъ она добродушна. Всѣ поэты съ истинными и сильными талантами не становились въ „позитуру“ предъ лицомъ природы; они не старались, какъ говорится, „подслушать, подсмотрѣть“ ея тайны; великими и простыми словами передавали они ея простоту и величіе; она не раздражала ихъ, она ихъ воспламеняла; но въ этомъ пламени не было ничего болѣзненнаго. Вспомните описанія Пушкина, Гоголя, или хотя то знаменитое мѣсто въ „Королѣ лирѣ“, гдѣ Эдгаръ описываетъ слѣпому Глостеру крутой морской берегъ, который будто падаетъ отвѣсно у самыхъ его ногъ:

Подойдите, сэръ.... Вотъ то мѣсто. Остановитесь. Какъ
страшно!
Какъ кружится голова! такъ низко ронять свои взоры....
Галки и вороны, которыя вьются тамъ въ воздухѣ на средин-
нѣ разстоянія *),
Кажутся едва ли такъ велики, какъ мухи. На полъ-пути внизъ
Виситъ человѣкъ, собирающій морскія травы.... ужасное ре-
месло!

---

*) .... that wving the midway air.... Непереводимо.

Онъ мнѣ кажется не больше своей головы.
Рыбаки, которые ходятъ по прибережью,—
Точно мыши; а тотъ высокій корабль на якорѣ
Уменьшился до размѣра своей лодки; его лодка—плавающая точка,
Какъ бы слишкомъ малая для зрѣнія.... Шумный прибой,
Который кипитъ и ропщетъ на безчисленныхъ каменьяхъ,—
Здѣсь его не слышно.... слишкомъ высоко.... Я больше глядѣть не стану....

Всего двѣ-три черты; поэтъ не желаетъ ни сказать что-нибудь необыкновенное, ни найти въ картинѣ, которая является его глазамъ, особенныхъ, неподмѣченныхъ еще черть; съ вѣрнымъ инстинктомъ генія придерживается онъ одного главнаго ощущенія—ощущенія высоты, съ которой глядитъ Эдгаръ, и уменьшенія всѣхъ предметовъ,—и между тѣмъ, возможно ли еще что-нибудь прибавить? Древніе греки такъ же просто взирали на природу; можно бы привести множество доказательствъ тому.... Впрочемъ, они имѣли передъ нами преимущество великое; въ ихъ счастливыхъ устахъ поэзія впервые заговорила звучнымъ и сладкимъ языкомъ о человѣкѣ и природѣ. (Признаюсь, я не умѣю сочувствовать литературамъ, предшествовавшимъ греческой). Оттого ничего не можетъ сравниться съ безсмертной молодостью, съ свѣжестью и силой первыхъ впечатлѣній, которыми вѣетъ намъ отъ пѣсней Гомера. Я сейчасъ упомянулъ о Пушкинѣ: отношенія этого, по духу своему, дѣйствительно древняго поэта *) къ природѣ такъ же просты, естественны, какъ у древнихъ и, при всей смѣ-

*) Пушкинъ заслуживаетъ названіе древняго по духу поэта гораздо болѣе, чѣмъ элегантный полу-французъ, впрочемъ, даровитый, Андрей Шенье; но по этому поводу можно бы написать цѣлую статью. Подобная статья была бы своевременна теперь, когда развелось такое множество подражателей Андрея Шенье и древнихъ, — подражателей, старающихся видать тщедушную бѣдность своего вымысла за строгое чувство мѣры, присущее греческой фантазіи, трусливое любезничанье своего безсилія — за спокойную грацію античной силы.

лости поэтическихъ образовъ, совершенно здравы. Кто не знаетъ его „Тучи?“ Не откажу себѣ въ удовольствіи выписать все это стихотвореніе:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тьмы,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Удивительно!... Словомъ, описывая явленія природы, дѣло въ томъ, чтобы сказать все, что̀ можетъ придти вамъ въ голову: говорите то, что̀ должно придти каждому въ голову,—но такъ, чтобы ваше изображеніе было равносильно тому, что̀ вы изображаете, и ни вамъ, ни намъ, слушателямъ, не останется больше ничего желать.

Но наше удивленное сочувствіе къ такимъ образамъ, къ такимъ звукамъ не должно сдѣлать насъ несправедливыми къ тѣмъ полу-женскимъ поэтическимъ личностямъ, о которыхъ я упоминалъ выше, и счастливые, вкрадчивые стихи Тютчева или Фета найдутъ отголосокъ въ нашемъ сердцѣ. Я хотѣлъ только сказать, что г. А—въ пошелъ не по ихъ дорогѣ, и, повторяю, его манера какъ нельзя болѣе идетъ къ добродушно-умному, ясному и мужественному тону всей книги.

Письмо мое вышло довольно длинно, а, между тѣмъ, сколько бы хотѣлось еще сказать вамъ: сообщить собственныя наблюденія, поговорить о такъ-называемыхъ охотничьихъ „удачахъ и неудачахъ“, объ охотничьихъ суевѣріяхъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ. Но я боюсь утомить и ваше вниманіе, и вниманіе читателя. Отложу все это до

другого письма, которое вы получите вскорѣ. Ограничусь теперь желаніемъ, чтобы охота, эта забава, которая сближаетъ насъ съ природой, пріучаетъ насъ къ терпѣнію, а иногда и къ хладнокровію передъ опасностью, придаетъ тѣлу нашему здоровье и силу, а духу—бодрость и свѣжесть,—эта забава, которой тѣшились и наши прадѣды на берегахъ широкихъ русскихъ рѣкъ, и герой народныхъ балладъ, стрѣлокъ Робинъ-Гудъ, въ веселыхъ, зеленыхъ дубовыхъ рощахъ Старой Англіи, и много добрыхъ людей на всемъ земномъ шарѣ, долго бы еще процвѣтала въ нашей родинѣ! Волшебный рогъ Оберона не перестанетъ звучать для „имѣющихъ ухо“, и Веберъ не послѣдній музыкантъ, котораго вдохновитъ поэзія охоты! Я сейчасъ сказалъ, что охота сближаетъ насъ съ природой: одинъ охотникъ видитъ ее во всякое время дня и ночи, во всѣхъ ея красотахъ, во всѣхъ ея ужасахъ. Скажемъ искреннее спасибо г. А—ву за его книгу и пожелаемъ, чтобы другіе пошли по его слѣдамъ и разсказали намъ всѣ тѣ многоразличные роды охоты, до которыхъ онъ не коснулся. Кончаю словами „Урядника“ Алексѣя Михайловича: „Паче же почитайте сію книгу красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многія вещи добрыя и разумныя узрите и разумѣете. Аще съ разумомъ прочтете, найдете всякаго утѣшнаго добра“.... и еще: „Будете охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія“.

P. S. Я слышалъ, что „Записокъ ружейнаго охотника“ готовится другое изданіе—успѣхъ ихъ предупредилъ мои похвалы: тѣмъ лучше!

Село Спасское.—Октябрь—ноябрь, 1852 г.

IX.—„Племянница. Романъ, соч. Евгеніи Туръ. 4 части Москва, 1851".

Было время—нѣсколько лѣтъ тому назадъ—въ отечественной критикѣ завелась своего рода табель о рангахъ—подраздѣленіе пишущихъ людей, которые, смотря по ихъ способностямъ, удостоивались различныхъ степеней: простого беллетриста, дагерротипическаго изображателя нравовъ, простого таланта, художественнаго таланта, геніальнаго таланта и, наконецъ, даже генія. Была также степень генія мірового, но до той степени доходили немногіе. Это время прошло теперь вслѣдствіе, между прочимъ, и оказавшейся несостоятельности многихъ геніальныхъ талантовъ и геніевъ; оно прошло, и мы смѣяться надъ нимъ не будемъ. Въ этой, съ виду педантической, классификаціи было гораздо болѣе молодости воззрѣнія, болѣе вѣры въ искусство и его дѣятелей, чѣмъ въ наше положительное, сухое и равнодушное время. Системы, вообще, создаются ими.... Намъ, старикамъ, теперь не до системъ. И потому мы не станемъ прибѣгать къ терминологіи тѣхъ давно-прошедшихъ временъ, мы не потревожимъ ея праха; но мы попросимъ у читателя позволенія сказать нѣсколько несистематическихъ словъ о талантахъ вообще, объ ихъ различныхъ свойствахъ, прежде чѣмъ мы приступимъ къ оцѣнкѣ произведенія г-жи Туръ. Читатели могутъ успокоиться: мы будемъ кратки; многословіе юности прошло въ насъ вмѣстѣ съ эпохой, о которой мы говорили выше, а до старческой болтливости мы еще не дожили.

Мы начнемъ съ извѣстной всѣмъ истины. Бываютъ таланты двоякаго рода: таланты сами по себѣ, независимые, какъ бы отдѣленные отъ личности самого писателя, и таланты, болѣе или менѣе тѣсно связанные съ нею. Мы

не хотимъ этимъ сказать, чтобы таланты, названные нами независимыми, могли бы быть линены постоянной внутренней связи съ жизнію вообще—этого вѣчнаго источника всякаго искусства—и съ личностію писателя въ особенности. Мы не вѣримъ въ эти такъ-называемые объективные таланты, которые будто сваливаются Богъ вѣсть откуда въ чью-нибудь голову и сидятъ-себѣ тамъ, изрѣдка чирикая, какъ птица въ клѣткѣ; но съ другой стороны, мы не можемъ не чувствовать, что, напримѣръ, лица Гоголя стоятъ, какъ говорится, на своихъ ногахъ, какъ живые, и что если есть между ними и творцомъ ихъ необходимая духовная связь, то сущность этой связи остается для насъ тайной, разрѣшеніе которой подпадаетъ уже не критикѣ, а психологіи. Въ талантахъ же второго разряда, или, говоря безобиднѣе, въ талантахъ другого рода, связь эта чувствуется читателемъ, произведенія ихъ, пожалуй, тоже могутъ стоять на своихъ ножкахъ, но рука, ихъ поставившая, отъ нихъ не отнимается, пульсъ ихъ бьется не своею кровью, вѣра въ ихъ существованіе сопрягается съ нѣкоторымъ усиліемъ. Они живы не потому, чтобы въ нихъ самостоятельно сосредоточивалось живое начало, а потому, что ихъ пустилъ въ ходъ все-таки живой человѣкъ; за то эти произведенія обыкновенно отличаются искренностью, задушевностью и теплотою; недостатокъ мастерства и оконченности выкупается другими интересами. Въ нихъ, можетъ быть, меньше истины, но сочувствія они часто возбуждаютъ больше, особенно, если въ нихъ есть то, безъ чего все въ искусствѣ ничтожно,—если въ нихъ есть личная правда. Разумѣется, что въ нашемъ подраздѣленіи нѣтъ ничего абсолютнаго: было бы смѣшно подводить безконечное разнообразіе художественныхъ личностей подъ какія-то неподвижныя графы; но общій смыслъ проведенной нами границы намъ кажется вѣрнымъ и сообразнымъ съ дѣйствительностію.

Талантъ г-жи Туръ принадлежитъ именно къ талантамъ этого, положимъ, второго рода, и мы очень этому рады. Обыкновенно такъ-называемые объективные таланты предпочитаются и самими писателями, которые жаждутъ этого нѣмецкаго эпитета и добиваются его, какъ самаго лестнаго комплимента,—и критиками. Про читателей этого нельзя сказать: они не пускаются въ такія отвлеченности и любятъ то, что ихъ занимаетъ. Но, повторяемъ, мы очень рады, что г-жа Туръ такова, какова она есть, и этому причина весьма простая: г-жа Туръ женщина, русская женщина, и какъ ни велико наше уваженіе къ этой пресловутой „объективности“,—мнѣнія, сердце, голосъ русской женщины,—все это для насъ дорого, все это намъ близко.... и это дорогое, это близкое едва ли не въ первый разъ заговорило въ области искусства устами г-жи Туръ. Писательницъ у насъ было много на Руси;—иныя изъ нихъ владѣли замѣчательными способностями; но изъ всѣхъ изъ нихъ одна—мы просимъ извиненія у живыхъ—уже теперь не живая, г-жа Ганъ, могла бы оспаривать у г-жи Туръ то преимущество впервые сказаннаго слова, о которомъ мы сейчасъ упомянули. Въ этой женщинѣ было дѣйствительно и горячее русское сердце, и опытъ жизни женской, и страстность убѣжденій,—и не отказала ей природа въ тѣхъ „простыхъ и сладкихъ“ звукахъ, въ которыхъ счастливо выражается внутренняя жизнь; но сочинительство ее погубило, литература (какъ ни странно это слово, но оно вѣрно), литература повредила ей, желаніе создавать, творить, разрѣшилось у ней хлопотливымъ безсиліемъ, и Марлинскій окончательно наложилъ на нее печать своей пагубной витіеватости. Она осталась прекраснымъ, даже, пожалуй, трогательнымъ воспоминаніемъ въ памяти любителей изящнаго; но въ поэзіи, настоящей, живой, ей мѣста нѣтъ. Счастіе перваго удачнаго начинанія принадлежитъ г-жѣ Туръ, хотя и въ

ея произведеніяхъ, какъ мы увидимъ ниже, мѣстами отразилось вліяніе той риторики, въ плевелахъ которой заглохло, наконецъ, прекрасное дарованіе ея предшественницы.

Г-жа Туръ явилась въ первый разъ передъ публикой не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ. Всѣ помнятъ впечатлѣніе, произведенное „Ошибкой“,—впечатлѣніе, поддержанное „Долгомъ“ и окончательно утвержденное „Антониной“, эпизодомъ изъ разбираемаго нами романа. (Мы не говоримъ ни о „Первомъ апрѣлѣ“, неудачной попыткѣ въ родѣ, совершенно чуждомъ для г-жи Туръ—въ родѣ драматическомъ, ни о „Двухъ сестрахъ“, повѣсти, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Любой талантъ не могъ бы справиться съ затрудненіями, неизбѣжно вытекающими изъ ложности основной мысли этого произведенія). Блестящія надежды, возбужденныя г-жою Туръ, оправдались настолько, что уже перестали быть надеждами и сдѣлались достояніемъ нашей литературы: дарованіе г-жи Туръ, слава Богу, не нуждается въ поощреніяхъ и можетъ съ честію выдержать самую строгую оцѣнку.

Мы не намѣрены вдаваться въ подробный разборъ произведеній г-жи Туръ, предшествовавшихъ „Племянницѣ“. Талантъ ея, по самой сущности своей, не можетъ отличаться большимъ разнообразіемъ, и внимательному взору, съ участіемъ за нимъ слѣдящему, представляется весь въ каждомъ своемъ твореніи. Замѣтимъ только, что „Ошибка“, при всей неновости содержанія, небрежности слога и нѣсколько утомительныхъ длиннотахъ, поразила всѣхъ своей искренностью, неподдѣльнымъ жаромъ чувства, какою-то стремительностію убѣжденій и благороднымъ мужествомъ души, оставшейся юной подъ ударами горя, не впавшей въ болѣзненную грусть. Сверхъ того, отъ страницъ „Ошибки“ вѣяло Москвой, московскимъ обществомъ. Въ „Долгѣ“ попадаются мѣста, нѣсколько напоминающія Жоржъ-Занда, мѣста, дышащія глубокой тревогой раз-

горающейся страсти. Объ „Антонинѣ“ мы отдѣльно теперь говорить не будемъ и сѣшимъ перейти къ роману, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ нашей статьи.

Романъ,—романъ въ четырехъ частяхъ! знаете ли, что кромѣ женщины никто въ наше время въ Россіи не можетъ рѣшиться на такой трудный, на такой во всякомъ случаѣ длинный подвигъ? И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ наполнить четыре тома? Историческій, Вальтеръ-Скоттовскій романъ, — это пространное, солидное зданіе, со своимъ незыблемымъ фундаментомъ, врытымъ въ почву народную, со своими обширными вступленіями въ видѣ портиковъ, со своими парадными комнатами и темными корридорами для удобства сообщенія,—этотъ романъ въ наше время почти невозможенъ: онъ отжилъ свой вѣкъ, онъ несовременснъ.... У насъ, можетъ быть, его пора еще не пришла,—во всякомъ случаѣ, онъ къ намъ не привился—даже подъ перомъ Лажечникова. Романы „a la Dumas“, съ количествомъ томовъ ad libitum, у насъ существуютъ, — точно; но читатель намъ позволитъ пройти ихъ молчаніемъ. Они, пожалуй, фактъ, но не всѣ факты что-нибудь значатъ. Остаются еще два рода романовъ болѣе близкихъ между собой, чѣмъ кажется съ перваго взгляда,—романовъ, которые, во избѣжаніе разныхъ толкованій, не вездѣ удобныхъ, мы назовемъ по имени ихъ главныхъ представителей: Зандовскими и Диккенсовскими. „Эти романы у насъ возможны и, кажет„ся, примутся; но теперь спрашивается, настолько ли „высказались уже стихіи нашей общественной жизни, что„бы можно было требовать четырехтомнаго размѣра отъ „романа, взявшагося за ихъ воспроизведеніе? Успѣхъ въ „послѣднее время разныхъ отрывковъ, очерковъ, кажется, „доказываетъ противное. Мы слышимъ пока въ жизни „русской отдѣльные звуки, на которые поэзія отвѣчаетъ „такими же быстрыми отголосками. Примѣръ Гоголя тутъ

„ничего не значитъ: во-первыхъ, для такихъ людей, какъ „онъ, эстетическіе законы не писаны, и онъ безъ всякой „гордыни могъ говорить объ устремленныхъ на него очахъ „всей Россіи; а во-вторыхъ, въ томъ, что онъ свои „Мерт„выя Души“ назвалъ поэмой, а не романомъ,—лежитъ „глубокій смыслъ. „Мертвыя Души“ дѣйствительно поэма „—пожалуй, эпическая, а мы говоримъ о романахъ“*). Но, спросятъ насъ, если мы точно затрудняемся въ признаніи четырехтомныхъ романовъ возможными въ литературномъ смыслѣ, почему же мы думаемъ, что одна только женщина можетъ у насъ предпринять и, главное, окончить такую небывалую вещь? Именно потому, что для женщины, даже пишущей, не существуютъ тѣ препятствія, которыя бы остановили литератора на первомъ шагу. Ей не страшно наполнять цѣлые десятки страницъ либо ненужными разсужденіями, либо разсказами, не вездущими къ дѣлу, либо даже просто болтовней,—ей не страшно ошибиться. Она пишетъ жадно, быстро, съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ къ писанію вообще, безъ литературныхъ замашекъ и затѣй; и горе женщинѣ, которая вздумала бы писать иначе, горе женщинѣ „сочини-

---

*) Строки, отмѣченныя кавычками, были выкинуты цензоромъ, питавшимъ личное неблаговоленіе къ Гоголю. Этотъ одинъ фактъ безапелляціоннаго произвола, по моему, краснорѣчивѣе говоритъ о тогдашнемъ литературномъ безправіи, чѣмъ всѣ пресловутые анекдоты о „вольномъ духѣ“ — „лже-пророкѣ“ и т. д. Помнится, тотъ же цензоръ утверждалъ, что не слѣдовало бы пропускать въ печать извѣстныхъ водевильныхъ стишковъ:

По Гороховой я шелъ....
И гороху не нашелъ!

„Во-первыхъ, говорилъ онъ—это все-таки критика, неудовольствіе мѣрою начальства; а во-вторыхъ: теперь, вотъ, толкуютъ о горохѣ.... а кто можетъ поручиться, что другой сочинитель, воспользовавшись послабленіемъ цензуры, не напишетъ:

На свободѣ хоть я шелъ—
Но свободы не нашелъ!

—такъ ужъ лучше не позволять толковать о горохѣ“.

тельницѣ!“ Да не подумаютъ, однако же, что мы требуемъ отъ женщины-писательницы какого-то безсознательнаго инстинктивнаго творчества. Мысль, со всѣми ея страданіями и радостями, жизнь, со всѣми своими зримыми и незримыми тайнами, доступны ей столько же, сколько мужчинѣ. Мы только утверждаемъ, что въ женскихъ талантахъ (и мы не исключаемъ самаго высшаго изъ нихъ—Жоржъ-Занда) есть что то неправильное, нелитературное, бѣгущее прямо изъ сердца, необдуманное, наконецъ, — словомъ, что-то такое, безъ чего онѣ бы на многое не покусились и, между прочимъ, на четырехтомный романъ.

Приступимъ же къ нему, къ этому роману. Разбирая его содержаніе, мы надѣемся яснѣе высказать наше мнѣніе о дарованіи г-жи Туръ, которое до сихъ поръ обозначено нами только общими чертами.

Романъ начинается не совсѣмъ удачно; на сорока-шести страницахъ тянется родъ вступленія, изъ котораго, мы, правда, узнаемъ положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, но которое уже потому могло бы быть сокращено, что собственно описанія—не сильная сторона г-жи Туръ: они большей частью выходятъ у ней слабы и вялы; въ ея рисункѣ нѣтъ спокойствія и ясности, ей надобно быть самой увлеченной, чтобъ увлечь другихъ, и ея дѣйствующія лица становятся по мѣрѣ возможности живыми только съ той минуты, когда они начинаютъ дѣйствовать. Героиня романа,—Маша-племянница — живетъ въ деревнѣ своей тетки, капризной и тяжелой старой дѣвы. Родители Маши умерли давно, не оставивъ ей никакого наслѣдства. Въ одномъ домѣ съ нею обитаетъ ея бабушка, добрая старушка, защитница Маши отъ притѣснительныхъ нападокъ ея желчной тетки. Въ этотъ семейный кружокъ, довольно вѣрно, хотя нѣсколько блѣдно очерченный г-жою Туръ, введенъ одинъ другъ дома, сынъ управляющаго ближняго

села, учитель Маши, нѣкто г. Ильменевъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, весь составленный изъ самоотверженія, неловкости, преданности, почтительной грусти и затаенной любви, одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ, съ легкой руки Ральфа въ „Индіанѣ“, непремѣнно встрѣчаешь въ каждомъ женскомъ романѣ новѣйшаго времени.

Между Машей, его ученицей, и имъ существуютъ отношенія чрезвычайно нѣжныя и вообще весьма похвальныя, но не лишенныя нѣкоторой тихой скуки для читателя. Онъ ея наставникъ, ея другъ, ея воспитатель. Онъ ее очень любитъ и она его любитъ; но вы уже съ первыхъ страницъ романа чувствуете, что эта взаимная любовь не тотчасъ увѣнчается желаннымъ успѣхомъ, что идиллическую эту тишину нарушитъ буря, что сердцу Маши суждено испытать чувство болѣе страстное и знойное, чѣмъ ея дѣтское расположеніе къ своему скромному наставнику. И дѣйствительно, эта буря наступаетъ. Она является въ видѣ блестящаго князя Чельскаго, владѣтеля именно того села, которымъ управляетъ отецъ Ильменева. Онъ является не одинъ: его сопровождаетъ какой-то г. Плетневъ, тоже бѣлокурый господинъ съ такой блѣдной физіономіей, что память читателя изо всѣхъ его призрачно мелькающихъ чертъ съ трудомъ удерживаетъ одну, какую-то полуребяческую, полустарческую восторженность и мечтательность. Князь является и, какъ водится, побѣждаетъ. Ильменевъ, какъ водится, тоже догадывается, страдаетъ и молчитъ. Плетневъ хотя менѣе догадывается, но влюбляется, страдаетъ и молчитъ тоже. Отношенія князя къ Машѣ, въ изображеніи которыхъ часто встрѣчаются черты истинныя, тонкія и нѣжныя,—черты, которыя одна женщина можетъ почувствовать и выговорить,—отношенія эти внезапно прерваны грубымъ вмѣшательствомъ тетки, Варвары Петровны. Князь уѣзжаетъ, получивъ на послѣднемъ свиданіи увѣреніе въ любви Маши. Маша нѣ-

которое время томится и грустить; участіе неизмѣннаго ея наладина Ильменева помогаетъ ей перенести разлуку... Но вотъ, бабушка ея умираетъ, поручивъ ее опять тому же Ильменеву, и Маша ѣдетъ въ Москву на житье къ другой своей теткѣ, княгинѣ Бѣловодской. Отъѣздомъ ея изъ родимаго гнѣзда оканчивается первая часть романа, и мы охотно сознаемся, что все горе, вся скорбь послѣдняго дня разлуки, это млѣніе ноющей души, отрывающейся отъ всего ей дорогого, что вся эта безконечная, почти предсмертная печаль нигдѣ не была изображена съ большей теплотой и истиной, какъ на тѣхъ страницахъ, гдѣ мы видимъ Машу, Машу, влюбленную въ другого, въ послѣдній разъ сидящую съ другомъ своего дѣтства подъ кровомъ того дома, гдѣ оно такъ счастливо прошло.

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ первомъ томѣ. Главный его недостатокъ—несоразмѣрная длиннота. Онъ бы ничего не потерялъ—мы утверждаемъ это смѣло—если-бъ его сократили на половину. Чувства мѣры недостаетъ въ г-жѣ Туръ. За болтливыми описаніями тянутся діалоги, которымъ рѣшительно и ни подъ какимъ видомъ не хочется остановиться. Особенно туманна середина этой первой части, благодаря упорному пребыванію въ ней Ильменева и Плетнева—этихъ двухъ сіамскихъ близнецовъ несчастной любви; но обо всѣхъ этихъ недостаткахъ мы говорили выше, какъ о болѣе или менѣе неизбѣжныхъ принадлежностяхъ женскаго писанья. За то и все прекрасное, все симпатическое, все, что мы такъ любимъ подъ перомъ женщины, находится и у г-жи Туръ. Звуки, то невольно потрясающіе, то глубоко трогающіе, часто попадаются у ней среди самыхъ незначащихъ страницъ. Характеровъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, у ней нѣтъ, и самыя линіи мѣста въ романѣ г-жи Туръ—именно тѣ описанія, посредствомъ которыхъ она старается разъяснить намъ характеры сво-

ихъ героевъ. Описанія эти ничего не разъясняютъ и даже иногда своею неопредѣленностью, своими общими мѣстами мѣшаютъ впечатлѣнію читателя. Болѣе всѣхъ удался автору характеръ Варвары Петровны, въ отдѣлкѣ котораго мы съ удовольствіемъ замѣтили какую-то мѣткую, вѣрную, чисто-женскую иронію. Характеровъ пѣть, повторяемъ мы, въ первой части „Племянницы“ (о князѣ Чельскомъ мы поговоримъ послѣ), но есть одно лицо—Маша—которому невозможно не сочувствовать горячо. Нельзя сказать, чтобы и она была оригинальна; но молодыя дѣвушки и въ дѣйствительности рѣдко бываютъ оригинальны, и тѣ общія черты, которыя повторяются во всѣхъ нихъ, общія имъ всѣмъ радости, надежды, волненія, страданія,—эта ихъ общая личность, если можно такъ выразиться, прекрасно высказалась въ образѣ Маши. Мы не хотимъ сказать, чтобъ и второстепенныя лица, выведенныя г-жею Гуръ въ этой первой части, какъ-то: лица бабушки, матери Ильменева, отца его и другія, между которыми довольно удачно выдается княжескій грумъ, избалованный и изломанный мальчишка,—мы не хотимъ сказать, чтобы эти лица были ложны: они только блѣдны, лишены той цѣльности типической, той жизненной выпуклости, которыя одинъ не даютъ себя забыть.—„Племянницу“, вообще, не скоро забудутъ, но ни одно изъ лицъ этого романа, за исключеніемъ Антонины, не останется въ памяти читающей массы; мы осмѣливаемся предсказать это.... Но пора перейти ко второй части.

Первыя главы этой второй части принадлежатъ къ самымъ лучшимъ во всемъ романѣ: въ нихъ выведено семейство Бѣловодскихъ, состоящее изъ матери, холодной и методической, въ высшей степени приличной и совершенной, но какъ-то неестественно и подозрительно совершенной женщины, и трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Мери, вышла въ мать, вторая—Анюта—пустая, свѣтская

дѣвушка, а третья—Сопя—лукавый, умный и уже испорченный ребенокъ. Всѣ эти фигуры, такъ же, какъ и тѣ, которыя служатъ имъ обстановкой, очень удачны. Положеніе Маши въ этомъ семействѣ обрисовано четко и вѣрно; разсказъ живъ, простъ, и почти нигдѣ не прерывается ни сплошными разсужденіями въ пять страницъ и болѣе, о томъ, что сейчасъ или было, или будетъ сказано, ни тѣми словоохотливыми разговорами, въ которыхъ тоже разсуждается de omnibus rebus et de aliis quibusdam. — Правдой, искренней, страстной правдой дышатъ всѣ эти страницы. Читатель на собственномъ сердцѣ чувствуетъ гнетъ холоднаго бремени, подавляющаго Машу въ домѣ княгини. Первые ея выѣзды въ свѣтъ очень мило разсказаны. Но съ половины тома интересъ слабѣетъ: является, во-первыхъ, опять Плетневъ, это совершенно ненужное въ экономіи романа лицо, и попрежнему распространяетъ около себя какую-то тоскливую тяжесть, напоминающую впечатлѣніе легкаго угара. Онъ негодуетъ на Машу, которая понемногу начинаетъ находить удовольствіе въ разсѣяніяхъ свѣта, и Боже мой! какъ пространно негодуетъ! Вмѣстѣ съ нимъ возникаютъ, словно изъ тумана, разныя блѣдноватыя лица: князь Невалинъ, князь Девинъ, князь Габинъ, графъ Запольскій, баронъ Черновъ, блестящая виртуозка Алина Ленская,—и всѣ эти князья, графы, бароны и дворяне болѣе или менѣе вертятся около Маши. Князь Невалинъ даже сильно влюбляется въ нее. Наконецъ, является самъ jeune premier—является князь Чельскій. Онъ, попрежнему, влюбленъ въ Машу, но, чтобъ отвести подозрѣніе, кокетничаетъ съ Мери, старшей дочерью княгини Бѣловодской. Мери, это холодное, скрытое, сдержанное существо, сама въ него страстно влюбляется, и г-жѣ Туръ какъ нельзя лучше удалось выразить эту „сухую“, мучительную и непривлекательную страсть. Князь Чельскій дѣлаетъ, наконецъ, предложеніе

Машѣ. Нѣкоторыя предшествующія сцены прекрасны и могли быть только написаны женщиной, умной женщиной, взглядъ которой, подмѣчая мелочи, не только не теряется въ нихъ, но именно въ этихъ мелочахъ схватываетъ общее движеніе и направленіе жизни и страсти. За то другія сцены сбивчивы и длинны. Добродѣтельный Ильменевъ также прибываетъ въ Москву, передъ окончаніемъ развязки отношеній князя и Маши. Читатель привѣтствуетъ его появленіе страннымъ чувствомъ, похожимъ на то, съ которымъ мы часто встрѣчаемъ иныхъ нашихъ хорошихъ друзей: намъ пріятно ихъ увидѣть, но намъ не непріятно съ ними разстаться, и въ ихъ отсутствіи мы какъ-то охотнѣе отдаемъ имъ полную справедливость. Въ концѣ книги мы встрѣчаемъ Антонину, ту самую Антонину, имя которой, благодаря отрывку, помѣщенному въ „Кометѣ“, по справедливости стало почти популярнымъ. Она представляется намъ, какою осталась она послѣ ея разсказа о-бокъ съ ненавистнымъ Милькотомъ—и жосткимъ, невыносимымъ объясненіемъ между нимъ и ею оканчивается эта часть романа.

Теперь бы намъ слѣдовало перейти къ разбору третьей части, но прежде намъ хочется сказать нѣсколько словъ объ избранникѣ Машинаго сердца, о князѣ Чельскомъ. Князь Чельскій тоже не живое лицо. Въ немъ опять выразился общій типъ, довольно распространенный въ наше время,—типъ. для котораго, благодаря одной повѣсти, существуетъ нарицательное имя — типъ Тамарина. Чельскій—это столичный Тамаринъ, точно такъ же, какъ Тамаринъ—провинціальный Чельскій....Замѣтимъ, кстати, что Тамаринъ болѣе живое лицо, чѣмъ Чельскій, именно потому, что такіе господа вообще возможнѣе въ провинціи. Чельскій менѣе ломается, съ меньшимъ добродушіемъ любуется самимъ собой, не позволяетъ себѣ никакой фатальности въ обращеніи, не такъ наивно претендуетъ на сокрушеніе дѣвственныхъ сердецъ. Онъ вообще лучше вос-

питанъ, больше видалъ, чѣмъ Тамаринъ, но сущность ихъ одна и та же: тотъ же въ обоихъ безпокойно-щепетильный эгоизмъ, та же претензія праздности, то же отсутствіе всякаго интереса, та же мелкая даровитость при безконечной самонадѣянности, тотъ же дилеттантизмъ самосознанія, та же бѣдная, при всемъ кажущемся богатствѣ, нищенски-бѣдная натура. Мы совсѣмъ не того мнѣнія, чтобы такое лицо не стоило бы выводить: напротивъ, его надо выводить на свѣжую воду; но намъ бы желалось, чтобы оно, какъ всякое комическое лицо, не выходило бы изъ-подъ ироническої власти своего творца, изъ-подъ бича сатиры, или, если этотъ бичъ для такого существа слишкомъ тяжелое орудіе, такъ пусть хоть изрѣдка побрякиваютъ надъ нимъ гремушки веселой насмѣшки. Но мы не можемъ считать нѣсколько жесткихъ и строгихъ фразъ, сказанныхъ авторомъ насчетъ своего героя, достаточнымъ вознагражденіемъ за ту невольную нѣжность къ нему, которая то-и-дѣло либо высказывается положительно, либо проглядываетъ между строками. Мы даже готовы согласиться, что князья Чельскіе — особенно въ романахъ—легко плѣняютъ молодыхъ дѣвушекъ; мы находимъ это въ порядкѣ вещей; но чѣмъ они чаруютъ спокойный взглядъ художника, которому сами обязаны своимъ существованіемъ—своимъ воспроизведеніемъ? Или на насъ еще дѣйствуетъ это дешевое изящество самодовольной свѣтскости, этотъ ложный аристократическій блескъ, и мы бранимъ его, внутренно имъ очарованные, какъ любовники бранятъ другъ друга? Отчего, съ улыбкой юмора начиная рисовать черты этого лица, не лишеннаго плѣнительности, но—повторяемъ—комическаго, и мелко-комическаго,—отчего вдругъ карандашъ трепещетъ въ нашей рукѣ, и мы невольно то смягчаемъ рѣзкую линію, то придаемъ взору силу и глубину, ложность которыхъ чувствуемъ сами, то живописно и широко дра-

пируемъ худенькій и немощный станъ? Правда, наше художественное чувство по временамъ протестуетъ, мы скажемъ рѣзкое, дерзкое, безжалостное слово нашему идолу—и снова таемъ и млѣемъ передъ нимъ.... Отчего? отчего все это? На этотъ вопросъ не такъ легко отвѣтить....

Притомъ, не одинъ этотъ вопросъ приходитъ въ голову читателю. Отчего Ильменевъ, этотъ добрый геній Маши, эта преданная, нѣжная, любящая натура, — отчего онъ непремѣнно долженъ быть неловокъ, неуклюжъ, некрасивъ и молчаливъ—отчего волосы торчатъ на его головѣ кверху, въ видѣ листьевъ артишока? Происходитъ ли это отъ желанія поставить его рѣзкой противоположностью изящному князю, хотѣлъ ли авторъ изображеніемъ этого лица, лишеннаго всякой внѣшней прелести и столь достойнаго любви, хотѣлъ ли онъ покарать въ самомъ себѣ и въ читателѣ то чувство невольнаго подобострастія передъ ложнымъ блескомъ свѣтскихъ манеръ, о которыхъ мы сейчасъ говорили,—во всякомъ случаѣ, мы не можемъ не видѣть на самомъ Ильменевѣ отраженія опять-таки Чельскаго: каждый изъ нихъ представляется намъ членомъ антитезы, уже тысячу разъ выведенной въ романахъ,—антитезы блестящаго, холоднаго и ложнаго характера съ характеромъ истиннымъ, теплымъ, но уже слишкомъ тусклымъ, и мы не можемъ не сожалѣть о томъ, что г-жа Туръ, съ ея живымъ взглядомъ на вещи, пошла по этой нѣсколько избитой дорогѣ *).

Пора, однако, перейти къ третьей части. Въ началѣ ея князь Чельскій, уже женихъ Маши, уѣзжаетъ въ Петербургъ, по случаю болѣзни тетки, и читатель узнаетъ, что Мери, старшая дочь княгини, также помолвлена за графа

*) Вспомнимъ, между прочимъ, Джорджа Седлея и Осборна въ „Ярмаркѣ тщеславія", Леона Леони и Гапріе у Жоржъ Санда и проч. Г-жа Туръ начитана; но начитанность не всегда достоинство въ сочинителѣ.

Занольскаго, человѣка зрѣлыхъ лѣтъ и давнишняго друга дома. Мери скрыла до времени свою любовь къ князю, но простить Машѣ ея счастье она не можетъ. Уже до свадьбы она начинаетъ подкапываться подъ это ненавистное счастье. Читатель предчувствуетъ, что, благодаря ея коварнымъ стараніямъ, невинная, дѣвическая дружба Маши къ Ильменеву горько отзовется въ жизни молодой женщины—княгини Чельской. Мери сама способствуетъ свиданьямъ Маши съ нимъ и съ Плетневымъ, который влюбленъ уже не въ Машу, а въ Антонину, но попрежнему бременитъ читателя своимъ присутствіемъ; съ женскимъ инстинктомъ предчувствуетъ она, что̀ именно въ характерѣ Маши должно будетъ современемъ привести къ разрыву между ею и ея женихомъ, и съ терпѣніемъ и предусмотрительностью наука разставляетъ свои сѣти. Она умна, но для достиженія своей цѣли ей даже не нужно большого ума: довольно одного эгоизма, одной холодной и скрытной хитрости. Что общаго между доброй, слегка восторженной, простой и прямой Машей и господиномъ Чельскимъ?—ничего. Ихъ связываетъ теперь одно чувство, молодое въ Машѣ, прикидывающееся молодымъ въ князѣ; но оно пройдетъ, и останется одно глубокое различіе двухъ душъ, не созданныхъ другъ для друга. Мери гораздо болѣе приходится подъ ладъ князю; они оба одного поля ягоды; и читатель чувствуетъ, что рано или поздно они должны сойтись, хоть бы то было на развалинахъ счастья Маши. Третій томъ оканчивается двойною свадьбою Маши и Мери. Князь уже до свадьбы подпадаетъ подъ вліяніе Мери, начинаетъ подозрѣвать и ревновать,—словомъ, выказываетъ всю мелочность своей души. Но главный интересъ всей этой части сосредоточивается не на этихъ лицахъ, но на Антонинѣ Бертини, на ея разсказѣ, въ которомъ проходитъ передъ нами вся ея жизнь, и который занимаетъ около двухъ третей этой третьей части.

Намъ кажется, нечего увѣрять читателей нашихъ въ глубокомъ сочувствіи, возбужденномъ въ насъ талантомъ г-жи Турь. Съ другой стороны, они могли видѣть, что это сочувствіе въ насъ не слѣпое, и что мы, не обинуясь, высказывали свое мнѣніе о томъ, что намъ казалось менѣе удачнымъ въ ея произведеніи; потому мы надѣемся, что они не заподозрятъ тѣхъ горячихъ похвалъ, которыми мы готовы привѣтствовать разсказъ Антонины, особенно первую его половину. Эти страницы—мы говоримъ это съ твердымъ убѣжденіемъ—останутся въ русской литературѣ. Онѣ—быть можетъ!—станутъ въ ряду тѣхъ избранныхъ поэтическихъ вымысловъ, которые сдѣлались нашими, домашними, о которыхъ мы любимъ думать, симпатія къ которымъ переходитъ, наконецъ, въ привычку, тѣсно связанную со всѣмъ лучшимъ въ нашихъ воспоминаніямъ. Содержаніе такихъ счастливыхъ вымысловъ почти всегда несложно: оно просто, какъ самыя основы жизни. Мы назвали эти вымыслы счастливыми: счастье ихъ состоитъ не въ новизнѣ или неслыханности главной мысли, а въ томъ, что жизнь имъ далась, что она открыла имъ свои родники и охотно потекла по нимъ своей свѣтлой волной. Въ этомъ-то и состоитъ вся ихъ оригинальность, ихъ рѣдкость. Не на всякій призывъ откликается жизнь: волшебная лампа Аладина, передъ которой все охотно открывается, дается въ руки немногимъ даже между поэтами. Скажемъ болѣе: она часто попадается людямъ, не владѣющимъ слишкомъ большимъ талантомъ! вспомнимъ аббата Прево и его Manon Lescaut Бернардена де-Сенъ-Пьерра и его Павла и Виргинію. Опредѣлить условія возможности такого счастія довольно трудно: они связаны съ самою жизнію тѣхъ счастливцевъ. Но мы должны сказать, что нѣкоторый, довольно сильный отблескъ этого счастья—счастья создать простой образъ, не осужденный умереть—достался на долю автора „Ан-

тонины". Намъ хотѣлось бы вѣрить, что Антонину не забудутъ—не забудутъ первыхъ годовъ ея молодости, ея любви къ Мишелю, со всей обаятельной свѣжестью и прелестью первыхъ сближеній, со стыдливымъ торжествомъ неожиданнаго блаженства, съ раздирающимъ горемъ внезапной разлуки. Все это написано просто, горячо, небрежно, какъ вообще пишетъ г-жа Туръ и какъ, между прочимъ, — замѣтимъ кстати — написана „Manon Lescaut". Но самая небрежность этой формы въ разсказѣ Антонины есть прелесть. Стремительная, искренняя страсть не ищетъ выраженій и не находитъ ихъ: они сами бѣгутъ ей на встрѣчу.

Конецъ разсказа, начиная съ появленія г. Бертини, итальянца съ могущественнымъ темпераментомъ и мелодраматическими наклонностями, намъ менѣе нравится. Отношеніе къ нему Антонины, не совсѣмъ естественное и напряженное, какъ-то непріятно нарушаетъ гармонію впечатлѣнія, вынесеннаго читателемъ изъ первой половины разсказа.

Между третьей и четвертой частью существуетъ шестилѣтній промежутокъ. Мы вообще небольшіе охотники до такихъ внезапныхъ скачковъ. Большею частью интересъ останавливается и замираетъ на той самой точкѣ, гдѣ перервалась нить разсказа. Не скажемъ, однако, чтобы наши слова вполнѣ оправдались надъ четвертой частью „Племянницы". Въ ней есть прекрасныя подробности. Развитіе данныхъ положеній проведено даже съ бо́льшей отчетливостью рисунка, чѣмъ мы этого ожидали отъ г-жи Туръ. Но читатель неизбѣжно предвидитъ все это развитіе, до малѣйшихъ его подробностей, съ самой первой сцены, гдѣ авторъ представляетъ намъ князя, уже раздраженнаго, скучающаго своей женой, влюбленнаго въ другую женщину, въ Мери,—Машу, загнанную, печальную, съ тайной раной на сердцѣ, и наконецъ, самоё Мери, попрежнему хо-

лодную, увѣренную въ своей побѣдѣ, въ своемъ неограниченномъ вліяніи на князя и готовую отмстить Машѣ до конца. Читатель—повторяемъ—предвидитъ всѣ грядущіе переходы этой драмы, и если не предчувствуетъ, какого рода именно будетъ развязка: печальная или веселая—то уже ясно видитъ всю дорогу до ней и идетъ за авторомъ не съ увлеченіемъ, а съ любопытствомъ. Впрочемъ, мы не хотимъ этимъ замѣчаніемъ уменьшить достоинство послѣдней части романа, хотя и въ ней можно указать на нѣкоторыя ненужныя длинноты, не въ подробностяхъ самаго хода дѣйствія, а въ разсужденіяхъ по поводу этого хода. Спѣшимъ, однако же, успокоить читателей замѣчаніемъ, что въ теченіе этихъ шести лѣтъ Плетневъ успѣлъ—правда, нѣсколько неожиданно — жениться на Антонинѣ и уѣхать въ деревню, гдѣ авторъ „оставляетъ его наконецъ, пожелавъ ему совершеннаго счастія“, чего и мы ему отъ души желаемъ. Чего человѣкъ не готовъ посулить на прощаньѣ! Съ Ильменевымъ Маша почти раззнакомилась: онъ, какъ всѣ несчастные, но благородные любовники, наложилъ на себя маску мнимаго равнодушія и съ мужествомъ носилъ ее до тѣхъ поръ, пока Маша была или казалась счастливою, т.-е. до тѣхъ поръ, пока ему незачѣмъ было бы и снимать эту маску. Но вотъ, домашняя драма начинается: очарованіе давно исчезло, выступаютъ послѣдствія грозной ошибки: тяжело молодой женщинѣ подъ гнетомъ ложнаго и унизительнаго положенія... Наступаетъ время другу выступить впередъ и протянуть руку помощи. Но принять эту руку нелегко. Наступаетъ обычное crescendo финала. Начинаются недоразумѣнія, подозрѣнія, оскорбленія; съ ожесточеніемъ людей виноватыхъ, преслѣдуютъ князь и Мери невинную Ману. Клевета разливается ядомъ; мгновенныя возвращенія прежнихъ чувствъ, невольные укоры совѣсти тотчасъ смѣняются новыми обидами. Безжалостный эгоизмъ, раскаленный пре-

ступной страстью, попираетъ добродушную и слишкомъ совѣстливую слабость; покрывшись непроницаемой броней приличія, онъ бьетъ куда угодно свою безоружную жертву, которая то тщетно старается умилостивить своихъ враговъ, то еще напраснѣе пытается съ ними бороться. Помощи ей нѣтъ. Опора за опорой ускользаютъ изъ ослабѣвающихъ рукъ ея; внѣшнее благосостояніе разрушается тоже; она гибнетъ.... но вотъ, является спаситель въ лицѣ дяди Чельскаго, старика Очинина. Пользуясь крайнимъ разстройствомъ дѣлъ своего племянника, этотъ благодѣтельный deus ex machina выкупаетъ у него Машу, едва живую отъ всѣхъ ударовъ, на нее нанесенныхъ. Онъ береть ее съ собой. Ильменевъ ихъ сопровождаетъ, и черезъ нѣсколько времени мы узнаемъ, что графъ Занольскій, мужъ Мери, убиваетъ на дуэли Чельскаго, и хотя намъ авторъ не говоритъ ничего о торжествѣ добродѣтели, но мы въ правѣ предполагать, что испытанная дружба Ильменева не останется безъ награды.

Вотъ содержаніе послѣдней части „Племянницы“. Мы его обозначили бѣглыми чертами, но надѣемся, что сказали довольно для того, чтобы возбудить къ нему живѣйшее участіе читателя.

Оканчивая разборъ романа г-жи Туръ, мы намѣрены въ немногихъ словахъ повторить и какъ бы собрать вмѣстѣ наши разбросанныя замѣчанія объ ея дарованіи. Но прежде упомянемъ о чувствѣ, съ которымъ мы положили изъ рукъ ея книгу. Это чувство было теплое, симпатическое: эта книга написана сердцемъ и говоритъ сердцу. Отъ нея вѣетъ чѣмъ-то благороднымъ, искреннимъ, горячимъ. Самый жаръ, съ которымъ г-жа Туръ нерѣдко вдается въ излишнія и не новыя разсужденія,—этотъ жаръ, которому, признаться, мы плохо повѣрили бы въ мужчинѣ, въ литературѣ,—насъ чуть ли не трогаетъ въ ней; эти

разсужденія намъ могутъ показаться фразами, но не фразёрствомъ.

У ней, правда, иногда по поводу истинъ, всѣмъ извѣстныхъ, является тонъ полу-восторженный, полу-поучительный, какъ-будто она сама ихъ только-что открыла; но и это можетъ статься.... и это можно извинить. Недостатокъ иронiи, комическаго элемента замѣчается въ г-жѣ Туръ. Многіе будутъ плакать, никто не засмѣется, читая „Племянницу“. Таланта, того независимаго таланта, о которомъ мы говорили въ самомъ началѣ нашей статьи,—таланта, который поэтъ какъ бы сознательно береть въ руки,—у г-жи Туръ или нѣтъ, или очень мало. Ея талантъ — талантъ лирическій, отъ нея нераздѣльный, столько же способный передавать малѣйшія движенія души автора, его собственный жизненный опытъ, сколько неспособный создавать самостоятельные характеры и типы. Слогъ г-жи Туръ, какъ мы сказали выше, небрежекъ. Рѣчь ея болтлива, часто водяниста и вообще болѣе музыкальна, чѣмъ живописна; но въ этомъ мы ее упрекать не станемъ. Это ея недостатокъ, и это ея достоинство въ одно и тоже время. Но непріятно намъ было встрѣтить на иныхъ страницахъ „Племянницы“ слѣды риторики иногда почти школьной, что-то такое, отъ чего вѣетъ „Собраніемъ образцовыхъ сочиненій“, какія-то претензіи на сочинительство, на литературныя украшенія. Эти претензіи болѣе или менѣе понятны или извинительны въ разрисовкѣ характеровъ; но чѣмъ объяснить, напримѣръ, слѣдующія пятнадцать строкъ, начинающія шестую главу четвертой части:

„Случалось ли вамъ видѣть спокойное и безбрежное пространство моря, разстилающееся будто прозрачный кристаль? Ни одной струи, ни малѣйшаго колебанія, и надъ нимъ столь же широкая, столь же необъятная лазурь неба, не подернутая ни одной тучей, ни малѣйшимъ облакомъ;

въ зыбяхъ моря отражается небо и въ торжественномъ спокойствіи созерцаютъ онѣ другъ друга и, сливаясь на горизонтѣ, составляютъ одно цѣлое.... Какое спокойствіе и какъ оно обманчиво! Тишина, спокойствіе стихій—только моментъ бездѣйствія передъ бурей и шкваломъ. Туча налетаетъ съ далекаго горизонта, тотчасъ отражается и затемняетъ спокойное дотолѣ (!) зеркало водъ, мигомъ раздѣляетъ небо отъ моря и нарушаетъ спокойствіе: вѣтеръ воетъ, гонитъ тучу, вздымаетъ валы, и въ одно мгновеніе тамъ, гдѣ было зеркало—разверзаются бездны, гдѣ была лазурь—сходятся тучи, и молнія ихъ прорѣзываетъ, и громъ страшными раскатами довершаетъ ужасающую картину. Въ жизни человѣческой случается то же самое", и т. д.

Избитость сравненія не выкупается, какъ видите, новостью выраженія, вѣрностью и свѣжестью красокъ. Подобныхъ пятенъ много въ романѣ г-жи Туръ, и остается сожалѣть, что опытная и дружеская рука не прошлась по его страницамъ прежде, чѣмъ онъ явился въ печати.

А со всѣмъ тѣмъ, мы отъ всей души привѣтствуемъ его появленіе и надѣемся, что г-жа Туръ, ободренная успѣхомъ, который несомнѣнно ждетъ ея „Племянницу", не остановится на поприщѣ, такъ прекрасно ею начатомъ. Мы надѣемся также, что она не поневолѣ на насъ за нѣкоторыя наши указанія того, что намъ показалось слабымъ въ ея романѣ. Хорошее въ немъ не нашло въ насъ равнодушныхъ цѣнителей, а право всякаго истиннаго таланта—право на нелицемѣрный и добросовѣстный судъ, — это право, кажется, нами вполнѣ уважено.

„Современникъ", 1852, № 1.

X. Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева.

„Возвращеніе къ поэзіи стало замѣтно, если не въ литературѣ, то въ журналахъ“. Эти слова довольно часто слышались въ послѣднее время. Выраженное ими мнѣніе справедливо, и мы готовы согласиться съ нимъ, только съ слѣдующей оговоркой: мы не думаемъ, чтобы поэзія отсутствовала въ нашей текущей литературѣ, не смотря на всѣ упреки въ прозаичности и пошлости, которымъ она часто подвергается; но мы понимаемъ желаніе читателей насладиться гармоніей стиха, обаяніемъ мѣрной лирической рѣчи; мы понимаемъ это желаніе, сочувствуемъ ему и раздѣляемъ его вполнѣ. Вотъ почему мы не могли душевно не порадоваться собранію во-едино разбросанныхъ доселѣ стихотвореній одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ, какъ бы завѣщаннаго намъ привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина—Ѳ. И. Тютчева.

Мы сказали сейчасъ, что г. Тютчевъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для самолюбія современниковъ, г. Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жосткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ г. Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ принадлежитъ, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнію автора,—словомъ, хотя часть того, что въ

полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій. Кругъ г. Тютчева не обширенъ — это правда, но въ немъ онъ дома. Талантъ его не состоитъ изъ безсвязно разбросанныхъ частей: онъ замкнутъ и владѣетъ собою; въ немъ нѣтъ другихъ элементовъ, кромѣ элементовъ чисто-лирическихъ; но эти элементы опредѣлительно ясны и срослись съ самою личностію автора; отъ его стиховъ не вѣетъ сочиненіемъ; они всѣ кажутся написанными на извѣстный случай, какъ того хотѣлъ Гёте, то-есть, они не придуманы, а выросли сами, какъ плодъ на деревѣ, и по этому драгоцѣнному качеству мы узнаемъ, между прочимъ, вліяніе на нихъ Пушкина, видимъ въ нихъ отблескъ его времени.

Намъ скажутъ, что мы напрасно возстаемъ на сочиненіе въ поэзіи, что, безъ сознательнаго участія творческой фантазіи, нельзя вообразить ни одного произведенія искусства, кромѣ, развѣ, какихъ-нибудь первобытныхъ народныхъ пѣсенъ, что у каждаго таланта есть своя внѣшняя сторона,—сторона ремесла, безъ которой ни одно художество не обходится; все это такъ, и мы нисколько этого не отвергаемъ: мы возстаемъ только противъ отдѣленія таланта отъ той почвы, которая одна можетъ дать ему и сокъ, и силу—противъ отдѣленія его отъ жизни той личности, которой онъ данъ въ даръ, отъ общей жизни народа, къ которой, какъ частность, принадлежитъ сама та личность. Подобное отдѣленіе таланта можетъ имѣть свои выгоды: оно можетъ способствовать къ легчайшей его обработкѣ, къ развитію въ немъ виртуозности; но это развитіе всегда совершается на счетъ его жизненности. Изъ отрубленнаго, высохшаго куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырости на томъ сукѣ свѣжему листу, не раскрыться на немъ нахучему цвѣтку, какъ ни согрѣвай его весеннее солнце. Горе писателю, который захочетъ сдѣлать изъ своего живого дарованія мерт-

вую игрушку, котораго соблазняетъ дешевый тріумфъ виртуоза, дешевая власть его надъ своимъ опошленнымъ вдохновеніемъ. Нѣтъ, произведеніе поэта не должно даваться ему легко, и не долженъ онъ ускорять его развитіе въ себѣ посторонними средствами. Давно уже и прекрасно сказано, что онъ долженъ выносить его у своего сердца, какъ мать ребенка въ чревѣ; собственная его кровь должна струиться въ его произведеніи, и этой животворной струи не можетъ замѣнить ничто, внесенное извнѣ: ни умныя разсужденія и такъ-называемыя задушевныя убѣжденія, ни даже великія мысли, если-бъ таковыя имѣлись въ запасѣ.... И они, и самыя эти великія мысли, если они дѣйствительно велики, выходятъ не изъ одной головы, но изъ сердца, по прекрасному выраженію Вовенарга: „Les grandes pensées viennent du coeur“. Человѣкъ, желающій создать что-нибудь цѣлое, долженъ употребить на это цѣлое свое существо.

Начало „сочиненія“ или, говоря правильнѣе, сочинительства, реторики, столь сильно развитое въ нашей литературѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, теперь, конечно, значительно ослабло: никому теперь не придетъ въ голову вдругъ, неизвѣстно почему, соорудить пяти-актную фантазію по поводу какого-нибудь итальянскаго живописца десятой руки, оставившаго послѣ себя двѣ-три плохія картины, спрятанныя въ темныхъ углахъ третьестепенныхъ галерей; никто теперь не воспоетъ, скоропостижно повергнувшись въ преувеличенный восторгъ, сверхъестественныхъ кудрей какой-нибудь дѣвы, которой, можетъ быть, даже никогда и на свѣтѣ не было; но, все-таки, сочинительство не исчезло въ нашей литературѣ. Слѣды его, и довольно сильные, можно замѣтить въ произведеніяхъ многихъ нашихъ писателей; но въ Тютчевѣ его нѣтъ. Недостатки г. Тютчева другого рода; у него часто попадаются устарѣлыя выраженія, блѣдные и вялые стихи, онъ иногда

какъ-будто не владѣетъ языкомъ;—внѣшняя сторона его дарованія, та сторона, о которой мы упомянули выше, не довольно, быть можетъ, развита; но все это выкупается неподдѣльностью его вдохновенія, тѣмъ поэтическимъ дуновеніемъ, которое вѣетъ отъ его страницъ; подъ паитіемъ этого вдохновенія, самый языкъ г. Тютчева часто поражаетъ читателя счастливой смѣлостью и почти Пушкинской красотой своихъ оборотовъ. Любопытно также наблюдать, какимъ образомъ зарождались въ душѣ автора тѣ, въ сущности немногочисленныя, стихотворенія (ихъ не болѣе ста), которыми онъ окончилъ пройденный свой путь. Если мы не ошибаемся, каждое его стихотвореніе начиналось мыслію, но мыслію, которая, какъ огненная точка, вспыхивала подъ вліяніемъ глубокаго чувства или сильнаго впечатлѣнія; вслѣдствіе этого, если можно такъ выразиться, свойства происхожденія своего, мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается съ образомъ, взятымъ изъ міра души или природы, проникается имъ, и сама его проникаетъ нераздѣльно и неразрывно. Исключительно, почти мгновенно, лирическое настроеніе поэзіи г. Тютчева заставляетъ его выражаться сжато и кратко, какъ бы окружить себя стыдливо-тѣсной и изящной чертой; поэту нужно высказать одну мысль, одно чувство, слитыя вмѣстѣ, и онъ большею частію высказываетъ ихъ единымъ образомъ, именно потому, что ему нужно высказаться, потому что онъ не думаетъ ни щеголять своимъ ощущеніемъ передъ другими, ни играть съ нимъ передъ самимъ собой. Въ этомъ смыслѣ поэзія его заслуживаетъ названія дѣльной, то-есть искренней, серьёзной. Самыя короткія стихотворенія г. Тютчева почти всегда самыя удачныя. Чувство природы въ немъ необыкновенно тонко, живо и вѣрно; но онъ, говоря языкомъ, не совсѣмъ принятымъ въ хорошемъ обществѣ, не *выѣзжаетъ* на немъ, не принимается компонировать и рас-

крашивать свои фигуры. Сравненія человѣческаго міра съ родственнымъ ему міромъ природы никогда не бываютъ натянуты и холодны у г. Тютчева, не отзываются наставническимъ тономъ, не стараются служить поясненіемъ какой-нибудь обыкновенной мысли, явившейся въ головѣ автора и принятой имъ за собственное открытіе. Кромѣ всего этого, въ г. Тютчевѣ замѣтенъ тонкій вкусъ—плодъ многосторонняго образованія, чтенія и богатой жизненной опытности. Языкъ страсти, языкъ женскаго сердца ему знакомъ и дается ему. Стихотворенія г. Тютчева, почерпнутыя имъ не изъ собственнаго родника, какъ-то: „Наполеонъ“ и др., намъ нравятся менѣе. Въ дарованіи г. Тютчева нѣтъ никакихъ драматическихъ или эпическихъ началъ, хотя умъ его, безспорно, проникъ во всѣ глубины современныхъ вопросовъ исторіи.

Со всѣмъ тѣмъ, популярности мы не предсказываемъ г. Тютчеву,—той шумящей, сомнительной популярности, которой, вѣроятно, г. Тютчевъ нисколько не добивается. Талантъ его, по самому свойству своему, не обращенъ къ толпѣ и не отъ нея ждетъ отзыва и одобренія; для того чтобы вполнѣ оцѣнить г. Тютчева, надо самому читателю быть одареннымъ нѣкоторою тонкостію пониманія, нѣкоторою гибкостію мысли, не остававшейся слишкомъ долго праздной. Фіалка своимъ запахомъ не разитъ на двадцать шаговъ кругомъ: надо приблизиться къ ней, чтобы почувствовать ея благовоніе. Мы, повторяемъ, не предсказываемъ популярности г. Тютчеву; но мы предсказываемъ глубокое и теплое сочувствіе всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога русская поэзія, а такія стихотворенія, каковы—

„Пошли Господь свою отраду“....

и другія, пройдутъ изъ конца въ конецъ Россію и переживутъ многое въ современной литературѣ, что теперь кажется долговѣчнымъ и пользуется шумнымъ успѣхомъ.

Г-нъ Тютчевъ можетъ сказать себѣ, что онъ, по выраженію одного поэта, создалъ рѣчи, которымъ не суждено умереть; а для истиннаго художника выше подобнаго сознанія награды нѣтъ.

„Современникъ“, 1854, № 4.

XI. Предисловіе къ роману Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ“.

Новый романъ писателя съ талантомъ, подобнымъ таланту Бертольда Ауербаха, такъ же мало нуждается въ рекомендаціи передъ русской публикой, какъ и передъ собственной, германской. Слава его упрочена, и имя его стало дорогимъ у насъ, какъ и въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи. Но да будетъ позволено мнѣ, какъ старинному пріятелю автора, воспользоваться появленіемъ его послѣдняго произведенія въ русскомъ переводѣ, чтобы бросить бѣглый взглядъ на его прошедшую дѣятельность.

До сихъ поръ не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его знаменитыми разсказами изъ Шварцвальдской деревенской жизни („Schwarzwälder Dorfgeschichten“), появившимися въ началѣ 40-хъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной жизни замѣчается около того же времени во всѣхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ—la Mare au Diable, la petite Fadette и т. д., а также и то, что̀ совершалось у насъ, въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ. Попытки воспользоваться нетронутой почвой народной жизни, не разложенной еще „ядомъ рефлексіи“, и тѣмъ самымъ придать ослабѣвшей литературѣ новую жизнь и здоровые соки—подобныя попытки встрѣчаются еще раньше Ауэрбаха: въ Германіи до сихъ поръ не забыли той части Иммермановскаго романа: „Мюнхгаузенъ“, въ которой, съ такой по-

этической правдой, воспроизведенъ быть вестфальскихъ крестьянъ;—фигуры „сельскаго головы“ (Oberschulze) и „бѣлокурой Лизбеты“ остались достояніемъ литературы; но самый романъ, фальшивый, вычурный, безжизненно-фантастическій, какъ всѣ произведенія германской романтической школы 20-хъ годовъ, поглощаетъ своими мутными волнами прелестный оазисъ вестфальской идилліи. Сама эта идиллія явилась въ „Мюнхгаузенѣ“ какъ второстепенный эпизодъ, и Иммерманнъ не придавалъ ей другого значенія. Ауэрбахъ поступилъ иначе. Возвратившись въ тихое пристанище родныхъ долинъ Шварцвальда, онъ оставилъ за ихъ чертою всю свою ученость и образованность, всякія политическія и эстетическія симпатіи и антипатіи, все, что̀ до того времени волновало и занимало его; не оставилъ онъ только дара поэтической наблюдательности, и его любящее, чуткое сердце осталось при немъ. Ауэрбахъ не сочинялъ идиллій: онъ погрузился всецѣло въ народную „суть“. Не утонченно развитый человѣкъ, въ невольномъ сознаніи своего превосходства, снисходительно вступалъ въ сношеніе съ новымъ и интереснымъ бытомъ, посѣщалъ крестьянскія семейства, изучалъ ихъ нравы, ихъ житейскія привычки и странности;—въ кругъ ихъ проникалъ поэтъ, который самъ былъ сыномъ этихъ долинъ, родился самъ въ крестьянскомъ семействѣ: съ сыновней нѣжностью и „пізтетомъ“ возвращался онъ въ міръ, съ которымъ его связывали самыя кровныя узы. Онъ находилъ въ немъ то, чего не давали ему тѣ классы средняго и высшаго городского сословія, въ которыхъ онъ до тѣхъ поръ вращался:—простыя человѣческія отношенія, цѣлые, не надломленные характеры, односторонне-твердыя нравственныя убѣжденья—и, какъ фонъ для всей картины, ту несравненную, и величественную, и привѣтную природу Шварцвальда, которую всю какъ-бы насквозь провѣваетъ крѣпительной свѣжестью сосновыхъ лѣсовъ и горныхъ вершинъ.

Не даромъ сказалъ Гёте:—„Не былъ бы глазъ солнцеобразнымъ, какъ могъ бы онъ увидѣть солнце?“ *) И Ауэрбахъ, при всей силѣ своего таланта, не могъ бы такъ органически завладѣть всѣми тайнами той, до тѣхъ поръ почти замкнутой жизни—еслибъ самъ онъ былъ ей чужой. Этотъ фактъ объясняетъ, между прочимъ, и то преимущество, которое сохранилъ Ауэрбахъ передъ всѣми своими послѣдователями и подражателями. Въ его словахъ слышится звукъ ничѣмъ незамѣненный. Точно также—если позволительно сравнивать малое съ великимъ—и у насъ, въ „Саввушкѣ“ злополучнаго, скоро погибшаго П. Т. Кокорева, чувствуется, при всей скудности содержанія и неумѣлости исполненія, своеобразная, теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора къ описываемымъ нравамъ. Кокоревъ былъ, какъ извѣстно, сынъ мѣщанина. Колыбель Ауэрбаха стояла въ бѣдномъ деревенскомъ домикѣ, въ Нордштеттенѣ, (онъ родился въ 1812-мъ году); съизмала и со всѣхъ сторонъ, у домашняго очага, въ школѣ, на улицѣ, въ лѣсахъ и долинахъ, охватилъ его крестьянскій бытъ. Работникъ его отца, добродушный Наги, разсказывалъ ему, ходя за плугомъ, старинныя сказки и легенды, пастухъ пѣлъ ему пѣсни, сохраненныя живымъ преданіемъ, дѣвушки повторяли ихъ на сходкахъ за прялками—и все это поэтическое богатство навсегда, неизгладимыми чертами западало въ его сердце. Было еще одно обстоятельство, которое придало его зарождавшемуся развитію особое направленіе, его уму—особую окраску. Ауэрбахъ—еврей, и съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ нужду. Отецъ его занимался торговлей скотомъ наряду съ земледѣліемъ—и обремененный многочисленнымъ семействомъ, едва сво-

*) Wär nicht das Auge sonnenhaft, wie könnt' die Sonne es erblicken?

дилъ концы съ концами. Вмѣстѣ съ поэтическимъ даромъ, Ауэрбахъ унаслѣдовалъ и ту остроту разсудка, ту отчетливую сообразительность, ту выносливую силу теріѣнія—словомъ, тѣ качества, которыя составляютъ отличительные признаки еврейской породы. Эти качества пришлись ему въ пользу — сперва при изученіи Талмуда (съ двѣнадцатилѣтняго возраста его предназначали въ званіе раввина); опъ развилъ ихъ потомъ еще сильнѣе, когда будучи студентомъ въ Мюнхенѣ и Гейдельбергѣ, промѣнялъ свои прежнія занятія на чисто-спекулативную философію. Поэтъ, и философъ, и еврей, въ Ауэрбахѣ сказались въ самомъ выборѣ перваго его научнаго труда, и перваго поэтическаго произведенія: предметомъ того и другого было одно и то же лицо, по духу и по происхожденію близкое и какъ бы родственное Ауэрбаху: Спиноза. Полное изданіе сочиненій великаго еврейскаго мыслителя въ нѣмецкомъ переводѣ—и романъ, озаглавленный его именемъ, появились единовременно, въ 1837 году. Послѣдовавшіе за тѣмъ романы: „Поэтъ и Купецъ“, „Милые Люди“, „Что̀ такое счастье?“—хотя и доставили автору почетную извѣстность въ тогдашней германской литературѣ, но теперь могутъ интересовать насъ только какъ свидѣтельство честнаго и добросовѣстнаго исканія пути, соотвѣтствовавшаго врожденнымъ дарованьямъ. Путь этотъ открылся ему, наконецъ, дома, въ тишинѣ Шварцвальдскихъ долинъ. Съ появленія перваго собранія „Деревенскихъ разсказовъ“ (въ 1843 году Ауэрбаху минулъ 31 годъ), съ появленія этихъ разсказовъ, создавшихъ литературный *жанръ*, онъ уже зналъ свою цѣль—и шелъ къ ней неуклонно.

Мы сказали выше, что Ауэрбахъ оставилъ за чертою своей родины всю свою пріобрѣтенную образованность: это выраженіе нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. Вполнѣ отбросить вліяніе культуры нельзя, да и не слѣ-

дуетъ. Притомъ, то свойство его ума, которое направило его къ изученію Спиноэы, не покинуло его и въ крестьянской избѣ, имъ посѣщенной и воспѣтой. Нарисовавъ поразительно вѣрными, тонкими, хотя иногда нѣсколько мелкими чертами свои фигуры, онъ иногда не-отказываетъ себѣ въ удовольствіи пофилософствовать на ихъ счетъ; со всѣмъ искусствомъ опытнаго мастера обращаетъ онъ вниманіе читателя на тайное ихъ значеніе, на то символическое, которое лежитъ въ основаніи всякой непосредственной жизни, и высказывается иногда въ самыхъ, повидимому, незначительныхъ словахъ и поступкахъ.... Разсказъ у него иногда становится аллегоріей. А потому и не удивительно, что онъ не могъ надолго удовлетвориться воспроизведеніемъ тѣхъ простыхъ человѣческихъ отношеній, той вѣчной исторіи любви, ея горестей и радостей, которымъ исключительно посвящены его первые разсказы: онъ сталъ постепенно вносить новѣйшіе диссонансы въ патріархальную гармонію деревни. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права это сдѣлать, что въ наше время борьба великихъ интересовъ и вопросовъ, волнующихъ общество, проникаетъ въ сокровеннѣйшіе уголки. Обратившись къ народу для извлеченія собственныхъ недуговъ, онъ кончилъ тѣмъ, что открылъ присутствіе тѣхъ же недуговъ, подъ другими формами, въ народѣ. Вниманіе художника стало останавливаться преимущественно на тѣхъ лицахъ избраннаго имъ міра, которыя сами вовлекаются въ ту борьбу, подпадаютъ подъ неотразимое вліяніе общественныхъ вопросовъ. Ауэрбахъ принялся изображать (въ „Іуциферѣ" и другихъ романахъ) то — столкновеніе независимаго, свободнаго духа и сильнаго характера съ притязательнымъ авторитетомъ римско-католической куріи; то—всѣ послѣдствія внезапнаго перенесенія прекрасной женской души изъ простой обстановки роднаго быта въ сложныя условія придворной, сто-

личной, искусственной жизни.... Читатели, вѣроятно, не забыли романа, на который мы намекаемъ—„Жена профессора“, одного изъ самыхъ поэтическихъ созданій Ауэрбаха. Въ этомъ же произведеніи онъ также въ первый разъ коснулся вопроса, который съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе его привлекаетъ, въ который онъ старается все глубже проникнуть—вопроса о бракѣ, во всей его важности и полнотѣ, со всѣми его почти неразрѣшимыми противорѣчіями — и постояннымъ стремленіемъ къ разрѣшенію и примиренію. И Ауэрбахъ попытался представить это разрѣшеніе, это примиреніе—сперва въ самой скромной, низменной сферѣ (въ „Одельвейсѣ“), а потомъ на самыхъ вершинахъ общественнаго зданія, въ самыхъ высшихъ слояхъ европейской культуры. Читатель понимаетъ, что рѣчь идетъ о романѣ: „На высотѣ“, хорошо извѣстномъ и русской публикѣ. Глубина міросозерцанія, сила психологическаго анализа, изысканное мастерство языка,—всѣ постоянныя свойства Ауэрбаховскаго дарованія, никогда еще блистательнѣе не проявлялись, чѣмъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи; но нельзя не сознаться, что поэтическое творчество иногда удаляется на второй планъ, высказывается въ деталяхъ и слишкомъ явственно выступаетъ работа соображающаго разсудка. Особенно бросается это въ глаза при воспроизведеніи тѣхъ лабиринтообразныхъ путей, по которымъ прекрасная придворная дама и ея царственный другъ, увлеченные, опутанные страстью, стараются выбраться на ту свободную *высоту*, гдѣ вслѣдъ за раскаяніемъ и страданіемъ наступаетъ торжество окончательнаго примиренія. Все это очень умно, тонко, занимательно (дневникъ Ирмы, напр., наполненъ самыми интересными подробностями),—но можно было бы во всемъ этомъ желать болѣе жизненности и менѣе той сантиментальности, которая, такъ-же, какъ у Диккенса, хотя въ другомъ родѣ, представляетъ Ахиллесову пятку Ауэрбахов-

скаго дарованія. Съ увѣренностью можемъ мы сказать, что эти недостатки почти не существуютъ въ предстоящемъ романѣ, между тѣмъ какъ всѣ великія достоинства творца Шварцвальдскихъ разсказовъ развернулись въ немъ съ полнотою, еще небывалой. Еще никогда Ауэрбахъ не задавалъ себѣ болѣе широкой задачи, не захватывалъ ея такъ глубоко и не исполнялъ ея съ такимъ совершенствомъ.

Мы сейчасъ, не безъ намѣренія, назвали Ауэрбаха творцомъ Шварцвальдскихъ разсказовъ. Онъ знаетъ самъ, что въ связи съ родиной—его главная сила, онъ знаетъ, въ какую почву росли его корни. Не даромъ онъ и въ романѣ „На высотѣ“ рисуетъ фигуры, подобныя Вальпургѣ и всей ея семьѣ. Избравъ мѣстомъ постояннаго жительства столицу — пока одной сѣверной Германіи, — онъ не прервалъ постоянныхъ сношеній съ своей любезной Швабіей. Для нея онъ издаетъ своего „Кума“ (Gevattersmann), свой „Народный Календарь“. Правда,—тамъ, гдѣ, можно сказать, родилась его муза, въ этихъ прирейнскихъ долинахъ, господствуетъ еще, и съ каждымъ годомъ возстаетъ, въ своихъ противокультурныхъ стремленіяхъ, та мощь, противъ которой онъ уже направилъ столько стрѣлъ, и которой готовится нанести новый ударъ въ своемъ послѣднемъ романѣ—мощь суевѣрія и предразсудковъ. Но Бертольдъ Ауэрбахъ въ полномъ разцвѣтѣ жизни и силъ—и онъ не отступитъ отъ борьбы, въ которой видитъ свое призваніе. Пускай же онъ подаритъ своей землѣ и всему читающему свѣту еще много созданій, въ которыхъ высокая образованность, въ соединеніи съ яснымъ умомъ и поэтическимъ даромъ—дружно стремятся къ посильному разрѣшенію жизненныхъ задачъ, завѣщанныхъ намъ всей протекшей исторіей европейскаго человѣчества!

„Вѣстникъ Европы“, 1868 г.

XII.—Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

Рѣчь, произнесенная 10 января 1860 года на публичномъ чтеніи въ пользу Общества для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Мм. гг.

Первое изданіе трагедіи Шекспира „Гамлетъ“ и первая часть Сервантесовскаго „Донъ-Кихота“ явились въ одинъ и тотъ же годъ, въ самомъ началѣ XVII столѣтія.

Эта случайность намъ показалась знаменательною; сближеніе двухъ названныхъ нами произведеній навело насъ на цѣлый рядъ мыслей. Мы просимъ позволенія подѣлиться съ вами этими мыслями и заранѣе разсчитываемъ на вашу снисходительность. „Кто хочетъ понять поэта, долженъ вступить въ его область“, сказалъ Гёте;—прозаикъ лишенъ всякихъ правъ на подобное требованіе; но онъ можетъ надѣяться, что его читатели—или слушатели—захотятъ сопутствовать ему въ его странствованіяхъ—въ его изысканіяхъ.

Нѣкоторыя изъ нашихъ воззрѣній, быть можетъ, поразятъ васъ, мм. гг., своею необычностью; но въ томъ и состоитъ особенное преимущество великихъ поэтическихъ произведеній, которымъ геній ихъ творцовъ вдохнулъ неумирающую жизнь, что воззрѣнія на нихъ, какъ и на жизнь вообще — могутъ быть безконечно разнообразны, даже противорѣчащи—и въ то же время одинаково справедливы. Сколько комментаріевъ уже было написано на Гамлета, и сколько ихъ еще предвидится впереди! Къ какимъ различнымъ заключеніямъ приводило изученіе этого по истинѣ неисчерпаемаго типа!—Донъ-Кихотъ, по самому свойству своей задачи, по истинно-великолѣпной ясности разсказа, какъ бы озареннаго солнцемъ юга,— подаетъ меньше повода къ толкованіямъ. Но, къ сожалѣнію,

мы, русскіе, не имѣемъ хорошаго перевода Донъ-Кихота; бо̀льшая часть изъ насъ сохранила о немъ довольно неопредѣленныя воспоминанія; подъ словомъ „Донъ-Кихотъ“ мы часто подразумѣваемъ просто шута, — слово „донкихотство“ у насъ равносильно съ словомъ: нелѣпость,—между тѣмъ какъ въ донкихотствѣ намъ слѣдовало бы признать высокое начало самопожертвованія, только схваченное съ комической стороны. Хорошій переводъ Донъ-Кихота былъ бы истинной заслугой передъ публикой, и всеобщая благодарность ждетъ того писателя, который передастъ намъ это единственное твореніе во всей его красотѣ. Но возвратимся къ предмету нашей бесѣды.

Мы сказали, что одновременное появленіе Донъ-Кихота и Гамлета намъ показалось знаменательнымъ. Намъ показалось, что въ этихъ двухъ типахъ воплощены двѣ коренныя, противоположныя особенности человѣческой природы—оба конца той оси, на которой она вертится. Намъ показалось, что всѣ люди принадлежатъ, болѣе или менѣе, къ одному изъ этихъ двухъ типовъ; что почти каждый изъ насъ сбивается либо на Донъ-Кихота, либо на Гамлета. Правда, въ наше время Гамлетовъ стало гораздо болѣе, чѣмъ Донъ-Кихотовъ; но и Донъ-Кихоты не перевелись.

Объяснимся.

Всѣ люди живутъ—сознательно или безсознательно—въ силу своего принципа, своего идеала, т.-е. въ силу того, что̀ они почитаютъ правдой, красотою, добромъ. Многіе получаютъ свой идеалъ уже совершенно готовымъ, въ опредѣленныхъ, исторически сложившихся формахъ; они живутъ, сообразуя жизнь свою съ этимъ идеаломъ, иногда отступая отъ него подъ вліяніемъ страстей или случайностей,—но они не разсуждаютъ о немъ, не сомнѣваются въ немъ; другіе, напротивъ, подвергаютъ его анализу собственной мысли. Какъ бы то ни было, мы, кажется, не слишкомъ ошибемся, если скажемъ, что для всѣхъ

людей—этотъ идеалъ, эта основа и цѣль ихъ существованія находятся либо внѣ ихъ, либо въ нихъ самихъ:—другими словами, для каждаго изъ насъ либо собственное я становится на первомъ мѣстѣ, либо нѣчто другое, признанное имъ за высшее. Намъ могутъ возразить, что дѣйствительность не допускаетъ такихъ рѣзкихъ разграниченій, что въ одномъ и томъ же живомъ существѣ оба возрѣнія могутъ чередоваться, даже сливаться до нѣкоторой степени, но мы и не думали утверждать невозможность измѣненій и противорѣчій въ человѣческой природѣ; мы хотѣли только указать на два различныя отношенія человѣка къ своему идеалу—и мы теперь постараемся представить, какимъ образомъ, по нашему понятію, эти два различныя отношенія воплотились въ двухъ избранныхъ нами типахъ.

Начнемъ съ Донъ-Кихота.

Что выражаетъ собою Донъ-Кихотъ? Взглянемъ на него не тѣмъ торопливымъ взглядомъ, который останавливается на поверхностяхъ и мелочахъ. Не будемъ видѣть въ Донъ-Кихотѣ одного лишь рыцаря печальнаго образа, фигуру, созданную для осмѣянія старинныхъ рыцарскихъ романовъ; извѣстно, что значеніе этого лица расширилось подъ собственною рукою его безсмертнаго творца, и что Донъ-Кихотъ второй части, любезный собесѣдникъ герцоговъ и герцогинь, мудрый наставникъ оруженосца губернатора,—уже не тотъ Донъ-Кихотъ, какимъ онъ является намъ въ первой части романа, особенно въ началѣ, не тотъ странный и смѣшной чудакъ, на котораго такъ щедро сыплются удары; а потому попытаемся проникнуть до самой сущности дѣла. Повторяемъ: что̀ выражаетъ собою Донъ-Кихотъ? Вѣру прежде всего; вѣру въ нѣчто вѣчное, незыблемое, въ истину, однимъ словомъ, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ,—но доступную постоянству служенія и силѣ жертвы. Донъ-Кихотъ проник-

нуть весь преданностью къ идеалу, для котораго онъ готовъ подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ, жертвовать жизнію, самую жизнь свою онъ цѣнитъ настолько, насколько она можетъ служить средствомъ къ воплощенію идеала, къ водворенію истины, справедливости на землѣ. Намъ скажутъ, что идеалъ этотъ почерпнутъ разстроеннымъ его воображеніемъ изъ фантастическаго міра рыцарскихъ романовъ; согласны—и въ этомъ-то состоитъ комическая сторона Донъ-Кихота; но самый идеалъ остается во всей своей петронутой чистотѣ. Жить для себя, заботиться о себѣ—Донъ-Кихотъ почелъ бы постыднымъ. Онъ весь живетъ (если такъ можно выразиться) внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ, для истребленія зла, для противодѣйствія враждебнымъ человѣчеству силамъ—волшебникамъ, великанамъ—т. е. притѣснителямъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма, онъ не заботится о себѣ, онъ весь самопожертвованіе — оцѣните это слово! — онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки. Оттого онъ безстрашенъ, терпѣливъ, довольствуется самой скудной пищей, самой бѣдной одеждой: ему не до того. Смиренный сердцемъ, онъ духомъ великъ и смѣлъ; умилительная его набожность не стѣсняетъ его свободы; чуждый тщеславія, онъ не сомнѣвается въ себѣ, въ своемъ призваніи, даже въ своихъ физическихъ силахъ; воля его—непреклонная воля. Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ знаетъ мало, да ему и не нужно много знать: онъ знаетъ, въ чемъ его дѣло, зачѣмъ онъ живетъ на землѣ, а это—главное знаніе. Донъ-Кихотъ можетъ показаться то совершеннымъ безумцемъ, потому что самая несомнѣнная вещественность исчезаетъ передъ его глазами, таетъ какъ воскъ отъ огня его энтузіазма (онъ дѣйствительно видитъ живыхъ мавровъ въ деревянныхъ куклахъ, рыцарей въ баранахъ),—то ограниченнымъ, потому что

онъ не умѣетъ ни легко сочувствовать, не легко наслаждаться,—но онъ, какъ долговѣчное дерево, пустилъ глубоко корни въ почву, и не въ состояніи ни измѣнить своему убѣжденію, ни переноситься отъ одного предмета къ другому; крѣпость его нравственнаго состава (замѣтьте, что этотъ сумасшедшій, странствующій рыцарь — самое нравственное существо въ мірѣ)—придаетъ особенную силу и величавость всѣмъ его сужденіямъ и рѣчамъ, всей его фигурѣ, не смотря на комическія и унизительныя положенія, въ которыя онъ безпрестанно впадаетъ... Донъ-Кихотъ энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣянъ ея сіяньемъ.

Что же представляетъ собою Гамлетъ?

Анализъ прежде всего и эгоизмъ, а потому безвѣрье. Онъ весь живетъ для самого себя, онъ эгоистъ; но вѣрить въ себя даже эгоистъ не можетъ; вѣрить можно только въ то, что внѣ насъ и надъ нами. Но это *я*, въ которое онъ не вѣритъ, дорого Гамлету. Это исходная точка, къ которой онъ возвращается безпрестанно, потому что не находитъ ничего въ цѣломъ мірѣ, къ чему бы могъ прилѣпиться душою; онъ скептикъ—и вѣчно возится и носится съ самимъ собою; онъ постоянно занятъ не своей обязанностью, а своимъ положеніемъ. Сомнѣваясь во всемъ, Гамлетъ, разумѣется, не щадитъ и самого себя; умъ его слишкомъ развитъ, чтобы удовлетвориться тѣмъ, что онъ въ себѣ находитъ; сознаетъ свою слабость, но всякое самосознаніе есть сила:—отсюда проистекаетъ его иронія, противоположность энтузіазму Донъ-Кихота. Гамлетъ съ наслажденіемъ, преувеличенно бранитъ себя, постоянно наблюдая за собою, вѣчно глядя внутрь себя, онъ знаетъ до тонкости всѣ свои недостатки, презираетъ самого себя—и въ то же время, можно сказать, живетъ, питается этимъ презрѣніемъ. Онъ не вѣритъ въ себя—и тщеславенъ; онъ не знаетъ, чего хочетъ и зачѣмъ живетъ и

привязанъ къ жизни... „О, Боже, Боже! (восклицаетъ онъ во 2-й сценѣ перваго акта), „еслибъ Ты, судья земли и неба, не запретилъ грѣха самоубійства!... Какъ пошла, пуста, плоска и ничтожна кажется мнѣ жизнь!“ Но онъ не пожертвуетъ этой плоской и пустой жизнію; онъ мечтаетъ о самоубійствѣ еще до появленія тѣни отца, до того грознаго порученія, которое окончательно разбиваетъ его уже надломанную волю—но онъ себя не убьетъ. Любовь къ жизни высказывается въ самыхъ этихъ мечтахъ о прекращеніи ея! Всѣмъ 18-лѣтнимъ юношамъ знакомы подобныя чувства:

„То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!“

Но не будемъ слишкомъ строги къ Гамлету: онъ страдаетъ—и его страданія и больнѣе и язвительнѣе страданій Донъ-Кихота. Того бьютъ грубые пастухи, освобожденные имъ преступники; Гамлетъ самъ наноситъ себѣ раны, самъ себя терзаетъ; въ его рукахъ тоже мечъ: обоюдоострый мечъ анализа.

Донъ-Кихотъ, мы должны въ этомъ сознаться, положительно смѣшонъ. Его фигура—едва ли не самая комическая фигура, когда-либо нарисованная поэтомъ. Его имя стало смѣшнымъ прозвищемъ даже въ устахъ русскихъ мужиковъ. Мы въ этомъ могли убѣдиться собственными ушами. При одномъ воспоминаніи о немъ возникаетъ въ воображеніи тощая, угловатая, горбоносая фигура, облеченная въ каррикатурныя латы, вознесенная на чахлый остовъ жалкаго коня, того бѣднаго, вѣчно голодающаго и битаго Россинанта, которому нельзя отказать въ какомъ-то полузабавномъ, полутронутомъ участіи. Донъ-Кихотъ смѣшонъ.... но въ смѣхѣ есть примиряющая и искупляющая сила —и если не даромъ сказано: „чему посмѣешься, тому послужишь“, то можно прибавить: что надъ кѣмъ посмѣялся, тому уже простилъ, того даже полюбить готовъ.

Напротивъ, наружность Гамлета привлекательна. Его меланхолія, блѣдный, хотя и не худой видъ (мать его замѣчаетъ о немъ, что онъ толстъ, „our son is fat“), черная, бархатная одежда, перо на шляпѣ, изящныя манеры, несомнѣнная поэзія его рѣчей, постоянное чувство полнаго превосходства надъ другими, рядомъ съ язвительной потѣхой самоуниженія, все въ немъ нравится, все плѣняетъ; всякому лестно прослыть Гамлетомъ, никто бы не хотѣлъ заслужить прозваніе Донъ-Кихота. „Гамлетъ Баратынскій“, писалъ къ своему другу Пушкинъ; надъ Гамлетомъ никто и не думаетъ смѣяться, и именно въ этомъ его осужденіе: любить его почти невозможно; одни люди подобные Горацію привязываются къ Гамлету. Мы о нихъ поговоримъ впослѣдствіи. Сочувствуетъ ему всякій, и оно понятно: почти каждый находитъ въ немъ собственныя черты; но любить его, повторяемъ, нельзя, потому что онъ никого самъ не любитъ.

Будемъ продолжать наше сравненіе. Гамлетъ — сынъ короля, убитаго роднымъ братомъ, похитителемъ престола; отецъ его выходитъ изъ могилы, изъ „челюстей ада“, чтобы поручить ему отмстить за себя, а онъ колеблется, хитритъ съ самимъ собою, тѣшится тѣмъ, что ругаетъ себя, и наконецъ убиваетъ своего вотчима случайно. Глубокая психологическая черта, за которую многіе даже умные, но близорукіе люди дерзали осуждать Шекспира! А Донъ-Кихотъ, бѣдный, почти нищій человѣкъ, безъ всякихъ средствъ и связей, старый, одинокій, беретъ на себя исправлять зло и защищать притѣсненныхъ (совершенно ему чужихъ) на всемъ земномъ шарѣ. Что̀ нужды, что первая же его попытка освобожденія невинности отъ притѣснителя рушится двойной бѣдою на голову самой невинности.... (Мы разумѣемъ ту сцену, когда Донъ-Кихотъ избавляетъ мальчика отъ побоевъ его хозяина, который тотчасъ же послѣ удаленія избавителя вдесятеро

сильнѣе наказывать бѣдняка); что̀ нужды, что, думая имѣть дѣло съ вредными великанами, Донъ-Кихотъ нападаетъ на полезныя вѣтряныя мельницы.... Комическая оболочка этихъ образовъ не должна отводить наши глаза отъ сокрытаго въ немъ смысла. Кто, жертвуя собою, вздумалъ бы сперва разсчитывать и взвѣшивать всѣ послѣдствія, всю вѣроятность пользы своего поступка, тотъ едва ли способенъ на самопожертвованіе. Съ Гамлетомъ ничего подобнаго случиться не можетъ: ему ли, съ его проницательнымъ, тонкимъ, скептическимъ умомъ, ему ли впасть въ такую грубую ошибку! Нѣтъ, онъ не будетъ сражаться съ вѣтряными мельницами, онъ не вѣритъ въ великановъ.... но онъ бы и не напалъ на нихъ, если бы они точно существовали. Гамлетъ не сталъ бы утверждать, какъ Донъ-Кихотъ, показывая всѣмъ и каждому цирюльничій тазъ, что это есть настоящій волшебный шлемъ Мамбрина; но мы полагаемъ, что если бы сама истина предстала воплощенною передъ его глазами, Гамлетъ не рѣшился бы поручиться, что это точно она, истина.... Вѣдь кто знаетъ, можетъ быть, и истины тоже нѣтъ, такъ же, какъ великановъ? Мы смѣемся надъ Донъ-Кихотомъ.... но, мм. гг., кто изъ насъ можетъ, добросовѣстно вопросивъ себя, свои прошедшія, свои настоящія убѣжденія, кто рѣшится утверждать, что онъ всегда и во всякомъ случаѣ различитъ и различалъ цирюльничій оловянный тазъ отъ волшебнаго золотого шлема?... Потому намъ кажется, что главное дѣло въ искренности и силѣ самого убѣжденья.... а результатъ—въ рукѣ судебъ. Онѣ одни могутъ показать намъ, съ призраками ли мы боролись, съ дѣйствительными ли врагами, и какимъ оружіемъ покрыли мы наши головы.... Наше дѣло вооружиться и бороться....

Замѣчательны отношенія толпы, такъ-называемой людской массы, къ Гамлету и Донъ-Кихоту.

Полоній — представитель массы передъ Гамлетомъ; Санчо-Панса—передъ Донъ-Кихотомъ.

Полоній—дѣльный, практическій, здравомыслящій, хотя въ то же время ограниченный и болтливый старикъ. Онъ отличный администраторъ, примѣрный отецъ, вспомните его наставленія сыну своему Лаэрту при отъѣздѣ за границу,—наставленія, которыя могутъ поспорить въ мудрости съ извѣстными распоряженіями губернатора Санчо-Пансы на островѣ Баратарія. Для Полонія Гамлетъ не столько сумасшедшій, сколько ребенокъ, и если бы онъ не былъ королевскимъ сыномъ, онъ бы презиралъ его за его коренную безполезность, за невозможность положительнаго и дѣльнаго примѣненія его мыслей. Извѣстная сцена облака, между Гамлетомъ и Полоніемъ, сцена,—въ которой Гамлетъ воображаетъ, что дурачитъ старика, имѣетъ для насъ явный смыслъ, подтверждающій наше возврѣніе.... Мы позволимъ себѣ напомнить ее вамъ:

Полоній.

„Королева желаетъ говорить съ вами, принцъ, и притомъ сейчасъ.

Гамлетъ.

„Видите это облако? Точно ласточка.

Полоній.

„Совершенная ласточка.

Гамлетъ.

„Мнѣ кажется, оно похоже на верблюда.

Полоній.

„Спина точь въ точь какъ у верблюда.

Гамлетъ.

„Иль какъ у кита.

Полоній.

„Совершенный китъ.

Гамлетъ.

„Хорошо.—Такъ я иду къ матушкѣ".

Не явно ли, что въ этой сценѣ Полоній—въ одно и то же время—придворный, который угождаетъ принцу, и взрослый, который не хочетъ перечить больному, блажному мальчику? Полоній ни на волосъ не вѣритъ Гамлету, и онъ правъ; со всей свойственной ему ограниченной самонадѣянностью онъ приписываетъ блажь Гамлета его любви къ Офеліи, и въ этомъ онъ, конечно, ошибается; но онъ не ошибается въ оцѣнкѣ его характера. Гамлеты, точно, безполезны массѣ; они ей ничего не даютъ, они ее никуда вести не могутъ, потому что сами никуда не идутъ. Да и какъ вести, когда не знаешь, есть ли земля подъ ногами? Притомъ же, Гамлеты презираютъ толпу. Кто самого себя не уважаетъ—кого, что можетъ тотъ уважать? Да и стоитъ ли заниматься массой? Она такъ груба и грязна! а Гамлетъ—аристократъ, не по одному рожденію.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ намъ Санчо-Панса. Онъ, напротивъ, смѣется надъ Донъ-Кихотомъ, знаетъ очень хорошо, что онъ сумасшедшій, по три раза покидаетъ свою родину, домъ, жену, дочь, чтобы идти за этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, слѣдуетъ за нимъ повсюду, подвергается всякаго рода непріятностямъ, преданъ ему по самую смерть, вѣритъ ему, гордится имъ и рыдаетъ колѣнопреклоненный у бѣднаго ложа, гдѣ кончается его бывшій господинъ. Надеждою на прибыль, на личныя выгоды—этой преданности объяснить нельзя; у Санчо-Пансы слишкомъ много здраваго смысла; онъ очень хорошо знаетъ, что кромѣ побоевъ, оруженосцу странствующаго рыцаря почти нечего ожидать. Причину его преданности слѣдуетъ искать глубже; она, если можно такъ выразиться, коренится въ едва ли не лучшемъ свойствѣ массы, въ способности счастливаго и честнаго ослѣпленія (увы! ей знакомы и другія ослѣпленія), въ способности безкорыстнаго энтузіазма, презрѣнія къ прямымъ личнымъ выгодамъ, которое для бѣднаго человѣка почти

равносильно съ презрѣніемъ къ насущному хлѣбу. Великое, всемірно-историческое свойство! Масса людей всегда кончаетъ тѣмъ, что идетъ, беззавѣтно вѣруя, за тѣми личностями, надъ которыми она сама глумилась, которыхъ даже проклинала и преслѣдовала, но которыя, не боясь ни ея преслѣдованій, ни проклятій, не боясь даже ея смѣха, идутъ неуклонно впередъ, вперивъ духовный взоръ въ ими только видимую цѣль, ищутъ, падаютъ, поднимаются, и наконецъ находятъ.... и по праву; только тотъ и находитъ, кого ведетъ сердце. Les grandes pensées viennent du cœur, сказалъ Вовенаргъ. А Гамлеты ничего не находятъ, ничего не изобрѣтаютъ и не оставляютъ слѣда за собою, кромѣ слѣда собственной личности, не оставляютъ за собою дѣла. Они не любятъ и не вѣрятъ; что же они могутъ найдти? Даже въ химіи (не говоря уже объ органической природѣ), для того, чтобы явилось третье вещество, надобно соединеніе двухъ; а Гамлеты все только собою заняты; они одиноки, а потому безплодны.

Но возразятъ намъ: „Офелія?—Развѣ Гамлетъ ее не любитъ?“

Поговоримъ о ней—и, кстати о Дульцинеѣ.

Въ отношеніяхъ нашихъ двухъ типовъ къ женщинѣ есть также много знаменательнаго.

Донъ-Кихотъ любитъ Дульцинею, не существующую женщину, и готовъ умереть за нее (вспомните его слова, когда побѣжденный, поверженный въ прахъ, онъ говоритъ своему побѣдителю, уже занесшему на него копье: „колите меня, рыцарь, но да не послужитъ моя слабость „къ уменьшенію славы Дульцинеи; я все таки утверждаю, „что она совершеннѣйшая красавица въ мірѣ“). Онъ любитъ идеально, чисто, дотого идеально, что даже не подозрѣваетъ, что предметъ его страсти вовсе не существуетъ; дотого чисто, что когда Дульцинея является передъ нимъ въ образѣ грубой и грязной мужички, онъ не вѣритъ свидѣтельству глазъ своихъ, и считаетъ ее превращенной

злымъ волшебникомъ. Мы сами на своемъ вѣку, въ нашихъ странствованіяхъ,—видали людей, умирающихъ за столь же мало существующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нѣчто, въ которомъ они видѣли осуществленіе своего идеала, и превращеніе котораго они такъ же приписывали вліянію злыхъ,—мы чуть-было не сказали: волшебниковъ—злыхъ случайностей и личностей. Мы видѣли ихъ, и когда переведутся такіе люди, пускай закроется навсегда книга исторіи: въ ней нечего будетъ читать. Чувственности и слѣда нѣтъ у Донъ-Кихота; всѣ мечты его стыдливы и безгрѣшны, и едва ли въ тайной глубинѣ своего сердца надѣется онъ на конечное соединеніе съ Дульцинеей, едва ли не страшится онъ даже этого соединенія!

А Гамлетъ, неужели онъ любитъ? Неужели самъ иронической его творецъ, глубочайшій знатокъ человѣческаго сердца, рѣшился дать эгоисту, скептику, проникнутому всѣмъ разлагающимъ ядомъ анализа—любящее, преданное сердце? Шекспиръ не зналъ въ это противорѣчіе, и внимательному читателю не стоитъ большого труда, что-бы убѣдиться въ томъ, что Гамлетъ—человѣкъ чувственный и даже втайнѣ сластолюбивый—(придворный Розенкранцъ не даромъ улыбается молча, когда Гамлетъ говоритъ при немъ, что ему женщины надоѣли), что Гамлетъ, говоримъ мы, не любитъ, но только притворяется, и то небрежно,—что любитъ. Мы имѣемъ на то свидѣтельство самого Шекспира.

Въ первой сценѣ третьяго дѣйствія Гамлетъ говоритъ Офеліи:

„Я любилъ тебя когда-то!

Офелія.

„Принцъ, вы заставили меня этому вѣрить.

Гамлетъ.

„А не должно было вѣрить!... *Я не любилъ тебя*“.

И сказавши это послѣднее слово, Гамлетъ гораздо ближе къ правдѣ, чѣмъ самъ полагаетъ. Чувства его къ Офеліи, существу невинному и ясному до святости, либо цинична (вспомните его слова, его двусмысленные намеки, когда онъ, въ сценѣ представленія на театрѣ, проситъ у ней позволенія полежать.... у ея колѣнъ), либо фразисты (обратите ваше вниманіе на сцену между нимъ и Лаэртомъ, когда онъ впрыгиваетъ въ могилу Офеліи и говоритъ языкомъ, достойнымъ Брамарбаса или капитана Пистоля: „сорокъ тысячъ братьевъ не могутъ со мной поспорить! пусть на насъ навалятъ милліонъ холмовъ!“ и т. д. (Всѣ его отношенія къ Офеліи опять-таки для него не что иное, какъ занятіе самимъ собою, и въ восклицаніи его: „о, нимфа! помяни меня въ своихъ святыхъ молитвахъ“, мы видимъ одно лишь глубокое сознаніе собственнаго, болѣзненнаго безсилія — безсилія полюбить, — почти сувѣрно преклоняющагося передъ „святыней чистоты“.

Но довольно говорить о темныхъ сторонахъ Гамлетовскаго типа, о тѣхъ сторонахъ, которыя именно потому насъ болѣе раздражаютъ, что онѣ намъ ближе и понятнѣе. Постараемся оцѣнить то, что въ немъ законно и потому вѣчно. Въ немъ воплощено начало отрицанія, то самое начало, которое другой великій поэтъ, отдѣливъ его отъ всего чисто-человѣческаго, представилъ намъ въ образѣ Мефистофеля. Гамлетъ—тотъ же Мефистофель, но Мефистофель, заключенный въ живой кругъ человѣческой природы; оттого его отрицаніе не есть зло—оно само направлено противу зла. Отрицаніе Гамлета сомнѣвается въ добрѣ, но во злѣ оно не сомнѣвается и вступаетъ съ нимъ въ ожесточенный бой. Въ добрѣ оно сомнѣвается, то-есть, оно заподозрѣваетъ его истину и искренность и нападаетъ на него, не какъ на добро, а какъ на поддѣльное добро, подъ личиной котораго опять-таки скрываются зло и ложь, его исконные враги; Гамлетъ не хохочетъ демонски-безучаст-

нымъ хохотомъ Мефистофеля; въ самой его горькой улыбкѣ есть унылость, которая говоритъ о его страданіяхъ и потому примиряетъ съ нимъ. Скептицизмъ Гамлета не есть также индифферентизмъ, и въ этомъ состоитъ его значеніе и достоинство; добро и зло, истина и ложь, красота и безобразіе не сливаются передъ нимъ въ одно случайное, нѣмое, тупое нѣчто. Скептицизмъ Гамлета, не вѣря въ современное, такъ-сказать, осуществленіе истины, непримиримо враждуетъ съ ложью и тѣмъ самымъ становится однимъ изъ главныхъ поборниковъ той истины, въ которую не можетъ вполнѣ повѣрить. Но въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила—и какъ удержать эту силу въ границахъ, какъ указать ей, гдѣ ей именно остановиться, когда то, что она должна истребить и то, что ей слѣдуетъ пощадить, часто слито и связано неразрывно? Вотъ гдѣ является намъ столь часто замѣченная трагическая сторона человѣческой жизни: для дѣла нужна мысль; но мысль и воля разъединились и съ каждымъ днемъ разъединяются болѣе....

> And thus the native hue of resolution
> Is sicklied o'er by the pale cast of thought ...
> (Прирожденный румянецъ воли
> Блекнетъ и болѣетъ, покрываясь блѣдностью мысли....)

говоритъ намъ Шекспиръ устами Гамлета.... И вотъ, съ одной стороны стоятъ Гамлеты мыслящіе, сознательные, часто всеобъемлющіе, но также часто безполезные и осужденные на неподвижность; а съ другой—полу-безумные Донъ-Кихоты, которые потому только и приносятъ пользу и подвигаютъ людей, что видятъ и знаютъ одну лишь точку, часто даже не существующую въ томъ образѣ, какою они ее видятъ. Невольно рождаются вопросы: неужели же надо быть сумасшедшимъ, чтобы вѣрить въ истину? и неужели же умъ, овладѣвшій собою, по тому самому лишается всей своей силы?

Далеко бы повело насъ даже поверхностное обсужденіе этихъ вопросовъ.

Ограничимся замѣчаніемъ, что въ этомъ разъединеніи, въ этомъ дуализмѣ, о которомъ мы упомянули, мы должны признать коренной законъ всей человѣческой жизни; вся эта жизнь есть не что иное, какъ вѣчное примиреніе и вѣчная борьба двухъ непрестанно разъединенныхъ и непрестанно сливающихся началъ. Если бы мы не боялись испугать ваши уши философическими терминами, мы бы рѣшились сказать, что Гамлеты суть выраженіе коренной центростремительной силы природы, по которой все живущее считаетъ себя центромъ творенія и на все остальное взираетъ какъ на существующее только для него (такъ комаръ, сѣвшій на лобъ Александра Македонскаго, съ спокойной увѣренностью въ своемъ правѣ, питался его кровью, какъ слѣдующей ему пищей; такъ точно и Гамлетъ, хотя и презираетъ себя, чего комаръ не дѣлаетъ, ибо онъ до этого не возвысился, такъ точно и Гамлетъ, говоримъ мы, постоянно все относитъ къ самому себѣ). Безъ этой центростремительной силы (силы эгоизма) природа существовать бы не могла, точно такъ же какъ и безъ другой, центробѣжной силы, по закону которой все существующее существуетъ только для другого; (эту силу, этотъ принципъ преданности и жертвы, освѣщенный, какъ мы уже сказали, комическимъ свѣтомъ—чтобы гусей не раздразнить—этотъ принципъ представляютъ собою Донъ-Кихоты). Эти двѣ силы косности и движенія, консерватизма и прогресса, суть основныя силы всего существующаго. Онѣ объясняютъ намъ растеніе цвѣтка, и онѣ же даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію развитія могущественнѣйшихъ народовъ.

Спѣшимъ перейти отъ этихъ, быть можетъ, неумѣстныхъ умозрѣній, къ другимъ, болѣе привычнымъ намъ соображеніямъ.

Намъ извѣстно, что изъ всѣхъ произведеній Шекспира, едва ли не самое популярное—Гамлетъ. Эта трагедія принадлежитъ къ числу пьесъ, несомнѣнно и всякій разъ наполняющихъ театръ. При современномъ состояніи нашей публики, при ея стремленіи къ самосознанію и размышленію, при ея сомнѣніи въ самой себѣ и ея молодости—это явленіе понятно; но, не говоря о красотахъ, которыми преисполнено это, быть можетъ, замѣчательнѣйшее произведеніе новѣйшаго духа, нельзя не удивляться генію, который, будучи самъ во многомъ сродни своему Гамлету, отдѣлилъ его отъ себя свободнымъ движеніемъ творческой силы—и поставилъ его образъ на вѣчное изученіе потомству. Духъ, создавшій этотъ образъ, есть духъ сѣвернаго человѣка, духъ рефлексіи и анализа, духъ тяжелый, мрачный, лишенный гармоніи и свѣтлыхъ красотъ, не закругленный въ изящныя, часто мелкія формы, но глубокій, сильный, разнообразный, самостоятельный, руководящій. Изъ самыхъ нѣдръ своихъ извлекъ онъ тинь Гамлета и тѣмъ самымъ показалъ, что и въ области поэзіи, какъ и въ другихъ областяхъ народной жизни, онъ стоитъ выше своего чада, потому что вполнѣ понимаетъ его.

Духъ южнаго человѣка очочилъ на созданіи Донъ-Кихота, духъ свѣтлый, веселый, наивный, воспріимчивый, не идущій въ глубину жизни, не обнимающій, но отражающій всѣ ея явленія. Мы не можемъ здѣсь противиться желанію,—не провести параллель между Шекспиромъ и Сервантесомъ,—а только указать на нѣкоторыя точки различія и сходства между ними. Шекспиръ и Сервантесъ, подумаютъ иные,—какое же тутъ можетъ быть сравненіе? Шекспиръ—этотъ гигантъ, полубогъ.... Да; но не нигмемъ является Сервантесъ передъ гигантомъ, сотворившимъ „Короля Лира“, но человѣкомъ, и человѣкомъ вполнѣ; а человѣкъ имѣетъ право стоять на своихъ ногахъ даже передъ полубогомъ. Безспорно, Шекспиръ подавляетъ Сер-

вантеса—и не его одного— богатствомъ и мощью своей фантазіи, блескомъ высочайшей поэзіи, глубиной и обширностью громаднаго ума; но вы не найдете въ романѣ Сервантеса ни натянутыхъ острот, ни неестественныхъ сравненій, ни притворныхъ кончетти; вы также не встрѣтите на его страницахъ этихъ отрубленныхъ головъ, вырванныхъ глазъ, всѣхъ этихъ потоковъ крови, этой желѣзной и тупой жестокости, грознаго наслѣдія среднихъ вѣковъ, варварства, медленнѣе исчезающаго въ сѣверныхъ, упорныхъ натурахъ; а между тѣмъ Сервантесъ, какъ и Шекспиръ, былъ современникъ Варооломеевской ночи; и еще долго послѣ нихъ сожигались еретики и кровь лилась; да и перестанетъ ли она когда-нибудь литься? Средніе вѣка сказались въ „Донъ-Кихотѣ“ отблескомъ провансальской поэзіи, сказочной граціей тѣхъ самыхъ романовъ, надъ которыми Сервантесъ такъ добродушно посмѣялся, и которымъ самъ же заплатилъ послѣднюю дань въ „Персилесѣ и Сигизмундѣ“ *). Шекспиръ беретъ свои образы отвсюду—съ неба, съ земли—нѣтъ ему запрету; ничто не можетъ избѣгнуть его всепроникающаго взора; онъ исторгаетъ ихъ съ неотразимой силой, съ силой орла, падающаго на свою добычу. Сервантесъ ласково выводитъ передъ читателемъ свои немногочисленные образы, какъ отецъ своихъ дѣтей; онъ беретъ только то, что близко ему, но это близкое—такъ ему знакомо! Все человѣческое кажется подвластнымъ могучему генію англійскаго поэта; Сервантесъ черпаетъ свое богатство изъ одной своей души, ясной, кроткой, богатой жизненнымъ опытомъ, но не ожесточенной имъ: не даромъ въ теченіе семилѣтняго тяжкаго плѣна Сервантесъ учился, какъ онъ самъ говорилъ, наукѣ терпѣнья; кругъ, ему подвластный, тѣснѣе Шекспиров-

*) Извѣстно, что рыцарскій романъ „Персилесъ и Сигизмунда“ явился *послѣ* первой части „Донъ-Кихота“.

скаго; но въ немъ, какъ и въ каждомъ отдѣльномъ живомъ существѣ, отражается все человѣческое. Сервантесъ не озаритъ васъ молніеноснымъ словомъ; онъ не потрясетъ васъ титанической силой побѣдоноснаго вдохновенія; его поэзія — не Шекспировское, иногда мутное море; это— глубокая рѣка, спокойно текущая между разнообразными берегами; и понемногу увлеченный, охваченный со всѣхъ сторонъ ея прозрачными волнами, читатель радостно отдается истинно-эпической тишинѣ и плавности ея теченія. Воображеніе охотно вызываетъ передъ собою образы своихъ современниковъ-поэтовъ, которые и умерли въ одинъ и тотъ же день, 26 апрѣля 1616 года. Сервантесъ, вѣроятно, ничего не зналъ о Шекспирѣ; но великій трагикъ, въ тишинѣ своего Стратфордскаго дома, куда онъ удалился за три года до смерти, могъ прочесть знаменитый романъ, который былъ уже тогда переведенъ на англійскій языкъ.... Картина, достойная кисти живописца-мыслителя: Шекспиръ, читающій Донъ-Кихота! Счастливы страны, среди которыхъ возникаютъ такіе люди, учители современниковъ и потомковъ! Неувядаемый лавръ, которымъ увѣнчивается великій человѣкъ, ложится также на чело его народа.

Кончая нашъ далеко неполный этюдъ, мы просимъ позволенія сообщить вамъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній.

Одинъ англійскій лордъ (хорошій судья въ этомъ дѣлѣ) называлъ при насъ Донъ-Кихота образцомъ настоящаго джентльмена. Дѣйствительно, если простота и спокойствіе обращенія служатъ отличительнымъ признакомъ такъ-называемаго порядочнаго человѣка, Донъ-Кихотъ имѣетъ полное право на это названіе. Онъ истинный гидальго, гидальго даже тогда, когда насмѣшливыя служанки герцога намыливаютъ ему все лицо. Простота его манеръ происходитъ отъ отсутствія того, что мы бы рѣ-

шлись назвать его самолюбіемъ, а не *самомнѣніемъ*; Донъ-Кихотъ не занятъ собою и, уважая себя и другихъ,—не думаетъ рисоваться; а Гамлетъ, при всей своей изящной обстановкѣ, намъ кажется, извините за французское выраженіе: ayant des airs de parvenu; онъ тревоженъ, иногда даже грубъ, позируетъ и глумится. За то ему дана сила своеобразнаго и мѣткаго выраженія, сила, свойственная всякой размышляющей и разрабатывающей себя личности—и потому вовсе недоступная Донъ-Кихоту. Глубина и тонкость анализа въ Гамлетѣ, его многосторонняя образованность (не должно забывать, что онъ учился въ виттенбергскомъ университетѣ) развили въ немъ вкусъ почти непогрѣшительный. Онъ превосходный критикъ; совѣты его актерамъ поразительно вѣрны и умны; чувство изящнаго почти такъ же сильно въ немъ, какъ чувство долга въ Донъ-Кихотѣ.

Донъ-Кихотъ глубоко уважаетъ всѣ существующія установленія, религію, монарховъ, и герцоговъ, и въ то же время свободенъ и признаетъ свободу другихъ. Гамлетъ бранитъ королей, придворныхъ,—и, въ сущности, притѣснителенъ и нетерпимъ.

Донъ-Кихотъ едва знаетъ грамотѣ; Гамлетъ, вѣроятно, ведетъ дневникъ. Донъ-Кихотъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, имѣетъ опредѣленный образъ мыслей о государственныхъ дѣлахъ, объ администраціи; Гамлету некогда, да и незачѣмъ этимъ заниматься.

Много возставали противъ безконечныхъ побоевъ, которыми Сервантесъ обременяетъ Донъ-Кихота. Мы замѣтили выше, что, во 2-й части романа, бѣднаго рыцаря уже почти не бьютъ; но мы прибавимъ, что безъ этихъ побоевъ онъ бы меньше нравился дѣтямъ, которые съ такою жадностію читаютъ его похожденія,—да и намъ, взрослымъ, онъ бы показался не въ своемъ истинномъ свѣтѣ, но какъ-то холодно и надменно, что противорѣчило бы его харак-

теру. Мы сейчасъ сказали, что во второй части уже не бьютъ его; но въ самомъ ея концѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Донъ-Кихота рыцаремъ *свѣтлаго мѣсяца*, переодѣтымъ баккалавромъ, послѣ его отреченія отъ рыцарства, незадолго до его смерти—стадо свиней топчетъ его ногами. Намъ однажды довелось слышать укоры Сервантесу — зачѣмъ онъ это написалъ, какъ бы повторяя старыя, уже брошенныя шутки; но и тутъ Сервантесомъ руководилъ инстинктъ генія — и въ самомъ этомъ безобразномъ приключеніи лежитъ глубокій смыслъ. Попраніе свиными ногами встрѣчается всегда въ жизни Донъ-Кихотовъ — именно передъ ея концомъ; эта послѣдняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманію.... Это пощечина фарисея.... Потомъ они могутъ умереть. Они прошли черезъ весь огонь горнила,—завоевали себѣ безсмертіе—и оно открывается передъ ними.

Гамлетъ при случаѣ коваренъ и даже жестокъ. Вспомните устроенную имъ погибель двухъ посланныхъ въ Англію отъ короля придворныхъ, вспомните его рѣчь объ убитомъ имъ Полоніи. Впрочемъ, мы въ этомъ видимъ, какъ мы уже сказали, отраженіе еще недавно минувшихъ среднихъ вѣковъ. Съ другой стороны, мы въ честномъ, правдивомъ Донъ-Кихотѣ обязаны подмѣтить склонность къ полусознательному, полуневинному обману, къ самообольщенію—склонность, почти всегда присущую фантазіи энтузіаста. Разсказъ его о томъ, что онъ видѣлъ въ пещерѣ Монтезиноса, явно имъ выдуманъ и не обманулъ хитраго простака Санчо-Пансу.

Гамлетъ — отъ малѣйшей неудачи падаетъ духомъ и жалуется; а Донъ-Кихотъ, исколоченный галернымъ преступниками до невозможности пошевельнуться, ни мало не сомнѣвается въ успѣхѣ своего предпріятія. Такъ, говорятъ, Фурье ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, хо-

дилъ на свиданіе съ англичаниномъ, котораго онъ вызывалъ въ газетахъ для снабженія ему милліона франковъ на приведеніе въ исполненіе его плановъ, — и который, разумѣется, никогда не явился. Это, безспорно, очень смѣшно; но вотъ что намъ приходитъ въ голову: древніе называли своихъ боговъ завистливыми — и въ случаѣ нужды считали полезнымъ укрощать ихъ добровольными жертвами (вспомните кольцо, брошенное въ море Поликратомъ); почему и намъ не думать, что нѣкоторая доля смѣшного неминуемо должна примѣшиваться къ поступкамъ, къ самому характеру людей, призванныхъ на великое новое дѣло, какъ дань, какъ успокоительная жертва завистливымъ богамъ? А все-таки, безъ этихъ смѣшныхъ чудаковъ-изобрѣтателей, не подвигалось бы впередъ человѣчество—и не надъ чѣмъ было бы размышлять Гамлетамъ.

Да, повторяемъ: Донъ-Кихоты находятъ,—Гамлеты разрабатываютъ. Но какъ же, спросятъ насъ, могутъ Гамлеты что-нибудь разрабатывать, когда они во всемъ сомнѣваются и ничему не вѣрятъ! На это мы возразимъ, что, по мудрому распоряженію природы, полныхъ Гамлетовъ, точно такъ же какъ и полныхъ Донъ-Кихотовъ, нѣтъ: это только крайнія выраженія двухъ направленій, вѣхи, выставленныя поэтами на двухъ различныхъ путяхъ. Къ нимъ стремится жизнь, никогда ихъ не достигая. Не должно забывать, что какъ принципъ анализа доведенъ въ Гамлетѣ до трагизма, такъ принципъ энтузіазма въ Донъ-Кихотѣ—до комизма, а въ жизни вполнѣ комическое и вполнѣ трагическое встрѣчается рѣдко.

Гамлетъ много выигрываетъ въ нашихъ глазахъ отъ привязанности къ нему Горація. Это лицо прелестно и попадается довольно часто въ наше время, къ чести нашего времени. Въ Гораціи мы признаемъ тинъ послѣдователя, ученика въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Съ ха-

рактеромъ стоическимъ и прямымъ, съ горячимъ сердцемъ, съ нѣсколько ограниченнымъ умомъ, онъ чувствуетъ свой недостатокъ и скромень, что рѣдко бываетъ съ ограниченными людьми; онъ жаждетъ поученія, наставленія, и потому благоговѣетъ передъ умнымъ Гамлетомъ и предается ему всей силой своей честной души, не требуя даже взаимности. Онъ подчиняется ему, не какъ принцу, а какъ главѣ. Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Гамлетовъ состоитъ въ томъ, что они образуютъ и развиваютъ людей, подобныхъ Горацію, людей, которые, принявъ отъ нихъ сѣмена мысли, онлодотворяютъ ихъ въ своемъ сердцѣ и разносятъ ихъ потомъ по всему міру. Слова, которыми Гамлетъ признаетъ значеніе Горація, дѣлаютъ честь ему самому. Въ нихъ выражаются собственныя его понятія о высокомъ достоинствѣ человѣка, его благородныя стремленія, которыхъ никакой скептицизмъ ослабить не въ силахъ. „Послушай, — говоритъ онъ ему:

Съ той поры, какъ это сердце
Властителемъ своихъ избраній стало
И научилось различать людей,
Оно тебя избрало передъ всѣми.
Страдая, ты, казалось, не страдалъ,
Ты бралъ удары—и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое.
И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не сдѣлала рабомъ—и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ
Какъ я тебя укрылъ *).

Честный скептикъ всегда уважаетъ стоика. Когда распадался древній міръ—и въ каждую эпоху, подобную той

*) Гамлетъ—переводъ А. Кронеберга. Харьковъ, 1844.—Стр. 107.

эпохѣ — лучшіе люди спасались въ стоицизмъ, какъ въ единственное убѣжище, гдѣ еще могло сохраниться человѣческое достоинство. Скептики, если не имѣли силы умереть—„отправиться въ ту страну, откуда ни одинъ еще путникъ не возвращался“,—дѣлались эпикурейцами. Явленіе понятное, печальное и слишкомъ знакомое намъ.

И Гамлетъ, и Донъ-Кихотъ умираютъ трогательно; но какъ различна кончина обоихъ! Прекрасны послѣднія слова Гамлета. Онъ смиряется, утихаетъ, приказываетъ Горацію жить, подастъ свой предсмертный голосъ въ пользу молодого Фортинбраса, ничѣмъ не занятнаго представителя права наслѣдства.... но взоръ Гамлета не обращается впередъ.... „Остальное.... молчаніе“, говоритъ умирающій скептикъ—и дѣйствительно умолкаетъ на вѣки. Смерть Донъ-Кихота навѣваетъ на душу несказанное умиленіе. Въ это мгновеніе все великое значеніе этого лица становится доступнымъ каждому. Когда бывшій его оруженосецъ, желая его утѣшить, говоритъ ему, что они скоро снова отправятся на рыцарскія похожденія: „Нѣтъ, отвѣчаетъ умирающій—все это навсегда прошло, и я прошу у всѣхъ прощенія; я уже не Донъ-Кихотъ, я снова Алонзо добрый, какъ меня нѣкогда называли,—Alonso el Bueno“.

Это слово удивительно; упоминовеніе этого прозвища, въ первый и послѣдній разъ—потрясаетъ читателя. Да, одно это слово имѣетъ еще значеніе передъ лицомъ смерти. Все пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется прахомъ....

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ....

—но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ; онѣ долговѣчнѣе самой сіяющей красоты; „все минется, сказалъ апостолъ, одна любовь останется“.

Намъ нечего прибавлять послѣ этихъ словъ. Мы почтемъ себя счастливыми, если указаніемъ на тѣ два коренныя направленія человѣческаго духа, о которыхъ мы говорили передъ вами, мы возбудили въ васъ нѣкоторыя мысли, быть можетъ, даже не согласныя съ нашими,—если мы, хотя приблизительно, исполнили нашу задачу и не утомили вашего благосклоннаго вниманія.

1860 г.

XIII.—А. С. Пушкинъ.

Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности, по поводу открытія памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ.

Мм. гг. Сооруженіе памятника Пушкину, въ которомъ участвовала, которому сочувствуетъ вся образованная Россія, и на празднованіе котораго собралось такъ много нашихъ лучшихъ людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства — это сооруженіе представляется намъ данью признательной любви общества къ одному изъ самыхъ достойныхъ его членовъ. Постараемся въ немногихъ чертахъ опредѣлить смыслъ и значеніе этой любви.

Пушкинъ былъ первымъ русскимъ художникомъ-поэтомъ. Художество, принимая это слово въ томъ обширномъ смыслѣ, который включаетъ въ его область и поэзію, —художество, какъ воспроизведеніе, воплощеніе идеаловъ, лежащихъ въ основахъ народной жизни и опредѣляющихъ его духовную и нравственную физіономію,—составляетъ одно изъ коренныхъ свойствъ человѣка. Уже предчувствуемое и указанное въ самой природѣ, художество—искусство—является, правда, тоже какъ подража-

ніе, но уже одухотвореннoе, въ самой ранней порѣ народнаго существованія, какъ нѣчто отличительно-человѣческое. Дикарь каменнаго періода, начертавшій концемъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже переставъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческой силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно-полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи—онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи; онъ получаетъ свой духовный обликъ и свой голосъ—онъ вступаетъ въ братство съ другими, признавшими его народами. Не даромъ же Грецію называется родиной Гомера, Германія — Гёте, Англія — Шекспира. Мы не думаемъ отрицать важность другихъ проявленій народной жизни—въ сферѣ религіозной, государственной и др.; но ту особенность, на которую мы сейчасъ указывали—даетъ народу его искусство, его поэзія. И этому нечего удивляться: искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества даже больше чѣмъ наука, именно потому, что оно—звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа не умирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа. Что̀ намъ осталось отъ Греціи? Ея душа осталась намъ! Религіозныя формы, а за ними научныя, также переживаютъ народы, въ которыхъ онѣ проявились, но въ силу того, что̀ въ нихъ есть общаго, вѣчнаго; поэзія, искусство—въ силу того, что̀ есть въ нихъ личнаго, живого.

Пушкинъ, повторяемъ, былъ нашимъ первымъ поэтомъ-художникомъ. Въ поэтѣ, какъ въ полномъ выразителѣ народной сути, сливаются два основныхъ ея начала: начало *воспріимчивости* и начало *самодѣятельности*, женское и

мужское начало,—осмѣлились мы бы прибавить. У насъ же, русскихъ, поздиѣе другихъ вступившихъ въ кругъ европейской семьи, оба эти начала получаютъ особую окраску; воспріимчивость у насъ является двойственною: и на собственную жизнь, и на жизнь другихъ западныхъ народовъ со всѣми ея богатствами—и подъ-часъ горькими для насъ плодами; а самодѣятельность наша получаетъ тоже какую-то особенную, неравномѣрную, порывистую, иногда за то геніальную силу: ей приходится бороться и съ чуждымъ усложненіемъ, и съ собственными противорѣчіями. Вспомните, мм. гг., Петра Великаго, натура котораго какъ-то родственна натурѣ самаго Пушкина. Не даромъ же онъ питалъ къ нему особенное чувство любовнаго благоговѣнія! Эта двойственная воспріимчивость, о которой мы сейчасъ говорили, знаменательно отразилась въ жизни нашего поэта: сперва рожденіе въ старо-дворянскомъ барскомъ домѣ, потомъ иноземческое воспитаніе въ лицеѣ, вліяніе тогдашняго общества, проникнутаго извнѣ занесенными принципами: Вольтеръ, Байронъ и великая народная война 12-го года; а тамъ—удаленіе въ глубь Россіи, погруженіе въ народную жизнь, въ народную рѣчь, и знаменитая старушка-няня съ ея эпическими разсказами. Что же касается до самодѣятельности, то она въ Пушкинѣ возбудилась рано, и быстро утративъ свой инстинктивный, неопредѣленный характеръ, превратилась въ свободное творчество. Ему и 18-ти лѣтъ не было, когда Батюшковъ, прочитавъ его элегію: „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“, воскликнулъ: „Злодѣй! какъ онъ началъ писать!“ Батюшковъ былъ правъ: *такъ* еще никто не писалъ на Руси. Быть можетъ, воскликнувъ:—„злодѣй!“ Батюшковъ смутно предчувствовалъ, что иные его стихи и обороты будутъ называться Пушкинскими, хотя и явились раньше Пушкинскихъ. „Le génie prend son bien partout où il le trouve“, гласитъ французская поговорка. Независимый геній

Пушкина скоро—если не считать немногихъ и незначительныхъ уклоненій—освободился и отъ подражанія европейскимъ образцамъ, и отъ соблазна поддѣлки подъ народный топъ. Поддѣлываться подъ народный тонъ, вообще подъ народность — такъ-же неумѣстно и безплодно, какъ и подчиняться чуждымъ авторитетамъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ: съ одной стороны—сказки Пушкина, съ другой—Руслань и Людмила, самыя слабыя, какъ извѣстно, изо всѣхъ его произведеній. Съ неумѣстностію подражанія чужимъ авторитетамъ согласятся, конечно, всѣ; но, быть можетъ, возразятъ иные: если поэтъ въ своихъ трудахъ не будетъ постоянно имѣть въ виду, имѣть цѣлью родной народъ, онъ никогда не станетъ его поэтомъ: народъ, простой народъ его читать не будетъ. Но, мм. гг., какой же великій поэтъ читается тѣми, кого мы называемъ простымъ народомъ? Нѣмецкій простой народъ не читаетъ Гёте, французскій—Мольера, даже англійскій не читаетъ Шекспира. Ихъ читаетъ—ихъ нація. Всякое искусство есть возведеніе жизни въ идеалъ: стоящіе на почвѣ обычной, ежедневной жизни, остаются ниже того уровня. Это вершина, къ которой надо приблизиться. И все-таки Гёте, Мольеръ и Шекспиръ—народные поэты въ истинномъ значеніи слова, т.-е. національные. Позволимъ себѣ сравненіе: Бетховенъ, напр., или Моцартъ, несомнѣнно національные, нѣмецкіе композиторы, и музыка ихъ по преимуществу нѣмецкая музыка; между тѣмъ, ни въ одномъ изъ ихъ произведеній вы не найдете слѣда не только заимствованій у простонародной музыки, но даже сходства съ нею, именно потому, что эта народная, еще стихійная музыка перешла къ нимъ въ плоть и кровь, оживотворила ихъ и потонула въ нихъ такъ же, какъ и самая теорія ихъ искусства,—такъ же, какъ исчезаютъ, напр., правила грамматики въ живомъ творчествѣ писателя. Въ иныхъ, еще болѣе отдаленныхъ отъ той еже-

дневной почвы, болѣе въ себѣ замкнутыхъ отраслях искусства, самое названіе: „народный“ — немыслимо. Есть національные живописцы: Рафаэль, Рембрандтъ; народныхъ живописцевъ нѣтъ. Замѣтимъ, кстати, что выставлять лозунгъ народности въ художествѣ, поэзіи, литературѣ, свойственно только племенамъ слабымъ, еще не созрѣвшимъ или же находящимся въ порабощенномъ, угнетенномъ состояніи. Поэзія ихъ должна служить другимъ, конечно, важнѣйшимъ цѣлямъ—сбереженію самаго ихъ существованія. Слава Богу, Россія не находится въ подобныхъ условіяхъ; она не слаба и не порабощена другому племени. Ей нечего дрожать за себя и ревниво сберегать свою самостоятельность; въ сознаніи своей силы, она даже любитъ тѣхъ, кто указываетъ ей на ея недостатки.

Возвратимся къ Пушкину. Вопросъ: можетъ ли онъ называться поэтомъ національнымъ, въ смыслѣ Шекспира, Гёте и др., мы оставимъ пока открытымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ создалъ нашъ поэтическій, нашъ литературный языкъ, и что намъ и нашимъ потомкамъ остается только идти по пути, проложенному его геніемъ. Изъ выше сказанныхъ нами словъ вы уже могли убѣдиться, что мы не въ состояніи раздѣлять мнѣнія тѣхъ, конечно добросовѣстныхъ, людей, которые утверждаютъ, что настоящаго русскаго литературнаго языка вовсе не существуетъ; что намъ его дастъ одинъ простой народъ, вмѣстѣ съ другими спасительными учрежденіями. Мы, напротивъ, находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ, и Пушкинъ самъ былъ великолѣпный русскій художникъ.

Именно: русскій! Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа.

Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка—эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній—всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей, поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ. Сужденія такихъ иноземцевъ бываютъ драгоцѣнны: ихъ не подкупаетъ патріотическое увлеченіе. „Ваша поэзія“, сказалъ намъ однажды Меримэ, извѣстный французскій писатель и поклонникъ Пушкина, котораго онъ, не обинуясь, называлъ величайшимъ поэтомъ своей эпохи, чуть ли не въ присутствіи самого Виктора Гюго: „ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота потомъ является сама собою; наши поэты, напротивъ идутъ совсѣмъ противоположной дорогой: они хлопочутъ прежде всего объ эффектѣ, остроуміи, блескѣ, и если ко всему этому имъ предстанетъ возможность не оскорблять правдоподобія, такъ они и это, пожалуй, возьмутъ въ придачу“.... „У Пушкина, прибавлялъ онъ, поэзія чуднымъ образомъ расцвѣтаетъ какъ бы сама собою изъ самой трезвой прозы“. Тотъ же Меримэ постоянно примѣнялъ къ Пушкину извѣстное изреченіе: „Proprie communia dicere“, признавая это умѣнье самобытно говорить общеизвѣстное—за самую сущность поэзіи, той поэзіи, въ которой примиряются идеальное и реальность. Онъ также сравнивалъ Пушкина съ древними греками, по равномѣрности формы и содержанія образа и предмета, по отсутствію всякихъ толкованій и моральныхъ выводовъ. Помнится, прочтя однажды „Анчаръ“, онъ послѣ конечнаго четверостишія замѣтилъ: всякій новѣйшій поэтъ не удержался бы тутъ отъ комментаріевъ“. Меримэ также восхищался способностію Пушкина вступать немедленно in medias res, брать „быка за рога“, какъ говорятъ фран-

цузы, и указывалъ на его „Д.-Жуана“, какъ на примѣръ такого мастерства.

Да, Пушкинъ былъ центральный художникъ, человѣкъ близко стоящій къ самому средоточію русской жизни. Этому его свойству должно приписать и ту мощную силу самобытнаго присвоенія чужихъ формъ, которую сами иностранцы признаютъ за нами, правда, подъ нѣсколько пренебрежительнымъ именемъ способности къ „ассимиляціи“. Это свойство дало ему возможность создать, напр., монологъ „Скупого рыцаря“, подъ которымъ съ гордостью подписался бы Шекспиръ. Поразительна также въ поэтическомъ темпераментѣ Пушкина эта особенная смѣсь страстности и спокойствія, или, говоря точнѣе, эта объективность его дарованія, въ которомъ субъективность его личности сказывается лишь однимъ внутреннимъ жаромъ и огнемъ.

Все такъ.... Но можемъ ли мы по праву назвать Пушкина національнымъ поэтомъ, въ смыслѣ всемірнаго (эти два выраженія часто совпадаютъ), какъ мы называемъ Шекспира, Гёте, Гомера?

Пушкинъ не могъ всего сдѣлать. Не слѣдуетъ забывать, что ему одному пришлось исполнить двѣ работы, въ другихъ странахъ раздѣленныя цѣлымъ столѣтіемъ и болѣе, а именно: установить языкъ и создать литературу. Къ тому же, надъ нимъ тоже отяготѣла та жестокая судьба, которая съ такой, почти злорадной, настойчивостью преслѣдуетъ нашихъ избранниковъ. Ему и 37-ми лѣтъ не минуло, когда она его вырвала отъ насъ. Безъ глубокой грусти, безъ какого-то тайнаго, хоть и безпредметнаго негодованія, нельзя читать слова, начертанныя имъ въ одномъ его письмѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: „Моя душа расширилась: я чувствую, что я могу творить“. Творить! А уже отливалась та глухая пуля, которая должна была положить конецъ его расцвѣтающему творчеству! Быть мо-

жесть, уже отливалась тогда и та, другая пуля, которая предназначалась на убійство другого поэта, Пушкинскаго наслѣдника, начавшаго свое поприще съ извѣстнаго, негодующаго стихотворенія, внушеннаго ему гибелью его учителя.... Но не будемъ останавливаться на этихъ трагическихъ случайностяхъ, тѣмъ болѣе трагическихъ, что онѣ случайны. Изъ этой тьмы возвратимся къ свѣту; возвратимся къ поэзіи Пушкина.

Здѣсь не мѣсто и не время указывать на отдѣльныя его произведенія: другіе это сдѣлаютъ лучше насъ. Ограничимся замѣчаніемъ, что Пушкинъ въ своихъ созданіяхъ оставилъ намъ множество образцовъ, типовъ (еще одинъ несомнѣнный признакъ геніальнаго дарованія!),—типовъ того, что̀ совершилось потомъ въ нашей словесности. Вспомните хоть сцену корчмы изъ „Бориса Годунова“, „Лѣтопись села Горохина“ и т. д. А такіе образы, какъ Нименъ, какъ главныя фигуры „Капитанской дочки“, не служатъ ли онѣ доказательствомъ, что и прошедшее жило въ немъ такою же жизнью, какъ и настоящее, какъ и предсознанное имъ будущее?

А между тѣмъ, и Пушкинъ не избѣгъ общей участи художниковъ-поэтовъ, начинателей. Онъ испыталъ охлажденіе къ себѣ современниковъ; послѣдующія поколѣнья еще болѣе удалились отъ него, перестали нуждаться въ немъ, воспитываться на немъ, и только въ недавнее время снова становится замѣтнымъ возвращеніе къ его поэзіи. Пушкинъ самъ предчувствовалъ это охлажденіе публики. Какъ извѣстно, онъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ лучшую пору своего творчества, уже почти ничѣмъ не дѣлился съ читателями, оставляя въ портфелѣ такія произведенія, какъ „Мѣдный Всадникъ“. Онъ до нѣкоторой степени не могъ не чувствовать пренебреженія къ публикѣ, которая пріучилась видѣть въ немъ какого-то сладкопѣвца, соловья.... Да и какъ намъ винить его, когда

вспомнишь, что даже такой умный и проницательный человѣкъ, какъ Баратынскій, призванный вмѣстѣ съ другими разбирать бумаги, оставшіяся послѣ смерти Пушкина, не усомнился воскликнуть въ одномъ письмѣ, адресованномъ тоже къ умному пріятелю: „Можешь ты себѣ представить, что̀ меня больше всего изумляетъ во всѣхъ этихъ поэмахъ? Обиліе мыслей! Пушкинъ—мыслитель! Можно ли было ожидать?“ Все это Пушкинъ предчувствовалъ. Доказательствомъ тому—извѣстный сонетъ („Поэту“, 1 іюля 1830 г.), который мы просимъ позволенія прочесть передъ вами, хотя, конечно, каждый изъ васъ его знаетъ.... Но мы не можемъ противиться искушенію украсить этимъ поэтическимъ золотомъ нашу скудную, прозаическую рѣчь:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Пушкинъ тутъ, однако, не совсѣмъ правъ—особенно въ отношеніи къ послѣдовавшимъ поколѣніямъ. Не въ „судѣ глупца“ и не въ „смѣхѣ толпы холодной“ было дѣло; причины того охлажденія лежали глубже. Онѣ достаточно извѣстны. Намъ приходится только возвать ихъ въ вашей памяти. Онѣ лежали въ самой судьбѣ, въ историческомъ развитіи общества, въ условіяхъ, при которыхъ

зарождалась новая жизнь, вступившая изъ литературной эпохи въ политическую. Возникли нежданныя и, при всей неожиданности, законныя стремленія, небывалыя и неотразимыя потребности; явились вопросы, на которые нельзя было не дать отвѣта.... Не до поэзіи, не до художества стало тогда. *Одинаково* восхищаться „Мертвыми Душами“ и „Мѣднымъ Всадникомъ“ или „Египетскими ночами“ могли только записные словесники, мимо которыхъ побѣжали сильныя, хотя и мутныя волны той новой жизни. Міросозерцаніе Пушкина показалось узкимъ, его горячее сочувствіе нашей, иногда оффиціальной, славѣ—устарѣлымъ,—его классическое чувство мѣры и гармоніи—хододнымъ анахронизмомъ. Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь.... но на алтарѣ—и сожигалъ.... одинъ оніамъ,—люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла.... и метла нашлась. Поэтъ-эхо, по выраженію Пушкина, поэтъ центральный, самъ къ себѣ тяготѣющій, положительный, какъ жизнь на покоѣ,—смѣнился поэтомъ-странникомъ, центробѣжнымъ, тяготѣющимъ къ другимъ, отрицательнымъ, какъ жизнь въ движеніи. Самый главный, первоначальный истолкователь Пушкина, Бѣлинскій, смѣнился другими судьями, мало цѣнившими поэзію. Мы произнесли имя Бѣлинскаго—и хотя ничья похвала не должна раздаваться сегодня рядомъ съ похвалою Пушкину—но вы, вѣроятно, позволите намъ почтить сочувственнымъ словомъ память этого замѣчательнаго человѣка, когда узнаете, что ему выпала судьба скончаться именно въ день 26-го мая, въ день рожденія поэта, который былъ для него высшимъ проявленіемъ русскаго генія!—Возвращаемся къ развитію нашей мысли. Вслѣдъ за скоро прерваннымъ голосомъ Лермонтова, когда Гоголь сталъ уже властителемъ людскихъ думъ, зазвучалъ голосъ поэта „мести и печали“, а за нимъ пошли другіе—и повели за собою наростающія поколѣнія.

Искусство, завоевавшее твореніями Пушкина право гражданства, несомнѣнность своего существованія, языкъ, имъ созданный—стало служить другимъ началамъ, столь же необходимымъ въ общественномъ устроеніи. Многіе видѣли и видятъ до сихъ поръ въ этомъ измѣненіи простой упадокъ; но мы позволимъ себѣ замѣтить, что падаетъ, рушится только мертвое, неорганическое. Живое измѣняется органически—ростомъ. А Россія растетъ, не падаетъ. Что подобное развитіе—какъ всякій ростъ—неизбѣжно сопряжено съ болѣзнями, мучительными кризисами, съ самыми злыми, на первый взглядъ безвыходными противорѣчіями—доказывать, кажется, нечего; насъ этому учитъ не только всеобщая исторія, но даже исторія каждой отдѣльной личности. Сама наука намъ говоритъ о необходимыхъ болѣзняхъ. Но смущаться этимъ, оплакивать прежнее, все-таки относительное спокойствіе, стараться возвратиться къ нему—и возвращать къ нему другихъ, хотя бы насильно—могутъ только отжившіе или близорукіе люди. Въ эпохи народной жизни, носящія названіе переходныхъ,—дѣло мыслящаго человѣка, истиннаго гражданина своей родины—идти впередъ, не смотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на мигъ изъ виду тѣхъ основныхъ идеаловъ, на которыхъ построенъ весь бытъ общества, котораго онъ состоитъ живымъ членомъ. И десять, и пятнадцать лѣтъ тому назадъ—празднество, которое привлекло насъ всѣхъ сюда, было бы привѣтствовано какъ актъ справедливости, какъ данъ общественной благодарности; но, быть можетъ, не было бы того чувства единодушія, которое проникаетъ теперь насъ всѣхъ, безъ различія званія, занятій и лѣтъ. Мы уже указали на тотъ радостный фактъ, что молодежь возвращается къ чтенію, изученію Пушкина, но мы не должны забывать, что нѣсколько поколѣній сподрядъ прошли передъ нашими глазами,—поколѣній, для которыхъ самое имя Пушкина было

не что иное какъ только имя, въ числѣ другихъ обреченныхъ забвенію именъ. Не станемъ, однако, слишкомъ винить эти поколѣнія: мы старались вкратцѣ изобразить, почему это забвеніе было неизбѣжно. Но мы не можемъ такъ же не радоваться этому возврату къ поэзіи. Мы радуемся особенно потому, что наши юноши возвращаются къ ней не какъ раскаявшіеся люди, которые, разочарованные въ своихъ надеждахъ, утомленные собственными ошибками, ищутъ пристанища и успокоенія въ томъ, отчего они отвернулись. Мы скорѣе видимъ въ томъ возвратѣ симптомъ хотя нѣкотораго удовлетворенія; видимъ доказательство, что хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ считалось не только дозволительнымъ, но и обязательнымъ приносить все нейдущее къ дѣлу въ жертву, сжимать всю жизнь въ одно русло—что эти нѣкоторыя цѣли признаются достигнутыми, что будущее сулитъ достиженіе другихъ — и ничто уже не помѣшаетъ поэзіи, главнымъ представителемъ которой является Пушкинъ, занять свое законное мѣсто среди прочихъ законныхъ проявленій общественной жизни. Была пора, когда изящная литература служила почти единственнымъ выраженіемъ этой жизни; потомъ наступило время, когда она совсѣмъ сошла съ арены.... Прежняя область была слишкомъ широка; вторая съузилась до ничтожества; найдя свои естественныя границы, поэзія упрочится навсегда. Подъ вліяніемъ стараго, но не устарѣвшаго учителя—мы твердо этому вѣримъ—законы искусства, художническіе пріемы вступятъ опять въ свою силу и—кто знаетъ?—быть можетъ, явится новый, еще невѣдомый избранникъ, который превзойдетъ своего учителя—и заслужитъ вполнѣ названіе національно-всемірнаго поэта, которое мы не рѣшаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаемъ его отнять у него.

Какъ бы то ни было, заслуги Пушкина передъ Россіей велики и достойны народной признательности. Онъ далъ окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силѣ, логикѣ и красотѣ формы признается даже иностранными филологами едва ли не первымъ послѣ древне-греческаго; онъ отозвался типическими образцами, безсмертными звуками, на всѣ вѣянія русской жизни. Онъ первый, наконецъ, водрузилъ могучей рукою знамя поэзіи глубоко въ русскую землю, и если пыль поднявшейся послѣ него битвы затемнила на время это свѣтлое знамя — то теперь, когда эта пыль начинаетъ опадать, снова засіялъ въ вышинѣ водруженный имъ побѣдоносный стягъ. Сіяй же, какъ онъ, благородный мѣдный ликъ, воздвигнутый въ самомъ сердцѣ древней столицы, и гласи грядущимъ поколѣніямъ о нашемъ правѣ называться великимъ народомъ потому, что среди этого народа родился, въ ряду другихъ великихъ, и *такой* человѣкъ! И какъ о Шекспирѣ было сказано, что всякій, вновь выучившійся грамотѣ, неизбѣжно становится его новымъ чтецомъ—такъ и мы будемъ надѣяться, что всякій нашъ потомокъ, съ любовью остановившійся передъ изваяніемъ Пушкина и понимающій значеніе этой любви, тѣмъ самымъ докажетъ, что онъ, подобно Пушкину, сталъ болѣе русскимъ и болѣе образованнымъ, болѣе свободнымъ человѣкомъ! Пусть это послѣднее слово не удивитъ васъ мм. гг.! Въ поэзіи—освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будемъ такъ же надѣяться, что въ недальнемъ времени даже сыновьями нашего простого народа, который теперь не читаетъ нашего поэта, станетъ понято, что̀ значитъ это имя: Пушкинъ!—и что они повторятъ уже сознательно то, что̀ намъ довелось недавно слышать изъ безсознательно лепечущихъ устъ: „Это памятникъ—учителю!“

Іюнь, 1880.

XIV.—Предисловіе къ новымъ письмамъ Пушкина къ женѣ.

Едва ли кто-нибудь можетъ сомнѣваться въ чрезвычайномъ интересѣ этихъ новыхъ писемъ Пушкина. Не говоря уже о томъ, что каждая строка величайшаго русскаго поэта должна быть дорога всѣмъ его соотечественникамъ; не говоря и о томъ, что въ этихъ письмахъ — какъ и въ прежде появившихся, такъ и бьетъ струею свѣтлый и мужественный умъ Пушкина, поражаетъ прямизна и вѣрность его взглядовъ, мѣткость и какъ бы невольная красивость выраженія;—но вслѣдствіе исключительныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ эти письма были начертаны, они бросаютъ яркій свѣтъ на самый характеръ Пушкина и даютъ ключъ ко многимъ послѣдовавшимъ событіямъ его жизни, даже и къ тому, печальному и горестному, которымъ, какъ извѣстно, она закончилась.

Писанныя со всею откровенностью семейныхъ отношеній, безъ поправокъ, оговорокъ и утаекъ, они тѣмъ яснѣе передаютъ намъ нравственный обликъ поэта.

Не смотря на свое французское воспитаніе, Пушкинъ былъ не только самымъ талантливымъ, но и самымъ русскимъ человѣкомъ своего времени; и уже съ одной этой точки зрѣнія его письма достойны вниманія каждаго образованнаго русскаго человѣка; для историка литературы они — суть кладъ: нравы, самый бытъ извѣстной эпохи отразились въ нихъ хотя быстрыми, но яркими чертами.

Позволю себѣ прибавить отъ своего имени, что я считаю избраніе меня дочерью Пушкина въ издатели этихъ писемъ однимъ изъ почетнѣйшихъ фактовъ моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оцѣнить довѣріе, которое она оказала мнѣ, возложивъ на меня от-

вѣтственность за необходимыя сокращенія и исключенія.

Быть можетъ, я до нѣкоторой степени заслужилъ это довѣріе моимъ глубокимъ благоговѣніемъ передъ памятью ея родителя, ученикомъ котораго я считалъ себя съ „младыхъ ногтей“, и считаю до сихъ поръ.... „Vestigia semper adoro“....

Впрочемъ, тщательный пересмотръ писемъ привелъ меня къ убѣжденію, что можно было ограничиться только самыми необходимыми и немногочисленными исключеніями; въ большинствѣ случаевъ исключенія эти обусловливаются излишней „энергіей“ фразы: Пушкинъ, какъ истый русскій человѣкъ, да и къ тому же въ письмахъ, носившихъ строго-частный характеръ, не любилъ стѣсняться.

Не должно также забывать, что со времени начертанія этихъ писемъ прошло почти поль-вѣка—и что, слѣдовательно, когда дѣло идетъ о выясненіи такой личности, каковою былъ Пушкинъ, исторія вступаетъ въ свои права—и давность облекаетъ своимъ почтеннымъ покровомъ то, что могло бы прежде показаться слишкомъ интимнымъ, слишкомъ близко касающимся отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Сама дочь поэта, рѣшившись подѣлиться съ отечественной публикою корреспонденціей своего родителя, адресованной къ его женѣ—ея матери—освятила, такъ сказать, наше право перенести весь вопросъ въ болѣе возвышенную и безучастную — какъ-бы документальную сферу.

Намъ остается искренно поблагодарить графиню П. А. Меренбергъ за этотъ поступокъ, на который она, конечно, рѣшилась не безъ нѣкотораго колебанія—и выразить надежду, что ту же благодарность почувствуетъ и докажетъ ей общественное мнѣніе.

Парижъ.—Ноябрь, 1877.

XV. Застольное слово,

произнесенное въ Петербургѣ, на обѣдѣ профессоровъ и литераторовъ, 13 марта 1879 г. *)

Мм. Гг! Въ отвѣтъ на все слышанное мною, на всѣ эти горячія привѣтствія, мнѣ слѣдовало бы только повторить то, что я сказалъ недѣлю тому назадъ въ Москвѣ участникамъ обѣда, подобнаго сегодняшнему: благодарить невозможно—ибо гдѣ найти довольно сильныя выраженія?—Такіе часы не забываются до конца жизни; въ нихъ высшая награда для писателя, для всякаго общественнаго дѣятеля. Но здѣсь, въ Петербургѣ, въ виду многихъ моихъ товарищей и друзей, тѣхъ людей „сороковыхъ годовъ", о которыхъ такъ много стали говорить въ послѣднее время, и сближеніе съ которыми, столь замѣтное въ рядахъ современной молодежи, составляетъ событіе,—событіе знаменательное,—въ виду всѣхъ васъ, гг., мнѣ хочется подѣлиться съ вами слѣдующимъ, по истинѣ, отраднымъ соображеніемъ. Что бы ни говорили о перерывѣ, будто бы совершившемся въ постепенномъ развитіи нашей общественной жизни, о расколѣ между поколѣніями, изъ которыхъ младшее не помнитъ и не признаётъ старшаго, а старшее не понимаетъ и тоже не признаетъ младшаго,—что бы тамъ ни говорили бо́льшей частью непризванные судьи,—есть однако область, въ которой эти поколѣнія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, сходятся дружески; есть слова, есть мысли, которыя имъ одинаково дороги; есть стремленья, есть надежды, которыя имъ

---

*) Подробности этого Тургеневскаго обѣда и самый текстъ застольнаго слова помѣщены въ „Вѣстникѣ Европы", 1879, апрѣля, 21 стр. и слѣд.

общи; есть, наконецъ, идеалъ не отдаленный и не туманный, а опредѣленный, осуществимый и можетъ быть близкій, въ который они одинаково вѣрятъ. Еще недавно, очень недавно нельзя было это сказать; но теперь это истина, это фактъ, видимый всякому непредубѣжденному глазу—и нынѣшній обѣдъ одинъ изъ такихъ фактовъ.

Мнѣ не для чего указывать болѣе настойчивымъ образомъ на этотъ идеалъ; онъ понятенъ вамъ и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ общественной жизни. Говорящій въ эту минуту передъ вами написалъ, 16 лѣтъ тому назадъ, романъ: „Отцы и Дѣти“. Въ то время онъ могъ только указать на розни, господствовавшую тогда между поколѣніями; тогда еще не было почвы, на которой они могли сойтись. Эта почва теперь существуетъ—если еще не въ дѣйствительности, то уже въ возможности, она является ясною глазамъ мыслителя. Напрасно станутъ намъ указывать на нѣкоторыя преступныя увлеченія. Явленія эти глубоко прискорбны; но видѣть въ нихъ выраженіе убѣжденій, присущихъ большинству нашей молодежи, было бы несправедливостью, жестокой и столь же преступной.... Правительственныя силы, которыя заправляютъ и должны заправлять судьбами нашего отечества, могутъ еще скорѣе и точнѣе, чѣмъ мы сами, оцѣнить все значеніе и весь смыслъ настоящаго,— скажу прямо: историческаго мгновенія. Отъ нихъ, отъ этихъ силъ зависитъ, чтобы всѣ сыновья нашей великой семьи слились въ одно дѣятельное, единодушное служеніе Россіи,—этой Россіи, какою ее создала исторія, создало то прошедшее, къ которому должно правильно и мирно примкнуть будущее. А потому позвольте мнѣ, человѣку прошедшаго, человѣку 40-хъ годовъ, человѣку старому, провозгласить тостъ за молодость, за будущее, за счастливое и здравое развитіе ея судебъ, и да совершатся, наконецъ, слова нашего вели-

каго поэта, да настанетъ возможность каждому изъ насъ воскликнуть въ глубинѣ души:

Въ надеждѣ славы и добра,
Глядимъ впередъ мы безъ боязни!

1879 г.

III.

НЕКРОЛОГИ, ПИСЬМА, СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.—Два слова о Грановскомъ.

Письмо къ редакторамъ „Современника“.

Auch die Todten sollen leben.
Шиллеръ.

Вчера были похороны Грановскаго. Не буду говорить вамъ, какъ сильно поразила меня его смерть. Потеря его принадлежитъ къ числу общественныхъ потерь, и отзовется горькимъ недоумѣніемъ и скорбью во многихъ сердцахъ по всей Россіи. Похороны его были чѣмъ-то умилительнымъ и глубоко-знаменательнымъ; онѣ останутся событіемъ въ памяти каждаго участвовавшаго въ нихъ. Никогда не забуду я этого длиннаго шествія, этого гроба, тихо колыхавшагося на плечахъ студентовъ, этихъ обнаженныхъ головъ и молодыхъ лицъ, облагороженныхъ выраженіемъ честной и искренней печали, этого невольнаго замедленія многихъ между разбросанными могилами кладбища, даже тогда, когда уже все было кончено, и послѣдняя горсть земли упала на прахъ любимаго учителя.... Одни

и тѣ же ощущенія наполняли всѣхъ, высказывались во всѣхъ устахъ, во всѣхъ взорахъ; всѣмъ хотѣлось продлить ихъ въ себѣ, и расходиться было жутко.... Всякое общее чувство, даже скорбное, связуя людей, возвышаетъ ихъ. Каждый изъ пришедшихъ на кладбище, къ какому бы направленію не принадлежалъ онъ, слишкомъ хорошо зналъ, чего лишилась въ Грановскомъ русская жизнь и русская наука. Для душъ молодыхъ, еще не искушенныхъ, не утомленныхъ „плоской незначительностью“ житейскихъ дрязгъ, такія ощущенія особенно благотворны; подъ напоромъ ихъ сердце крѣпнетъ, и сѣмена будущихъ добрыхъ дѣлъ и доблестныхъ поступковъ зрѣютъ въ немъ.... Дай Богъ, чтобы мы научились хотя эту пользу извлекать изъ нашихъ утратъ!

Вѣроятно, о Грановскомъ будетъ написано много; на ученикахъ его, на его товарищахъ лежитъ долгъ растолковать его значеніе, объяснить причины общаго сочувствія къ нему, оцѣнить его вліяніе. Сообщу вамъ нѣсколько моихъ воспоминаній о немъ. Я познакомился съ нимъ въ 1835 году, въ С.-Петербургѣ, въ университетѣ, въ которомъ мы были оба студентами, хотя онъ былъ старше меня лѣтами и во время моего поступленія находился уже на послѣднемъ курсѣ. Онъ не занимался исключительно исторіей; онъ даже писалъ тогда стихи — (кто ихъ не писалъ въ молодости?) и я смутно помню отрывокъ изъ драмы „Фаустъ“, прочитанный мнѣ имъ въ одинъ темный зимній вечеръ, въ большой и пустой его комнатѣ, за шаткимъ столикомъ, на которомъ, вмѣсто всякаго угощенія, стоялъ графинъ воды и банка варенья.

Въ отрывкѣ этомъ Фаустъ былъ представленъ (со словъ одной старинной нѣмецкой легенды) высоко поднявшимся на воздухъ, въ стеклянномъ ящикѣ, вмѣстѣ съ Мефистофелемъ; обозрѣвая широко раскинувшуюся землю, рѣки, лѣса, поля, жилища людей, Фаустъ произносилъ задумчи-

вый, полный грустнаго созерцанья монологъ, показавшійся мнѣ тогда прекраснымъ.... Мефистофель безмолвствовалъ; я, впрочемъ, и теперь не могу себѣ представить, какія бы рѣчи вложилъ Грановскій въ уста бѣсу.... Иронія, особенно иронія ѣдкая и безжалостная, была чужда его свѣтлой душѣ. Помню я еще другой вечеръ и другое чтеніе: мы вмѣстѣ съ жадностью перелистывали только-что вышедшее собраніе стихотвореній одного поэта, имя котораго, теперь если не безъизвѣстное, то уже отзвучавшее — прогремѣло тогда по всей Россіи. Съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ Грановскій новыя надежды русской поэзіи, какъ исполнялся весь благородной радостію сочувствія!

Я впрочемъ въ Петербургѣ видалъ его рѣдко; но каждое свиданіе съ нимъ оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе.

Чуждый педантизма, исполненный плѣнительнаго добродушія, онъ уже тогда внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе потомъ испытали. Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышенно-чистымъ; ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденьями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другого; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — идеалистъ не въ одиночку. Онъ имѣлъ точно право сказать: „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“, и потому и его не чуждалось ничто человѣческое.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я встрѣтился съ нимъ въ Берлинѣ. Я почти не видался съ нимъ тогда—и мы не сошлись.... Говоря правду, я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ. Притомъ, онъ въ то время подружился съ Н. В. Станкевичемъ, человѣкомъ, о которомъ говорить мало нельзя, а много—теперь не мѣсто и не время. Станкевичъ имѣлъ величайшее вліяніе на Грановскаго, и часть его духа перешла на него.

Познакомился я съ Грановскимъ окончательно въ Москвѣ; но другіе гораздо чаще меня его видѣли, и могутъ сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ его московскомъ житьѣ, объ его университетской дѣятельности.

Ограничусь только двумя словами. Всѣ единодушно согласны въ томъ, что Грановскій былъ профессоръ превосходный, что, не смотря на его нѣсколько замедленную рѣчь, онъ владѣлъ тайною истиннаго краснорѣчія; но, все таки, иные, судя о немъ по литературнымъ его трудамъ, зная также, что на званіе спеціалиста, ученаго въ строгомъ смыслѣ слова, онъ не имѣлъ притязанія—дивятся какъ бы непонятной тайнѣ, силѣ и обширности вліянія его на людей.

Разгадка этой тайны весьма проста: она вся заключается въ самой личности Грановскаго.

Въ природахъ гармоническихъ, какова была его, самые недостатки необходимы; будь личность Грановскаго болѣе своеобразна, болѣе рѣзко выражена — молодые его ученики не такъ бы довѣрчиво къ нему обращались. Грановскій былъ доступенъ во всякое время, не отталкивалъ никогда никого. Проникнутый весь наукой, посвятивъ себя всего дѣлу просвѣщенія и образованія,—онъ считалъ самого себя какъ бы общественнымъ достояніемъ, какъ бы принадлежностью всякаго, кто хотѣлъ образоваться и просвѣтиться.... Къ нему, какъ къ роднику близъ дороги, всякій подходилъ свободно и черпалъ живительную влагу ученія, которая струилась тѣмъ чище, чѣмъ самъ преподаватель меньше прибавлялъ въ нее своего.—Свое, оригинальное въ его ученіи было именно это благородное самоотреченіе — это отсутствіе личныхъ прихотей и умствованій. — Онъ передавалъ науку, которую уважалъ глубоко и въ которую честно вѣрилъ, какъ самъ принималъ ее—не искажая ея, не силясь согнуть ее, если не въ систему, такъ въ дугу. Этой же добросовѣстностью

въ передаваніи науки объясняется изящная красота его рѣчи; такъ свѣтъ, проходя черезъ прозрачный кристалль, не измѣняясь въ существѣ своемъ, играетъ живыми красками.

Люди вообще настолько имѣютъ значенія и вліянія, насколько нужны; а люди, подобные Грановскому, теперь намъ крайне нужны. Время еще впереди, когда настанетъ для насъ потребность въ спеціалистахъ, въ ученыхъ; мы нуждаемся теперь въ безкорыстныхъ и неуклонныхъ служителяхъ науки, которые бы твердой рукою держали и высоко поднимали ея свѣточъ, которые, говоря намъ о добротѣ и нравственности—о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью подтверждали бы истину своихъ словъ.... Таковъ былъ Грановскій—и вотъ отчего льются слезы о немъ; вотъ отчего онъ, человѣкъ безсемейный, былъ окруженъ такой любовью и при жизни, и въ смерти... Замѣнить его теперь не можетъ ни одинъ человѣкъ, но самъ онъ будетъ еще дѣйствовать за гробомъ,—дѣйствовать долго и благотворно. Онъ жилъ не даромъ—онъ не умретъ. Во всей его дѣятельности ничего не было такого, въ чемъ бы не могъ онъ громко и ясно признаться передъ всѣми; онъ сѣялъ свои сѣмена днемъ, при свѣтѣ солнца, и когда они взойдутъ и принесутъ плоды—въ нихъ не будетъ ничего горькаго....

Выше этой похвалы и этой награды для человѣка нѣтъ.

Москва.—Суббота, 8 октября 1855.

II. —Николай Ивановичъ Тургеневъ.

29-го октября (10 ноября) нынѣшняго 1871-го года скончался въ своей виллѣ Вербуа (Vert Bois—или „Зеленая Роща“, какъ называлъ ее покойникъ), возлѣ Буаи-

валя, въ окрестностяхъ Парижа, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ—и прибавимъ смѣло, какъ бы отвѣчая передъ нелицемѣрнымъ судомъ потомства—одинъ изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей, Николай Ивановичъ Тургеневъ.

Мы не намѣрены входить теперь въ подробную оцѣнку покойнаго, какъ политическаго дѣятеля, ученаго и публициста: превосходныя статьи г. Пыпина, въ которыхъ онъ столь часто опирается на свидѣтельство Николая Ивановича и цитируетъ его, снова обратили въ послѣднее время вниманіе мыслящей части публики на этого изгнанника особаго рода, который, проведя почти пол-столѣтія въ отдаленіи отъ родины, жилъ, можно сказать, только Россіей и для Россіи. Конечно, ни одинъ будущій русскій историкъ, когда ему придется излагать постепенные фазисы нашего общественнаго развитія въ XIX-мъ столѣтіи, не обойдетъ молчаніемъ И. И. Тургенева; онъ укажетъ на него, какъ на одного изъ самыхъ типическихъ представителей той знаменательной эпохи, которой присвоено названіе Александровской, и въ теченіе которой были заложены или возбуждены зачатки преобразованій, совершившихся при другомъ Александрѣ.

Мы ограничимся сообщеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ, библіографическихъ данныхъ, и посильнымъ воспроизведеніемъ личнаго характера и образа человѣка, къ которому чувство глубокаго сердечнаго уваженія привязывало насъ болѣе, чѣмъ узы отдаленнаго родства.

Николай Ивановичъ родился не въ 1787-мъ и не 1790-мъ году, какъ было ошибочно показано въ нѣсколькихъ біографіяхъ — а 11-го (22-го) октября 1789-го года—отъ Ивана Петровича Тургенева и Екатерины Александровны, урожденной Качаловой. Родился онъ въ Симбирскѣ, гдѣ и провелъ первое свое дѣтство, но воспитывался въ Москвѣ, на Моросейкѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ его семейству

(нынѣ этотъ домъ—собственность гг. Боткиныхъ). У него было три старшихъ брата: Иванъ, умершій въ дѣтствѣ, Андрей, скончавшійся въ 1803-мъ, Александръ, скончавшійся въ 1845-мъ, и одинъ младшій, Сергѣй, скончавшійся въ 1827-мъ году. Отецъ, Иванъ Петровичъ, недолго пережилъ своего любимца, Андрея, друга Жуковскаго; мать скончалась гораздо позже. Значеніе всего этого семейства Тургеневыхъ достаточно извѣстно: оно не разъ служило предметомъ литературныхъ и критическихъ изысканій. Можно безъ преувеличенія сказать, что они сами принадлежали къ числу лучшихъ людей и тѣсно соприкасались съ другими лучшими людьми того времени. Ихъ дѣятельность оставила замѣтный и не безполезный, не безславный слѣдъ. Николай Ивановичъ, по примѣру брата своего Александра, учившагося въ Гёттингенскомъ университетѣ—такъ же, въ 1810-мъ и въ 1811-мъ году, слушалъ въ томъ же университетѣ лекціи у тогдашнихъ знаменитыхъ профессоровъ—Шлецера, Геерена, Гёде и другихъ; онъ занимался преимущественно политической экономіей, финансовыми и камеральными науками. Посѣтивъ въ 1811-мъ году Парижъ, гдѣ онъ видѣлъ Наполеона на вершинѣ своей славы, но уже предчувствовалъ его паденіе, 12-й годъ онъ провелъ въ Россіи, а въ 13-мъ году былъ, какъ извѣстно, прикомандированъ къ знаменитому Штейну, память котораго онъ до старости чтилъ, какъ святыню;—самъ Штейнъ питалъ чувство дружелюбія къ молодому своему помощнику: имя Николая Тургенева, по его словамъ, было „равносильно съ именами честности и чести“. Николай Ивановичъ сопровождалъ, въ качествѣ коммиссара отъ правительства, нашу армію въ кампаніи 14-го и 15-го годовъ, и въ началѣ 1816-го года вернулся въ Россію, не смотря на убѣжденія Штейна, который хотѣлъ удержать его при себѣ. Скоро потомъ онъ издалъ свой „Опытъ теоріи налоговъ“. Въ этомъ сочиненіи, доставившемъ ему

немедленно почетную извѣстность, онъ, говоря его собственными словами, пользовался всякой представлявшейся ему возможностью для нападенія, съ государственной и финансовой точки зрѣнія, на крѣпостное право или безправіе, на этого врага, съ которымъ онъ боролся цѣлую жизнь—боролся дольше всѣхъ и быть можетъ, раньше всѣхъ своихъ современниковъ. Назначенный статсъ-секретаремъ при государственномъ совѣтѣ, Николай Иванович въ 1819 г. представилъ императору Александру, чрезъ графа Милорадовича, записку, озаглавленную: „Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи". Мысль, проведенная имъ въ этой запискѣ, состояла въ томъ, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе, что оно одно можетъ избавить Россію отъ подобнаго позора. Мысль эта поразила императора, и онъ сказалъ графу, что возьметъ лучшее изъ этой записки, благородная откровенность которой не прибѣгала ни къ какимъ уловкамъ и оттѣнкамъ—и „непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ". Исторіи вѣдомы причины, почему это обѣщаніе осталось безъ исполненія.... Мы не станемъ вдаваться въ нихъ. Н. Н. Тургеневъ занималъ должность статсъ-секретаря до 1824 года. Выѣхавъ изъ Россіи для исправленія своего здоровья въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, онъ увидѣлъ ее только въ 1857 году—уже старцемъ. Извѣстны также причины, превратившія человѣка, которому, казалось, все сулило блестящую карьеру, котораго ожидалъ министерскій портфель, о которомъ самъ императоръ Александръ не однажды выражался, что онъ одинъ можетъ замѣнить ему Сперанскаго—превратившія, говоримъ мы, этого человѣка въ государственнаго преступника, осужденнаго на смертную казнь. Извѣстна также та настойчивость, съ которою Н. Тургеневъ, опровергая доводы доклада слѣдственной коммисіи, утверждалъ свою неповинность въ дѣлѣ 14-го декабря. Его неявка на вызовъ изъ-за границы рѣ-

шила его судьбу, хотя въ нашихъ законахъ, въ то время, за неявку не существовало опредѣленнаго наказанія. Несчастье Н. Тургенева было велико, силенъ былъ ударъ, обрушившійся на него; но и въ самомъ своемъ несчастьѣ онъ могъ утѣшиться тѣмъ, что Штейнъ, другъ и наставникъ его молодости, рѣшительно и постоянно отказывался допускать легальность его осужденія... То же думалъ и такъ же высказался Гумбольдтъ. Мнѣніе Штейна и Гумбольдта, впослѣдствіи, было раздѣлено даже нѣкоторыми изъ осудившихъ Н. Тургенева!

Подтвердить справедливость этихъ послѣднихъ словъ могутъ, кромѣ книги: „La Russie et les Russes“—письма Александра Тургенева къ брату Николаю, собранныя покойникомъ и уже почти окопченныя печатаньемъ въ Лейпцигѣ (укажемъ, между прочимъ, на тѣ письма, гдѣ А. И. Тургеневъ приводитъ слова князя Козловскаго). Семейство Н. И. Тургенева почитаетъ своей обязанностью исполнить его намѣреніе, и эти письма скоро появятся въ свѣтъ. Корректурный экземпляръ находился въ нашихъ рукахъ, и мы можемъ свидѣтельствовать объ ихъ занимательности и важности для изученія эпохи, послѣдовавшей за 1825-мъ годомъ. Письма эти являютъ въ весьма привлекательномъ свѣтѣ самого А. И. Тургенева, человѣка, который, сколько мы можемъ судить, не вполнѣ вѣрно оцѣненъ нашимъ поколѣніемъ.

Николай Тургеневъ, лишившись заграницей нѣжно-любимаго имъ брата Сергѣя (глубокая привязанность всѣхъ членовъ Тургеневскаго семейства другъ къ другу составляетъ какъ бы отличительную ихъ черту), удалился сперва въ Англію, потомъ въ Швейцарію, гдѣ онъ познакомился съ будущей своей супругой, Кларой, дочерью сардинца, маркиза Віарисъ, храбраго офицера наполеоновскихъ войскъ, которому товарищи на полѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау единогласно присудили предоставлен-

ный ихъ дивизіи титулъ барона имперіи. И. Тургеневъ женился на дѣвицѣ Віаресъ въ Женевѣ, въ 1833-мъ году, и прижилъ съ нею двухъ сыновей и дочь. Въ 1857-мъ году онъ въ первый разъ, въ 1859-мъ году во второй разъ посѣтилъ Россію—а въ 1864-мъ увидѣлъ ее снова съ чувствомъ Симеона, взывающаго: „Нынѣ отпущаеши!...“ Ненавистное рабство наконецъ прекратилось! Благополучно царствующій Государь возвратилъ ему чины и дворянское достоинство; но если сердце старца было преисполнено чувствомъ благодарной любви къ Монарху, то, конечно, не столько за эту милость, которая въ глазахъ Тургенева была не что иное какъ актъ правосудія, сколько за совершеніе, силой царскаго самодержавія, всѣхъ завѣтныхъ его надеждъ и мечтаній! Впрочемъ, вотъ собственныя его слова *):

„Если... я былъ такъ преданъ Александру Первому за одно его желаніе освободить крестьянъ, то каковы должны быть мои чувства къ Тому, кто совершилъ это освобожденіе, и совершилъ столь мудрымъ образомъ? Ни одинъ изъ освобожденныхъ не питаетъ въ душѣ болѣе любви и преданности къ освободителю, нежели сколько я питаю, видя наконецъ низвергнутымъ то зло, которое мучило меня въ продолженіе всей моей жизни!“

Въ 1871-мъ году И. Тургеневъ скончался тихо, почти внезапно, безъ предварительной болѣзни. Два дня передъ тѣмъ, онъ еще, не смотря на свои 82 года, дѣлалъ прогулку верхомъ.

И. И. Тургеневъ безустанно, со всѣмъ жаромъ юноши, со всѣмъ постоянствомъ мужа, слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ Россіи хорошаго и дурнаго, радостнаго и печальнаго,—и отзывался, живымъ словомъ и печатной рѣчью, на всѣ жизненные вопросы нашего быта. Вотъ по-

*) „Чего желать для Россіи?“ Предисловіе, стр. XXVI- VII.

возможности полный перечень изданныхъ имъ книгъ и брошюръ:

а) Опытъ Теоріи Налоговъ. 1818.
б) La Russie et les Russes (3 части). 1847.
в) La Russie en présence de la crise Européenne 1848 *).
г) Шора! 1858.
д) О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20-го ноября 1859.
е) Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ. 1859.
ж) О судѣ крестьянъ и о судебной полиціи въ Россіи. 1860.
з) Un dernier mot sur l'émancipation des serfs. 1860.
и) О новомъ устройствѣ крестьянъ. 1861.
і) Взглядъ на дѣла Россіи. 1862 **).
к) О разнополеменности населенія въ русскомъ государствѣ. 1866.
л) Отвѣтъ Е. Ковалевскому и на статью въ „Инвалидѣ". 1867.
м) Чего желать для Россіи? 1868.
н) О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ. 1869.

Сверхъ того, въ „Колоколѣ" было помѣщено письмо И. Тургенева къ А. И. Герцену. Онъ былъ также одинъ изъ основателей (въ 1854-мъ году) въ Парижѣ ассоціаціи подъ названіемъ: Всеобщій христіанскій союзъ (Alliance chrétienne universelle). Николай Ивановичъ, какъ и все его семейство, былъ проникнутъ глубоко-религіознымъ чувствомъ, не исключительно-фанатическимъ, но свободнымъ и широкимъ.

*) А не въ 1869-мъ году, какъ сказано въ некрологической статьѣ, помѣщенной въ „Голосѣ". Въ этой брошюрѣ находится замѣчательное предсказаніе крымской войны.

**) Тутъ помѣщена, между прочимъ и Записка 1819-го года.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о немъ самомъ, объ его характерѣ. Есть отличное англійское выраженіе: „a single minded man, singleness of mind“, — которое какъ нельзя лучше опредѣляетъ самую сущность И. И. Тургенева. Въ устахъ англичанъ эти выраженія звучатъ особой похвалой: они обозначаютъ ими не одну лишь неизмѣняемость, „*одинаковость*“ убѣжденій, но и правдивость и искренность ихъ. Самъ Н. Тургеневъ говоритъ о себѣ— и съ полнымъ на то правомъ: „Я остался вѣренъ моимъ убѣжденіямъ. Мнѣнія мои никогда не перемѣнялись“ (Русскій Загран. Сборникъ. Часть V-я, предисловіе). Существуетъ французское изреченіе:

„L'homme absurde est celui qui ne change jamais“....

но Н. Тургеневъ не страшился быть этимъ „homme absurde“. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ онъ оставался глухъ и слѣпъ передъ истиной; не отступая ни на шагъ отъ своихъ принциповъ, онъ готовъ былъ допустить различность способовъ къ ихъ примѣненію. Онъ слишкомъ былъ добросовѣстенъ, въ немъ слишкомъ было мало личнаго эгоизма и самомнѣнія, чтобъ не признать превосходства способа чужого передъ придуманнымъ имъ самимъ, когда это превосходство было ему доказано. Это случилось съ нимъ, напр., въ дѣлѣ крестьянскаго выкупа.

Не зная еще, какимъ образомъ разрѣшитъ его правительство, онъ предлагалъ уступить крестьянамъ безвозмездно одну треть всей земли, и на этомъ основаніи устроилъ въ 1859-мъ году, въ полученномъ имъ по наслѣдству имѣніи, добровольный раздѣлъ съ крестьянами. Они остались довольными—но это не помѣшало, однако, Николаю Ивановичу впослѣдствіи признать превосходство системы, введенной правительствомъ.

Эта „одинаковость“ и всецѣлость убѣжденій придавала, конечно, Николаю Ивановичу нѣкоторую, если не исключительность, то односторонность... Но всѣ почти дѣльные

умы—односторонни. Беллетристика и художество его интересовали мало: онъ былъ человѣкъ по преимуществу политическій, государственный, въ высокой степени одаренный чувствомъ равновѣсія и мѣры. Графъ Каподистріа хорошій судья, отзывался о немъ, что онъ былъ бы государственнымъ человѣкомъ даже въ Англіи. Вмѣстѣ съ твердостью и неизмѣняемостью убѣжденій, въ душѣ Николая Ивановича жила несокрушимая любовь къ правосудію, къ справедливости, къ разумной свободѣ—и такая же ненависть къ угнетенію и кривосудію. Человѣкъ съ сердцемъ мягкимъ и нѣжнымъ—онъ презиралъ слабость, дряблость, страхъ передъ отвѣтственностью. Грубость, неуваженіе человѣческой личности, жестокость возмущали его несказанно. „Je hais cruellement la cruauté“—могъ онъ сказать вмѣстѣ съ Монтѐньемъ. Состраданіе ко всякому несчастью было тоже выдающеюся чертою его характера, и не пассивное состраданіе, а дѣятельное, почти ретивое; не было человѣка, который бы давалъ охотнѣе, щедрѣе и скорѣе. Онъ дѣйствительно, въ точномъ смыслѣ слова, приносилъ жертвы съ радостью, почти съ благодарностью тому, кто доставлялъ ему случай приносить эти жертвы. На все великое, великодушное сердце его откликалось съ той силой чувства, съ тѣмъ порывомъ и пыломъ, которыхъ въ нашу эпоху какъ-то уже не встрѣчаешь! Подобно многимъ своимъ сверстникамъ, этотъ старикъ остался юноша душою, и трогательна и изумительна для всѣхъ насъ, столь рано устающихъ и столь слабо увлекающихся,—была свѣжесть и яркость впечатлѣній этого неутомимаго борца! Мы уже упомянули выше, говоря о чувствахъ его къ Государю, какъ горячо умѣлъ онъ любить тѣхъ, въ комъ видѣлъ благодѣтелей своей родины.... Мы можемъ прибавить, что намъ рѣдко случалось видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ И. Тургенева, предстоявшаго, съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время

молебна за Государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19-го февраля; рѣдко случалось слышать нѣчто болѣе искреннее вырвавшееся изъ глубины растроганной души, какъ его восклицаніе: „Я не думалъ, чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого нибудь такъ, какъ я полюбилъ Николая Милютина!“

„Le trait caractéristique de la vie de l'être vraiment excellent à qui nous rendons les derniers devoirs“—справедливо сказалъ, на похоронахъ И. Тургенева, г-нъ М. П., сорокалѣтній другъ его семейства — „ce fut sa persévérante et inébranlable fidélité, son ardent et infatigable dévouement à toutes les causes justes et humaines. Toutes et partout lui tenaient à coeur.... Ce qu'un apôtre disait jadis: „Où souffre-t-on que je ne souffre, où se réjouit-on que je ne me réjouisse?“—N. Tourguéneff le pouvait dire aussi. Qui ne l'a surpris, et souvent, pleurant d'indignation au récit d'une iniquité, ou pleurant de joie, comme d'un bonheur personnel, au spectacle d'une délivrance?“

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о немъ.

Не смотря на многолѣтнее пребываніе заграницей, И. И. Тургеневъ остался русскимъ человѣкомъ съ ногъ до головы—и не только русскимъ,—московскимъ человѣкомъ. Эта коренная русская суть выражалась во всемъ: въ пріемѣ, во всѣхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ, въ самомъ выговорѣ французскаго языка — о русскомъ языкѣ уже и упоминать нечего. Бывало, находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола — (онъ жилъ на большую ногу—извѣстно, что братъ его, Александръ Ивановичъ, сохранилъ ему все его состояніе)—слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, ты невольно удивлялся, что почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостиной старозавѣтнаго московскаго дома, гдѣ-нибудь на

Арбатѣ, или на Пречистенкѣ, или на той же Моросейкѣ, гдѣ И. Тургеневъ провелъ свою первую молодость?—Онъ говорилъ охотно; но всѣ мысли его дотого были обращены на современное или на будущее, что о прошедшемъ онъ распространялся мало; а о своемъ собственномъ прошедшемъ—уже вовсе никогда. Никогда изъ устъ его не исходило жалобы; отсутствіе личной озабоченности, личной требовательности привлекало къ нему сердца домашнихъ, друзей, самихъ слугъ. Вотъ ужъ про него нельзя было сказать, что онъ „хвалитель старины“ — laudator temporis acti. Всякое извѣстіе съ родины подхватывалось имъ на лету: онъ слушалъ разсказы о ней съ жадностью, съ страстнымъ увлеченіемъ; онъ вѣрилъ въ нее, въ нашъ народъ, въ наши силы, въ наше будущее, въ наши дарованія. „Какъ теперь стали писать!“ говаривалъ онъ, бывало, указывая иногда на довольно обыкновенную, но благонамѣренную — и главное — независимую журнальную статью! За то, ничто такъ не возмущало его, какъ извѣстіе о несправедливости, совершённой въ нашемъ пространномъ отечествѣ. Она казалась ему анахронизмомъ въ царствованіе Александра Второго. Онъ не допускалъ ея, онъ волновался, онъ горячился, онъ гнѣвался „праведнымъ гнѣвомъ“—his rightous anger — какъ выразилась про него одна знакомая англичанка; онъ негодовалъ, быть можетъ, даже болѣе чѣмъ тѣ, которыхъ эта несправедливость самихъ постигла. — Изгнанникъ, постоянный житель Франціи, онъ былъ патріотомъ по преимуществу.... Въ польскомъ вопросѣ, въ вопросѣ объ остзейскомъ краѣ патріотизмъ этотъ выказывался, быть можетъ, даже съ излишней рѣзкостью.... *)

И такому-то, вполнѣ русскому человѣку суждено было и жить, и умереть заграницей!

*) За часъ до смерти онъ читалъ 3-й томъ „Окраинъ Россіи“ г. Самарина.

Но не будемъ слишкомъ жалѣть о немъ.... Воодушевимся скорѣй его примѣромъ! Примѣръ человѣка, неуклонно преданнаго тому, что̀ онъ призналъ за правду, полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ, русскимъ!—Изъ возможныхъ благъ доступныхъ людямъ, многія достались на его долю: онъ вкусилъ вполнѣ счастье семейной жизни, преданной дружбы; онъ узрѣлъ, онъ осязалъ исполненіе своихъ завѣтнѣйшихъ думъ.... Будемъ надѣяться, что и для тѣхъ изъ нихъ, которыя еще не исполнились, и которымъ онъ посвятилъ свой послѣдній трудъ—современемъ также настанетъ чередъ, и что свершеніе ихъ обрадуетъ его хотя въ могилѣ новою зарею счастья, которое оно принесетъ столь любимому имъ русскому народу!

Память его останется навсегда драгоцѣнной для всѣхъ, кто зналъ его; но и Россія не забудетъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ.

Парижъ.
17/29 ноября, 1871.

III.—Графъ А. К. Толстой.

Письмо къ редактору «Вѣстника Европы».

Буживаль (возлѣ Парижа), 5-го (17) октября 1875.

Любезнѣйшій М. М.,—третьяго дня вечеромъ получилъ я вашу телеграмму: горестной скорбью наполнила она мое сердце.—Я зналъ и прежде, что Толстому не суждено было долго жить на землѣ: не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ, его докторъ въ Карлсбадѣ сказывалъ мнѣ, что нашему бѣдному другу не просуществовать и года; но трудно сразу примириться даже съ ожиданной потерей, особенно съ потерей такого человѣка, каковъ былъ Толстой.—Я далекъ отъ намѣренія представить теперь же его

полную оцѣнку, опредѣлить его мѣсто и значеніе въ современной русской словесности: это—дѣло будущихъ его біографовъ; — мнѣ хочется только высказать нѣсколько мыслей, внушенныхъ воспоминаніемъ о симпатической личности отошедшаго въ вѣчность поэта.

Я сказалъ:—поэта. Да; онъ былъ имъ несомнѣнно; вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ: онъ былъ рожденъ поэтомъ—а это въ наше время, вездѣ—и паче всего въ Россіи—большая рѣдкость. Однимъ этимъ словомъ опредѣляется поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ—(извѣстно, что у насъ, въ нынѣшнее время, *молодыхъ* поэтовъ не имѣется); опредѣляются такъ же его убѣжденія, его сердечныя наклонности, всѣ его безкорыстныя и искреннія стремленія.—Положеніе Толстого въ обществѣ, его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что̀ такъ цѣнится большинствомъ людей; — но онъ остался вѣренъ своему призванію — поэзіи, литературѣ; — онъ не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только именно тѣмъ, чѣмъ создала его природа: онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи слова. Не будучи одарёнъ той силой творчества, тѣмъ богатствомъ фантазіи, которыя присущи первокласснымъ талантамъ, Толстой обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что̀ одно даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ —а именно: собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физіономіей; онъ свободно, мастерской рукою распоряжался роднымъ языкомъ, лишь изрѣдка поддаваясь то искушеніямъ виртуозности — желанію пощеголять архаическими — правда, иногда весьма счастливыми — оборотами; то другимъ, мгновеннымъ соображеніямъ, въ сущности чуждымъ, какъ вообще все политическое,—его сердцу и уму.—Онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ прекрасные образцы драмъ, романовъ, лирическихъ стихотвореній, которые

—въ теченіе долгихъ лѣтъ—стыдно будетъ не знать всякому образованному русскому; онъ былъ создателемъ новаго у насъ литературнаго рода—исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ—и въ послѣдней изъ нихъ, помѣщенной въ октябрьскомъ № „Вѣстника Европы“ (въ день извѣстія о его смерти!),—онъ достигаетъ почти Дантовской образности и силы.—Наконецъ—и какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго выше о многосторонности его дарованія,—кто же не знаетъ, что въ его строго-идеальной натурѣ била свѣжимъ ключомъ струя неподдѣльнаго юмора—и что графъ А. К. Толстой, авторъ „Смерть Іоанна Грознаго“ и „Князя Серебрянаго“—былъ въ то же время однимъ изъ творцовъ памятнаго всѣмъ „Кузьмы Пруткова?“

Вотъ поэтъ, котораго мы лишились—и который, при теперешнемъ направленіи умовъ, едва ли скоро будетъ замѣненъ. И пусть тѣ молодые люди, которымъ эти строки попадутся на глаза, не пожимаютъ плечами и не думаютъ, что эта утрата преувеличена мною; смѣю увѣрить ихъ, что проложить и оставить за собою слѣдъ будетъ современемъ въ состояніи только тотъ, кто пойметъ и признаетъ эту утрату....

Я попытался набросить нѣсколько черть физіономіи Толстого, какъ поэта; что сказать о немъ, какъ о человѣкѣ?—Всѣмъ, знавшимъ его, хорошо извѣстно, какая эта была душа, честная, правдивая, доступная всякимъ добрымъ чувствамъ, готовая на жертвы, преданная до нѣжности, неизмѣнно вѣрная и прямая. „Рыцарская натура“—это выраженіе почти неизбѣжно приходило всѣмъ на уста при одной мысли о Толстомъ; я бы позволилъ себѣ употребить другой, въ наше время нѣсколько заподозрѣнный—но прекрасный, и въ данномъ случаѣ самый умѣстный—эпитетъ. Натура гуманная, глубоко гуманная!—вотъ что былъ Толстой—и какъ у всякаго истиннаго поэта, жизнь

котораго неуклонно переливается въ его творчество—эта гуманная натура Толстого сквозитъ и дышетъ во всемъ, что̀ онъ написалъ.

Мнѣ бы не хотѣлось кончить это письмо чѣмъ-нибудь касающимся до моей личности; но передъ этой еще свѣжей могилой чувство благодарности заставляетъ умолкнуть всѣ другія: графъ А. К. Толстой былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, способствовавшихъ прекращенію изгнанія, на которое я былъ осужденъ въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Миръ праху твоему, незабвенный русскій человѣкъ и русскій поэтъ!...

Я знаю, что вы глубоко сочувствуете нашему общему горю—и въ силу этого сочувствія крѣпко и дружески жму вашу руку.—Преданный вамъ—И. Т.

1875 г.

IV. — С. К. Брюллова, урожд. Кавелина.

Изъ письма въ Редакцію „Вѣстника Европы“.

.... Какъ громомъ меня поразило извѣстіе о кончинѣ С. К. Брюлловой. Я никакъ не могу примириться съ мыслію, что такое прекрасное, умное, милое, исполненное юныхъ силъ существо—съ такой безжалостно-грубой внезапностью выхвачено изъ среды живыхъ и унесено въ нѣмую бездну. Точно у насъ много подобныхъ женщинъ—и щадить ихъ нѣчего.

Въ одномъ изъ некрологовъ покойной я прочелъ описаніе впечатлѣнія, произведеннаго на меня Софьей Константиновной (тогда еще Кавелиной)—на педагогическомъ диспутѣ, въ С.-Петербургѣ.—Да! это былъ незабвенный для меня вечеръ.—Молоденькая, небольшого росту, дѣвушка въ простомъ сѣренькомъ платьицѣ, съ бѣлымъ платочкомъ

на шеѣ, съ назадъ зачесанными, недлинными русыми волосами, говорила почти еще дѣтскимъ голосомъ такъ умно и увлекательно, возражала такъ дѣльно, выказывала такое разнообразное знаніе своего предмета, такія энциклопедическія свѣдѣнія,—что всѣ слушатели—(а ихъ собралось много на этотъ диспутъ)—были поражены—скажу прямо: очарованы Нѣсколько недовѣрчивыя, снисходительныя улыбки, которыми её встрѣтили сначала—скоро приняли другое выраженіе—выраженіе удивленія и вниманія. — Дѣвушка не была красавицей; но болѣе миловиднаго, симпатическаго лица представить нельзя: нѣжно-бѣлый лобъ свѣтился умомъ и чуткостью мысли, та же живая мысль играла въ глазахъ, звучала въ голосѣ; все ея существо было не то̀, что напряженно—а сильно и весело оживлено... и какая простота при этомъ, какая душевная стройность и ясность!—Вы бы не назвали этой дѣвушки ни скромной, ни смѣлой: оба эти слова не шли къ ней.... но вы чувствовали: хорошая, честная, въ лучшемъ смыслѣ—образованная личность появилась передъ вами и охотно сообщалась вамъ. — Дѣло шло о способахъ преподаванія исторіи: Софья Константиновна была тысячу разъ права въ томъ, что она защищала:—но въ самыхъ ударахъ, наносимыхъ ею противнику,—было столько граціи—и не элегантно-самоувѣренной, на французскій ладъ—а добродушной русской, почти невинной, безсознательной... Я коротко зналъ, любилъ и уважалъ ея отца.... это былъ старинный пріятель и сотрудникъ.... радостно поздравлялъ я его съ такою дочерью.... Могъ ли я предвидѣть, что ему придется хоронить её!

Мнѣ потомъ довольно часто приходилось бесѣдовать съ Софьей Константиновной; иногда я вступалъ съ нею въ споръ.—Но всякій разъ я уносилъ съ собою убѣжденіе, что въ ней воплотился одинъ изъ лучшихъ нашихъ женскихъ типовъ. Въ каждомъ ея словѣ, взглядѣ, движеніи

высказывалась душа свободная — свободная прежде всего!—чуждая всему мелкому, низкому, узкому, дѣятельная, трудолюбивая: всегда готовая помочь, принести пользу, кроткая при всей энергіи, веселая при всей глубинѣ натуры.—И какъ она умѣла любить! какъ ее любили! — Да; такая потеря безвозвратна и безутѣшна.... Подумайте одно: оплакивая раннюю кончину этой 25-тилѣтней женщины, можно безъ преувеличенія сказать, что въ ея лицѣ изученіе, преподаваніе исторіи у насъ на Руси понесли значительную утрату.

Парижъ. 19 (31) октября 1877.

V.—Циркулярное письмо Н. С. Тургенева, съ „Проектомъ программы Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“ (1860 г.).

Циркулярно.—Андрею Александровичу Краевскому и Алексѣю Дмитріевичу Галахову.

Мм. Гг. Изъ прилагаемаго при семъ проекта программы „Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“—вы усмотрите цѣль моего письма къ вамъ. Эта программа составлена при участіи и съ согласія нѣсколькихъ русскихъ, случайно съѣхавшихся въ одномъ заграничномъ городѣ—и представляетъ только первоначальныя черты будущаго устройства Общества. Надѣюсь, что вы одобрите мысль, которая лежитъ ей въ основаніи, и захотите посвятить ей и собственныя размышленія, и бесѣды съ друзьями. Я бы почелъ себя счастливымъ, если-бы ко времени моего возвращенія въ Россію (весной 1861 года), предлагаемая мысль получила обработку, достаточную для приведенія ея въ исполненіе. Обращаясь къ вамъ, я не нуждаюсь въ громкихъ словахъ: я

и безъ того увѣренъ, что вы охотно согласитесь принять участіе въ дѣлѣ подобной важности, или, по крайней мѣрѣ, выразите свое воззрѣніе на него. Я увѣренъ также, что вы не откажетесь распространять списки прилагаемой программы. Предпріятіе наше касается всей Россіи; намъ нужно знать, по возможности, мнѣніе всей Россіи, о чемъ съ искренней благодарностью получилъ бы я всякое возраженіе или замѣчаніе. Мой адресъ: Парижъ, poste restante.—Остаюсь съ сердечнымъ и полнымъ уваженіемъ, преданный вамъ—

И. Тургеневъ.

Парижъ, 15 сентября 1860 г.

ПРОЕКТЪ

ПРОГРАММЫ „ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГРАМОТНОСТИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ“.

Есть факты, очевидная полезность которыхъ дотого несомнѣнна, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Къ такимъ фактамъ принадлежитъ необходимость распространенія грамотности и элементарныхъ общеполезныхъ свѣдѣній въ Россіи. Эта необходимость чувствуется всѣми: и правительствомъ, которое, между прочими заботами, клонящимися къ просвѣщенію нашего отечества, печется также о распространеніи грамотности въ полкахъ, и частными людьми, заводящими школы—воскресныя, городскія и сельскія, и другими лицами, занимающимися изданіемъ дешевыхъ книгъ и сборниковъ для народа. Всѣ эти стремленія благотворны и достойны полнаго сочувствія: но они разрозненны, часто неясны, не имѣютъ достаточнаго обезпеченія—ни вещественнаго, ни нравственнаго—а потому слабы и подвержены всѣмъ невыгодамъ случайныхъ стремленій. Намъ кажется, что настало время собрать воедино, направить къ опредѣленной, ясной цѣли всѣ эти

отдѣльныя силы, замѣнить частныя, всегда болѣе или менѣе неудовлетворительныя попытки совокупнымъ, обдуманнымъ дѣйствіемъ всѣхъ образованныхъ русскихъ людей—однимъ словомъ, свести въ это благое дѣло могущество единодушныхъ дружныхъ усилій и свѣтосознательной мысли. Проникнутые этимъ убѣжденіемъ, мы предлагаемъ основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія".

Мы твердо уповаемъ на разумный привѣтъ со стороны всѣхъ сословій нашего народа, а также на сочувствіе и покровительство самого правительства. Мы являемся передъ нимъ въ видѣ его помощниковъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, мы желаемъ придать устройство и организацію разрозненнымъ, часто ему самому неизвѣстнымъ общественнымъ силамъ; мы подвергаемъ ихъ и себя его постоянному контролю. Обучая грамотности тѣхъ самыхъ людей, которыхъ оно освобождаетъ, мы продолжаемъ его дѣло, мы такъ же освобождаемъ ихъ отъ другого рабства—отъ рабства невѣжества.

Прежде всего мы должны объявить, что наше общество не имѣетъ и не можетъ имѣть цѣлью воспитаніе народа: такое дѣло превышаетъ силы какого бы то ни было общества. Мы не имѣемъ подобныхъ притязаній; мы намѣрены строго ограничиться однимъ первоначальнымъ, элементарнымъ обученіемъ; мы желаемъ распространенія грамотности въ тѣсномъ ея смыслѣ. Заводить какъ можно болѣе школъ—пропускать какъ можно болѣе лицъ сквозь эти школы—и, прибавимъ,—въ наивозможно кратчайшее время (что, конечно, никакъ не должно вѣдать основательности получаемыхъ свѣдѣній)—вотъ въ чемъ должна состоять задача нашего общества. Другими словами: мы должны стараться развести какъ можно болѣе лицъ, умѣющихъ читать, писать, знающихъ Законъ Божій, первыя правила ариѳметики и имѣющихъ самыя первоначальныя

свѣдѣнія въ исторіи и географіи. Для достиженія этой цѣли, общество:

a) само заводитъ школы;

b) входитъ въ сношенія со всѣми лицами, желающими заводить школы; предлагаетъ имъ свое дѣятельное участіе (въ особенныхъ, комитетомъ общества опредѣляемыхъ случаяхъ, помогаетъ денежными пособіями), сообщаетъ имъ по возможно-уменьшеннымъ цѣнамъ необходимыя руководства, а также всѣ добытыя опытомъ педагогическія и экономическія свѣдѣнія;

c) само издаетъ эти руководства, а также и другія сочиненія для первоначальнаго чтенія, перечень которыхъ будетъ представленъ ниже;

d) издаетъ „Ежемѣсячный Вѣстникъ“, который, помѣщая на своихъ страницахъ предложенія и пожертвованія членовъ, ихъ поименный списокъ, отчетъ о школахъ, объявленія о новыхъ изданіяхъ и мѣрахъ—словомъ, ограничиваясь преимущественно одними статистическими данными, касающимися дѣла распространенія грамотности, будетъ служить какъ бы оффиціальнымъ органомъ дѣятельности общества *), и—

e) предоставляетъ себѣ, при развитіи своихъ трудовъ, право заводить дешевые кабинеты для чтенія, въ которыхъ, кромѣ собственныхъ изданій общества, будутъ находиться только такія сочиненія, строго элементарный характеръ которыхъ будетъ соотвѣтствовать постоянной и неизмѣнной цѣли нашихъ усилій.

Мы не намѣрены входить въ подробныя объясненія того, какимъ образомъ будутъ устроены школы общества, назначенныя, какъ это явствуетъ изъ самой сущности дѣ-

---

*) Время покажетъ, полезно ли будетъ основать въ этомъ „Вѣстникѣ Общества“ отдѣлъ, посвященный научной разработкѣ вопросовъ, касающихся первоначальнаго обученія.

ла, для однихъ приходящихъ лицъ обоего пола и всѣхъ сословій. Скажемъ только, что устройство школъ будетъ, по мѣрѣ возможности, просто, несложно, дешево; что все въ нихъ будетъ доступно контролю общества, гласности, правительства. При составленіи устава нашего общества, а еще болѣе при составленіи необходимыхъ инструкцій о самыхъ способахъ обученія и распространенія грамотности, всѣ подобные вопросы будутъ разработаны съ надлежащею зрѣлостью; ничего не будетъ оставлено безъ вниманія; мы воспользуемся и богатствами другихъ странъ, опередившихъ насъ на поприщѣ общественной педагогики, и трудами собственныхъ ученыхъ, на дѣятельное содѣйствіе которыхъ мы заранѣе разсчитываемъ. Мы полагаемъ, однако, нужнымъ теперь же указать на этотъ принципъ, которому наше общество будетъ слѣдовать при изданіи элементарныхъ книгъ, о которыхъ было говорено выше и необходимость которыхъ бросается въ глаза каждому. Необходимость эта подтверждается, между прочимъ, цѣлымъ рядомъ неудачныхъ, иногда даже вредныхъ попытокъ народныхъ изданій; отсутствіе знаній, опредѣленной цѣли, отсутствіе правильно-проведенной системы не могло привести къ доброму результату: за такое дѣло слѣдуетъ браться осмотрительно и сообща. Нечего и говорить, что составленіе изданій общества будетъ поручено нашимъ лучшимъ дѣятелямъ и подвергнуто возможно-строгой оцѣнкѣ. Мы будемъ постоянно имѣть въ виду, что наши изданія назначаются исключительно для людей, желающихъ обучиться грамотѣ, и для людей, только что обучившихся ей; а потому они должны быть:

a) Многочисленны, по мѣрѣ возможности, дешевы, всюду и всякому доступны.

b) Они и содержаніемъ, и изложеніемъ своимъ, должны соотвѣтствовать степени развитія того народнаго слоя, для котораго они назначены. Едва-ли слѣдуетъ упоминать о

совершенной неумѣстности въ нихъ всякаго прибауточнаго и сказочнаго тона: съ народомъ должно обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ.

с) Наконецъ, самая цѣль нашего общества ограничиваетъ уже число предметовъ, которымъ будутъ посвящены наши изданія. Перечень ихъ слѣдующій: азбука; грамота (въ смыслѣ писанія); элементарныя начертанія — законодательства русскаго относительно правъ и обязанностей состояній, ариѳметики, географіи, естественныхъ наукъ, технологіи по всѣмъ ея отраслямъ, земледѣлія и скотоводства, вообще хозяйства въ обширномъ смыслѣ. Беллетристика допускается только съ величайшей осторожностью и не иначе, какъ съ общеполезною, обучающею цѣлью; сочиненія, имѣющія предметомъ одинъ интересъ вымысла, не допускаются вовсе; избранныя біографіи, хорошія описанія путешествій, получаютъ почти исключительное предпочтеніе. Одна изъ главныхъ обязанностей будущихъ комитетовъ должна состоять въ неуклонномъ надзорѣ за этимъ отдѣломъ и въ недопусканіи въ него всякихъ постороннихъ элементовъ. Объявить заранѣе невозможность какихъ-либо отступленій отъ этого перечня—было бы неумѣстнымъ; но принципъ долженъ быть сохраненъ.

О кабинетахъ для чтенія и устройствѣ ихъ теперь распространяться не для чего: они предвидятся только при дальнѣйшемъ развитіи общества.

Считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ предупрежденіе возможныхъ возраженій насчетъ излишней обширности нашей программы, а именно насчетъ соединенія школьнаго дѣла съ дѣломъ изданія элементарныхъ книгъ.

Въ нашихъ глазахъ заведеніе школъ стоитъ на первомъ планѣ въ вопросѣ народнаго просвѣщенія, а изданіе элементарныхъ книгъ является уже какъ необходимое ему подспорье; на неподготовленной почвѣ не взойдутъ и луч-

шія сѣмена. Намъ прежде всего предстоитъ создать читателей, а потомъ дать имъ возможность продолжать свое образованіе. Заведеніе элементарныхъ школъ своимъ, такъ сказать, первобытнымъ, не литературнымъ, а чисто общественнымъ и нравственнымъ характеромъ, привлечетъ къ намъ всѣхъ желающихъ блага Россіи, возбудитъ благородное соревнованіе во многихъ умахъ, не находившихъ доселѣ поприща для своей дѣятельности. Правительство будетъ несомнѣнно сочувствовать нашимъ яснымъ и простымъ цѣлямъ: вспомнимъ, что ни одно изъ европейскихъ правительствъ не могло, именно въ дѣлѣ элементарнаго образованія, обойтись безъ содѣйствія частныхъ обществъ; вспомнимъ также и то, что наше правительство, въ инструкціяхъ г. министра внутреннихъ дѣлъ по поводу освобожденія крестьянъ, прямо поставило на видъ дворянству пользу и необходимость заведенія частныхъ школъ. Повторяемъ: программа наша не страдаетъ излишнею обширностью. Дѣятельность общества проникнута одною мыслью и, — выражаясь двояко: заведеніемъ школъ и изданіемъ элементарныхъ книгъ, — стремится къ единой цѣли, которой тѣмъ самымъ вѣрнѣе достигаетъ.

Мы переходимъ къ бѣглому изложенію способовъ осуществленія общества. Матеріальныя средства, на которыя оно должно открыться, будутъ состоять изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и добровольныхъ пожертвованій. Общество намѣрено отстранить совершенно систему выбора въ члены: всякій, вносящій minimum опредѣленной платы (мы предлагаемъ 3 руб. сер. въ годъ), тѣмъ самымъ дѣлается членомъ общества; сверхъ того, оно приглашаетъ къ соучастію всѣ сословія Россіи безъ исключенія, отъ крестьянина до богатаго и знатнаго человѣка, и даже можетъ считать въ числѣ своихъ членовъ цѣлыя сельскія общины, если бы онѣ пожелали числиться между его соучастниками подъ своимъ собирательнымъ именемъ. Какъ на особенную честь

для себя, будетъ смотрѣть общество, если русскія женщины всѣхъ классовъ соблаговолятъ принять на себя званіе его членовъ.

Извѣстное количество лицъ (мы предлагаемъ 80), объявившихъ свое согласіе на участіе въ обществѣ, уже достаточно для открытія его.

Остается важный пунктъ, именно — образованіе центральнаго комитета, на который возложено будетъ исполненіе предначертаній общества. Здѣсь представляется необходимость двоякихъ мѣръ и правилъ: а) для первоначальнаго существованія комитета, съ исключительной цѣлью—устроить возникающее общество и составить инструкціи для послѣдующихъ комитетовъ съ одобренія общаго собранія членовъ; и б) для постояннаго его дѣйствія. Въ первомъ случаѣ мѣры и правила могутъ быть изложены довольно кратко:

Принимая во вниманіе, что центральное управленіе общества должно непремѣнно находиться въ С.-Петербургѣ, какъ въ мѣстѣ наиболѣе удобномъ для полученія административныхъ статистическихъ и другихъ свѣдѣній, и принимая тоже во вниманіе великую важность, которую имѣетъ и старая наша столица въ дѣлѣ народнаго образованія, программа наша предполагаетъ соединить въ одномъ спискѣ 80 именъ, принадлежащихъ извѣстнымъ дѣятелямъ обоихъ городовъ. При этомъ, намъ кажется, не можетъ быть и помина о какомъ-либо самопроизвольномъ выборѣ съ чьей-либо стороны 80 именъ; но 40 въ каждомъ городѣ будутъ указаны общественнымъ мнѣніемъ, ихъ репутаціей и собственнымъ согласіемъ на участіе въ обществѣ. Затѣмъ предоставляется той и другой столицѣ, въ частныхъ собраніяхъ своихъ, избрать по 8 лицъ изъ сказанныхъ 80 членовъ, и избранные такимъ образомъ 16 человѣкъ составятъ первоначальный комитетъ, засѣдающій, какъ и всѣ послѣдующіе комитеты, непремѣнно въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ

уже новосоставленный центральный комитетъ избираетъ изъ среды своей, по большинству голосовъ, предсѣдателя, секретаря, кассира и т. п. Существованіе какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующихъ комитетовъ, не должно превышать одного года, хотя лица, составляющія комитетъ, могутъ быть каждый разъ вновь избираемы.

Но при развитіи общества уже простое чувство справедливости показываетъ, что привилегія избирать членовъ въ центральный комитетъ не можетъ быть предоставлена исключительно ни Петербургу, ни Москвѣ, а должна принадлежать въ равной степени всѣмъ членамъ общества, на какихъ бы концахъ Россіи они ни находились. Вопросъ такимъ образомъ усложняется, и сыскать мѣру для разрѣшенія его становится нѣсколько труднѣе. Мы предлагаемъ слѣдующій способъ:

Не всякій членъ, сочувствующій цѣли общества, можетъ принять на себя званіе члена комитета, ибо это званіе требуетъ многихъ жертвъ, какъ-то: обязательнаго пребыванія въ Петербургѣ въ продолженіе года и отдачи своего времени и своей дѣятельности на безвозмездное, въ матеріальномъ смыслѣ, служеніе обществу. Съ другой стороны, не всякій членъ, желающій воспользоваться правомъ выбора, имѣетъ возможность наименовать 16 лицъ, соединяющихъ условія, необходимыя для комитетской дѣятельности. Вотъ почему наша программа, признавая право выбора въ комитетъ за всѣми членами общества по всей Россіи, считаетъ наиболѣе удобнымъ положить слѣдующія правила, облегчающія самый этотъ выборъ: всѣ тѣ лица, которыя находятся въ положеніи, дозволяющемъ имъ принять на себя обязанность комитетскаго члена, имѣютъ объявить себя кандидатами на это званіе, присылая имена свои, за три мѣсяца до выборовъ, въ С.-Петербургъ, гдѣ они будутъ напечатаны въ „Вѣстникѣ Общества“ и распубликованы по всей Россіи. Такимъ образомъ, съ одной стороны,

будетъ открыта дорога для всѣхъ и сохранено равенство правъ, а съ другой стороны, будетъ отстранена возможность выбора въ комитетъ лицъ, хотя бы и весьма достойныхъ, но не могущихъ, по положенію своему, подчиниться обязанностямъ, сопряженнымъ съ званіемъ комитетскаго члена; ибо всѣ члены общества, объявившіе себя кандидатами, тѣмъ самымъ объявили готовность принять на себя эти обязанности. Съ помощью вышеозначеннаго списка, члены общества, разсѣянные по всей Россіи, будутъ имѣть готовый матеріалъ для произведенія выборовъ и къ назначенному сроку могутъ присылать имена своихъ кандидатовъ въ Петербургъ, гдѣ присланные голоса разбираются не иначе какъ въ общемъ собраніи общества. Въ публичномъ затѣмъ засѣданіи провозглашаются имена 16 лицъ, получившихъ большинство голосовъ. Комитетъ, составленный этимъ способомъ, можетъ, кажется, служить самымъ вѣрнымъ выраженіемъ общихъ желаній всѣхъ членовъ общества. Нечего опасаться, что немногіе пожелаютъ внести свои имена въ этотъ списокъ: состоять въ комитетѣ не есть преимущество, а услуга, жертва,—русскіе люди ни отъ того, ни отъ другого не отказываются.

Общія собранія для повѣрки дѣйствій комитета и для выслушанія его отчетовъ созываются ежегодно, въ день основанія общества.

Въ первомъ общемъ собраніи будутъ разсмотрѣны инструкціи, составленныя первоначальнымъ комитетомъ.

Комитетъ имѣетъ право, въ случаѣ необходимости, созывать и экстренныя собранія, объявивъ предварительно вопросы, которые онъ желаетъ подвергнуть общему обсужденію.

Дальнѣйшія подробности, какъ-то: о подраздѣленіи комитета на коммиссіи, объ отношеніи къ обществу его агентовъ, находящихся по губерніямъ, и т. д. и т. д., предоставляется опредѣлить уставу.

NB. Всякаго рода возраженія или замѣчанія на этотъ проектъ съ благодарностью будутъ приняты по слѣдующимъ двумъ адресамъ:

Ивану Сергѣевичу Тургеневу, въ Парижъ, poste restante;

Павлу Васильевичу Анненкову, въ С.-Петербургѣ—въ Демидовскомъ переулкѣ, въ домѣ Висконти.

„Вѣстникъ Европы". 1884, май.

VI. — Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ.

(Письмо къ Н. А. Основскому).

Я познакомился съ Бѣлинскимъ въ концѣ 1842 года, въ С.-Петербургѣ. Онъ жилъ тогда въ домѣ Лопатина, у Аничкова моста. Меня привелъ къ нему нашъ общій знакомый З.—Я много слышалъ о немъ и очень желалъ познакомиться съ нимъ, хотя нѣкоторыя его статьи, написанныя имъ въ предыдущемъ (1841) году, возбудили во мнѣ недоумѣніе. Я увидѣлъ человѣка небольшого роста, сутуловаго, съ неправильнымъ, но замѣчательнымъ и оригинальнымъ лицомъ, съ нависшими на лобъ бѣлокурыми волосами и съ тѣмъ суровымъ и безпокойнымъ выраженіемъ, которое такъ часто встрѣчается у застѣнчивыхъ и одинокихъ людей; онъ заговорилъ и закашлялъ въ одно и тоже время, попросилъ насъ сѣсть и самъ торопливо сѣлъ на диванъ, бѣгая глазами по полу и перебирая табакерку въ маленькихъ и красивыхъ ручкахъ. Одѣтъ онъ былъ въ старый, но опрятный байковый сюртукъ, и въ комнатѣ его замѣчались слѣды любви къ чистотѣ и порядку. Бесѣда началась. Сначала Бѣлинскій говорилъ довольно много и скоро, но безъ одушевленія, безъ улыбки, какъ-то криво приподнимая верхнюю губу, покрытую подстриженнымъ усомъ; онъ выражался общими, принятыми въ то время въ литературномъ кругу, мѣстами, отозвался

съ пренебреженіемъ о двухъ-трехъ извѣстныхъ лицахъ и изданіяхъ, о которыхъ и упоминать бы нестоило; но онъ но немногу оживился, поднялъ глаза, и всё лицо его преобразилось. Прежнее суровое, почти болѣзненное выраженіе замѣнилось другимъ: открытымъ, оживленнымъ и свѣтлымъ; привлекательная улыбка заиграла на его губахъ и засвѣтилась золотыми искорками въ его голубыхъ глазахъ, красоту которыхъ я только тогда и замѣтилъ. Бѣлинскій самъ навелъ рѣчь на это настроеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ написалъ свои прошлогодніе статьи, особенно одну изъ нихъ и, съ безжалостной, съ преувеличенной рѣзкостью осудивъ ихъ, какъ дѣло прошлое и темное, беззастѣнчиво высказалъ переломъ, совершившійся въ его убѣжденіяхъ.—Я съ намѣреніемъ употребилъ слово: беззастѣнчиво. Бѣлинскій не вѣдалъ той ложной и мелкой щепетильности эгоистическихъ натуръ, которыя не въ силахъ сознаться въ томъ, что онѣ ошиблись, потому что имъ ихъ собственная непогрѣшимость и строгая послѣдовательность поступковъ, часто основанныя на отсутствіи или бѣдности убѣжденій, дороже самой истины. Бѣлинскій былъ самолюбивъ, но себялюбія, но эгоизма въ немъ и слѣда не было; собственно себя онъ ставилъ ни во что̀; онъ, можно сказать, простодушно забывалъ о себѣ передъ тѣмъ, что̀ признавалъ за истину; онъ былъ живой человѣкъ,—шелъ, падалъ, поднимался и опять шелъ впередъ какъ живой человѣкъ. Скажу прибавить, что падалъ онъ только на пути умствараэвитія: другихъ паденій онъ не испытывалъ и испытать не могъ, потому что нравственная чистота этого—какъ выражались его противники (гдѣ они теперь!)—„*цинизма*“ была по истинѣ изумительна и трогательна; знали о ней только близкіе его друзья, которымъ была доступна внутренность храма.

Бѣлинскій всталъ съ дивана и началъ расхаживать по комнатѣ, понюхивая табачокъ, останавливаясь, громко

смѣясь каждому мало-мальски острому слову, своему и чужому. Должно сказать, что собственно блеску въ его рѣчахъ не было: онъ громко повторялъ одинъ и тѣ же шутки, не совсѣмъ даже замысловатыя; но когда онъ былъ въ ударѣ и умѣлъ сдерживать свои нервы (что̀ ему не всегда удавалось: онъ иногда увлекался и кричалъ), не было возможно представить человѣка болѣе краснорѣчиваго, въ лучшемъ, въ русскомъ смыслѣ этого слова: тутъ не было ни такъ называемыхъ цвѣтовъ краснорѣчія, ни подготовленныхъ эффектовъ, ни искусственнаго запинанія, ни даже того оньяненія собственнымъ словомъ, которое иногда принимается и самимъ говорящимъ и слушателями за „настоящее дѣло“;—это было неудержимое изліяніе петерпѣливаго и порывистаго, но свѣтлаго и здраваго ума, согрѣтаго всѣмъ жаромъ чистаго и страстнаго сердца и руководимаго тѣмъ тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ правды и красоты, котораго почти ничѣмъ не замѣнишь. Бѣлинскій былъ именно тѣмъ, что мы бы рѣшились назвать центральной натурой; то есть, онъ всѣми своими качествами и недостатками стоялъ близко къ центру, къ самой сути своего народа, а потому самые его недостатки, какъ напримѣръ его малый запасъ познаній, его неусидчивость и неохота къ медленнымъ трудамъ, получали характеръ какъ-бы необходимости, имѣли значеніе историческое. Человѣкъ ученый не могъ бы быть постоянно представителемъ нашего общества двадцать лѣтъ тому назадъ; онъ бы не могъ быть имъ даже теперь. Но это не мѣшало Бѣлинскому сдѣлаться однимъ изъ руководителей общественнаго сознанія своего времени. Ибо во первыхъ онъ, хотя и не былъ ученъ, зналъ однако довольно для того, чтобы имѣлъ право говорить и наставлять другихъ; а во вторыхъ—онъ зналъ именно то, что̀ нужно было знать, и это знаніе срослось у него съ жизнью, какъ во всякой центральной натурѣ. Можно быть человѣкомъ

и весьма умнымъ, блестящимъ и замѣчательнымъ, и находиться въ то же время на периферіи, на окружности, если можно такъ выразиться, своего народа.... Всякому случалось встрѣчать такія натуры: нельзя не сожалѣть объ ихъ безплодности, но удивляться ей нечего. Однако я отвлекаюсь отъ предмета моего письма.

Послѣ перваго моего посѣщенія Бѣлинскаго, я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ въ продолженіи зимы. На святой я уѣхалъ въ деревню и уже опять встрѣтился съ нимъ лѣтомъ на дачѣ Лѣснаго Института. Тутъ мы сошлись съ нимъ окончательно и видались почти каждый день. Въ то время (публика объ этомъ давно забыла—я по крайней мѣрѣ льщу себя этой надеждой) я напечаталъ небольшой разсказъ въ стихахъ, который, въ силу нѣкоторыхъ, едва-замѣтныхъ, крупицъ чего-то похожаго на дарованіе, заслужилъ одобреніе Бѣлинскаго, всегда готоваго протянуть руку начинающему и привѣтствовать все, что хотя немного обѣщало быть полезнымъ приращеніемъ тому, что Бѣлинскій любилъ самой страстной любовью—Русской словесности. Онъ даже напечаталъ статью объ этомъ разсказѣ въ „Отечест. Запискахъ“,—статью, которую я не могу вспомнить не краснѣя; за то въ весьма непродолжительномъ времени надежды Бѣлинскаго на мою литературную будущность значительно охладѣли, и онъ сталъ считать меня способнымъ на одну лишь критическую и этнографическую дѣятельность. Какъ бы то ни было, но наше сближеніе лѣтомъ 1843 года имѣло результатомъ продолжительныя шестичасовыя бесѣды, въ теченіе которыхъ мы съ Бѣлинскимъ касались всѣхъ возможныхъ предметовъ, преимущественно однако философскихъ и литературныхъ.

Онъ занималъ одну изъ тѣхъ сбитыхъ изъ барочныхъ досокъ и оклеенныхъ грубыми пестрыми обоями клѣтокъ,—которыя въ Петербургѣ называются дачами; состоялъ при

этой дачѣ какой-то непріятный, всѣмъ доступный садикъ, гдѣ растенія не могли—да кажется и не хотѣли дать тѣни; сообщенія съ Петербургомъ были затруднительны—въ ближней лавочкѣ не находилось ничего кромѣ дурного чаю и такого же сахару — словомъ удобствъ никакихъ! Помнится, Бѣлинскій, человѣкъ совершенно не практическій, въ житейскомъ смыслѣ, купилъ между прочимъ по совѣту доктора козу для молока, а у козы за старостью лѣтъ молока не оказалось.—Но лѣто стояло чудесное — и мы съ Бѣлинскимъ много гуляли по сосновымъ рощицамъ, окружающимъ Лѣсной Институтъ, запахъ ихъ былъ полезенъ его уже тогда разстроенной груди. Мы садились на сухой и мягкій, усѣянный тонкими иглами мохъ —и тутъ то происходили между нами тѣ долгіе разговоры, о которыхъ я упомянулъ выше. Я тогда недавно воротился изъ Берлина, гдѣ занимался философіей Гегеля; Бѣлинскій разспрашивалъ меня, слушалъ, выражалъ, развивалъ свои мысли — и все это онъ дѣлалъ съ какой-то алчной жадностью, съ какимъ то стремительнымъ домогательствомъ истины. Трудно было иногда слѣдить за нимъ; человѣку хотѣлось—по человѣчеству—отдохнуть—но онъ не зналъ отдыха—и ты поневолѣ отвѣчалъ и спорилъ—и нельзя было пенять на это нетерпѣніе: оно вытекало изъ самыхъ нѣдръ взволнованной души. Страстная по преимуществу натура Бѣлинскаго высказывалась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи, въ самомъ его молчаніи; умъ его постоянно и неутомимо работалъ; — но теперь, когда я вспоминаю о нашихъ разговорахъ, меня болѣе всего поражаетъ тотъ глубокій здравый смыслъ, то, ему самому не совсѣмъ ясное, но тѣмъ болѣе сильное сознаніе своего призванія, сознаніе, которое при всѣхъ его безоглядочныхъ порывахъ не позволяло ему отклоняться отъ единственно-полезной въ то время дѣятельности: литературно-критической, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова.

Критика его не имѣла тогда (да и послѣ) никакой заранѣ опредѣленной системы: собственно теорія критики, разсужденія о разныхъ ея родахъ—и т. д. его мало занимали: онъ и въ этомъ былъ прямо русскій, не отвлеченный человѣкъ. Для него литература была однимъ изъ самыхъ полныхъ проявленій живыхъ силъ народа; онъ требовалъ отъ критика вообще—и отъ себя—не столько изученія народа и его исторіи, сколько любви къ нему и пониманія его, вмѣстѣ съ пониманіемъ художества и поэзіи, и полагалъ, что съ этими данными критикъ имѣетъ право выражать свое мнѣніе. Онъ чувствовалъ, что въ то время, когда онъ писалъ, прямо дѣйствовать на общественное сознаніе было невозможно; разрабатывать массу данныхъ фактовъ, вносить критическій анализъ въ исторію нашей литературы—для этого ему не доставало свѣдѣній, а главное тогда было не до того. Тогда слѣдовало разчистить самый родникъ, уяснить первоначальныя понятія современниковъ о томъ, что въ словесности нашей представлялось какъ правда и какъ красота, слѣдовало сказать обо всѣхъ ея явленіяхъ искреннее и смѣлое слово—и Бѣлинскій принялся за это дѣло со всей несокрушимой энергіей своей восторженной натуры. Въ этомъ дѣлѣ никто не былъ его учителемъ, руководителемъ: изъ кружка своихъ московскихъ друзей онъ вынесъ почти всѣ свои познанія, знакомство съ результатомъ науки; онъ многимъ былъ имъ обязанъ; они дали ему въ руки орудіе, но никто не могъ сказать ему какъ имъ дѣйствовать, противъ кого сражаться; онъ какъ-будто проводилъ ихъ идеи, исполнялъ ихъ замыслы,—но ни одинъ изъ его товарищей—наставниковъ не былъ въ состояніи замѣнить его, дѣлать *его* дѣло, потому что онъ превосходилъ ихъ всѣхъ безъ исключенія силой и тонкостію эстетическаго пониманія, почти непогрѣшительнымъ вкусомъ. При его страстномъ желаніи быть всегда истиннымъ, при отсут-

ствіи въ немъ всякой мелкой щепетильности, Бѣлинскій легко поддавался вліянію людей, которыхъ онъ уважалъ и которымъ вѣрилъ. Въ его натурѣ лежала склонность къ преувеличенію, или, говоря точнѣе, къ безотвѣтному и полному высказыванью всего того, что ему казалось справедливымъ; осторожность, предусмотрительность были ему чужды; стоило только взглянуть на полулисты, которые онъ посылалъ въ типографію, на эти прямыя, какъ стрѣлы, строки его быстраго, крупнаго, своеобразнаго почерка, почти безъ помарокъ, чтобы понять, что это писалъ человѣкъ, который не взвѣшивалъ и не разсчитывалъ свои выраженья. Оттого онъ часто увлекался и впадалъ въ противорѣчія съ самимъ собою, на которыя враги его указывали потомъ съ злорадным и безплодным торжествомъ; оттого онъ въ теченіе года внезапно началъ наполнять свои статьи школьными выраженіями нѣмецкой философіи, которыми онъ самъ добродушно радовался; оттого онъ иногда, читая между строками у авторовъ въ родѣ Красова, превозносилъ ихъ за то, что онъ одинъ прочелъ, за то, на что они едва намекали. Но со всѣмъ тѣмъ можно утвердительно сказать, что этотъ наплывъ, что эти набѣжавшія волны не касались его почвы, и что онъ даже въ самыхъ далекихъ своихъ „странствованіяхъ“ все-таки оставался самимъ собою, т. е. оригинальнымъ и самолюбивымъ мыслителемъ, едва ли не самымъ замѣчательнымъ критикомъ своего времени. Съ этимъ вѣроятно согласятся всѣ тѣ, которые внимательно прочтутъ его недавно собранныя и изданныя сочиненія. Особенно замѣчательны и интересны были его критическія отношенія къ Пушкину, Гоголю и Лермонтову,—этимъ тремъ далеко не одинаково даровитымъ, но полнѣйшимъ представителямъ нашей поэзіи. Впрочемъ, я намѣренъ поговорить объ этомъ съ вами во второмъ моемъ письмѣ, которое послѣдуетъ вскорѣ. Но не могу теперь же не раз-

сказать вамъ одинъ случай, въ которомъ особенно ясно высказался характеръ Бѣлинскаго. Въ первые дни своего пребыванія на дачѣ Лѣснаго Института его занималъ одинъ очень важный религіозный вопросъ: повѣрите ли, что въ теченіе восьми дней, пока онъ не добился удовлетворительнаго, по его мнѣнію, разрѣшенія своихъ сомнѣній, онъ былъ въ лихорадкѣ, ни о чемъ другомъ говорить не могъ, не понималъ даже какъ можно говорить о чемъ-нибудь другомъ, пока вопросъ такой важности не разрѣшенъ, и упрекалъ меня въ легкомыслін, какъ только я позволялъ себѣ малѣйшее уклоненіе. Черта, быть можетъ, забавная, но надъ которой стоитъ призадуматься, особенно намъ, русскимъ людямъ—и особенно теперь!

Москов. Вѣстникъ, 1860 г. Январь № 3.

VII.—Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“, по поводу вопроса о первомъ печатномъ произведеніи И. С. Тургенева *).

М. М.—Желая вкратцѣ объяснить нѣкоторые до меня лично касающіеся факты, прошу позволенія обратиться къ посредству вашего журнала.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась замѣтка г-на Н. Библіографа, въ которой указывается на разборъ книги Муравьева: „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ русскимъ“—помѣщенный въ „Журналѣ Министерства Просвѣщенія“ за 1836-й годъ, какъ на *первое* мое печатное произведеніе. Существованіе этой статьи меня удивило болѣе чѣмъ кого-либо. Мнѣ тогда только-что минуло семнадцать лѣтъ, я былъ студентомъ с.-петербургскаго университета; родственники мои, въ виду обезпеченія моей будущей карьеры, отрекомендовали меня Сербиновичу,

*) Это „*первое произведеніе*“ помѣщено въ настоящемъ томѣ на стр. 245-й.

тогдашнему издателю „Журнала Министерства Просвѣщенія“.... Сербиновичъ, котораго я видѣлъ всего *одинъ* разъ, желая, вѣроятно, испытать мои способности, вручилъ мнѣ ту книгу Муравьева съ тѣмъ, чтобы я разобралъ ее; я написалъ нѣчто по ея поводу—и вотъ, теперь, чуть не черезъ сорокъ лѣтъ, я узнаю, что это „нѣчто“ удостоилось тисненія! Ни тогда, ни впослѣдствіи я моей напечатанной статейки въ глаза не видалъ! Вы, конечно, согласитесь со мною, что не могу же я, по совѣсти, считать это ребяческое упражненіе своимъ первымъ литературнымъ трудомъ.

Парижъ, 3 дек. 1875.

VIII.—Отвѣтъ „Иногородному обывателю“. Письмо къ редактору „Вѣстника Европы“.

Любезный М. М.—Вамъ, какъ старинному моему пріятелю, хорошо извѣстно, съ какой неохотой я рѣшаюсь занимать публику вопросами, лично до меня касающимися; но прочтенная мною на дняхъ корреспонденція г. „Иногороднаго Обывателя“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вынуждаетъ меня взяться за перо.

Корреспонденція эта появилась по поводу напечатаннаго въ газетѣ „Temps“ моего письма, предпосланнаго разсказу изгнанника, содержавшагося въ одиночномъ заключеніи въ теченіе четырехъ лѣтъ,—разсказу, представлявшему исключительно психологическій и, пожалуй, судебный интересъ.

Если бы г. „Иногородный Обыватель“ ограничился одними посильными оскорбленіями, я бы не обратилъ на нихъ вниманія, зная, изъ какой „кучи“ идетъ этотъ „громъ“; но онъ позволяетъ себѣ заподозрѣвать мои убѣж-

денія, мой образъ мыслей,—и я не имѣю права отвѣчать на это однимъ презрѣніемъ.

Приписывая мнѣ всяческія неблагородныя побужденія и чуть ли не преступныя намѣренія, г. „Иногородный Обыватель“ обвиняетъ меня въ низкопоклонствѣ, въ заискиваніи, въ „кувырканіи“ передъ нѣкоторой частью нашей молодежи. Такого рода заискиваніе предполагаетъ отступничество отъ собственныхъ убѣжденій и поддѣлываніе подъ чужія. Но, не хвастаясь и не обинуясь, а просто констатируя фактъ, я имѣю право утверждать, что убѣжденія, высказанныя мною и печатно, и изустно, не измѣнились ни на іоту въ послѣднія сорокъ лѣтъ; я не скрывалъ ихъ никогда и ни передъ кѣмъ. Въ глазахъ нашей молодежи—такъ какъ о ней идетъ рѣчь—въ ея глазахъ, къ какой бы партіи она ни принадлежала—я всегда былъ и до сихъ поръ остался „постепеновцемъ“, либераломъ стараго покроя въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ *только свыше*, — принципіальнымъ противникомъ революцій, — не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени. Молодежь была права въ своей оцѣнкѣ— и я почелъ бы недостойнымъ и ея, и самаго себя, представляться ей въ другомъ свѣтѣ. Тѣ овація, о которыхъ упоминаетъ г. „Иногородный обыватель“, мнѣ были пріятны и дороги именно потому, что *не я шелъ къ молодому поколѣнію*, нерасположеніе котораго я весьма философически переносилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ (со времени появленія „Отцовъ и Дѣтей“), но потому, *что оно шло ко мнѣ;* онѣ были мнѣ дороги, эти овація, какъ доказательство проявившагося сочувствія къ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ я всегда былъ вѣренъ, и которыя громко высказывалъ въ самыхъ рѣчахъ моихъ, обращенныхъ къ людямъ, которымъ угодно было меня чествовать.

Съ какой же стати мнѣ было лгать и заискивать въ нихъ, когда они сами мнѣ протягивали руки и вѣрили мнѣ?

И какъ подумаешь, изъ чьихъ устъ исходятъ эти клеветы, эти обвиненія?! Изъ устъ человѣка, съ младыхъ ногтей заслужившаго репутацію виртуоза въ дѣлѣ низкопоклонства и „кувырканія“, сперва добровольнаго, а наконецъ даже невольнаго! Правда—ему ни терять, ни бояться нечего: его имя стало нарицательнымъ именемъ,—и онъ не изъ числа людей, которыхъ дозволительно потребовать къ отвѣту. Но и въ его положеніяхъ оглядка не мѣшаетъ: во всякомъ случаѣ, не ему упоминать объ „опозоренныхъ сѣдинахъ“; не зачѣмъ обращать взоры читающей публики на собственную голову. Публика и безъ того хорошо его знаетъ.... и, смѣю прибавить, знаетъ и меня.

Парижъ, rue de Douai.
2-го января 1880 г.

IX.—Крокетъ въ Виндзорѣ.

Сидитъ королева въ Виндзорскомъ бору....
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду недавно игру;
Ту „крòкетъ“ игру называютъ.
Катаютъ шары—и въ отмѣченный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло....
Глядитъ королева, смѣется и вдругъ
Умолкла.... лице поблѣднѣло....

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной—
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной....

То головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей....
На лицахъ—слѣды истязаній,
И звѣрскихъ обидъ, и звѣриныхъ когтей—
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

И вотъ—королевина младшая дочь—
Прелестная дѣва—катастъ
Одну изъ головъ—и все далѣе, прочь,
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ.
Головка ребенка, въ пушистыхъ кудряхъ—
И ротикъ лепечетъ укоры....
И вскрикнула тутъ королева—и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.

„Мой докторъ! На помощь! скорѣй!“ И ему
Она повѣряетъ видѣнье....
Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему;
„Газетъ васъ разстроило чтенье.
„Толкуетъ намъ „Times“, какъ болгарскій народъ
„Сталъ жертвой турецкаго гнѣва....
„Вотъ капли.... примите.... все это пройдетъ!“
И въ замокъ идетъ королева.

Вернулась домой и въ раздумьи стоитъ....
Скопились тяжелыя вѣжды....
О, ужасъ, кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды!
„Велю это смыть! Я хочу позабыть!
„На помощь, британскія рѣки!“—
—Нѣтъ, ваше величество! Вамъ ужъ не смыть
Той крови невинной во вѣки.

Сиб. 20-го іюня, 1876.

IV.

ПЕРЕВОДЫ.

I. — Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ, соч. Густава Флобера.

I.

Отецъ и мать Юліана обитали въ замкѣ, построенномъ посреди лѣсовъ, на склонѣ холма.

Четыре угловыя башни заканчивались остроконечными крышами, покрытыми чешуей изъ свинцовыхъ бляхъ;—а стѣны упирались въ темя скалъ, круто спускавшихся до самаго дна глубокихъ разсѣлинъ.

Камни, которыми вымощенъ былъ обширный дворъ, были такъ же гладки и чисты, какъ церковныя плиты. Длинные жолобы, изображавшіе драконовъ съ опущенной внизъ пастью, извергали дождевую воду: она стекала ручьями въ цистерну, а на подоконникахъ, во всѣхъ этажахъ, красовались базилики и геліотропы въ расписанныхъ глиняныхъ горшкахъ.

Вторая каменная ограда заключала въ себѣ сперва фруктовый садъ, потомъ палисадникъ, въ которомъ искусныя сочетанія цвѣтовъ изображали вензеля; затѣмъ шпалеры виноградныхъ лозъ съ бесѣдками для отдыха и прохлажденія; наконецъ, особо отведенное мѣсто, гдѣ пажи забавлялись игрою въ мячъ.—Съ другой стороны находились псарни, конюшни, пекарня, давильня для винограда и амбары. Зеленое пастбище разстилалось вокругъ, огороженное, въ свою очередь, крѣпкимъ терновымъ тыномъ.

Миръ такъ давно не нарушался въ томъ замкѣ, что опускная рѣшотка воротъ оставалась постоянно поднятою, рвы заросли травой, ласточки вили гнѣзда въ трещинахъ бойницъ—и часовой, весь день прогуливавшійся по валу, уходилъ въ сторожку, лишь только солнце начинало слишкомъ печь—и засыпалъ въ ней сномъ праведника.

Внутри замка повсюду блестѣли желѣзныя оковки; шитые обои оберегали комнаты отъ холода; шкафы были биткомъ набиты бѣльемъ, въ погребахъ громоздились бочки съ цѣпными винами, а дубовые сундуки ломились подъ тяжестью мѣшковъ съ серебромъ.

Въ оружейной залѣ, между знаменами и выдѣланными мордами хищныхъ звѣрей, висѣли оружія всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ праща амалекитянъ и дротика гарамантійцевъ—и кончая короткой, широкой шпагой сарацынъ и кольчугою норманновъ.—На главномъ вертелѣ въ очагѣ кухни могъ удобно жариться цѣлый быкъ—а капелла пышностью не уступала королевской молельнѣ. Въ одномъ углу двора, въ сторонѣ, находилась даже римская баня;—но добрый господинъ не пользовался ею, не желая придерживаться языческихъ обычаевъ.

Постоянно закутанный въ лисью шубу, онъ прогуливался по замку, творилъ судъ и расправу надъ своими вассалами, рѣшалъ споры сосѣдей.—Зимою онъ засматривался на хлопья падавшаго снѣга и заставлялъ читать себѣ сказ-

ки.—Какъ только наступали первые ясные дни, онъ отправлялся на своемъ лошакѣ по узкимъ тропинкамъ вдоль зеленѣвшихъ нивъ, разговаривалъ съ крестьянами, давалъ имъ наставленія и совѣты. Послѣ многихъ приключеній, онъ взялъ себѣ въ супруги дѣвицу изъ высокаго рода.

Она была очень бѣла тѣломъ, немного горда и насмѣшлива. Верхъ ея высокаго головнаго убора касался притолки, когда она проходила черезъ дверь, шлейфъ ея суконнаго платья влачился на три шага позади ея. Въ ея домашнемъ быту соблюдался строгій, монастырскій порядокъ. Каждое утро она распредѣляла работы между своими служанками, присматривала за вареньями и благовонными мазями, пряла пряжу или вышивала напрестольныя пелены.

Она такъ усердно молилась Богу, что онъ внялъ, наконецъ, ея мольбамъ и даровалъ ей сына.

На той великой радости добрый господинъ задалъ пиръ, который длился четыре дня и три ночи, при свѣтѣ факеловъ, при звукахъ арфъ.—Всѣ полы были усыпаны зелеными листьями.—Самыя дорогія пряности, куры, величиною съ барана, подавались гостямъ. Ради забавы, изъ большого пирога выскочилъ карликъ; ковшей, наконецъ, не хватило—такъ что пришлось пить изъ турьихъ роговъ и шлемовъ.

Родительница не присутствовала при этихъ празднествахъ.—Она лежала въ постели—спокойно и мирно.—Однажды она проснулась и увидѣла въ лунномъ лучѣ, падавшемъ изъ окна, какъ бы движущуюся тѣнь.—То былъ старецъ въ грубой волосяной рясѣ, съ чётками на чреслахъ, съ котомкой за плечами—въ полномъ одѣяніи отшельника.—Онъ подошелъ къ ея постели—и сказалъ, не разжимая губъ:

— Радуйся, о мать! Твой сынъ будетъ святой!

Она хотѣла вскрикнуть — но, скользнувъ по верхней чертѣ луннаго луча, старецъ тихо поднялся на воздухъ— и исчезъ.—Застольныя пѣсни раздавались громче прежняго.—Она услыхала голоса ангеловъ—и голова ея упала на подушку, надъ которой, на задней стѣнѣ кровати, виднѣлась кость святого мученика, въ богатой оправѣ изъ карбункуловъ.

На другой день всѣ спрошенные слуги объявили, что не видали никакого отшельника.

На яву ли то случилось, или во снѣ—но то было, конечно, откровеніе свыше. Она никому не сказала объ этомъ, боясь, какъ бы ее не упрекнули въ гордости.

Къ утру гости разошлись—и отецъ Юліана, проводивъ послѣдняго изъ нихъ, сталъ у башенныхъ воротъ, какъ вдругъ передъ нимъ предсталъ въ туманѣ нищій. То былъ цыганъ съ заплетённой бородой, съ серебряными застьями на обѣихъ рукахъ;—его зрачки сверкали. Съ вдохновеннымъ видомъ произнесъ онъ несвязныя слова:

— А! А! Твой сынъ! Много крови, много славы, постоянно счастливъ, родня императору!

И, нагнувшись, чтобы поднять подаяніе, онъ исчезъ въ травѣ, сгинулъ!

Добрый господинъ посмотрѣлъ направо, налѣво, позвалъ людей громкимъ голосомъ.... Никого!—Вѣтеръ свисталъ, утренній туманъ разсѣевался.

Онъ приписалъ это видѣніе слабости головы своей, утомленной недостаткомъ сна. — „Если я разскажу объ этомъ“, думалъ онъ, „надо мной будутъ смѣяться“. Однако, величіе и блескъ судебъ, ожидающихъ его сына, ослѣпляли его, хотя обѣщаніе и не было вполнѣ ясно—и онъ даже сомнѣвался, точно ли онъ все это слышалъ?

Супруги скрывали другъ отъ друга свою тайну;—но оба они любили дитя одинаковой любовью—и, считая его от-

мѣченнымъ самимъ Богомъ, всячески радѣли и заботились о немъ.

Постелька его была набита самымъ тонкимъ пухомъ; надъ ней постоянно горѣла лампада въ видѣ голубя; три мамки укачивали его—и, крѣпко запелёнанный, розовенькій, голубоглазый, въ парчевой мантіи и чепчикѣ, разубранномъ жемчужинами, онъ походилъ на младенца Іисуса.

Зубы прорѣзались у него такъ легко, что онъ ни разу отъ нихъ не плакалъ.

Когда ему исполнилось семь лѣтъ, мать научила его пѣть,—а отецъ, дабы внушить ему мужество, посадилъ его на широкобедреннаго коня. Дитя улыбалось отъ радости и скоро научилось всѣму, что̀ принадлежитъ ратной верховой ѣздѣ.

Старый, очень ученый монахъ, нарочно выписанный изъ Калабріи, обучилъ его священному писанію, арабской цифири, латинскимъ буквамъ и рисованію миніатюръ на пергаментѣ. Они занимались вдвоемъ, на самомъ верху башни, вдалекѣ отъ суеты и шума. Послѣ обѣда они сходили въ садъ—и, степенно гуляя, изучали цвѣты.

Иногда въ глубинѣ долины появлялась вереница вьючныхъ животныхъ, погоняемыхъ пѣшеходомъ въ восточной одеждѣ. Господинъ, распознавъ въ немъ купца, посылалъ за нимъ слугу. Чужестранецъ довѣрчиво сворачивалъ съ пути, и, введенный въ пріемную, выкладывалъ изъ своихъ сундуковъ бархаты и шелка̀, серебряныя и золотыя вещи, благовонія, диковинные предметы — неизвѣстнаго употребленія,—и уходилъ, подъ-конецъ, съ полнымъ карманомъ, не потерпѣвъ насилія.

Въ другое время, толпа богомольцевъ-паломниковъ просила пристанища. Ихъ мокрыя одежды дымились у очага; а насытившись, они разсказывали о своихъ путешествіяхъ, о блужданіи кораблей по бурнымъ морямъ, о долгихъ

странствіяхъ пѣшкомъ по раскаленнымъ пескамъ пустыни, о свирѣпости язычниковъ, о сирійскихъ пещерахъ, о священныхъ ясляхъ и гробницѣ Христовой.—Потомъ они дарили раковины съ своихъ плащей молодому наслѣднику—и удалялись съ миромъ.

Часто также господинъ угощалъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищей. За чарой вина они вспоминали о войнахъ, въ которыхъ они участвовали, объ осадахъ крѣпостей, о тяжкихъ ударахъ военныхъ машинъ и таранов, о необычайныхъ, громадныхъ ранахъ. Юліанъ вскрикивалъ, слушая ихъ разсказы. Тогда отецъ его не сомнѣвался въ томъ, что впослѣдствіи онъ будетъ завоевателемъ. Но передъ окончаньемъ дня, выходя отъ вечерни, шагъ за шагомъ, мимо преклоненныхъ нищихъ, Юліанъ съ такимъ скромнымъ благороднымъ видомъ подавалъ милостыню изъ своего кошеля, что мать его, съ своей стороны, такъ же не сомнѣвалась въ томъ, что увидитъ его современемъ архіепископомъ.

Въ капеллѣ онъ всегда помѣщался подлѣ родителей—и какъ бы ни была длинна служба, онъ все время стоялъ на колѣняхъ у аналоя, безъ шапки, со сложенными на молитву руками.

Однажды, поднявъ во время обѣдни голову, онъ замѣтилъ маленькую бѣлую мышь, выпедшую изъ скважины стѣны. Она побѣгала немножко по первой ступени алтаря,—и, протрусивъ раза два-три—направо, налѣво, снова скрылась въ скважинѣ.

Въ слѣдующее воскресенье мысль, что онъ опять ее увидитъ—смущала его. Она однако вернулась.... и каждое воскресенье онъ ждалъ ея: она его раздражала, онъ началъ ее ненавидѣть —и рѣшился, наконецъ избавиться отъ нея.

Заперевъ двери и накрошивъ на ступеняхъ алтаря объѣдки хлѣба, онъ сталъ около скважины съ тросточкой въ рукѣ.—Спустя долгое время, показалась, наконецъ, мор-

дочка—а затѣмъ и вся мышка. Онъ легонько ударилъ ее тросточкой — и оцѣпенѣлъ въ изумленіи при видѣ маленькаго, недвижнаго тѣльца. Капля крови запятнала плиту. Онъ поспѣшно вытеръ ее рукавомъ, выбросилъ мышь— и никому не сказалъ объ этомъ ни слова.

Разнородныя пичужки клевали зёрна въ саду.—Юліану пришло въ голову наполнить горохомъ пустой стволъ тростника—и, заслышавъ щебетаніе на деревѣ, онъ тихонько подкрадывался, направлялъ свою трубку—надувалъ щеки.... и пичужки сыпались ему на плечи въ такомъ изобиліи, что онъ невольно смѣялся, довольный своей выдумкой.

Однажды, утромъ, возвращаясь съ валу, онъ увидѣлъ на гребнѣ стѣны голубя, толстаго, красноногаго голубя; онъ красовался и двигалъ зобомъ на солнцѣ. Юліанъ остановился, чтобы посмотрѣть на него—и такъ какъ стѣна въ этомъ мѣстѣ нѣсколько обрушилась и разсѣлась—то ему случайно попалъ подъ руку осколокъ камня. Онъ поднялъ руку—и камень полетѣлъ прямо въ птицу, которая такъ и покатилась въ ровъ, какъ чурбанчикъ.

Проворнѣе молодого пса кинулся онъ за нею, царапаясь о терновникъ—и началъ всюду шарить.

Голубь съ перешибленными крыльями трепеталъ еще, повиснувъ на вѣтвяхъ ясеня.

Упорство жизни раздражило дитя. Онъ принялся душить голубя—и судороги издыхавшей птицы заставляли прыгать его сердце. Онъ испытывалъ дикое, мятежное наслажденіе. При послѣднемъ содроганіи голубя онъ вдругъ почувствовалъ, что силы его покидаютъ.... Онъ едва не упалъ въ обморокъ.

Вечеромъ за ужиномъ, отецъ объявилъ ему, что въ его годы слѣдуетъ учиться звѣриной ловлѣ—и принесъ старую, кругомъ исписанную тетрадь, заключавшую въ вопросахъ и отвѣтахъ перечень всѣхъ охотничьихъ забавъ.

Составитель этой тетради обучалъ въ ней ученика искусству натаскивать собакъ и вынашивать ястребовъ, показывалъ какъ слѣдуетъ ставить западни, какъ узнавать оленя по его помету, лисицу и волка—по ихъ слѣдамъ; какой лучшій способъ распознавать тропы звѣрей, какъ ихъ выгонять изъ лѣсу, гдѣ находятся ихъ пристанища; какіе бываютъ благопріятные вѣтры и погоды;—а затѣмъ слѣдовало исчисленіе всѣхъ охотничьихъ криковъ и поговорокъ, холканій и порсканій.

Когда Юліанъ выучилъ все это наизусть, тогда отецъ отобралъ для него знатную стаю собакъ.

Въ эту стаю поступило — во первыхъ, двадцать-пять варварійскихъ борзыхъ кобелей; они были рѣзвѣе серн, но, по горячности своей, никогда неудержимы; затѣмъ семнадцать паръ бретонскихъ краснопѣгихъ гончихъ, чуткихъ, добычливыхъ, горластыхъ, съ стальною грудью, потомъ—сорокъ брусбартовъ, мохнатыхъ, не хуже медвѣдей; ихъ спускали на кабановъ, когда тѣ внезапно садились на задъ и грозили клыками.—Татарскіе псы, величиной почти съ осла, огненнаго цвѣта, широкіе, жилистые, съ прямыми какъ стрѣлы ногами, предназначались для охоты за зубрами.—Черная шерсть испанокъ лоснилась какъ атласъ; заливчатое тявканіе „тальботовъ“ не уступало серебристому лаю англійскихъ „битлей“. На отдѣльномъ дворѣ рычали, потрясая цѣпями и ворочая кровавыми зрачками, восемь аланскихъ договъ; то были страшныя животныя, которыя впивались въ брюхо всадникамъ и не боялись самого льва.

Всѣхъ этихъ псовъ кормили пшеничнымъ хлѣбомъ; лакали они изъ каменныхъ корытъ—и клички у нихъ были звонкія.

Но соколиный дворъ, пожалуй, превосходилъ еще псарню. Добрый господинъ за дорогую цѣну добылъ себѣ кавказскихъ беркутовъ, вавилонскихъ сѣроголовыхъ подорли-

ковъ, нѣмецкихъ ястребовъ и дербниковъ, да бѣлыхъ кречетовъ, пойманныхъ на утесахъ, по берегамъ холодныхъ морей, въ странахъ отдаленныхъ.

Всѣ эти ловчія птицы жили подъ навѣсомъ, крытомъ соломою—а подъ насѣстью, къ которой онѣ были привязаны по ранжиру роста, передъ каждой изъ нихъ находился клочокъ дёрна. Отъ времени, до времени, чтобъ дать птицамъ размяться и встряхнуться, ихъ спускали на этотъ дёрнъ.

Всевозможныя западни были изготовлены въ изобиліи: и тенёта, и крюки, и желѣзныя ловушки, и подвижныя зеркальца для ловли жаворонковъ.

Лягавыхъ собакъ часто водили въ поле—и онѣ тотчасъ же находили дичь и дѣлали стойку. Тогда охотники осторожно приближались къ нимъ, растягивали надъ ихъ неподвижными тѣлами огромную сѣть—и условленнымъ знакомъ приказывали имъ лаять. Перепелы вылетали изъ травъ—и приглашенныя, вмѣстѣ съ мужьями, сосѣднія дамы, дѣти, служанки, всѣ бросались на птицъ, запутанныхъ въ петляхъ сѣти—и безъ труда овладѣвали ими.

Въ другой разъ, били въ барабанъ, чтобы выгнать изъ острова зайцевъ; лисицы падали въ ямы—или внезапно соскочившая пружина западни хватала волка за ногу.

Но Юліанъ пренебрегалъ этими безопасными хитростями. Онъ любилъ охотиться вдали отъ всѣхъ, одинъ на своемъ конѣ и съ любимой своей птицей.—Обыкновенно то былъ скіоскій кречетъ, бѣлый какъ снѣгъ. На его кожаномъ клобучкѣ развѣвался султанчикъ; золотые бубенчики бряцали на его синеватыхъ лапахъ. Конь скакалъ; луга разстилались и проносились мимо, — а кречетъ крѣпко держался на рукѣ своего господина. Юліанъ, развязавъ путы, вдругъ спускалъ его. Прямо, какъ стрѣла, взвивалась вверхъ смѣлая птица.... Только двѣ неровныя точки видѣлись въ вышинѣ.... Онѣ двигались, соединялись, затѣмъ исчезали въ лазури. Кречетъ скоро спу-

скался, разрывая добычу—и трепеща крыльями, садился снова на рукавицу къ хозяину.

Юліанъ ловилъ такимъ образомъ цапель, луней, галокъ и коршуновъ.

Онъ любилъ трубить въ охотничій рогъ, идя слѣдомъ за своими псами, которые мчались по скатамъ холмовъ, перепрыгивая ручьи, вбѣгали въ лѣсъ; и когда олень начиналъ стонать, терзаемый ихъ зубами, онъ живо сваливалъ его однимъ быстрымъ ударомъ — и любовался яростью псовъ, пожиравшихъ разсѣченные куски его туши на дымившейся шкурѣ.

Въ туманные дни онъ забирался въ болото—и подстерегалъ дикихъ гусей, утокъ или выдру.

Съ самой зари три конюха дожидались его у крыльца, а старый монахъ, высунувшись изъ слухового окна, напрасно дѣлалъ ему знаки и звалъ его къ себѣ. Юліанъ не оборачивался.—Онъ уходилъ и въ жаръ, и въ дождь, и въ бурю; пилъ пригоршней ключевую воду, ѣлъ на ходу дикія яблоки и ягоды, отдыхалъ подъ дубомъ, если уставалъ; и возвращался уже ночью, поздно, весь въ грязи и въ крови, съ колючками въ волосахъ, весь пропитанный запахомъ дичи. Когда мать цѣловала его, онъ холодно принималъ ея ласки—и, казалось, размышлялъ о чемъ-то важномъ и далёкомъ.

Онъ убивалъ медвѣдей ножомъ, быковъ топоромъ, кабановъ рогатиной—и однажды, имѣя при себѣ одну только палку, долго оборонялся отъ стаи волковъ, глодавшихъ трупы подъ висѣлицей.

Въ одно зимнее утро, еще до восхода солнца, выѣхалъ онъ въ полномъ вооруженіи, съ самострѣломъ на плечѣ и съ пукомъ стрѣлъ въ колчанѣ, придѣланномъ къ сѣдельной лукѣ.

Земля гудѣла подъ ровной поступью его датскаго жеребца; за хвостомъ коня бѣжали двѣ лохматыя собаки.—

Вѣтеръ дулъ неистово; плащъ Юліана покрылся зернами инея. Небосклонъ сталъ проясняться съ одной стороны—и сквозь бѣловатыя утреннія сумерки, онъ увидѣлъ кроликовъ, прыгавшихъ у своихъ норокъ.—Объ собаки тотчасъ кинулись на кроликовъ, и, быстро ихъ хватая, ломали пополамъ ихъ спинные хребты.

Скоро затѣмъ въѣхалъ онъ въ лѣсъ. На концѣ одинокой вѣтки, весь окоченѣлый отъ холода, спалъ глухарь-тетеревъ, подвернувъ голову подъ крыло. Юліанъ отсѣкъ ему мечемъ на-отмашь объ лапы—и, не подобравъ его, продолжалъ свой путь.

Три часа спустя, очутился онъ на вершинѣ горы столь высокой, что небо надъ нею казалось почти чёрнымъ. Передъ нимъ, подобно длинной стѣнѣ, свѣшивался утёсъ надъ бездной;—на крайнемъ его концѣ два дикихъ козла смотрѣли внизъ, понуривъ головы.—Не имѣя стрѣлъ, ибо конь его остался позади — онъ вздумалъ спуститься къ нимъ. Задерживая дыханіе, чуть не ползкомъ, босой, онъ подкрался сзади къ первому козлу—и вонзилъ ему кинжалъ между ребрами. Второй, обезумѣвъ отъ ужаса, прыгнулъ въ бездну. Юліанъ кинулся-было, чтобы ударить и его, но, поскользнувшись, упалъ на трупъ перваго съ распростертыми руками и перевѣсившимся черезъ край бездны лицомъ.

Возвратившись въ поле, онъ пошелъ вдоль ивъ, разросшихся по берегу большой рѣки. Низко летѣвшіе журавли проносились отъ времени до времени надъ его головою—и онъ убивалъ ихъ бичомъ, ни разу не давая промаха.

Между тѣмъ въ воздухѣ потеплѣло; иней растаялъ, пары заколыхались широкими пеленами — и показалось солнце. Подъ его лучами засверкала вдали свинцовая гладь какъ бы застывшаго озера. По самой серединѣ этого озера виднѣлось незнакомое Юліану животное — черноморднй бобръ. Не смотря на разстояніе, стрѣла

Юліана вонзилась въ него—и онъ досадовалъ, что не могъ унести съ собою шкуру убитаго звѣря.

Затѣмъ онъ вошелъ въ аллею высокихъ деревьевъ, образовавшихъ верхушками своими какъ-бы подобіе тріумфальной арки. Она вела въ большой лѣсъ. Изъ чащи выскочила дикая коза, на перекресткѣ показалась лань, изъ норы вышелъ барсукъ—павлинъ распустилъ свой хвостъ на зеленой муравѣ—и когда онъ ихъ всѣхъ умертвилъ—появились другія дикія козы, другія лани, другія барсуки, другіе павлины; а тамъ дрозды, сойки, хорьки, лисицы, ежи, рыси, безчисленное множество животныхъ—все больше, больше съ каждымъ шагомъ. Они кружились около него, трепеща всѣмъ тѣломъ—и взоры ихъ, на него устремленные, были кротки и полны смиренной мольбы. Но Юліанъ не уставалъ убивать. Онъ то натягивалъ самострѣлъ, то обнажалъ мечъ, то кололъ ножомъ, ни о чёмъ не думая, ничего не помня и не понимая.... Онъ охотился въ какой-то невѣдомой странѣ, неизвѣстно съ какихъ поръ—безсознательно, почти безчувственно. Все совершалось съ тою легкостью, какую испытываешь во снѣ.

Необычайное зрѣлище остановило его. Стадо оленей наполняло долину, имѣвшую видъ цирка; тѣсно скученные, одинъ возлѣ другого, они отогрѣвались дыханіемъ своимъ, которое дымилось въ туманѣ.

Надежда на истребленіе—громадное, небывалое—дотого обрадовала Юліана, что на нѣсколько мгновеній у него дыханіе сперлось. Онъ слѣзъ съ коня, засучилъ рукава и принялся стрѣлять.

При свистѣ первой стрѣлы всѣ олени разомъ повернули головы, въ ихъ сплошной массѣ образовались какъ бы впадины; раздались жалобные голоса—и все стадо заколыхалось.

Края цирка были слишкомъ высоки и круты; олени не могли ихъ перескочить: они метались по дну долины, ища

спасенія.—Юліанъ цѣлился, стрѣлялъ, цѣлился снова.... Стрѣлы сыпались, какъ дождь. Олени, обезумѣвъ, дрались, лягались, карабкались другъ на друга—и тѣла ихъ со спутанными рогами воздвигались широкимъ холмомъ, который то-и-дѣло обрушивался, — передвигался. Наконецъ, сваленные на песокъ, съ пѣной у ноздрей, съ вылѣзшими книгами, они испустили дыханіе—и волнообразное колыханіе ихъ боковъ и черёвъ, постепенно ослабѣвая, затихло.—Затѣмъ все стало неподвижно.

Наступила ночь—и за лѣсомъ, сквозь разрѣзы вѣтвей, видѣлось небо, красное, какъ кровавая пелена.

Юліанъ прислонился къ дереву. Выпуча глаза, смотрѣлъ онъ на необъятную бойню, не постигая, какъ это онъ могъ одинъ совершить.

Но вдругъ на другой сторонѣ долины показались олень, лань и съ нимъ ихъ дѣтеныш—теленокъ.

Олень былъ весь черный, огромнаго росту, съ шестнадцатью отростками на рогахъ и бѣлой бородою; — лань, блѣдножелтая, цвѣту осенняго листа, щипала траву, а пятнистый дѣтеныш, не останавливая ея, на ходу сосалъ ея вымя.

Снова натянулась и завыла тетива самострѣла.... Теленокъ тотчасъ былъ убитъ.... Тогда мать, поднявъ глаза къ небу, затосковала громкимъ, раздирающимъ, человѣческимъ голосомъ. Юліанъ, въ бѣшенствѣ, выстрѣломъ прямо въ грудь повалилъ ее на землю.

Старый олень все это видѣлъ и прыгнулъ къ нему на встрѣчу. Юліанъ пустилъ въ него свою послѣднюю стрѣлу. Она вонзилась ему въ лобъ и осталась на мѣстѣ. Старый олень словно не почувствовалъ ея; перешагнувъ черезъ трупы, онъ все приближался и, казалось, готовился ринуться на Юліана и вскинуть его на рога. Юліанъ въ невыразимомъ страхѣ попятился назадъ. Но дивное животное остановилось—и, сверкая глазами, торжественно,

какъ патріархъ, какъ судія, между тѣмъ какъ вдали звякалъ колоколъ—трижды провозгласило:

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ! Придетъ день — и ты, свирѣпый человѣкъ, умертвишь отца и мать!

Олень опустился на колѣни, закрылъ тихо вѣжды—и испустилъ духъ.

Юліанъ остолбенѣлъ. Онъ почувствовалъ внезапную, крайнюю усталость; необычайная печаль, отвращеніе, тоска овладѣли имъ. Закрывъ лицо руками, онъ долго плакалъ.

Коня онъ потерялъ, собаки покинули его, пустыня, окружавшая его, казалось, угрожала ему несказанными бѣдами.

Объятый страхомъ, онъ побѣжалъ черезъ поле по первой понравившейся ему тропинкѣ—и почти немедленно очутился у воротъ своего замка.

Всю ночь онъ не спалъ. При колеблющемся мерцаніи висячей лампады онъ постоянно видѣлъ стараго, чернаго оленя. Предвѣщаніе умиравшаго звѣря преслѣдовало Юліана: онъ всячески пытался отогнать эту мысль.—„Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я не могу ихъ убить!“ А потомъ онъ думалъ: „Если бы я захотѣлъ, однако!“—И онъ боялся, что дьяволъ введетъ его въ искушеніе и внушитъ ему нечестное желанье.

Цѣлыхъ три мѣсяца мать его въ глубокой скорби молилась у изголовья его постели, а отецъ безпрерывно бродилъ по корридорамъ. Онъ призвалъ самыхъ знаменитыхъ лѣкарей; тѣ прописали Юліану множество различныхъ снадобій.—Недугъ Юліана, говорили они, причинился ему либо отъ зловреднаго вѣтра, либо отъ любовнаго желанія. Но молодой человѣкъ на всѣ вопросы отрицательно качалъ головою.

Силы понемногу вернулись къ нему—и старый монахъ и добрый господинъ стали водить его для прогулки по двору, поддерживая его подъ руки.

Оправившись совершенно, онъ продолжалъ упорно отказываться отъ охоты.

Отецъ, желая развлечь его, подарилъ ему большую сарацынскую шпагу. Она висѣла наверху столба среди другихъ доспѣховъ—и чтобы достать ее, понадобилась лѣстница.

Юліанъ взлѣзъ на нее—но тяжелая шпага выскользнула у него изъ пальцевъ—и, падая, такъ близко коснулась добраго господина, что разрѣзала его епанчу. Юліанъ вообразилъ, что убилъ отца—и лишился чувствъ.

Съ тѣхъ поръ онъ боялся оружія. Одинъ видъ желѣза заставлялъ его блѣдиѣть. Подобная слабость приводила въ отчаяніе его семью.

Наконецъ, старый монахъ именемъ Бога, чести и предковъ приказалъ ему возвратиться къ своимъ дворянскимъ обязанностямъ.

Конюхи его отца ежедневно забавляли его метаніемъ дротиковъ. Юліанъ скоро достигъ совершенства въ этомъ искусствѣ. Онъ улучалъ дротикомъ въ горлышко бутылокъ, отбивалъ зубцы флюгеровъ,—а на сто шаговъ попадалъ въ гвоздья дверей.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, въ самый часъ сумерекъ, когда всѣ предметы становились неясными, Юліанъ стоялъ подъ виноградной лозой въ саду, и увидалъ далеко-далеко два бѣлыхъ крыла, которыя вздымались и порхали надъ шпалерникомъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что это были крылья аиста—и метнулъ свой дротикъ.

Раздался пронзительный крикъ. То была его мать. Длинные концы ея шлыка были пригвождены къ стѣнѣ.

Юліанъ убѣжалъ изъ замка, и болѣе уже не возвращался.

II.

Юліанъ нанялся въ проходившую шайку искателей приключеній, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они увели его далеко—и чтобы жизнь его подвергалась опасностямъ.

Онъ узналъ и голодъ, и жажду, и недугъ горячки, и всѣ безобразія нечистоты; онъ пріучился къ грохоту битвъ, къ виду умиравшихъ людей. Кожа его заскорузла отъ вѣтра, члены отвердѣли отъ соприкосновенія ратныхъ доспѣховъ, онъ весь закалился; а такъ какъ онъ отличался храбростью, силой, воздержаніемъ, смышленостью, то ему не трудно было достигнуть начальства надъ отдѣльнымъ отрядомъ.

Вступая въ битву, онъ, широкимъ взмахомъ меча, увлекалъ за собою солдатъ своихъ. Ночью взбирался онъ по узловатой веревкѣ на стѣны крѣпостей; вихорь раскачивалъ его, висящаго на воздухѣ; искры греческаго огня сыпались ему на латы, между тѣмъ какъ изъ бойницъ струились ручьи горячей смолы и расплавленнаго олова. Нерѣдко брошенный камень раздроблялъ его щитъ; мосты, обремененные людьми, проваливались подъ нимъ. Однажды, дѣйствуя своей тяжелой палицей, раздѣлался онъ съ дюжиной всадниковъ. На поединкахъ побѣждалъ онъ всѣхъ своихъ противниковъ; много разъ считали его мертвымъ.

Но Божья милость всегда сохраняла его цѣлымъ и невредимымъ; ибо онъ оказывалъ покровительство духовнымъ особамъ, сиротамъ, вдовамъ, а особенно старикамъ. Когда ему случалось видѣть впереди себя старика, онъ всякій разъ окликалъ его, желая взглянуть ему въ лицо—и какъ бы опасаясь убить его по ошибкѣ.

Бѣглые рабы, взбунтовавшіеся крестьяне, неимущіе, незаконно-рожденные, всякаго рода смѣльчаки и голыши стекались подъ его знамена—и онъ составилъ себѣ значительное войско. Оно росло, онъ сталъ извѣстенъ; всѣ владѣтели старались вступить съ нимъ въ союзъ.

Онъ служилъ поочередно у англійскаго короля, у французскаго дофина, у іерусалимскихъ меченосцевъ, у нарояпскаго „Сурёны-царя“, у абиссинскаго „Негуса“, у калькутскаго императора. Онъ воевалъ съ скандинавами, покрытыми рыбьей чешуей, съ неграми, вооруженными

круглыми щитами изъ бегемотовой кожи и ѣхавшими верхомъ на красныхъ ослахъ; съ златокожими индусами, размахивавшими надъ своими вѣнцеобразными тіарами—длинными, какъ зеркало сверкавшими саблями. Онъ побѣждалъ троглодитовъ и людоѣдовъ.—Онъ прошелъ войною столь знойные края, что отъ дѣйствія солнечнаго жара волосы людей сами собою вспыхивали, какъ факелы—а другіе края столь холодные, что руки отдѣлялись отъ плечъ и падали на землю; онъ прошелъ еще страну, гдѣ царили такіе туманы, что воины подвигались впередъ, окруженные со всѣхъ сторонъ призраками.

Республики въ затруднительныхъ случаяхъ обращались къ нему за совѣтомъ. При переговорахъ съ послами, онъ добивался неожиданно выгодныхъ условій. Если какой-либо монархъ велъ себя слишкомъ дурно, онъ внезапно являлся къ нему — и увѣнчевалъ его. Онъ освобождалъ народы и избавлялъ королей, заключенныхъ въ башни. Не кто другой—а именно Юліанъ убилъ медіоланскую змѣю-каракатицу и обербрбахскаго дракона.

Аквитанскій императоръ, восторжествовалъ надъ испанскими мусульманами, взялъ себѣ въ наложницы сестру кордуанскаго халифа и прижилъ съ нею дочь, которую онъ воспиталъ въ христіанскомъ законѣ; но халифъ, показывая видъ, что желаетъ обратиться въ истинную вѣру, явился къ нему яко бы въ гости, въ сопровожденіи многочисленной свиты, умертвилъ весь его гарнизонъ, а его самого посадилъ въ подземную тюрьму, и вообще обращался съ нимъ весьма жестоко, дабы вынудить у него признаніе, гдѣ онъ скрылъ свои сокровища.

Юліанъ поспѣшилъ на помощь къ императору, уничтожилъ войско невѣрныхъ, убилъ халифа, отрубилъ ему голову и перекинулъ ее, какъ мячъ, за крѣпостной валъ. Затѣмъ онъ вывелъ изъ тюрьмы императора, и посадилъ его на престолъ въ присутствіи всего двора.

Императоръ, въ награду за такую услугу, поднесъ ему въ корзинѣ много денегъ; Юліанъ не захотѣлъ взять ихъ. Тогда, полагая, что онъ хочетъ больше, императоръ предложилъ ему три-четверти своихъ богатствъ, и снова получилъ отказъ. Тогда онъ попросилъ раздѣлить съ нимъ царство; Юліанъ поблагодарилъ, и не согласился. Императоръ даже заплакалъ съ досады, не зная, какимъ образомъ доказать ему благодарность; но вдругъ онъ ударилъ себя по лбу и шепнулъ словечко на ухо одному придворному.

Полы занавѣса въ дверяхъ раздвинулись—и появилась молодая дѣвица.

Ея большія черныя очи свѣтились тихимъ и мягкимъ, ламиадным свѣтомъ; прелестная улыбка слегка раскрывала ея уста. Ея длинные волосы цѣпялись за алмазы, украшавшіе ея полураскрытое платье, а подъ прозрачной туникой понятнымъ, но тайнымъ намекомъ сказывалась сладостная юность ея дѣвическаго тѣла. Вся она была нѣжненькая, пухленькая, тоненькая.

Ослѣпленный ея появленіемъ, Юліанъ почувствовалъ очарованіе любви; оно было тѣмъ сильнѣе, что доселѣ онъ велъ жизнь весьма цѣломудренную.

Онъ женился на дочери императора—и взялъ за нею замокъ, доставшійся ей отъ матери. По окончаніи свадебнаго пира, новобрачные распростились съ императоромъ, обмѣнявшись съ нимъ нескончаемыми заявленіями доброжелательства и дружбы.

Бѣломраморный дворецъ, въ которомъ Юліанъ поселился съ своей супругой, построенный на мавританскій ладъ, возвышался на мысу, вблизи морского залива, среди апельсинной рощи. Террасы, усаженныя цвѣтами, спускались до самаго прибрежья, гдѣ розовыя раковины хрустѣли подъ ногами прохожихъ. Позади замка разстилался вѣковой лѣсъ; небо надъ нимъ было постоянно лазурнаго цвѣта; деревья поочередно склонялись то подъ напоромъ вѣт-

ра, бѣжавшаго съ горъ, окаймлявшихъ небосклонъ—то подъ вѣяньемъ свѣжаго морского дыханья. Полутемныя комнаты дворца освѣщались вдѣланными въ стѣны украшеніями изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Высокія колонки, тонкія какъ тростникъ, поддирали своды куполовъ, разубранныхъ выпуклой рѣзьбой, представлявшей подобіе пещерныхъ сталактитовъ; фонтаны били въ залахъ, мозаика выстилала дворы; всюду видѣлись прорѣзныя перегородки, тысячи другихъ архитектурныхъ изощреній и затѣй—и всюду царствовала такая тишина, что слышался шелестъ женской перевязи или дальній отзвукъ вздоха.

Юліанъ болѣе не воевалъ. Онъ отдыхалъ, окруженный мирнымъ народомъ,—и каждый вечеръ проходила мимо него толпа, преклоняя колѣно и лобызая его руку, по восточному обычаю.

Одѣтый въ пурпуръ, сидѣлъ онъ, облокотившись, у окна — и вспоминалъ свои прежнія охоты. Ему хотѣлось бы преслѣдовать по пустынямъ сернъ и страусовъ, карауллть леопарда, скрываясь въ бамбуковой чащѣ, посѣщать лѣса, наполненные носорогами, взбираться на вершину недоступнѣйшихъ горъ, чтобы оттуда вѣрнѣе мѣтить въ пролетавшихъ орловъ—и на льдинахъ холодныхъ морей бороться съ бѣлыми медвѣдями.

Иногда во снѣ видѣлъ онъ себя праотцемъ Адамомъ—среди звѣрей—и, простерши руку, онъ ихъ всѣхъ умерщвлялъ; или же они проходили мимо, одни за другими, попарно, по росту, начиная со слоновъ и львовъ и кончая горностаями и утками,—какъ въ тотъ день, когда ихъ принялъ Ноевъ ковчегъ. Окутанный мракомъ глубокой пещеры, Юліанъ бросалъ въ нихъ свои неизмѣнныя копья; но тогда являлись другіе звѣри — и такъ безъ конца.... И онъ просыпался, свирѣпо вращая глазами.

Союзные съ нимъ принцы приглашали его на охоту—но онъ всегда отказывался, въ той надеждѣ, что подобной

энтимісй онъ отвратить отъ себя несчастье свое; ему казалось, что отъ умерщвленія животныхъ зависѣла судьба его родителей. Онъ скорбѣлъ, что не могъ увидаться съ ними,—а та, другая его присуха—его охотничья страсть—становилась нестерпимой.

Жена, чтобы развлечь его, призывала фигляровъ и танцовщицъ. Въ открытыхъ носилкахъ прогуливалась она съ нимъ по полямъ—или, лежа въ челнѣ и прислонясь къ его краю, они смотрѣли вдвоемъ на рыбъ, игравшихъ въ свѣтлой, какъ небо, водѣ. Иногда бросала она ему цвѣты въ лицо—а не то, прикорнувъ къ его ногамъ, напѣвала пѣсни на трехструнной лютнѣ; затѣмъ, положивъ скрещенныя руки ему на плечо, говорила робкимъ голосомъ: что съ вами, мой дорогой господинъ?

Онъ не отвѣчалъ или разражался рыданьями; наконецъ, однажды онъ признался въ ужасной мысли, которая его преслѣдовала.

Она стала оспаривать его—и ея доводы были разсудительны и толковы. Его отецъ и мать, вѣроятно, умерли. Если онъ когда-либо ихъ увидитъ — то какими судьбами, съ какой стати совершитъ онъ такой гнусный поступокъ? — Стало быть, его страхъ не имѣлъ основанія—и онъ долженъ снова начать охотиться.

Юліанъ съ улыбкой слушалъ ее—и все-таки не рѣшался удовлетворить свою страсть.

Въ одинъ августовскій вечеръ они оба находились въ спальнѣ. Она только-что легла — а онъ сталъ-было на колѣни, чтобы молиться—какъ вдругъ услышалъ вдали тявканіе лисицы, затѣмъ легкіе шаги подъ окномъ — и ему померещились въ тѣни какъ бы очертанія звѣрей. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Онъ отцѣпилъ колчанъ со стѣны. Она изумилась.

Я повинуюсь твоимъ совѣтамъ, — сказалъ онъ. — Къ восходу солнца я буду дома.

Однако она страшилась какого-нибудь пагубнаго приключенія. Онъ успокоилъ ее—и ушелъ, дивясь перемѣнчивости ея настроенія.

Скоро послѣ того вошелъ въ спальню пажъ и доложилъ, что двое неизвѣстныхъ, за отсутствіемъ господина желаютъ тотчасъ же видѣть госпожу.

И затѣмъ въ комнату вошли старикъ и старуха, сгорбленные, запыленные, въ холщевой одеждѣ. Каждый изъ нихъ опирался о палку.

Пріободрившись, они объявили, что принесли Юліану вѣсти объ его родителяхъ.

Госпожа выпрямилась на постели, готовясь ихъ выслушать.

Но, обмѣнявшись взглядами между собою, они спросили: помнитъ ли онъ родителей и говоритъ ли о нихъ иногда?

— О, да!—сказала она.

— Ну, такъ вѣдь это мы! И они оба сѣли, такъ какъ они запыхались и изнемогли отъ усталости.

Ничто не доказывало молодой женщинѣ, что супругъ ея былъ точно ихъ сынъ. Тогда, чтобы убѣдить ее, они описали особые знаки, которые онъ имѣлъ на тѣлѣ.

Она соскочила съ постели, позвала пажа—и имъ подали кушать. Хотя они очень были голодны, однако почти ничего не могли ѣсть, а она, стоя въ сторонѣ, замѣчала, какъ дрожали ихъ костлявыя руки, когда они брались за кубки.

Они закидали ее тысячами вопросовъ объ Юліанѣ; она на все отвѣчала, но скрыла, однако, ту зловѣщую мысль Юліана, которая ихъ касалась.

Они стали разсказывать, какъ, видя, что сынъ ихъ не возвращается, они покинули свой замокъ и пустились въ путь-дорогу, чтобы отыскать его; какъ бродили вотъ уже нѣсколько лѣтъ, руководствуясь неяснымъ указаніями, не теряя надежды. Имъ столько пришлось выплатить денегъ за переправы черезъ рѣки, да въ гостиницахъ, да на ко-

ролевскія пошлины, а также на удовлетвореніе воровъ и грабителей, что кошелекъ ихъ опустѣлъ, и теперь они принуждены просить милостыню. Но они увѣряли, что это не бѣда, такъ какъ вѣдь они теперь скоро обнимутъ сына.—Они радовались его счастью, что, вотъ, дескать, какую онъ добылъ себѣ миленькую жену;—не могли на нее довольно налюбоваться—и все ее цѣловали.

Пышность покоя очень ихъ изумляла, и старикъ, осмотрѣвъ стѣны, спросилъ, отчего тутъ находится гербъ аквитанскаго императора?

Она отвѣчала:

— Это отецъ мой.

Тогда онъ вздрогнулъ, вспомнивъ предсказаніе цыгана, а старухѣ пришло на умъ то, что сказалъ ей отшельникъ. „Конечно“, думала она, „слава сына ея только заря—предвѣстница небесной лучезарной славы“,—и оба они пребывали въ какомъ-то блаженномъ оцѣпенѣніи, не отводя глазъ отъ канделябра, освѣщавшаго столъ.

Они, должно-быть, очень были красивы собою въ молодости. Мать сохранила еще всѣ свои волосы; ихъ тонкія пряди, подобныя снѣгу, спускались вдоль ея щекъ; а отецъ, по высокому росту и длинной бородѣ, походилъ подъ лучами на церковную статую.

Жена Юліана убѣдила ихъ не дожидаться его. Она сама уложила ихъ въ свою постель, закрыла окно—и они заснули. День уже наступалъ; за оконной рѣшоткой начинали щебетать раннія птички.

А Юліанъ, минуя паркъ, шагалъ сильной поступью по лѣсу, наслаждаясь мягкостью травы и благорастворѐніемъ воздуха.

Длинныя тѣни деревьевъ тянулись по моховымъ кочкамъ. Лунный свѣтъ пестрилъ лѣсныя поляны бѣлыми пятнами. Юліанъ нерѣшительно подвигался впередъ. То̀ ему чудился отблескъ стоячей воды; то онъ не зналъ:

что это передъ нимъ, трава или поверхность неподвижнаго болота?—Всюду царила глубокая тишина—и не видѣлъ онъ ни одного изъ звѣрей, недавно бродившихъ вокругъ его замка.

Лѣсъ сталъ гуще; темнота усилилась. Теплый, порывистый вѣтеръ приносилъ съ собою запахъ, отъ котораго кружится и слабѣетъ голова. Ноги Юліана погружались въ груды сухихъ листьевъ. Онъ прислонился къ дубу, чтобы перевести духъ.

Вдругъ изъ-за спины его выскочила темная масса.... то былъ кабанъ. Юліанъ не успѣлъ схватить свой лукъ, и это огорчило его, точно несчастье съ нимъ случилось.

Затѣмъ, выйдя изъ лѣса, замѣтилъ онъ волка, пробиравшагося вдоль плетня. Онъ пустилъ въ него стрѣлу.—Волкъ остановился, повернулъ голову, глянулъ на него—и продолжалъ свой путь. Онъ трусилъ рысцой все въ одномъ и томъ же разстояніи отъ Юліана. По временамъ онъ останавливался, но лишь только Юліанъ въ него прицѣливался, онъ снова пускался на утекъ. Юліанъ прошелъ такимъ образомъ длинную-длинную равнину, затѣмъ песчаные холмы и очутился на плоскогоріи; оно господствовало надъ значительнымъ пространствомъ окрестнаго края. Могильныя плиты были разсѣяны тамъ между разрушенными склепами, — онъ спотыкался о мертвыя кости; кое-гдѣ жалобно торчали покосившіеся, источенные червями, деревянные кресты.

Но вотъ какіе-то образы зашевелились въ невѣрной тѣни могилъ — и изъ нея вышли гіены, взъерошенныя, испуганныя. Стуча когтями по плитамъ, подошли онѣ къ Юліану, протяжно зѣвая и обнажая свои десны.

Онъ выхватилъ мечъ. Всѣ они разомъ бросились прочь отъ него по всѣмъ направленіямъ—и, продолжая скакать своимъ торопливымъ и хромымъ галопомъ, изчезли вдали въ клубахъ пыли.

Часъ спустя, встрѣтилъ онъ въ оврагѣ бѣшенаго быка: онъ склонилъ рога и скрёбъ ногою землю; Юліанъ направилъ свое копье ему въ подгрудокъ: оно разлетѣлось въ дребезги — точно это животное было изъ мѣди. Онъ закрылъ глаза, ожидая смерти....Когда онъ ихъ открылъ— быкъ уже исчезъ.

Тогда онъ упалъ духомъ: онъ ощутилъ униженіе стыда. Высшая власть разрушала его силу. Онъ снова вошелъ въ лѣсъ, чтобы только поскорѣй вернуться домой.

Заглохлый лѣсъ весь заросъ ліанами. Онъ началъ-было рубить ихъ мечомъ, но вдругъ между ногъ его скользнула куница, барсъ перепрыгнулъ ему черезъ плечо и змѣя спиралью поползла вверхъ по стволу ясеня. Въ вѣтвяхъ его сидѣла чудовищная ворона и смотрѣла на Юліана; а тамъ и тутъ на деревьяхъ появилось множество широкихъ, лучистыхъ искръ, точно сводъ небесный высыпалъ на лѣсъ всѣ свои звѣзды. То были зѣницы звѣрей, дикихъ кошекъ, бѣлокъ, филиновъ, попугаевъ, обезьянъ.

Юліанъ пустилъ въ нихъ свои стрѣлы. Оперенныя стрѣлы садились на листья, словно бѣлыя бабочки. Онъ началъ швырять въ нихъ камнями. Камни, никого не задѣвая, падали обратно на землю. Тогда онъ разразился проклятіями, готовъ былъ самого себя изувѣчить, задыхался отъ бѣшенства, произносилъ нечестивыя слова!

И всѣ животныя, за которыми онъ нѣкогда охотился, появились теперь и образовали вокругъ него тѣсный кругъ. Одни сидѣли на заднихъ лапахъ, другія вздымались во весь ростъ. Онъ стоялъ среди нихъ, помертвѣвъ отъ ужаса; онъ не въ силахъ былъ пошевельнуться. Напрягши, наконецъ, послѣднюю волю свою, онъ ступилъ шагъ впередъ. Сидѣвшія на деревьяхъ животныя развернли крылья, находившіяся на землѣ расправили свои члены — и всѣ послѣдовали за нимъ.

Гіены выступали впереди его, волкъ и кабанъ позади; справа, поматывая огромной головою, шелъ быкъ, а слѣва змѣя волнообразно ползла по травѣ, между тѣмъ какъ барсъ, выгибая спину, подвигался впередъ огромными, мягкими, неслышными шагами. Юліанъ шелъ такъ тихо, какъ только возможно, чтобы не раздражить звѣрей,—и видѣлъ, какъ изъ чащи появились дикобразы, ехидны, чекалки, медвѣди.

Юліанъ побѣжалъ—и они побѣжали.

Змѣя шипѣла, вонючіе звѣри испускали слюну, кабанъ теръ ему пятки своими клыками, волкъ ѣрзалъ по его ладони мохнатой мордой; обезьяны, кривляясь, щипали его; куница свертывалась въ клубокъ у его ногъ; медвѣдь, наотмашь, сбилъ ему ланой шляпу съ головы; а барсъ презрительно уронилъ стрѣлу, которую держалъ въ пасти. Чувствовалась злая насмѣшка въ ухваткахъ звѣрей,—и, искоса поглядывая на него своими прищуренными зрачками, они, казалось, обдумывали планъ мести. Оглушенный жужжаніемъ насѣкомыхъ, ошеломленный ударами птичьихъ хвостовъ, задыхаясь отъ всѣхъ этихъ испареній и дыханій, Юліанъ шелъ съ закрытыми глазами, простирая руки впередъ, какъ слѣпой, не имѣя даже силы молить о пощадѣ. Вдругъ крикъ пѣтуха пронесся въ воздухѣ; другіе пѣтухи откликнулись. Наступало утро—и онъ узналъ надъ верхушками апельсинныхъ деревьевъ конекъ кровли на своемъ дворцѣ.

Затѣмъ на окраинѣ поля увидѣлъ онъ, въ трехъ шагахъ отъ себя, красныхъ куропатокъ, перепархивавшихъ по живью. Онъ разстегнулъ застежку воротника—и бросилъ на нихъ свой плащъ. Когда онъ его приподнялъ—то увидѣлъ только одну куропатку, давно уже издохшую, сгнившую.

Этотъ обманъ раздражилъ его болѣе, чѣмъ всѣ остальные. Жажда бойни, рѣзни, снова овладѣла имъ—и, за не-

имѣніемъ звѣрей, онъ готовъ былъ убивать людей. Онъ быстро пробѣжалъ всѣ три террасы своего дворца, кулакомъ вышибъ дверь—но на лѣстницѣ воспоминаніе о милой женѣ смягчило его сердце.—Она, вѣроятно, спитъ; онъ обрадуетъ ее своимъ появленіемъ.

Сбросивъ сандаліи, тихо повернулъ онъ ручку замка и вошелъ въ спальню. Расписныя стекла въ свинцовой оправѣ затемняли блѣдноватый свѣтъ зари. Юліанъ запутался въ платьѣ, лежавшемъ на полу; немного далѣе онъ натолкнулся на столъ, уставленный посудою. — „Знать, она ужинала“,—подумалъ онъ, подвигаясь къ кровати, скрытой въ самой темной глубинѣ комнаты. Остановившись у края кровати, онъ, чтобы поцѣловать жену, нагнулся къ подушкѣ, на которой рядышкомъ покоились двѣ головы.—Онъ почувствовалъ на губахъ своихъ прикосновеніе бороды.

Онъ отскочилъ, полагая, что сходитъ съ ума. Однако онъ снова вернулся къ кровати—и пальцы его ощупью коснулись длинныхъ волосъ. А! это жена!—Чтобы удостовѣриться въ своей прежней ошибкѣ, онъ медленно провелъ рукою по подушкѣ...- Что это? — Борода! Борода мужчины! Мужчина лежалъ возлѣ его жены!

Въ изступленномъ, безграничномъ гнѣвѣ онъ накинулся съ кинжаломъ на эту чету.... Съ пѣной во рту, топая ногами, рыча какъ дикій звѣрь, онъ наносилъ удары.... Потомъ затихъ. Оба спавшіе, тотчасъ же пораженные въ самое сердце, и не шелохнулись. Онъ внимательно прислушивался къ ихъ почти одинаковому хрипѣнью—и по мѣрѣ того, какъ оно ослабѣвало—другой голосъ вдали какъ бы продолжалъ этотъ страшный звукъ. Сначала едва внятный, голосъ этотъ, жалобный, зывывающій, приблизился, вздулся, залился какимъ-то жестокимъ, безпощаднымъ стенаніемъ—и Юліанъ, окаменѣвъ отъ ужаса, узналъ въ немъ предсмертный рыкъ стараго чернаго оленя!

Онъ повернулся наконецъ—и ему представился въ дверяхъ призракъ его жены со свѣчей въ рукѣ.

Шумъ совершаемаго убійства привлекъ ее. — Однимъ взглядомъ поняла она все—и въ перепугѣ страха, бросилась бѣжать, уронивъ на полъ свѣчу.

Онъ поднялъ эту свѣчу. Отецъ и мать его лежали передъ нимъ на спинѣ съ прободенной грудью—и ихъ величественно кроткія лица, казалось, хранили вѣчную тайну. Кровавыя брызги, кровавыя лужи видѣлись по ихъ бѣлымъ тѣламъ, по простынѣ, одѣялу, по полу — даже вдоль висѣвшаго въ альковѣ Христа изъ слоновой кости красѣла кровь. Алый отблескъ оконнаго стекла, въ которое въ это мгновенье ударило солнце, освѣщалъ эти красныя пятна и разбрасывалъ еще много другихъ по всей комнатѣ. Юліанъ подошелъ къ обоимъ мертвецамъ, убѣждая себя, силясь вѣрить, что это невозможно, что онъ ошибся, что бываютъ же такія удивительныя сходства! Онъ слегка наклонился, чтобы какъ можно ближе разсмотрѣть старика—и увидѣлъ подъ не вполнѣ закрытою вѣкою потухшій зрачокъ, прожегшій его какъ бы огнемъ. Затѣмъ онъ обошелъ постель, и приблизился къ сторонѣ, гдѣ лежалъ другой трупъ.... Бѣлые волосы прикрывали часть лица.—Юліанъ отстранилъ ихъ пальцами—поднялъ голову матери—и долго смотрѣлъ на нее, поддерживая эту голову самымъ концомъ окоченѣвшей руки,—въ другой онъ держалъ свѣчу—и свѣтилъ себѣ ею. Кровь сочилась съ тюфяка—и капля за каплей съ слабымъ стукомъ падала на полъ.

Подъ вечеръ онъ явился къ женѣ—и какимъ-то чужимъ, не своимъ голосомъ велѣлъ ей, во первыхъ, не отвѣчать ему, не подходить къ нему, даже не глядѣть на него, а во-вторыхъ, подъ страхомъ проклятья, исполнить всѣ его приказанія, которыя должны быть непарушимы.

Похороны слѣдовало устроить, согласно письменному

предписанію, оставленному имъ на аналоѣ въ комнатѣ покойниковъ. Юліанъ завѣщалъ женѣ свой замокъ, своихъ вассаловъ, все имущество свое—не удержавъ за собою даже той одежды, которая была на немъ—ни даже сандалій, которыя жена должна была найти наверху лѣстницы. Ставши невольной причиной его преступленія, она исполнила Божью волю—и должна молиться за упокой его души, такъ какъ съ этого дня онъ уже больше не существуетъ.

Покойниковъ съ пышностью похоронили въ монастырской церкви, отстоявшей на три перехода отъ замка. Монахъ, со спущеннымъ на лицо капюшономъ, слѣдовалъ издали за похоронной процессіей; никто не дерзалъ заговорить съ нимъ.

Въ продолженіи всей обѣдни лежалъ онъ ничкомъ у главнаго входа, съ распростертыми крестообразно руками, не поднимая головы изъ праха.

Послѣ погребенія онъ отправился по дорогѣ, ведшей въ горы. Онъ нѣсколько разъ оборачивался и, наконецъ, исчезъ.

III.

Юліанъ странствовалъ по міру, питаясь подаяніемъ.—На проѣзжихъ дорогахъ протягивалъ онъ руку всадникамъ, съ колѣнопреклоненіемъ подходилъ къ жнецамъ—или же неподвижно стоялъ у рѣшотокъ дворовъ—и лицо его было такъ печально, что никто не отказывалъ ему въ милостынѣ.

Побуждаемый самоуничиженіемъ, разсказывалъ онъ свою страшную повѣсть. Тогда всѣ осѣняли себя крестомъ и отдалялись отъ него. Когда же онъ возвращался въ деревню, въ которой ему разъ пришлось побывать, его встрѣчали угрозами, запирали передъ нимъ двери, швыряли въ него каменьями. Самые милосердые ставили ковшъ воды на край окна—и закрывали ставни, чтобы его не видѣть.

Отринутый всѣми, онъ сталъ избѣгать людей и питался кореньями, надалицей и ракушками, которыя собиралъ на плоскихъ песчаныхъ берегахъ.

Иногда съ высоты косогора онъ внезапно видѣлъ передъ собою массу скученныхъ крышъ города, каменныя колокольни, мосты, башни, скрещенныя темныя улицы, откуда доносился до него непрерывный гамъ. Потребность принять участіе въ жизни другихъ людей побуждала его спуститься въ городъ. Но грубое выраженіе лицъ, шумъ станковъ, безучастность рѣчей леденили его сердце. Въ праздничные дни, когда колокольный благовѣстъ соборовъ съ самой зари, радостно настраивалъ народъ, онъ смотрѣлъ на жителей, выходившихъ изъ своихъ домовъ, на хоровыя пляски посреди площадей, на фонтаны браги, струившіеся по перекресткамъ, на дворцы принцевъ, украшенные обоями и коврами; а когда наступалъ вечеръ, заглядывалъ украдкой въ окна нижнихъ этажей: тамъ, за длинными, семейными столами, сидѣли дѣды, держа маленькихъ внуковъ на колѣняхъ.—Рыданья душили его—и онъ снова уходилъ въ поле.

Съ невольнымъ порывомъ любовныхъ чувствъ слѣдилъ онъ взоромъ за пасшимися по лугамъ жеребятами, за птицами, сидѣвшими въ своихъ гнѣздахъ, за златокрылыми насѣкомыми, отдыхавшими на цвѣтахъ. Но всѣ животныя, при его приближеніи, либо убѣгали прочь, либо пугливо прятались, либо торопливо улетали.

Онъ снова сталъ искать уединенныхъ мѣстъ; но вѣтеръ приносилъ его слуху какъ бы предсмертный хрипъ; роса, падая на землю, напоминала ему другія, болѣе тяжелыя капли; солнце каждый вечеръ окрашивало кровью облака—и каждую ночь во снѣ повторялось ужасное отцеубійство.

Онъ сшилъ себѣ власяницу, усѣянную желѣзными остріями; на колѣняхъ вползалъ до часовень, стоявшихъ

на вершинахъ холмовъ; но безжалостное воспоминаніе омрачало пышность священныхъ храмовъ, терзало его даже посреди суровыхъ истязаній и добровольныхъ мукъ покаянія.

Онъ не ропталь на Бога за то, что Онъ присудилъ ему совершить тотъ поступокъ — и, однако, приходилъ въ отчаяніе при мысли, что онъ могъ его совершить.

Его собственная особа внушала ему такое отвращеніе, что въ надеждѣ избавиться отъ нея, онъ подвергалъ себя опасностямъ. Онъ спасалъ разбитыхъ параличомъ изъ пламени пожаровъ, путниковъ со дна глубокихъ пропастей. Пропасть извергала его обратно, пламя щадило его.

Время не утишило его страданій; они сдѣлались невыносимы: онъ рѣшился умереть.

Однажды, стоя на краю колодца, онъ нагнулся, чтобы глазомъ измѣрить глубину воды—и увидѣлъ передъ собою исхудалаго старика съ бѣлой бородою,—старика такого жалкаго и горькаго, что онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Тотъ тоже заплакалъ. Не узнавая себя, Юліанъ смутно припоминалъ лицо, похожее на это. Вдругъ онъ вскрикнулъ:—Да вѣдь это отецъ!—Послѣ того онъ уже болѣе не помышлялъ о самоубійствѣ.

Влача за собою тяжелое бремя своего воспоминанія, онъ прошелъ много странъ — и добрелъ, наконецъ, до одной рѣки, переправа черезъ которую считалась опасной, вслѣдствіе быстроты теченія и вязкой тины, покрывавшей оба берега на значительное разстояніе. Давно уже никто не отваживался переѣзжать эту рѣку.

Старая лодка, съ загрязжей кормой, выдвигала носъ свой изъ камышей. Юліанъ, осмотрѣвъ ее, нашелъ пару веселъ—и ему пришла въ голову мысль посвятить жизнь свою на служеніе другимъ.

Онъ началъ съ того, что устроилъ на одномъ берегу нѣчто въ родѣ насыпи, по которой можно было спускаться

до самаго фарватера. Онъ обломалъ себѣ ногти, выворачивая огромные камни; онъ перетаскивалъ ихъ, опирая ихъ о свой животъ. Ноги его скользили по тинѣ, вязли въ ней —и нѣсколько разъ онъ былъ близокъ къ погибели.

Затѣмъ онъ исправилъ лодку, пользуясь корабельными обломками, и соорудилъ себѣ шалашъ изъ глины и древесныхъ стволовъ. Лишь только узнали о возобновленіи переправы, появились и путники. Они призывали Юліана съ другого берега, махая значками. Онъ тотчасъ, живо, вскакивалъ въ лодку. Очень она была грузна, а ее еще переполняли всякой поклажей и тяжестями, не считая вьючныхъ животныхъ, которыя брыкались отъ страха и тѣмъ еще болѣе ее загромождали. Юліанъ ничего не просилъ за свой трудъ: нѣкоторые давали ему остатки припасовъ, которые вынимали изъ котомокъ своихъ, или же изношенную, ненужную болѣе одежду. Люди грубые бранились и богохульствовали; Юліанъ съ кротостію выговаривалъ имъ. Они отвѣчали ему ругательствомъ; онъ довольствовался тѣмъ, что благословлялъ ихъ.

Маленькій столикъ, скамья, ворохъ сухихъ листьевъ вмѣсто ложа, нѣсколько глиняныхъ чашекъ — вотъ въ чемъ состояла вся его утварь. Два отверстія въ стѣнѣ служили замѣсто оконъ. Съ одной стороны тянулись безплодныя равнины, усѣянныя мелкими лужами бѣлесоватаго цвѣта; съ другой—большая рѣка катила свои мутно-зеленыя волны; весной—сырая земля издавала запахъ гнили; лѣтомъ безпокойный вѣтеръ поднималъ вихри пыли. Всюду проникала эта пыль, грязнила воду, скрипѣла подъ зубами. Немного позже появлялись цѣлыя тучи комаровъ—и жужжаніе и жаленіе не прекращались ни днемъ, ни ночью; а тамъ наступали жестокіе морозы, придававшіе мертвенную жёсткость камня всѣмъ предметамъ и возбуждавшіе въ людяхъ неистовую потребность ѣсть мясо.

По цѣлымъ мѣсяцамъ Юліанъ никого не видѣлъ. Часто онъ закрывалъ глаза, стараясь перенестись памятью въ свою молодость. Дворъ большого замка возникалъ передъ нимъ, съ борзыми собаками на крыльцѣ, съ множествомъ слугъ въ оружейной залѣ, а въ виноградной бесѣдкѣ появлялся бѣлокурый отрокъ рядомъ со старикомъ, покрытымъ мѣховой одеждой—и съ дамой въ высокомъ шлыкѣ. Но вдругъ все исчезало, и Юліанъ видѣлъ только тѣ два трупа. Тогда онъ бросался ничкомъ на свое ложе, повторялъ, рыдая: — Ахъ, бѣдный отецъ! бѣдная мать! бѣдная мать!—и засыналъ, преслѣдуемый и во снѣ этими могильными видѣньями.

Однажды, ночью, онъ спалъ.... И вдругъ ему почудилось, что кто-то звалъ его. Онъ приникъ ухомъ.... но одинъ лишь ревъ сердитыхъ волнъ наполнялъ его слухъ.

Однако тотъ же голосъ повторилъ: „Юліанъ!“ Онъ доносился съ того берега, что̀, по ширинѣ рѣки, показалось Юліану удивительнымъ.

Въ третій разъ кто-то крикнулъ: „Юліанъ!“ Громкій голосъ звенѣлъ словно колоколъ церковный.

Засвѣтивъ фонарь, Юліанъ вышелъ изъ шалаша. Бѣшеная буря потрясала ночной воздухъ. Мгла была глубокая; мѣстами бѣлизна скакавшихъ волнъ разрывала черный занавѣсъ этой мглы.

Послѣ минутнаго колебанія, Юліанъ отвязалъ канатъ. Рѣка тотчасъ же стихла; лодка быстро скользнула по ней—и причалила къ тому берегу, гдѣ стоялъ человѣкъ, ожидая.

Онъ былъ закутанъ въ рваную холстину, лицо походило на гипсовую маску, а глаза горѣли ярче угольевъ. Приблизивъ къ нему свой фонарь, Юліанъ увидѣлъ, что отвратительная проказа покрывала все его тѣло; однако во всей его осанкѣ сказывалось какъ бы царственное величіе. Лишь только этотъ человѣкъ вошелъ въ лодку, она необы-

чайно погрузилась въ воду, подавленная его тяжестью; но сильный толчокъ снова привелъ ее въ равновѣсіе, — и Юліанъ принялся грести.

Съ каждымъ взмахомъ весел прибой волнъ поднималъ носъ лодки. Вода, черне́е чернилъ, бѣшено мчалась вдоль обоихъ бортовъ, она разступалась пропастью, вздымалась горами—и лодка то прыгала по нимъ, то спускалась въ самую глубь водныхъ разсѣлинъ, гдѣ кружилась какъ щепка подъ ударами вихря.

Юліанъ наклонялся впередъ, выдвигалъ упруго руки,— и крѣпко упираясь въ дно ногами, откидывался назадъ, перегибая и перекашивая станъ, чтобы придать себѣ большие силы. Градъ хлесталъ по его пальцамъ: дождь заливался ему за спину; яростный вѣтеръ душилъ его, захватывая его дыханіе. Онъ опустилъ руки въ изнеможеніи. Тогда лодку понесло по теченію. Но, понимая, что здѣсь дѣло шло о чемъ-то очень важномъ, о приказаніи, котораго нельзя было ослушаться, онъ снова взялся за весла, и щелканіе уключинъ снова послышалось сквозь ревъ бури.

Его фонарикъ свѣтилъ передъ нимъ, на носу лодки. Птицы, кружась и налетая, то-и-дѣло скрывали отъ него этотъ слабый свѣтъ. Но Юліанъ постоянно видѣлъ зрачки прокаженнаго, который стоялъ на кормѣ неподвижно, какъ столбъ... И это продолжалось такъ... много, много времени.

Когда они вошли въ шалашъ, Юліанъ заперъ дверь, и вдругъ увидѣлъ своего спутника уже сидѣвшаго на скамьѣ. Подобіе савана, прикрывавшее его, спустилось до лядвей: худыя плечи, грудь и руки исчезали подъ чешуйками гноевыхъ прыщей. Огромные морщины бороздили его лобъ. Вмѣсто носа, у него, какъ у скелета, была дыра, а изъ синеватыхъ губъ отдѣлялось зловонное, какъ туманъ густое, дыханіе.

— Я голоденъ,—сказалъ онъ.

Юліанъ подалъ ему, что̀ имѣлъ: кусокъ стараго сала и корку чернаго хлѣба.

Когда тотъ все это сожралъ,—на столѣ, на ковшѣ, на ручкѣ ножа показались тѣ же пятна, которыми его тѣло было покрыто.

Затѣмъ онъ сказалъ:—Я жажду!

Юліанъ досталъ свою кружку, и когда онъ ее взялъ въ руки, изъ нея распространился вдругъ такой запахъ, что душа его развернлась, ноздри разширились! То было вино.... Какая находка! Но прокаженный простеръ руку, и залпомъ выпилъ всю кружку.

Тогда онъ сказалъ:—Мнѣ холодно!

Юліанъ зажегъ свѣчой кучу хвороста среди шалаша.

Прокаженный сталъ грѣться. Но, сидя на корточкахъ, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, онъ видимо ослабѣвалъ; глаза его перестали блестѣть, сукровица потекла изъ ранъ, и почти угаснимъ голосомъ онъ прошепталъ:

— На твою постель!

Юліанъ осторожно помогъ ему добраться до нея, и даже накрылъ его парусомъ своей лодки.

Прокаженный стоналъ. Приподнятыя губы выказывали рядъ темныхъ зубовъ; учащенный хрипъ потрясалъ его грудь,—и при каждомъ дыханіи животъ его подводило до спинныхъ позвонковъ.

Затѣмъ онъ закрылъ вѣки.

— Точно ледъ въ моихъ костяхъ! Ложись возлѣ меня!

И Юліанъ, отвернувъ парусъ, легъ на сухія листья, рядомъ съ нимъ, бокъ-о̀-бокъ.

Но прокаженный повернулъ голову.

— Раздѣнься, дабы я почувствовалъ теплоту твоего тѣла!

Юліанъ снялъ свою одежду; затѣмъ нагой, какъ въ день своего рожденія, снова легъ онъ на постель, и почувствовалъ прикосновеніе кожи прокаженнаго къ бедру своему; она была холодиѣй змѣиной кожи и шероховата, какъ пила.

Юліанъ пытался ободрить его, но тотъ отвѣчалъ, задыхаясь:

— Ахъ, я умираю! Приблизься! Отогрѣй меня, не руками, а всѣмъ существомъ твоимъ!

Юліанъ совсѣмъ легъ на него, ртомъ къ̀ рту, грудью къ̀ груди.

Тогда прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ, и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись, какъ солнечные лучи, дыханіе его ноздрей стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладана, и волны рѣки запѣли дивную пѣснь. Восторгъ неизъяснимый, нечеловѣческая радость, какъ бы спустившись съ небесной вышины, затопили душу обомлѣвшаго отъ блаженства Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ, касаясь руками и ногами обѣихъ стѣнъ шалаша. Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь, лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ—уносившимъ его въ небо.

Такова легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ; такъ, по крайней мѣрѣ, она изображена на старинномъ росписномъ окнѣ въ одной изъ церквей моей родины.

1877 г.

II.— Иродіада, соч. Густава Флобера.

I.

Махэрузская цитадель возвышалась—на востокъ отъ Мертваго моря—на базальтовой скалѣ, имѣвшей видъ конуса. Четыре глубокихъ долины ее окружали: двѣ съ боковъ, одна впереди, четвертая сзади. Куча домовъ тѣсни-

лась у ея подошвы, охваченная круглымъ каменнымъ валомъ, который то вздымался, то ниспадалъ, слѣдуя неровностямъ почвы; извилистая дорога, высѣченная въ скалѣ, соединяла городъ съ крѣпостью. Стѣны той крѣпости, вышиною въ сто-двадцать локтей, изобиловали уступами, углами, бойницами; башни высились тамъ и сямъ, составляя какъ бы звенья каменнаго вѣнца, воздвигнутаго надъ бездной.

Внутри цитадели находился дворецъ, украшенный портиками, съ плоской крышей, въ видѣ террасы. Перила изъ смоковничнаго дерева замыкали ее со всѣхъ сторонъ;—длинныя мачты, на которыя натягивался веларіумъ, стояли вокругъ, надъ перилами.

Однажды, до восхода солнца, тетрархъ Иродъ Антипа появился на вершинѣ дворца—и, облокотясь о перила, принялся глядѣть.

Прямо передъ нимъ лежавшія горы начинали показывать свои гребни, между тѣмъ какъ вся ихъ масса, до самаго дна ущелій, пребывала еще въ тѣни. Туманы бродили... Они вдругъ разорвались—и ясно выступили очертанія Мертваго моря. Заря уже зажигалась позади Махэруза; уже начинали разливаться ея красноватыя отраженія. Понемногу освѣтила она прибрежные пески, холмы, пустыню; а тамъ, дальше къ небосклону, зарумянились и Іудейскіе горы съ своими сѣрыми, шероховатыми покатостями. Но серединѣ—Энгадди протянулось черною чертою; Воронъ въ углубленіи закруглился куполомъ; Эколь показалъ свои гранатовыя рощи; Сорэкъ—свои виноградники; Газеръ—поля, усѣянныя кунгутомъ; кубышкообразная, громадная Антоніева башня тяжело повисла надъ Іерусалимомъ. Тетрархъ отвелъ отъ нея свои взоры и сталъ созерцать іерихонскія пальмы. Вспомнилъ онъ тутъ остальные города своей Галилеи: Капернаумъ, Аэндоръ, Назаретъ—и Тиверіаду, куда онъ, можетъ быть, никогда не

возвратится. Іордань струился передъ нимъ по безжизненной пустынѣ. Внезапно вся побѣлѣвшая, она слѣпила глаза, подобно снѣговой скатерти. Мертвое море становилось похожимъ на большой лазоревый камень — и на сѣверной его оконечности, со стороны Іемена, Антина открылъ именно то, что̀ онъ боялся найти: разбросанныя палатки темно-бураго цвѣта виднѣлись тамъ; люди, съ копьями въ рукахъ, двигались промежъ лошадей, а потухавшіе огоньки блистали искрами,—низко,—на самомъ уровнѣ земли.

То было войско аравійскаго царя, съ дочерью котораго Антина развелся для того, чтобы взять за себя Продіаду, жену одного изъ своихъ братьевъ. Братъ этотъ жилъ въ Италіи, безъ всякаго притязанія на власть.

Антина ожидалъ помощи отъ римлянъ; и такъ какъ Вителлій, сирійскій правитель, медлилъ прибытіемъ—безпокойство терзало тетрарха. — „Агрипна“, думалъ онъ, „навѣрное повредитъ мнѣ у императора“. Филиппъ, третій его братъ, владѣлецъ Ватанеи, тайно вооружился. Іудеевъ возмущали идолопоклонническіе обычаи тетрарха; другихъ его подданныхъ тяготило его правленіе. Вотъ, онъ и колебался между двумя рѣшеніями: либо смягчить аравитянъ — либо заключить союзъ съ парѳянами; — и, подъ предлогомъ именинаго празднества, онъ, въ тотъ самый день, пригласилъ на великій пиръ главныхъ начальниковъ своихъ войскъ, приставовъ по имѣніямъ и важнѣйшихъ лицъ Галилеи.

Остро-напряженнымъ взоромъ пробѣжалъ онъ всѣ дороги. Онѣ были пусты. Орлы летали надъ его головою. Вдоль крѣпостного вала солдаты спали, прислонившись къ стѣнѣ. Во дворцѣ ничего не шевелилось.

Внезапно, отдаленный голосъ, какъ бы выходившій изъ нѣдръ земли, заставилъ поблѣднѣть тетрарха. Онъ нагнулся, чтобы вѣрнѣе прислушаться. Но голосъ умолкъ.

Потомъ онъ опять раздался.... и, хлопнувъ нѣсколько разъ въ ладоши, Иродъ закричалъ: „Маннàи! Маннàи!“

Появился человѣкъ, обнаженный до пояса, подобно баньщику. Онъ былъ очень высокаго роста, старъ, страшно худъ: на лядкѣ у него висѣлъ большой ножъ въ бронзовыхъ ножнахъ — и такъ какъ его волосы, захваченные гребнемъ, были всѣ вздѣты кверху, то лобъ его казался длины необычайной. Странная сонливость заволакивала его безцвѣтные глаза. Но зубы его блестѣли — и ноги легко и твердо ступали по плитамъ. Гибкость обезьяны сказывалась во всемъ его тѣлѣ, — безстрашная неподвижность муміи—на лицѣ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ тетрархъ.

— Все тамъ же!—отвѣчалъ Маннàи, указывая позади себя большимъ пальцемъ правой руки.

— Мнѣ почудился его голосъ!—И Антипа, вздохнувъ глубоко, до дна груди, освѣдомился объ Іоаканамѣ,—о томъ человѣкѣ, котораго латиняне называютъ святымъ Іоанномъ Крестителемъ.

— Приходили ли вновь тѣ два человѣка, которые, мѣсяцъ тому назадъ, были, по снисхожденію, допущены въ его тюрьму,—и стала ли извѣстна причина ихъ посѣщенія?

Маннàи отвѣчалъ:

— Они обмѣнялись съ нимъ таинственными словами, ни дать, ни взять ночные воры на перекресткахъ дорогъ. Потомъ они отправились въ верхнюю Галилею, объявивъ, что скоро вернутся съ великою вѣстью.

Антипа наклонилъ голову,—потомъ, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ:

— Береги его! береги!—воскликнулъ онъ,—и никого не допускай до него! Запри крѣпко дверь! Прикрой ямy!—Никто не долженъ даже подозрѣвать, что онъ еще живъ!

Еще не получивъ этихъ приказаній, Маннàи уже исполнялъ ихъ, ибо Іоаканамъ былъ іудей, и Маннàи, какъ всѣ самаритяне, ненавидѣлъ іудеевъ.

Гаризинскій ихъ храмъ, храмъ самаритянъ, предназначенный Моисеемъ быть средоточіемъ Израиля, не существовалъ со временъ короля Гиркана;—а потому іерусалимскій храмъ наполнялъ душу Маннàи тою яростью оскорбленія, которую возбуждаетъ торжествующая несправедливость. Маннàи однажды тайно взобрался въ іерусалимскій храмъ съ другими товарищами для того, чтобы осквернить алтарь возложеніемъ на священное мѣсто мертвыхъ костей. Его спасло проворство его ногъ;—сообщникамъ его отрубили головы.

И вотъ, онъ увидѣлъ ненавистный храмъ вдали, въ разрѣзѣ двухъ холмовъ. Поднявшееся солнце ярко освѣщало бѣломраморныя стѣны и золотыя плиты крыши. Храмъ являлся лучезарной горой, чѣмъ-то сверхъестественнымъ; все кругомъ было подавлено его великолѣпіемъ, его гордыней.

Маннàи протянулъ руку въ направленіи Сіона—и, выпрямивъ станъ, сжавъ кулаки, закинувъ лицо, произнесъ анаѳему. Онъ былъ увѣренъ, что клятвенныя слова имѣютъ дѣйствительную силу.

Антипа равнодушно выслушалъ его возгласъ. Самаритянинъ продолжалъ:

— Отъ времени до времени онъ волнуется, онъ хочетъ бѣжать; онъ надѣется на освобожденіе. Иногда у него видъ спокойный, какъ у больного звѣря; а не то онъ вдругъ начнетъ ходить взадъ и впередъ въ потьмахъ, безпрестанно повторяя:—„Что̀ нужды!—Дабы онъ возвеличился, нужно мнѣ умалиться“!

Антипа и Маннàи обмѣнялись взорами. Но долгія размышленія уже утомили тетрарха.

Всѣ эти горы вокругъ него, подобныя уступамъ большихъ окаменѣлыхъ волнъ, черныя разсѣлины на склонѣ крутыхъ скатовъ, громадность синяго неба, сильный свѣтъ, глубина пропастей—все это смущало; и безнадежное уныніе овладѣвало имъ при зрѣлищѣ пустыни, почва которой, искаженная допотопными переворотами, являла видъ обрушенныхъ цирковъ и дворцовъ. Горячій вѣтеръ приносилъ вмѣстѣ съ запахомъ сѣры какъ-бы испаренія Богомъ проклятыхъ городовъ, зарытыхъ глубоко, ниже береговъ Мертваго моря, подъ тяжелыми его водами. Эти слѣды безсмертнаго гнѣва пугали умъ тетрарха; и онъ пребывалъ недвижимъ, опершись обоими локтями на перила и сжимая виски руками. Кто-то слегка тронулъ его. Онъ обернулся: передъ нимъ стояла Продіада.

Легкій пурпурный хитонъ облекалъ ее всю, до самыхъ сандалій. Торопливо покинувъ свои покои, она не успѣла надѣть ни ожерелья, ни серегъ; густая коса черныхъ волосъ падала ей на плечо, прильнувъ концомъ къ груди, въ промежутокъ сосцовъ. Вздернутыя ноздри трепетали; радость торжества озаряла лицо. Громкимъ голосомъ взывая къ тетрарху:

— Цезарь насъ любитъ!—промолвила она.—Агрипна посаженъ въ тюрьму.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Ужъ я знаю! Онъ въ тюрьмѣ,—продолжала она,—за то, что пожелалъ Каію *) быть императоромъ.

Этотъ Агрипна, живя ихъ подаяніемъ, стремился добыть себѣ царскій титулъ, котораго и они домогались. Но теперь его уже нечего страшиться! Тюрьмы Тиверія отпираются не легко, и самая жизнь въ нихъ не всегда надежна!

Антипа понялъ ее, и хотя она была сестра этого самаго Агрипны—жестокій смыслъ ея послѣднихъ словъ не воз-

---

*) Кай Калигула, наслѣдникъ Тиверія.

мутилъ его: напротивъ, онъ ее оправдалъ. Къ тому же, всѣ эти убійства проистекали изъ самой силы вещей; они были какъ бы необходимостью въ тогдашнихъ царскихъ домахъ. Въ домѣ Ирода ихъ уже не считали.... такъ ихъ было много.

Затѣмъ она разсказала тетрарху всѣ свои старанія; упомянула о подкупѣ кліентовъ, о вскрытыхъ письмахъ, о лазутчикахъ, приставленныхъ ко всѣмъ дверямъ; разсказала, какъ ей удалось переманить главнаго доносчика Эвтихія.... все, все сообщила она.—Я ничего не жалѣла! Для тебя чего я не сдѣлала? Не отреклась ли я отъ собственнаго сына?

Послѣ развода, она оставила этого ребенка въ Римѣ, надѣясь имѣть другихъ дѣтей отъ тетрарха. До того дня она никогда не упоминала объ этомъ. И онъ спрашивалъ себя: откуда въ ней этотъ внезапный приливъ нѣжности—и что̀ онъ значитъ?

Между тѣмъ, прислужники натянули вэларіумъ, принесли и положили на полъ широкія подушки. Продіада опустилась на одну изъ нихъ и заплакала, обернувшись спиною къ мужу. Но вотъ, она провела ладонью по вѣкамъ.... Она рѣшила, что не будетъ думать о прошломъ, что она теперь счастлива! И она принялась напоминать тетрарху долгія ихъ бесѣды тамъ, въ далекомъ Римѣ, въ атріумѣ дворца; встрѣчи ихъ подъ портиками бань, прогулки по „Священной улицѣ“ *), и вечера, проведенные въ просторныхъ виллахъ, при рокотѣ водометовъ, подъ цвѣточными арками, въ виду римской Кампаньи. Она взглядывала на него, какъ въ былые дни, и съ конвульсивными движеніями всего тѣла, ластилась къ его груди. Онъ оттолкнулъ ее.

Та любовь, которую она старалась оживить, была теперь такъ отъ него далеко! Причиной всѣхъ его бѣдствій

*) Via *Sacra*—главная улица древняго Рима.

была эта любовь. По ея милости война продолжалась, вотъ уже скоро девять лѣтъ; по ея милости тетрархъ состарѣлся. Облеченная въ темную тогу съ лиловой каймой, его спина горбилась; сѣдина мелькала въ бородѣ, и лучи солнца, проникавшіе сквозь ткань натянутаго покрова, озаряли живымъ свѣтомъ его угрюмый, сморщенный лобъ. На лбу Продіады тоже видѣлись складки и, сидя другъ противъ друга, они мѣнялись враждебными, суровыми взглядами.

Между тѣмъ, горныя дороги оживлялись. Пастухи погоняли быковъ остріемъ дротиковъ, дѣти тащили за собой ословъ, конюхи вели вьючныхъ лошадей. Тѣ, которые спускались съ высотъ, лежавшихъ за Махэрузомъ, исчезали постепенно за стѣнами замка; другіе поднимались вдоль ущелій, ведшихъ къ Махэрузу—и, войдя въ городъ, складывали свою поклажу по дворамъ домовъ. То были поставщики тетрарха и слуги гостей, высланные впередъ своими господами. Но вотъ, налѣво, на самомъ концѣ террасы, появился ессей, босой, въ бѣлой одеждѣ, съ видомъ стоика. Маннаи тотчасъ бросился къ нему на встрѣчу, обнаживъ и высоко поднявъ свой ножъ.

— Убей его!—кричала Продіада.

— Стой!—промолвилъ тетрархъ.

Маннаи остановился; тотъ—тоже.

Потомъ оба отступили, пятясь другъ отъ друга и не покидая другъ друга взглядомъ; и оба исчезли—каждый по лѣстницѣ.

— Я знаю его!—сказала Продіада:—его имя Фануилъ; онъ старался свидѣться съ Іоаканамомъ, такъ какъ ты настолько слабъ, что сохраняешь его въ живыхъ.

Антипа возразилъ, что изъ Іоаканама можно было извлечь пользу. Его постоянныя нападки на Іерусалимъ привлекали къ нимъ обоимъ остальныхъ евреевъ.

— Нѣтъ!—воскликнула она.—Евреи покоряются всѣмъ своимъ властителямъ. Они не въ состояніи создать себѣ родину. А того, кто тревожитъ народъ, возбуждая въ немъ надежды, сохранившіяся со временъ Гегеміаса—того должно уничтожить.—Вотъ самая вѣрная политика.

— Намъ не къ спѣху! — увѣрялъ тетрархъ. — Іоаканамъ—опасенъ! Вотъ выдумала!!

И онъ смѣялся притворно.

— Молчи!—крикнула она.

И она снова разсказала то униженіе, которому подверглась она въ день своей поѣздки въ Галаадъ для сбора бальзама. На берегу рѣки какіе-то нагіе люди надѣвали свои одежды. Тутъ же, на вершинѣ холма, стоялъ человѣкъ и говорилъ. Онъ былъ препоясанъ по чресламъ верблюжьей кожей—и его голова походила на голову льва— Какъ только онъ увидѣлъ меня,—продолжала Иродіада,— онъ изрыгнулъ на меня всѣ проклятія пророковъ. Его зѣницы пылали, голосъ завывалъ; онъ поднималъ руки къ небу, какъ бы желая достать оттуда громовыя стрѣлы. Бѣжать было невозможно; колесница моя до самыхъ ступицъ завязла въ пескѣ.... И я поневолѣ медленно удалилась, закрываясь мантіей—и вся кровь моя стыла отъ оскорбленія, которыя сыпались на меня, какъ дождевой ливень!

Іоаканамъ не давалъ жить Иродіадѣ! Когда его схватили и связали веревками—солдатамъ данъ былъ приказъ зарѣзать его, если-бъ онъ вздумалъ сопротивляться. Но тутъ онъ, какъ нарочно, явился смиреннкомъ. Въ его тюрьму напустили змѣй: змѣи околѣли.

Неудача ея козней выводила изъ себя Иродіаду. Зачѣмъ онъ нападалъ на нее? Что его побуждало? Его рѣчи, обращенныя въ толпѣ, распространялись повсюду, ихъ повторяли,—она слышала ихъ вездѣ,—онѣ наполняли воздухъ. Она не была лишена мужества—но эта сила, болѣе язвительная, чѣмъ лезвіе мечей. сила, которую невозможно

было схватить, наводила на нее нѣчто въ родѣ оцѣпенѣнія. Иродіада расхаживала взадъ и впередъ по террасѣ, вся помертвѣлая отъ гнѣва, не находя словъ, чтобы выразить все, что̀ душило ее.

Она думала также о томъ, что тетрархъ, уступая общему мнѣнію, могъ, пожалуй, развестись съ нею. Тогда все погибло! Съ самыхъ младыхъ ногтей она питала мечту о великомъ царствѣ. Только для того, чтобы осуществить эту мечту, рѣшилась она оставить своего перваго мужа и соединиться съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который ее обманываетъ.

— Хорошую я нашла подпору, нечего сказать, войдя въ твою семью!

— Моя семья не хуже твоей, — спокойно отвѣчалъ тетрархъ.

Въ жилахъ Иродіады внезапно закипѣла кровь ея прадѣдовъ, первосвященниковъ и царей!

— Твой дѣдъ подметалъ храмъ въ Аскалонѣ! Другіе твои родичи были пастухами, разбойниками, поводырями каравановъ! Сволочь, платившая дань Іудѣ, со временъ царя Давида! Всѣ мои предки били твоихъ предковъ! Первые изъ Маккавеевъ выгнали васъ изъ Геврона; Гиркань принудилъ васъ обрѣзаться?

И, давъ волю чувству презрѣнія, презрѣнія патриціанки къ плебею, рода Якова къ роду Эдома, Иродіада начала осыпать Антипу упреками за его равнодушіе къ оскорбленіямъ, за его уступчивость передъ предателями, фарисеями, за его трусость передъ народомъ, который его ненавидѣлъ.

— Ты такой же, какъ они—признайся! И ты сожалѣешь о томъ, что оставилъ аравійскую дѣвку, ту, что̀ пляшетъ вокругъ камней! Возьми же ее опять! Ступай и живи въ ея холщевой палаткѣ! Пожирай ея хлѣбъ, испеченный подъ

золою! Глотай кислое молоко ея овецъ! Лобызай ея синія щеки—и оставь меня!

Но тетрархъ уже не слушалъ ея. Онъ устремилъ глаза на плоскую крышу сосѣдняго дома, гдѣ внезапно увидѣлъ молодую дѣвушку; рядомъ съ нею старуха держала зонтикъ съ тростниковой ручкой, длинный, какъ рыбачье удилище. Посреди ковра стоялъ раскрытый дорожный коробъ; пояса, спутанныя ткани, разноцвѣтные покровы, золотыя подвѣски въ безпорядкѣ свѣшивались черезъ его края. Отъ времени до времени молодая дѣвушка наклонялась къ этимъ предметамъ, встряхивала ихъ на воздухѣ. Она была одѣта римлянкой—въ тонкую тунику и въ пэплумъ съ застежками изъ изумруда; синія перевязки удерживали ея косу, вѣроятно, очень тяжелую: дѣвушка изрѣдка трогала ее сзади рукою. Тѣнь отъ зонтика колебалась надъ нею, скрывая ее до половины. Раза два удалось Антипѣ замѣтить ея гибкую шею, уголъ глаза, часть небольшого рта. Но онъ могъ видѣть весь ея станъ отъ бедръ до затылка. Онъ видѣлъ, какъ онъ склонялся и выпрямлялся—легко и упруго. Онъ караулилъ возвратъ этого стройнаго движенія—и дыханіе его становилось усиленнымъ, огоньки зажигались въ глазахъ. Продіада наблюдала за нимъ.

— Кто это?—спросилъ онъ наконецъ.

Она отвѣчала, что не знаетъ.... и, внезапно утихнувъ, удалилась.

Тетрарха ожидали подъ портикомъ галилеяне: завѣдывавшій письменною частью, главный приставъ надъ пастбищами, управляющій соляными копями и евреи изъ Іерусалима, начальникъ его конницы. Всѣ привѣтствовали его дружнымъ восклицаніемъ.... Но онъ обратился къ внутреннимъ покоямъ.

Фануилъ возникъ передъ нимъ на поворотѣ коридора.

— Опять ты! Ты, конечно, пришелъ сюда ради Іоаканама?

— И ради тебя! Мнѣ нужно сообщить тебѣ важное извѣстіе....

И, не покидая болѣе Антину, онъ проникъ вслѣдъ за нимъ въ темную храмину.

Свѣтъ падалъ въ нее сквозь рѣшетчатое отверстіе, разстилаясь во всю длину карниза. Стѣны были выкрашены краснолиловой, почти черной краской. У задней стѣны возвышалось ложе изъ чернаго дерева, съ тесьмами изъ бычачьей кожи. Золотой щитъ блисталъ, какъ солнце, надъ изголовьемъ.

Антина переступилъ всю храмину и бросился на ложе. Фануилъ, стоя, поднялъ руку съ внушительнымъ и вдохновеннымъ видомъ.

— Всевышній посылаетъ иногда одного изъ чадъ своихъ.... Іоаканамъ—такое Его чадо. Если ты будешь притѣснять его—тебя постигнетъ кара.

— *Онъ* преслѣдуетъ меня,—воскликнулъ тетрархъ.— Онъ потребовалъ отъ меня невозможнаго!— Съ тѣхъ поръ онъ всячески меня поноситъ. Сначала я кротко съ нимъ обращался.... Но онъ послалъ изъ Махэруза людей, которые возмущаютъ моихъ подданныхъ.—Онъ нападаетъ на меня.... Я защищаюсь.

— Іоаканамъ слишкомъ ретивъ въ гнѣвѣ, точно,—возразилъ Фануилъ.—Но, какъ бы то ни было, его надо освободить!

— Дикихъ звѣрей не выпускаютъ на волю,—сказалъ тетрархъ.

— Не тревожься болѣе,—отвѣчалъ Фануилъ. — Онъ пойдетъ къ аравитянамъ, къ галламъ, къ скиѳамъ.— Дѣлу, къ которому онъ призванъ, суждено достигнуть предѣловъ земли.

Антина казался погруженнымъ въ нѣкое видѣніе.

— Его власть велика! Я, противъ собственной воли, люблю его.

— Такъ освободи его!

Тетрархъ покачалъ головою.—Онъ боялся Продіады, Маніàи.... онъ страшился неизвѣстнаго будущаго.

Фануилъ попытался убѣдить его. Залогомъ правдивости словъ своихъ онъ представлялъ постоянную покорность ссссевъ царямъ. Эти люди, бѣдные, недоступные страху пытки и казней, покрытые льняной одеждой, умѣвшіе читать въ книгѣ звѣзднаго неба, внушали невольное уваженіе. Антина вспомнилъ слово, сказанное Фануломъ въ началѣ разговора.

— Какое важное извѣстіе хотѣлъ ты сообщить мнѣ?

Но вдругъ появился негръ. Все его тѣло побѣлѣло отъ пыли.—Онъ хрипѣлъ отъ усталости и могъ только произнести:

— Вителлій!

— Какъ? Онъ сюда идетъ?

— Я видѣлъ его.... Черезъ три часа онъ здѣсь!

Занавѣсы корридоровъ заколыхались, какъ бы вздутые вѣтромъ; шумъ наполнилъ весь замокъ, топотъ и грохотъ бѣжавшихъ людей, перетаскиваемыхъ мёбелей; лязгъ и звонъ серебряныхъ сосудовъ.... а съ вышины башенъ зычно гремѣли трубы, призывавшія разбредшихся рабовъ.

II.

Толпы народа покрывали крѣпостные валы, когда Вителлій вошелъ во дворъ замка. Онъ опирался объ руку своего толмача; слѣдомъ за нимъ подвигались большія носилки, обитыя красной тканью, украшенныя зеркалами и помпонами.—Вителлій былъ одѣтъ въ тогу съ широкою пурпуровою каймою, въ консульскіе полусапожки; ликторы окружали его особу.

Они вонзили въ землю передъ дверью двѣнадцать пуковъ прутьевъ, перевитыхъ ремнемъ, съ топоромъ по середи-

нѣ... и всѣ зрители тайно вострепетали передъ величіемъ римскаго народа.

Носилки, которыми орудовали восемь человѣкъ, остановились.... Юноша, съ толстымъ животомъ, съ лицомъ угреватымъ, съ жемчужными кольцами на пальцахъ—вышелъ оттуда.—Ему тотчасъ предложили кубокъ съ виномъ и душистыми пряностями.—Онъ выпилъ и потребовалъ еще. Между тѣмъ, тетрархъ упалъ на колѣни передъ проконсуломъ, сокрушаясь о томъ, что не былъ раньше увѣдомленъ о великой милости его прибытія.—А то бы онъ, тетрархъ, отдалъ приказъ, чтобы по всѣмъ дорогамъ было принасено то, что подобаетъ Вителліямъ. Они происходили отъ богини Вителліи; дорога, ведшая отъ Яникула къ морю, носила ихъ имя, квестурамъ, консульствамъ не было счету въ ихъ родѣ! Что же до самого Люція, ставшаго теперь гостемъ тетрарха, то всѣ ему были обязаны благодарностью, какъ побѣдителю строптивыхъ клитовъ и отцу того юнаго Авла, который, прибывъ сюда, казалось, возвращается въ свое владѣніе—такъ какъ Востокъ всегда считался родиной боговъ!—Всѣ эти гиперболы были высказаны тетрархомъ по-латыни.—Вителлій принималъ ихъ холодно и спокойно.

Онъ отвѣчалъ, наконецъ, что одного Великаго Ирода достаточно для славы цѣлаго народа. Аониане почтили его завѣдываніемъ олимпійскихъ игръ. Онъ построилъ храмы въ честь Августа, и отличался всегда теріѣніемъ, смышленостью, воинской доблестью и постоянной вѣрностью цезарямъ. Между колоннами съ бронзовыми капителями появилась Иродіада. Она шествовала съ видомъ императрицы, окруженная женщинами и евнухами; они несли золотыя подносы, на которыхъ курились благовонія.

Проконсулъ шагнулъ три раза ей на встрѣчу. Привѣтствовавъ его легкимъ наклоненіемъ головы,—Какое счастье!—воскликнула она:—что Агриппа, врагъ Тиверія, вне-

редъ не можетъ вредить болѣе!—Вителлій ничего не зналъ объ этомъ событіи. Продіада показалась ему опасной.... и такъ какъ Антина началъ клясться богами, что сдѣлаетъ все для императора:—

— Да, прибавилъ проконсулъ,—даже во вредъ другимъ.

(Вителлію пѣкогда удалось добыть заложниковъ отъ парѳянскаго царя; но императоръ не обратилъ вниманія на эту заслугу—ибо Антина, присутствовавшій при совѣщаніи, немедленно, чтобы выставить себя, первый послалъ объ этомъ вѣсть. Этотъ поступокъ тетрарха породилъ глубокую ненависть въ Вителліи; оттого онъ и мѣшкалъ привести обѣщанную помощь).

Тетрархъ смутился и не зналъ, что̀ сказать; но Авлъ промолвилъ со смѣхомъ:

— Не бойся! *Я* твой покровитель!

Проконсулъ притворился, что не слышалъ словъ, сказанныхъ его сыномъ. Счастье отца зависѣло отъ осквернія сына; и этотъ Авлъ, этотъ цвѣтокъ, возросшій на грязи Капреи, доставлялъ ему такія значительныя выгоды, что онъ окружалъ его самыми предупредительными заботами—хоть и не довѣрялъ ему: цвѣтокъ этотъ былъ ядовитъ.

Подъ воротами поднялся громкій шумъ. Появился цѣлый рядъ бѣлыхъ муловъ, на которыхъ возсѣдали люди въ священнической одеждѣ. Тѐ были саддукеи и фарисеи, которыхъ одна и та же честолюбивая мысль приводила въ Махэрусъ. Саддукеи желали получить право жертвоприношенія,—а фарисеи — удержать это право за собою. Лица этихъ людей были мрачны, особенно лица фарисеевъ, прирожденныхъ враговъ тетрарха и Рима. Они путались въ полахъ своихъ хламидъ среди тѣснившейся толпы—и тіары ихъ колебались на ихъ головахъ, подвязанныя узкими лентами, на которыхъ были начертаны письменные знаки.

Почти въ то же время прибыли солдаты римскаго авангарда. Они вложили щиты свои въ мѣшки, чтобы сохра-

нить ихъ отъ пыли—а за ними шелъ Маркелъ, намѣстникъ проконсула, вмѣстѣ съ мытарями, державшими подъ мышками деревянныя таблицы.

Антина представилъ проконсулу главныхъ своихъ приближенныхъ, Толмаія, Кароера, Сехона, Аммоніаса изъ Александріи, который закупалъ для него асфальтъ, Наамана, начальника его легкой пѣхоты, вавилонца Ясима.

Вителлій уже прежде замѣтилъ Манаѣи.

— А этотъ кто?

Тетрархъ объяснилъ ему знакомъ, что это былъ палачъ. Потомъ онъ представилъ Вителлію саддукеевъ.

Іонаѳанъ, человѣкъ малаго роста, весьма развязный въ своихъ движеніяхъ и говорившій по-эллински, началъ умолять проконсула посѣтить его въ Іерусалимѣ. Тотъ отвѣчалъ, что вѣроятно туда прибудетъ.

Элеазаръ, человѣкъ съ крючковатымъ носомъ и длинной бородою, сталъ требовать отъ имени фарисеевъ плащъ первосвященника, задержанный въ Антоніевой башнѣ гражданской властью.

Затѣмъ галилеяне подали доносъ на Понтія Пилата. Пользуясь тѣмъ предлогомъ, что нѣкій безумецъ отыскивалъ золотые сосуды Давида въ пещерѣ близъ Самаріи, онъ повелѣлъ убить нѣсколькихъ жителей.—Всѣ они говорили въ одно и то же время — Маннаи громче и настойчивѣе другихъ. Вителлій увѣрялъ ихъ, что виновные будутъ наказаны.

Внезапно бранные слова и крики раздались передъ однимъ изъ портиковъ, гдѣ солдаты повѣсили свои щиты. Они сняли съ нихъ чехлы—и фигура цезаря, изображенная на пунѣ каждаго щита, возбудила негодованіе іудеевъ, считавшихъ это идолопоклонствомъ.—Антина началъ ихъ усовѣщевать рѣчью—а Вителлій, сидѣвшій подъ колоннадой на высокомъ креслѣ, дивился ихъ неразумной ярости.—Да, думалъ онъ, Тиверій былъ правъ, что со-

слалъ четыре сотни такихъ іудеевъ въ Сардинію. Но здѣсь они были у себя дома—они были сильны.... Вителлій приказалъ унести щиты.

Но тутъ они всѣ окружили проконсула, испрашивая—кто отмѣны какой-либо несправедливости, кто—особыхъ привилегій, кто—просто милостыни. Они рвали свои одежды, продирались впередъ; чтобы удержать ихъ, рабы били ихъ палками—направо, налѣво. Ближайшіе къ дверямъ стали спускаться по дорогѣ,—но другіе поднимались по ней и снова надвигали ихъ на проконсула. Два теченія образовалось въ этой массѣ людей, которая грузно колебалась, стѣсненная оградою стѣнъ.

Вителлій спросилъ, какая была причина такого многочисленнаго собранія? Антипа отвѣтилъ, что всѣ эти люди пришли на праздникъ его именинъ—и указалъ на нѣкоторыхъ слугъ своихъ. Свѣсившись съ бойницъ, встаскивали они на веревкахъ огромныя корзины, полныя мясомъ, плодами, овощами.—Онъ указалъ еще на антилопъ, аистовъ, широкихъ рыбъ лазореваго цвѣта, на виноградныя гроздья, дыни, тыквы, гранаты, нагроможденныя въ видѣ пирамидъ.—Авлъ не выдержалъ. Онъ устремился въ кухню, увлеченный тѣмъ обжорствомъ, которому, много лѣтъ спустя, было суждено удивить цѣлый міръ *).

Проходя мимо погреба, онъ увидалъ кастрюли, подобныя двойнымъ латамъ. Вителлій также подошелъ посмотрѣть на нихъ—и потребовалъ, чтобы ему отперли подземныя компаты замка.

Онѣ были высѣчены въ скалѣ—въ видѣ высокихъ подваловъ со сводами, которые подпирались столбами. Въ первой комнатѣ находился складъ стараго, уже негоднаго оружія. Но вторая была биткомъ набита пиками; тѣсно и дружно торчали ихъ острія, охваченныя пучками перьевъ.

*) Этотъ Авлъ Вителлій былъ, какъ извѣстно, императоромъ послѣ Оттона, въ 69 году по Р. Х.

Стѣны третьей комнаты казались обтянутыми множествомъ цыновокъ: дотого густо были насажены кругомъ топкія стрѣлы, стоймя, другъ возлѣ дружки. Лезвія мечей покрывали стѣны четвертой комнаты. Посреди пятой—длинныя линіи шлемовъ съ ихъ гребнями уподоблялись легіону красныхъ змѣй. Въ шестой комнатѣ находились одни колчаны, въ седьмой—однѣ ножныя латы (кнэмиды), въ восьмой—налокотники, въ остальныхъ—вилы, крюки, лѣстницы, канаты;—тутъ были даже шесты для катапультовъ, даже бубенчики для верблюжьихъ нагрудниковъ... И такъ какъ гора шла, расширяясь книзу, вся пробуравленная изнутри, какъ пчелиный улей—то подъ однимъ рядомъ комнатъ разстилался другой—а еще глубже—третій.

Вителлій, Финеасъ, его толмачъ, и Сизе́нна, начальникъ мытарей, проходили всѣ эти комнаты при свѣтѣ факеловъ, несомыхъ тремя евнухами. Смутно видѣлись въ тѣни безобразные предметы, изобрѣтенные варварами; палицы, усѣянныя гвоздями, отравленные дротики, клещи, подобные челюстямъ крокодиловъ.... Тетрархъ обладалъ въ Махэрузѣ военными снарядами, достаточными для вооруженія сорока тысячъ солдатъ. Онъ собралъ всѣ эти снаряды въ предвидѣніи опаснаго союза противниковъ; но проконсулъ могъ подумать, или даже сказать, что это все было наготовлено съ цѣлью воевать противъ римлянъ; и тетрархъ старался представить оправданія, извиненія.

Не всѣ оружія ему принадлежали.—Многія служили защитой отъ разбойниковъ. Кромѣ того, нужно было сражаться съ аравитянами. Иное досталось ему отъ отца.—И вмѣсто того, чтобы идти позади проконсула, тетрархъ бѣжалъ впередъ утроенными шагами. Онъ вдругъ прислонился къ стѣнѣ, растягивая тогу растопыренными локтями. Но верхняя часть двери видѣлась надъ его головою. Вителлій замѣтилъ эту дверь — и захотѣлъ узнать, что̀ скрывается за нею?

Вавилонецъ могъ одинъ отворить ее.

— Позвать вавилонца!

Его подождали.

Отецъ этого вавилонца прибылъ съ береговъ Эвфрата съ пятью-стами всадниковъ. Онъ предложилъ Великому Проду свои услуги для защиты восточныхъ окраинъ. Послѣ раздѣленія царства, Ясимъ остался жить у Филиппа—а теперь служитъ Антиніѣ.

Онъ явился, наконецъ, съ лукомъ на плечѣ, съ бичомъ въ рукѣ. Разноцвѣтныя бичевки тѣсно стягивали его кривыя ноги. Туника въ видѣ поддёвки не покрывала его обнаженныхъ, толстыхъ рукъ; мѣховая шапка бросала черную тѣнь на хмурое лицо и на бороду, завитую въ колечки.

Сначала онъ притворился, что не понимаетъ толмача. Но Вителлій глянулъ на Антину.... и тотъ немедленно повторилъ его повелѣніе. Тогда Ясимъ приложился обѣими руками къ двери: скользнувъ, она вошла въ стѣну.

Струею теплаго воздуха пахнуло изъ мрака. Широкій корридоръ, спускаясь винтообразно, велъ въ глубь. Всѣ отправились по этому корридору и достигли порога пещеры, болѣе просторной, чѣмъ всѣ другія подземелья.

На противоположномъ концѣ этой пещеры зіяло отверстіе арки, выходившей на самую кручь бездны, которая съ той стороны защищала крѣпость. Дикая жимолость, цѣпляясь за сводъ арки, колебала на прозрачномъ воздухѣ свои цвѣточныя гроздья, озаренныя живымъ свѣтомъ дня, по дну пещеры журчала узкая струйка ключевой воды.

Около сотни бѣлыхъ лошадей находилось тамъ; онѣ ѣли ячмень, насыпанный на доску, поднятую въ уровень съ ихъ мордами. Гривы ихъ были окрашены въ синюю краску; конъта—обернуты въ плетёные мѣшечки; челки между ушами вздымались хохолкомъ, въ видѣ париковъ. Своими длинными хвостами онѣ тихонько похлопывали себѣ по бедрамъ. Проконсулъ онѣмѣлъ отъ удивленія.

Тѣ были дивныя животныя, гибкія какъ змѣи, легкія какъ птицы. Онѣ мчались, не отставая отъ стрѣлы, пущенной всадникомъ, сбивали съ ногъ людей, грызли ихъ зубомъ, мигомъ высвобождались изъ нагроможденныхъ камней и скалъ, прыгали черезъ пропасти, а среди ровнаго поля неслись какъ бѣшеныя, безъ устали, отъ зари до зари. Стѣило сказать одно слово—и онѣ тотчасъ останавливались, какъ вкопанныя. Какъ только Ясимъ вошелъ въ пещеру, онѣ всѣ побѣжали къ нему, какъ овцы къ пастуху—и, вытягивая тонкія шеи, тревожно глядѣли на него своими дѣтскими глазами. По привычкѣ, онъ крикнулъ на нихъ дикимъ, гортаннымъ крикомъ; этотъ звукъ ихъ развеселилъ—и онѣ стали вздыматься на дыбы, прыгать.... Жажда простора, жажда скачки въ нихъ загорѣлась.

Антина, боясь, какъ бы проконсулъ не взялъ ихъ себѣ, заперъ ихъ въ этомъ мѣстѣ, особо предназначенномъ для животныхъ въ случаѣ осады.

— Нехорошая конюшня,—сказалъ проконсулъ. — Ты рискуешь потерять ихъ.—Запиши ихъ въ инвентарь, Сизѐнна.

Мытарь досталъ дощечку изъ-за пояса. перечелъ лошадей и записалъ ихъ. Агенты фискальныхъ обществъ подкупали предводителей, чтобы удобнѣе грабить провинціи. И этотъ Сизѐнна, съ своей лисьей мордочкой и вѣчно мигавшими глазками, разнюхивалъ все и всюду.

Наконецъ, всѣ возвратились на дворъ замка. Бронзовыя круглыя доски, затычки, въ родѣ плоскихъ вьюшекъ, прикрывали разбросанныя тамъ и сямъ цистерны. Проконсулъ замѣтилъ одну изъ этихъ досокъ, которая была шире другихъ и глуше звенѣла подъ каблукомъ. Онъ поочередно постукалъ по всѣмъ—и вдругъ затопалъ ногами, заревѣлъ неистово:

— Нашелъ! нашелъ! Вотъ онѣ, Продовы сокровища!

Отыскать эти сокровища—эта мысль какъ гвоздь засѣла въ голову каждаго римлянина.

Тетрархъ поклялся, что никакихъ сокровищъ тутъ не было.

— Такъ что же тутъ такое?

— Ничего... человѣкъ одинъ.... узникъ.

— Покажи его!—сказалъ Виттелій.

Тетрархъ не повиновался. Іудеи узнали бы его тайну.

Его явное нежеланіе открыть эту доску раздражило Вителлія.

— Выбить ее!—закричалъ онъ ликторамъ.

Маніи догадался, въ чемъ было дѣло. Увидавъ принесенный топоръ, онъ подумалъ, что хотятъ обезглавить Іоаканама; и при первомъ ударѣ лезвія о бронзовую плиту—онъ всунулъ между ею и каменьями мостовой длинный крюкъ; затѣмъ, вытянувъ и напрягши свои худыя, жилистыя руки, осторожно приподнялъ плиту.... Она отвалилась. Всѣ изумились силѣ старика. Подъ этой бронзовой крышкой, подбитой деревомъ, показался трапъ. Маніи ударилъ по немъ кулакомъ — и онъ распался на двѣ створчатыя половинки. Открылась яма, черная, глубокая дыра, въ которую вонзалась узкая круглая лѣстница безъ перилъ; и тѣ, которые нагнулись надъ отверстіемъ, увидали тамъ, глубоко на днѣ, что-то смутное и ужасное.

Человѣкъ лежалъ тамъ на землѣ. Его длинные волосы перепутались съ шерстью звѣриной шкуры, облекавшей его члены. Онъ поднялся. Его лобъ коснулся поперечной желѣзной рѣшетки, крѣпко вдѣланной въ стѣны ямы.... Отъ времени до времени онъ отходилъ прочь и исчезалъ во тьмѣ подземелья.

Острыя верхушки тіаръ, рукоятки мечей сверкали на солнцѣ; тяжелый зной раскалилъ плиты мостовой—и голуби, слетая съ карнизовъ, кружили надъ дворомъ. То

былъ обычный часъ, когда Маннàи кормилъ ихъ зерномъ. Онъ присѣлъ на корточки передъ тетрархомъ, который стоялъ недвижно возлѣ Вителлія. Галилеяне, священники, солдаты составляли сзади широкій кругъ—всѣ молчали въ нѣмотствующемъ ожиданіи.

Сперва послышался глубокій вздохъ, похожій на хриплое, протяжное рычаніе.

Продіада услышала этотъ вздохъ на другомъ концѣ дворца. Охваченная неотразимымъ влеченіемъ, она прошла сквозь всю толпу; и, положивъ руку на плечо Маннàи, наклонивъ впередъ все тѣло, она приплась слушать.

Голосъ заговорилъ:

— „Горе вамъ, фарисеи и саддукеи, исчадье змѣй, мѣха надутые, кимвалы звенящіе!“

Всѣ узнали Іоаканама.... всѣ повторяли его имя.

Много еще подбѣжало народу.

— „Горе тебѣ, народъ, горе вамъ, іудейскіе измѣнники, пьяницы эфраимскіе, горе вамъ, живущимъ въ тучныхъ долинахъ, вамъ, чьи путаются ноги, отягченныя винищемъ!...

— „Да расточатся они какъ вода изсякающая, какъ истлѣвающій червь, какъ недоносокъ женщины, которому не суждено увидѣть солнца!...

— „О, Моавъ, тебѣ придется скрываться въ вѣтвяхъ кипариса, подобно воробью, въ тьмѣ пещеръ, подобно тушканчику! Какъ орѣховая шелуха, раздробятся ворота крѣпостей и рухнутъ стѣны, и воспылаютъ города! Бичъ Всевышняго разить не перестанетъ! Въ твоей же крови вываляетъ Онъ твои члены, словно шерсть въ чану красильщика! Онъ истолчетъ тебя какъ зерно въ ступѣ; какъ новая борона терзаетъ грудь земли — такъ Онъ тебя истерзаетъ; по горамъ и долам разбросаетъ Онъ клочья твоего мяса!....“

— О какомъ завоевателѣ говоритъ онъ?—спрашивали себя слушатели. — Не о Вителліи-ли? — Одни римляне могли совершить такія истребленія!

И жалобы возникали кругомъ, раздались стенанія.— Довольно! довольно! вели ему замолчать!

Но Іоаканамъ продолжалъ еще громче:

— „Хватаясь за трупы своихъ матерей, малыя дѣти будутъ ползти по горячему пеплу! Ночью, подъ страхомъ и на-авось меча, люди пойдутъ искать посреди развалинъ огрызки хлѣба! На площадяхъ городскихъ, тамъ, гдѣ нѣкогда бесѣдовали старцы, чекалки станутъ оспаривать другъ у друга мертвыя кости!—Глотая слезы, юныя дѣвы будутъ играть на лютняхъ передъ пирующими иноземцами—и самые храбрые сыны твои, о, Моавъ!—преклонятъ хребты подъ непосильными ношами!“

Столпившійся народъ безмолвно слушалъ эти заклинанія,—и передъ его духовными очами возникали дни изгнанія, бѣдствія и напасти прошедшихъ временъ. — Точно такія рѣчи гремѣли въ устахъ древнихъ пророковъ.— Іоаканамъ посылалъ свои возгласы одинъ за другимъ, съ разстановкой—словно наносилъ удары.

И вдругъ его голосъ сталъ тихимъ, сладкозвучнымъ, нѣжнымъ.—Онъ предвѣщалъ скорое освобожденіе, царство справедливости, милости, благополучія. Небеса засіяютъ непреходнымъ сіяніемъ, въ пещерѣ дракона родится младенецъ, золото заступитъ мѣсто глины, пустыня разцвѣтетъ пышнѣе розы!—То, что̀ теперь сто̀итъ шестьдесятъ гикасовъ, не будетъ стоить больше обола.—Молочные источники заструятся изъ нѣдра скалъ — всѣ люди, довольные, пресыщенные, будутъ опочивать въ тѣни виноградныхъ лозъ!...

— „Когда же придешь Ты, кого я ожидаю! — Уже теперь всѣ народы преклоняютъ колѣни — и царствію Твоему не будетъ конца, о, сынъ Давида!“

Тетрархъ откинулся назадъ.—Существованіе Давидова сына оскорбило его, какъ угроза.

Іоаканамъ началъ поносить его за его владычество—(нѣтъ владыки, кромѣ Предвѣчнаго!)—за его сады, его статуи, его театры; за его утварь изъ слоповой кости.... Онъ поносилъ его какъ безбожнаго Ахава!

Антина схватился за грудь, и перервавъ шнурокъ, на которомъ висѣла его печать, швырнулъ ее въ яму—и приказалъ ему молчать.

Но голосъ отвѣчалъ:

— „Я буду кричать, какъ рычитъ медвѣдь, какъ онагръ кричитъ, какъ женщина въ мукахъ родовъ!—За кровосмѣшеніе твое тебя уже постигло наказаніе! Богъ покаралъ тебя безплодіемъ мула!

Быстрый смѣхъ промчался въ толпѣ, подобный плесканію волнъ.

Вителлій упорствовалъ, не хотѣлъ уйти. Толмачъ, съ безстрастнымъ видомъ, передавалъ на языкѣ римлянъ всѣ оскорбленія, которыя Іоаканамъ изрекалъ на своемъ языкѣ—и, такимъ образомъ, тетрархъ и Продіада принуждены были выслушивать ихъ два раза сряду.

Тетрархъ задыхался отъ бѣшенства; она глядѣла на дно ямы, вся помертвѣлая, съ раскрытыми губами.

Ужасный человѣкъ закинулъ назадъ голову—и, ухватившись за желѣзные прутья рѣшотки, прижалъ къ ней свое волосатое лицо, походившее съ виду на спутанный кустъ, въ которомъ сверкали два угля.

— „А, это ты, Іезавель! Скрипъ твоихъ сандалій завладѣлъ его сердцемъ!—Ты ржала отъ похоти, какъ кобылица!—Ты поставила ложе свое на вершинѣ горы и тамъ совершала свои жертвы!... Но Господь сорветъ съ тебя твои серьги, твои пурпуровыя одежды, твои льняные покровы! Онъ сорветъ запястья съ рукъ твоихъ и кольца съ ногъ твоихъ—и тѣ подвѣски, тѣ золотые серны, которые

дрожать и блещутъ на челѣ твоемъ—и серебряныя твои зеркала, и вѣеры изъ страусовыхъ перьевъ—и тѣ перламутровыя высокія подошвы, на которыя ты ставишь свои ноги—и краску ногтей твоихъ—и всѣ ухищренія нѣги твоей! Все Онъ отниметъ насильно, жестоко—и не хватитъ каменьевъ, чтобы побить тебя всю, кровосмѣсительница!“

Продіада оглянулась кругомъ, какъ бы ища защиты. Фарисеи съ притворнымъ сожалѣніемъ опускали взоры, саддукеи отворачивали головы, боясь оскорбить проконсула. Антина казался мертвымъ человѣкомъ.

А голосъ все росъ, все возвышался. Онъ перекатывался отрывисто, какъ внезапно разразившійся громъ—и эхо горъ повторяло молніеносные звуки, которыми онъ такъ и поражалъ Махэрузъ!

— „Пресмыкайся въ пыли, дщерь Вавилона! Мели муку! Сбрось твой поясъ, сними твою обувь, засучи край твоей одежды, перейди черезъ рѣки.... Ничто не спасетъ тебя! Стыдъ твой будетъ открытъ, позоръ твой увидятъ всѣ люди!—Твои же рыданія сокрушатъ твои зубы!—Всевышнему мерзитъ вонь твоихъ преступленій! Проклятая! Проклятая! Околѣвай, какъ псица!“

Но тутъ тканъ закрылся, крышка захлопнулась.... Маннàи готовъ былъ задушить Іоаканама.

Продіада исчезла; фарисеи были возмущены. Стоя посреди ихъ, Антина старался оправдаться.

— Конечно,—замѣтилъ Елеазаръ,—слѣдуетъ заключать бракъ съ овдовѣвшей женой своего брата; но Продіада не была вдовою—и, сверхъ того, у ней живъ ребенокъ;—а въ этомъ-то и состоитъ вся мерзость грѣха.

— Неправда! Заблужденіе!—возражалъ саддукей Іонаоанъ.—Законъ осуждаетъ подобные браки—но не отвергаетъ ихъ вовсе.

— Какъ вы ни толкуйте — вы всѣ несправедливы ко мнѣ—твердилъ Антина.—Развѣ Авессаломъ не сочетался съ женами своего отца, Іуда со своей невѣсткой, Аммонъ съ своею сестрою, Лотъ съ дочерьми своими?

Въ это мгновеніе появился Авлъ, который уже успѣлъ высматься. — Узнавъ, о чемъ шла рѣчь, онъ одобрилъ тетрарха. — Стоило стѣсняться изъ-за подобныхъ пустяковъ!—И онъ много смѣялся—и укоризнамъ священниковъ, и ярости Іоакапама.

Продіада, съ высоты крыльца, обратилась къ нему.

— Ты напрасно такъ говоришь, о, господинъ!—Онъ приказываетъ народу не платить даней.

— Правда это?—тотчасъ спросилъ мытарь.—Всѣ отвѣчали утвердительно.—Тетрархъ, съ своей стороны, подкрѣплялъ ихъ слова доказательствами.

Вителлію пришло въ голову, что узникъ могъ убѣжать—и такъ какъ поведеніе Антины ему казалось сомнительнымъ—то онъ повелѣлъ поставить стражу у всѣхъ дверей, вдоль стѣнъ, на дворѣ.

Затѣмъ—онъ отправился въ свои покои.—Выборные отъ священниковъ пошли за нимъ. Не касаясь вопроса о жертвоприношеніи, они излагали свои жалобы. Они наскучили ему.... онъ велѣлъ имъ удалиться.

Уходя отъ проконсула, Іонаоанъ увидѣлъ возлѣ одной изъ бойницъ Антину. Онъ разговаривалъ съ человѣкомъ длинноволосымъ, одѣтымъ въ бѣлый хитонъ, съ ессеемъ.... Іонаоанъ въ душѣ пожалѣлъ о томъ, что поддержалъ тетрарха.

Одна мысль утѣшала Антину,—Іоаканамъ уже не зависѣлъ отъ него болѣе: римляне взялись его караулить.... Какое облегченіе!—Фануилъ расхаживалъ въ это время по брустверу. Онъ позвалъ его—и, указавъ на солдатъ:—

— Они сильнѣе меня,—сказалъ тетрархъ.—Я не могу теперь его освободить.... Это не моя вина!

Межъ тѣмъ дворъ опустѣлъ. Рабы отдыхали. На красномъ полѣ неба, зажженаго вечерней зарей,—малѣйшіе отвѣсные предметы выдѣлялись черными чертами.—Антина могъ различить соляныя кони по ту сторону Мертваго моря; аравійскихъ палатокъ не было видно болѣе.—Вѣроятно,—онѣ откочевали.—Луна всплыла—и въ сердце его спустилось успокоеніе.

Фануилъ, какъ человѣкъ подавленный горемъ, пребывалъ недвижимъ, уронивъ на грудь подбородокъ.—Онъ высказалъ, наконецъ, то, что̀ хранилъ на душѣ.

Съ самаго начала мѣсяца онъ наблюдалъ и изучалъ небо. -Созвѣздіе Персэя находилось въ зенитѣ, Агала едва показывался, Альгонъ блестѣлъ слабымъ блескомъ, Мира-Коэти совсѣмъ исчезъ; и Фануилъ заключалъ изъ всего этого—что нынѣшней же ночью, въ Махэрузѣ, долженъ покончить жизнь важный человѣкъ.

Но кто?—Вителлія окружала его стража; Іоаканамъ не будетъ казненъ....

— „Ужъ не *я* ли—тотъ человѣкъ?“ думалось тетрарху.—„Быть можетъ, аравитяне возвратятся? А не то—проконсулъ откроетъ мои сношенія съ пароянами?—Іерусалимскіе клевреты сопровождали священниковъ — подъ одеждами они скрывали кинжалы....“ Тетрархъ не сомнѣвался въ мудрости и познаніяхъ Фануила.

Не прибѣгнуть ли къ Продіадѣ?—Спору нѣтъ—онъ ее ненавидитъ.... но она придастъ ему мужества. Къ тому же, не были еще порваны всѣ нити чаръ, которыми она нѣкогда его опутала.

Когда онъ вошелъ въ ея комнату—въ порфировой вазѣ курился кинамонъ; и всюду были разбросаны стклянки съ духами, благовонные порошки, ткани, подобныя облакамъ, вышитыя кисеи—легче перьевъ.

Тетрархъ слова не проронилъ—ни о предсказаніи Фануила, ни о страхѣ, который внушали ему аравитяне и

евреи. Онъ упомянулъ только о римлянахъ. Вителлій не сообщилъ ему ни одного изъ своихъ военныхъ плановъ. Онъ подозрѣвалъ, что Вителлій другъ Кая, котораго посѣщаетъ Агрипина. Онъ боялся, что его, тетрарха сошлютъ въ ссылку—а можетъ быть, и зарѣжутъ.

Продіада, съ презрительною снисходительностью, старалась его успокоить. Видя, что слова ея мало дѣйствуютъ, она вынула изъ небольшого ящичка медаль странной формы, украшенную головою Тиверія въ профиль. Ликторы должны были побѣдить при видѣ этой медали;—всѣ обличители—умолкнуть.

Благодарный, растроганный Антипа спросилъ, какимъ образомъ она достала эту медаль?

— Мнѣ ее дали,—отвѣчала она.

Вдругъ, изъ-подъ занавѣса двери выдвинулась обнаженная до плеча рука, рука молодая, прекрасная, словно выточенная Поликлетомъ изъ слоновой кости. Нѣсколько неловко, но красиво, двигалась эта рука по воздуху, вправо и влѣво, ища, стараясь захватить тунику, оставленную на небольшой скамьѣ, возлѣ стѣны.

Старуха-прислужница тихонько подала эту тунику за дверь, приподнявъ занавѣсъ.

Тетрарху что-то внезапно вспомнилось.... но что именно—онъ не могъ сказать.

— Эта рабыня тебѣ принадлежитъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Какое тебѣ дѣло!—отвѣчала Продіада.

III.

Гости наполняли залу, гдѣ совершалось пиршество. Она распадалась на три придѣла, подобно базиликѣ; ихъ раздѣляли колонны изъ алгуминнаго дерева, съ бронзовыми капителями, съ изваянными украшеніями. Двѣ галереи съ прорѣзнымъ поломъ опирались на эти колонны—а третья,

вся изъ золотой филиграни, округлялась на концѣ залы, прямо напротивъ громадной арки входа.

Пылавшіе канделябры на столахъ, поставленныхъ во всю длину залы, возвышались огненными кустами между чашами изъ крашеной глины, мѣдными блюдами тисненными, грудами снѣга, кучами винограда. Эти красныя пятна свѣта постепенно сливались въ отдаленіи, подавленныя вышиною потолка; лучистыя точки сверкали въ трибунахъ, между древесными вѣтвями, подобно ночнымъ звѣздочкамъ.

Сквозь отверстіе входа видѣлись факелы, зажженные на террасахъ домовъ. Антина задавалъ пиръ друзьямъ своимъ, народу, всякому, кто желалъ быть гостемъ.

Рабы, обутые въ войлочныя сандаліи, кружили быстрѣе псовъ, съ подносами на рукахъ. На золотой трибунѣ третьей галереи, на особо устроенномъ помостѣ изъ жимолостныхъ досокъ, стоялъ прокопсульскій столъ. Вавилонскіе ковры, подвѣшенные къ потолку, образовали кругомъ нѣчто въ родѣ павильона.

Три ложа изъ слоновой кости, одно на почетномъ мѣстѣ, два по бокамъ, окружали столъ. На нихъ возлежали: проконсулъ налѣво, возлѣ двери, Авлъ направо, тетрархъ по серединѣ.

На немъ былъ тяжелый черный плащъ, весь расшитый разноцвѣтными накладками; румяна покрывали его щеки, борода раскинулась вѣеромъ, вѣнецъ изъ драгоцѣнныхъ камней сжималъ волосы, посыпанные пудрой лазореваго цвѣта. Вителлій сохранилъ свою пурпуровую перевязь; косвенно пересѣкла она его льняную тогу. Авлъ велѣлъ повязать себѣ за спину рукава своей лиловой шелковой ризы, исполосованной серебряными галунами; въ три ряда поднимались его завитыя кудри и сапфирное ожерелье блистало на его груди, бѣлой и тучной, какъ грудь женщины. Подлѣ него, на циновкѣ, скрестивъ ноги, сидѣлъ чрезвычайно красивый ребенокъ, который постоянно

улыбался. Авлъ увидѣлъ его въ кухнѣ—и не могъ уже съ нимъ разстаться. Не будучи въ состояніи запомнить его халдейское имя, онъ называлъ его просто Азіатомъ (Asiaticus). Отъ времени до времени Авлъ опускался навзничь на свое ложе — и тогда его голыя ноги, высоко поднятыя, царили надъ всѣмъ собраніемъ.

Съ той же стороны находились священники и офицеры Антины, іерусалимскіе жители, главныя лица греческихъ городовъ; а со стороны проконсула и пониже его—Маркелъ съ мытарями, собирателями податей, друзья тетрарха, важныя особы изъ Каны, Птолемаиды, Іерихона; дальше сидѣли, уже безъ чиновъ, горцы съ Ливанона, старые воины Ирода Великаго, двѣнадцать оракійцевъ, идумейскіе пастухи, султанъ Пальмиры, азіугаверскіе моряки. Передъ каждымъ гостемъ лежала лепешка изъ мягкаго тѣста, о которую онъ утиралъ пальцы—и жадныя руки безпрестанно протягивались, какъ пингарловы шеи, за оливками, фисташками, миндалями. Всѣ лица, увѣнчанныя цвѣтами, сіяли веселіемъ.

Фарисеи отказались отъ этихъ вѣниковъ, какъ отъ римскаго нечестья. Они содрогнулись, когда ихъ окропили смѣсью галбана и ладана; жидкость эта употреблялась только для священныхъ обрядовъ храма.

Авлъ натеръ ею свои мышки—и Антина обѣщалъ прислать ему цѣлый корабль, нагруженный этимъ составомъ, вмѣстѣ съ тремя корзинами той настоящей мастики, которая возбуждала въ Клеопатрѣ желаніе присвоить себѣ Палестину.

Одинъ изъ начальниковъ тиверіадскаго гарнизона, только-что прибывшій въ Махэрузъ, помѣстился позади тетрарха, и, казалось, сообщалъ ему вѣсти о событіяхъ необыкновенныхъ. Но все его вниманіе было поглощено проконсуломъ, а также и тѣмъ, что говорилось на со-

сѣдних столахъ. Тамъ толковали объ Іоаканамѣ и о подобныхъ ему людяхъ. Приводились разные факты:

Симеонъ изъ Гиттѳя, напримѣръ, омывалъ грѣхи огнемъ. Нѣкій Іисусъ....

— Этотъ хуже всѣхъ, — замѣтилъ Элеазаръ. — Презрѣнный обманщикъ!

Позади тетрарха вдругъ поднялся человѣкъ, блѣдный, бѣлый какъ кайма его собственной хламиды. Онъ сошелъ съ помоста—и, обратившись къ фарисеямъ:

— Вы лжете! — воскликнулъ онъ. — Іисусъ творитъ чудеса!

Антипа пожелалъ увидѣть этого Іисуса.

— Зачѣмъ ты не привелъ его? Сообщи о немъ, что̀ знаешь.

Тогда тотъ разсказалъ, какъ онъ, Яковъ, имѣя дочь больную, отправился въ Капернаумъ для того, чтобы умолить Учителя излечить ее. И Учитель отвѣчалъ ему:— Ступай домой; твоя дочь здорова.—И онъ, Яковъ, возвратясь, нашелъ дочь свою на порогѣ дома.... Она покинула свое ложе, когда „гно̀монъ“ дворца показывалъ третій часъ, самый тотъ часъ, когда онъ приступилъ къ Іисусу.

Но фарисеи представили возраженія.—Конечно, говорили они, существуютъ извѣстныя дѣйствія, травы, одаренныя чародѣйною силою. Въ самомъ Махэрузѣ иногда можно было найти траву „баарасъ“, которая дѣлаетъ человѣка неуязвимымъ. Но вылечить больного, не видѣвъ и не коснувшись его.... какая нелѣпость! одно развѣ: Іисусъ призываетъ въ помощь демоновъ!

И друзья Антипы, начальствующіе люди между галилеянами, повторили, качая головами:

— Да, демоновъ.... это несомнѣнно!

Яковъ, стоя между ихъ столомъ и столомъ священниковъ, сохранялъ тотъ же видъ, — надменный и кроткій.

— Говори же, говори!—приставали они къ нему: — доказывай его могущество!

Онъ нагнулся, приподнялъ плечи—и чуть слышнымъ голосомъ, медленно, какъ испуганный человѣкъ:—

— Вы развѣ не знаете, что онъ Мессія?—сказалъ онъ.

Всѣ священники переглянулись, а Вителлій потребовалъ объясненія этого слова. Толмачъ, прежде чѣмъ отвѣтить, помолчалъ съ минуту.

— Евреи называютъ этимъ именемъ,—объяснилъ онъ наконецъ—освободителя, который наградитъ ихъ обладаніемъ всѣхъ благъ земныхъ и владычествомъ надъ остальными народами. Иные утверждаютъ даже, что слѣдуетъ ожидать двухъ Мессій. Одинъ будетъ побѣжденъ Гогомъ и Магогомъ, сѣверными демонами; но другой истребитъ князя зла; и вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ они ежечасно его ожидаютъ.

Между тѣмъ, священники поговорили между собою— и Элеазаръ попросилъ слова.

— Во-первыхъ,—такъ началъ онъ—Мессія будетъ сынъ Давида, а не плотника. Во-вторыхъ: онъ утвердитъ законъ, а этотъ назареянинъ его разрушаетъ. Главное же возраженіе Элеазара состояло въ томъ, что Мессіи долженъ предшествовать Илія пророкъ.

— Но онъ уже приходилъ, Илія! — вскричалъ Яковъ.

— Илія! Илія! — повторила толпа до самаго конца залы.

И воображенію всѣхъ немедленно представилась цѣлая картина: старецъ подъ тучею врановъ, небесный огонь, падающій на алтарь, идолопоклонническіе жрецы, низвергнутые въ бурный потокъ.... Женщины въ трибунахъ вспоминали о сарептской вдовицѣ.

Но Яковъ продолжалъ настойчиво утверждать, что онъ его видѣлъ! Онъ его видѣлъ! И весь народъ его видѣлъ!

— Его имя! имя!

Тогда онъ закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Іоаканамъ!

Антина опрокинулся назадъ, словно что ударило его прямо въ грудь. Саддукеи ринулись на Якова. Среди шума и гама Елеазаръ разглагольствовалъ, возвышая голосъ, силясь привлечь къ себѣ вниманіе.

Когда, наконецъ, тишина возстановилась, онъ закутался въ свой плащъ, и какъ судья, сталъ ставить вопросы.

— Вѣдь пророкъ Илія умеръ?

Смятенный ропотъ прервалъ его. Многіе были убѣждены, что Илія только исчезъ, а не умеръ. Элеазаръ вспылилъ.... однако продолжалъ свой допросъ.

— Ты полагаешь, что онъ воскресъ?

— А почему же нѣтъ?—отвѣчалъ Яковъ.

Саддукеи пожимали плечами, а Іоанафанъ, вытаращя глаза, усиленно старался смѣяться, словно шутъ какой.— Что могло, дескать, быть глупѣе притязанія бреннаго тѣла на вѣчную жизнь? И онъ продекламировалъ, ради проконсула, стихъ современнаго поэта:

„Nec crescit, nec post mortem durare videtur“ *).

Но въ эту минуту увидали Авла, склонившагося на край триклиніума: съ испариной на лбу, съ лицомъ позеленѣвшимъ, онъ прижималъ оба кулака къ желудку.

Саддукеи притворились перепуганными. (На другой же день право жертвоприношенія было имъ даровано). Антина являлъ всѣ признаки отчаянія; одинъ Вителлій пребывалъ безучастнымъ, хоть онъ и ощущалъ въ душѣ жестокую тревогу: вмѣстѣ съ сыномъ онъ терялъ всю свою карьеру.

Авла стошнило.... Но какъ только его рвота кончилась, онъ опять захотѣлъ ѣсть.

---

*) „Ни росли, ни существовать послѣ смерти не можетъ“.

— Подайте мнѣ скобленаго мрамора, наксосскаго слапцу, морской воды, чего-нибудь, скорѣй! Или вотъ что: не взять ли мнѣ ванну?

Онъ припялся грызть снѣжные комья. Затѣмъ, послѣ недолгаго колебанья—за что̀ ему приняться: за коммагѐнскій ли нашитетъ, за розовыхъ ли дроздовъ—онъ рѣшился взять тыквы на меду. „Азіатъ“ съ благоговѣніемъ созерцалъ Авла: этотъ даръ неустаннаго пожиранія изобличалъ, по его понятію, существо необычайное, принадлежащее высшей породѣ!

Аврлу подали бычачьихъ почекъ, жареную бѣлку, соловьевъ, рубленаго мяса, завернутаго въ виноградные листья. А между тѣмъ, священники продолжали спорить о воскресеніи мертвыхъ. Аммоніасъ, ученикъ платоника Филона, находилъ подобные толки нелѣпыми и высказывалъ свое мнѣніе тутъ же сидѣвшимъ грекамъ, которые смѣялись надъ оракулами. Маркелль и Яковъ подошли другъ къ другу. Маркелль разсказывалъ о блаженствѣ, которое онъ испыталъ, принявъ вѣру персидскаго бога Митры, а Яковъ убѣждалъ его послѣдовать Христу. Пальмовыя и тамарисовыя, сафетскія и библосскія вина текли ручьями изъ амфоръ въ кувшины, изъ кувшиновъ въ чаши, изъ чашъ въ гортани. Поднялся говоръ болтовни, начались сердечныя изліянія. Ясимъ, хоть и еврей, не скрывалъ болѣе своего обожанія планетъ; кунецъ изъ Аоаки изумлялъ кочевниковъ подробнымъ описаніемъ чудесъ гіерополисскаго храма—и тѣ спрашивали у него, что̀ стоило путешествіе туда? За то другіе крѣпко держались за свои прирожденныя повѣрья. Полуслѣпой германецъ пѣлъ гимнъ во славу того скандинавскаго мыса, гдѣ боги являютъ въ лучахъ свои лики; а люди изъ Сихема отказывались отъ жареныхъ голубей — изъ уваженія къ священной горлицѣ Азима.

Многіе бесѣдовали, стоя посреди залы, и отъ пара дыханья и дыма свѣтильниковъ въ воздухѣ образовалось нѣчто въ родѣ тумана. Фануилъ проскользнулъ вдоль стѣны. Онъ только-что снова произвелъ наблюденія надъ небесными созвѣздіями; но не подвигался въ направленіи тетрарха, страшась выпачкаться въ маслѣ, что для ессеевъ было великимъ осквернені́емъ.

Вдругъ послышались удары въ ворота замка. Народъ узналъ о заключеніи Іоаканама. Люди съ факелами въ рукахъ карабкались вдоль тропинокъ; темныя массы кишѣли въ оврагахъ—и отъ времени до времени поднимались протяжные вопли:

— Іоаканамъ! Іоаканамъ!

— Онъ всюду номѣхой,—сказалъ Іонаоанъ.

— Не будетъ доходовъ, деньги переведутся, если ему позволятъ продолжать,—толковали фарисеи.

И отовсюду неслись упреки, жалобы.

— Защити насъ, тетрархъ! Пора покончить съ этимъ человѣкомъ! Ты отступаешься отъ вѣры.—Ты безбожникъ, какъ все Иродово племя.

— Меньше, чѣмъ вы! — возразилъ тетрархъ....—Мой отецъ соорудилъ вашъ храмъ.

Тогда фарисеи, сыновья изгнанниковъ, сторонники Маттаоіи, начали упрекать тетрарха въ преступленіяхъ его семейства.

У иныхъ изъ этихъ людей черепа были заостренные, взъерошенныя бороды, слабыя и какъ бы злыя руки; у другихъ—куриосыя рожи, круглые, выпученные глаза: они смотрѣли бульдогами. Человѣкъ двѣнадцать писцовъ и іерейскихъ слугъ, кормившихся остатками жертвоприношеній, подбѣжало къ самому помосту, обнаживъ ножи, —они грозили Антипѣ, который продолжалъ держать имъ рѣчь, между тѣмъ какъ саддукеи неохотно и слабо заступались за него. Онъ увидѣлъ Маннаи и знакомъ повелѣлъ

ему удалиться; Вителлій являлъ видъ равнодушный, какъ бы давая знать, что все это до него не касается.

Оставшіеся на триклиніумѣ фарисеи пришли вдругъ въ неистовую ярость: они разбили въ дребезги стоявшія передъ ними блюда. Имъ подали любимое кушанье Мецената—жаренаго дикаго осла подъ соусомъ;—а они гнушались этимъ мясомъ, какъ нечистымъ.

Авлъ глумился надъ ними, напоминая имъ ту ослиную голову, которую, по слухамъ, они считали святыней. Много другихъ обидныхъ словъ высказалъ онъ, по поводу ихъ отвращенія къ свининѣ. Вѣроятно, они потому такъ ненавидѣли это животное, что оно убило ихъ Вакха; и они, все-конечно, были пьяницы, такъ какъ въ ихъ храмѣ была найдена виноградная лоза, вычеканенная изъ золота.

Священники не понимали ихъ словъ. Финеасъ, родомъ галилеянинъ, отказался перевести ихъ. Тогда Авлъ, разгнѣвался безмѣрно, тѣмъ болѣе, что „Азіатъ“, перепугавшись, исчезъ. Обѣдъ не нравился Авлу: кушанья были грубыя, недостаточно приправленныя! Онъ, однако, успокоился при видѣ блюда изъ хвостовъ сирійскихъ барановъ, настоящихъ комковъ жирнаго сала.

Всѣ эти іудеи, ихъ постунки и нравы казались Вителлію гнусными.—Ихъ богъ ужъ не тотъ ли Молохъ, думалось ему, алтари котораго ему попадались по дорогамъ? Принесенныя въ жертву малыя дѣти пришли ему на память, вмѣстѣ съ тѣмъ сказаніемъ о невѣдомомъ нѣкоемъ человѣкѣ, котораго, будто бы, тайно откармливали эти іудеи. Его латинское сердце съ негодованіемъ отвращалось отъ ихъ нетерпимости, отъ ихъ иконоборной ярости, отъ ихъ звѣринаго упорства. Проконсулъ собирался уже удалиться.... Но Авлъ не хотѣлъ встать съ мѣста.

Спустивъ свою хламиду до самыхъ бедръ, онъ лежалъ, распростертый передъ цѣлой грудой мясъ и яствъ. Онъ

дотого былъ пресыщенъ, что уже ничего ѣсть не могъ—но не въ силахъ былъ оторваться отъ всей этой благодати.

Возбужденіе толпы все росло. Возникали мечты о независимости, вспоминалась древняя слава Израиля! Не подверглись ли всѣ завоеватели небесной карѣ? Антигонъ, Крассъ, Варъ....

— Негодяи!—воскликнулъ вдругъ проконсулъ.

Онъ понималъ по-сирійски—и держалъ при себѣ толмача только для того, чтобы дать себѣ время приготовить отвѣты.

Антина посѣщно досталъ медаль императора—и самъ, съ трепетомъ на нее взирая, показывалъ ее толпѣ со стороны лицевого изображенія.

Но тутъ внезапно раскрылись створчатыя двери золотой трибуны—и при яркомъ блескѣ свѣчей, окруженная рабами, гирляндами изъ анемонъ, появилась Иродіада. Асирійская митра, прикрѣпленная подбородникомъ, спускалась ей на лобъ. Перекрученныя кудри разсыпались вдоль пурпуроваго пэплума, прорѣзаннаго во всю длину рукавовъ. Каменныя чудовища, подобныя тѣмъ, что находились въ Аргосѣ, надъ сокровищницей Атридовъ, вздымались по обѣимъ сторонамъ дверей, и, стоя между ними,—она уподоблялась Цибелѣ, сопровождаемой ея двумя львами. Съ вышины балюстрады, которая царила надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился Антина, она, держа въ рукѣ плоскій кубокъ, громко закричала:

— Да здравствуетъ цезарь!

Вителлій, Антина и священники тотчасъ подхватили этотъ крикъ. Но въ это мгновеніе съ конца залы пробѣжалъ гулкій говоръ изумленія, удивленія.... Молодая дѣвушка вошла въ залу.

Подъ голубоватымъ вуалемъ, который закрывалъ ей голову и грудь,—можно было различить полукруглыя линіи ея бровей, ея халкедоновыя серьги, бѣлизну ея кожи.

Схваченный на тальѣ золотымъ поясомъ, четырехъ-угольный кусокъ шелковой ткани переливчатаго цвѣта лежалъ на ея плечахъ; черные шальвары были усѣяны изображеніями мандрагоръ, и небрежно и лѣниво постукивая своими маленькими туфлями изъ пуха райской птицы, она тихо подвигалась впередъ.

На самомъ верху помоста она сняла свой вуаль. Она походила на Иродіаду въ молодости. Потомъ она стала танцовать.

Она переставляла ноги, одну передъ другою, подъ ладъ флейты и нàры кроталъ. Ея округленныя руки призывали кого-то, который все убѣгалъ отъ нея.—Легче бабочки преслѣдовала она его, словно Психея, въ которой зажглось любопытство, словно тѣнь души, осужденной скитаться.... и, казалось, то-и-дѣло готовилась улетѣть.

Похоронные звуки „гингры“ замѣнили кроталы.—Безнадежное уныніе заступило мѣсто рѣзвой надежды. Каждое движеніе дѣвушки выражало тоску—и вся она замирала въ такомъ томленіи, что невозможно было сказать, плачетъ ли она о покинувшемъ ее богѣ—или изнываетъ подъ его лаской. Полузакрывъ рѣсницы, она крутила свой станъ, волнообразно колыхала свои бедра, вздрагивала грудями—а лицо оставалось неподвижнымъ. За то ноги не останавливались.

Вителлій сравнилъ ее съ пантомимомъ Мнестеромъ. Авла рвало по-прежнему. Тетрархъ—словно во снѣ, терялся въ мечтаніяхъ. Онъ уже не думалъ объ Иродіадѣ. Ему показалось, что она подошла къ саддукеямъ.—Но то видѣніе удалилось.

Это не было видѣніе. Иродіада—вдали отъ Махэруза—отдала въ науку Саломею, свою дочь—въ той надеждѣ, что она понравится тетрарху. Ея разсчетъ оказывался вѣрнымъ. Теперь она уже не сомнѣвалась въ этомъ.

Но вотъ, пляска снова измѣнилась.—То былъ неистовый порывъ любви, жаждущей удовлетворенія. Саломея плясала, какъ пляшутъ индійскія жрицы, какъ нубіянки, живущія близъ катаракъ Нила, какъ лидійскія вакханки. Она круто склонялась во всѣ стороны, подобно цвѣтку, поражаемому ударами сильнаго вѣтра. Блестящія подвѣски прыгали въ ея ушахъ, ткань на ея плечахъ играла переливами; отъ ея рукъ, ногъ, отъ ея одежды отдѣлялись невидимыя искры, которыя зажигали сердца людей. Арфа запѣла гдѣ-то—и толпа отозвалась рукоплесканіями на ея томительные звуки. Не сгибая колѣнъ и раздвигая ноги, Саломея нагнулась такъ низко, что подбородокъ ея касался пола—и кочевники, привыкшіе къ воздержанію, римскіе воины, искушенные въ забавахъ разврата, скупые мытари, старые, зачерствѣлые въ диспутахъ жрецы—всѣ, расширивъ ноздри, трепетали подъ напіемъ нѣги.

Затѣмъ, она принялась кружить около стола Антипы, съ бѣшеной быстротою.... и онъ, голосомъ, прерывавшимся отъ сладострастныхъ рыданій, говорилъ ей:—„Ко мнѣ! Приди!...“ Но она все кружилась, тимпаны звенѣли буйно, съ дребезгомъ—такъ и казалось, что вотъ-вотъ разлетятся они. Народъ ревѣлъ—а тетрархъ кричалъ все громче и громче:—„Ко мнѣ! Приди ко мнѣ! Я дамъ тебѣ Капернаумъ, долину Тиверіады, всѣ мои крѣпости, половину моего царства!“

Она вдругъ упала на обѣ руки, пятками кверху, проплясала такимъ образомъ вдоль помоста, подобно большому жуку—и внезапно остановилась.

Ея затылокъ и хребетъ составляли прямой уголъ. Темныя шальвары, покрывавшія ея ноги, спустились черезъ ея плеча—и окружили дугообразно ея лицо, на локоть отъ-полу. Губы у ней были крашеныя, брови чернѣе чернилъ, глаза грозные, страшные.... Крохотныя капельки на ея лбу казались матовымъ испареніемъ на бѣломъ мраморѣ.

Она ничего не говорила. Она глядѣла на тетрарха—и онъ глядѣлъ на нее.

Кто-то щелкнулъ пальцами на трибунѣ. Саломея быстро взбѣжала туда, появилась снова и—немного картавя, дѣтскимъ голосомъ произнесла:

— Я хочу, чтобы ты далъ мнѣ на блюдѣ голову... голову.... Она позабыла имя—но тотчасъ же прибавила съ улыбкой:—голову Іоаканама.

Тетрархъ, словно раздавленный, опустился на ложе.

Данное слово связывало его.... Народъ ждалъ....

„Но, быть можетъ“, подумалъ Антипа, это и есть та предсказанная смерть.... и она, обрушившись на другого, пощадитъ меня! Если Іоаканамъ точно Илія—онъ съумѣетъ ея избѣгнуть; если же нѣтъ—убійство не представляетъ важности“.

Маннàи стоялъ возлѣ него.... и понялъ его мысль. Онъ уже удалялся: но Вителлій позвалъ его обратно и сообщилъ ему пароль. Римскіе солдаты стерегли ту яму.

Всѣмъ точно полегчило. Черезъ минуту все будетъ кончено. Но Маннàи, вѣрно, замѣшкался....

Онъ возвратился... На немъ лица не было. Сорокъ лѣтъ онъ исполнялъ должность палача. Онъ утопилъ Аристовула, задушилъ Александра, за-живо сжёгъ Маттаѳію, обезглавилъ Зосиму, Паписа, Іосифа и Антипатра... И онъ не дерзалъ убить Іоаканама! Зубы его стучали.... все тѣло тряслось.

Онъ увидѣлъ передъ самой ямой—великаго ангела самаритянъ; покрытый по всему тѣлу глазами, ангелъ потрясалъ огромнымъ мечомъ, краснымъ и зубчатымъ, какъ пламя молніи.—Маннàи привелъ съ собою двухъ солдатъ, свидѣтелей чуда.

Но солдаты объявили, что не видѣли ничего, кромѣ еврейскаго воина, который бросился-было на нихъ,—и котораго они тутъ же уничтожили.

Обуянная несказаннымъ гнѣвомъ, Продіада изрыгнула цѣлый потокъ площадной, кровожадной брани.—Она переломала себѣ ногти о рѣшетку трибуны—и два изваянныхъ льва, казалось, кусали ея плечи и рычали такъ же, какъ она. Антина закричалъ не хуже ея. Священники, солдаты, фарисеи—всѣ требовали отмщенія; а прочіе негодовали на замедленіе, причиненное ихъ удовольствію.

Маннàи вышелъ, закрывъ лицо руками!

Гостямъ время показалось еще продолжительнѣе.... Становилось скучно.

Вдругъ шумъ шаговъ раздался по переходамъ.... Тоска ожиданія стала невыносимой.

И вотъ—вошла голова. Маннàи держалъ ее за волосы напряженной рукою, гордясь рукоплесканіями толпы.

Онъ положилъ ее на блюдо—и подалъ Саломеѣ. Она проворно взобралась на трибуну—и, нѣсколько мгновеній спустя, голова была снова принесена той самой старухой, которую тетрархъ замѣтилъ сперва на платформѣ одного дома,—а потомъ въ компатѣ Продіады.

Онъ отклонился въ сторону, чтобы не видѣть этой головы. Вителлій бросилъ на нее равнодушный взглядъ.

Маннàи спустился съ помоста — и показалъ ее римскимъ начальникамъ, а затѣмъ всѣмъ гостямъ, сидѣвшимъ съ той стороны.

Они разсматривали ее внимательно.

Острое лезвіе меча, скользнувъ сверху внизъ, захватило часть челюсти. Судорога стянула углы рта, уже запекшаяся кровь пестрила бороду. Закрытыя вѣки были блѣдно-прозрачны, какъ раковины, а кругомъ свѣточи проливали свой лучистый свѣтъ.

Голова достигла стола священниковъ.—Одинъ фарисей съ любопытствомъ перевернулъ ее; но Маннàи, поставивъ ее снова стоймя, поднесъ ее Аврлу, котораго это разбудило.

Сквозь узкое отверстіе рѣсницъ мертвыя зѣницы Іоаканама и потухшія зѣницы Авла, казалось, что-то сказали другъ-другу. Потомъ Маннаи представилъ голову Антипѣ; и слезы потекли по щекамъ тетрарха.

Факелы погасли. Гости удалились—и въ залѣ остались только Антипа и Фануилъ. Стиснувъ виски руками, тетрархъ все смотрѣлъ на отрубленную голову; а Фануилъ, стоя неподвижно посреди пустой залы и, протянувъ руки,—шепталъ молитвы.

Въ самое мгновеніе солнечнаго восхода, два человѣка, нѣкогда отправленныхъ Іоаканамомъ, появились съ столь давно ожидаемымъ отвѣтомъ.

Они сообщили этотъ отвѣтъ Фануилу, который тотчасъ восторженно умилился духомъ.

Онъ имъ показалъ ужасный предметъ на блюдѣ, между остатками пира.

Одинъ изъ двухъ людей сказалъ ему:

— Утѣшься! Онъ сошелъ къ мертвымъ, чтобы извѣстить о пришествіи Христа.

Ессей теперь только понялъ тѣ слова Іоаканама: „Дабы онъ возвеличился, нужно мнѣ умалиться!“

И всѣ трое, взявши голову Іоаканама, направились въ сторону Галилеи.

Такъ какъ она была очень тяжела—они несли ее поочерёдно.

1877 г.

КОНЕЦЪ

ДЕСЯТАГО ТОМА.

I.—ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ И. С. ТУРГЕНЕВА *).

1836—1883.

1836.

Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ, критическая статья.

1843.

Неосторожность, комедія.

1844.

Андрей Колосовъ, разсказъ.

1845.

Безденежье, сцены.—О переводѣ „Фауста“, Вронченко, критическая статья.

1846.

Бретёръ, разсказъ.—Три портрета, разсказъ.—Жидъ, разсказъ.—О драмѣ Гедеонова: „Смерть Ляпунова“, крит. статья.—О трагедіи Кукольника: „Генералъ-поручикъ

---

*) Хронологическія опредѣленія при сочиненіяхъ И. С. Тургенева, вошедшихъ въ полное собраніе, могутъ быть различны, смотря по тому, указывается-ли время ихъ написанія, или—печати. Чаще всего они появлялись въ печати однимъ названіемъ года позже, нежели писались: такъ, „Новь“ въ рукописи была обозначена 1876 годомъ, а напечатана—въ 1877 г.; если же годъ рукописи и года печати расходились больше, чѣмъ на годъ, то это всегда было признакомъ затрудненія для печати, и тогда хронологія выходитъ весьма различная: такъ, „Муму“ было написано въ 1852 г., а напечатано въ 1854 г.; комедія „Мѣсяцъ въ деревнѣ“—написана въ 1850 г., а напечатана, и то съ сильными сокращеніями, въ 1855 г., вполнѣ-же—только въ 1869 г.—Мы слѣдовали хронологіи, установленной самимъ авторомъ.—М. С.

Паткуль“, крит. статья.—О повѣстяхъ, сказкахъ и разсказахъ казака Луганскаго, крит. статья. — Новоселье, А. Смирдина, критич. статья.

1847.

Пѣтушковъ, разсказъ.—Гдѣ тонко, тамъ и рвется, ком. —Записки Охотника: Хорь и Калинычъ; П. П. Каратаевъ; Ермолай и Мельничиха; Мой сосѣдъ Радиловъ; Однодворецъ Овсянниковъ; Льговъ; Бурмистръ; Контора.

1848.

Нахлѣбникъ, ком. (напечат. въ „Современникѣ“ 1857 г. подъ заглавіемъ: Чужой хлѣбъ).—Записки Охотника: Малиновая вода; Уѣздный лекарь; Бирюкъ; Лебедянь; Татьяна Борисовна и ея племянникъ.

1849.

Холостякъ, ком.—Завтракъ у предводителя, ком.—Записки Охотника: Смерть; Гамлетъ щигровскаго уѣзда; Чертопхановъ и Недопюскинъ; Лѣсъ и Степь.

1850.

Дневникъ лишняго человѣка. — Мѣсяцъ въ деревнѣ, ком.—Записки Охотника: Пѣвцы; Свиданье.

1851.

Три встрѣчи, разсказъ.—Провинціалка, ком.—Разговоръ на большой дорогѣ, сц. — Записки Охотника: Бѣжкинъ-Лугъ; Касьянъ съ Красивой-Мечи.—О новой комедіи г. Островскаго: „Бѣдная Невѣста“, критич. статья.

1852.

Муму, разск. — Постоялый дворъ, разск. — Письмо о смерти Гоголя.—О книгѣ: „Записки ружейнаго охотника оренбургской губерніи, С. Аксакова“, критич. статья.— О романѣ Евгеніи Туръ: „Племянница“, критич. статья. —Вечеръ въ Соррento, сцена.

1853.

Два пріятеля, разсказъ.—Собственная Господская Контора, отрывокъ изъ неизданнаго романа.

1854.

Затишье, разсказъ. — Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева, критич. статья.

1855.

Рудинъ, романъ. — Переписка. — Яковъ Пасынковъ, разск.—Фаустъ, разск.—О соловьяхъ, воспом.—Два слова о Граповскомъ, некрологъ.

1856.

. . . . . .

1857.

Поѣздка въ Полѣсье.—Ася, повѣсть.

1858.

Дворянское гнѣздо, романъ. — Обѣдъ въ обществѣ англійскаго литературнаго фонда.

1859.

Наканунѣ, романъ.

1860.

Первая любовь, повѣсть. — Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь.—Циркулярное письмо съ „Проектомъ программы Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“.—Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ.

1861.

Отцы и Дѣти, романъ.—Поѣздка въ Альбано и Фраскати, воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ.

1862.

. . . . . .

1863.

Призраки, разсказъ.

1864.

Довольно!

1865.

. . . . . .

1866.

Собака, разсказъ.

1867.

Дымъ, романъ.—Исторія лейтенанта Ергунова, разск. —Бригадиръ, разсказъ.

1868.

Несчастная, повѣсть.—Вмѣсто вступленія въ „Литературныя и житейскія воспоминанія“.—Литературный вечеръ у П. А. Плетнева, воспом.—Воспоминанія о Бѣлинскомъ.—Гоголь (Жуковскій, Крыловъ, Лермонтовъ, Загоскинъ), воспом.—Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ (изъ парижскихъ воспоминаній 1848 г.). — Предисловіе къ роману Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ“.

1869.

Странная исторія, разск. — По поводу „Отцовъ и Дѣтей“.

1870.

Степной король Лиръ, пов.—Стукъ.... стукъ.... стукъ! разск.—Казнь Тропмана, изъ воспоминаній.

1871.

Вешнія воды, пов.—Пегасъ, разск.—Николай Ивановичъ Тургеневъ, некрологъ.—Замѣтка.

1872.

Записки Охотника: Конецъ Чертопханова.

1873.

. . . . . .

1874.

Пунинъ и Бабуринъ, разск.—Записки Охотника: Живыя мощи.

1875.

Часы, разск. — Записки Охотника: Стучитъ!—Графъ А. К. Толстой, некрологъ.—О первомъ печатномъ произведеніи И. С. Тургенева, письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“.

1876.

Новь, романъ.—Сонъ, разск.—Крокетъ въ Виндзорѣ, стихотвореніе.

1877.

Разсказъ отца Алексѣя.—Предисловіе къ новымъ письмамъ Пушкина къ женѣ.—С. К. Брюллова (Кавелина). некр.—Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ, соч. Густ. Флобера, перев.—Иродіада, соч. Густ. Флобера, переводъ.

1878.

. . . . . .

1879.

Приложеніе къ „Воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ“.—Застольное слово на обѣдѣ въ Петербургѣ.—Предисловіе къ т. I, изданія 1880, и предисловіе къ собранію романовъ, къ т. III.

1880.

Пергамскія раскопки, воспом.—А. С. Пушкинъ, рѣчь.—Отвѣтъ „Иногородному обывателю“.

1881.

Пѣснь торжествующей любви.—Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ: I. Старые портреты; II. Отчаянный.

1882.

Стихотворенія въ прозѣ.—Клара Миличъ, пов. (напечатано въ январѣ 1883 г.).

1883.

Пожаръ на морѣ, изъ воспоминаній (продиктовано за два мѣсяца до смерти).

II.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ДЕСЯТИ ТОМАМЪ ЧЕТВЕРТАГО ИЗДАНІЯ *).

Андрей Колосовъ, V, 1.
Ася, VI, 252.

Безденежье, сцены, IX, 58.
Бирюкъ, I, 189.
Біографическій очеркъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, I, XIII.
Бреттёръ, V, 37.
Бригадиръ, VII, 43.
Брюллова, С. К., некрологъ, X, 509.
Бурмистръ, I, 150.
Бѣжинъ Лугъ, I, 100.

Вешнія воды, VII, 291.
Вмѣсто вступленія въ „Литературныя и житейскія воспоминанія“, X, 1.
Вмѣсто предисловія къ изданію сценъ и комедій, IX, 1.
Воспоминанія, литературныя и житейскія, X, 1—213.
Воспоминанія о Бѣлинскомъ, X, 18.
Встрѣча моя съ Бѣлинскимъ, X, 521.
Вечеръ въ Сорренто, сцена, IX, 673.

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь, X, 450.
Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, I, 309.
Гдѣ тонко, тамъ и рвется, ком., IX, 98.
Генералъ-поручикъ Паткуль, трагедія Кукольника, X, 352.
Гоголь (Жуковскій, Крыловъ, Лермонтовъ, Загоскинъ), X, 65.
Грановскій, два слова о немъ, X, 491.

Два помѣщика, I, 199.
Два пріятеля, V, 405.
Дворянское гнѣздо, III, 205.
Дневникъ лишняго человѣка. V, 208.
Довольно, VI, 425.
Дымъ, III, 1.

Ермолай и Мельничиха, I, 16.

Живыя мощи, I, 104.
Жидъ, V, 133.

Завтракъ у предводителя, ком., IX, 365.
Записки Охотника, I, 1—446.
Записки ружейнаго охотника оренбургской губерніи, С. Аксакова, X, 401.
Застольное слово, въ Петербургѣ, X, 488.
Затишье, VI, 1.
Замѣтка, X, 239.
Иродіада, соч. Г. Флобера, переводъ, X, 567.

*) Болѣе крупными римскими цифрами обозначаются *тома* изданія, а менѣе крупными—и арабскими—*страницы* томовъ.

Исторія лейтенанта Ергунова, VII, 1.

Казака Луганскаго, Повѣсти, сказки и разсказы, X, 384.
Казнь Тропмана, X, 155.
Каратаевъ, Петръ Петровичъ, I, 279.
Касьянъ съ Красивой-Мечи, I, 126.
Клара Миличъ, VIII, 283.
Колосовъ, Андрей, V, 1.
Конецъ Чертопханова, I, 363.
Контора, I, 167.
Критическія статьи и рѣчи, X, 244—490.
Крокетъ въ Виндзорѣ, X, 531.

Лебедянь, I, 210.
Легенда о св. Юліанѣ Милостивомъ, соч. Г. Флобера, переводъ, X, 533.
Литературный вечеръ у Плетнева, X. 5.
Литературныя и житейскія воспоминанія, X, 1—239.
Львовъ, I, 86.
Лѣсъ и степь, I, 439.

Малиновая вода, I, 30.
Миличъ, Клара, VIII, 283.
Мой сосѣдъ Радиловъ, I, 54.
Муму, V, 307.
Мѣсяцъ въ деревнѣ, ком., IX, 414.

Наканунѣ, II, 241.
Нахлѣбникъ, IX, 155.
Наши послали! эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 г., въ Парижѣ, X, 143.
Неосторожность, ком., IX, 3.
Несчастная, VII, 71.
Новоселье, Смирдина, X, 308.
Новь, IV, 1.

Однодворецъ Овсянниковъ, I, 64.
О соловьяхъ, X, 182.
Островскаго комедія: „Бѣдная невѣста“, X, 389.
Отвѣтъ „Иногородному Обывателю“, X, 529.
Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ, VIII, 203.
Отцы и Дѣти, II, 1.
Отчаянный, VIII, 230.
Обѣдъ въ обществѣ англійскаго литературнаго фонда, X, 232.

Пасынковъ, Яковъ, VI, 129.
Пегасъ, X, 188.
Первая любовь, VI, 310.
Пергамскія раскопки, X, 197.
Переписка, VI, 92.
Петръ Петровичъ Каратаевъ, I, 279.
Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“, по поводу вопроса о первомъ печатномъ произведеніи И. С. Тургенева, X, 528.
Письмо изъ Петербурга (о смерти Гоголя), X. 73.
Племянница, романъ Евг. Туръ, X, 417.
Пожаръ на морѣ, X, 203.
По поводу „Отцовъ и Дѣтей“, X, 100.
Постоялый дворъ, V, 344.
Поѣздка въ Альбано и Фраскати (воспоминаніе объ А. А. Ивановѣ), X, 87.
Поѣздка въ Полѣсьѣ, VI, 230.
Предисловіе автора къ собранію романовъ въ изданіи 1880 г., II, IX.
Предисловіе его же къ новымъ письмамъ Пушкина къ женѣ, X, 486.

Предисловіе его же къ роману Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ“, X, 443.
Предисловіе его же къ т. I изданія 1880 г., I, XLIX.
Предисловіе къ первому, посмертному изданію 1883 г., и по поводу второго изданія.—**М. Стасюлевича**, I, I.
Призраки, VI, 388.
Приложенія къ „Воспоминаніямъ о Бѣлинскомъ“, X, 64.
Провинціалка, комедія, IX, 586.
Проектъ программы Общества распространенія грамотности, X, 511.
Пунинъ и Бабуринъ, VIII, 37.
Пѣвцы, I, 256.
Путешествіе по святымъ мѣстамъ Русскимъ, X, 244.
Пушкинъ, А. С. рѣчь, X, 473.
Пѣснь торжествующей любви, VIII, 257.
Пѣтушковъ, V, 154.
Перепелка, разсказъ, X, 213.

Радиловъ, мой сосѣдъ, I, 54.
Разговоръ на большой дорогѣ, сцены, IX, 647.
Разсказъ отца Алексѣя, VIII, 187.
Рудинъ, IV, 337.

Свиданіе, I, 297.
Смерть, I, 241.
Смерть Ляпунова, драма, С. А. Гедеонова, X, 333.
Собака, VI, 440.
Сонъ, VIII, 163.
Старые портреты, VIII, 203.
Степной король Лиръ, VII, 199.
Стихотворенія въ прозѣ, VIII, 351.
Странная исторія, VII, 171.
Стукъ, стукъ, стукъ! VIII, 1.
Стучитъ, I, 421.
Собственная Господская контора, отрывокъ изъ неизданнаго романа, X, 219.

Татьяна Борисовна и ея племянникъ, I, 226.
Толстой, графъ, А. К., некрологъ, X, 506.
Три встрѣчи, V, 272.
Три портрета, V, 96.
Тургеневъ, И. С., біографическій очеркъ, I, XIII.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, некрологъ, X, 495.
Тютчевъ, Ѳ. И., о его стихотвореніяхъ, X, 438.

Уѣздный лекарь, I, 42.

Фаустъ, VI, 179.
Фаустъ, трагедія Гёте, переводъ Вронченко, X, 263.

Холостякъ, ком., IX, 244.
Хорь и Калинычъ, I, 1.

Циркулярное письмо съ „Проектомъ программы Общества для распространенія грамотности“, X, 511.

Часы, VIII, 107.
Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ (изъ парижскихъ воспоминаній 1848 г.), X, 114.
Чертопхановъ и Недопюскинъ, I, 340.

Яковъ Пасынковъ, VI. 129.

ГПБ Русский фонд

20.84.2.1/10